А. Ю. Минаков

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Монография

Издательство
Воронежского государственного
университета
2011

УДК 329.11(47+57)
УДК 94 (47+57) «18»
ББК 63.3.(2)47+66.1(2)
М613

Научный редактор –
доктор исторических наук, профессор
М. Д. Карпачёв

Рецензент –
доктор исторических наук, профессор
Л. М. Искра

Минаков А. Ю.

М613 Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2011. – 560 с.

ISBN 978-5-9273-1841-4

В монографии рассмотрены исторические обстоятельства и причины формирования русского консерватизма, описана деятельность как отдельных персонажей, так и центров консервативной консолидации в исследуемый период. Оценивается особая роль событий 1812 года в складывании русского консерватизма. Впервые осуществлен комплексный анализ концептуальных представлений консерваторов как особой группы внутри политической элиты того времени. Анализируются взгляды русских консерваторов на роль и значение русского самодержавия в историческом и политическом процессах, а также на роль русского языка и православия как основных элементов русской культурно-политической традиции. Исследованы воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос и проблемы социально-экономического развития, на систему национального воспитания, университетского образования, цензуру, конфессиональную политику.

Для профессиональных историков, политологов, а также всех интересующихся теорией и практикой русского консерватизма.

УДК 329.11(47+57)
УДК 94 (47+57) «18»
ББК 63.3.(2)47+66.1(2)

ISBN 978-5-9273-1841-4

© Минаков А. Ю., 2011
© Оформление, оригинал-макет.
Издательство Воронежского
государственного университета, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Представления о русской общественной мысли XIX столетия в отечественной исторической науке долгое время были односторонними и тенденциозными. Консерватизм трактовался исключительно как идеология отживших реакционных классов, выступающих против прогресса. Относительно подробно, но в апологетическом ключе, изучалась только та часть русской мысли, которая имела отношение к освободительному движению и конституционным проектам: А. Н. Радищев, декабристы, преподнесенный соответствующим образом ранний А. С. Пушкин, М. М. Сперанский и т.д. Подобная деформация исторического материала сохраняется отчасти и по сей день. Достаточно указать на то, что до сих пор в большинстве вузовских учебников нет отдельных глав, посвященных русским консерваторам царствования Александра I, в то время как деятельность русских радикалов-декабристов и проекты либеральных преобразований в них представлены широко и подробно.

Тем не менее, за последние два десятилетия интерес к русскому консерватизму резко возрос. Его изучение стало одним из приоритетных направлений современного российского обществознания. Помимо сугубо академических причин, т.е. стремления заполнить историографическую лакуну, этот интерес обусловливался объективными общественными потребностями. Одной из причин повышенного интереса к консерватизму является своего рода идеологическая мода, в какой-то мере инспирированная представителями современного «политического класса», заинтересованными в сохранении существующего положения вещей. Кроме того, интерес к консерватизму отражает объективную общественную потребность в том, чтобы преодолеть российское «красное смещение в политическом спектре» (Д. Галковский), возникшее в XIX в. и абсолютно домини-

ровавшее в XX в. Кроме того, нахождение компромисса между ценностями модернизации и ценностями традиционной культуры, который позволил бы им не уничтожать и не обеднять, а гармонично развивать, дополнять друг друга, стало одной из острых задач нашего времени. В сознании современной научной и политической элиты, по крайней мере значительной ее части, консерватизм ныне представляется идеологической формой подобного компромисса.

Но даже при том, что резко интенсифицировались и приобрели вполне законченные формы исследования зрелого русского консерватизма, ассоциирующегося с именами С. С. Уварова, славянофилов, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова и т.д., русский консерватизм первой четверти XIX в. продолжает оставаться во многом академической лакуной. Можно согласиться с мнением, что «попытки установления истоков русского политического консерватизма не могут не быть дискуссионными и всегда носят более или менее приблизительный характер»[1]. Однако если учесть, что в первой четверти XIX в., когда появились признанные теоретики и практики консерватизма, были напечатаны их произведения, носившие программный характер, возникли периодические издания и идейные объединения (общества, салоны, кружки), а лидеры этого течения заняли крупные государственные посты и периодически влияли на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, то можно прийти к выводу, что становление русского консерватизма произошло именно в это время. Подавляющее большинство сюжетов и проблем, свойственных зрелой консервативной мысли, было сформулировано и обсуждалось уже в «золотом веке» русской культуры. Разумеется, еще и во второй половине, и, в особенности, в последней четверти XVIII в. существовали вполне оригинальные и независимые от западноевропейских аналогов консервативные умонастроения и их талантливые выразители, например М. М. Щербатов, но, с нашей точки зрения, применительно к этому периоду корректнее использовать термин «предконсерватизм» или «традиционализм». Поэтому хронологические рамки нашего исследования в основном сов-

[1] Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика. М., 2000. С. 18.

падают с царствованием Александра I, которое было своего рода уникальной идеологической лабораторией, в которой окончательно оформились и приобрели национальную специфику главные направления русской общественной мысли, включая консерватизм. В ряде случаев исследование касается сюжетов, которые хронологически связаны с первыми годами царствования Николая I.

Основы русского консерватизма были заложены Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, А. С. Шишковым, Ф. В. Ростопчиным, С. Н. Глинкой, А. С. Стурдзой, М. Л. Магницким, Д. П. Руничем и другими мыслителями и практиками этого идейного течения. В тот период действовали также «династические» и «придворные» консерваторы: вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев. Кроме того, была группировка «церковных консерваторов», составивших в конце 1810-х гг. так называемую православную оппозицию (термин современного петербургского историка Ю. Е. Кондакова[2]): архимандрит Фотий (Спасский), епископ Иннокентий (Смирнов) и митрополит Серафим (Глаголевский), писатели-«архаисты» Е. И. Станевич и С. И. Смирнов, близкая к придворным кругам, А. А. Орлова-Чесменская и др. Особо надо выделить «правое» масонство, наиболее видными представителями которого были И. А. Поздеев, П. И. Голенищев-Кутузов и Д. П. Рунич. Отметим также, что, несмотря на то, что деятельность одного из основоположников западноевропейского консерватизма – Ж. де Местра в России сравнительно хорошо изучена, однако она нуждается в дальнейшем исследовании, «встраивании» в общий контекст истории русского консерватизма первой четверти XIX столетия.

Консерватизм конца XVIII – начала XIX в. появился как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса (которая ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности), воплощением которых стала Великая французская революция. Он заявил о себе в работах Э. Бёрка и

[2] *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб., 1998 ; *Его же.* Русская православная оппозиция // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М., 2010. – С. 415–418.

Ж. де Местра как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих органическую непрерывность развития общества. Одной из важнейших ценностей для консерватизма той эпохи являлся культ трансцендентного начала, религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности. Религиозное мировосприятие предполагало признание естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии, применительно к реалиям того времени – иерархии сословий, связанных между собой духовными узами и взаимными обязанностями. Религиозная составляющая консерватизма обусловливала также гносеологический пессимизм, скептическое отношение к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, антирационализм, а также антропологический пессимизм – понимание ограниченности, несовершенства и порочности («греховности») человеческой природы. Для консерватизма были характерны культ сильного государства (в нашем случае – самодержавного государства), приоритет его над интересами индивида, поскольку человек нуждается во имя собственного же блага в твердой руководящей руке. Следует подчеркнуть и весьма характерный для большинства консерваторов антииндивидуализм. С точки зрения большинства консервативных доктрин, приоритетное значение имели интересы целого, надындивидуальных ценностей (Бог, нация, государство, общество и т.д.), а не отдельной личности.

Для консерватизма был характерен культ не только сильного монархического государства, церкви, религии и нравственности, но и семьи, школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, исполнительности, дисциплины и порядка, т.е. тех общественных институтов и традиций, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Сюда же можно добавить и такую черту консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод.

Консерватизм при этом противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, рационализм, антитрадиционализм,

универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция. В случае необходимости социальных перемен консерватизм требовал при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего нового. Они выступали лишь против абсолютизации принципа новизны, заведомого примата нового перед уже проверенным старым, что обычно характерно для либерализма и еще более левых течений[3].

Консерватизм как идеологию следует отличать от традиционализма. По мнению К. Манхейма, «традиционализм означает тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными»[4]. Иначе говоря, традиционализм – это те устои, нормы и ценности, которые определяли жизнь общества до наступления эпохи Модерна, они не подлежали философской рефлексии, осмыслению и критике, поскольку традиции общественной структуры, государственного устройства и христианского мировоззрения долгое время были сами собой разумеющимися и не нуждались в каком-либо разъяснении. Но когда во второй половине XVIII в. возникла необходимость защитить устои общества и его традиции, тогда «авторы, которые брали на себя труд защищать традиционализм и создавать в своих произведениях его «мыслительную модель», тем самым переставали быть традиционалистами и становились консерваторами в узком смысле слова»[5]. В современной российской историографии тезис о необходимости разделять консерватизм и традиционализм ут-

[3] См.*: Гусев В. А.* Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997. С. 10. Мы в основном придерживаемся того определения консерватизма, которое было сформулировано именно в трудах В. А. Гусева. См. также: *Минаков А. Ю.* [Предисловие] // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2001. С. 4–5 ; *Минаков А. Ю., Репников А. В., Чернавский М. Ю.* Консерватизм // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. М., 2005. Основные исследования и материалы, посвященные консерватизму, вышедшие примерно за полтора десятилетия, составляют внушительный список.

[4] *Мусихин Г. И.* Россия в немецком зеркале : (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. С. 30–31.

[5] Там же. С. 31.

вердился достаточно прочно[6]. С нашей точки зрения, вплоть до начала XIX в. для характеристики трудов, которые иногда интерпретируются как консервативные (например, М. М. Щербатова), уместен термин «традиционализм» или «предконсерватизм».

Представляемая монография является продолжением публикаций автора, появившихся в ряде сборников и коллективной монографии «Против течения», рецензии на которые опубликованы в таких научных изданиях, как «Отечественная история», «Вопросы истории», «Родина», «Клио», «Ab Imperio», «Свободная мысль – XXI» и др., а также «Kritika», «Slavic Review», «Russian Review», «Zeitschrift fuer Weltgeschichte» и др.

Автор выражает искреннюю признательность своим учителям М. Д. Карпачеву и Л. М. Искре за помощь и поддержку, оказанную при работе над книгой.

---

[6] См.: *Сергеев С. М.* «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880–1890-х годов : (к терминологии) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003. С. 35–60 ; *Шелохаев В. В.* Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 58–59.

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В недавно вышедшей на русском языке работе, посвященной русскому консерватизму, Р. Пайпс писал, что идеология русского консерватизма – это «предмет, который, по большому счету, игнорировали как либеральные, так и радикальные историки», поскольку они считали эту идеологию «или самооправданием режима, стремившегося сохранить свою неограниченную власть, или выражением эгоистических интересов имущих классов». Таким образом, идеология консерватизма лишалась серьезного интеллектуального содержания[1].

Отчасти это действительно так. Но все же ситуация с изучением русского консерватизма и в дореволюционный, и в советский период была несколько иной. Вплоть до начала XX в. специальных работ, посвященных русским консерваторам как особому предмету изучения, действительно не было. Во второй половине 30–40-х гг. XIX в. появились работы, посвященные Отечественной войне 1812 г. и царствованию Александра I[2]. Кроме того, были опубликованы статьи и небольшие книги, в которых приводились основные факты биографии и описывались отдельные аспекты деятельности А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, Н. М. Карамзина, С. Н. Глинки и других представителей

[1] См.: *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры. М., 2008. С. 12–13.

[2] См.: *Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1837. Ч. 1 ; *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 гг. СПб., 1845–1849. Т. 1–6.

русского консерватизма[3]. Зачастую авторы этих работ, в традициях того времени, не считали нужным делать ссылки на источники, на которые опирались. Однако именно эти труды заложили исходную фактическую базу, на которую опирались последующие историки.

Так, в работе А. В. Терещенко, помимо основных фактов биографии Ростопчина, излагались некоторые внешнеполитические акты, заключенные Российской империей с другими странами при участии Ростопчина, подчеркивалась их антинаполеоновская направленность, описывалась его деятельность на посту московского главнокомандующего, кратко анализировались некоторые ростопчинские произведения[4]. В юбилейной брошюре Б. М. Фёдорова впервые давалось относительно подробное жизнеописание С. Н. Глинки, «писателя-патриота», «первого ратника Московского ополчения», «собеседника народа» в 1812 г. В «Историческом похвальном слове Карамзину» – речи М. П. Погодина – довольно полно и точно были охарактеризованы консервативные общественно-политические взгляды Карамзина, как они были сформулированы на страницах «Вестника Европы», а также в записке «О древней и новой России»[5].

Во второй половине 1850-х гг., после смерти Николая I и резкого ослабления цензурных ограничений, появились работы, созданные уже во вполне академическом стиле, опирающиеся на опубликованные к тому времени в достаточном количестве исследования и источники. Тогда же появились работы авторов либерального и радикального направлений, для которых были, как правило, присущи резко критические оценки

[3] См.: *Сухонин П. П.* А. С. Шишков в его литературной деятельности. СПб., 1851 ; *Терещенко А. В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. II : Канцлеры. СПб., 1837 ; *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. III ; *Погодин М. Н.* Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное в Симбирске, августа 23, 1845 г. М., 1845 ; *Федоров Б. М.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844 ; *Елагин Н. В.* Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853 ; *Ширинский-Шихматов П. А.* О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергия Александровича Шихматова. СПб., 1838.

[4] См.: *Терещенко А. В.* Указ. соч. С. 203–224.

[5] См.: *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 605–641.

деятельности русских консерваторов, обусловленные мотивами политического и доктринального характера. Именно они довольно быстро становятся преобладающими в общем потоке литературы, посвященной консерваторам. Позиция либеральных историков была продиктована стремлением доказать, что русские консерваторы – «не просто устаревшее, но мертвое (смехотворное, вредное) явление в русской культуре, заслуживающее только издевки и, во всяком случае, полного забвения»[6]. В своё время Ю. М. Лотман охарактеризовал подобный подход к интерпретации фактов истории общественного движения так: «Либеральное мышление в исторической науке строится по следующей схеме: то или иное событие отрывается от предшествующих и последующих звеньев исторической цепи и как бы переносится в современность, оценивается с политической и моральной точек зрения эпохи, которой принадлежат историк и его читатели. Создается иллюзия актуальности, но при этом теряется подлинное понимание прошлого. Деятели ушедших эпох выступают перед историком как ученики, отвечающие на заданные вопросы. Если их ответы совпадают с мнениями самого историка, они получают поощрительную оценку, и наоборот. Применительно к интересующему нас времени вопрос ставится так: общественно-политические реформы есть благо и прогресс. Те, кто поддерживает их, – прогрессивны, те, кто оспаривает, – сторонники реакции»[7].

Особую роль в становлении либеральной историографии русского консерватизма первой четверти XIX в. сыграли работы леволиберального историка (и двоюродного брата Н. Г. Чернышевского) А. Н. Пыпина, в которых был обобщен накопленный к тому времени фактический материал по истории общественного движения и общественной мысли в царствование Александра I. Однако те части его работ, которые были специально посвящены консерваторам, отличались характерной памфлетной формой, стремлением к политической и моральной дискредитации консерваторов, которые однозначно воспринимались Пыпиным как политические противники, выразители своекорыстных интересов знати, упорно цепляющейся за архаичные,

[6] *Сапченко Л. А.* Карамзин в движении времени // Карамзин : pro et contra. С. 17.

[7] *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 590.

отжившие формы социальной жизни, такие как самодержавная форма правления, крепостное право, дворянские привилегии и т.д.

Юбилей Н. М. Карамзина в 1866 г. вызвал в либеральной и демократической прессе стремление «обличать» Карамзина, видеть в нем не деятеля русской культуры прошедшей эпохи, а, как писал Ю. М. Лотман, «живого представителя враждебного лагеря»[8]. В основополагающем труде А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», вышедшем в 1868–1871 гг., Карамзин изображался исключительно «оракулом большинства» общества, которое «не думало о каких-нибудь гражданских улучшениях, было довольно стариной и не искало никакой свободы»[9]. Анализ записки «О древней и новой России» постоянно сопровождался авторскими ремарками о «карательном красноречии»[10] и о том, что Карамзин «очень последовательно пришел к консерватизму очень непривлекательному»[11].

А. Н. Пыпин утверждал, что якобы главный вывод «Записки» Карамзина был следующим: «либеральные реформы только вредны <…> нужна только «патриархальная власть» и «добродетель»[12]. Согласно его трактовке, Карамзин поддерживал «теорию слепой бесправной покорности» и изображал «врагами божескими и человеческими людей, которые думали об улучшении общественного быта»[13]. А из-за его «красивых фраз о натуре и человечестве» беспрестанно выглядывает «самое дюжинное крепостничество»[14]. Напротив, «свобода была ему ненавистна, и величие отечества представлялось только в громадности государства, в наружном порядке, в перепуге соседей: “колосс России ужасен”»[15].

По мнению Пыпина, Карамзин «в самом прошедшем не увидел того важного обстоятельства, что «величие» России достиг-

[8] *Лотман Ю. М.* Карамзин. С. 589.

[9] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 201.

[10] Там же. С. 226.

[11] Там же. С. 220.

[12] Там же. С. 235.

[13] Там же. С. 247.

[14] Там же. С. 257.

[15] Там же. С. 277.

нуто слишком тяжелыми жертвами и потому было слишком односторонне и неполно. Жертвы эти состояли, с самого начала Московского царства, в страшном истреблении людей, в насилиях, разогнавших целые массы населения, в уничтожении местного предания и самодеятельности, в порче национального характера и в подавлении национального ума». Поэтому «в гражданской жизни господствовало всеобщее бесправие, которое Карамзин фальшиво и неудачно старался прикрашивать патриархальностью, в умственном отношении господствовала крайняя отсталость и невежество, благосостояние материальное обнаруживалось азиатской роскошью аристократии и нищетой крестьянства»[16]. Пыпин утверждал, что «знаток» (так он иронически называл Карамзина. – *А. М.*) «вынес из истории только один идеал – той подавленной, отупевшей жизни XVII-го века, которая была только печальной ступенью для новой России» и «желал только усиления абсолютизма»[17].

А. Н. Пыпин также писал, что система Николая I явилась практической реализацией высказанных в трактате Карамзина политических идей: «Есть немалые основания думать, что идеи Карамзина, воплотившиеся в «Записке», имели практическое влияние на высшие сферы нового наступившего периода. <…> Он рекомендовал программу застоя и реакции, и его имя дало лишний авторитет идеям этого рода, господствовавшим и в высших сферах, и в массе общества в течение последующих десятилетий. Многие из его поклонников, «шептавших святое имя», заняли потом важные места в разных отраслях управления и верно послужили его идеям. <…> Система, им рекомендованная, оказалась очень применимой на практике; для нее не требовалось никаких нововведений, никаких усилий мысли над преобразованиями, – и довольно известно, какими плодами обнаружилось ее действие: общественная жизнь была совершенно подавлена; русская мысль, имевшая в этом периоде многих блестящих представителей, едва могла существовать под суровой опекой; сухой формализм господствовал в управлении; в массе общества процветал невежественно-хвастливый патриотизм, прозванный тогда квасным, крайнее отсутствие и боязнь мысли; каковы были суды и внутреннее управление, это

[16] Там же. С. 272.
[17] Там же. С. 273.

еще памятно: по наружности и на бумаге всё обстояло благополучно, пока не наступило тяжелое разочарование Крымской войной. Едва ли можно оспаривать, что общественно-политическая система, господствовавшая в эти десятилетия, – по всем основным чертам своим, – была та самая, горячим адвокатом которой явился Карамзин в своей «Записке»[18]. Конечно, главная причина подобных оценок – это то, что «раздражительный консерватизм Карамзин нашел отголосок в новейших охранителях»[19], непримиримым идейным противником которых был Пыпин.

А. Н. Цамутали утверждает, что Пыпин как историк был склонен «к точности в изложении фактов и к осторожности в их оценке»[20]. Частично с этим утверждением можно согласиться; например, анализ Пыпина истории Библейского общества до сих пор не утратил своей значимости, однако его оценки консерватизма и консерваторов даже современные исследователи, принадлежащие к либерально-академическому дискурсу, характеризуют как «поразительные по плоскости суждения»[21]. Ю. М. Лотман отмечал: «Обычно академически объективный Пыпин излагает воззрения Карамзина с такой очевидной тенденциозностью, что делается просто непонятно, каким образом этот лукавый реакционер, прикрывавший сентиментальными фразами душу крепостника, презирающего народ, сумел ввести в заблуждение целое поколение передовых литераторов, видевших в нем своего рода моральный эталон»[22]. Там, где речь заходила о консерваторах и консерватизме, Пыпин немедленно покидал почву академической традиции и переходил на язык политической публицистики, какая-либо объективность почти полностью ему изменяла. К примеру, вот какую характеристику он давал взглядам русских консерваторов, объедини-

[18] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 278.

[19] Там же. С. 234.

[20] *Цамутали А. Н.* Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. // Пыпин А Н. Религиозные движения в России при Александре I. СПб., 2004. С. 12.

[21] *Вацуро В. Э.* Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra. С. 743.

[22] *Лотман Ю. М.* Карамзин. С. 589.

вшихся вокруг А. Н. Голицына: «Теперь невозможно читать без отвращения эти вопли обезумевших от мракобесия фанатиков и без глубокого сожаления подумать о тех людях, в руках которых было обширное влияние на общественные дела и которые руководились подобными наставлениями, не сознавая, что творят. <…> Обществу и целой нации приходилось платиться новым распространением невежества»[23].

Впрочем, представлять оценки Пыпина деятельности и взглядов консерваторов только в виде идеологических ярлыков было бы не справедливо: так, именно им была достаточно точно описана консервативная составляющая мистицизма александровского царствования, обстоятельства столкновения митрополита Иннокентия (Смирнова) с А. Н. Голицыным, история появления книг С. И. Смирнова и Е. И. Станевича, их борьба с неправославными мистиками, борьба Фотия (Спасского) и митрополита Серафима (Глаголевского) против Голицына, борьба Шишкова и Серафима за запрет Библейского общества и некоторые другие сюжеты. Пыпинский текст создавался на основе записок архимандрита Фотия, А. С. Шишкова, Н. В. Сушкова, Н. И. Греча, В. И. Панаева и др. Пыпин создал часть нарратива, посвященную истории становления русского консерватизма с позиций левого либерализма. Его труды оказали значительное влияние на всю последующую историографическую традицию, включая даже так называемых «дворянских охранителей», а его оценки русского консерватизма и консерваторов дожили до наших дней. Следует отметить, что труды Е. П. Карновича, И. А. Чистовича, А. А. Корнилова, А. А. Кизеветтера, а иногда даже «дворянского охранителя» Н. К. Шильдера, при всех отличиях в политических позициях их авторов, не выходят за рамки той концепции, которую создал А. Н. Пыпин.

В целом во второй половине XIX и начале XX в. биографический жанр преобладал над исследованиями обобщающего характера и большая часть работ дореволюционных авторов была посвящена отдельным аспектам жизни и деятельности представителей консерватизма. В работах о Г. Р. Державине[24]

[23] *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 164.

[24] См.: *Иванов П. И.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863 ; *Грот Я. К.* Державин и граф Петр Панин. СПб., 1863 ;

в наибольшей степени выделяется фундаментальный труд Я. К. Грота «Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам», а также сравнительно небольшое исследование Н. К. Вальденберг, посвященное анализу его миросозерцания, общественной и государственной деятельности. Подчеркнем, что дореволюционные филологи и историки писали о Державине как о великом поэте и в несопоставимо меньшем объеме как о государственном деятеле с консервативной репутацией. Обобщающего исследования, в котором Державин был бы показан как консервативный мыслитель и политик консервативного спектра, нет до сих пор.

Среди работ о Н. М. Карамзине стоит особо выделить двухтомный труд М. П. Погодина[25], в котором взгляды мыслителя изложены и проанализированы с консервативных политических позиций. Он был издан в 1866 г., когда широко праздновался столетний юбилей историка и представляет собой своего рода летопись его жизни. Для погодинского стиля характерно скрупулезное изучение фактов биографии Карамзина. В этом отношении работа Погодина до сих пор не превзойдена. Наибольшую ценность в данной работе имеет глава, в которой подробно описываются отношения Карамзина с великой княгиней Екатериной Павловной и обстоятельства создания записки «О древней и новой России». Будучи в николаевское царствование одним из официальных государственных идеологов, Погодин считал Карамзина великим деятелем русской науки, культуры

Его же. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1883 ; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Поминка о Г. Р. Державине. СПб., 1893 ; *Бриллиант С. М.* Г. Р. Державин : его жизнь, литературная деятельность и служба. СПб., 1893 ; *Коркунов Н. М.* «Проект устройства Сената» Г. Р. Державина. СПб., 1896 ; *Гессен Ю.* «Записка» Державина как историко-общественный памятник // Будущность : научно-литературный сборник : приложение к еженедельному изданию. СПб., 1900. Т. 1 ; *Шильдер Н. К.* К истории Шкловской командировки Г. Р. Державина в 1799 г. // Вестник всемирной истории. 1900. № 1. Декабрь ; *Витберг Ф.* Державин // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6 ; *Вальденберг Н. К.* Державин. 1816–1916 : опыт характеристики его миросозерцания. Пг., 1916 ; *Иконников В. С.* Г. Р. Державин в своей государственной и общественной деятетельности. Пг. ; Киев, 1917.

[25] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями : в 2 т. М., 1866.

и общественной мысли, а его общественно-политические консервативные взгляды, стержнем которых была концепция просвещенного самодержавия, наиболее адекватными в условиях русской действительности.

В либеральном ключе, т.е. в духе оценок А. Н. Пыпина, трактовались личность и взгляды Карамзина в работах Н. Н. Булича, В. З. Завитневича, А. А. Кизеветтера и И. А. Линниченко[26]. С консервативных позиций о Карамзине писали Я. К. Грот, С. С. Гогоцкий и К. Н. Бестужев-Рюмин[27]. Анализу значения идей Карамзина в истории русского законодательства была посвящена статья Н. В. Калачова. Интерес в ней представляют разделы, в которых рассматриваются воззрения Карамзина на право и «суждения по поводу государственных учреждений, введенных в действие в начале XIX ст., а главным образом законодательных проектов, обсуждавшихся в то время в государственном совете»[28], а также отмечается влияние правовых взглядов Карамзина на позднего М. М. Сперанского.

В 1870 г. в «Русском вестнике» была опубликована подробная рецензия П. К. Щебальского на берлинское издание «Записок» А. С. Шишкова, которая фактически представляет собой биографический очерк, в котором затрагиваются основные эпизоды государственной деятельности Шишкова. Несмотря на консервативный характер «Русского вестника», статья Щебальского была мало комплиментарной в отношении консерваторов александровского царствования. Автор усматривал трагизм русской истории в том, что «люди с либеральными стремлениями редко бывали у нас патриотами, тогда как патриоты очень часто отличались самою тупою враждой к свободе, во всех сферах ее проявления, – к свободе слова, мысли и совести. Русские либералы александрова времени не хотели знать русского языка и стави-

[26] *Булич Н. Н.* Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его политической деятельности. Казань, 1866 ; *Завитневич В. З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических направлений. Киев, 1907 ; *Кизеветтер А. А.* Н. М. Карамзин // Русский исторический журнал. 1917. № 1/2 ; *Линниченко И. А.* Политические воззрения Н. М. Карамзина // Голос минувшего. 1917. № 1.

[27] *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. СПб., 1867 ; *Гогоцкий С. С.* Н. М. Карамзин. Киев, [1870] ; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Н. М. Карамзин : очерк жизни и деятельности. СПб., 1895.

[28] *Калачов Н. В.* О значении Карамзина в истории русского законодательства // Московские университетские известия. 1866. № 3. С. 7.

ли себе задачей переделать Россию по образцу то Англии, то Франции». Что касается патриотов, подобных Шишкову, митрополиту Серафиму, архимандриту Фотию и Аракчееву, то «не везде влияние может быть так зловредно, как оно было у нас», поскольку они стали «истреблять свободу совести»[29].

Среди других работ того времени, посвященных Шишкову[30], выделяются объемистый памфлет В. Я. Стоюнина, первоначально опубликованный в либеральном «Вестнике Европы», а затем выпущенный отдельной книгой, и небольшие статьи Д. А. Жаринова и Н. А. Палицына, кратко освещающие деятельность Шишкова в 1812 г.

В книге православного священника М. Я. Морошкина, посвященной деятельности ордена иезуитов в России, наряду со всем прочим анализировалась роль Ж. де Местра, излагались его письма министру просвещения А. К. Разумовскому с критикой российской системы воспитания. Морошкин, несмотря на свои умеренно-консервативные взгляды, давал крайне отрицательную характеристику «старой партии» как группировки своекорыстных крепостников, «оставшихся <…> совершенно без дела и признанных не способными к государственным должностям»[31].

Несколько работ было посвящено деятельности Ф. В. Ростопчина в 1812 г.[32] В первую очередь необходимо отметить ис-

---

[29] *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1.

[30] См.: *Стоюнин В. Я.* А. С. Шишков. СПб., 1889 (журнальный вариант: Вестник Европы. 1877. № 9–12) ; *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения : адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887–1888 ; *Смирнов А. В.* А. С. Шишков, 1824 // Русская старина. 1889. № 5 ; *Жаринов Д. А.* Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. III ; *Троицкий В.* Шишков // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23 ; *Палицын Н. А.* Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь.

[31] *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1870. Ч. 2. С. 502.

[32] См.: *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II ; *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году : (материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. СПб., 1863. № 7, 8 ; *Лонгинов М. Н.* Материалы для биографии и полного собрания сочинений гр. Ф. В. Ростопчина // Русский архив. 1868. № 4 ; *Ельницкий А.* Ростопчин // Русский биографический сло-

следование академика Н. С. Тихонравова, известного историка литературы, ректора Московского университета, где анализировались переписка и главные литературные и публицистические труды Ф. В. Ростопчина. В трактовке Тихонравова Ростопчин представал как крупный государственный деятель, талантливый мыслитель и писатель, отличающийся остроумием, наблюдательностью и оригинальностью. Говоря о близких отношениях А. В. Суворова и Ростопчина, автор характеризовал их как людей «равно-оригинальных по уму»[33]. Особенности стиля Ростопчина и отстаиваемых им идей анализировались Тихонравовым в общем идейном и литературном контексте эпохи, его произведения сопоставлялись с литературными произведениями, публицистикой и перепиской Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки. Приведенный литературно-публицистический ряд свидетельствует о том, что автор рассматривал Ростопчина прежде всего как одного из лидеров консервативного направления в литературе: «В отношении к известному направлению нашей словесности, Ростопчин остается в продолжении некоторого времени (имеются в виду 1807–1812 гг. – *А. М.*) главным деятелем»[34].

В столь же позитивном ключе была написана статья Н. Ф. Дубровина, посвященная в основном выяснению роли Ростопчина в событиях 1812 г. В ней автор первым пришел к выводу, что Ростопчин был одним из инициаторов партизанской войны, развернутой против Наполеона: «Он сумел до последней минуты удержать жителей Москвы в ее стенах, возбудить в них ненависть к неприятелю и подготовить, таким образом, народную войну, облегчившую весьма много действия войск»[35].

варь. СПб. : [б. г.]. Т. 17 ; *Жаринов Д. А.* Впечатления от пожара и мнения современников // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1912. Т. IV ; *Мельгунов С. П.* Ростопчин – Московский главнокомандующий // Там же ; *Мендельсон Н. М.* Ростопчинские афишки // Там же ; *Шницлер И.* Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году. СПб., 1912 ; *Кизеветтер А. А.* 1812 г. Ф. В. Ростопчин // Кизеветтер А. А. Исторические отклики. М., 1915 ; *Покровский К. В.* Из полемической литературы 1813 г. : (московские обыватели и граф Ф. В. Ростопчин). М., 1914 // Голос минувшего. 1914. Кн. VIII.

[33] *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 12.

[34] Там же. С. 2.

[35] *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 469.

В 1860-х гг. личность и деятельность Ростопчина в соответствии с преобладающей историографической тенденцией стали трактоваться исключительно в негативном ключе. В начале XX в. о нем были созданы памфлеты либеральных историков С. П. Мельгунова, А. А. Кизеветтера и Н. М. Мендельсона, рассматривавших Ростопчина как предшественника современных авторам «черносотенцев», что, с нашей точки зрения, резко снижает их научную ценность. Исключение представляет переводная работа И. Шницлера, в которой с объективистских позиций рассматривается деятельность Ростопчина в 1812 г.

В дореволюционный период появились небольшие работы, посвященные деятельности С. Н. Глинки: энциклопедическая статья К. Сивкова и статья о «Русском вестнике» И. И. Замотина[36].

Известное внимание историки уделили великой княгине Екатерине Павловне. С консервативно-охранительных позиций был написан очерк о ее биографии И. Н. Божеряновым, с либеральных – статья С. К. Богоявленского, помещенная в сборнике, посвященном 300-летию дома Романовых, а также предисловие к публикации переписки Александра I и великой княгини Екатерины Павловны, которое принадлежит великому князю Николаю Михайловичу[37].

В дореволюционной историографии имеются также биографические очерки, посвященные вдовствующей императрице Марии Фёдоровне[38] и А. А. Аракчееву[39]. Несколько исследова-

[36] *Сивков К.* Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 5 ; *Замотин И. И.* «Русский вестник» С. Н. Глинки // Отечественная война и русское общество 1812 г. М., 1912. Т. V.

[37] См.: *Божерянов И.* Великая княгиня Екатерина. СПб., 1888 ; *Великий князь Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910 ; *Богоявленский С. К.* Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Три века. М., 1913. Т. 5.

[38] См.: *Шумигорский Е. С.* Императрица Мария Феодоровна (1759–1828) : ее биография. СПб., 1892. Т. 1.

[39] См.: *Струков Д. П.* Аракчеев граф Алексей Андреевич. СПб., 1894 ; *Его же.* Аракчеев А. А. // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2 ; *Дризен Н. В.* Последние годы жизни Аракчеева // Исторический вестник. 1904. № 9 ; *Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов н/Д, 1997 ; *Его же.* Аракчеев // Русская мысль. 1910. № 11 ; *Борисевич А. Т.* Аракчеев А. А. // Военная энциклопедия. 1911. Т. 2 ; *Кайгородов В.* Аракчеевщина. М., 1912 ; *Якушкин В. Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1915.

ний было посвящено А. Н. Голицыну[40], среди которых выделяется книга Н. Стеллецкого.

В апологетическом ключе были созданы работы за подписью иеромонаха Анфима и Диктиадиса, посвященные А. С. Стурдзе, одному из самых оригинальных и крупных консервативных мыслителей первой половины XIX в.[41] В них описывался в основном жизненный путь Стурдзы, авторы мало касались его идейного наследия.

Довольно много работ в дореволюционной историографии было посвящено отдельным аспектам биографии М. Л. Магницкого[42]. В 1859 г. вышла статья Н. А. Попова с резко отрицательными оценками деятельности Магницкого на посту симбирского гражданского губернатора и попечителя Казанского учебного округа. Попов, опираясь на публикации в «Казанских известиях» и «Казанском вестнике» 1818–1825 гг., высказал предположение, что, будучи еще в Симбирске, Магницкий вынашивал планы публичного сожжения книг, которые, с его точки зрения, были сомнительны в религиозном отношении[43]. Кроме того, статья Попова содержала краткий очерк управления Магницким Казанским университетом.

Позже вышла обширная статья Е. М. Феоктистова, опубликованная вначале в «Русском вестнике», а затем выпущенная

---

[40] См.: *Карнович Е. П.* Князь А. Н. Голицын и его время // Исторический вестник. 1882. № 4/5 ; *Стеллецкий Н. С.* Князь Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901.

[41] См.: *Анфим, иеромонах.* Александр Стурдза // Странник. 1864. Апрель. СПб., 1864 ; *Диктиадис.* Краткое сведение о Стурдзе // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 2.

[42] См.: *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. № 17. Т. 23 ; *Булич Н. Н.* Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого : (материалы для истории Казанского университета) // Учен. зап. Казан. ун-та по отд-нию ист.-филол. и полит.-юрид. наук. 1864. Вып. 1 ; *Его же.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). СПб., 1904. Ч. 2 ; *Феоктистов Е. М.* Магницкий : материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6–8 ; *Его же.* Магницкий. СПб., 1865 ; *Чумиков А. А., Чумиков П. А.* М. Л. Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. 14. Кн. 12 ; *Их же.* М. Л. Магницкий : новые данные для его характеристики // Там же ; *Загоскин Н. П.* Из времен Магницкого : страничка истории Казанского университета 20-х годов. Казань, 1894, и др.

[43] См.: *Попов Н. А.* Указ. соч.

отдельной книгой. В ней были введены в научный оборот факты, касавшиеся служебной деятельности Магницкого в Министерстве народного просвещения[44]. Магницкий предстал в работе Феоктистова как «неутомимый поборник обскурантизма и ревностный гонитель всякой свободы мысли и слова в нашем отечестве, связавший свое имя с целым рядом стеснительных мер». «Изображать его деятельность в это время, – писал Феоктистов, – значило бы рисовать картину темных интриг, клевет, доносов, неблаговидных отношений его к различным лицам, от которых ожидал он покровительства и милостей»[45]. Тень подобного образа Магницкого падала на всех его единомышленников-консерваторов. Следует заметить, что спустя несколько лет Феоктистов, подобно герою его исследования, перешел из либерального лагеря в стан консерваторов и «поборников реакции». Его позднейшие оценки деятельности Магницкого нам неизвестны. Политический памфлет Феоктистова имел черты научного исследования. В частности, именно он отметил, что консервативный поворот 1820-х гг., одним из символов которого являлся Магницкий, был во многом обусловлен изменениями в международной обстановке, в частности событиями в Германии в начале 1819 г.[46]

В статье Ф. Н. Фортунатова исследовано стихотворное творчество Магницкого, ценимое Карамзиным, подробно перечислены опубликованные к тому времени источники, касающиеся деятельности Магницкого, обстоятельств пребывания его в вологодской ссылке, истории его отношений со Сперанским, впервые исследованы сотрудничество Магницкого с журналом «Радуга», его философские взгляды, приверженность к православию в последние годы жизни. Фортунатов отмечал, что «позднейшие наши писатели поставили себе целию выставлять напоказ только темную сторону Магницкого»[47]. Собствен-

[44] См.: *Феоктистов Е. М.* Магницкий : материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6–8 ; *Его же.* Магницкий. СПб., 1865.

[45] *Феоктистов Е. М.* Магницкий : материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6. С. 465–466.

[46] См.: Там же. С. 467–468.

[47] *Фортунатов Ф. Н.* Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12. Стлб. 1708.

но, подобная задача ставилась либеральной историографией в отношении всех консерваторов без исключения.

Во второй половине 1870-х гг. появилась целая «россыпь» исследований, посвященных архимандриту Фотию (Спасскому) [48]. Первой из них была статья К. Попова, в которой Фотий изображался «типическим выразителем крайнего церковного консерватизма в противоположность религиозному либерализму»[49], главнейшим сторонником «крайней консервативной реакционной партии»[50]. Статья базировалась на опубликованных к тому времени фрагментах автобиографии Фотия и некоторых воспоминаниях о нем. Работа Е. П. Карновича была написана с использованием отдельных неопубликованных бумаг Фотия. Несмотря на в целом объективистский тон статьи, Карнович периодически допускал некорректные оценки деятельности и поведения Фотия, к примеру, отношения его с А. А. Орловой-Чесменской описывались следующим образом: «Молодой монах сблизился с далеко не старою еще в ту пору женщиною и жил на ее счет богато и роскошно, нарушая всем этим монашеские обеты целомудрия, нелюбостяжения, смирения и воздержания»[51].

Статья С. И. Миропольского, посвященная Фотию, оказалась итоговой на эту тему в дореволюционной историографии. Автор постарался учесть не только все публикации, посвященные Фотию, вышедшие к концу 1870-х гг., но и, что самое важное, ввел в оборот его тогда еще неопубликованную автобиографию, которая послужила главным источником при написании работы. Миропольский принадлежал к либеральному направлению исторической науки, соответственно, главной целью его исследования было разоблачение «системы и махинации той партии, которая является преобладающею в последний период

[48] См.: *Попов К.* Юрьевский архимандрит Фотий и его церковно-общественная деятельность // Тр. Киев. духов. акад. 1875. № 2, 6 ; *Карнович Е. П.* Архимандрит Фотий, настоятель новгородского Юрьева монастыря // Русская старина. 1875. № 7, 8 ; *Слезкинский А.* Архимандрит Фотий и графиня Орлова-Чесменская // Там же. 1899. № 11 ; *Рункевич С. Г.* Фотий // Русский биографический словарь. СПб., 1901 ; *Морошкин И.* Архимандрит Фотий // Русская старина. 1876. № 10 ; *Миропольский С. И.* Фотий Спасский, юрьевский архимандрит // Вестник Европы. 1878. № 11, 12 ; *Чиж В. Г.* Психология фанатизма // Вопросы философии и психологии. 1905. № 16.

[49] *Попов К.* Указ. соч. № 2. С. 372–373.

[50] Там же. № 6. С. 607.

[51] *Карнович Е. П.* Указ. соч. № 7. С. 315.

царствования Александра I»[52], при этом Фотий характеризовался как «представитель ультра-консервативной церковной партии»[53]. Его деятельность автор объяснял озлоблением на мир – следствием «изуверского» аскетизма. Перечислив разного рода мистические и масонские издания, которые Фотий считал «злыми», «бесовскими», «скверными», «еретическими», антихристианскими и масонскими, например книги И.-Г. Юнг-Штиллинга, И. Госснера, И. Линдля, К. фон Эккарстгаузена и т.д., Миропольский заключал: «Таким образом, Фотий объявлял войну *всей* современной ему русской литературе, признавая ее беззаконною, еретическою, безбожною и революционной»[54]. Нетрудно заметить, что, как минимум, отмеченные произведения невозможно в принципе отнести к *русской* литературе.

В дореволюционной историографии имеется также несколько небольших работ, посвященных церковным иерархам того времени[55], в том числе митрополиту Серафиму (Глаголевскому) и епископу Иннокентию (Смирнову), а также работы о мистиках, А. Ф. Лабзине и баронессе В. Ю. Крюденер[56].

Вклад «дворянских охранителей» в историографию вопроса, наряду со всем прочим, заключался в том, что в фундаментальных трудах М. И. Богдановича, Н. К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича, посвященных биографии Александра I и истории александровского царствования, был обобщен весьма обширный эмпирический материал. Эти труды были во многом построены на архивных материалах, на-

---

[52] *Миропольский С. И.* Указ. соч. № 11. С. 11.

[53] Там же. С. 21.

[54] Там же. С. 47.

[55] См.: Очерк жизни митрополита Михаила. М., 1857 ; *Сушков Н. В.* Три митрополита : Амвросий, Михаил и Серафим. М., 1867 ; *Жмакин В. И.* Иннокентий, епископ пензенский и саратовский. СПб., 1885 ; *Здравомыслов К. Я.* Иерархи Новгородской епархии в России в 1-й половине текущего столетия. Новгород, 1897 ; *Его же.* Серафим // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 18.

[56] См.: *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты : А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Русская старина.1894. № 9–12 ; 1895. № 1–3 ; *К-в А.* Баронесса Крюднер // Исторический вестник. 1895. № 9 ; *Модзалевский Б. Л.* А. Ф. Лабзин. СПб., 1904 ; *Мельгунов С. П.* Мистики и масоны // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 2.

учная и источниковедческая ценность которых не утрачена по сей день[57]. Особенно значимый для нашего исследования фактический материал излагался в тех частях их работ, которые были посвящены последнему десятилетию александровского царствования, с 1816 по 1825 г. – «периоду реакции».

Наиболее ценными для нашего исследования в дореволюционной историографии следует признать труды Я. К. Грота о Державине, В. Я. Стоюнина об А. С. Шишкове, Н. С. Тихонравова и Н. Ф. Дубровина о Ростопчине, М. П. Погодина о Карамзине, Н. С. Стеллецкого о князе А. Н. Голицыне, Е. М. Феоктистова, С. И. Миропольского об архимандрите Фотии (Спасском), А. А. Кизеветтера об А. А. Аракчееве. Однако следует подчеркнуть, что авторы этих работ отнюдь не задавались целью специально выделять консервативную составляющую деятельности и взглядов своих персонажей. Большое значение имела принадлежность того или иного историка к либеральному или консервативному направлению исторической мысли, поскольку именно это обстоятельство предопределяло характер рассмотрения и подачи биографических данных, избранных в качестве объектов исследования их героев.

Исследований, которые выходили бы за рамки изучения отдельных персоналий, в то время появилось сравнительно немного. В пореформенный период вышли работы А. Н. Попова о событиях 1812 г., в которых рассматривались отдельные сферы деятельности А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, А. А. Аракчеева и других консерваторов[58]. Ряд статей М. Н. Лонгинова, опубликованных в журнале «Современник», был посвящен не какой-либо конкретной персоналии, а борьбе «карамзинистов» и «шишковистов» и деятельности «Беседы любителей русского слова». Это было первое исследование в рамках собственно истории раннего русского консерватизма одного из частных ее

[57] См.: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и Россия в его времени. СПб., 1869–1871. Т. 1–6 ; *Шильдер Н. К.* Император Александр I : его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4; *Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I : опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. I.

[58] См.: *Попов А. Н.* Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 7–11 ; *Его же.* Французы в Москве в 1812 г. // Там же. 1876. № 2–8 ; *Его же.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Там же. 1892. Кн. 1/2.

аспектов[59]. Цель «Беседы» определялась Лонгиновым исключительно как «подражание образцам славянского языка и преследование карамзинского направления»[60].

В статье историка литературы А. Д. Галахова, посвященной русской патриотической литературе, анализировались произведения А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, статьи С. Н. Глинки в «Русском вестнике», давался очерк истории галломании в России начиная с царствования Елизаветы. Впервые Галахов разобрал некоторые публикации в журнале, издаваемом «шишковистами» – «Чтение в Беседе любителей русского слова». Автор писал с позиций, которые были характерны для русских западников, однако в целом придерживался объективистских оценок, усматривая в деятельности «славянофилов» или «русофилов» не только отрицательные, но и положительные черты[61]. В другой статье Галахова, представляющей обзор мистической литературы в царствование Александра I в основном на материалах журнала А. Ф. Лабзина «Сионский вестник», содержался ряд положений, позволяющих уточнить существовавшие представления о том, что такое неправославный мистицизм, которому активно противостояла православная консервативная оппозиция в первой четверти XIX в. Галахов указывал на то, что общая мистическая составляющая характерна для многих религиозных течений: масонства, собственно не-православного мистицизма Александровской эпохи и православия, например, можно говорить о православном мистицизме митрополита Филарета (Дроздова). В православии «развитие мистики тесно связано с развитием иночества» и наиболее ярко выражено в текстах «Добротолюбия»[62].

А. Д. Галахов одним из первых особо подчеркнул, что мис-

[59] См.: *Лонгинов М. Н.* «Беседа любителей русского слова» // Современник. 1856. Т. LVII. № 5. Отд. 5. См. также: Соч. М., 1915. Т. 1 ; *Его же*. Карамзинисты и славянофилы (1805–1817) // Современник. 1857. Т. LXII. № 5. Отд. 5. См. также: Соч. М., 1915. Т. 1 ; *Его же*. Еще шишковисты и карамзинисты (1911–1916) // Современник. 1857. Т. LXIII, № 5. Отд. 5. См. также: Соч. М., 1915. Т. 1.

[60] *Лонгинов М. Н.* Соч. Т. 1. С. 35.

[61] См.: *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1.

[62] См.: *Галахов А. Д.* Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ноябрь. С. 105–106.

тицизм имел и консервативную окраску: «Наши мистики постоянно воюют с французской философией XVIII века, как с главным врагом своим. Лекции Шварца, журналы Новикова, Лабзина и Невзорова, настойчиво опровергая французских энциклопедистов, раскрывают нравственную гибель, кроющуюся в них для христиан»[63]. Православных противников мистицизма Галахов в духе А. Н. Пыпина обвинял в невежестве, изуверстве, ревности не по разуму, слепом ожесточении, потому что они «наряду с мистическими книгами ставили книги совершенно иного рода, безразлично обзывая те и другие антихристианскими, еретическими, бесовскими, революционными»[64].

Историк науки В. В. Григорьев в исследовании, посвященном истории Петербургского университета, интерпретировал деятельность А. Н. Голицына, М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича и др. как следствие реакционного влияния иезуитов: «Пользуясь искренним пиетизмом, которым стал проникаться Государь, убежденный событиями в тщете земного величия, и горячим его желанием провести в жизнь начала созданного им «Священного Союза», люди, пропитанные иезуитизмом, как у нас, так и за границею, соединились под эгидою этого пиетизма, чтобы гнать и давить ненавистную и гибельную для них свободу совести и научного исследования»[65]. В работе Григорьева кратко излагалась фактическая канва дела петербургских профессоров 1821 г.

Существенную роль в исследовании роли консерваторов в университетской политике александровского царствования сыграли исследования М. И. Сухомлинова, С. В. Рождественского, Н. П. Загоскина, Н. Н. Булича, посвященные истории русской науки и становлению университетской системы[66]. Наи-

[63] Там же. С. 90.

[64] Там же. С. 145.

[65] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 33.

[66] См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1874–1887. Вып. 1–8 ; *Его же.* Исследования и статьи по истории русского просвещения. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–538 ; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902 ; *Загоскин Н. П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань, 1903. Т. 2, ч. 2 ; *Булич Н. Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819) : рассказы по архивным документам. Казань, 1887–1891. Ч. 1/2.

более содержательной из них является работа М. И. Сухомлинова «Исследования и статьи по истории русского просвещения».

В известной степени затрагивали сюжеты, связанные с историей русского консерватизма, труды И. А. Чистовича, П. Гильтебрандта, Н. А. Астафьева, посвященные конфессиональной политике, истории Библейского общества, переводу Библии на русский язык, борьбе православной иерархии с экуменическими нововведениями[67]. Крестьянский вопрос во взглядах Г. Р. Державина, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и некоторых других ранних русских консерваторов был фрагментарно исследован В. И. Семевским[68]. Он дал сводку всех проектов решения проблемы крепостного права на протяжении полутора веков, в том числе и в александровское царствование. В. О. Ключевский называл подобные исследования «хронологическим перечнем мнений и проектов по крестьянскому вопросу»[69]. Вклад русских ранних консерваторов в литературу и публицистику в наибольшей мере, наряду с А. Д. Галаховым, изучал Н. Н. Булич[70]. Влиянием консерваторов на цензурную политику занимались А. П. Пятковский и А. П. Скабичевский[71]. Их книги во многом носили публицистический характер и строились на использовании материалов исследований А. Н. Пыпина и М. И. Сухомлинова. Историю внешней политики, влияние на ее формирование деятелей консервативного лагеря исследовал В. К. Надлер[72]. В начале XX столетия в традициях леволи-

[67] См.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык : в 2 ч. СПб., 1873 ; *Его же.* Очерк из истории религиозного мистицизма в царствование Александра I // Русская старина. 1894. Июнь ; *Его же.* Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894 ; *Гильтебрандт П.* Император Александр I и Библейское общество // Древняя и новая Россия. 1879. № 9 ; *Астафьев Н. А.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889 ; *Его же.* Общество для распространения Священного Писания в России (1863–93). СПб., 1895.

[68] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888.

[69] *Ключевский В. О.* Собр. соч. : в 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 426.

[70] *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1/2.

[71] *Пятковский А. П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1889. Ч. 1 ; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892.

[72] *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886–1892.

беральной историографии писал о царствовании Александра I, попутно затрагивая сюжеты, связанные с деятельностью консерваторов, С. П. Мельгунов[73].

В дореволюционный период историографические и библиографические описания, посвященные русским консерваторам, были созданы М. Лилеевым, С. И. Пономаревым и др.[74]

Особую роль в постановке проблемы становления русского консерватизма сыграл юбилейный сборник, посвященный истории Отечественной войны 1812 г., созданный весьма авторитетным коллективом авторов, принадлежавших к либеральному лагерю. В нем была опубликована обобщающая статья В. Н. Бочкарёва, анализирующая деятельность и взгляды ранних русских консерваторов, представляющая собой достаточно добротную фактографическую компиляцию, сделанную на основе работ А. Н. Пыпина и М. И. Булича, в которой деятельность ранних консерваторов освещалась с либеральных позиций[75]. Эта статья оказалась итоговой в дореволюционной историографии раннего русского консерватизма, однако все факты в статье интерпретировались исключительно в духе леволиберального дискурса.

Следует отметить, что значительная часть исследований дореволюционных авторов устарела методологически и нуждается в серьезной критической проверке их фактической базы, поскольку, говоря словами А. Мартина, либеральные историки (а их было большинство) следовали принципу «изучать прошлое с тем, чтобы комментировать настоящее»[76].

Ситуация с изучением русского консерватизма резко изменилась в 1917 г. В советский период возникла искусственная «неактуальность» проблематики истории русского консерватиз-

---

[73] *Мельгунов С. П.* Дела и люди Александровского времени. СПб. : [б. г.].

[74] *Лилеев М.* Подробное описание рукописных сочинений юрьевского архимандрита Фотия, хранящихся в Черниговской семинарской библиотеке // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1880. 1 ; *Пономарев С. И.* Материалы для библиографии литературы о Карамзине. СПб., 1883 ; *Мордвинов И. П.* Граф А. А. Аракчеев : указатель литературы. Новгород, 1893.

[75] См.: *Бочкарев В. Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. II.

[76] *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 13.

ма, связанная с тем, что консерватизм трактовался как идеология эксплуататорских классов. Догматический тезис о враждебности, бесперспективности и обреченности консерватизма делал ненужными углубленное изучение и объективный анализ его становления и развития. Труды, посвященные истории консерватизма, имели «обличительный», а не исследовательский характер. Однако изучение консерватизма, пусть и в «гомеопатических дозах», продолжалось. В 1920–1930 гг. вышли единичные работы о консерваторах эпохи Священного союза, о русских связях Ж. де Местра, ряд публикаций о полемике между Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым, о деятельности «Беседы любителей русского слова»[77]. Особенно интересны работы А. Н. Шебунина, в которых автор разработал историю западной консервативной мысли, ее генезис и эволюцию до середины XIX в. Зарождение консервативной мысли Шебунин связывал с реакцией на Великую французскую революцию и довольно подробно прослеживал влияние Ж. де Местра на русскую консервативную мысль. Эти труды носили зачастую археографический характер и имели строго академическую форму, в отличие от эмоциональных и субъективных, полупамфлетных произведений на ту же тему, вышедших из-под пера либеральных историков в дореволюционное время. Эти работы были по ряду показателей качественно более высоким этапом развития исторической мысли, изучающей русский консерватизм, нежели соответствующие дореволюционные работы. Но они были редчайшим исключением, а не правилом.

В период Великой Отечественной войны исследования, посвященные консервативной проблематике, перестали выходить, однако рядом историков государственно-патриотической ориентации (Е. В. Тарле, С. К. Бушуев, А. Е. Ефимов и др.) на волне обострившегося интереса к державно-патриотической составляющей русской истории был поставлен вопрос об исторической реабилитации таких видных фигур «консервативного

[77] См.: *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925 ; *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929 ; *Степанов М.* [*Шебунин А. Н.*]. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30 ; *Десницкий В.* Из истории литературных обществ начала XIX в. : журналы «Беседы любителей русского слова» // На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2 ; *Западов А. В.* Из истории «Беседы любителей русского слова» // Литературный архив. М. ; Л., 1938. Т. 1.

лагеря», как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев[78], что, впрочем, было категорически отвергнуто господствующей группой советских историков.

После длительного перерыва, начиная с 60-х гг. XX в. в Тарту (Эстония) усилиями семиотической школы Ю. М. Лотмана были созданы интересные и не потерявшие до сих пор значимости исследования о ранних русских консерваторах: Н. М. Карамзине, А. С. Шишкове, С. Н. Глинке[79]. Стуктуралистский подход позволял излагать и обильно цитировать тексты русских консерваторов, причем не только литературные. Таким образом, в оборот вводилось значительное количество источников и создавалась более объемная и «многоцветная» фактическая картина, чем при традиционном для советских историков классовом подходе, акцентирующем внимание прежде всего на социально-экономической проблематике. Школа Лотмана фактически «реабилитировала» научное изучение раннего русского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX в. и заложила прочную традицию изучения русского консерватизма в рамках прежде всего филологии. Работы, созданные в тот период, не утратили научной ценности по настоящий день. К примеру, работы Лотмана о Карамзине позволяют проследить основные вехи идейной эволюции Карамзина от безусловного принятия идей Просвещения до умеренного консерватизма.

Если говорить об исследованиях, вышедших за пределами «лотмановского» Тарту, то некоторые частные аспекты истории

---

[78] См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина : власть и антисемитизм. М., 2001. С. 252–253.

[79] См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358 ; *Его же.* Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Там же. 1961. Вып. 104 ; *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века : языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985 (основные работы о Карамзине Лотмана опубликованы в кн.: *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997) ; *Киселева Л. Н.* Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 513. Работы М. Г. Альтшуллера, близкого по исследовательским подходам и тематике к «тартуской школе», посвященные А. С. Шишкову и «шишковистам», вышли уже в эмиграции: *Альтшуллер М. Г., Калиф И.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как политический документ : (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин) // Russia and the West in the nighteenth century / A. Д. Cross (ed.). Newtonville (Mass.), 1983 ; *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе : (общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor (Mich), 1984.

раннего русского консерватизма, связанные с противодействием либеральным реформам (взгляды и проекты Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и др.), рассматривались с позиций марксистской методологии в обобщающих работах А. В. Предтеченского и некоторых других советских историков, посвященных царствованию Александра I[80]. С нашей точки зрения, историки-марксисты в основном (за редкими исключениями) опирались на эмпирическую базу, которая была создана дореволюционной историографией, например, в трудах Н. К. Шильдера и других так называемых «дворянских охранителей», и ограничивались по преимуществу не слишком существенными интерпретационными новациями.

Оценивая степень исследовательского интереса к русскому консерватизму, можно констатировать, что он был невелик и явно уступал по количественным характеристикам исследованиям, посвященным другим направлениям русской общественной мысли последней трети XVIII – начала XX в., например, марксизму, народничеству и либерализму. Работ по консерватизму, в лучшем случае, насчитывалось десятки, что же касается других идейных направлений, в особенности революционных, то здесь счет шел на тысячи, если не больше, наименований.

Ситуация радикально изменилась после 1987 г., с началом политики «гласности», фактически снявшей все цензурные ограничения в области и исторических исследований. Работа историков конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. XX в. сосредоточилась прежде всего на изучении эмпирической базы русского консерватизма: в потоке статей и монографий и поныне явно преобладают труды, посвященные конкретным персоналиям, ключевым фигурам русского консерватизма. Можно даже говорить о некоей позитивистской «зацикленности» историков на конкретных фигурах, носителях консервативной идеологии и практиках этого течения. Разумеется, все эти работы неоднородны по своим академическим достоинствам, степени проработанности источников и знанию историографии проблемы. Авторы их исповедуют различные политические взгляды, и, соответственно, написаны они в разных дискурсах – от крайне правого до либерально-консервативного и объективистского, но, так или иначе, общая картина эволюции русско-

[80] См.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957.

го консерватизма – от М. М. Щербатова до правомонархистов начала XX столетия – с фактической стороны в значительной мере воссоздана.

Появились новые работы, в которых освещаются отдельные аспекты взглядов и деятельности наиболее видных представителей консервативного лагеря. Среди этих работ, в большинстве своем не ставящих целью показать своих героев как консерваторов, выделяются исследования «позднего» Ю. М. Лотмана и В. А. Китаева о Н. М. Карамзине[81], М. Г. Альтшуллера о Шишкове[82], М. В. Горностаева и А. О. Мещеряковой о Ф. В. Ростопчине (последняя получила Макариевскую премию 2009 г.)[83], Т. А. Володиной и Н. Н. Лупаревой о С. Н. Глинке[84], В. С. Парсамова об А. С. Стурдзе[85], А. Ю. Минакова о М. Л. Магницком и великой княгине Екатерине Павловне[86], Е. Н. Азизовой и

[81] *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Литературная учеба.1988. № 4; *Его же.* Карамзин. СПб., 1997 ; *Китаев В. А.* У истоков русского консерватизма : (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) // Материалы II научной конференции профессорско-преподавательского состава Волгогр. гос. ун-та. Волгоград, 1994 ; *Его же.* Век XIX : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.

[82] *Альтшуллер М. Г.* А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1.

[83] *Горностаев М. В.* Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин : страницы истории 1812 года. М., 2003 ; *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

[84] *Володина Т. А.* «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4 ; *Лупарева Н. Н.* «Божество-хранитель» : образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки // Новик. Воронеж, 2005. Вып. 10 ; *Ее же.* Деятельность и взгляды С. Н. Глинки : историография вопроса // Там же. Вып. 12 ; *Ее же.* Консервативная трактовка проблемы крепостного права в России в начале XIX в. : на примере публицистики Сергея Николаевича Глинки // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук : межвуз. науч. сб. Воронеж, 2007. Вып. 5 ; *Ее же.* Образ идеального русского человека в исторической концепции С. Н. Глинки // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее : сб. науч. тр. Воронеж, 2005.

[85] *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.

[86] *Минаков А. Ю.* М. Л. Магницкий : к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 1 ; *Его же.* «Тверская полубогиня» : великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической «партии» // Россия XXI. 2010. № 4.

Ю. Е. Кондакова о Д. П. Руниче[87], Ю. Е. Кондакова об архимандрите Фотие (Спасском) [88], А. С. Глазевой о митрополите Серафиме (Глаголевском) [89], К. М. Ячменихина об А. А. Аракчееве[90]. Произошло «исправление имен», когда «черная легенда» о консерваторах, созданная усилиями дореволюционных либеральных и советских историков, не выдержала испытания исторической критикой. Обращение к подобной практике, с нашей точки зрения, было закономерным этапом научной практики: российским историкам необходимо было накопить значительный фактический материал, прежде чем приступать к теоретическим обобщениям и методологическим поискам. Следовательно, наступил момент, когда созданные во множестве «исторические портреты» нуждаются в выходе на более высокий, «панорамный», уровень обобщений.

Параллельно с накоплением нового эмпирического материала возрос интерес к историографическим наработкам дореволюционного и постреволюционного периодов, которые в значительной мере игнорировались советскими исследователями. Этим объясняется широкое переиздание классических работ А. Н. Пыпина, Н. К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича, Н. Ф. Дубровина и др.[91]

---

[87] *Азизова Е. Н.* «Счастливым почту себя, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова» : идейно-политическая биография Д. П. Рунича // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005 ; *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005.

[88] *Кондаков Ю.Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.

[89] *Глазева А. С.* Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005.

[90] *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12 ; *Его же.* Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997 ; *Его же.* «Аракчеевщина» : историографические мифы // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004.

[91] *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000 ; *Его же.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001 ; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый : историко-биографический очерк. М., 1996 ; *Его же.* Император Николай Первый : его жизнь и царствование : в 2 кн. М., 1997 ; *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999 ; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007.

Обычно редакторы сопровождают такого рода переиздания ремарками о необходимости возобновить прерванную историографическую традицию, а также о достоинствах переиздаваемых книг, среди которых – «насыщенность фактами, точность и живость изложения, способность ненавязчиво довести до читателя свою точку зрения, раскрыть на примере разбора отдельных проблем значение общих тенденций в политике правительства и настроениях образованной части общества»[92]. Представляется, что главное в подобных характеристиках – вполне оправданный позитивистский пафос «насыщенности фактами».

Следует отметить, что большинство российских исследователей консерватизма предпочитают заниматься анализом «зрелого консерватизма» конца XIX – начала XX в. Исследований же, касающихся сюжетов в более ранние периоды, например в царствования Александра I и Николая I, оказалось гораздо меньше. Еще одна деталь, которую стоит отметить: подавляющее большинство историков, занимающихся александровским и николаевским периодами, сформировались в русле чисто академических интересов, под влиянием работ Ю. М. Лотмана и некоторых современных американских русистов (в первую очередь А. Мартина и Р. Уортмана). Для них обращение к персоналиям Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки или С. С. Уварова обусловлено прежде всего стремлением полнее и точнее решить проблему зарождения, становления и генезиса русского консерватизма.

В статье В. Ф. Пустарнакова, посвященной типологии русской мысли второй половины XVIII – первой трети XIX в., несмотря на наличие некоторых стереотипов, характерных для советской исторической мысли («высшей точкой своего развития русская передовая общественная социологическая и философская мысль первой трети XIX в. достигла в движении декабристов»[93]), содержится ряд глубоких и точных обобщений. Пустарнаков, в частности, утверждает, что «общую культур-

[92] *Цамутали А. Н.* Указ. соч. С. 7.

[93] *Пустарнаков В. Ф.* К вопросу о типологии русской философско-исторической и социологической мысли второй половины XVIII – первой трети XIX в. // Отечественная философия : опыт, проблемы, ориентиры, исследования. М., 1990. Вып. 5. С. 21.

ную, идейно-философскую атмосферу этого периода определяли <…> идеи реакционные, консервативные, просветительские, романтические»[94]. Одним из первых он вспомнил после длительного перерыва о консервативном крыле тогдашнего русского масонства, которое возлагало на себя задачу «пресечения «зловредного вольтеровского просвещения» и борьбы против всей новейшей западноевропейской рационалистической мысли, буржуазной цивилизации и морали»[95].

В небольшой, но весьма содержательной статье А. В. Репникова рассматривается проблема определения хронологических рамок и типологизации русского консерватизма[96]. Исследователь делает вывод о том, что именно рубеж XVIII – XIX в. является периодом зарождения отечественного консерватизма, или появления отдельных «прото-консерваторов» (М. М. Щербатов). Автор отмечает, что российский консерватизм носил «специфическую национальную окраску и во многом являлся ответом на попытки инициировать либерально-конституционные преобразования в России»[97].

В 1990-е гг. достаточно активно вызревают научные подходы к изучению консерватизма как целостного, многопланового, противоречивого явления. Следует прежде всего отметить несколько выпусков «Исследований по консерватизму» и примыкающие к ним издания, вышедшие в Пермском университете по материалам проведенных по инициативе П. Ю. Рахшмира в 1993 – 1997 гг. международных конференций[98].

Самым крупным изданием начала XXI в. стала коллективная монография, посвященная русскому консерватизму XIX столетия[99]. Главные достоинства и недостатки этой работы мы имели возможность оценить, совместно с М. Д. Дол-

---

[94] *Пустарнаков В. Ф.* Указ. соч. С. 11.

[95] Там же. С. 14.

[96] См.: *Репников А. В.* К вопросу о формировании российского консерватизма : (историографический аспект) // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2008. Вып. 9. С. 90–102.

[97] Там же. С. 100.

[98] См.: Исследования по консерватизму. Пермь, 1994–2000. Вып. 1–6 ; Консерватизм : идеи и люди. Пермь, 1998 ; Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998.

[99] См.: Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика. М., 2000.

биловым, в рецензии, помещенной в журнале «Вопросы истории»[100]. Недостатки монографии оказались объективно обусловленными состоянием российской исторической науки в сфере изучения консерватизма. К примеру, историографический обзор, традиционный для работ такого рода, оказался чрезмерно кратким и содержащим минимальные обобщения, ибо в целом историография русского консерватизма до сих пор не разработана. Консерватизм интерпретировался авторами зачастую с позиций классового подхода – как идеологическое выражение крепостнических и дворянских настроений. Глава, посвященная ранним русским консерваторам, в основном мало чем отличается в фактологическом отношении от работ либеральных авторов начала XX в. Безусловно, в монографии содержалась и масса ценных моментов, её относительная полнота и стремление к объективному рассмотрению истории русского консерватизма в то время были беспрецедентны в академических изданиях, и, несомненно, правы те, кто констатировал, что «серьезная попытка рассмотреть консерватизм как не-зло состоялась», а также, что «она [монография] открыла крупное исследовательское направление»[101].

В последние годы вышли монографии, свидетельствующие о том, что изучение русского консерватизма явно вышло за пределы начальной стадии «накопления фактов». Эти книги не всегда специально посвящены консерватизму как таковому, но тесно связаны по своему сюжету с соответствующей проблематикой. Уровень новизны и обобщений, а также хронологический охват в них таковы, что это позволяет заявить: они положили начало форменному «прорыву» в изучении раннего русского консерватизма и русского консерватизма как такового. Это – исследования Ю. Е. Кондакова, А. Л. Зорина и Е. А. Вишленковой, В. С. Парсамова, М. Г. Альтшуллера, А. В. Репникова.

Книга Ю. Е. Кондакова «Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)»

---

[100] См.: *Долбилов М. Д., Минаков А. Ю.* [Рецензия] // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 161–165. – Рец. на кн.: В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика. М., 2000.

[101] *Володихин Д. М.* Без гнева и пристрастия о российских консерваторах // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003.

посвящена политике Александра I в духовной сфере. Автор исследует историю консервативного направления в религиозном движении того времени, освещает причины зарождения православной оппозиции и ее мероприятия, вплоть до реализации поставленных ею целей[102]. В книге об архимандрите Фотии (Спасском) автор излагает автобиографию Фотия. В центре этого исследования находится общественно-политическая деятельность архимандрита, формирование его богословских и философско-политических взглядов, а также роль архимандрита на различных этапах деятельности православной оппозиции. Основной вывод автора следующий: «Образ изувера и фанатика, прочно утвердившийся в исторической литературе, не соответствует реальной исторической действительности»[103]. Кондаков отмечает особенность мемуарных источников, посвященных Фотию: «все положительные отзывы о Фотие основаны на личном знакомстве, тогда как отрицательные базируются на слухах и предвзятом мнении»[104]. Впрочем, то же самое можно сказать о подавляющем большинстве мемуаров, посвященных русским консерваторам того времени. Особенностью исследований Кондакова является введение в оборот большого количества архивных источников, детальный анализ ранее уже опубликованных и практически не использованных в исторической науке. Последующие исследования Кондакова уточняют выводы двух вышеописанных монографий[105].

В исследовании А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...» содержится оригинальный анализ идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в екатерининское, александровское и николаевское царствования: «греческого проекта» Екатерины – Потёмкина, идеологии складывающегося русского консерватизма и

---

[102] См.: *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998.

[103] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 5.

[104] Там же. С. 7.

[105] См.: *Кондаков Ю. Е.* Государство и православная церковь в России : эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2004 ; *Его же.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005 ; *Его же.* «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность : (государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков). СПб., 2006.

национализма в версии Шишкова и Ростопчина, которую сам Зорин назвал «идеологией народного тела и народной войны», доктрины «православие – самодержавие – народность» С. С. Уварова. Автор задался целью «проследить исторически конкретную динамику выработки, кристаллизации и смены базовых идеологем»[106]. При этом Зорин опирался на традиции семиотического анализа и метод К. Гирца, интерпретирующий идеологию как систему метафор. Ему удалось в яркой и оригинальной манере ввести в оборот такой своеобразный источник, как оды, трагедии, исторические романы конца XVIII – первой половины XIX в.

Монография Е. А. Вишленковой «Заботясь о душах подданных» посвящена уникальному явлению русской и мировой истории того времени – религиозной политике Александра I, представлявшей собой глобальный экуменический эксперимент, направленный на создание в империи духовно единой общности, идейно единого государства. Не декларируемой целью этого эксперимента автор считает попытку установления норм буржуазного порядка и соответствующих правовых отношений. Автор реконструирует культурный контекст, внутри- и внешнеполитические обстоятельства, в которых принимались правительственные решения, регулирующие религиозную жизнь империи. Главный интерес для историков русского консерватизма представляет анализ в книге различных его разновидностей: от православно-монархического до масонского и космополитического, в духе позднего Священного союза. В методологическом плане Вишленкова близка к лотмановской традиции, заявляя, что ее исследование представляет не что иное, как попытку «объединить <…> тексты (в данном случае источники. – *А. М.*) в единый «Большой нарратив» и подвергнуть его анализу с точки зрения доминирующих в нем тем и дискурсов, лингвистических особенностей, а также с позиции меняющихся политических условий историографического процесса»[107]. Вишленкова также ставит малоизученную проблему

[106] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… : литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 29.

[107] *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 9.

союза московских масонов-розенкрейцеров и ультракатоликов против М. М. Сперанского.

Определенный вклад в историографию раннего русского консерватизма внесла книга профессора Питтсбургского университета, известного филолога М. Г. Альтшуллера о литературном объединении русских консерваторов – «Беседе любителей русского слова»[108]. В ней рассматриваются основные аспекты деятельности «Беседы», исследуется ее отношение к русской культуре XVIII в., проясняется позиция «Беседы» в полемике о русском языке и др. Первоначально книга вышла в США (1984 г.), а затем в России (2007 г.) значительно дополненной и с несколько измененным названием.

Книга В. С. Парсамова «Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи» представляет собой первый опыт сравнительно-исторического исследования религиозных воззрений Ж. де Местра и А. С. Стурдзы. На широком фоне религиозно-культурной жизни России начала XX в. показывается спор двух мыслителей об исторических судьбах и предназначении католической и православной церквей. Особое внимание в исследовании уделено ключевой для русской культуры проблеме «Россия и Запад».

Значительным вкладом в историографию русского консерватизма, в том числе первой четверти XIX в., стало издание энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» под ред. В. В. Шелохаева, представляющей собой научно-справочное издание, ставящее целью проследить генезис и эволюцию русского консерватизма за два века в контексте мирового и общероссийского модернизационного процесса. Большое внимание в энциклопедии уделено теоретико-методологическим, идейно-политическим, социокультурным и институционным основаниям консерватизма в России, проанализирован понятийный аппарат, представлены различные политические, общественные и культурно-просветительские объединения русских консерваторов. В энциклопедии также имеются статьи практически обо всех видных русских консер-

[108] *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства : изд. 2-е, доп. М., 2007.

ваторах первой четверти XIX в., их основных трудах, организациях[109]. Выпуск энциклопедии является этапной вехой в изучении русского консерватизма.

Исследования и материалы, посвященные консерватизму, вышедшие примерно за полтора десятилетия, составляют внушительный список. Одним из наиболее серьезных исследований стала монография А. В. Репникова «Консервативные концепции переустройства России». В монографии повествуется о том, что русская консервативная мысль разрабатывала различные варианты так называемой «консервативной модернизации», которая призвана была синтезировать назревшие новации с традиционными ценностями. Сильной стороной монографии является анализ взглядов консерваторов на природу монархического идеала, рассмотрение отличия самодержавия от абсолютизма и деспотии, а также принципов неравенства и социальной иерархии[110]. Для уяснения специфики экономических взглядов ранних русских консерваторов для нас были полезны работы В. Л. Степанова[111].

Для нашего исследования также имели значение работы Ф. А. Петрова, посвященные университетской политике[112], В. М. Боковой, тонко и содержательно анализирующей влияние консерваторов первой трети XIX в. на русскую культуру[113], В. М. Живова о национализме ранних русских консервато-

---

[109] См.: Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. М., 2010.

[110] См.: *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

[111] *Степанов В. Л.* Экономические взгляды Н. Я. Данилевского // Место России в мире и вызовы нового века : (к 180-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского) : материалы постоянно действующего круглого стола «Экономический рост России». М. ; СПб., 2003 (Науч. тр. Междунар. союза экономистов и Вольн. экон. об-ва России. Т. 12) ; *Его же.* «Национальная» экономика в России : консервативная утопия или реальная цель? // Отечественная история. 2001. № 3.

[112] *Петров Ф. А.* Российские университеты первой половины XIX века : формирование системы университетского образования : в 4-х кн. М., 1998–2001. Кн. 2 : Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч. 3. М., 1999.

[113] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4 : Общественная мысль. М., 2003.

ров[114], М. Майофис о либеральных консерваторах, группировавшихся вокруг общества «Арзамас»[115].

Наибольший вклад в последние годы в изучение русского консерватизма первой четверти XIX в. внесли воронежские исследователи. В диссертационном исследовании Е. Н. Азизовой «Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича» (2006) был создан подробный исторический портрет попечителя Петербургского учебного округа в первой половине 20-х гг. XIX в. и организатора «суда» над профессорами Петербургского университета, которые были обвинены им в 1821 г. в религиозном и политическом «вольнодумстве». Е. Н. Азизова проанализировала мотивы, которыми он руководствовался в этот период, воззрения и убеждения, определившие логику его деятельности. Изучение взглядов и деятельности Д. П. Рунича позволило уточнить представление о генезисе консерватизма, национализма, масонства и политики самодержавия в области просвещения и цензуры.

В 2006 г. была защищена диссертация А. О. Мещеряковой «Государственная деятельность и общественно-политические взгляды Ф. В. Ростопчина (1765–1826)», а в следующем году появилась ее монография «Ф. В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России», которая стала первым крупным академическим трудом, посвященным интеллектуальной биографии Ростопчина как яркого представителя раннего русского национализма и консерватизма.

Диссертационное исследование Н. Н. Лупаревой «Общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки» раскрывает процесс становления и эволюции мировоззрения С. Н. Глинки; определяет цель издания «Русского вестника», программу этого журнала и анализирует представленную в нем консервативно-националистическую концепцию; уточняет степень успешности этого издания и степень влияния его на современников, а также выявляет многообразие оценок этого издания современниками; освеща-

[114] *Живов В.* Чувствительный национализм : Карамзин, Ростопчин и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 115.

[115] *Майофис М.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

ет общественно-политическую и издательскую деятельность С. Н. Глинки в 1812 г. и др. Данная работа представляет собой первое обобщающее исследование жизни и деятельности этого представителя консервативно-националистического лагеря периода царствования Александра I, ее основные выводы отражены в ряде публикаций[116].

В зарубежной историографии до конца 1950-х гг. александровский консерватизм затрагивался в работах Э. Бенца[117]. В работах Н. Рязановского и А. Валицкого в основном речь шла о консерватизме более позднего периода – второй четверти XIX в.[118] Однако в 1970-е – 1980-е гг. в англоязычной историографии появились работы Дж. Л. Блэка, Д. Т. Флинна, Р. Пайпса, Д. К. Зачек, Ф. А. Уолкера и др.[119], в которых консерватизм начал исследоваться с объективистских позиций.

В зарубежной историографии русского консерватизма первой четверти XIX в. особо выделяется книга А. Мартина, в ко-

[116] См.: *Лупарева Н. Н.* Образ идеального русского человека в исторической концепции С. Н. Глинки // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. Воронеж, 2005. *Её же.* Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С. Н. Глинки // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. : История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 1 (56). Вып. 9 ; *Её же.* С. Н. Глинка в споре о «старом» и «новом» слоге русского языка в начале XIX столетия // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук. Воронеж, 2009. Вып. 7, и др.

[117] См., например: *Benz E.* Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche. Die russische Kirche und das abendländische Christentum im Zeitalter der Heiligen Allianz // Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen klasse Jahrgang 1950. № 8.

[118] См.: *Riasanovsky N.* Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1824–1855. Berceley ; Los Angeles ; London, 1959 ; *Walicki A.* A History of Russian Thought : from the Enlighment to Marxism. Stanford, 1979.

[119] *Black J. L.* Nicolas Karamzin and Russian society in the nineteenth century : a study in Russian political and historical thought. Toronto-Buffalo : Univ. of Toronto press, 1975 ; *Flynn J. T.* The University Reform of tsar Alexander I. 1801–1835 / The Catholic University of America press Washington, D.C. 1988 ; *Pipes R.* Russian Conservatism and Its Critics : a Study in Political Culture / Yale University Press. New Haven ; London ; *Walker F. A.* Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I : the Case of the Brothers Glinka // Canadian slavonic papers. Vol. XXI, № 4. Dec. 1979 ; *Zacek J. C.* The Russian Bible Society and the Catholic Church // Canadian Slavic Studies, V. 1 (Spring 1971) ; *Idem.* The Russian Bible Society and the Russian Orthodox church // Church History. 1966. Vol. XXXV, № 4 ; *Walker F. A.* Enlightenment and Religion in Russian Education in the Reign of Tsar Alexander I // History of Education Quarterly. 1992. Vol. 32, № 3.

торой анализируются три течения русского консерватизма: романтический национализм, дворянский консерватизм и религиозный консерватизм. Русский консерватизм рассматривается автором как составная часть общеевропейского политического и идеологического процесса. Романтический национализм, который А. Мартин ассоциирует с идеями А. С. Шишкова и С. Н. Глинки, «искал противоядие от ассоциировавшихся с европеизацией моральных и политических угроз в нетронутой влиянием Запада культуре простого народа». Дворянский консерватизм Н. М. Карамзина и Ф. В. Ростопчина «отстаивал сословные интересы дворянства, мало интересуясь культурными вопросами». Религиозный консерватизм, главными фигурами которого были А. Н. Голицын, Р. С. и А. С. Стурдзы, «вдохновленный британскими и германскими протестантскими образцами, надеялся, что христианская духовность и поддерживаемая государством общественная деятельность смогут примирить российскую элиту, так же как и народные массы, со старым режимом и таким образом дать его институтам шанс на дальнейшее существование»[120]. Работа Мартина опирается на исследования классической американской историографической школы, представленной такими именами, как М. Раев, Н. Рязановский, а также на работы польского историка А. Валицкого.

Принимая некоторые оценки американского исследователя, любящего и понимающего русскую историю и культуру, всё же отметим, что в отечественной и американской историографии существует серьезная разница в подходах: А. Мартин чрезвычайно концептуален, схематичен, «социологичен», в его текстах силен элемент компаративистики. Нарратив его гораздо меньше заботит, чем построение оригинальных концепций, впрочем, нельзя исключать, что американским исследователям в силу объективных причин не хватает необходимого архивного материала. Тем не менее, главный вывод исследований Мартина бесспорен: «консерваторы александровской эпохи составляли важный переходный этап в истории русской мысли, ибо они первые создали – так же, как и их западные современники, – из наследия Просвещения, романтизма, христианства и национальной традиции сознательно консервативную систе-

[120] *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. P. 5.

му взглядов»[121]. На русском языке основные выводы и сюжеты его исследования были опубликованы в ряде содержательных статей[122].

С начала «гласности» и по настоящее время изданы принципиально важные для изучения русского консерватизма и национализма работы западных авторов: А. Валицкого, Е. Шацкого, К. Манхейма, Р. Уортмана, К. Гирца, Р. Пайпса и др.[123] Были переведены и работы основоположников европейского консерватизма и авторов, традиционно относимых к консервативному течению – Э. Бёрка, Ж. де Местра, А. де Токвиля и др.[124] Можно констатировать, что в методологическом плане возникло устойчивое влияние западной исторической мысли, хотя степень её воздействия не стоит преувеличивать. В частности, в постсоветской историографии было усвоено манхеймовское разграничение между традиционализмом и консерватизмом, понимание консерватизма как реакции на Просвещение и Великую французскую революцию, подавляющее большинство историков приняло подходы С. Хантингтона к идентификации консерватизма (автономный, ситуационный и аристократичес-

[121] *Мартин А.* «Воспоминание» и «пророчество» : возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 101.

[122] См.: *Мартин А.* «Россия есть Европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5 : Политика и культура в контексте истории ; *Его же.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм : идеи и люди. Пермь, 1998 ; *Его же.* Ф. В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен // Там же.

[123] Славянофильство и западничество : консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого : реф. сб. М., 1991. Вып. 1 ; *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990 ; *Манхейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994 ; *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм : критический обзор современных теорий нации и капитализма. М., 2004 ; *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004 ; *Уортман Р. С.* Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004 ; *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры. М., 2008.

[124] *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993 ; *Его же.* Правление, политика и общество. М., 2001 ; *Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. М., 1997 ; *Его же.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998 ; *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992.

кий). А. Зорин обратился к идеям К. Гирца, хотя представляется, что подобного рода использование стало возможным в силу того, что определение культуры, предложенное Гирцем, оказалось «достаточно близким формулировкам и определениям, которые в изобилии рассыпаны на страницах тартуских сборников»[125].

Представленный историографический обзор показывает: несмотря на то, что все вышеназванные работы внесли определенный вклад в изучение истории раннего русского консерватизма, она изучена недостаточно, так как до сих пор нет обобщающей монографической работы, в которой был бы предпринят комплексный анализ всех аспектов жизни и деятельности ранних русских консерваторов. Исследования В. Н. Бочкарёва, В. Я. Гросула невелики по объему и, кроме того, устарели по фактическому содержанию и методологическим установкам авторов. Что касается книги А. Мартина, то она представляет собой серию очерков, посвященных отдельным персоналиям и аспектам истории русского консерватизма XIX в., а не целостное монографическое исследование.

Важнейшим компонентом источниковой базы исследования являются документы крупнейших отечественных архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Отдела рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН ОР), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), которые впервые вводятся в научный оборот. Личных фондов большинства консерваторов той поры почти нет, либо они невелики или разрознены.

В частности, наибольшее количество документов, использованных в исследовании и освещающих деятельность и взгляды А. С. Шишкова, хранится в отделе рукописей РНБ (ф. 862): его родословная, письма и записки 1820–1830-х гг.

Документы, освещающие деятельность Ф. В. Ростопчина, содержатся в РГИА (ф. 1646, оп. 1), среди них следует выделить рукописную книгу П. М. Майкова, члена Всероссийского наци-

[125] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… С. 16.

онального клуба Всероссийского национального союза – «Граф Ростопчин и его семейство», которая не была опубликована. В ГА РФ (ф. 1165, оп. 1) имеются материалы дела купеческого сына М. Н. Верещагина, дело о высылке Московского почт-директора Ф. П. Ключарева в Воронежскую губернию в связи с этим делом.

Большой массив документов, связанный с деятельностью М. Л. Магницкого, хранится в ГА РФ (ф. 109, Секретный архив): его письма, служебные записки Александру I и А. А. Аракчееву, записки о тайных обществах, проекты общественного переустройства. В материалах РГИА имеются записка Магницкого Александру I «Нечто об общем мнении в России и верховной полиции» (1808), дело о ревизии Казанского университета, исключении А. Грегуара из почетных членов Казанского университета (ф. 733, оп. 39), дело об увольнении Магницкого, его послужной список (ф. 733, оп. 40). В Отделе рукописей РНБ (ф. 731) содержится его переписка с М. М. Сперанским, в РГАЛИ (ф. 46, оп. 2, № 250) – рукопись директора Херсонской гимназии Ф. Ляликова о ссылке в 1839 г. Магницкого в Херсон и др.

Достаточно большой массив архивных документов освещает деятельность и взгляды С. Н. Глинки. В отделе рукописей ИРЛИ РАН («Пушкинском доме») (ф. 265, оп. 2, № 675-77) хранятся рукописные статьи «Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки», «Очерк литературных трудов С. Глинки», «Четверократный майор С. Глинка», принадлежащие перу сына Глинки Василию Сергеевичу. В исследовании также использована неопубликованная книга С. Н. Глинки «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества», хранящаяся в ОР РНБ (ф. 29, оп. 191), в которой отражены взгляды Глинки по национальному вопросу и его оценки царствования Петра I.

Обработаны также материалы архива А. С. Стурдзы в ИРЛИ РАН РО (ф. № 128, оп. 1), в частности, бумаги, относящиеся к истории образования в России: письма к князю А. Н. Голицыну и др. В РГАЛИ (ф. 1863. Коллекция формулярных списков) хранится использованный формулярный список А. С. Стурдзы по Ведомству Государственной коллегии иностранных дел. В ОР РНБ (ф. 849 (Шебунин А. Н.), д. 91. Материалы из архива А. С. Стурдзы) имеется машинописная

копия неопубликованной книги А. Н. Шебунина 1934–1935 гг. о деятельности Стурдзы в эпоху Венского конгресса и возникновения Священного союза, со вступительной статьей и подготовленными к публикации документами.

Личный архив Д. П. Рунича хранится в ИРЛИ РАН РО (ф. 263). Наибольший интерес для исследования представили рукопись трактата «Философия» (1820 г.) (оп. 3, д. 91), «Мнение члена Главного училищ Правления действительного статского советника Рунича касательно перемен в Уставе императорского Казанского университета» (оп. 3, ед. хр. 91), в которых отражены позиция Рунича к преподаванию философии и естественного права в университетах.

Обработаны документы из фонда А. Н. Голицына в ОР РНБ (ф. 203), среди которых наибольший интерес представляют выписки и записи религиозно-нравственного содержания, характеризующие специфику мистицизма А. Н. Голицына. В РГИА (ф. 1162, оп. 6, д. 124) хранится дело о службе члена Государственного совета, главноначальствующего над Почтовым департаментом действительного тайного советника князя А. Н. Голицына 1844 г.

Определенный интерес представляют письма архимандрита Фотия (Спасского) к грузинскому протоиерею Николаю Ильинскому, хранящиеся в ОР РНБ (ф. 29), в которых содержится характеристика А. А. Аракчеева как примерного христианина и патриота, лидера ревнителей православия.

Помимо архивных документов, в работе использованы опубликованные документы, принадлежащие перу русских консерваторов. Для понимания особенностей консервативных взглядов Г. Р. Державина важны записки «Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената»[126] и «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и прочем»[127], в которых нашли отражение его позиция по отношению к еврейскому и польскому вопросам и основные положения предлагаемой им реформы Сената.

[126] *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1872. Т. VII. С. 344.
[127] Там же. См. также: Антисемитизм. М., 2002.

Нами использованы «Письма русского путешественника»[128] Н. М. Карамзина и сборник его избранной прозы и публицистики «О древней и новой России»[129], который содержит основополагающие для понимания консервативных взглядов Карамзина произведения: «Мелодор к Филалету», «О счастливейшем времени жизни», «Письмо сельского жителя», «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», «Падение Швейцарии», «Странность», «О верном способе иметь в России довольно учителей», «О любви к отечеству и народной гордости», «Историческое похвальное слово Екатерине II», «Предисловие к «Истории государства Российского», «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», «Мнение русского гражданина», «Мысли об истинной свободе». В работах Карамзина содержатся критика просветительских взглядов, критическая оценка Великой французской революции, критика галломании, концепция самодержавия, его взгляды по крестьянскому вопросу и т.д.

Важным источником для изучения взглядов А. С. Шишкова является его собрание сочинений и переводов[130], в которых опубликованы основополагающие произведения Шишкова: «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» и «Рассуждение о любви к Отечеству». Именно в них содержится позитивная идеологическая программа Шишкова. В официальных манифестах, написанных Шишковым в ходе войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии, нашли отражение его консервативные политические взгляды, прежде всего неприятие просветительской и якобинской идеологии, галломании, апологетика русского самодержавного строя[131]. Особо выделим двухтомник, в который вошли многочисленные политические записки Шишкова Александру I, относящиеся к периоду его активного участия в «православной партии»[132]. В

[128] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1983.

[129] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России. М., 2002.

[130] *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов : в 17 т. СПб., 1824–1837.

[131] [*Шишков А. С.*] Законы и постановления. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.

[132] Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870.

них содержится критика деятельности Библейского общества, мистиков из окружения А. Н. Голицына, его проекты в сфере цензуры, образования, университетской и конфессиональной политики. Основная часть этих произведений опубликована в «Избранных трудах» Шишкова[133]. Кроме того, первая, наиболее содержательная, часть записок Шишкова была переиздана по инициативе Союза писателей России[134].

Нами были также проанализированы наиболее известные произведения Ф. В. Ростопчина: «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» и «Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее», опубликованные филологом Г. Д. Овчинниковым в подготовленном им сборнике сочинений Ростопчина[135], в которых получили наиболее рельефное отражение взгляды Ростопчина, обусловленные его неприятием галломании и французской культуры Просвещения. Кроме того, нами были использованы произведения Ростопчина, посвященные экономической проблематике, крепостному праву и масонству[136].

В исследовании проанализированы работы С. Н. Глинки, преимущественно на экономическую тематику, в частности его воззрения на развитие промышленного производства в России[137]; трактаты Ж. де Местра, посвященные политике в области образования в России и связанные с политическими реали-

---

[133] *Шишков А. С.* Избр. тр. / под ред. В. С. Парсамова. М., 2010.

[134] *Шишков А. С.* Служба Отечеству : записки (1780–1814). М., 2008.

[135] *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! М., 1992.

[136] *Ростопчин Ф. В.* Плуг и соха, писанное степным дворянином. М., 1806 ; *Его же.* Замечания на книгу графа Стройновского «Об условиях с крестьянами» // Чтения в Обществе истории и древностей российских... 1860. Кн. II. Паг. 5 ; Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9.

[137] *Глинка С. Н.* Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии, июля 11 дня 1827 года, почетным членом состоящего при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. М., 1827 ; *Его же.* Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. М., 1831.

ями России того времени[138], оказавшие существенное влияние на позицию русских консерваторов прежде всего в сфере университетской политики, а также основные политические работы А. С. Стурдзы, повлиявшие на формирование политики в области образования, цензуры, университетской политики и др.[139]

Использованы некоторые работы А. Н. Голицына, позволяющие яснее понять доктринальные истоки его конфессиональной политики[140]. Особенно много обработано источников, освещающих деятельность и взгляды М. Л. Магницкого, его отношение к философии и естественному праву, принципы, которыми он руководствовался на посту попечителя Казанского учебного округа, цензурные проекты и пр.[141]

---

[138] Пять писем графа Ж. де Местра графу Разумовскому о народном образовании // Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2 ; *Местр Ж. де*. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.

[139] *Стурдза А. С.* Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. М. ; Венеция, 1999 ; *Его же.* Мысли о любви к отечеству. СПб., 1818 ; *Его же.* Наставление для руководства Ученого комитета // Журнал Министерства народного просвещения. 1821. Ч. 1, № 2 ; *Его же*. О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834.

[140] *Голицын А. Н.* Проект об учреждении в С.-Петербурге Библейского общества. СПб., 1812 ; *Его же.* Мнения о разности между восточной и западной церковью с историей разделения церквей, представленные ее имп. Величеству государыне Елизавете Алексеевне обер-прокурором Святейшего синода князем А. Н. Голицыным // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 1.

[141] [*Магницкий М. Л.*] Инструкция директору Казанского университета // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд-е 2-е. СПб., 1875. Т. 1 : Царствование Александра I. 1802–1825 ; Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864. № 1 ; [*Его же.*] Доношение попечителя Казанского округа на издателя «Библиографических листов», г. Министру народного просвещения // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 2. Апрель–июнь ; Заключение о втором мнении г. попечителя Дерптского университета, князя Ливена в рассуждении запрещенных книг, действительного статского советника Магницкого // Там же. 1870. Кн. 4. Октябрь–декабрь ; [*Его же.*] Инструкция для осмотра училищ Казанского округа // Русский архив. 1867. № 12 ; [*Его же.*] Краткая речь к императорскому Казанскому университету, произнесенная г-ном попечителем оного в заключение публичного акта в высокоторжественный день помазания на царство Е. И. В. 15 сентября 1825 г. в Казани. Казань, 1825 ; [*Его же.*] Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав, Проект секретной инструкции цен-

В работе также используется историческое сочинение Д. П. Рунича «Россия от 1633 до 1854 года»[142], в котором нашли яркое отражение особенности национализма русских правых масонов первой четверти XIX в.

Большую ценность представляют автобиографические записки архимандрита Фотия (Спасского), в которых приводятся тексты его многочисленных посланий Александру I[143]. Они же опубликованы в недавно изданном сборнике трудов Фотия[144]. Это основной источник по истории «православной партии». В записках содержатся оценки позиции Голицына, деятелей его круга, Библейского общества, Министерства духовных дел и народного просвещения, а также не известные современникам факты повседневной закулисной деятельности «православной партии».

Использованы также трактаты консерваторов по крестьянскому вопросу, в частности, проект отмены крепостного права А. А. Аракчеева[145], позволяющий характеризовать позицию части консерваторов как прагматическую и не узкосословную, и записка правого масона И. А. Поздеева[146], в которой, напротив, содержится ярая апология крепостного права и сословного строя.

зурному комитету, Проект устава // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1 ; Речь, произнесенная г. попечителем д.с.с. и кавалером М. Магницким в торжественном собрании имп. Казанского университета 17-го генваря, установленном по случаю высочайше дарованных в сей день инструкций директору и ректору. Казань, 1826 ; Собственноручное всеподданейшее письмо действительного тайного советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I-го Отделения с.е.и.в.к. СПб., 1876. Вып. 1.

[142] *Рунич Д. П.* Россия от 1633 до 1854 года : взгляд на древний и новый ее быт. Ярославль, 1909.

[143] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1894. Т. 81, № 3–5 ; Т. 82, № 7, 9, 10 ; 1895. Т. 83, № 2 ; Т. 84, № 7, 8, 11, 12 ; 1896. Т. 87, № 7, 8.

[144] *Архимандрит Фотий (Спасский).* Борьба за веру. Против масонов / сост. В. В. Улыбин. М., 2010.

[145] Проект графа Аракчеева : записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Девятнадцатый век : исторический сб. М., 1872. Кн. 2.

[146] *Поздеев И. А.* Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы // Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1880. Вып. 5 : Приложение к 38-му тому записок Императорской Академии наук. № 2.

Анонимная «Записка о крамолах врагов России»[147], главной темой которой является «заговор» масонских лож и Библейского общества против православной церкви, а также обстоятельства дела Госснера, тоже проанализирована нами. По мнению П. К. Щебальского, записка составлена под руководством А. С. Шишкова[148]. Рукопись была опубликована священником М. Я. Морошкиным, который сообщал, что получил рукопись от православного оппозиционера А. А. Павлова. Он же выдвинул версию об авторстве записки С. А. Ширинского-Шихматова.

Нами широко привлекаются мемуары консерваторов, оказавшие определенное влияние на историографическую традицию. Зачастую они использовались тенденциозно и некритически. Их публикация началась во второй половине XIX в. В 1870 г. П. К. Щебальский отмечал: «За последнее десятилетие, из частных архивов хлынула такая масса мемуаров, корреспонденций, а также «мнений», высказанных деятелями прежнего времени по различным законодательным и административным вопросам, что человек, постоянно следивший за ними, может составить себе довольно отчетливое понятие о свойствах деятелей Александровской эпохи и о характере тогдашних событий»[149]. Следует обратить внимание на крайне субъективный характер мемуарной информации, но надо признать и то, что нередко она является единственным и весьма богатым источником информации. Из наиболее важных источников такого рода назовем мемуарные записки Г. Р. Державина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, материалы для биографии Н. М. Карамзина под редакцией М. П. Погодина, автобиографические записки архимандрита Фотия (Спасского). Особенно содержательны записки А. С. Шишкова, начатые им в 1828 г., но не появившиеся при жизни автора, поскольку Николай I не желал, чтобы они появились в печати при жизни митрополита Филарета (Дроздова), которого Шишков неоднократно подвергал критике в своих мемуарах (за поддержку перевода Библии с церковно-славянского на русский язык, за текст известного

[147] Русский архив. 1868. Стлб. 1329–1391.

[148] *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 247.

[149] Там же. С. 192.

«Катехизиса», дружбу с А. Н. Голицыным и т.п.) [150]. К ним тесно примыкает ряд документов мемуарного характера, однако по своей значимости и насыщенности фактами они существенно уступают вышеприведенной мемуаристике «первого ряда»[151].

Весьма содержательны записки С. П. Жихарева и статья А. С. Стурдзы, в которых содержатся дневниковые записи первых заседаний «Беседы любителей русского слова»[152]. Богатый материал по истории православной оппозиции и ее борьбы с «мистической партией», «картина быта церковного и духовной борьбы в царствование Александра I» содержатся в мемуарных записях Стурдзы[153]. Это первая часть его до сих пор не опубликованных целиком «Записок современника»[154]. По оценке Ю. Е. Кондакова, будучи «с одной стороны, хорошо осведомленным, а с другой стороны, не связанный участием в православной оппозиции, А. С. Стурдза мог позволить себе быть весьма откровенным. Только в его мемуарах открыто указывается на

---

[150] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Т. 1. С. 1.

[151] *Глинка С. Н.* Записки о 1812 годе. Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения. СПб., 1836 ; *Его же.* Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. СПб., 1837 ; Из записок графа Ф. В. Ростопчина. 1812 год. Последние страницы, писанные графом Ростопчиным // Девятнадцатый век : исторический сб. М., 1872. Кн. 2 ; Карамзин : pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб., 2006 ; *Бартенев Ю. Н.* Рассказы князя А. Н. Голицына : из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. № 3. С. 369–381 ; № 5. С. 52–108 ; № 7. С. 305–333 ; № 10. С. 129–166 ; Показания Магницкого. О службе действительного статского советника Магницкого. (Копия с собственноручной его записки) // Девятнадцатый век : исторический сб. М., 1872. Кн. 1. С. 235–255 ; Причины преследования М. Л. Магницкого, им самим описанные // Русская старина. 1901. Т. 105, № 3. Март. С. 678–684 ; Автобиографические записки Д. П. Рунича. Издание А. Титова. Ярославль, 1909 ; *Рунич Д. П.* Записки // Русское обозрение. 1890. № 8–10 ; Из записок Рунича // Русская старина. 1901. Февраль. 1896, т. 88, кн. 11 ; 1901, т. 105, кн. 1–3 ; т. 106, кн. 4–5 ; Аракчеев : свидетельства современников. М., 2000.

[152] *Жихарев С. П.* Записки современника : воспоминания старого театрала : в 2 т. Л., 1989 ; *Стурдза А. С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ч. 6, № 21. Отд. 1. С. 1–22.

[153] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. XV. № 2.

[154] [*Неводчиков Н., свящ.*] Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. Одесса, 1868. С. 3.

существование «православной партии», выступившей на защиту Православной Церкви»[155].

Отдельную группу источников представляют воспоминания о конкретных персоналиях[156]. Кроме того, в качестве источника использованы мемуары Ф. Ф. Вигеля, Н. И. Греча, Д. Н. Свербеева, П. В. Чичагова[157], позволяющие существенно уточнить некоторые биографические подробности и эпизоды деятельности тех или деятелей консервативного течения. В наибольшей мере в них идет речь об А. С. Шишкове, М. Л. Магницком, А. С. Стурдзе.

В работе были также использованы источники личного происхождения. Из них выделим изданные Н. Ф. Дубровиным

[155] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 125.

[156] *Стурдза А. С.* Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9, 10 ; *Аксаков С. Т.* Воспоминания об А. С. Шишкове // Собр. соч. : в 5 т. М., 1986. Т. 2 ; *Его же.* Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч. : в 3 т. М., 1986 ; *Свербеев Д. Н.* Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым // Русский архив. 1871. № 1 ; *Булгаков А. Я.* Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7 ; *Полевой Н.* Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1934 ; *Стурдза А. С.* Воспоминания о жизни и деятельности графа И. А. Каподистрии, правителя Греции // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 2. Апрель–июнь. 2-я паг. ; *Гёце П. П. фон.* Из записок Петра Петровича фон Гёце. Кн. А. Н. Голицын и его время // Русский архив. 1902. № 9, 11 ; *Стурдза А. С.* Дань памяти вельможи-христианина кн. А. Н. Голицына. Одесса, 1845 ; *Лажечников И.* Как я знал М. Л. Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1. Т. 61 ; *Морозов П. Т.* Мое знакомство с М. Л. Магницким. М., 1877 ; *Его же.* Из одесских воспоминаний П. Т. Морозова // Русский архив. 1877. Кн. 3 ; *Мацеевич Л. С.* Одесские заметки о Магницком [Неизданная рукопись Магницкого. Из воспоминаний о Магницком протоиерея М. К. Павловского. Могила Магницкого] // Там же. 1898. № 2 ; *Панаев В. И.* Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3, 4 ; *Стурдза А. С.* Воспоминание о Михаиле Леонтьевиче Магницком // Русский архив. 1868. Кн. 2 ; *Его же.* Воспоминания о М. Л. Магницком // Там же. 1868. Вып. 1 ; *Шениг Н. И.* Воспоминания // Там же. 1880. Т. 3. Кн. 2 ; *Рунич Д. П.* : воспоминания Д. Н. Родионова // Русская старина. 1898. № 8 ; *Витберг А. Л.* Записки академика Витберга, строителя Храма Христа Спасителя в Москве // Там же. 1872. № 1, 2, 4 ; *Морошкин Я. Л.* Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря : Воспоминания священника // Там же. 1876. Т. XVII.

[157] *Вигель Ф. Ф.* Записки : в 2 т. М., 1928 ; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М. ; Л., 1930 ; *Свербеев Д. Н.* Записки (1799–1826). М., 1899. Т. 1 ; *Чичагов П. В.* Записки. М., 2002.

эпистолярные комплексы – сборники писем видных деятелей царствования Александра I[158]: в наибольшей мере представлена переписка периода 1812 г. Ф. В. Ростопчина и М. Л. Магницкого (в первой половине 1820-х гг., когда он играл видную роль в Министерстве духовных дел и народного просвещения). Значительный интерес представляет переписка Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, великой княгини Екатерины Павловны, Ж. де Местра, А. Н. Голицына, архимандрита Фотия (Спасского)[159].

Подробно проанализированы материалы зародившейся в первое десятилетие XIX в. консервативной периодики, в частности, журнальные публикации «карамзинского» «Вестника Европы» (1802–1803) и «Русского вестника» С. Н. Глинки. В наибольшей степени эти материалы важны для исследования представлений консерваторов о самодержавной власти, их критике галломании, просветительства и правительственного либерализма александровской эпохи.

Одним из источников явилось собрание документов народного просвещения, в котором опубликованы инструкции и приказы, вышедшие из-под пера А. Н. Голицына, М. Л. Маг-

---

[158] *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006 ; *Его же.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006.

[159] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866 ; Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 гг. // Российский архив. М., 1992. Вып. 2, 3 ; *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1, 2 ; Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : Новая серия / Тарт. ун-т. Каф. рус. лит. ; ред. Л. Н. Киселева. Тарту, 1994. Т. 1 ; 1996. Т. 2 ; Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. 2. № 8 ; Письма гр. Ф. В. Ростопчина к князю П. Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2 ; *Великий князь Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910 ; Письма Великой Княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888 ; *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 10–12 ; *Барсов Н. И.* Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1822–1825 гг. Переписка // Русская старина. 1882. Т. 33, 34 ; Переписка князя А. Н. Голицына и архимандрита Фотия в 1822–1825 гг. // Там же. С. 1882. № 3–7 ; [*Голицын А. Н.*] Письма к графине А. А. Орловой-Чесменской в 1822–23 гг. // Русский архив. 1869. М., 1870 ; Письма архимандрита Фотия к графине А. А. Орловой // Там же. 1878. Кн. 2. № 7.

ницкого, А. С. Стурдзы, А. С. Шишкова[160]. В частности, исключительно важны те инструкции и наставления, в которых сформулированы основные компоненты консервативной политики в сфере науки и образования.

Следует отметить, что нами были учтены данные, содержащиеся в библиографическом обзоре «Консерватизм в России XVIII – начала XX в.» И. Л. Беленького[161], энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX века»[162], справочнике Д. Н. Шилова «Государственные деятели Российской империи»[163].

Таким образом, источниковая база работы (как архивные, так и опубликованные материалы) позволяет осветить основные направления практической и теоретической деятельности русских консерваторов первой четверти XIX в.

---

[160] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1 : Царствование Александра I. 1802–1825.

[161] *Беленький И. Л.* Консерватизм в России XVIII – начала XX в. : библиогр. обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в. // Россия и современный мир. 2001. № 4 ; 2002. № 1–4 ; 2003. № 2, 3 ; 2004. № 1.

[162] Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. М., 2005.

[163] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи : главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 : библиогр. справочник. СПб., 2002.

Глава 2

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА (1801–1807 гг.)

В период своего становления русский консерватизм был явлением, родственным западноевропейскому консерватизму, возникшему прежде всего в качестве идейно-политической реакции на идеологию Просвещения и Великой французской революции, однако имел при этом вполне оригинальные черты. В силу исторических особенностей русские традиционалисты и консерваторы первоначально реагировали не столько на эксцессы французской революции (в консервативном дискурсе ламентации по поводу кровавого террора и разрушения тронов и алтарей занимают сравнительно немного места), сколько на реформы Петра Великого и вызванные ими модернизационные процессы[1]. Под модернизацией следует в данном случае понимать одновременные изменения в ключевых сферах жизни человека и общества – переход от аграрного традиционного общества к современному индустриальному, урбанизацию, маргинализацию роли религии, рационализацию человеческого мышления и деятельности, демократизацию и уменьшение социальных различий, усиливающуюся индивидуализацию[2].

[1] Отметим, что трактаты М. М. Щербатова, такие как «Путешествие в землю Офирскую» (1784) и «О повреждении нравов в России» (1786–1788), направленные против «новшеств», внесенных в русскую жизнь Петром I и Екатериной II, появились несколько раньше классических работ Эдмунда Бёрка «Размышления о революции во Франции» (Reflections on the Revolution in France) (1790) и Жозефа де Местра «Размышления о Франции» (Considérations sur la France) (1796).

[2] См.: *Майофис М.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 26.

Одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения (Т. Егерева, специально исследовавшая эту проблему, отмечает, что русские консерваторы «по характеру и направленности своего европеизированного образования были детьми века Просвещения»[3]), получившей интеллектуальное и нравственное развитие в западноевропейских университетах, в масонских ложах, хорошо знакомой с работами Вольтера, Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера и др. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма прежде всего французских роялистов, главным образом Ж. де Местра. Без наличия этого тонкого слоя европейски образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах. Этот слой возник в России во второй половине XVIII в. после принятия манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 18 февраля 1762 г., по которому русские дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы, а состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. При этом манифест предоставил дворянам больше возможностей не только для занятий своим хозяйством, но и для занятий интеллектуальной деятельностью, что привело к возникновению интеллектуальной элиты. В конце XVIII – начале XIX в. в русском образованном слое явно доминировали идеи либерализма, консерваторов и радикалов было сравнительно немного. Слой этот был исключительно дворянский, разночинцы начинают инкорпорироваться в интеллектуальную элиту позже, начиная со второй четверти XIX в.

В Российской империи консерватизм в период возникновения в самом общем виде представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX вв. стали реформы Петра I, либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства, проекты преобразований, связанные с именем М. М. Сперанского, галломания русского дворянства, наполеоновская агрессия против

[3] *Егерева Т.* «Старинные кадеты» XVIII века : влияние образования на систему ценностей русских консерваторов // Родина. 2010. № 2. С. 55.

Российской империи, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 г., а также послевоенная политика создания экуменического евангельского государства, приведшая к понижению статуса православной церкви как государственной. Эти явления и события воспринимались русскими консерваторами как угроза, ведущая (как это воспринималось в традиционалистско-консервативном дискурсе) к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии вообще, языка, патриархального быта, национальных традиций, сословных перегородок и т.д. Угрозы и вызовы существующему порядку вещей неоднократно бывали и раньше. Однако они не подрывали основополагающие принципы монархической власти, религии, культурно-языковой идентичности. К концу XVIII в. ситуация резко изменилась. Процессы вестернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Соответственно, беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности.

Ранние русские консерваторы разделяли те основные ценности, которые были характерны и для их западноевропейских единомышленников, вроде Ж. де Местра, Л. де Бональда, А. Мюллера и Ф. фон Баадера, ставивших своей целью защиту и актуализацию позитивных традиций и ценностей идеализированного традиционного общества. Русский консерватизм типологически близок западноевропейскому, поскольку обладал теми же основными чертами, такими как традиционализм, неравенство как естественное состояние общества, самобытность, патриотизм и т.д. В то же время идейное влияние западноевропейских мыслителей-консерваторов на русских единомышленников было сравнительно невелико, скорее следует говорить о том, что возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским и под влиянием сходных факторов.

История становления русского консерватизма однозначно свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекста. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно

плюралистичным и конфликтным. Консерватизм не являлся универсальной идейной системой с четко очерченной системой взглядов. Однако в русском консерватизме четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православной религии на все стороны общественной жизни – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального народного напряжения и сплоченности. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие определенных западноевропейских политических и культурно-религиозных традиций: конституционализма, парламентаризма, республиканизма, реформаторских религиозных течений, разрушительных для церковной ортодоксии. Впрочем, далеко не все течения русского консерватизма носили антизападнический характер, однако они никогда не были господствующими даже в самой консервативной среде.

Главным течением в русском консерватизме изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них). С нашей точки зрения, это обстоятельство позволяет оценивать то или иное течение в русском консерватизме, в том числе и первой четверти XIX в., по тому, как трактовались члены триады, каково было отношение к ним во взглядах представителей соответствующего течения. Анализ более зрелого явления, знание о нем может многое прояснить в этом явлении на стадии его зарождения и становления.

Исторически первыми возникли течения светского консерватизма, поначалу мало связанные с православной церковью, ставящие своей целью борьбу с галломанией и отстаивание устоев традиционного общества, таких как самодержавие, крепостное право, сословные привилегии и т.д.[4] Воззрения консерваторов охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов: о национальном образовании, характере подлинно-самодержавной власти, отношениях церкви и государства, вопросах цензуры, «русском праве», самобытной национальной культуре, опирающейся прежде всего на определенные языковые традиции, исторической судьбе России, русском национальном характере, сословном вопросе, университетской политике, вопросах внешней политики и т.д. Консерваторы старались исключить из преподавания в русских университетах рационалистическую философию и естественное право – как дисциплины, подрывающие основы самодержавной власти и православной веры, превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно решив по-своему проблему воспитания в национальном духе. Именно этот круг проблем, разумеется, в модифицированном виде, стал основой так называемой «русской идеи»[5].

Констатируя, что русский консерватизм имел свою предысторию, мы, однако, не освещаем ее подробно по следующим причинам. Во-первых, применительно к этому периоду можно говорить лишь о наличии традиционалистских воззрений в дворянской среде; во-вторых, в конце екатерининского царствования и в павловское царствование отсутствовала минимальная свобода выражения идей, необходимая, с нашей точки зрения, для того, чтобы консерватизм начал оформляться как влиятельное идейное течение, хотя, несомненно, во многом павловский режим был реакцией на французскую революцию и либеральные преобразования Екатерины.

[4] См.: *Минаков А. Ю.* К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26–31 ; *Его же.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280.

[5] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 50.

С приходом гласности в начале царствования Александра I основное условие, необходимое для публичного выражения взглядов консерваторов, наконец, появилось. «Катализаторами» также явились либеральные меры начального периода царствования Александра I, вызывавшие противодействие со стороны консерваторов, и нарастающая угроза агрессии наполеоновской Франции, которая воспринималась как носительница революции с явно выраженной западноевропейской родословной, и, в особенности, галломания русского высшего общества. Лишь в совокупности все эти причины вызвали появление на свет русского консерватизма[6]. Разумеется, имело место прямое и косвенное влияние западноевропейской консервативной мысли.

Консерваторы отнеслись к либеральным преобразованиям Александра I отрицательно. Впрочем, эта неприязнь не вылилась в сколько-нибудь серьезное противодействие реформаторским начинаниям, «отложившись» преимущественно в язвительные отзывы и беззубые записки по поводу тех или иных начинаний или лиц. В своих воспоминаниях А. С. Шишков противопоставлял молодых реформаторов екатерининским вельможам, которые «должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали все прежние в России постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми и невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твориться пред младым царем»[7]. Особую неприязнь вызывала у консерваторов деятельность Негласного комитета, который сам Александр I полушутя-полусерьезно называл именем карательного органа якобинской диктатуры – «Комитет общественного спасения». Политическое противостояние консерваторов либеральным проектам Александра I и Негласного комитета достаточно подробно описано

[6] См.: *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 5.

[7] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 84–85.

в исторической литературе[8], поэтому ограничимся изложением этого сюжета лишь в той степени, в какой он способствует раскрытию темы нашего исследования.

Одной из первых мер, встреченных консерваторами скептически, было введение министерской системы. Это был результат компромиссной политики Александра I, который стремился удовлетворить притязания как «молодых друзей», так и «старых служивцев», т.е. тех, кто заслужил свои высокие посты при Екатерине II. А. С. Шишков о введении министерств писал: «Признаюсь, что сия перемена, разрушавшая постановление Петра Великого и Екатерины Второй, крепко меня опечалила: казалось мне, что многое после сего не устоит на своем месте и что новый порядок и новое преобразование вещей едва ли поведут нас по лучшему пути, нежели тот, который проложен был толь мудрыми монархами»[9]. С. Н. Глинка в «Историческом взгляде на общества европейские и на судьбу моего Отечества», кажется, одним из первых заговорил о бюрократическом средостении между монархом и народом именно в связи с созданием министерств: «Учреждение министерства безответственного поселило в России гидру олигархического правления; она заслонила престол от народа новыми властелинами, из коих каждый сделался в полном смысле властелином»[10]. Однако следует признать, что отнюдь не министерская реформа в наибольшей мере раздражала консерваторов.

В начале XIX в. значимой проблемой для русского образованного общества, если судить по источникам, были споры вокруг проблемы влияния французской культуры на русское дворянское общество, когда многие ее аспекты воспринимались и заимствовались предельно некритически. Эти споры способствовали «кристаллизации» консервативного направления.

Исследователи отмечали, что галломания зародилась в царствование императрицы Елизаветы и особенно усилилась

[8] См.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957 ; *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975 ; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1980 ; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

[9] *Шишков А. С.* Указ. соч. С. 87.

[10] Цит. по: *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 52.

в результате наплыва французских эмигрантов при Екатерине II и Павле I, которые часто становились воспитателями русских дворянских юношей. Как отмечал А. Д. Галахов, этот «неразумный обычай» объяснялся историческими обстоятельствами, среди которых он называл необразованность дворянства, пристрастие к французскому языку высшего общества и отсутствие собственных педагогических учреждений, в которых бы готовились русские преподаватели и воспитатели. Примеру высшего обшества последовало «сначала зажиточное дворянство, а за ним потянулась «мелкая сошка», желавшая жить как знатные господа»[11].

А. Д. Галахов подчеркивал особую роль частных пансионов, создаваемых иностранцами, поскольку в них французское влияние проявлялось «еще более интенсивно», чем в государственных учреждениях[12]. В пансионах добивались только настоящего французского выговора. Галахов писал: «Сатире и комедии легко было собирать обильную поживу с галломании. Сколько встречалось таких господ, и молодых и не молодых, которые не умели похристосоваться на родном языке! Существовали даже градоначальники, затруднявшиеся в объяснениях с подчиненными, которые не говорили по-французски»[13].

Отечественный историк, которого традиционно относят к «консервативно-охранительному лагерю», Н. Ф. Дубровин описывал плохое знание русского языка дворянами как следствие галломании: «Высшее общество, воспитанное на иностранной *выдержке,* говорило по-русски более самоучкою и знало его понаслышке; красоту и силу природного языка изучали у псарей, лакеев, кучеров, и надо отдать справедливость, что изученное таким путем красноречие знали в совершенстве»[14]. Забвением языка дело не ограничивалось. С точки зрения Дубровина, галломания вела к распаду семейных связей и традиций: иностранные гувернеры и гувернантки делались «повелителями в

[11] *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 4–5.

[12] См.: *Бочкарев В. Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. II. С. 195.

[13] *Галахов А. Д.* Указ. соч. С. 6.

[14] *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 126.

семействе и тиранами детей, которые не смели жаловаться на дурное с ними обращение, не проговориться о пороках и дурном поведении своих наставников и наставниц. С другой стороны, воспитатели прикрывали пороки своих воспитанников, а очарованные родители только и твердили детям, что они во всем должны брать пример с французского экземпляра, и что всё, чему он их научит, хорошо и сущая истина. Таким образом, сложив с себя добровольно родительскую власть и отрекшись от воспитания своих детей, отцы и матери отдали их на произвол пришельцев, которые не стыдясь печатали в газетах объявления, что будут учить нас любви к отечеству, приверженности к вере и государю. Вместо этого они поселяли в семье полнейший разлад: внушали детям неуважение к родителям и, если не презрение, то полное равнодушие ко всему русскому и сочувствие ко всему иностранному»[15]. Одним из последствий иностранного воспитания, согласно Дубровину, стало нравственное разложение русской дворянской молодежи: «Беглые и наглые француженки <… > открыли в этих вертепах постыдный торг честью русских женщин и русских девушек. Сколько сгубили тогда детей: в десять–двенадцать лет мальчики пили мертвую чашу и знали все проделки разврата»[16]. В итоге в русской жизни появились доселе неслыханные новшества: «тайные развратные общества: в Москве – клуб адамистов, а в Петербурге – общество свиней»[17]. Подобная точка зрения подтверждается достаточно многочисленными высказываниями современников. А. М. Тургенев писал: «Как пчелы налетают на дерево и облепляют все его ветви, так эмигранты набежали в Россию, набежали, нанесли и водворили у нас тысячи дотоле незнаемых нами предрассудков, разврата, бездельничества – словом, всего, что было скверного, гнусного и преступного во Франции»[18].

А. Д. Галахов, одним из первых проанализировавший феномен галломании, отмечал, что в консервативном дискурсе воспитание, осуществляемое иностранцами, воспринималось как орудие европейской политики для достижения «коварных,

[15] *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. С. 132.
[16] Там же. С. 133.
[17] Там же. С. 131.
[18] Там же.

антирусских целей»[19]. Галломания представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались как бы сфокусированы все угрозы, которые несли с собой Великая французская революция и наполеоновская агрессия. Более того, французское влияние порой рассматривалось как источник буквально всех бед России. К примеру, в письме к императору, датированном 1804 г., М. И. Антоновский (1759–1816) утверждал: «Растление честнейших нравов, повреждение добрейших обычаев, развращение верховного начальства, ужаснейшая дороговизна в России, в сем обильнейшем во всех естественных произведениях самостоятельном государстве суть отпрыски скрытнейшего оных франков коварства, козней, крамол, устремленных от них к явному падению величества России, а с тем и к покорению ее игу своему, подобно недавно случившимся и продолжающимся в Европе от сих, по изречению великого Суворова, ветреных, сумасбродных, безбожных французишков»[20].

Точка зрения консерваторов на галломанию как однозначно негативное явление вызывала критику со стороны либерально настроенных историков и публицистов второй половины XIX в., в частности А. Н. Пыпина, который считал галломанию явлением, имеющим прогрессивные черты, а ее бесспорно негативные стороны объяснял крепостничеством, отсталостью и невежеством русского общества. «Печальная необходимость – отсутствие порядочных средств воспитания, – писал он, – делала то, что очень большая доля воспитания в среднем и высшем дворянском кругу принадлежала иностранцам, преимущественно французам, отчасти немцам. В числе их были люди разного сорта, но, между прочим, было много людей действительно образованных и с полным сочувствием к просвещению и человечности <…> других средств воспитания сама тогдашняя русская жизнь не давала». Пыпин заявлял, что «французское воспитание не мешало воспитанникам оставаться русскими во всех своих нравах и помышлениях, или вырабатываться в хороших людей и горячих патриотов. То дурное, что так легко и дешево было сваливать на французское воспитание, гораз-

[19] *Галахов А. Д.* Указ. соч. С. 1.

[20] Цит. по: *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 22.

до больше происходило не от одного французского гувернера, а от целого склада жизни, еще преисполненной крепостным варварством и старинным невежеством»[21]. При таком подходе те, кто выступал против галломании, трактовались Пыпиным как гонители просвещения и защитники крепостнических порядков: «Обличение галломании, как обличение «нового слога», превратилось в преследование вольнодумства, представляющее чрезвычайно много сходства с травлей «интеллигенции» в недавнее время: даже люди, по-видимому честные, вопияли о воображаемых опасностях от вольнодумства, жаловались, что мы забываем добрые русские нравы и почтенную старину, и считали наших вольнодумцев настоящими агентами и союзниками революции»[22].

В противоположность А. Н. Пыпину, академик Н. С. Тихонравов, оценивая литературную борьбу русских консерваторов против галломании, утверждал, что они «сражались не с призраками, но с существенными недостатками и вредными сторонами современности. Тогда такие нападки были, может быть, нужны более, чем когда-нибудь»[23]. Вряд ли мог бы согласиться с Пыпиным и деятель с вполне либеральной репутацией – П. А. Вяземский: «Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: галломания, французолюбцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но и воевать против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы?»[24]. Галломания была неприемлемым явлением почти для всех консерваторов того времени.

---

[21] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 83–84.

[22] Там же. С. 288.

[23] *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 48–49.

[24] Цит. по: *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 438.

Немалую роль на начальном этапе складывания консервативной оппозиции либеральным мерам Александра I сыграл Гаврила Романович Державин (1743–1816). Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, имевшей примесь татарской крови, Державин после длительных усилий (не будучи родовитым и не имея покровителей, он в течение десяти лет дожидался первого офицерского чина) к концу царствования Екатерины становится видным государственным деятелем: в 1791 г. он был назначен статс-секретарем Екатерины II, в 1783 г. – сенатором. В еще большей степени Державин усилил свои политические позиции в кратковременное царствование Павла I, занимая, наряду с некоторыми другими, посты президента Коммерц-коллегии, государственного казначея и члена Совета при Высочайшем дворе. После убийства Павла I Державин потребовал расследования обстоятельств его смерти. Более того, он, по словам Н. К. Шильдера, «принадлежал к числу лиц, сильно предубежденных против нового порядка; он открыто восставал против «коверкания» всех начинаний императора Павла»[25]. Это едва не стоило ему государственной карьеры. Сам Державин заявлял, что ряд видных сановников, к которым он относил генерал-прокурора А. А. Беклешова, первого статс-секретаря Д. П. Трощинского и графа А. Р. Воронцова, «обладали <…> императором по их воле» и «ворочали государством»[26]. Именно по их вине «доведено было государство до близкой в 1812 году погибели. Началось неуважение законов и самые беспорядки в Сенате; охуждая правление императора Павла, зачали без разбора, так сказать, всё коверкать, что им не сделано»[27].

В 1801 г. Державин временно был уволен от всех должностей, ему был оставлен лишь пост сенатора, однако при этом он выполнял некоторые важные поручения Александра I. Державин был одним из тех, кто призывал императора вернуться к временам Екатерины и выполнить обещание, данное при восшествии на престол[28]. Результатом подобного давления на царя стал указ от 5 июня 1801 г., который предписывал Сенату

[25] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 41.

[26] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 223.

[27] Там же.

[28] См.: *Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2001. С. 111.

подать мнение об определении его прав и обязанностей. В числе представленных мнений было и «Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената Г. Р. Державина» (1801). Державин заявлял, что к началу XIX в. Сенат потерял значение как главный орган государственного управления, и поэтому его необходимо реформировать «для восстановления силы и существенной должности сего правительства»[29]. Он считал необходимым сохранить полномочия императора и ослабить его министров, подчинив их Сенату. Говоря о политическом устройстве государства, Державин заявлял, что «управлять Россиею при ее пространстве, разных народах в ней обитающих, никто не может быть лучше как царь самодержавный, но царствующий по законам»[30]. Центральной идеей проекта Державина была передача Сенату «законодательной власти». При этом право законодательной инициативы оставалось за императором. Сенат Державин предлагал сделать выборным органом. Все законопроекты должны проходить через Сенат, все назначения должностных лиц должны проводиться через него же. Сенаторы наделялись правами генерал-прокурора для наблюдения за вверенной губернией, т.е. должны были осуществлять контроль за системой исполнительной власти в стране. Сенат каждый год должен проверять отчеты государственного казначея. Все эти меры заставили бы монарха действовать в рамках законов. Казалось бы, Державин предлагал меры, которые могли бы быть интерпретированы как либеральные. На деле же они предлагались им как раз для ограничения реформаторских устремлений «молодых друзей» Александра I. Таким образом Державин пытался поставить их под контроль консервативно настроенной аристократии, добиться большей власти для Сената, но отнюдь не с целью ограничить власть монарха[31]. Он хотел быть уверенным в том, что император не будет изолирован от умонастроений благородного сословия его либеральными фаворитами и министрами.

Инициатива Державина имела исключительный в истории раннего русского консерватизма характер, поскольку для рус-

[29] *Державин Г. Р.* Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената. 1801 // Соч. СПб., 1872. Т. 7. С. 344.

[30] Там же. С. 341.

[31] См.: *Коркунов Н. М.* «Проект устройства Сената» Г. Р. Державина. СПб., 1896.

ских консерваторов даже более позднего времени идея ограничения власти самодержца во имя сохранения самодержавия была категорически неприемлема. Представляется, что специфика позиции Державина была обусловлена тем, что он одинаково неприязненно относился как к либералам и членам Негласного комитета, так и к старым екатерининским «служивцам». В его глазах это была единая «партия, хотевшая ослабить власть самодержавного императора и привесть ее к министерствам и Сенату»[32]. Он считал, что члены Негласного комитета «были набиты конституционным французским и польским духом»[33]. Таким образом, Державин поставил себя вне наиболее влиятельных группировок, его положение во власти целиком определялось отношением к нему императора.

В сентябре 1802 г. Державина назначают министром юстиции и генерал-прокурором. На этих постах он становится одним из ярких выразителей и генераторов консервативно-националистических настроений.

Первым серьезным конфликтом Державина со значительной частью министров и членов Сената стало дело графа польского происхождения С. О. Потоцкого. Формально речь шла о сроках военной службы дворянства. Военный министр С. К. Вязмитинов обратил внимание Александра I на то, что многие унтер-офицеры из дворян, и особенно польского происхождения, поступая на военную службу, сразу же подают в отставку. 5 декабря 1802 г. вышел указ, в котором предписывалось дворян, которые не дослужили до обер-офицерского чина, увольнять не ранее чем через 12 лет службы. Однако спустя несколько дней после его выхода член Сената Потоцкий заявил, что этот указ унижает русское дворянство и предложил Сенату воспользоваться дарованным Александром I правом входить к императору с представлением в случае, когда какой-либо указ окажется сопряженным «с великими неудобствами в исполнении». Сенат принял сторону Потоцкого. Против этого резко выступил Державин, который даже заболел «от чрезвычайной чувствительности и потрясения всех нерв, – что российский Сенат не токмо позволял унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идет против Государя и тем самым кладет на-

[32] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 241.
[33] Там же.

чальное основание несчастию государства, допуская засевать семя мятежей или революций, подобно французской»[34]. Потоцкий с точки зрения Державина представлял интересы поляков, которые замышляли «расстроить нашу военную силу, дабы, изнежив дворянство, сделать его неспособным к военной службе, следовательно, к защите отечества»[35].

Дворянское общество отнеслось к позиции Державина резко отрицательно: «Знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло его (мнение Потоцкого. – *А. М.*) с восхищением, так что в многолюдных собраниях клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкого, почитая его покровителем российского дворянства и защитником от угнетения; а глупейшие или подлейшие души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова яко злодеев выставить на перекрестках, замарав их дерьмом для поругания, не проникая в то, что попущением молодого дворянства в праздность, негу и своевольство без службы подкапывались враги отечества под главную защиту государства»[36]. Александр I в конечном счете принял точку зрения Державина.

Еще одним конфликтом, связанным с польским вопросом, стало столкновение Державина с В. П. Кочубеем, министром внутренних дел, который выступил с предложением позволить иезуитам распространять католичество на территории Российской империи, в частности, вести миссионерскую деятельность среди мусульманских и языческих народов Сибири, Астраханской и Оренбургской губерний. Державин возражал: достаточно «терпимости вер», которая и так имеется, а делать католическую веру господствующею «неприлично достоинству Империи», поскольку это «может потрясти дух народа и произвести со временем мятежи и возмущения, каковы были во Франции и в Немецкой земле». Державин предлагал «приложить старание о посылке миссионеров к иноверным идолопоклонническим и магометанским народам, дабы их привесть в религию Греческого исповедания, как делал царь Иван Васильевич, и приучить их к хлебопашеству и прочим обычаям и нравам коренных русских подданных, что бы умножило силу и твердость

[34] *Державин Г. Р.* Записки // Соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 788.
[35] Там же.
[36] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 243.

Империи»[37]. В итоге инициатива Кочубея была отклонена императором.

Одной из проблем, которая стала остро осознаваться с начала царствования Александра I, был еврейский вопрос, затрагивавший интересы части еврейства, проживавшей на территориях, вошедших в состав Российской империи после разделов Польши. Державин принял активное участие в попытках его разрешения, причем его позиция имела ярко националистическую и консервативную окраску. Еще при Павле I в 1800 г. он был командирован в Белоруссию для того, чтобы, с одной стороны, принять меры против голода, а с другой – изучить еврейский вопрос на месте. По итогам поездки Державиным была составлена записка «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и прочем»[38]. В ней Державин изображал евреев главными виновниками бедственного положения белорусских крестьян. Он предлагал изгнать их из деревень, запретить заниматься продажей зерна, винокурением и брать помещичьи имения в аренду. В тяжелом экономическом положении крестьян виноваты были, с его точки зрения, не только евреи, но и помещики, которые недостаточно заботились о благосостоянии своих крестьян. Державин по разным причинам игнорировал то обстоятельство, что и евреи, и помещики действовали так, как вынуждала их к этому сложившаяся система социально-экономических отношений, при которой помещикам было выгодно отдавать свои деревни в аренду или же свою монополию на винокурение на откуп евреям.

Г. Р. Державин давал резко отрицательную оценку еврейской культуре и обычаям, системе религиозного еврейского образования, воспитывающего негативное отношение к христианству, внутренней общинной организации еврейской общины. Он писал в записке, что раввины, «наполняясь исступлением древних их талмудов», поощряют «к одним пустым обрядам и ненависти к другим народам», что между евреями и другими народами «возвысилась и утвердилась <…> неразрушимая сте-

[37] *Державин Г. Р.* Записки // Соч. Т. 6. С. 782.

[38] *Державин Г. Р.* Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев. 1800 // Там же. Т. 7. С. 229–340.

на, которая, окружая их мраком, содержит в твердом единстве и отделении от всех обитающих с ними», что евреи «почитают себя единственно истинными богочтителями, а о всех других неединоверных с ними думают уничижительно, признавая их за язычников и идолопоклонников. <…> Себя они чтут пред всеми другими превосходнейшими»[39]. Говорилось в записке Державина и о «христианских кровопролитиях», т.е. мифических ритуальных убийствах христиан евреями, которые, впрочем, он считал делом рук «некоторых их фанатиков»[40].

Основной вывод Державина заключался в том, что российское еврейство следует полностью ассимилировать. Для этого им предлагался ряд мер, осуществлять которые должен назначенный императором «протектор», долженствующий представлять интересы еврейской общины перед императором и в Сенате. Прежде всего, следовало уничтожить кагальную организацию, чтобы у еврейской общины не было возможности сопротивляться намечаемым реформам. Кагалы в изображении Державина были «судилища, или места правления, составленные <…> из избраннейших их старейших, или раввинов», в которых «определяются и совершаются все их духовные и гражданские дела», в том числе сбор с народа денег «не токмо для государственных податей, но и для общественных их нужд»[41], при этом старшины кагала держат общину в суеверном страхе, обладая правом отлучения от общины, и эксплуатируют ее при помощи многочисленных произвольно налагаемых налогов. Словом, «кагалы – опасный status in statu, которых благоустроенное политическое тело терпеть не долженствует»[42], поскольку кагал препятствует всем попыткам сделать из евреев «добрых подданных». Державин предлагал провести перепись, после которой евреи должны быть поделены на четыре сословия: купцы, городовые мещане, сельские мещане и свободные поселяне. Все желающие евреи могли покинуть Российскую империю, но только после выплаты большого налога. Значительная часть еврейства должна войти в класс сельских мещан или свободных по-

[39] *Державин Г. Р.* Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев. 1800. С. 250–251.

[40] Там же. С. 256.

[41] Там же. С. 252.

[42] Там же. С. 260.

селян, основным занятием этого сословия должно стать скотоводство и землепашество, оно наравне с крестьянством должно платить подушную подать. Контакты между христианским и еврейским населением должны быть максимально ограниченными: евреи должны были проживать на отдельных от христиан улицах. При этом государство и владельцы земель, на которых должны проживать евреи, обязывались гарантировать им статус свободных людей. Большая же часть евреев должна переселиться в качестве свободных поселян для колонизации Новороссии. Средства на эти мероприятия должны быть получены от конфискации имущества тех евреев, которые нажили его на производстве и продаже спиртного. Всех нуждающихся евреев до окончания переселения предполагалось высылать на трёпку льна и пеньки в селениях и на рытье каналов.

Далее Державин предлагал меры, ставящие своей целью изменить мировоззрение, обычаи и традиции еврейства, прежде всего через приобщение евреев к христианской культуре через изменение в системе еврейского образования, для чего ей необходимо было придать светский характер. Кроме того, им планировалось введение жесткой цензуры на иудейские религиозные книги. Евреи, по его замыслу, даже должны изменить внешний облик и перестать носить национальную одежду, за исключением духовных лиц. Разумеется, должны быть уничтожены права евреев на занятия виноторговлей и арендаторством. Ассимиляционный проект Державина опирался на проекты еврейской реформы, ранее выдвигавшиеся представителями польского еврейского сообщества И. Франка и Н. Х. Ноткина.

Записка Державина была передана по распоряжению Павла I на рассмотрение Сената, а в конце 1802 г. был учрежден для рассмотрения еврейского вопроса особый комитет, куда вошли граф В. Зубов, сенатор С. О. Потоцкий, товарищ министра иностранных дел А. Е. Чарторыйский, министр внутренних дел В. П. Кочубей и Державин. Реакция еврейской общины на начало деятельности комитета была чрезвычайно острой. В своих записках Державин утверждал: «Гурко, белорусский помещик, доставил Державину перехваченное им от кого-то в Белоруссии письмо, писанное от одного еврея к поверенному их в Петербург, в котором сказано, что они на Державина, яко на го-

нителя, по всем кагалам в свете наложили херим, или проклятие, что они собрали на подарки по сему делу 1 000 000 <руб.> и послали в Петербург и просят приложить всевозможное старание о смене генерал-прокурора Державина, а ежели того неможно, то хотя посягнуть на его жизнь, на что и полагают сроку до трех лет, а между тем убеждают его, чтобы, сколько можно, продолжить дело, ибо при Державине не чают, чтоб в пользу их разрешено было»[43].

По словам Державина, ему попытались дать взятку через Н. Х. Ноткина, который «пришел в один день к нему и под видом доброжелательства, что ему одному, Державину, не перемочь всех его товарищей, которые все на стороне еврейской, <предложил принять> сто, и ежели мало, то и двести тысяч рублей, чтобы только с прочими его сочленами согласен»[44]. По поводу этого эпизода израильский исследователь еврейского вопроса в России Дж. Клиер утверждает следующее: «По-видимому, Державин не ошибался, утверждая, что евреи собирают крупные денежные суммы на «подарки» членам Еврейского комитета и что посредником в этих делах выступает не кто иной, как Нота Ноткин. Такова была обычная еврейская практика ведения дел с христианскими властями, и такие «подарки» редко не принимались, несмотря на праведный гнев Державина»[45].

Г. Р. Державин рассказал о попытке подкупа Александру I. На вопрос о том, надо ли ему принять предлагаемую взятку, Александр в замешательстве отвечал: «Погоди, я тебе скажу, когда надобно будет делать»[46]. После это Державин «по связи и дружбе» пересказал обстоятельства дела и графу В. А. Зубову, который был «в крайней связи с господином Сперанским», чего Державин не знал. В «Записках» Державин утверждал, что «Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме»[47]. В результате «вместо того, чтоб

[43] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 249–250.

[44] Там же. С. 250.

[45] *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев. М., 2000. С. 209.

[46] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 250.

[47] Там же. С. 251. О Перетце имеется информация в книге Клиера: «Богатый купец и подрядчик из Белоруссии Абрам Перетц <…> был связан с Комитетом. Д. Фишман назвал его «еврейским помощником Сперан-

выйти от государя какому строгому против проныров евреев приказанию <…> открывалось мнение всех членов, чтоб отставить винную продажу в уездах по местечкам по-прежнему у евреев; но как Державин на сие не согласился <…> то сие дело осталось в нерешении»[48]. В изложении Державина получалось, что члены Комитета, включая Сперанского, поддались известному «искушению».

Значение «Мнения...» Державина оценивается по-разному. Так, Дж. Клиер называет этот документ «грандиозным» и утверждает, что он послужил источником «информации, пусть и неточной, для реформаторов последующих поколений» и «катализатором важной попытки преобразования при Александре I»[49]. Главное, утверждает Клиер, именно Державин был первым государственным сановником высокого ранга, который сформулировал «еврейский вопрос» в России[50]. Подобный взгляд на евреев «преобладал в официальном подходе и общественном мнении в течение всего XIX столетия»[51]. Согласно этому взгляду, «евреи рассматривались как паразиты и эксплуататоры, от которых следовало защищать население, в первую очередь – сельское»[52]. Клиер утверждал, что «будущие поколения юдофобов черпали у Державина самую изощренную польскую юдофобию с ее историями про ритуальные убийства и про то, как Талмуд внушает евреям ненависть к христианам. Люди просвещенные не обращали внимания на эти его идеи, но они всё равно подспудно продолжали существовать, просто благодаря тому, что их подтвердило такое авторитетное лицо, как Державин»[53]. Безусловно, взгляды, подобные воззрениям Державина, оказали известное влияние на формирование антисемитского консервативного дискурса, хотя, как представляется,

ского». Перетц занимался налоговыми откупами, подрядами в кораблестроении, соляной торговле и был в Петербурге человеком известным. <…> Родной дом Перетца в Могилеве являлся центром для финансовой и экономической верхушки белорусского еврейства. <…> Сын Перетца, Григорий, был замешан в восстании декабристов 1825 г.» (*Клиер Дж.* Указ. соч. С. 205–206).

[48] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 251.

[49] *Клиер Дж. Д.* Указ. соч. С. 189–190.

[50] См.: Там же. С. 192.

[51] Там же. С. 192–193.

[52] Там же. С. 193.

[53] Там же. С. 194.

роль Державина в этом преувеличивать не следует: идейных источников консервативного антисемитизма было достаточно много, укажем лишь на соответствующую католическую традицию, о которой мимоходом упоминает Клиер, и на обширную немецкую протестантскую литературу.

Помимо собственно еврейских проблем, на рассмотрение Еврейского комитета было передано и дело, касавшееся положения части населения Западного края – чиншевой шляхты, или так называемых панцирных бояр, лично свободных, близких к однодворцам, среди которых было много безземельных, живших на помещичьих землях и плативших оброк польским дворянам. Державин считал их послушным орудием польской шляхты, которую панцирные бояре поддерживали во время выборов на сеймах, поэтому он разработал проект о «выселении их на свободные земли в поволжские губернии и Сибирь и образовании из них ландмилицких полков»[54]. Никаких последствий записка Державина не имела. Дальнейшие события подтвердили известную справедливость его опасений, поскольку из панцирных дворян формировались полки, сражавшиеся против России на стороне Наполеона.

В 1803 г. у Державина произошел очередной конфликт из-за указа «О вольных хлебопашцах», который он категорически не принял (об этом см. заключительную главу, посвященную взглядам консерваторов, в том числе и по крестьянскому вопросу), и в начале октября 1803 г. Александр I опубликовал рескрипт, в котором под предлогом нарушений в ведении дел в канцелярии министра юстиции Державин освобождался от занимаемого им поста министра юстиции и генерал-прокурора, но при этом оставался членом Сената и Государственного Совета. Во время личной встречи с Александром I на вопрос Державина о причинах немилости император заявил: «Ты слишком ревностно служишь»[55], после чего Державин отказался от членства в Совете и Сенате и просил полностью уволить его от службы. 7 октября 1803 г. последовал именной указ об увольнении Державина, положивший конец карьере его как государственного деятеля. Сам Державин главной причиной

[54] *Иконников В. С.* Г. Р. Державин в своей государственной и общественной деятельности. Пг. ; Киев, 1917. С. 40.

[55] *Державин Г. Р.* Записки // Соч. Т. 6. С. 821.

своей отставки считал происки врагов, которым удалось настроить Александра I против него. Прежде всего, он считал своими врагами «молодых друзей» императора (Негласный комитет), которых он называл не иначе как «якобинской шайкой»[56], пропитанной «французским и польским конституционным духом»[57].

В историографии существует мнение, что отставка Державина была результатом борьбы «русской» и «польской» партий и победы последней. Так, В. Ратч утверждал, что Державин «остановил миссионерство иезуитов и пропаганду латинства в империи, содействовал к задержанию попытки помилованных польских мятежников – за службу, заменявшую штраф, быть награжденными чином, отстоял права самодержавной власти против первой попытки Потоцкого ввести в самодержавную Россию чуждые обычаи Речи Посполитой, поднял вопрос о евреях, противный панским выгодам, и наконец поднял вопрос о выселении безземельной шляхты из Западного края». Державин, писал Ратч, стоял «бдительным стражем» против польской партии. «Польские магнаты видели всю необходимость от него избавиться, и они скоро достигли цели»[58]. Это же мнение разделял биограф Державина Я. К. Грот: «Действительно, нет никакого сомнения, что польская интрига главным образом способствовала окончательной опале Державина, но приписать его падение исключительно стараниям партии Чарторыского можно бы только в таком случае, если бы он, противоборствуя ей, не раздражал в то же время самого императора своими противоречиями и настойчивостью»[59]. Однако представляется, что во многом действия Державина были обусловлены спецификой его политического статуса. Он вынужден был действовать в придворных кругах в одиночку, рассчитывая исключительно на благоволение и понимание со стороны монарха, что и предопределило быстрый крах его политической карьеры. Бесспорный антилиберализм, монархизм и консервативный национализм позволяют считать Державина одним из первых русских

[56] Там же. С. 812.

[57] Там же. С. 787.

[58] Цит. по: *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 833.

[59] Там же.

государственных деятелей, сознательно следующих консервативным принципам в своей политической практике.

Более значимой для складывания русского консерватизма, нежели государственная деятельность Г. Р. Державина, оказалась литературная и научная деятельность Н. М. Карамзина[60]. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) происходил из крымско-татарского рода Кара-мурзы (известного с XVI в.). Детство он провел в имении отца – Михаила Егоровича, помещика средней руки – селе Знаменское, затем воспитывался в частном пансионе Фовеля в Симбирске, где учили на французском языке, потом в московском пансионе профессора И. М. Шадена. Шаден являлся апологетом семьи, видел в ней хранительницу нравственности и источник образования, в котором религия, начало мудрости, должна занимать ведущее место. Наилучшей формой государственного устройства Шаден считал монархию, с сильным дворянством, добродетельным, жертвенным, образованным, ставящим во главу угла общественную пользу. Влияние Шадена на формирование Карамзина несомненно. В пансионе Карамзин выучил французский и немецкий языки, учил английский, латынь и греческий. Кроме того, Карамзин посещал лекции в Московском университете. С 1782 г. он служил в Преображенском полку. В это же время начинается его литературная деятельность.

По смерти отца Карамзин в 1784 г. вышел в отставку и уехал в Симбирск, где вступил в масонскую ложу «Золотого венца». Спустя год он переехал в Москву, где сблизился с московскими масонами из окружения Н. И. Новикова, под влиянием которых формируются его взгляды и литературные вкусы, в частности, интерес к литературе французского просвещения, «энциклопедистам», Монтескьё, Вольтеру и др. Масонство при-

[60] О жизни и деятельности Н. М. Карамзина как консерватора см.: *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Литературная учеба. 1988. № 4 ; *Его же.* Карамзин. СПб., 1997 ; *Китаев В. А.* У истоков русского консерватизма : (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) // Материалы II науч. конф. профессорско-преподавательского состава Волгогр. гос. ун-та. Волгоград, 1994 ; *Его же.* Век XIX : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008 ; *Ермашов Д. В., Ширинянц А. А.* У истоков русского консерватизма : Н. М. Карамзин. М., 1999.

влекало Карамзина своей просветительской и благотворительной деятельностью, но отталкивало своей мистической стороной и обрядами. По утверждению Я. К. Грота, Карамзин «отзывался о новиковском обществе несочувственно; по своему отвращению от всякого мистицизма, по нерасположению ко всему неопределенному и неясному, он не мог долго оставаться в кругу масонов и скоро отстал от них, потому, что не удовлетворялся мистическою стороною их учения. Но в воззрениях их была еще другая сторона: дух религиозного благочестия, патриотизма, благоволения к человечеству и братской любви к ближнему. Этот самый дух распространен в сочинениях Карамзина и был, конечно, по крайней мере в известной степени, плодом пребывания его в масонском обществе»[61]. В конце 1780-х гг. Карамзин участвует в различных периодических изданиях: «Размышления о делах Божиих...», «Детское чтение для сердца и разума», в которых публикует собственные сочинения и переводы.

К 1788 г. Карамзин охладевает к масонству. В 1789 – 1790 гг. он совершает 18-месячное заграничное путешествие, побудительными мотивами которого были желание написать книгу о Европе – царстве просвещенного разума и отчуждение от кружка ранее близких ему московских масонов. Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, охваченной революцией Франции и Англии. Там он познакомился с Кантом, Гердером, Ш. Бонне, И. К. Лафатером. Будучи свидетелем революционных событий во Франции, он неоднократно посещал Национальное собрание, слушал речи Робеспьера и завел знакомства с политическими знаменитостями. Этот опыт личного знакомства с Европой оказал огромное воздействие на дальнейшую эволюцию Карамзина, положив начало критическому отношению к передовым идеям. В 1790-е гг. Карамзин испытывает всё нарастающий скепсис по отношению к идеалам Просвещения, однако в целом остается на западнических, космополитических позициях, будучи уверенным в том, что путь цивилизации един для всего человечества и что Россия должна идти по этому пути:

[61] *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина // Торжественное собрание императорской Академии Наук, в память столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина. СПб., 1867. С. 12.

«все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами»[62].

Как литератор, Карамзин выступил в роли создателя нового литературного направления – сентиментализма, осуществил масштабную реформу русского языка, с одной стороны, ориентируя его на французские литературные модели, с другой – приближая его к разговорной речи; при этом он полагал, что русский бытовой язык еще предстоит создать. Русский сентиментализм был, по сути, одной из разновидностей русского западничества. Американский исследователь А. Мартин характеризует некоторые основные черты сентиментализма следующим образом: «Цивилизующее противоядие русской необразованности и закоренелому деспотизму они (сентименталисты. – *А. М.*) видели в изысканной элегантности французского аристократического общества и манер; а будущее России связывалось ими с утонченной, космополитической и намеренно феминизированной культурой аристократии. Они не были убеждены ни в том, что Россия и Запад противоположны друг другу по сути, ни в том, что Россия должна рабски подражать Европе; но считали, что она являлась неотделимой частью Европы и должна была выстраивать эту составляющую своей индивидуальности»[63]. М. Майофис, имея в виду западное происхождение сентиментализма, справедливо утверждает, что языковая реформа Карамзина была модернизационным проектом par excellence[64].

По возвращении из-за границы Карамзин опубликовал «Письма русского путешественника» (1791–1792), принесшие ему всероссийскую известность; в этом произведении он в целом стоял на точке зрения «гуманистического космополитизма и апеллирующего к универсальному прогрессу просветительства»[65]. Космополитические и западнические мотивы задавали тон «Письмам...»: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать,

[62] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 254.

[63] *Martin A.* Op. cit. P. 30.

[64] См.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 29.

[65] *Китаев В. А.* Век XIX : пути русской мысли. С. 7.

учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?»[66].

Одновременно Карамзин осознает значение исторической традиции и высказывает неприятие революционных перемен, отдавая предпочтение постепенным органичным изменениям: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Утопия будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени; посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. <…> Всякие насильственные потрясения гибельны. <…> Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо»[67].

Уже в «Письмах русского путешественника» Карамзин, комментируя ситуацию в Англии, пришел к выводу, что для каждого народа необходимо свое государственное устройство, отвечающее его национальным особенностям: «не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в другой земле»[68]. Подобные рассуждения сопровождали постепенный отход Карамзина от идей республиканизма и признания «благодетельности» самодержавия для России.

Будучи безусловным лидером и основоположником сентиментализма, Карамзин в то же время не стремился чрезмерно «офранцузить» русский язык и культуру. Еще в 1791 г. он утверждал: «В нашем так называемом *хорошем обществе* без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других…»[69]. Тогдашний космополитизм Карамзина сочетался со своеобразной литературной борьбой за возвращение к «русским истокам». В 1790-е годы в его творчестве непрерывно рос интерес к русской истории, сопряженный с романтическим

[66] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 253–254.
[67] Там же. С. 226–227.
[68] Там же. С. 477.
[69] Там же. С. 338.

конструированием «русскости». История, считал он, должна пробуждать чувство патриотизма. По словам М. П. Погодина, «при всяком случае Карамзин старался возбудить внимание к Русской Истории и укорять общество в недостаточности знакомства с нею»[70]. Во вступлении к «Наталии, боярской дочери» (1792) Карамзин писал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?»[71].

Одновременно с изданием «Писем...» Карамзин сблизился с Г. Р. Державиным и окончательно порвал с масонством, вызвав тем самым «решительное осуждение и раздражение многих его недавних друзей – масонов»[72]. Таким образом, к началу XIX в. Карамзин проделал сложную идейную эволюцию: от либерала, западника и масона, сторонника Просветительского проекта, до одной из знаковых фигур раннего русского консерватизма. Эти метаморфозы Карамзина В. О. Ключевский выразил краткой формулой: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм – оставлены»[73].

Восшествие на престол Александра I положило начало новому периоду в идейной эволюции Карамзина. Он критически отнесся к либеральным начинаниям Александра I. В 1802 г. Карамзин выпустил в свет написанное в 1801 г. «Историческое похвальное слово Екатерине II», которое представляло собой наказ новому царю, в котором он сформулировал монархическую программу. Карамзин разделяет все аргументы в пользу самодержавия, высказанные в «Наказе» Екатерины. Однако, с его точки зрения, их подкрепляют результаты французской революции: «Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастия были жре-

[70] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С.16.

[71] *Карамзин Н. М.* Наталья, боярская дочь // О древней и новой России : избр. проза и публицистика. М., 2002. С. 27.

[72] *Кочеткова Н. Д.* Н. М. Карамзин и древнее благочестие // Там же. С. 698–699.

[73] *Ключевский В. О.* Н. М. Карамзин // Там же. С. 244.

бием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину»[74]. Соответственно, для России благодетельно самодержавие, а главная задача воспитания – «вкоренение» благоговения к монарху. При этом самодержавие, по мысли Карамзина, не было аналогично самовластию и потому не являлось «врагом свободы в гражданском обществе». Самодержавие может до известной степени стеснять «природную вольность» человека, но лишь для сохранения «единой целости гражданского порядка».

В начале XIX в. Карамзин развернул активную издательскую деятельность: переиздал «Московский журнал», предпринял издание «Пантеона российских авторов, или собрание их портретов с замечаниями», выпустил первое свое собрание сочинений в восьми томах. Однако в истории русского консерватизма главным событием тех лет стало издание «толстого» журнала «Вестник Европы» (1802–1803), выходившего два раза в месяц, в котором Карамзин выступил в роли политического писателя, публициста, комментатора и международного обозревателя. И. И. Дмитриев писал: «Никто из журналистов наших, старых и современных, не был богаче и разнообразнее Карамзина в собственных сочинениях. Мы видели в нем и политика, и патриота, и критика, и моралиста»[75]. По словам М. П. Погодина, «Вестник Европы» Карамзина как был, так и остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один. <…> Он прочитывался с жадностию, от первой страницы до последней, удовлетворяя вполне своих читателей, вел их далее, обогащал знаниями, возбуждал охоту приобретать новые, имел свое собственное мнение и выражал его ясно и твердо»[76].

В своих статьях «западник» Карамзин резко полемизировал со всей просветительской традицией: от энциклопедистов до Ж.-Ж. Руссо. Уже в «Мелодоре и Филалете» (1795) Карам-

[74] *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // О древней и новой России. С. 300–301.

[75] *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. М., 1986. С. 319.

[76] *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин : pro et contra. С. 605.

зин ярко выразил неприятие и шок, вызванный реализацией идей Просвещения на практике, в ходе Великой французской революции: «Век Просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!»[77]. Тогда же Карамзин отказался от главного положения Просвещения – убеждения в том, что человеческий разум творит историю, «все смелые теории ума <…> должны остаться в книгах». Его взгляды на природу человека приобретают явно консервативный характер. В основу повести «Моя исповедь» легла идея врожденно злой природы человека[78]. Карамзин вступил в полемику с просветительским тезисом Руссо о доброй природе человека и зле как последствии уродующего влияния несправедливого общества. Он утверждал, что, к несчастью, природа человека – эгоизм, т.е. она по сути антиобщественна. Несовершенная природа человека исключает совершенное земное устройство. «Эгоизм превращает высокий идеал республики в недосягаемую мечту»[79].

Нарастание консервативных акцентов в мировоззрении Карамзина выразилось и в том, что он во всё большей степени обращает внимание на феномен традиции, которая безоговорочно отрицалась Просвещением. Для просветительства одной из основополагающих установок было противопоставление новаторства, олицетворенного Просвещением, и косности, воплощенной в традиции. Карамзин же убежденно заявлял: «Учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума»[80].

Н. М. Карамзин четко сформулировал свою государственническо-монархическую позицию: «гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих <…> власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства, что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий» [81]. Он совершенно недвусмысленно осуждал «ужасную» французскую революцию, которая «ос-

[77] *Карамзин Н. М.* Мелодор к Филалету // О древней и новой России. С. 190.

[78] См.: *Лотман Ю. М.* Карамзин. С. 344.

[79] Там же. С. 575.

[80] *Карамзин Н. М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. Писано в 1802 году // О древней и новой России. С. 223.

[81] Там же.

танется пятном восьмого-надесять века, слишком рано названного философским». При этом видел в качестве позитивного ее последствия то, что она уверила «народы в необходимости законного повиновения, а государей – в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления»[82]. Иначе говоря, революция парадоксальным образом способствовала распространению и укреплению монархического принципа правления. «Опасные и безрассудные якобинские правила, – писал он в 1802 г., – которые вооружили против республики всю Европу, исчезли в самом своем отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь, в самом деле, не что иное, как истинная монархия»[83]. Подобные заявления свидетельствовали о наличии во взглядах Карамзина своего рода платонического бонапартизма. Некоторое время он интерпретировал режим первого консула как «истинную монархию»[84]. Подобные взгляды Карамзина носили переходный характер. От осторожной апологии сильной республиканской власти Карамзин вскоре перейдет к апологии самодержавной монархии.

В свете вышесказанного, нет ничего удивительного, что бывший космополит резко выступил против галломании, против воспитания русских детей за границей, западной моды, подражательства всему иностранному и т.д., тем более что подобное отрицание было достаточно укоренено в русской интеллектуальной традиции, включая масонскую. Наиболее яркое произведение Карамзина, отразившее подобные мотивы, – «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802). М. В. Довнар-Запольский охарактеризовал его как «наиболее ранний протест против преклонения пред всем иноземным и, главным образом, французским»[85]. М. П. Погодин утверждал, что Карамзин «видел гибельные следствия от нашего неуважения к самим себе, презрения собственных достоинств, от недоверчивости <…> к русским дарованиям, которая останавливает народное разви-

[82] [*Карамзин Н. М.*] Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 83.

[83] Там же. С. 72.

[84] О «бонапартизме» Карамзина в период издания «Вестника Европы» см.: *Лотман Ю. М.* Карамзин. С. 271–273.

[85] *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 212.

тие, убивает способности, не допускает ни до каких успехов»[86]. Там, где Погодин усматривал правоту Карамзина, либеральный историк В. Н. Бочкарёв видел лишь шовинистический негатив: «Наибольшего напряжения консервативно-националистический тон Карамзина достигает в известном его рассуждении «О любви к Отечеству и народной гордости». Оно <…> проникнуто <…> нападками на все иностранное, преимущественно французское». Бочкарёв даже обвинял Карамзина в стремлении «играть на патриотических струнах своих читателей»[87].

Действительно, патриотический пафос Карамзина в этом произведении чрезвычайно силен: «Мне кажется, что мы излишно смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостию»[88]. Оценить подобное изменение общественно-политических и культурных установок можно лишь зная о том, что в «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал, что после России для него нет земли «приятнее Франции», а французы – «самый любезный из всех народов».

Н. М. Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках. <…> Хорошо и должно учиться: но горе <…> народу, который будет всегдашним учеником»[89]. Карамзин сознавал необходимость национальной самодостаточности и самостоятельности в жизни и культуре: «Как человек, так и народ начи-

[86] *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину. С. 619.

[87] *Бочкарев В. Н.* Указ. соч. С. 202.

[88] *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости // О древней и новой России. С. 253–254.

[89] Там же. С. 257.

нает всегда подражанием, но должен со временем быть самим собою»[90].

Говоря о будущем России, Карамзин заявлял: «Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями»[91]. Особая роль России во всемирной истории для него не подлежала сомнению: «Если все просвещенные земли с особенным вниманием смотрят на нашу империю, то не одно любопытство рождает его: Европа чувствует, что собственный жребий ее зависит некоторым образом от жребия России, столь могущественной и великой»[92].

С целью избавиться от практики воспитания и обучения молодых людей иностранцами Карамзин энергично настаивал на непосредственном и деятельном участии самих родителей в образовании детей и возражал против отправки их для обучения за границу: всякий должен учиться в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, образу жизни и правления; в одной России можно сделаться хорошим русским[93]. При этом он не отвергал необходимости учиться иностранным языкам, но считал, что их можно вполне освоить, не выезжая из России: «Можно ли сравнить выгоду хорошего французского произношения с унижением народной гордости?»[94]. Впрочем, Карамзин признавал пользу отправки за границу молодых людей, уже основательно подготовленных, с тем чтобы они могли узнать жизнь европейских народов и даже почувствовать их превосходство во многих отношениях[95].

Н. М. Карамзина беспокоило то обстоятельство, что большую часть учителей и воспитателей в России составляют иностранцы, и он не раз предлагал заменить их «природными русскими»: «Нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой российское дворянство в нынешние счастливые

[90] Там же.

[91] [*Карамзин Н. М.*] О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 308.

[92] Цит. по: *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. С. 24.

[93] См.: *Карамзин Н. М.* Странность // О древней и новой России. С. 236.

[94] [*Карамзин Н. М.*] О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 364.

[95] См.: *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. С. 23.

времена не пожалело бы денег? <…> У нас не будет совершенно морального воспитания, пока не будет русских хороших учителей. <…> Никогда иностранец не поймет нашего народного характера и, следственно, не может сообразоваться с ним в воспитании. Иностранцы весьма редко отдают нам справедливость: мы их ласкаем, награждаем. А они, выехав за курляндский шлагбаум, смеются над нами или бранят нас <…> и печатают нелепости о русских»[96]. М. П. Погодин усматривал в приведенных предложениях Карамзина «первые черты мыслей, послуживших основанием тех мер, которые впоследствии были приняты правительством»[97].

В статьях Карамзина в «Вестнике Европы» его консервативные убеждения впервые выстроились в относительно стройную систему взглядов. Уже дореволюционные авторы именно в этом духе определяли роль и место «Вестника Европы» в становлении русской консервативной мысли. В. Н. Бочкарёв, давая в целом негативную оценку взглядам Карамзина, тем не менее, отмечал силу их воздействия на тогдашнее русское общество: «Его мысли, облеченные в такие изящные литературные формы, должны были, естественно, оказывать сильное воздействие на общественное мнение и настраивать его на консервативный и националистический тон»[98].

Еще в 90-х гг. XVIII в. обозначился интерес Карамзина к русской истории. Тогда он создал несколько небольших исторических работ. В статье из «Вестника Европы» «О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «Должно приучить Россиян к уважению собственного. <…> Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем»[99]. В 1803 г. Карамзин обратился в Министерство народного просвещения, к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьёву с просьбой об официальном

[96] [*Карамзин Н. М.*] О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 363.

[97] Цит. по: *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. С. 23.

[98] *Бочкарев В. Н.* Указ. соч. С. 202.

[99] Цит. по: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. С. 8.

назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом. Научная деятельность Карамзина способствовала дальнейшей эволюции его консервативных взглядов.

Чрезвычайно значимой фигурой в лагере ранних русских консерваторов являлся Александр Семёнович Шишков (1754–1841), государственный и общественный деятель, адмирал, поэт и филолог, сыгравший важную роль в становлении русского литературного языка[100]. Род Шишковых семейное предание начинает с XIV в. Предок Шишкова, Юрий Лозинич, приехал из Волынской земли в Тверь в первой половине XIV в. Сын его, Гавриил Юрьевич, «находился боярином у Тверского великого князя Василия Михайловича», который княжил в Твери с 1348 по 1365 г. У Гавриила Юрьевича были «сын Василий Гаврилович и внук Иван Васильевич <…> и Микула Васильевич Шишка (родоначальник Шишковых)»[101]. К 14-му колену рода принадлежал Александр Семёнович[102]. Шишков родился 8 марта 1754 г. в Москве, в семье помещика Семёна Шишкова, мать его звали Прасковьей Николаевной. О детстве и юности Шишкова известно крайне мало, поскольку начало его обширных автобиографических записок не сохранилось. Формирование мировоззрения Шишкова происходило в патриархальной семье «достаточного» русского дворянина, под влиянием чтения традиционной православной литературы. Имение Шишковых находилось в Кашине, недалеко от Твери. Сам Шишков, будучи уже взрослым человеком, владел пятнадцатью душами крепостных и жил на одно жалованье[103].

Образование Шишков получил в Морском кадетском корпусе в Петербурге, который в то время был одним из лучших

[100] О жизни и деятельности А. С. Шишкова см.: *Стоюнин В. Я.* А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880 (журнальный вариант этой книги был опубликован в «Вестнике Европы». 1877. № 9–12). Некоторые аспекты взглядов Шишкова исследованы в кн. : *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. См. также: *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти…» : Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб., 2002 ; *Боленко К. Г.* А. С. Шишков – ревнитель национального воспитания // Педагогика. 1999. № 5.

[101] ОР РНБ. Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 1. Л. 1.

[102] Там же. Л. 1 об.

[103] См.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. С. 24.

учебных заведений подобного рода. Туда он поступил в 1767 г. и был одним из лучших учеников. В корпусе Шишков изучил специальные науки, относящиеся к морскому делу, словесность, генеалогию, риторику, иностранные языки, познакомился с произведениями М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина и других писателей-классицистов XVIII в., оставшись на всю жизнь их почитателем и подражателем. В автобиографической записке Шишков писал: «По обучении наук произведен в гардемарины (в 1771 г. – *А. М.*) и двукратно послан был на Пакетботе в Данциг, потом к городу Архангельскому, отколе возвращался на корабле, претерпевшем у шведских берегов кораблекрушение, при котором для спасения корабля употребляем я был в самые тяжкие посылки, от коих получил едва не пресекшую жизнь мою простудную горячку»[104]. По возвращении в Кронштадт Шишков был произведен в мичманы. В 1776 г. на фрегате «Северный Орёл» он совершил путешествие, длившееся три года. Шишков побывал в Италии, Греции и Турции. Во время этого путешествия он видел православные греческие часовни, исписанные на французском «насмешливыми и ругательными» надписями. Для него это было зримым свидетельством «развращения нравов» во Франции. «Пусть бы сами они утопали в безверии, но зачем же вероисповедание других подобных им христиан ненавидеть <…> не иной какой язык читается в сих гнусных надписях, как только французский». Так задолго до революции (1777 год!) демонстрирует Шишков свою неприязнь к просветительской философии и возмущение атеизмом французов, которые, с его точки зрения, разносят по миру вандализм и варварство»[105].

После возвращения Шишков был произведен в лейтенанты и с 1779 г. преподавал в Морском кадетском корпусе морскую тактику, одновременно занимаясь литературной деятельностью, главным образом переводами, составил трехъязычный англо-французско-русский морской словарь. Собственная литературная деятельность Шишкова началась с сочинения пьесы «Невольничество» (1780), в которой повествовалось о подлин-

[104] РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

[105] *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 23.

ной истории: печальной судьбе попавшего в плен к алжирским пиратам христианина-матроса. На премьере пьесы присутствовала сама императрица с наследником, которые пожертвовали большую сумму для выкупа матроса. Этот успех ввел Шишкова в литературные салоны столицы[106]. Перевод с немецкого «Детской библиотеки» И. Г. Кампе, состоявшей из нравоучительных стихов и рассказов для детей, принес Шишкову всероссийскую известность и выдержал не одно переиздание, вплоть до 1830-х гг. По ней обучали несколько поколений дворянских детей грамоте. В книге были стихи и рассказы самого Шишкова. Кроме того, в дальнейшем Шишков писал торжественные оды, посвящения великим деятелям екатерининской и павловской эпохи, стихи в альбомы. Показательно, что русский патриот Шишков, акцентировавший свою русскость, отнюдь не был бытовым или идейным антизападником, несмотря на свою позднейшую репутацию. «Он <… > любил Германию и Италию и не сомневался в правильности европеизации России»[107]. Шишков был женат на вдове Дарье Алексеевне Шельтинг, внучке датского адмирала, служившего Петру I. «Это был счастливый брак: пока жена вела хозяйство, адмирал (который жил «самым невзыскательным гостем в собственном доме») посвящал себя тому, что она нежно характеризовала как «патриотические бредни», не находившие применения в их собственном доме. Она осталась лютеранкой, наняла учителя-француза для воспитываемых ими племянников и даже в присутствии своего мужа говорила с ними и с посетителями на французском языке»[108]. После ее смерти он женился на Юлии Осиповне Нарбут, польке католического вероисповедания. Детей Шишков не имел[109].

В литературе отмечалось воздействие западноевропейской мысли на формирование идейного комплекса Шишкова. В частности, интересную гипотезу выдвинул А. Зорин, который усматривает влияние на него идей Ж.-Ж. Руссо и немецкого педагога И. Г. Кампе. Так, Руссо утверждал, что влияние наставника-француза на русского питомца будет неизбежно пагубным и

---

[106] См.: *Файнштейн М. Ш.* Указ. соч. С. 46.

[107] *Мартин А.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм : идеи и люди. Пермь, 1998. С. 57.

[108] *Martin A.* Op. cit. P. 26.

[109] См.: *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков. С. 20.

сведется к тому, «чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством». Подобное воспитание приведет к утрате русскими своего национального характера, т.е. определяющего, по Руссо, начала государственного бытия. С точки зрения Зорина, попытки Шишкова указать на национальную природу словотворчества и вытеснить французские заимствования с помощью новообразований со славянским корнем отчетливо восходит к изданному И. Г. Кампе в 1798 г. «Словарю улучшения и онемечивания нашего языка»[110]. Более вероятным было непосредственное воздействие на Шишкова идеи издания по инициативе Екатерины II и Е. Дашковой «Словаря Академии Российской» (1789–1794). Целью этой масштабной акции была борьба с засильем иностранных слов и замена их русскими, составленными «по российскому корню».

Ранняя литературная деятельность Шишкова развивалась в масонской среде, поэтому его труды того времени несут некоторый отпечаток масонской идеологии[111]. Он посещал литературный салон адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова, директора Морского кадетского корпуса, одного из лучших в Европе. Голенищев-Кутузов был литературным наставником Шишкова, который впоследствии дружил с его сыновьями Логином Ивановичем и Павлом Ивановичем. Оба стали почетными членами шишковской «Беседы любителей русского слова»[112]. Поддержку Шишкову оказывали и другие члены семьи Кутузовых, включая Михаила Илларионовича, героя 1812 г. и тоже масона[113]. А. Мартин обратил особое внимание на то, что в конце 1780-х гг. Шишков был связан с «Обществом друзей словесных наук», основанным масоном М. И. Антоновским и насчитывавшим десятки членов. Там он мог познакомиться с мистиком А. Лабзиным, будущим президентом Российской академии А. А. Нартовым, а также с Г. Р. Державиным, И. И. Дмитрие-

[110] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… : литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 167–173.

[111] См.: *Мартин А.* «Россия есть Европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. С. 15.

[112] См.: *Альтшуллер М.Г.* Александр Семенович Шишков. С. 20.

[113] См.: *Martin A.* Op. cit. P. 19.

вым, И. А. Крыловым и А. Н. Радищевым[114]. Американский исследователь считает, что «масонская оппозиция иностранным языковым влияниям предвосхитила его (Шишкова. – *А. М.*) собственные последующие лингвистические кампании, а его будущий литературный противник Н. М. Карамзин был мишенью масонской критики уже в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. <… > Нападки на Карамзина создали ту атмосферу, в которой оформились литературные взгляды Шишкова, а некоторые последующие его аргументы были выстроены на основе масонских»[115].

Одновременно под влиянием масонства Шишков вырабатывал вполне традиционалистский подход к историческому прошлому. Первое его выражение можно увидеть в стихотворении «Старое и новое время», созданном в 1774 г. и опубликованном в журнале «Собеседник любителей русского слова». А. Мартин считает, что эта работа – «самое раннее из известных нам рассуждений Шишкова об истории и обществе – предвосхищает его позднейшую идеализацию допетровской эпохи как времени, когда жизнь была лучше, а нравы – чище; тему, помимо других источников, восходящую к моральным учениям масонов»[116]. М. Г. Альтшуллер по поводу этого стихотворения пишет: «Шишков конструирует утопию, в которой некое идеальное, гармоничное прошлое России противопоставлено ее испорченному настоящему. К реконструкции этого утопического, никогда не существовавшего прошлого он и будет стремиться всю свою жизнь. Для Шишкова новое всегда хуже старого. Люди, нравы, обычаи всегда изменяются к худшему»[117]. Подобного рода мотивы были характерны, к примеру, для произведений М. М. Щербатова.

Литературные занятия Шишкова были прерваны русско-шведской войной 1788–1790 гг., в которой он командовал фрегатом «Николай» в чине капитана первого ранга. За участие в войне Шишков получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и золотую, осыпанную бриллиантами табакерку. Шишкову, несомненно, был присущ высокий морской профессио-

[114] Ibid.
[115] Ibid. P. 20.
[116] Ibid.
[117] *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков. С. 28.

нализм. В 1793 г. Шишков преподнес великому князю Павлу Петровичу перевод с французского «Морской тактики», снискав тем самым его расположение. Вскоре Шишков принял должность правителя канцелярии по морской части. По вступлении на престол в 1796 г. император Павел I пожаловал Шишкову 250 душ в Кашинском уезде, а после коронации назначил его в эскадр-майоры при своей особе, а затем в генерал-адъютанты. По поручению императора Шишков был отправлен в Вену для вербовки на русскую службу офицеров и матросов. По не зависящим от него обстоятельствам Шишков не мог исполнить этого приказа и испросил разрешения Павла I на поездку в Карлсбад. Отпуск он получил, но с условием, что будет следить и доносить за находящимися в Карлсбаде русскими сановниками; это поручение возмущало и тяготило Шишкова. По возвращении в Россию в 1798 г. Шишкова постигла опала за то, что он, будучи на дежурстве, задремал и не заметил, как мимо него прошел император. Он был удален от двора, но вскоре был уже назначен членом Адмиралтейств-коллегии, произведен в вице-адмиралы и пожалован орденом Анны I степени. Шишков при Павле I быстро продвигался по служебной лестнице: он достиг звания вице-адмирала, третьего в Табели о рангах.

В 1796 г. Шишков был избран в члены Российской академии. Он одним из первых оценил значение «Слова о полку Игореве», впервые опубликованного в 1800 г., и переложил его на современный язык, составил обширные примечания. «Отсюда начинаются труды Шишкова над русским корнесловием, которым с тех пор он занимался до самой смерти», – отмечал П. К. Щебальский[118].

Восшествие на престол Александра I Шишков приветствовал радостной одой, однако вскоре был глубоко разочарован либеральным и космополитическим курсом нового императора. Он принадлежал к кругу лиц, идеализировавших царствование императрицы Екатерины II и осуждавших всё, что совершалось после нее[119]. Шишков считал, что торжественное обещание императора идти по стопам бабки своей исполнено

[118] *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 195–196.

[119] См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 163.

не было. По его мнению, «всё то, чего при ней не было, и что в подражание пруссакам введено после нее, осталось ненарушимым. <…> Павлово царствование, хотя и не с тою строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и нововведениями еще продолжалось»[120]. К учреждению министерств, в которых ключевые посты получила «якобинская шайка», Шишков отнесся отрицательно, так же как и к реформам, разработанным М. М. Сперанским. В его бумагах сохранилось сатирическое изображение самого императора Александра I – «Мироправа» – мечтателя, чьи идеи были бессмысленными и невозможными для исполнения[121].

А. С. Шишков «не любил ни Сперанского, ни его преобразований; без сомнения он резко отзывался в обществе о том и другом; образ мыслей его был известен, и в этом, конечно, надобно искать причину, почему он не смог участвовать в высшем управлении»[122]. Ссора с влиятельным морским министром П. В. Чичаговым привела к опале Шишкова, ему перестали присылать билеты на «эрмитажные спектакли». После формального примирения с Чичаговым Шишков был назначен в 1805 г. председателем Ученого департамента Адмиралтейств-коллегии и получил возможность бывать при дворе, но император оставался холоден к нему. Шишков на выражаемые ему сожаления гордо отвечал: «Цари больше имеют надобности в добрых людях, нежели добрые люди в них»[123].

Все эти обстоятельства привели к тому, что Шишков всецело посвятил себя научной и литературной деятельности и погрузился в изучение русского языка и истории. По его инициативе Российская академия стала издавать сборники «Сочинений и переводов Российской Академии» (1805–1823 гг.), где публиковались материалы по истории языка, лексикографии, литературоведению. Кроме того, Шишков помог президенту академии А. А. Нартову разработать программу по переводу и изданию античных авторов и писателей Возрождения XVII и XVIII вв.[124]

---

[120] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 42.

[121] См.: *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков. С. 33.

[122] *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1. С. 235.

[123] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 163–164.

[124] См.: *Файнштейн М. Ш.* Указ. соч. С. 43.

В этот период Шишков заявил о себе как о ведущем идеологе русских консервативно-националистических кругов. Реакция Шишкова на галломанию получила яркое выражение в его трактате «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», напечатанном в 1803 г. В нем Шишков подверг критике карамзинский «новый слог», т.е. лексические, фразеологические и стилистические заимствования из французского языка. Мы не будем излагать проблемы истории языка, над которыми работали и работают крупнейшие специалисты-филологи, ограничившись анализом исключительно общественно-политической составляющей «Рассуждения...», исходя из того, представляющегося нам бесспорным, соображения, что в этом трактате «речь идет не столько о слоге, о языке, даже не столько о литературе, а об истории, идеологии, образе мыслей»[125].

А. С. Шишков усматривал жесткую связь между языком, литературой, нравами и национальным характером. В «Рассуждении...» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к французскому языку»[126]. К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, которые задались целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе «новый слог», но и значительная часть русского дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

А. С. Шишков представил «Рассуждение...» в Российскую академию на заседании 17 октября 1803 г., а 5 ноября 1804 г. ему была присуждена золотая медаль[127]. Столь высокая оценка Российской академией была не случайной. Это учреждение было основано в 1783 г. как всероссийский центр для изучения русского языка и развития русской литературы[128]. Академия стала одним из интеллектуальных центров, имевших ярко выраженную консервативную репутацию. Президент Российской академии А. А. Нартов считался «задушевным другом» Шиш-

[125] *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков. С. 37.

[126] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собр. соч. и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 1.

[127] См.: *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 196.

[128] См.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. С. 353. Деятельность Шишкова в Российской академии см.: Там же. С. 354–355.

кова[129]. В литературе вплоть до последнего времени преобладали тенденциозные оценки кадровому составу академии, которая якобы состояла из «обломков старого времени»[130].

Значительную роль в становлении русского консерватизма сыграл и Фёдор Васильевич Ростопчин (1743–1826), главнокомандующий Москвы в 1812–1814 гг. и член Государственного совета[131]. Семейное предание Ростопчиных считало родоначальником своей фамилии прямого потомка Чингизхана, Бориса Давыдовича Ростопчу, выехавшего из Крымской Орды на Русь в начале XVI в. при великом князе Василии Ивановиче. Ростопчин родился в семье зажиточного помещика, владельца имений в Орловской, Тульской и Калужской губерниях. Он получил хорошее домашнее образование и знание языков. В зрелом возрасте Ростопчин утверждал, что, хотя его преподавателями были часто сменявшиеся иностранцы, он всё же остался русским по духу, «помня поучения священника Петра и слова мамки Герасимовны»[132].

Ф. В. Ростопчин и его брат были лишены материнского воспитания и росли под суровым надзором отца, человека с умом, железным характером, но без образования, большею частью проживавшего в деревне, вдали от влияния городской жизни. Биограф Ростопчина считает, что «продолжительное пребывание в деревне в детские годы, когда несравненно живее и глубже все воспринимаемые внешние впечатления, доставило молодому Ростопчину возможность узнать и полюбить сельскую деревенскую жизнь и хозяйство, ознакомить его непосредственно с сельскими обывателями и русским мужиком того времени и его речью, образною и выразительною, которую он позднее воспроизвел в своих известных афишах»[133].

---

[129] См.: *Жихарев С. П.* Записки современника : воспоминания старого театрала : в 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 84.

[130] *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 196.

[131] О жизни и деятельности Ф. В. Ростопчина см.: *Горностаев М. В.* Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин : страницы истории 1812 года. М., 2003 ; *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

[132] Цит. по: *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812-м году // Отечественные записки. 1854. № 7/8. Отд. II. С. 3.

[133] РГИА. Ф. 1646. Оп.1. Ед. хр. 31. Л. 8.

В 1786–1788 гг. Ростопчин предпринял длительную поездку за границу, посетив Германию, Францию и Англию. В Берлине он брал частные уроки математики и фортификации, в Лейпциге посещал лекции в университете. А. О. Мещерякова доказала, опираясь на дневниковые записи Ростопчина, опубликованные на французском, что в ноябре 1786 г. он был принят в масонскую ложу в Берлине[134]. Пребывание Ростопчина в ложе было кратковременным, но позволило ему обзавестись полезными знакомствами.

После Германии Ростопчин некоторое время провел в Англии, где сблизился с князем С. Р. Воронцовым, с которым впоследствии состоял в постоянной переписке и который способствовал первым шагам карьеры Ростопчина. Вернувшись в 1788 г. в Россию накануне русско-шведской войны 1788 – 1790 гг., он несколько месяцев находился при главной квартире русских войск в Фридрихсгаме. Летом 1788 г. в качестве волонтера Ростопчин отправился в поход против турок и участвовал в штурме Очакова, в сражениях при Рымнике и Фокшанах. Около года Ростопчин служил под началом А. В. Суворова, который в знак своего расположения подарил ему походную военную палатку. В 1790 г. Ростопчин вторично принял участие в Финляндском походе. Командуя гренадерским батальоном, он был представлен к Георгиевскому кресту, который, однако, не получил.

В 1791 г. Ростопчин, при посредничестве Воронцова, сблизился с канцлером А. А. Безбородко. В ходе Ясской конференции он был помощником Безбородко и участвовал в составлении журнала и протоколов конференции. В феврале 1792 г. Ростопчин, по представлению Безбородко, по приезде в Петербург получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Он был принят при дворе и стал вхож в великосветские салоны, приобрел репутацию придворного острослова, его шутки и остроты были широко известны. С 1793 г. Ростопчин был прикомандирован на службу при малом дворе великого князя Павла Петровича в Гатчинском дворце, ревностно относился к своим служебным обязанностям и был замечен Павлом. В 1794 г. он сочетался браком с Екатериной Петровной Протасовой, племянницей камер-фрейлины императрицы Екатерины II графини А. С. Протасовой.

[134] См.: *Мещерякова А. О.* Указ. соч. С. 40–41.

Вскоре карьера Ростопчина на короткое время пресеклась из-за его конфликта с сослуживцами, едва не приведшего к дуэли. По распоряжению Екатерины II Ростопчин вынужден был на год покинуть Петербург и поселиться в имении отца в Орловской губернии. Ссылка сыграла важную роль в судьбе Ростопчина, поскольку привлекла к нему благосклонность и доверие Павла Петровича, который с этого времени стал считать Ростопчина лично преданным ему человеком. После возвращения из ссылки Ростопчин становится любимцем Павла. Именно он первым сообщил Павлу о смерти Екатерины II. В течение нескольких последующих дней после кончины императрицы произошел крутой взлет карьеры Ростопчина. Он был назначен генерал-адъютантом Павла I, награждался орденами и новыми чинами, исполняя важные поручения императора. В начале 1798 г. последовала неожиданная отставка Ростопчина, который был вынужден выехать в свое имение. Ссылка явилась результатом происков «немецкой партии» императрицы Марии Фёдоровны и фаворитки Павла I Е. И. Нелидовой, с которыми Ростопчин не поладил. В свою очередь, Ростопчин принял участие в интриге, возглавляемой обер-шталмейстером И. П. Кутайсовым, целью которой было оградить Павла I от влияния Марии Фёдоровны и Е. И. Нелидовой, для чего они способствовали смене Нелидовой новой фавориткой А. П. Лопухиной.

Результат этой интриги быстро сказался, опала, продолжавшаяся несколько месяцев, закончилась. Уже в августе 1798 г. Ростопчин был вновь принят на службу при дворе и осыпан милостями, в числе которых были получение титула графа и назначение вице-канцлером. Хотя Ростопчин не имел официального звания «канцлер», он фактически исполнял его обязанности. Кроме того, Павел I пожаловал Ростопчину в течение своего царствования в целом более 3000 душ в Орловской и Воронежской губерниях и особо 33 тысячи десятин земли в Воронежской губернии.

Ф. В. Ростопчин принял активное участие в подписании ряда международных договоров России, ведал перепиской императора с А. В. Суворовым, часто служа буфером между фельдмаршалом и Павлом I. В сентябре 1800 г. Павел I поручил Ростопчину написать предложения о внешнеполитическом курсе

России. В результате появилась записка «О политическом состоянии Европы». Ростопчин предлагал разорвать союз с Англией, создать союз с наполеоновской Францией и осуществить раздел Турции[135]. Главная мысль записки заключалась в том, что в результате войны с Францией 1799 г. в выигрыше остались Англия, Пруссия и Австрия, но не Россия. Давая характеристику ведущих стран Европы, Ростопчин приходит к выводу, что почти все они «скрытно питают зависть и злобу» к России[136]. Последняя должна бдительно следить за ними и, когда ей выгодно, использовать противоречия между ними. Ростопчин считал, что союз с наполеоновской Францией позволит ослабить Англию и осуществить раздел Турции; Франция должна была получить Египет. К разделу Османской империи он предлагал привлечь Пруссию и Австрию. При этом России должны были достаться нынешние Румыния, Болгария, Молдавия и Греция. Таким образом, Ростопчин одним из первых предложил во внешней политике руководствоваться национальными интересами России, а не субъективными династическими предрасположениями. Положения его записки были частично реализованы в последние месяцы царствования Павла I: в сентябре 1800 г. было введено эмбарго на вход английских судов в русские порты. Кроме того, Ростопчин являлся автором записки, в которой предлагал включить Грузию в состав Российской империи, предоставив ей известную автономию.

Обязанности Ростопчина были многообразны и не сводились только к ведению внешнеполитических дел. Так, выполняя обязанности директора почтового департамента, он способствовал развитию в России сети почтовых станций. Наряду с этим, с 1799 г. Ростопчин заведовал делами по бракосочетаниям. Кроме того, он способствовал утверждению императором Регламента для церквей и монастырей католической церкви в России, который наносил ощутимый удар по деятельности иезуитов. Еще ранее ему удалось добиться запрещения на проведение съездов католического духовенства.

---

[135] См.: Записка гр. Ф. В. Ростопчина о политическом отношении России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С. 103–110.

[136] См.: Там же. С. 106.

Несмотря на все заслуги Ростопчина, в феврале 1801 г. вновь последовала опала, на этот раз надолго. Удаление Ростопчина было организовано П. А. Паленом, который, подготавливая заговор против Павла I, убирал с дороги тех лиц, которые могли бы помешать осуществлению его планов. Перед самой смертью Павел I отправил Ростопчину депешу: «Вы нужны мне, приезжайте скорее»[137]. Ростопчин отправился в путь, но, не доехав до Москвы и получив известие, что Павла I не стало, вернулся в свое подмосковное имение. В результате опалы, постигшей Ростопчина, ему пришлось на одиннадцать лет удалиться с арены государственной деятельности. Он открыто осуждал Александра I за переворот, приведший к гибели его отца, и категорически не принимал либеральных реформ, связанных с деятельностью Негласного комитета и М. М. Сперанского. М. Я. Морошкин следующим образом объяснял причины опалы Ростопчина: «Государь не мог терпеть Ростопчина с того времени, когда он был еще наследником. В царствование Павла I у Александра было много столкновений с Ростопчиным и притом таких, где не только нещадно оскорблялось самолюбие наследника престола, но без всякой церемонии расточались угрозы. <…> Александр никогда не дал бы Ростопчину никакой должности и никогда бы не принял его на службу: до такой степени Император не любил его»[138].

Выдвинувший при Павле I проект русско-французского союза и слывущий по недоразумению галломаном, Ростопчин демонстрировал завидную политическую проницательность и прагматизм, полагая, что внешняя политика Александра I, предполагающая активную борьбу с наполеоновской Францией, окажется выгодной лишь Англии. В письме П. Д. Цицианову от 21 сентября 1803 г. он писал: «Какая нам нужда мешаться в войну, от коей до сих пор двум воюющим державам другого вреда не произошло, как вооружение плоскодонных судов у одной и переписки в охотники с другой? Зачем набиваться на драку, когда мы убегаем от войны? А я все старого мнения, что Францию России, Пруссии и Австрии можно в два года обратить в первобытное ее положение»[139].

[137] *Ростопчина Л. А.* Семейная хроника (1812 г.). М., [1912]. С. 23.

[138] *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1870. Ч. 2. С. 506.

[139] *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 40–41.

Незаурядный ум и литературные способности, как и родственные связи, делали Ростопчина вхожим в интеллектуальную элиту того времени. Ростопчин был родственником Карамзина (их жены состояли в родственных отношениях[140]), которого спас при Павле I «от вредных следствий клеветы»[141]. Уже после того, как Ростопчин оказался в опале в 1801 г., близкие отношения его с Карамзиным продолжались: «он часто проводил вечера у Карамзина и мучил супругу его, Екатерину Андреевну, оставаясь до трех, до четырех часов ночи»[142]. Ростопчин и Карамзин, безусловно, были «хорошими друзьями и идейными единомышленниками»[143]. Именно эти две фигуры олицетворяли собой некий неформальный консервативный центр в Москве.

Ф. В. Ростопчин прожил годы опалы большей частью в своем подмосковном имении Вороново. Там он увлекся методами английского земледелия под влиянием опыта Д. М. Полторацкого, помещика села Авчурино Калужской губернии, к которому послал несколько человек для обучения и с которым вел переписку[144]. Ростопчин стал экспериментировать: использовать новые орудия и удобрения, специально выписал из Англии и Голландии породистый скот, сельскохозяйственные машины и агрономов, создал специальную сельскохозяйственную школу. В 1802 г. Ростопчин создал конный завод в Воронове, а позднее в Воронежской губернии[145]. Ему удалось достичь значительных успехов, к примеру, вывести породу лошадей, которая называлась «Ростопчинской». Эти хозяйственные эксперименты в известной мере способствовали вызреванию консервативных представлений Ростопчина. Итоги этого эксперимента были изложены Ростопчиным в трактате «Плуг и соха» (1806).

В 1805 г., после Аустерлицкого поражения, Ростопчиным овладела убежденность в том, что разгром вызван изменой.

---

[140] См.: *Рожанковская И. И.* Судьба одного семейства : Карамзины. Вяземские. СПб., 2008. С. 120.

[141] Там же. С. 17.

[142] Там же.

[143] *Martin A.* Op. cit. P. 65.

[144] См.: *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 24–27.

[145] См.: *Горностаев М. В.* Федор Васильевич Ростопчин // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 120.

Он также обвинял Аракчеева, который был ответственным за артиллерию. Ростопчин явно готовился стать лидером правой оппозиции, подвергая критике всю александровскую систему власти. «Боже мой, – писал он П. Д. Цицианову в письме от 24 января 1806 г., – куда не глянешь – армия, флот, дефицит государственного бюджета, волнение крестьян, продажность правительства, чрезмерное доверие немецким чиновникам – все в руинах и в упадке разрушает бедную Россию»[146]. Известна его критика в адрес самого императора. Намекая на участие Александра в убийстве Павла I, Ростопчин утверждал: «Бог не может покровительствовать войскам плохого сына». Это замечание стало известным императору и усилило его нерасположение к Ростопчину[147]. «Император просто не мог без отвращения видеть его»[148]. Однако в общественном мнении фигура Ростопчина оказалась в центре внимания. По воспоминаниям П. А. Вяземского, он был «монархист, в полном значении слова, враг народных собраний и народной власти, вообще враг так называемых либеральных идей» и «с ожесточением, с какою-то мономаниею, idée fixe, везде отыскивал и преследовал якобинцев и мартинистов, которые в глазах его были те же якобинцы»[149].

30 ноября 1806 г., в связи с военной кампанией 1806 – 1807 гг. против Наполеона, появился указ Александра I «О составлении и образовании временных ополчений или милиции», обращенный преимущественно к дворянству. После появления указа 17 декабря 1806 г. Ростопчин написал письмо царю, в котором выразил удовлетворение тем, что император «наконец» признал дворянство единственною опорою престола, косвенно обвинив тем самым царя в недооценке первенствующего сословия: «Сие знаменитое сословие, одушевленное духом Пожарского и Минина, жертвует всем отечеству и гордится лишь титлом

---

[146] Письмо Ростопчина к П. Д. Цицианову // Ростопчин А. Ф. Materiaux en grande partie inedits pour la biographie future du Comte Theodore Rostopchine, rassembles par son fils. Brussels, 1864. P. 525.

[147] См.: *Ельницкий А.* Ростопчин // Русский биографический словарь. СПб. [б. г.]. Т. 17. С. 257 ; *Мельгунов С. П.* Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. Т. 1. С. 129.

[148] *Морошкин М. Я.* Указ. соч. С. 506.

[149] *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб., 1882. Т. 7. С. 501, 504.

Россиян»[150]. Ростопчин высказал симптоматичное опасение, которое во многом определяло логику его дальнейших заявлений и поступков или, по крайней мере, их отчасти объясняло: «Все сие усердие, меры и вооружение, доселе нигде не известные, обратятся в мгновение ока в ничто, когда толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной истреблением дворянства, что есть во всех бунтах и возмущениях единая цель черни, к чему она ныне еще поспешнее устремится по примеру Франции»[151].

Одновременно появился указ Сената «О высылке из России всех подданных французских». В нем говорилось о том, что желающие остаться должны принести присягу на подданство России. Указ также вызвал критику Ростопчина, который не преминул высказать ее императору: «Меры, принятые к изгнанию иностранной сволочи из империи <…> вместо пользы произвели сугубое зло: ибо из 40 человек едва один решился оставить землю, где всякий иноземный находит и уважение, и богатство. Присяга на подданство, страхом и корыстью внушенная, устремляет французов на вред России, что и оказывается действием внушений их в сословии слуг, кои уже ждут Бонапарта, дабы быть вольными. Государь! Исцелите Россию от заразы»[152].

Письма Ростопчина обратили на себя внимание царя, который счел нужным ответить ему 2 января 1807 г. рескриптом, в котором недовольно заявил: «Неизвестно мне, почему вы говорите, что я *наконец* признавать стал опорою престола (дворянство. – *А. М.*), хотя подлинно никогда я не переставал считать его таковым»[153]. Александр I также категорически отверг возможность бунтов: «Опасение ваше о толках мнимой вольности, которые, впрочем, несвойственны истинному просвещению, а разве тому, который называется вами несчастным, и ничто иное есть как невежество, было уже предусмотрено, и прини-

[150] Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 419.

[151] Там же.

[152] Там же. С. 419–420.

[153] Император Александр – графу Ростопчину // Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006. С. 8.

маются сколько возможно такие меры, которые предупредить могут вредные оных действия»[154].

Таким образом, в 1806 г. Ростопчин предпринял несколько шагов, которые можно интерпретировать как желание вернуться в большую политику.

Возникновение русского консерватизма непредставимо без влияния Жозефа де Местра (1753 – 1821), «пламенного реакционера», «Вольтера реакции»[155]. Он родился в городе Шамбери в Савойе в аристократической семье, начальное образование получил в Коллегии иезуитов. Окончив в 1774 г. Туринский университет, где изучал право, де Местр стал советником Сената Савойи, а в 1788 г. – сенатором. Будущий ультрамонтан, непоколебимо убежденный в приоритете власти папы над светской властью, одно время состоял в масонской ложе и был либеральным католиком[156]. В масонской ложе де Местр достиг степени Благодетельного Рыцаря Святого Града[157]. В 1796 г. он издал принесшую ему европейскую известность книгу «Размышления о французской революции», ставшей классикой консервативной мысли. Когда французские войска заняли Савойю, он переехал в Сардинию, где в 1800 г. получил должность канцлера. В мае 1803 г. он приехал в Петербург в качестве посланника сардинского короля. Именно в России были созданы его основные сочинения: «Санкт-Петербургские вечера» и «Петербургские письма».

Светская проповедь ультрамонтанства де Местра пользовалась большим успехом у части русского высшего общества. Так, С. П. Жихарев записывал в дневнике: «Граф Местр точно должен быть великий мыслитель; о чем бы ни говорил он, все очень занимательно, и всякое замечание его так и врезывается в память, потому что заключает в себе идею, и сверх того, идею, прекрасно выраженную»[158]. Де Местр был частым гостем салонов братьев Н. А. и П. А. Толстых, В. П. Кочубея, графа А. К. Разумовского, графов Строгановых, С. С. Уварова, дру-

[154] Там же.

[155] *Каганович Б. С.* А. Н. Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 211.

[156] См.: Там же. С. 221.

[157] См.: *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб., 2007. С. 7.

[158] *Жихарев С. П.* Записки современника. С. 86.

жил с адмиралом П. В. Чичаговым и сенатором В. С. Томара; известны его посещения «Беседы любителей русского слова».

Де Местр оказал заметное влияние на формирование особого общественного направления – русского католицизма[159]. Течение это было чрезвычайно влиятельным, поскольку при императорском дворе существовала целая партия русских католиков[160] или «иезуитская партия»[161]. По мнению В. С. Парсамова, в интеллектуальной жизни русского общества начала XIX в. Жозеф де Местр сыграл исключительную роль. Благодаря его проповеди, «Россия становится своеобразным центром не просто антиреволюционных, но еще и католических идей»[162]. Де Местр провел в России 14 лет, с 1803 по 1817 г., и оказал существенное влияние на политику Министерства народного просвещения, резко критикуя российскую систему образования и воспитания, проникнутую, с его точки зрения, духом галломании и примитивного подражательства западноевропейским образцам.

Таким образом, в рассматриваемый период ведущими фигурами возникающего течения выступили Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. С. Шишков и Ф. В. Ростопчин и были созданы некоторые основополагающие для русского консерватизма того времени произведения, оказавшие значительное влияние на формирование мировоззрения русской культурной элиты того времени.

---

[159] См.: *Цимбаева Е. Н.* Русский католицизм. М., 1999. С. 41.

[160] См.: *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 62.

[161] *Морошкин М. Я.* Указ. соч. С. 506.

[162] *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 14, 24.

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОНСЕРВАТОРОВ в 1807 – начале 1812 года

Огромное воздействие на складывание русского консерватизма оказали события 1805 – 1807 гг., когда, став участником антинаполеоновских коалиций, Россия потерпела ряд военных поражений и вынуждена была заключить в 1807 г. Тильзитский мир, воспринимавшийся современниками как крайне позорный. По оценке А. С. Шишкова, этот договор «уничижил чело могущественной России принятием самых постыднейших для ней условий, превративших презираемого доселе и страшившегося нас Бонапарте в грозного Наполеона. Он принудил нас, а за нами уже легко и другие державы, как то Австрию, Пруссию и проч., не только признать себя французским императором, но даже сделался некоторым образом повелителем и господином над всеми»[1]. Антифранцузские настроения в русском обществе в массовом масштабе вызревали и раньше Тильзита: «С момента убийства герцога Энгиенского и провозглашения Наполеона императором даже сторонники либеральных принципов начинают видеть в этом «коронованном солдате» врага политической свободы и национальной свободы и национальной независимости. Ненависть к императору французов и ко всему французскому все шире и шире разливается в русском обществе, превращая в отъявленных консерваторов и убежденных националистов многих поклонников философских принципов просветительной литературы XVIII сто-

[1] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 95.

летия»[2]. Таким образом, в обществе возникло исключительное по интенсивности национально-патриотическое настроение.

После Тильзита возник термин «русская партия»[3] или партия «старых русских»[4], иначе говоря, в общественном мнении и в донесениях иностранных дипломатов был зафиксирован факт возникновения консервативной оппозиции либеральному курсу Александра I. Так, Сент-Эньян (французский дипломат, бывший в Петербурге в 1807 г.) в письме, адресованном, по-видимому, Талейрану, писал: «Существует русская партия, состоящая из большого числа вельмож, которая не хочет никаких нововведений в управлении. Люди этой партии живут большей частью в Москве»[5].

В либеральной историографии деятельность «русской партии» характеризовалась, как правило, крайне негативно. Так, М. Я. Морошкин рассматривал ее как группировку своекорыстных крепостников, «оставшихся <…> совершенно без дела и признанных неспособными к государственным должностям»[6]. Он утверждал, что для ее членов типичны были «оскорбленное честолюбие, зависть, самолюбие и претензии на обширные государственно-административные дарования <…> наконец, просто преувеличенные и своекорыстные страхи за свои крепостнические права людей. <…> Вся сфера патриотизма этих людей, как показал опыт, ограничивалась бесконтрольным распоряжением своими крестьянами. <…> Главный центр и очаг этой партии была Москва (в ней проживали Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка), а главным поджигателем ее был Ростопчин; под его подстрекательством этот город падших величий совершенно превратился в клуб фрондистов»[7].

---

[2] *Бочкарев В. Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 204.

[3] Там же. С. 201.

[4] *Попов А. Н.* Эпизоды из истории 1812 г. // Русский архив. 1892. № 5. С. 402.

[5] Цит. по: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957. С. 232.

[6] *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1870. Ч. 2. С. 502.

[7] Там же. С. 502–503.

Для историков консервативного направления «русская партия» была объединением защитников русских национальных интересов и патриотов России. Эмигрантский историк П. Н. Богданович, опираясь на донесение французского посла Лаферонне, который писал в октябре 1823 г. о «русской партии» и ее тогдашнем главе – А. А. Аракчееве, высказал по этому поводу ряд соображений. В частности, он писал: «Кто мог быть на верхах этой партии? Можно думать, что к ним в свое время принадлежали – великая княгиня Екатерина Павловна, генерал князь Багратион, председатель Государственного Совета Салтыков, председатель Комитета министров Вязмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант Балашов – все люди, с которыми Аракчеев был очень близок и которые его очень ценили. Русские историки к вопросу о «русской партии» в эпоху Александра еще не подходили серьезно, а самое главное – беспристрастно: в России защита русских интересов почти всегда была занятием проигрышным, вплоть до лишения жизни (император Павел I и Александр II)»[8]. Богданович почему-то не называет имени Ростопчина, а между тем именно он в тот период поначалу проявил наибольшую политическую активность.

В 1807 г., после известия о сражении при Прейсиш-Эйлау, вышел его памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце российской дворянина Силы Андреевича Богатырева», имевший большой успех в обществе. Это был своего рода манифест складывающегося русского консервативного национализма. Сам Ростопчин следующим образом объяснял цель создания памфлета и специфичность его тона: «Небольшое сочинение, изданное мною в 1807 году <…> имело своим назначением предупредить жителей городов против французов, живших в России, которые старались приучить умы к мысли пасть перед армиями Наполеона»[9]. «Я не говорил о французах хорошего; но мы были в войне и русским позволено было не любить их в эту эпоху»[10]. Произведение носило не только антинаполео-

[8] *Богданович П. Н.* Аракчеев : граф и барон Российской империи (1769–1834). Буэнос-Айрес, 1956. С. 127.

[9] Цит. по: *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 45.

[10] Там же. С. 50–51.

новскую, но и антифранцузскую направленность: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, всё равно – только не будь на Руси»[11]. Французы, точнее отбросы французского общества, обвинялись Ростопчиным в деградации России, в том, что своим влиянием они разрушили почитание Бога, царя, отечества, внушили презрение к русскому языку.

Ф. В. Ростопчин использовал для характеристики французов особый, «лубочный» стиль, в духе карикатур И. И. Теребенева: «Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Всё истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! – отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали – то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить <…> приговаривая: «После спасибо скажите». А там явился Бонапарт <…> шикнул, и всё замолчало. Погнал Сенат взашей, забрал всё в руки, запряг и военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать, а наконец, кричать: «Шабаш республика!» Давай Бонапарта короновать, а ему настать. Вот он и стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть: плакать и кряхтеть; а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из углу в угол и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарте – кочерга»[12].

Вслед за Шишковым, Ростопчин указывал на необходимость искать примеры для подражания в собственном нацио-

[11] *Ростопчин Ф. В.* «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» // Ох, французы! М., 1992. С. 148.

[12] Там же. С. 149.

нальном опыте: «Чего у нас нет? Всё есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. <…> А какие великие люди в ней были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меншиков, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом – Дашкова; министры: Панин, Шаховской, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского»[13]. Н. С. Тихонравов отмечал характерную особенность этого списка: «Большая часть их была живым примером самому Ростопчину, он знал их сам, и их величием была отчасти воспитана его вера в могучие силы русского человека»[14]. Представляется, что этот список Ростопчина предвосхитил пантеон русских национальных героев, созданный чуть позже на страницах «Русского вестника» С. Н. Глинки.

Идейное содержание ростопчинского произведения было небогатым, однако не идеи делали его привлекательным для части современников. А. О. Мещерякова справедливо отмечает, что суть ростопчинского памфлета заключалась в «громкой националистической риторике»[15].

Первым издателем «Мыслей» стал Шишков, который снабдил текст вставками, не приемлемыми для Ростопчина; особенно оскорбила его фраза о «храбром Беннигсене», которого Ростопчин ненавидел как одного из главных убийц Павла I. Кроме того, Шишков смягчил некоторые высказывания Ростопчина. Последний по этому поводу замечал: «Издатель «Мыслей» А. С. Шишков <…> позволил себе изменить в них некоторые места, кое-что прибавил от себя и в конце сделал следующее замечание: «Если читателю не понравятся *некоторые жоские выражения* Силы Андреевича, то да простит ему оные, уважив горячее чувство и любовь к отечеству, искони славившемуся гостеприимством, веротерпением и покровительством гонимых

[13] Там же. С. 150.

[14] *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 17.

[15] *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 81.

за честность и правду». <...> Эта оговорка могла отчасти ослабить то впечатление, которое автор «Мыслей» думал произвести на публику»[16].

Поэтому в 1807 г. Ростопчин издал в Москве свое произведение в исходном варианте. Оно было напечатано невероятным для того времени тиражом в семь тысяч экземпляров. Н. Ф. Дубровин писал о «громадном успехе» брошюры[17]. По оценке В. М. Боковой, «ни один русский литератор в то время, даже Карамзин, не имел подобных тиражей!»[18]. А. Мартин утверждает, что «в действительности, Ростопчин мог охватить большую часть читающей публики, поскольку каждая копия его сочинения проходила через множество рук. «Мысли вслух» стали популярны среди купечества, продемонстрировав, что облеченное в форму народной прозы, затрагивающее всем понятные проблемы это воззвание преодолело сословные барьеры»[19]. Эта оценка вполне согласуется с мнением Дубровина о том, что произведение Ростопчина повсюду принято было «с восторгом, особенно купечеством, мелким дворянством и чиновничеством, смотревшим недоброжелательно на тогдашних львов и полульвиц полуфранцузского воспитания»[20].

По мнению Н. С. Тихонравова, после выхода «Мыслей вслух» «талантливый писатель <…> Ростопчин становится на время как бы во главе литературной полемики против французов»[21]. Н. Ф. Дубровин утверждал: «Сила Андреевич вошел, так сказать, в плоть и кровь тогдашнего общества <…> точно так же, как в наше время повторяются имена: Чичикова, Собакевича, Плюшкина, Чацкого, Рудина и других»[22].

Отзыв официозных «Московских ведомостей» был выдержан в панегирическом тоне: «Мысли вслух на Красном Крыльце»

---

[16] Цит. по: *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 59.

[17] См.: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 255.

[18] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 49.

[19] *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 69–71.

[20] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году : (материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. СПб., 1863. № 7. С. 100.

[21] *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 46.

[22] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году. С. 102.

новое российское неподражаемое сочинение. Входить в подробное исчисление красот сего сочинения был бы труд и совершенно излишний и невозможный; излишний – поелику всякое слово вмещает в себя сильную и богатую мысль; невозможный же потому, что сердечных чувств изображение никому еще не удавалось. Довольно сказать, что цель автора, страстно любящего свое отечество, счастливо достигнутая, есть показать преимущество россиян перед французами. Слог его так пленителен, так разителен, что целые страницы врезались уже в памяти у всех, кто ни читал патриотические сии размышления»[23].

После публикации «Мыслей вслух» Ростопчин стал желанным гостем в салоне великой княгини Екатерины Павловны, которая поставила задачу сблизить Ростопчина с императором. В ноябре 1809 г. Александр I посетил сестру в Твери и имел продолжительную беседу с графом. Результаты этого разговора не замедлили сказаться. 24 февраля 1810 г. Ростопчин был назначен обер-камергером и членом Государственного совета с правом остаться жить в Москве. Успех «Мыслей» обусловил начало нового политического взлёта Ростопчина, сделавшего его имя, в конце концов, известным всей Европе.

Ф. В. Ростопчин к тому времени стал одним из самых близких Карамзину людей. Например, в письме И. И. Дмитриеву от 19 февраля 1811 г. Карамзин писал: «Дом наш есть уже давно монастырь, куда изредка заглядывают одни благочестивые люди, например, гр. Ростопчин» (далее следовало еще 9 фамилий. – *А. М.*)[24]. Московские дома Ростопчина и Карамзина стали центрами консервативной консолидации.

Большое влияние сочинение Ростопчина оказало на Сергея Николаевича Глинку (1776 – 1847), одну из важнейших фигур в консервативном стане[25]. Глинка родился в патриар-

[23] Московские ведомости. 1807. № 37. С. 834.

[24] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 65.

[25] См.: *Володина Т. А.* «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4 ; *Лупарева Н. Н.* «Божество-хранитель» : образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки // Новик. Воронеж, 2005. Вып. 10 ; *Минаков А. Ю.* Глинка Сергей Николаевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. 2005 ; *Минаков А. Ю., Лупарева Н. Н.* «Русский вестник» // Там же.

хальной дворянской семье, образование получил в Сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге, в котором учился с 1782 г. В молодости он не отличался национально-консервативным мировоззрением, скорее его тогда можно было причислить к поклонникам просветительских идей и Великой французской революции. Как писал исследователь его биографии И. В. Евдокимов, «Глинка оставил корпус мечтательным, благородным юношей, с самыми лучшими намерениями и желаниями, внушенными великой литературой просветительного века. Французская революция также оказала немалое влияние на впечатлительного юношу. Одушевленный отвлеченными задачами о мировом преобразовании всех сторон тогдашней общественной и частной жизни, Сергей Николаевич совершенно даже не обнаруживал интереса к родной стране, Россия не существовала для него, вместо России пред его духовным взором являлась Франция, Европа, человечество, народы»[26]. На рубеже веков Глинка стал страстным поклонником Бонапарта. Уже в зрелые годы он вспоминал: «С отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не мы одни так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. <…> На чреде консула он казался нам потомком Камиллов, Фабрициев и Цинциннатов»[27].

С 1795 г. Глинка служил в Архаровском полку[28]. После смерти отца, в 1800 г., он по семейным обстоятельствам вышел в отставку майором и вскоре «при одре умирающей матери, дал слово обеспечить участь сестры своей, – и в пользу ее отказался от своей части наследства, пятидесяти душ, уступив в приданое сестре всё движимое и недвижимое имение, сколько осталось ему от отца, а сам уехал в Украйну (в Харьковскую губернию. – *А. М.*), где три года пробыл учителем»[29]. По возвращении в Москву он работал в театре в звании переводчика и

[26] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Евдокимов И. В. Л. 10.
[27] *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 194, 214.
[28] РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1.
[29] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 2 об.

сочинителя. Личность Глинки была экстравагантной и была хорошо известна московскому дворянскому обществу. Приведем характеристику, данную ему Н. Ф. Дубровиным: «Высокий и красивый, но неопрятный, нервный и рассеянный, он был в постоянном отсутствии, забывал все окружающее, вечно носился со своими мечтами и мыслями, говорил сам с собою и даже декламировал вслух, сидя на извозчичьих дрожках и бродя пешком. Часто он не знал сам, куда и зачем идет: поворачивал то влево, то вправо, делал зигзаги, возвращался назад и оттого в значительное время проходил небольшое пространство. <…> Вечно чем-нибудь озабоченный, всегда торопящийся, он производил впечатление человека суетливого, и лишь немногие ценили высокую его душу и блестящие дарования. <…> Бескорыстие его и благотворительность доходили до безрассудства: живя бедно и тесно, он раздавал деньги просящим без разбора и сам часто оставался без гроша. <…> Сильные мира не страшили его, он никогда ничего не искал у них, а напротив, при каждом удобном случае выказывал свой независимый характер»[30].

Период с 1806 по 1810 г., а также 1817 г. был временем драматургического творчества Глинки, он написал ряд драм и опер. В 1806 г. Глинка снова поступил на службу бригадным майором в земское Смоленское войско[31]. Обращение в сторону «русскости», как и у многих его современников, произошло в годы национально-патриотического подъема: «Я видел народ русский; в земской моей службе ознакомился с духом его; я прислушивался к его голосу»[32]. Поэтому «ознакомясь с русским народом, я решился вникнуть в самобытный его дух и с этою целью предпринял издание Русского Вестника»[33]. В результате былой космополит, увлекавшийся французской революцией и даже переведший «Марсельезу» на русский, стал на длительное время пламенным консерватором-патриотом.

В 1808 г. Глинка стал издавать «Русский вестник» – ежемесячный журнал национально-консервативного «русского направления», идеологически близкий к позициям Ф. В. Ростоп-

[30] *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. С. 255–259.
[31] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 3.
[32] См.: *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году. С. 102.
[33] ОР РНБ. Ф. 191. Глинка С. Н. Ед. хр. 18. Л. 11 об.

чина и А. С. Шишкова, который выходил в Москве до 1824 г. «Без гроша денег приступил он к делу, веруя, что «Бог не без милости, а свет не без добрых людей», – писал А. Д. Галахов[34]. Первым спонсором нового издания был П. П. Бекетов, двоюродный брат И. И. Дмитриева, который в 1801 г. открыл в Москве типографию, где печатал сочинения русских авторов, часто за свой счет[35]. В объявлении о выходе нового журнала было заявлено, что в «Русском вестнике» будут помещаться «политические известия касательно токмо до России». В первом номере излагалась программа нового издания: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество, на сем единодушном стремлении основано общее благо. <...> Замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и пр., мы будем противополагать им не вымыслы романтические, но нравы и добродетели праотцев наших. <...> «Руской вестник» посвящается русским»[36].

В «Русском вестнике» рассматривался широкий круг проблем: от религиозно-философского осмысления мира до проблем воспитания детей в «русском духе». Глинка в своих статьях стремился пробудить интерес публики к отечественной культуре и декларировал, что она имеет такое же право на существование, как и культура всякого другого народа. В журнале популяризовались образы русских выдающихся людей, героев и гениев. По этому поводу Н. С. Тихонравов отмечал, что в то время, когда «История Государства Российского» только зарождалась из-под пера Карамзина, обещание Глинки вносить в журнал многие статьи о древних временах России имело большое значение[37]. Его рассказы о Наталье Кирилловне, о наставнике Петра Великого Н. Зотове, о Минине и Пожарском, о Гермогене, о смуте и т.д. «читались с восторгом. Гравированные портреты (из собрания П. Бекетова) деятелей старой и новой России, прилагавшиеся к каждой книжке, усиливали впечатление. Сам Глинка, упоенный открывшимся ему сказочным миром, торопился познакомить и общество со своими от-

[34] *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 18.

[35] См.: *Жихарев С. П.* Записки современника : воспоминания старого театрала : в 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 282.

[36] Русский вестник. 1808. № 1. С. 3–9.

[37] См.: *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 61.

крытиями. Ознакомление русских со своей историей, которой до сих пор почти никто не интересовался и не знал, чрезвычайно возбуждало «дух народный»[38].

Одной из центральных идей Глинки, которую он вводил в широкий оборот, была та, что русская культура еще до Петра I обладала высокой мощью и самобытностью, а потому не нуждается в каких-либо заимствованиях и должна идти по своему собственному пути. Одновременно Глинка подвергал критике русское дворянство за галломанию. В качестве ее основных причин назывались увлечение иностранным, и прежде всего французским, воспитанием и идеями французских просветителей – «лжеумствователями осьмагонадесять столетия», воздействие иностранных мод, роскоши и воспитание иностранными гувернерами. Философы, которые «подобно баснословным Титанам, хотели низвергнуть олтари Бога, веры, хотели истребить все то, что соединяет с ними род человеческий, сами потрясли правила и нравы Русской земли»[39].

Результатом галломании, согласно Глинке, было то, что «в недрах его (Отечества. – *А. М.*) возникло общество людей, от всех прочих сословий отличенное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России *область иноплеменную*. Кто суть члены сего общества? Большая часть помещиков и богатых людей»[40]. Главным средством от галломании, порождавшей «испорченность» нравов, Глинка считал добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемую Глинкой допетровскую эпоху. Средством от галломании должна была стать программа «русского воспитания», предполагавшая, что обучение дворянских детей на основе обращения к «старине» – мифологизированной в героическом стиле русской истории – должны были осуществлять в патриотическом духе только русские учителя. Одними из важных положений программы «Русского вестника» были активная благотворительность и добровольный отказ от французской «роскоши и моды», разорявших русское дворянство и приводивших к «порче» общественной нравственности. Глинка пытался

[38] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. ед. хр. 75. Л. 16.

[39] С. Н. Глинка [Державину], Москва, 21 марта 1807 г. // Державин Г. Р. Соч. СПб., 1871. Т. VI. С. 396.

[40] Русский вестник. 1808. № 4. С. 37–38.

«создать своего рода поведенческую модель, соответствующую убеждениям истинного патриота. Она включала в себя веру, покорность Божественному Промыслу, активное служение ближнему (благотворительность), служение общему благу, выражающееся в ревностном исполнении своей «должности» и подчинении властям, а также некоторый бытовой аскетизм, неприятие «роскоши». Морализаторство – главное орудие века Просвещения – органично вписывалось в упражнения» «Русского вестника»[41].

Толчком к созданию «Русского вестника» послужил успех «Мыслей вслух на Красном крыльце» Ф. В. Ростопчина. Н. С. Тихонравов утверждал: «Журнал Глинки обещал развитие того, что в «Мыслях» было высказано только намеками»[42]. Сам Ростопчин приветствовал это предприятие. Вскоре после выхода объявления об издании «Русского вестника», встретившись с Глинкой, он подошел к нему и обещал свое сотрудничество с новым журналом, хотя и просил издателя быть более осторожным в выражениях: «Предлагаю вам себя в сотрудники <…> только с условием: запальчивое перо мое часто бывает заносчиво – удерживайте, останавливайте меня. <…> Пора духу русскому приосаниться. – Шопот – дело сплетниц»[43].

По словам Н. Ф. Дубровина, с началом издания «Русского вестника» «была объявлена литературная война повелителю Франции»[44]. Ростопчин попытался выступить в роли советника Глинки, которому он писал: «Дивлюсь смелости духа вашего. Вы имеете в виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая от нее исцеление слепых, глухих и сумасшедших. <…> А как заставить любить по-русски отечество тех, кои его презирают, не знают своего языка и только по необходимости русские? Как привлечь внимание вольноопределяющихся в иностранные? Как сделаться терпимым у раздетых по моде барынь и барышень? – упрашивайте, убеждайте, стыдите, – ничего не подействует. Для сих отпадших и впадших в чужих, вы будете проповедником, как посреди дикого наро-

[41] *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 49.
[42] *Тихонравов Н. С.* Указ. соч. С. 61.
[43] Цит. по: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. С. 257.
[44] Там же.

да в Африке»[45]. Ростопчин советовал Глинке для достижения успеха у галломанствующей публики «подлинные сочинения наши назвать переводами; разжаловать всех наших именитых людей в иностранных, украсить каждую книжку французским и английскими эпиграфами и картинкой, представляющей невинную в нашем вкусе насмешку»[46].

Помимо публицистики Ростопчина у Глинки были и другие литературные ориентиры: «Он постоянно проводил то, что высказывали Новиков и Княжнин и Фонвизин»[47]. Поскольку Глинка разделял и идеи А. С. Шишкова, то в своем журнале «он старался заменять иностранные слова русскими»[48]. Сам Шишков свидетельствовал: «Весьма охотно читаю Руской Вестник, которой не твердит о словах *эстетика, образование, просвещение* и тому подобных, – но говорит всегда об истинной и чистой нравственности». Он хвалил Глинку, который «не смотрит на то, что таковые его писания многим, у которых голова вскружена *новыми понятиями*, не нравятся; он продолжает, исполняя долг свой, и сеет семена общего и давно проповедуемого благомыслия, не угадывая предбудущего и не зная, дождь ли их зальет, или солнце согреет»[49].

Основным сотрудником «Русского вестника» был сам Глинка, являвшийся автором большинства статей и художественных произведений в журнале. Сотрудничество других авторов: Г. Р. Державина, Ф. В. Ростопчина, Е. Р. Дашковой, Ф. Н. Глинки, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитриева, П. И. Шаликова, Н. М. Шатрова, Я. А. Галинковского – было эпизодическим. Глинка, в силу отсутствия организаторских и дипломатических способностей, «органически» не мог подолгу сотрудничать с большинством именитых авторов. Когда Ф. В. Ростопчин и Е. Р. Дашкова предложили Глинке свое сотрудничество, то оно быстро прекратилось по вине самого издателя, «без нужды

---

[45] [*Ростопчин Ф. В.*] Письмо к издателю 22 декабря 1807 г. // Русский вестник. 1808. № 1. С. 68.

[46] Там же.

[47] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 3 об.

[48] *Галахов А. Д.* Указ. соч. С. 20.

[49] Цит. по: *Вигель Ф. Ф.* Записки : в 2 ч. М., 1928. Ч. 1. С. 346. О популярности «Русского вестника» среди провинциальных читателей см. также: *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений : в 12 ч. СПб., 1878–1896. Ч. 2. С. 338 ; *Шишков А. С.* Записки... Т. 2. С. 319.

торопливого, отличавшегося крайней беззаботностью, необдуманностью и детским неведением самых обыкновенных житейских отношений»[50].

Журнал был внеправительственным печатным органом, и в 1808–1811 гг. его антифранцузская ориентация имела оппозиционный характер: «Нападения на все французское являлось полным несогласием с политикой Александра»[51]. В мартовском номере «Русского вестника» Глинка поместил статью «Некоторые замечания на некоторые статьи политическаго сочинения г. Шлецера под названием: взор на прошедшее, настоящее и будущее», в которой, наряду с прочим, заявил, что если «неисповедимыми творческими судьбами назначено когда-нибудь возгореться войне между Россиею и Франциею», то Россия найдет в себе силы для отпора[52]. Подобные суждения вызвали со стороны цензуры замечание: «Таковые выражения неприличны и предосудительны настоящему положению, в каком находится Россия с Францией». Всем учебным округам было предписано, чтобы «цензуры не пропускали никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические»[53].

В апреле 1808 г., после публикации этой статьи, Глинка был уволен из Московского театра, где состоял в должности сочинителя оперных либретто и переводчика, а цензору А. Ф. Мерзлякову был сделан выговор. Это произошло вследствие жалобы французского посла А. де Коленкура Александру I: «Боже мой! Какой перун грянул на Русский вестник! И от кого? От тогдашнего всевластного Наполеона…»[54].

Тем не менее, Глинке было разрешено продолжать издание «Русского вестника». Конфликт привел лишь к дальнейшему росту популярности журнала, «карательная мера только подзадорила воинственный пыл Глинки»[55].

Степень влияния «Русского вестника» трудно оценить, однако ясно, что она была достаточно сильна. А. Д. Галахов утверждал, что роль издания Глинки была огромной, поскольку

[50] *Галахов А. Д.* Указ. соч. С. 19.

[51] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Евдокимов И. В. Л. 15.

[52] Русский вестник. 1808. № 3. С. 404.

[53] *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 427–428.

[54] ОР РНБ. Ф. 191. Глинка С. Н. Ед. хр. 18. Л. 11 об.

[55] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп.3. Ед. хр. 75. Евдокимов И. В. Л. 15 а.

оно отражало господствующее в обществе умонастроение: «Заслуга Глинки, как литератора, заключается в том, что он своевременно возбуждал народный дух русских <…> прочее, им написанное (а он писал очень много), не имеет важности. <...> События определили свойственную ему роль: прошли события – упразднилась его миссия»[56].

А. Л. Нарышкин, директор Императорских театров, подписавшись на «Русский вестник», поручил Глинке препроводить к нему в Петербург все вышедшие книжки журнала «для предоставления Государю»[57]. После 1812 г. подписчиками на «Русский вестник» стали вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, императрица Елизавета Алексеевна и великая княгиня Екатерина Павловна[58]. Один из первых биографов Глинки, Б. М. Фёдоров, свидетельствовал, что в 1817 г. Аракчеев при подписке на сочинения издателя «Русского вестника» отмечал, как ему приятно, «что сочинитель, известный полезными произведениями, какими обогатил он отечественную словесность, требует его ходатайства: «Кто из русских не принял бы в положении вашем участия», – писал Аракчеев и взялся быть представителем С. Н. Глинки пред тогдашним министром народного просвещения, князем А. Н. Голицыным»[59].

В эпоху борьбы с Наполеоном публицистика Глинки находила отклик у читателей, тираж «Русского вестника» доходил до 700 экземпляров. В числе читателей «Русского вестника» были такие государственные деятели и ученые, как А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, И. И. Дмитриев, О. П. Козодавлев, Д. П. Рунич, историки М. П. Погодин, М. Т. Каченовский. И. В. Евдокимов утверждал: «“Русский вестник” возымел огромный успех. Одно заглавие его уже было знамя. В провинции зачитывались «Русским вестником», Сергей Николаевич стал неожиданно “оракулом провинции”»[60]. А. Мартин, сделав анализ подписки «Русского вестника» для уточнения социальной базы русского консерватизма, пришел к выводу: «Аудитория Глинки в социальном плане была достаточно широка и включала

[56] *Галахов А. Д.* Указ. соч. С. 18.

[57] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 3 об.

[58] *Федоров Б. М.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 11.

[59] Там же. С. 13.

[60] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Евдокимов И. В. Л. 15 а.

грамотных представителей разных сословий, за исключением духовенства. <…> Издание расходилось преимущественно среди провинциальных дворян. <…> Границы распространения «Русского вестника» простирались до Иркутска, Архангельска, Риги и Тифлиса»[61].

Несмотря на очевидную принадлежность к консервативно-националистическому течению, Глинка не принял никакого участия в литературной борьбе и интригах против М. М. Сперанского. Более того, в своих записках он утверждал, что не разделял их отношения к либеральному реформатору: «Знал я Сперанского, когда он еще не был графом. Беседовал с ним дружески и откровенно и любил его как человека, стремящегося к пользе общественной. <…> Если Ростопчин и другие предполагали, что Сперанский способствовал в чем-нибудь нашествию Наполеона на Россию, то они крайне ошибались»[62]. В зарождающемся консервативном течении Глинка занимал особую нишу, в силу личных качеств он стоял несколько в стороне и фактически дистанцировался от Ростопчина и Шишкова, несмотря на крайнюю близость к их взглядам.

Определенную роль в становлении консерватизма сыграла Российская академия, ставшая одним из центров консолидации консерваторов. По словам М. Ш. Файнштейна, Российская академия в 1800–1810-х гг. способствовала «активизации национального самосознания, отразившейся и на литературном развитии. Результатом стало учреждение «Беседы любителей русского слова», объединения консервативно настроенных столичных литераторов»[63]. В академии были люди, чей «авторитет радетелей национально-патриотических идей вызывал в обществе понимание и уважение. Этими людьми были А. С. Шишков и Г. Р. Державин»[64]. Н. И. Мордовченко также отмечал, что в 1803–1806 гг. Шишков имел единомышленников лишь в Российской академии, члены которой разделяли его убеждения[65]. Список активных деятелей академии, приведенный Файн-

[61] *Martin A.* Op. cit. P. 80–81.

[62] *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 304, 306.

[63] *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти…» : Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб., 2002. С. 139.

[64] Там же. С. 43.

[65] См.: *Мордовченко Н. И.* Полемика о «старом» и «новом» слоге // Русская критика первой четверти XIX века. М. ; Л., 1959. С. 82.

штейном, едва ли целиком совпадает с аналогичным списком членов «Беседы любителей русского слова», в нем значатся: И. А. Дмитревский, С. А. Ширинский-Шихматов, М. Н. Муравьев, П. И. Голенищев-Кутузов, А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич, П. М. Карабанов, Е. А. Болховитинов, Н. Н. Бантыш-Каменский, И. С. Рижский, И. И. Мартынов, архиепископ белгородский и курский Феоктист, епископ старорусский и черниговский Михаил, митрополит всех католических церквей России С. Сестренцевич-Богуш, Н. Н. Новосильцов, А. Н. Голицын[66].

К 1807 г. произошло некоторое сближение позиций «шишковистов» и «карамзинистов». Н. И. Мордовченко писал: «С началом войны положение изменилось. «Вестник Европы», так недавно еще сохранявший карамзинские позиции, занял антифранцузскую позицию и вскоре же высказался в пользу Шишкова и против покойного П. И. Макарова. В «Письме города N.N. в столицу» Луки Говорова <…> давалась настоящая апология Шишкову, причем автор полемизировал с Макаровым, пользуясь больше цитатами из Шишкова, чем собственными аргументами. На это письмо Шишков сочувственно откликнулся анонимной, хотя и не скрывающей авторства статьей…»[67]. Таким образом, возникли предпосылки для совместного сотрудничества «карамзинистов» и «шишковистов».

В 1807 г. возникло литературное объединение русских консерваторов, ядро которого составляли так называемые «архаисты», противники сентименталистского «нового слога»: А. С. Шишков, Г. Р. Державин, И. А. Крылов и др., – «Беседа любителей русского слова». «Беседа» была консервативной по своему составу и идейной направленности. По словам ее участника, А. С. Стурдзы, она была «выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному – любви, пробужденной роковыми событиями того времени. Россия <…> готовилась к отчаянной схватке с Западною Европою. Земское всенародное ополчение 1807 года можно назвать смотром наших ратных сил, – в Беседе <…> ополчались умственные силы образованного круга, затронутого и взволнованного огромностию происшествий»[68].

---

[66] См.: *Файнштейн М. Ш.* Указ. соч. С. 43.

[67] *Мордовченко Н. И.* Указ. соч. С. 82.

[68] *Стурдза А. С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ноябрь. Кн. 1, № 21. С. 5–6.

Предыстория «Беседы» началась в январе 1807 г., когда Шишков предложил Державину организовать еженедельные литературные вечера, которые стали проходить с февраля того же года по субботам, поочередно на квартирах у Г. Р. Державина, А. С. Шишкова, И. С. Захарова и А. С. Хвостова. Инициатива в организации этого объединения принадлежала опальному адмиралу. В «Записках современника» С. П. Жихарева Державин, наряду с Шишковым, выступает как второй по значению инициатор создания «Беседы»[69].

На заседаниях «Беседы» читали свои произведения И. А. Крылов, Г. Р. Державин, Н. И. Гнедич, С. А. Шихматов и др., причем разговоры велись не только о литературе, но и о текущей политике. Так, С. П. Жихарев, описывая первое заседание «Беседы» 3 февраля 1807 г., сообщал: «Долго рассуждали старики о кровопролитии при Эйлау и о последствиях, какие от нашей победы произойти могут. <…> Кикин и Писарев с жаром доказывали, что надобно продолжать войну <…> а Лабзин с Хвостовым возражали, что теперь-то именно и должно хлопотать о заключении мира. <…> Время проходило, а о чтении не было и речи». В дневниковой записи от 17 февраля 1807 г. читаем: «Вчерашний вечер у И. С. Захарова не похож был на вечер литературный. Кого не было! Сенаторы, обер-прокуроры, камергеры, даже сам главнокомандующий С. К. Вязмитинов»[70]. На заседании 16 марта 1807 г. «разговаривали прежде о политике, об отъезде государя, о Сперанском, которому предсказывают блестящую будущность, о генерале Тормасове, которого вчера пред самым отъездом государь назначил рижским военным губернатором, о дюке де Сера Каприола, известном ненавистью своею к Бонапарте, но после перешли опять к литературе и театру»[71].

Когда речь заходила о сюжетах собственно литературных, то члены «Беседы» демонстрировали консервативные эстетические взгляды. После одного из заседаний А. С. Хвостов и П. А. Кикин подвергли любимца Шишкова, князя С. А. Ширинского-Шихматова, закончившего жизнь иеромонахом Ани-

[69] См.: *Жихарев С. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 85.
[70] Там же. С. 117–118, 139.
[71] Там же. С. 195.

китой, критике за «непобедимое отвращение» к греческой мифологии[72]. «Избави меня боже, – с жаром возразил Шихматов, – почитать пособием вашу мифологию и пачкать вдохновение этой бесовщиной, в которой, кроме постыдного заблуждения ума человеческого, я ничего не вижу. Пошлые и бесстыдные бабьи сказки – вот и вся мифология. Да и самая-то древняя история, до времен христианских – египетская, греческая и римская – сущие бредни, и я почитаю, что поэту христианину неприлично заимствовать из нее уподобления не только лиц, но и самых происшествий, когда у нас есть история библейская, неоспоримо верная и сообразная с здравым рассудком. Славные понятия имели эти греки и римляне о божестве и человечестве, чтобы перенимать нелепые их карикатуры на то и другое и усваивать их нашей словесности!»[73].

Подобный культурно-религиозный «фундаментализм» вообще был характерен для общей атмосферы заседаний. К примеру, на заседании от 7 февраля 1807 г., когда речь зашла об афоризмах Ф. Ларошфуко, Шишков без церемоний заявил, что он «большой нелюбитель всех этих нарумяненных французских моралистов, которых всё достоинство заключается в одном щегольстве выражений». Князь Шихматов добавил, что «уж если дело пошло на перевод моралистов, то надлежало бы приняться не за Рошфуко и Лабрюера, а скорее за Иисуса Сираха»[74].

По точному замечанию Л. Н. Киселёвой, «наиболее интересной стороной шишковских собраний была как раз не литературная часть. <…> Сам облик вечеров напоминал скорее важное государственное действо, чем собрание любителей словесности»[75]. Она же отмечала, что «усилия устроителей обеспечить участие сановной публики не были случайными», поскольку «деятели шишковского лагеря, в 1800-е гг. не имевшие влияния на ход государственных дел и находившиеся в оппозиции к правительству Александра I, всячески стремились выйти из политической изоляции. Собрания с участием важных санов-

[72] См.: Там же. С. 128.

[73] Там же. С. 121.

[74] Там же. С. 127.

[75] *Киселева Л. Н.* Литературная жизнь России 1800-х гг. в «Записках современника» // Жихарев С. П. Указ. соч. Т. 2. С. 417.

ников создавали у них самих иллюзию (и, по их замыслу, должны были создать у окружающих впечатление) их государственной значительности»[76]. Уточним: их «государственная значительность» далеко не всегда была «иллюзией».

Дружеские собрания постепенно принимали организационные формы. В 1808 г. было решено завести «книгу для протоколов» с тем, чтобы впоследствии, «ежели заблагорассудится», составить сборник из прочитанных за год материалов. На заседании 15 мая 1808 г. было решено с сентября приступить к изданию журнала. Неизвестно, что помешало этим планам[77]. На заседаниях «Беседы» постоянно присутствовали сенаторы, обер-прокуроры, камергеры и петербургский главнокомандующий С. К. Вязмитинов, ядро «Беседы» составляла группа лиц, являвшихся членами Российской академии.

Идея окончательно преобразовать чтения в публичные и оформить их юридически возникла в 1810 г., в период резкого усиления «консервативной партии» и консолидации на основе роста национально-патриотических и антифранцузских настроений русского образованного общества в канун войны 1812 г. Замысел создания публичных чтений совпал с приходом в Петербург известия о том, что Н. М. Карамзин в Твери у великой княгини Екатерины Павловны читал свою историю и записку «О древней и новой России»[78]. Первым эту идею высказал князь Б. В. Голицын, «разумевший больше по-французски, нежели по-русски, но любивший однакож и свой язык». Именно он, по словам Шишкова, предложил преобразовать «домашние собрания» в публичные[79]. Идею Голицына поддержали Державин и Шишков. Первоначально общество предполагалось назвать «Лицеем» (год спустя так было названо знаменитое учебное заведение в Царском Селе), затем «Атенеем» или «Афинеем», причем от этого названия отказались, мотивируя тем, что литературные оппоненты могут именовать общество «ахинеей». Окончательный вариант названия предложил Шишков[80].

---

[76] *Киселева Л. Н.* Литературная жизнь России 1800-х гг. в «Записках современника». С. 417.

[77] См.: *Западов А. В.* Из истории «Беседы любителей русского слова» // Литературный архив. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 401–407.

[78] См.: *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1. С. 234.

[79] См.: *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 115.

[80] См.: Там же. С. 116.

Н. И. Гнедич, впоследствии близкий к «Беседе», иронически писал В. В. Капнисту (в письме от 2 января 1811): «У нас заводится названное сначала Лицей, потом Атеней, и наконец Беседа – или Общество любителей российской словесности. Это старая Российская академия, переходящая в новое строение; оно есть истинно прекрасная зала, выстроенная Гавриилом Романовичем при доме. Уже куплен им и орган и поставлен на хорах; уже и стулья расставлены, где кому сидеть, и для вас есть стул; только вы не будете сначала понимать языка гг. членов. Чтобы в случае приезда вашего и посещения Беседы не прийти вам в крайнюю конфузию, предуведомлю вас, что слова проза называется у них *говор*, билет – *значок*, номер – *число*, швейцар – *вестник*; других слов еще не вытвердил, ибо и сам новичок. В зале Беседы будут публичные чтения, где будут *совокупляться* знатные особы обоего пола – подлинное выражение одной статьи устава «Беседы»[81]. Справедливости ради отметим, что в уставе «Беседы» такого выражения нет.

Устав «Беседы» был разработан Шишковым. 17 февраля 1811 г. «Беседа любителей русского слова» была высочайше утверждена, причем ей было объявлено монаршее благоволение за «полезное намерение». Первое торжественное заседание «Беседы» и первые чтения последовали 14 марта 1811 г. в доме Державина, который для собраний заново отделал обширный зал и пожертвовал на значительную сумму книги для библиотеки «Беседы». Шишков на первое заседание пригласил императора Александра I (правда, он не появился). Композитор Д. С. Бортнянский, близкий к императрице Марии Фёдоровне, по предложению Державина написал поздравительную кантату «Сретение Орфеем солнца», которая была исполнена по намеченной программе певчими из придворной капеллы. Шишков следующим образом описывал первое заседание «Беседы»: «Рассуждая о словесности, приводил я выписки из многих наших стихотворцев и писателей, выказывая красоты их и возбуждая любовь к языку нашему и чтению на нем собственных наших произведений. Собрание было многочисленно и состояло из отличнейших обоего пола особ. Речь мою слушали с великим вниманием: во время чтения царствовала совершенная

[81] Цит. по: *Грот Я.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 594.

тишина и безмолвие. После меня Крылов читал свои басни, остротою и солью своею всем понравившиеся. Беседа кончилась к общему всех удовольствию»[82]. В речи Шишкова содержались программные моменты, имевшие политическое звучание: «Похвально знать чужие языки, но непохвально оставлять для них собственный. <...> Язык есть первейшее достоинство человека, следовательно, свой язык есть первейшее достоинство народа»[83]. Подобные высказывания становятся понятными только в контексте борьбы с галломанией.

А. С. Шишков в своих воспоминаниях утверждал, что уже после первого ее заседания «многие присутствовавшие в ней госпожи почувствовали, что не похвально язык свой презирать и многих прекрасных на нем сочинений не читать и не знать»[84]. По его словам, на следующий день после первого заседания он заехал к графине Строгановой и обнаружил у нее И. А. Крылова, которого впервые пригласили читать свои басни. Затем приехал Ж. де Местр, привыкший блистать в этом салоне. После обычного приветствия ему чтение Крылова продолжилось. Де Местр, привыкший к тому, чтобы быть в центре внимания, видя, что на него на этот раз не обращают внимания, обернулся к Шишкову и сказал по-французски: «Я вижу нечто новое, никогда не бывалое: читают по-русски, язык, которого я не разумею и редко слышу, чтоб в знатных домах на нем говорили! Нечего мне делать здесь! Прощайте!». Сказав это, потихоньку вышел и уехал»[85].

Заседания Общества проводились один раз в месяц. Право читать на публичных собраниях предоставлялось каждому желающему его члену. Издавалось периодическое издание Общества – «Чтение в Беседе любителей русского слова», в котором публиковались материалы заседаний, а иногда и труды, не читанные на собраниях. Всего вышло 19 книг «Чтений», в которых в основном печатались произведения, зачитанные на его торжественных открытых заседаниях. «Чтения» распространялись через губернаторов 21 губернии, причем губернаторы

[82] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 116.

[83] *Шишков А. С.* Речь при открытии Беседы любителей русского слова // Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1825. Ч. 4. С. 142.

[84] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 117.

[85] Там же.

были расписаны по членам «Беседы» на основании их личных знакомств и связей.

В записках А. С. Стурдзы подробно описаны бытовые детали заседаний «Беседы»: «В уроченные дни поэты и прозаики, писатели заслуженные и новички начали съезжаться в дом Гаврила Романовича, затейливый и своеобразный. Беседа имела свои частные и публичные заседания. Сии последние бывали по вечерам и отличались присутствием многих посторонних слушателей, допускаемых туда по билетам. Зала средней величины, обставленная желтыми под мрамор красивыми колоннами, казалась еще изящнее при блеске роскошного освещения. Для слушателей вокруг залы возвышались уступами ряды хорошо продуманных седалищ. Посреди храмины муз поставлен был огромный продолговатый стол, покрытый зеленым тонким сукном. Около стола сидели члены Беседы под председательством Державина, по мановению которого начиналось и перемежалось занимательное чтение вслух, и часто образцовое»[86].

Организация Общества была тщательно продумана. Принципы «Беседы» ориентировались на Табель о рангах, что позволяло не только производить назначения в составе Общества по чинам, но и четко соблюдать регламент, приглашать участников чтений, вести переписку, отбирать материалы, которые затем принимались для публичных чтений и др.

«Беседа» первоначально состояла из 24 действительных членов и из членов-сотрудников, «кои на убылые места поступают в действительные члены»[87]. Для соблюдения порядка в чтениях она разделялась на четыре разряда. Председателями 1–4-го разрядов были назначены соответственно А. С. Шишков, Г. Р. Державин, А. С. Хвостов и И. С. Захаров. Кроме председателя в каждом разряде было еще по пять действительных членов. Над председателями во главе каждого разряда были поставлены попечители: П. В. Завадовский, Н. С. Мордвинов, А. К. Разумовский и И. И. Дмитриев (первый – бывший, а остальные – действующие министры). К числу действительных членов «Беседы» принадлежали И. А. Крылов, С. А. Ширинский-Шихматов, А. Н. Оленин, Д. И. Хвостов, А. Ф. Лабзин,

[86] *Стурдза А. С.* Указ. соч. С. 5.

[87] *Хвостов Д. И.* Записки о словесности // Литературный архив. М. ; Л., 1938. Вып. 1.

А. А. Шаховской, П. А. Кикин и др. В числе 33 почетных членов были главнокомандующий С. К. Вязмитинов, Ф. В. Ростопчин, М. М. Философов, О. П. Козодавлев, П. И. Голенищев-Кутузов, А. Н. Голицын, М. М. Сперанский, В. А. Озеров, М. Л. Магницкий, С. С. Уваров, В. В. Капнист, Н. М. Карамзин, А. И. Мусин-Пушкин, Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Вологодский Евгений (Болховитинов). В конце января 1812 г. в одном из публичных собраний общества присутствовали все члены Синода, кроме митрополита Амвросия (Подобедова)[88]. В списке сотрудников значились С. П. Жихарев, Н. И. Греч и др. После того, как Завадовский в 1812 г. умер, его место занял В. С. Попов; тогда же из почетных членов выбыл опальный М. М. Сперанский, его заменил Н. Н. Новосильцев; в списке «Беседы» появились имена С. Сестренцевича-Богуша и архимандрита Фотия (Спасского)[89]. Появление Фотия в «Беседе» было не случайным. В 1837 г. он написал епископу Иннокентию (Борисову) ряд посланий «несомненно ориентированных на теорию А. С. Шишкова «о старом и новом слоге». Фотий писал о той области литературы, где требуется «высокое наречие», – о духовных сочинениях»[90]. С членами «Беседы» искал контакты Ж. де Местр. В частности, он присутствовал на знаменитом выступлении Шишкова с «Рассуждением о любви к Отечеству»[91].

Император Александр I так и не появился на заседаниях общества, несмотря на настойчивые приглашения. Однако известно, что вдовствующая императрица Мария Фёдоровна покровительствовала кружку Шишкова – Державина и разделяла их убеждения. В ее дворце в Павловске читали свои произведения члены этой литературной группы[92].

Одним из фактов, вызывавших удивление историков, было наличие имени Карамзина в списках почетных членов «Беседы». Первым это отметил М. Н. Лонгинов: «Общество, имеющее

[88] См.: *Грот Я. К.* Указ. соч. С. 598.

[89] См.: Там же. С. 596.

[90] *Дмитриева М. А.* Братья Ширинские-Шихматовы и архимандрит Фотий // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 91.

[91] См.: *Каганович Б. С.* А. Н. Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 222.

[92] См.: *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 168.

главною целию противодействовать влиянию Карамзина и его школы, избирает того же Карамзина в *почетные члены*! Видно, слава его была слишком популярна и прочна, если «Беседа» была вынуждена на такой непоследовательный поступок. Видно, отсутствие его имени в списке членов какого бы то ни было литературного общества само по себе было бы формальным осуждением его принципов и целей. Лучший друг и сподвижник его Дмитриев также избран в *попечители Беседы*»[93]. На самом же деле ничего удивительного или парадоксального в этом не было. К тому моменту политические позиции Карамзина и Шишкова во многом сблизились. Гораздо более удивительно пребывание в составе почетных членов М. М. Сперанского и М. Л. Магницкого. По свидетельству А. С. Стурдзы, «преобразователь делового и государственного слога в России был могучим союзником Беседы в трудах ее»[94].

Современники отмечали, что Шишков был чрезвычайно терпимым в личном общении человеком. Например, С. П. Жихарев так вспоминал о нем: «Я не имел случая заметить в нем ни малейшего недоброжелательства или зависти к кому-нибудь из наших писателей; напротив, во всех его суждениях, подкрепляемых всегда примерами, заключалось много добродушия и благонамеренности»[95]. В то время еще не возникла практика «разрыва личных отношений во имя принципиальных политических или литературных соображений»[96].

«Плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, зачастую находившихся друг с другом во враждебных отношениях, заставляет предположить, что одной из недекларируемых целей «Беседы» было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции на основе национально-патриотических настроений. И эта цель поддерживалась двором.

Литературная деятельность «Беседы» в дореволюционной литературе оценивалась весьма низко (потом эти оценки «пе-

[93] *Лонгинов М. Н.* Библиографические записки. 1856–1857 // Соч. М., 1915. Т. 1. С. 36.

[94] *Стурдза А. С.* Указ. соч. С. 12.

[95] *Жихарев С. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 85.

[96] *Киселева Л. Н.* Указ. соч. С. 416.

рекочевали» в советскую историографию). Так, М. Н. Лонгинов писал о сухости, педантстве, «жалкой метромании» и бездарности многих членов «Беседы». Исключение он делал для И. А. Крылова[97].

Между тем современный и наиболее авторитетный исследователь деятельности «Беседы» М. Г. Альтшуллер совсем иначе характеризует ее основной состав: «Самый беглый взгляд на список членов «Беседы» <…> не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров. Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе «Беседы» стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И. А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к «Беседе» не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.»[98]. О Крылове, который помимо Державина, является самым известным из русских классиков, принимавших участие в «Беседе», Альтшуллер уточняет: «В годы существования «Беседы» именно ей отдавал в основном Крылов свои творческие силы»[99].

На собраниях «Беседы» зачастую присутствовала «практически вся столичная интеллигенция»[100] (можно спорить с М. Г. Альтшуллером о правомерности использования термина «интеллигенция» применительно к рассматриваемому периоду, но очевидно, что имеется в виду столичная элита, верхушка образованного слоя). Общество пользовалось демонстративной поддержкой православной церкви; так, в январе 1812 г. «Беседу» посетили все члены Св. Синода[101]. Во время войны собрания прервались, но после войны продолжились. Наиболее активными членами «Беседы» были Г. Р. Держа-

[97] См.: *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. С. 36–37.

[98] *Альтшуллер М. Г.* Указ. соч. С. 57–58.

[99] Там же. С. 214.

[100] Там же. С. 7.

[101] См.: А. Н. Голицын [Г. Р. Державину], 25 января 1812 г. // Державин Г. Р. Соч. СПб., 1871. Т. VI. С. 227.

вин, А. С. Шишков, А. С. Хвостов, И. А. Крылов, А. А. Шаховской, Д. Хвостов. Заседания «Беседы» собирали до нескольких сот человек.

Одним из выдающихся событий за весь период существования «Беседы» стало чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», которое состоялось 15 декабря 1811 г. «Приуготовительное» чтение состоялось 4 декабря 1811 г. На этом общем собрании «Беседы» присутствовали все «попечители», кроме Н. С. Мордвинова, т.е. свое «Рассуждение» Шишков прочитал с их согласия и одобрения. Шишков не случайно таким образом «подстраховался». В своих воспоминаниях он писал: «Я, наслышась о преобладании над нами французского двора и чванстве посланника его Колинкура, а при том, зная и неблаговоление ко мне государя императора, опасался, чтоб не поставили мне это в какое-нибудь смелое покушение, без воли правительства возбуждать гордость народную, или бы иными какими толками не умножили на меня еще более гнев царский. В сем страхе потребовал я, чтоб чтение определено было согласием всех четырех разрядов Беседы. Все согласились подписать»[102]. Иначе говоря, «за» высказались действующие министры и сановники, что вряд ли могло произойти без предварительных негласных санкций двора.

Таким образом, выступление Шишкова не было его личной инициативой, а отражало позицию всего Общества, на торжественное заседание которого, согласно свидетельствам современников, съехался высший слой дворянского общества, около четырехсот человек; оно было программным и имело прямой политический смысл. Призывая к национальному единству и сплочению перед лицом потенциального врага, Шишков отстаивал право на «пристрастный» патриотизм: «Отечество <…> требует от нас любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому. Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас желание сличать их с преимуществами других людей: ум начнет рассуждать, сердце холодеть, и вскоре человек сей, ни с кем прежде несрав-

[102] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 117–118.

ненный, сделается для нас не один на свете, но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно отечество»[103].

В «Рассуждении» Шишков в очередной раз резко обрушился на космополитизм дворянского общества, особенно опасный в преддверии войны с Наполеоном: «Человек, почитающий себя гражданином света, то есть не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных. <…> Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать»[104]. Пренебрежение к национальным обычаям и традициям, отсутствие патриотизма и любовь к иностранному могут оказаться смертельно опасными в момент военных испытаний для России: «Когда станут увеселять нас чужие обычаи, чужие игры, чужие обряды, чужой язык, обворожая и прельщая воображение наше, тогда при всех правилах, при всех добрых расположениях и намерениях станет уменьшаться первейшее основание любви к отечеству, дух народной гордости. <…> Когда один народ идет на другого с мечом и пламенем в руках, откуду у сего последнего возьмутся силы отвратить сию страшную тучу, сей громовой удар, если любовь к отечеству и народная гордость не дадут ему оных. <…> Отсюду явствует, что не одно оружие и сила одного народа опасна бывает другому – тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему есть средство надежнейшее мечей и пушек»[105].

Космополитизму Шишков противопоставлял «удивительные примеры любви к отечеству», ссылаясь на историю античного мира, в частности, Спарты, Афин и Рима. Из русской истории в качестве достойных подражания назывались персонажи Смуты начала XVII в.: патриарха Гермогена, Дионисия, Палицына, Трубецкого, Минина и Пожарского, митрополита Филарета Романова. Кроме того, Шишков поминал подвиги Петра I и Х. И. Остен-Сакена. Он еще раз повторил свой излюбленный тезис о необходимости отечественного воспитания и недопус-

[103] *Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Собр. соч. и переводов. Ч. 4. С. 165–166.

[104] Там же. С. 147–149.

[105] Там же. С. 166, 170–171.

тимости воспитания чужеземного[106]. Можно предположить, что Шишков отвел данному сюжету важное место в «Рассуждении» потому, что именно на этом направлении консерваторы добились наибольших успехов. Завершал речь Шишкова обширный фрагмент «о природном языке всякой державы», который «есть мерило ума, души и свойств народных»[107]; без любви к языку человек «теряет и привязанность к отечеству, и совершенно противоборствует рассудку и природе»[108]. Основными источниками патриотизма Шишков называл консервативную триаду: православную веру, воспитание и язык русский.

Влияние речи Шишкова оказалось значительно сильнее, чем он ожидал. Еще в 1810 г. он был в немилости у Александра I. В «Записках» Шишков привел следующий эпизод. После образования Государственного совета один из его членов, М. М. Философов, удивленный тем, что Шишков не попал в состав Государственного совета, обратился к императору и доложил ему об этом обстоятельстве, полагая, что произошло недоразумение. В итоге, рассказывал Философов Шишкову, он «увидел в нем (императоре. – *А. М.*) такое к вам неблаговоление, что, при сильном настоянии моем, он напоследок сказал мне, что лучше согласиться не царствовать, нежели сделать вас членом»[109]. Однако после триумфального успеха в обществе «Рассуждения о любви к Отечеству» император затребовал его к себе. Шишков вспоминал, что этот вызов всерьез напугал его, поскольку он опасался стать жертвой какой-нибудь интриги: «Высылка Сперанского, отставка Мордвинова, какое-то ко мне тайное письмо и наконец явное ко мне неблаговоление государя императора – приводили меня в великое беспокойство. Я уверен был в моей невинности; но чего не может сплести клевета?!»[110]. Однако его опасения были напрасны. Император заявил Шишкову: «Я читал рассуждение ваше о любви к отечеству. Имея таковые чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами. Нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтоб Вы написали о том манифест»[111]. Вечером этого же дня Шишков написал текст пер-

[106] См.: Там же. С. 180–183.
[107] Там же. С. 184.
[108] Там же. С. 186.
[109] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 115.
[110] Там же. С. 120.
[111] Там же. С. 121.

вого манифеста, который вскоре был опубликован. Н. К. Шильдер отмечал: «Это был первый правительственный акт, указывавший народу на близость войны, которую уже давно считали неминуемою»[112].

Накануне войны, 9 апреля, отправляясь к границам России, в армию, Александр I повелел Шишкову отправиться вместе с ним и назначил его государственным секретарем: «Я бы желал, чтоб вы поехали со мною. Может быть, для вас это и тяжело, но для отечества нужно»[113]. Кандидатуру Шишкова на пост государственного секретаря предложил министр полиции А. Д. Балашов, который «указал на Шишкова, как на заслуженного сановника и ревностного патриота»[114]. Известно, что Александр I обдумывал возможность назначения на этот пост Карамзина[115]. В конечном итоге предпочтение было отдано Шишкову, как человеку военному, что было немаловажно в условиях надвигавшейся войны с Наполеоном. (С. П. Жихарев отмечал: «Едва ли у А. С. Шишкова еще не больше страсти к морскому делу и к своим морякам, чем к самой литературе»[116].) Сам Карамзин отреагировал на назначение Шишкова философски: «Всё к лучшему; может быть, находясь при Государе, я стал бы вступаться в дела и подал бы советы, которые оказались бы вредными»[117]. Показательно, что, выбирая государственного секретаря, Александр I рассматривал лиц только с консервативной репутацией – Шишкова, Карамзина, Ж. де Местра. П. К. Щебальский следующим образом объяснял мотивы императора при этом назначении: «Предстояло не только возвещать народу о сделанных распоряжениях, но пробудить в нем то живое участие к судьбам отечества, то могучее национальное чувство, которые, естественно, не могли не задремать в России под влиянием издавна существовавшей у нас правительственной системы < …> правительству необходимо было обратиться к стране с возвышенным, веским и в то же время живым словом, с таким словом, которое нашло бы доступ к самым глубо-

[112] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 66.

[113] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 123.

[114] Там же. С. 123.

[115] См.: *Погодин М. П.* Указ. соч. 95.

[116] *Жихарев С. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 178.

[117] Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 103.

ким тайникам народного духа и вызвало бы из них неодолимые силы. Такое слово нашел в душе своей Шишков»[118].

Таким образом, «Беседа» сыграла важную политическую роль, обеспечив идеологическую победу консерваторов над представителями правительственного либерализма в канун войны. Однако вслед за этим роль и значение «Беседы» начинают падать. В 1813 г. Шишков получил пост президента Российской академии. Поскольку после победы над наполеоновской Францией проблема галломании утратила остроту, он явно охладел к деятельности «Беседы». Самое же главное – в условиях, когда Александр I взял курс на создание «общехристианского» государства и экуменический курс в конфессиональной политике, значение «Беседы» неизбежно должно было резко уменьшиться. В 1816 г., после смерти Г. Р. Державина, «Беседа» прекратила свое существование.

В этот период помимо «Беседы» возникли другие центры консолидации консерваторов. В первую очередь следует назвать двор вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. После поражения под Аустерлицем она «не стесняясь, осуждала новую политику Александра»[119] и заставила его удалить от себя почти всех друзей, выступающих за проведение либеральной реформистской политики[120]. Императрица Елизавета Алексеевна по этому поводу писала в одном из писем (29 августа 1807 г.): «Императрица, которая, как мать, должна была бы поддерживать, защищать интересы своего сына, по непоследовательности, вследствие самолюбия (и, конечно, не по какой-либо другой причине, потому что она неспособна к дурным умыслам) дошла до того, что стала походить на главу оппозиции; все недовольные, число которых очень велико, сплачиваются, прославляют ее до небес, и никогда еще она не привлекала столько народа в Павловск, как в этом году»[121]. Политическое кредо вдовствующей императрицы было следующим: «Необходимы бескомпромиссная борьба с Наполеоном, опора на ценности дворянской аристократии и создание сильной ар-

[118] *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 200.

[119] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 211.

[120] См.: *Йена Д.* Екатерина Павловна : великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 57.

[121] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 211.

мии, которая превратит Российскую империю в оплот борьбы европейских монархий с наполеоновской угрозой»[122].

Кроме того, двор Марии Фёдоровны явно претендовал на роль своеобразного теневого министерства культуры. Хорошо осведомленный П. А. Ширинский-Шихматов отмечал, что императрица покровительствовала наукам и искусствам: «Многие известнейшие ученые наши имели счастие заслужить постоянное внимание государыни и находились в непосредственных с нею отношениях. Она возлагала на них разные поручения, требовала советов их, принимала оные с благосклонностию и умела употреблять с пользою. Всякое, не чуждое достоинства, произведение по части наук или словесности не имело надобности в особом предстательстве, чтобы найти доступ к любомудрой монархине, занять почетное место в ее книгохранилище и доставить сочинителю милостивое от щедрот ее вознаграждение. Обыкновенные сего рода поощрения производились столь часто, что можно было подумать, что ученые, писатели и художники имели, между сокровищами императрицы, собственно им принадлежащий, неоскудеваемый источник богатств, из которого черпали себе помощь и обилие»[123].

Несомненно, Мария Фёдоровна старалась направить развитие русской литературы и искусства в нужное для самодержавной монархии русло. Это позволило А. Л. Зорину утверждать, что двор Марии Фёдоровны осуществлял «идеологическое руководство литературным процессом»[124]. Однако следует подчеркнуть, что «немецкое происхождение и плохое знание русского языка не оставляли ей никаких шансов стать главой российских консерваторов-патриотов»[125].

Еще одной консервативной группировкой, стоявшей особняком, была часть масонов – «мартинистов», последователей Н. И. Новикова, для которой, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм,

[122] *Йена Д.* Указ. соч. С. 57.

[123] *Ширинский-Шихматов П.* Похвальное слово императрице Марии Федоровне. СПб., 1833. С. 13–14.

[124] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… : литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 269.

[125] *Martin A.* Op. cit. P. 50.

были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным. Это были московские розенкрейцеры, объединенные в ложи «Нептун» и «К мертвой голове», достопочтенным мастером которых являлся П. И. Голенищев-Кутузов, а духовным лидером – И. А. Поздеев. Известно активное участие «правой» части русских масонов в создании общественного мнения, способствовавшего крушению конституционных проектов и опале либерального реформатора М. М. Сперанского. Сравнительно недавно этот сюжет удалось по-новому интерпретировать Е. А. Вишленковой. Хорошо известен факт, что в 1809 г. И. А. Фесслер, протестантский проповедник и реформатор масонства, приглашенный Сперанским в Россию (где он получил кафедру восточных языков и философии в Петербургской духовной академии и, кроме того, служил под началом Сперанского в комиссии составления законов), организовал в столице ложу «Полярная звезда», в которую вошли люди из ближайшего окружения Сперанского. Посредством этой ложи верховная власть хотела реформировать в своих интересах масонство. Из воспоминаний Ф. М. Гауеншильда, члена «Полярной звезды», известно, что Сперанский вынашивал план унификации всех масонских лож в России и даже хотел преобразовать православную церковь на основе объединения наиболее образованных представителей духовенства в масонские ложи[126].

Ядро ложи образовалось из сотрудников Комиссии составления законов, людей с незаурядными литературными способностями, в нее вступил ближайший сотрудник Сперанского М. Л. Магницкий. Туда же (вероятно, с санкции императора) планировалось принять герцога Ольденбургского и его супругу – великую княгиню Екатерину Павловну и намеревался вступить сам император[127]. С Фесслером, приехавшим в феврале 1811 г., «сидел подолгу» Н. М. Карамзин[128], чем отчасти можно объяснить крайне отрицательное отношение «правых масонов» к Карамзину. Под «духовенством», о котором упомянуто выше, по смыслу документа подразумевалась организация, аккуму-

[126] См.: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 74.

[127] См.: *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. С. 121.

[128] См.: *Серков А. И.* Указ. соч. С. 78.

лирующая «духовный потенциал всей нации вне зависимости от сословий». Члены этой организации должны были составить новую элиту, активно формирующую общественное мнение. Великая ложа, которая их объединяла и продвигала на ответственные государственные посты, должна была «формировать и задавать идейные установки для всех масонских лож и образованного общества. Кроме того, масонству придавалось значение школы кадров для государственной системы. Единственным условием продвижения по службе должны были стать личные заслуги и способности. Этим разрушилась бы сословная структура российского общества, без широкого оповещения отмерла «Табель о рангах», и российское общество обрело бы социальную мобильность»[129]. Масонские ложи «должны были стать средством формирования «общего мнения», цензурой для настроений и литературных произведений, карательным аппаратом, существование которого не бросит тень на «гуманное» лицо монарха»[130]. Когда правительство создало особый комитет для рассмотрения масонских актов, Александр I обещал Сперанскому подписать указ о подчинении ложе «Полярная звезда» всех других масонских лож. Этот план встретил противодействие последних. «Правые» П. И. Голенищев-Кутузов и И. А. Поздеев объявили эту ложу «иллюминатской» и повели с ней активную борьбу[131].

Не удивительно, что, когда в придворных кругах против Сперанского возник заговор, Поздеев оказался «фактическим союзником» великой княгини Екатерины Павловны, Ж. де Местра, Ф. В. Ростопчина и других консерваторов. В письме от 23 сентября 1810 г. он призывал своего духовного ученика, министра просвещения А. К. Разумовского, доказать монарху, что реализация проекта Фесслера – Сперанского приведет к тому, что немцами из протестантских земель в масонство будет привнесен элемент иллюминатства: «тут змея есть – змея западная, впалзывающая в спокойство России». Из-за засекреченности проекта Фесслера – Сперанского общество стало смотреть на него через призму поздеевского к нему отношения[132].

---

[129] *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 118, 119.
[130] Там же. С. 120.
[131] См.: *Серков А. И.* Указ. соч. С. 71.
[132] См.: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 122–123.

Все вышеперечисленные группировки («Беседа любителей русского слова», двор Марии Фёдоровны, правые масоны и т.д.) находились в сложных отношениях, в каких-то вопросах взаимодействуя или, наоборот, существенно расходясь друг с другом. Иногда между ними возникали острые противоречия. Весьма показателен был антагонизм между масонами-консерваторами и Карамзиным. Разворачивался он при следующих обстоятельствах. При назначении в 1810 г. одного из самых близких друзей Карамзина И. И. Дмитриева министром юстиции Александр I обдумывал возможность назначения Карамзина министром народного просвещения. Однако Сперанский высказался против этого назначения, предлагая сделать Карамзина предварительно куратором Московского университета. Об этом Карамзин рассказывал К. С. Сербиновичу в 1825 г.[133] В итоге министром в начале 1810 г. был назначен граф А. К. Разумовский, который до этого был попечителем Московского университета. Секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов давал в письме к графу С. Р. Воронцову следующую характеристику Разумовскому: «начальник и покровитель московских мартинистов»[134]. Попечителем же вместо него «стараниями масонов, как говорит предание»[135] был назначен известный масон П. И. Голенищев-Кутузов. В 1790-е гг. он участвовал в масонской кампании по дискредитации Карамзина и опубликовал стихотворение «Похвала моему другу», в котором обвинял его в безбожии и безнравственности. В либеральной историографии Голенищев-Кутузов заслужил крайне негативную оценку: «обскурант до мозга костей, подвизавшийся на почве мракобесия»[136]. В 1800-е гг. А. С. Шишков, Д. И. Хвостов и Евгений Болховитинов «пытались противопоставить творчество Голенищева-Кутузова литераторам карамзинского лагеря»[137].

Очевидно, чтобы скомпенсировать моральный урон, так или иначе нанесенный Карамзину в июле 1810 г., Александр I

[133] См.: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 60.

[134] Цит. по: *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999. С. 83.

[135] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 60.

[136] *Скабический А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 160.

[137] Комментарии // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 1001–1002.

наградил его орденом Св. Владимира 3 степени. Награда эта состоялась при активном протежировании И. И. Дмитриева[138].

10 августа 1810 г. новый попечитель Московского учебного округа, видимо, желая предотвратить возможное возвышение Карамзина, направил донос министру просвещения А. К. Разумовскому, в котором обвинял писателя в том, что его произведения «наполнены вольнодумческого и якобинского яда. <…> Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. Не орден ему надобно бы дать, а давно бы пора его запереть, не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь. <...> Ваше дело открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготе, яко врага Божия, и врага всякого блага и яко орудие тьмы. <…> Он целит не менее, как в Сиесы (аббат. Э.-Ж. Сийес. – *А. М.*) или в первые Консулы, – это здесь все знают и все слышат. <…> Пусть что хотят, то делают, но об Университетах надобно подумать и сию заразу как-нибудь истребить. <…> Попекитесь о сем. Тут не мое частное благо, а всеобщее! В том вам сам Господь поможет»[139].

2 декабря 1810 г. Голенищев-Кутузов пишет Разумовскому еще один донос на Карамзина: «Нужно его демаскировать, как человека вредного обществу и коего все писания тем опаснее, что под видом приятности преисполнены безбожия, материализма и самых пагубных и возмутительных правил; да беспрестанные его публичные толки везде обнаруживают его яко якобинца. Возьмите даже его «Марфу Посадницу». Какой республиканский дух и какая пустая выдумка, имеющая целию только воспаление духом республиканским! Вложил в уста пьяной и глупой бабы ораторские речи в защиту вольности новгородцев и заставил ее говорить как Демосфена. И позволено ли историческое происшествие, бывшее не далее, как за 200 лет, исказить вымыслами и на какой конец, – на якобинский? Я скоро очень доставлю вам выписку из проклятых его сочинений, где увидите весь яд, который он разлить старался на бедное наше юношество, полюбившее к несчастию его бредни. Не в чины его жаловать надобно, а велеть присматривать за ним и за его знакомыми. У него бывают сборища, где любимые

[138] См.: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 61–62.

[139] *Голенищев-Кутузов П. И.* Письмо министру народного просвещения гр. Разумовскому // Карамзин: pro et contra. С. 491–492

разговоры – кощунство насчет религии и Священного писания, коими он явно ругается! <…> Да и что за автор! Куда он годится! Противен всякой нравственности, а штиль, про который так кричат неведующие русского языка, штиль самый дурной, неправильный и не русский! Загляните в книгу «О старом и новом слоге», сочиненную вице-адмиралом Шишковым, или удостойте Шишкова об этом поговорить, он ясно доказывает, что сей автор худо грамоту знает»[140].

М. П. Погодин утверждал, что «доноситель <…> увлекался своими понятиями; видел, ослепленный и пристрастный, вред там, где его не было, и искренно боялся его последствий»[141], т.е. поведение Голенищева-Кутузова и других «братьев» было обусловлено нежеланием масонов вникать в смысл обращений Карамзина к природе, его благоприятных отзывов о Руссо и Вольтере, которые считались тогда главными виновниками революции[142]. С точки зрения В. Э. Вацуро, доносы на Карамзина П. И. Голенищева-Кутузова были рассчитаны «на его политическое уничтожение, были реакцией на <…> разрыв (с масонами. – *А. М.*); намек на это делает Ф. Н. Глинка, человек осведомленный, сам масон и к тому же женатый на дочери Голенищева-Кутузова»[143].

Возможно, что тогда же какие-то демарши против Карамзина предприняли оставшиеся неизвестными члены «Беседы любителей русского слова», о чем он писал И. И. Дмитриеву: «О беседе Шишковской слыхал <…> желаю ей успеха, но только в добре. Для чего сии господа не хотят оставить меня в покое? Впрочем, мое правило не злиться»[144]. Тем не менее, нападки противоборствующих группировок на Карамзина не возымели своего действия.

Одним из наиболее выдающихся проявлений деятельности «русской партии» в 1810–1811 гг. стало возникновение и деятельность тверского салона любимой сестры Александра I

[140] Цит. по: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 325–327.

[141] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 64.

[142] См.: Там же.

[143] *Вацуро В. Э.* Карамзин возвращается // Карамзин : pro et contra. С. 739.

[144] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 64.

– великой княгини Екатерины Павловны. Как писал В. Н. Бочкарёв, «великая княгиня представляла из себя как бы оплот национализма и консерватизма среди членов императорской семьи. Интересы и честь России стояли у нее на первом плане, и она горячо верила в то, что, в конце концов, Россия должна занять первое место в Европе»[145]. Именно при содействии великой княгини основные положения программы русских консерваторов были доведены до сведения Александра I.

Фигура великой княгини Екатерины Павловны (1788–1819) – рано ушедшей из жизни четвертой дочери Павла I и императрицы Марии Фёдоровны, внучки Екатерины II, любимой сестры Александра I – длительное время оставалась в тени ее царственного брата[146].

Екатерина Павловна получила разносторонние воспитание и образование под руководством императрицы Марии Фёдоровны и баронессы Ливен. В отличие от своих сестер, ей удалось достичь определенной независимости от матери, которая сурово и деспотично относилась к другим членам царской семьи. Великая княгиня знала французский, немецкий и английский языки, но при этом владела и русским языком. Ее переписка с Н. М. Карамзиным свидетельствует о том, что она достаточно хорошо писала по-русски (на французском языке написана примерно половина писем), что было редкостью среди образованных людей ее круга конца XVIII – начала XIX в.[147] Великая княжна получила знания математики, истории, географии, политической экономии, недурно рисовала.

Красивая, грациозная, страстная, очень обаятельная, крайне честолюбивая и энергичная Екатерина Павловна обладала сильным, мужским умом, обширными знаниями и широкими связями. Она активно вмешивалась в политику, используя при этом расположение к ней Александра I, на которого в определенные периоды имела бóльшее влияние, чем кто-либо другой из родственников. Император обожал сестру и писал ей письма, которые настолько напоминают переписку влюбленных, что это обстоятельство даже породило миф об инцестуальных

[145] *Бочкарев В. Н.* Указ. соч. С. 214.

[146] См.: *Йена Д.* Указ. соч.

[147] См.: *Пушкин Е. А.* Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.

отношениях между ними. К примеру, С. П. Мельгунов недвусмысленно намекал, что в доверительных отношениях между братом и сестрой «была доля нежных чувств, выходящих уже за сферу родственной привязанности»[148].

Император часто советовался с великой княгиней по разнообразным вопросам внутренней и внешней политики и даже предварительно составлял программы бесед. В случае, когда брат и сестра не могли непосредственно общаться, они вели между собой обширную переписку, лишь частично опубликованную в начале XX в.[149] Историки отмечали, что степень откровенности этой переписки была чрезвычайно велика и она лишена «той двойной игры, которая была обычным явлением в отношениях Александра с людьми вообще»[150]. К примеру, в конце декабря 1810 г., собираясь навестить сестру в Твери, Александр составил заранее программу разговора о политике, военных действиях и внутреннем управлении, включая обсуждение отчета Сперанского и проекта о предлагаемых им учреждениях, и т.д.[151] Политический вес и авторитет Екатерины в общественном мнении были велики. После заключения Тильзитского мира, вызвавшего резкое недовольство в широких кругах русского общества, по столице ходили слухи о готовящемся перевороте, в котором активную роль якобы должна была сыграть Екатерина, которую прочили в новые русские императрицы. Шведский посол в Петербурге граф Стединг писал королю от 28 сентября 1807 г.: «Недовольство императором усиливается, и разговоры, которые слышны повсюду, ужасны. <…> Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину. <…> Военные настроены не лучше, чем другие подданные импера-

[148] *Мельгунов С. П.* Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. С. 105. Сводку суждений по этому поводу см. : Русские принцессы. М., 2009. С. 177–178.

[149] См.: *Великий князь Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

[150] Там же. С. XXIII.

[151] См.: *Богоявленский. С. К.* Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Три века. М., 1913. Т. 5. С. 191.

тора»[152]. О кандидатуре Екатерины Павловны на российский престол некоторые сведения сообщал также в своих донесениях французский посол А. Коленкур. В донесении Наполеону от 12 марта 1809 г. он утверждал, что в обществе много говорят о планах Екатерины Павловны обосноваться в Москве, куда, по слухам, назначали губернатором ее мужа принца Ольденбургского. «Великая княгиня, – писал Коленкур, – подготовляет там почву. <…> Я хотел бы ошибиться, но ее отношения с генералами и чиновниками, ее характер и намеки за последние четыре месяца – всё это обнаруживает в ней одну из тех смелых женщин, которые издалека подготовляют крупные события»[153]. Само появление подобного рода слухов было весьма симптоматичным явлением.

Обворожительная и блистательная Екатерина Павловна была одной из самых завидных невест Европы, мечтая рано или поздно занять императорский трон. Когда ей исполнилось 13 лет, Павел I, не доверявший своим сыновьям, задумал проект ее замужества с принцем Евгением Вюртембергским, которого хотел сделать своим наследником. Однако этот замысел не был реализован из-за смерти Павла I. В 18-летнем возрасте встал вопрос о ее замужестве с австрийским императором Францем. Имелись и другие брачные проекты, которыми в течение двух лет без особого успеха занимался князь А. Б. Куракин по поручению вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны[154]. При этом известно, что в 1808 г. Екатерина «сильно увлеклась кн. Долгоруким и даже собиралась выйти за него замуж, забыв свои честолюбивые планы. Еще раньше у нее было увлечение князем Багратионом, сильно шокировавшее императрицу Елизавету Алексеевну»[155]. Багратион был женат, но отношения с ним Екатерина прекратила только в 1809 г., уже после замужества. После его смерти Екатерина потребовала от Александра I, чтобы тот нашел и уничтожил ее письма к кня-

[152] Цит. по: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957. С. 220.

[153] Там же. С. 221.

[154] См.: Письма из Вены от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне. 1807 год // Русский архив. 1869. № 3. Стлб. 472–517.

[155] *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 191.

зю, если таковые сохранились, поскольку это могло повредить ее репутации как политика[156]. В 1808 г. к великой княжне сватался Наполеон. Во время Эрфуртского свидания Талейран по его поручению поставил пред Александром I вопрос об упрочении союза между Францией и Россией посредством брака с Екатериной Павловной. «Александр был не прочь согласиться на этот брак, – писала в своих воспоминаниях графиня С. Шуазель-Гуфье, – но встретил такую сильную оппозицию со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны и самой молодой великой княжны, что должен был им уступить. Они обе были женщины с характером и открыто восставали против континентальной системы, принятой Александром, расценивая ее как самую большую ошибку внешней политики Российской империи. Наполеону пришлось в первый раз, со времени своего возвышения, получить отказ. Это была для него первая измена фортуны!»[157]. Реакция Екатерины Павловны на «нелегитимного» жениха была крайне резкой. «Я скорее пойду замуж за последнего Русского истопника, чем за этого Корсиканца»[158]. Этот отказ ухудшил отношения между Россией и Францией. К тому времени Екатерине Павловне исполнился уже 21 год.

Современные исследователи считают, что великая княжна «только из-за того, чтобы не быть выданной за императора французов, дала согласие на замужество с принцем Ольденбургским, «бедным родственником, младшим сыном весьма немогущественного немецкого владетельного герцога»[159]. 1 января 1809 г. Александр I подписал манифест об обручении Екатерины Павловны с незначительным немецким принцем Петром Фридрихом Георгом Гольштейн-Ольденбургским (1784 – 1812), знатоком немецкой литературы и почитателем Шиллера.

---

[156] См.: *Йена Д.* Указ. соч. С. 70–71.

[157] Император Александр I : в воспоминаниях графини Шуазель-Гуфье // Русская старина. 1877. Кн. 12. С. 587–588.

[158] Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. 1878. С. 307.

[159] *Искюль С. Н.* Из истории династической политики России : обручение Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского // Россия в XIX–XX вв. : сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 120.

На бракосочетание Екатерины Павловны Г. Р. Державин написал стихотворение «Геба», в котором были такие строчки:

Что таинственна картина
Что явленье девы сей?
По челу – Екатерина
По очам – огнь Павлов в ней.

Обручение и последующее замужество породили различные толки в высшем свете столицы, поскольку принц приходился Екатерине двоюродным братом, что противоречило канонам православной церкви[160]. Принц был глубоко предан Екатерине Павловне и находился всецело под ее влиянием. Быстрое обручение Екатерины Павловны вызвало особенный патриотический энтузиазм, поскольку оно было не только выражением глубокой антипатии самой Екатерины Павловны и ее матери к властителю Франции, но и, по существу, очередным вызовом новому союзнику[161]. Брак означал, что Российская империя берет под особое покровительство Ольденбургский дом, которому угрожал Наполеон. После венчания принц Ольденбургский был назначен генерал-губернатором трех губерний – Новгородской, Тверской и Ярославской и главным директором водных коммуникаций с резиденцией в Твери, которая в то время считалась одним из красивейших городов России. Через подчиненные ему губернии проходили главные речные системы государства: Вышневолоцкая, Тихвинская, Мариинская.

С этого момента «тверской двор» фактически стал центром объединения «русской партии» или консерваторов национально-патриотического направления. Атмосфера при «тверском дворе» отличалась строгостью и была пронизана нескрываемыми политическими амбициями. Ж. де Местр сообщал: «Двор ее (Екатерины Павловны. – *А. М.*) походит на монастырь; по вечерам там нет другого развлечения, кроме чтения. Она сама учит своего мужа русскому языку и знакомит его с простолюдинами. Ее голова способна на дальновидные планы и на сильную решимость»[162]. Историк консервативно-монархического направления И. Н. Божерянов отмечал высокие культурные запросы

[160] См.: *Искюль С. Н.* Из истории династической политики России. С. 119.

[161] См.: *Зорин А.* Указ. соч. С. 224.

[162] Цит. по: *Булич Н. Н.* Указ. соч. С. 275.

семейной четы Ольденбургов: «Они толковали об украшениях дворца (главным архитектором которого был К. Росси. – *А. М.*), об уничтожении бедствий человечества или занимались живописью, или упражнялись в русском языке, в котором старалась великая княгиня усовершенствовать своего супруга, а он, в свою очередь, обращал ее внимание на величайшие богатства мысли и духа произведений немецких писателей. Великокняжеская чета не оставалась в уединении. Лица высокого ранга и выдающейся учености посещали их двор и среди них приезжало много немецких профессоров из Московского университета, имевших беспрепятственный приезд к принцу и беседовавших с ним о быстрых успехах искусств и науки»[163]. Великая княгиня выступала в качестве покровительницы русской литературы и пользовалась вниманием многих поэтов и писателей, из которых наиболее известны Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский.

При дворе Екатерины Павловны образовался политический салон, участниками которого были великий князь Константин Павлович, Ж. де Местр, барон фон Штейн, Ф. В. Ростопчин, генерал П. И. Багратион, археолог и публикатор древних рукописей гр. А. И. Мусин-Пушкин, И. И. Дмитриев, А. Б. Куракин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, поэты К. Н. Батюшков и Н. И. Гнедич, художник О. А. Кипренский, возможно, А. С. Шишков и др.[164] «В оживленных беседах с ними проводили время, затрагивая все вопросы дня, причем Екатерина Павловна проявляла особый интерес ко всему русскому, а также к делам внутренней политики», – писал великий князь Николай Михайлович[165]. Это, как правило, были люди с явно выраженными консервативными и националистическими политическими взглядами. Тверской салон стал одним из «идейных центров» консервативных настроений в русском обществе. Центральной фигурой салона была «Тверская полубогиня» (выражение Н. М. Карамзина). Свидетельств о беседах в салоне почти не сохранилось, важнейшее из них содержится в воспо-

[163] *Божерянов И. Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888. С. 45–47.

[164] См.: *Martin A.* Op. cit. P. 91–92.

[165] *Великий князь Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. XXVI.

минаниях Ф. П. Лубяновского, статс-секретаря и управляющего делами принца Георгия Ольденбургского в Твери. В частности, тот вспоминает, что «между прочим, от графа А. И. Мусина-Пушкина, очевидца, я слышал всю историю условленного, но несбывшегося обручения вел. кн. Александры Павловны со шведским королем и поразительное действие этой неожиданной неудачи на оскорбленную императрицу. Граф Ростопчин отменно искусно представлял в лицах разные случаи из царствования императора Павла»[166].

Екатерина, находясь в Твери, резко повысила в сравнении с предшествующим периодом свою политическую активность. Она стала довольно часто видеться с императором, подолгу гостила в Петербурге и неоднократно принимала брата в Тверском дворце. Переписка между ними интенсифицировалась, приобретя более содержательный и деловой характер. В Твери обсуждались и решались назначения на многие ответственные посты; расположение великой княгини могло способствовать быстрой карьере или, наоборот, опале. А. Коленкур писал в своем дневнике от 17 января 1809 г.: «Многие хотят усмотреть в великой княгине Екатерине Павловне всё такое, что в будущем отзовется громко. Она в переписке с большею частью видных генералов; она показывает вид, что возобновляет отношения с ранеными генералами и офицерами и отличает их; она ласкает Русских стариков, переписывается с ними об искусствах, науках или литературе. Говорили, будто бы она старается доказать всем, что способна воскресить все великие воспоминания, на которые указывает ее имя. Она старается быть более Русской, чем ее семья, или по вкусам, или по обычаям, со всеми разговаривает, объясняясь легко и с уверенностью сорокалетней женщины. Всё это не ускользает от иных наблюдателей, которые видят в ней орудие ее матери, всегда отличавшейся властолюбием…»[167]. Екатерина Павловна поддерживала те группировки, которые требовали выхода Российской империи из континентальной блокады и решительных военных действий против Наполеона.

Как у большинства реальных политиков, взгляды Екатерины Павловны не носили развернутого концептуального харак-

[166] Воспоминания Ф. П. Лубяновского (1799–1838). // Русский архив. 1872. № 3, 4. Стлб. 501–502.

[167] Из записной книжки Коленкура. 1809 г. // Там же. 1908. № 5. С. 6.

тера. В своей деятельности она руководствовалась некоторыми основными положениями, вообще свойственными для русской консервативной мысли. Великая княгиня была женщина, «искренно ненавидевшая всё, что отзывалось революцией»[168]. Она была убеждена в великой исторической миссии русского самодержавного образа правления, считая конституцию «совершенным вздором», а самодержавие полезным не только в России, но и в западноевропейских государствах. Достаточно, считала она, государю показать свою личную энергию, чтобы завладеть неограниченной властью: «Хорошие законы, которые исполняют, вот лучшая конституция»[169]. Россия, с ее точки зрения, должна была быть гегемоном в Европе. Для нее, как и для большинства русских консерваторов того времени, характерно было неприятие галломании.

В начале 1810 г. Н. М. Карамзин через Ф. В. Ростопчина познакомился в Москве с великой княгиней Екатериной Павловной[170] и стал постоянно посещать ее резиденцию в Твери. В салоне великой княгини Карамзин начал осваивать роль своеобразного светского духовника членов императорской фамилии.

Время сближения великой княгини и Карамзина было определено некоторыми существенными обстоятельствами внутриполитической борьбы того времени. В октябре 1809 г. М. М. Сперанский по поручению Александра I составил либеральный план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов» и представил его императору. Учреждение Государственного совета в 1810 г. свидетельствовало о начале реализации этого плана. Либеральный проект вызвал активное противодействие «консервативной партии», одним из лидеров которой являлась Екатерина Павловна. Консерваторы решили использовать в своих целях Карамзина, как мощную идейную силу, фигуру, равную по своему интеллекту и возможностям влияния на широкую публику со Сперанским. В 1811 г. Екатерина Павловна даже предложила историку пост губернатора Твери, на что Карамзин отвечал, что он будет или «дурным историком, или дурным губернатором, тем более что к этой должности не готовил себя»[171].

[168] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 64.
[169] *Пушкин Е. А.* Указ. соч. С. 74.
[170] См.: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 58.
[171] Там же. С. 61.

В феврале 1810 г. Карамзин впервые читал отрывки из «Истории» великой княгине и великому князю Константину Павловичу, тогда же произошло его знакомство с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, которая с тех пор становится одной из его покровительниц. «Они пленили меня своей милостью», – писал он брату[172]. Основные фигуры династической «консервативной партии» явно поощряли его занятия. 28 марта 1810 г. Карамзин сообщал брату: «Милость ко мне Великой Княгини, Великого Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служит для меня не малым ободрением в моих трудах. <…> Императрица приказала сказать мне, что она <…> завидует Великой Княгине, которой я читал свою Историю. Константин Павлович также отзывается обо мне с отличным благоволением»[173].

Вторая поездка Карамзина в Тверь произошла в декабре 1810 г. В письме к брату от 13 декабря он сообщал: «Недавно я был в Твери, и осыпан новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она Русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней в Твери, и всякий день были у нее»[174]. Разговоры велись о реформах, связываемых с именем Сперанского, и Карамзин высказывал о них критическое мнение. М. П. Погодин даже утверждал, что в конечном счете записка появилась на свет как «компиляция из всех разговоров, какие автор слышал вокруг себя»[175]. Вероятно, Екатерина Павловна попросила Карамзина изложить свои суждения отдельной запиской. 14 декабря 1810 г. она писала Карамзину: «Жду с нетерпением Россию в ее гражданском и политическом отношениях». 5 января 1811 г. в очередном письме княгиня писала: «С нетерпением ожидаю вас и Россию. Если вы к нам после 15 приедете, то застанете верно Константина Павловича»[176].

В начале февраля Карамзин подготовил текст «Записки» и совершил очередной визит в Тверь, где пробыл две недели. «Чтение продолжалось несколько дней, потому что было пре-

[172] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 58.
[173] Там же. С. 58–59.
[174] Там же. С. 68.
[175] *Покровский М. Н.* Александр I // Карамзин : pro et contra. С. 245.
[176] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 69.

рываемо множеством вопросов»[177]. Мнение великой княгини было однозначно: «Записка ваша очень сильна!»[178]. В письме к И. И. Дмитриеву от 19 февраля 1811 г., где Карамзин описывает некоторые детали этой своей поездки в Тверь, он, среди прочего, посчитал необходимым подчеркнуть следующее: «Не отвечаю за будущее, но теперь милостивое расположение августейшей четы составляет одно из утешений моей жизни»[179].

В марте 1811 г. Александр I посетил Екатерину Павловну в Твери, после чего И. И. Дмитриев по приказанию царя уведомил Карамзина, что монарх желает познакомиться с ним. В середине марта произошла их встреча. По мнению Погодина, чтение «Истории государства Российского» произошло 18 марта. Сам Карамзин так вспоминал в письме к Дмитриеву о беседе с царем, которая состоялась после этого: «Говорил с ним немало, о чем же? О самодержавии! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному красноречию»[180]. После этой беседы Екатерина Павловна отдала «Записку» Карамзина на прочтение царю.

«Записка» Карамзина делится на три части. В первой содержится краткий очерк истории России с древнейших времен до 1801 г., во второй – консервативная критика либеральных преобразований Александра I, в третьей – рекомендации по выходу из кризиса.

Н. М. Карамзин исходил из общего принципиального положения, что «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее»[181]. С этой целью им анализируется русское историческое прошлое, чтобы осветить настоящее и найти в прошлом идеал будущего, которым было для Карамзина самодержавие: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»[182]. В историческом обзоре Карамзин

---

[177] Там же. С. 77–78.

[178] Там же. С. 78.

[179] Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика. М., 2000. С. 42.

[180] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 79.

[181] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // О древней и новой России : избр. проза и публицистика. М., 2002. С. 378.

[182] Там же. С. 382.

подчеркивал, что только «единодержавием» или «единовластием» спасалась Русь. Ослабление его привело к раздробленности, ослаблению государства и к татарскому игу. «Вече», носители «духа вольности», оценивались «республиканцем в душе» предельно сдержанно: «Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россиею: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность»[183].

Московский период Карамзин оценивал чрезвычайно высоко, поскольку именно Москва возродила принцип единовластия: «Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостию, системе наилучшей по всем обстоятельствам и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы»[184]. Карамзин подчеркивал сдержанность Москвы во внешней политике, ориентацию на национальные интересы, изоляционизм по отношению к европейской политике: «Имея целию одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру; уклонялись от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных или опасных, желая сохранить, а не приобретать»[185].

С установлением самодержавия Московское царство окрепло. Это была для русского народа эпоха установления независимости и безопасности: «Внутри самодержавие укоренилось: никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать, – всякая власть была излиянием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народ,

[183] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 381.

[184] Там же. С. 380.

[185] Там же. С. 383.

избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах»[186].

Отношение Карамзина к Петру I было в целом негативным. Он считал, что после Петра Россия пошла путем Запада, «предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими»[187]. Говоря о царствовании Екатерины II, Карамзин, с одной стороны, поет ей панегирик: «Екатерина была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей»[188], а с другой стороны, рисует падение нравов, разврат, фаворитизм, коррупцию и пр., характерные для правления этой императрицы. Царство Павла I в изображении Карамзина – царство страха и ужаса: «Что сделали Якобинцы в отношении к Республикам, то Павел сделал в отношении к Самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных, претерпенных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV»[189], соответственно, «зло вредного царствования пресечено способом вредным»[190]. Карамзин формулирует установку, типичную для консервативного монархического дискурса: «Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева Небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, феномены страшные, но редкие»[191].

Вторая часть «Записки» содержит критику внешней и внутренней политики, в особенности либеральных начинаний Александра I. Карамзин в ней сразу взял тон, который вряд ли мог понравиться императору: «Россия наполнена недовольными; жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры»[192].

[186] Там же.
[187] Там же. С. 393.
[188] Там же.
[189] Там же. С. 395.
[190] Там же. С. 396.
[191] Там же.
[192] Там же. С. 398.

Н. М. Карамзин резко отрицательно оценивал участие России в третьей антинаполеоновской коалиции, ознаменовавшейся Аустерлицким поражением. «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т.е. служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденной Австриею и Пруссиею, числом и славою нашего воинства». В случае побед России выиграла бы в первую очередь Австрия, которая «из благодарности указала бы России вторую степень и то до того времени, пока не смирила бы Пруссию, а там объявила бы нас державою азиятскою, как Бонапарте». Тем не менее поначалу ситуация складывалась в пользу России, когда австрийская армия потерпела сокрушительное поражение от Наполеона и вошла в Вену, а русская, под командованием Кутузова, отступила к Ольмюцу. «Никогда политика российская не была в счастливейших обстоятельствах. <…> Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нее образом: изгнанник Франц по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном, наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя Немецкой империи». Но «мы захотели битвы!» – пишет Карамзин, намекая на тщеславие Александра I, приведшее к поражению[193].

Четвертая антинаполеоновская коалиция после Аустерлица была уже неизбежной: «тут мы долженствовали вступиться за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу»[194]. С точки зрения Карамзина, после Пултуска и Прейсиш-Эйлау можно было попытаться вступить в «мирные переговоры, коих успех не был вероятен». Но после Фридланда «надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англиею и воевать со Швециею, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без сты-

[193] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 400.

[194] Там же. С. 401.

да не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилия». В итоге «великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас через Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война шведская и разрыв с Англиею произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри государства»[195]. Наполеон подошел к границам России, которой пришлось участвовать в невыгодной для нее континентальной блокаде, рассориться со Швецией из-за Финляндии, что резко обострило внутреннюю экономическую ситуацию. «Для чего мы легкомысленною войной навели отдаленные тучи на Россию?»[196].

Всё это было, по Карамзину, следствие отсутствия доктрины национальных интересов и вызвано субъективным фактором: «Никто не уверит россиян, чтобы советники трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе личного самолюбия»[197]. Надо полагать, Карамзин имел в виду и личное самолюбие, и тщеславие Александра I.

Во внутренней политике ситуация, согласно Карамзину, была не лучшей. Карамзин обвинял советников царя в реформаторском зуде, реформах ради реформ: «Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденному опытом 34 лет и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени, вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибрать нужное, одним словом, исправлять по основательному рассмотрению, советники Александровы захотели новостей (новшеств, новаций. – *А. М.*) в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости»[198].

Во внутренней политике Карамзин усматривает лишь непродуманные, поспешные, непоследовательные преобразо-

[195] Там же.
[196] Там же. С. 402.
[197] Там же.
[198] Там же.

вания. Главной ошибкой преобразователей он считал бюрократический формализм: «изобретение разных министерств, учреждение Совета и проч.»[199]. Общая позиция Карамзина отражалась в блестящих афоризмах в духе Э. Бёрка или Ж. де Местра: «К древним государственным зданиям прикасаться опасно; Россия же существует около тысячи лет, и не в образе древней орды, но в виде государства великого. А нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»[200].

Учреждение министерств вместо коллегий было проведено по иноземным образцам, «согласно <…> с системою правительств иностранных»[201]. В результате произошло отделение государя от народа, возникло бюрократическое средостение: «министры стали между государем и народом, заслоняя Сенат, отнимая его силу и величие. <…> Выходило, что Россиею управляли министры, т.е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать»[202].

Н. М. Карамзин был недоволен и учреждением Государственного совета. С его точки зрения Совет был излишним органом. Для того, чтобы осуществлять контроль за министерствами, достаточно было бы Сената: «Какая польза унижать Сенат, чтобы возвысить другое правительство?» (Государственный совет. – *А. М.*). В адрес Государственного совета Карамзин высказывал еще более жесткую критику, нежели в адрес министерств, упрекая его создателей в поспешности создания и схематизме их творения: «Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, авторы долженствовали изъяснить пользу своих новых образований; читаю и вижу одни сухие формы; мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое»[203].

[199] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 427.

[200] Там же. С. 407.

[201] Там же. С. 403.

[202] Там же. С. 404.

[203] Там же.

Жесткая критика реформы просвещения свидетельствовала как о компетентности Карамзина, так и о том, что он внутренне готов был занять пост министра просвещения: государь «употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ. <…> К сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессоры теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. <…> У нас нет охотников для высших наук <…> отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного. Вместо 60-ти профессоров, приехавших из Германии в Москву и в другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность через 10 или 15 лет произвела бы в России ученое состояние»[204].

Для университетов просто нет подготовленных учеников: «В Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдем человек сто, которые совершенно знают правописание, и мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле». Профессура чрезмерно обременена ненужными и лишними обязанностями: «Лучшие профессоры, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста или более училищ, подведомых университетскому Совету. Сверх того профессоры обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ. Сколько денег и трудов потеряны!»[205].

«Несчастный» указ 1809 г. об экзаменах для чиновников закрыл дорогу к службе многим способным и требует от чиновников ненужных им знаний. «Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной от инженера, зако-

[204] Там же. С. 408–409.

[205] Там же. С. 409.

новедения от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства оксигена и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целию!». Карамзин разумно считал, что «надлежало бы только исполнить указанное в уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. <…> И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя» [206].

Представленный в Государственный совет Сперанским проект общего гражданского законодательства (уложения), по утверждению Карамзина, является перифразом французского законодательства, калькой с кодекса Наполеона: «Издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим? Перевод Наполеонова кодекса»[207]. Карамзин в ответ провозглашает: «Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств»[208], «русское право так же имеет свои начала, как и римское; определите их, и вы дадите нам систему законов»[209].

На последних страницах «Записки» Карамзина излагается его позитивная программа, предлагающая «самые простейшие» средства. Надо уметь подбирать на ответственные места способных людей: «Не формы, а люди важны. <…> Да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! <…> Да будет <…> правило: *искать людей!*». «Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям»[210]. Карамзин предлагает обновить губернаторский корпус, усилить власть губернаторов за счет ослабления

[206] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 410.

[207] Там же. С. 422.

[208] Там же. С. 423.

[209] Там же. С. 425.

[210] Там же. С. 427.

министерств и Государственного совета, уменьшить количество бюрократов и бюрократических инстанций, действующих независимо от губернаторов. «Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут в России как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа»[211].

Н. М. Карамзин, неоднократно намекающий в «Записке» Александру I на его чрезмерную доброту и мягкость, констатирует, что в результате возникло массовое несоблюдение законов: «из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие» – «Не боятся государя, не боятся и закона»[212]. Карамзин советует существенно ужесточить режим управления: «*умейте обходиться с людьми*»[213]. «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних»[214].

Консервативная программа Карамзина предполагала опору самодержца на дворянство и возвышение последнего: «Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. <…> Дворянин <…> навыкает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью – уделом его предков и наградою будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целью при утверждении наследственного дворянства»[215]. Карамзин настраивал императора на ревизию Табели о рангах, провозглашая принцип: «надлежало бы

[211] Там же. С. 428.
[212] Там же. С. 430.
[213] Там же. С. 429.
[214] Там же. С. 430.
[215] Там же. С. 432.

не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству». Получению дворянского достоинства за выслугу должно было предшествовать его пожалование государем. Еще одной мерой, которая способствовала бы возвышению дворянства, мог стать, по его мнению, «закон, разрешавший принимать дворянина в воинскую службу офицером»[216].

Вторую по значимости роль в государстве Карамзин отводил духовенству. Он писал: «Не предлагаю восстановить патриаршество»[217]. Но значение духовного сословия необходимо поднять, дав Синоду определенную независимость от светской власти, ограничить его состав архиепископами. Синод должен быть приглашаем к «выслушанию» «новых коренных» законов вместе с Сенатом, чтобы наряду с ним стать их хранилищем. Кроме того, Карамзин требовал в законодательном порядке закрепить обязанность священников заботиться о нравственности прихожан[218].

Таковы основные положения консервативной программы Карамзина, сформулированные им в «Записке». Некоторые существенные ее моменты – концепцию самодержавия, правовые взгляды, воззрения Карамзина на крестьянский вопрос – мы анализируем в заключительной главе, посвященной взглядам консерваторов.

Со слов Карамзина К. С. Сербинович, секретарь историка, записал: «На другой день после чтения (записки. – *А. М.*) в день отъезда <…> Карамзин с великим удивлением заметил, что Государь был совершенно холоден к нему и, прощаясь со всеми, взглянул на него издали равнодушно». То же засвидетельствовали И. И. Дмитриев, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский[219]. Это была реакция Александра I на те места «Записки», где критиковались либеральные меры самого Александра. На вопрос Карамзина, заданный Екатерине Павловне о судьбе своей «Записки», великая княгиня ответила: «Записка ваша теперь в хороших руках»[220]. Линия поведения великой княгини заключалась в том, чтобы и сохранить дружбу с литератором, и

[216] *Китаев В. А.* Век XIX : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 20.

[217] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 433.

[218] См.: Там же. С. 434.

[219] См.: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 80.

[220] Там же. С. 82.

уладить его отношения с императором, в противном случае ее политическая репутация была бы подорвана в глазах «консервативной партии». Эта задача была ею с блеском выполнена, тем более что в тот период взгляды императора начали претерпевать эволюцию «вправо». По прошествии пяти лет, в 1816 г., Александр I, по свидетельству Д. Н. Блудова, награждая Карамзина Аннинской лентой, подчеркнул, что делается это не столько за его «Историю», сколько за его «Записку о древней и новой России»[221].

Охлаждение между императором и Карамзиным было недолгим. Уже в апреле 1811 г. произошли новые встречи Карамзина с Александром I. 12 апреля он писал брату: «Исполняя волю любезнейшей Великой Княгини, я ездил опять в Тверь, чтобы быть там представленным Государю, который и сам приказал Ивану Ивановичу Дмитриеву написать мне о желании своем видеть меня в этом городе. Осыпанный милостивыми приветствиями Императора, я читал ему некоторые места из моей «Истории». Он был доволен. Четыре раза обедали с ним у Великой Княгини. Он звал меня и жену мою в Петербург и простился с нами особенно в кабинете; даже предлагал нам жить в Аничковом дворце, который отдал Великой Княгине»[222]. После 1811 г. происходит еще большее сближение великой княгини с Карамзиным, в чем был заинтересован и он сам. В письмах Карамзину Екатерина Павловна часто обращается к историку: «милый учитель», «любимый учитель», подчеркивая тем самым, что разделяет взгляды Карамзина и считает себя его последовательницей.

«Записка» сыграла свою политическую роль. «Карамзин не добивался отставки Сперанского, не испытывал лично к нему неприязни, был далек от интриг, сплетаемых вокруг реформатора, «Записку» свою он написал ради блага отечества, – пишет современный автор. – Но не придала ли она «общественному мнению» того критического веса, которого Александр не выдержал? Не был ли прекраснодушный историограф поми-

[221] См.: Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я. К. Гротом // Торжественное собрание императорской Академии Наук, в память столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина. СПб., 1867. С. 41.

[222] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 85.

мо его воли использован в политической борьбе?»[223]. По словам Н. К. Шильдера, «Записка» «неизбежным образом навела Александра на размышления, неблагоприятные для деятельности Сперанского»[224].

В течение длительного времени «Записка» была известна только очень узкому кругу лиц, хотя, несомненно, идеи, которые развивал в ней Карамзин, витали в воздухе. М. П. Погодин писал: «Никто не знал даже о существовании этой «Записки»: самые близкие люди, друзья ничего о ней никогда не слыхали. «Записка» найдена случайно в 1836 году, через долгое время по смерти Карамзина и Императора Александра. Двадцать пять лет она скрывалась под спудом: могло ли это случиться, если бы в «Записке» как-нибудь участвовали многие или, по крайней мере, несколько лиц? Нет, Карамзин следил внимательно за ходом дел, принимал к сведению все московские толки, может быть, в особенности мнения гр. Ростопчина, и все перерабатывал в своем уме, обращал в свою собственность, в свою плоть и кровь»[225]. Помимо влияния Ф. В. Ростопчина, исследователи также отмечали идейное сходство взглядов Карамзина в «Записке» со взглядами Ж. де Местра и А. С. Шишкова[226].

Значение «Записки» отнюдь не исчерпывается всем вышеперечисленным. М. В. Довнар-Запольский верно отмечал: «Записка Карамзина во многих отношениях имеет громадное значение. Прежде всего в ней отразились идеи Карамзина и людей его круга – того круга, который стоял на почве национально-консервативной и не вполне разделял крайности реакции. Влияние этой «Записки», несомненно, сказалось на деятельности Александра I: Александр много обдумывал мысли, в ней высказанные, и, сначала будучи недоволен резкостью тона, впоследствии сохранил неизменное благоволение к историографу. Записка Карамзина была политическим завещанием эпохи: император Николай Павлович был, можно сказать, политическим учеником Карамзина, и выдвинутые Запиской

[223] *Рожанковская И. И.* Судьба одного семейства : Карамзины. Вяземские. СПб., 2008. С. 134.

[224] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 34.

[225] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 69–70.

[226] См.: *Степанов М.* [*Шебунин А. М.*] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 602 ; *Альтшуллер М.* Указ. соч. С. 50.

Карамзина идеалы самодержавного царства в течение десятилетий проводились в народную жизнь»[227].

Трактат «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» – один из наиболее глубоких и содержательных документов зародившейся русской консервативной мысли того времени. Можно согласиться с А. Н. Пыпиным, который отмечал, что Карамзин «высказывается, наконец, весь, потому что «Записка», без сомнения, была одним из наиболее искренних и наименее искусственных и натянутых его сочинений: для изучения его общественных понятий она представляет наиболее характеристические данные»[228]. По оценке В. М. Боковой, «Записка» явилась наиболее полным выражением политологических воззрений, намеченных в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» и современных ей произведениях, которые отражены в «Истории государства Российского»[229]. Р. Пайпс же считает, что «Записка» представляет собой «классический манифест русского консерватизма»[230]. Его оценку разделяет В. А. Китаев: «Записка «О древней и новой России» в ее содержательном целом не может претендовать ни на какое иное определение, кроме манифеста консерватизма»[231].

Незадолго до начала Отечественной войны 1812 г. в консервативных кругах возникли масонофобские настроения, в целом характерные и для западноевропейской консервативной мысли. В 1805 г. император Александр I учредил секретный комитет, призванный заниматься вопросами внутренней безопасности. Этот секретный комитет был заменен Комитетом охранения общей безопасности, учрежденным 13 января 1807 г. В первом пункте секретного «Положения о Комитете», автором которого был Н. Н. Новосильцев, содержалось совершенно отчетливое указание на источник главной угрозы для империи:

[227] *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 213.

[228] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2000. С. 235.

[229] *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 57.

[230] *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры. М., 2008. С. 11.

[231] *Китаев В. А.* Век XIX : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 21.

«Коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей, повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием *Иллюминатов*, *Мартинистов* и других тому подобных и чрез то имеет во всех европейских государствах, исключая тех зловредных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют Французскому правительству, и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях»[232]. Таким образом, правительство и большая часть дворянства видели угрозу существующему порядку «в секретных организациях высшего сословия, которые еще Екатерина II подозревала в преступных намерениях и в связях с враждебными силами, и в вере крестьян в то, что Наполеон освободит их»[233].

Как активный борец с масонством заявил себя Ф. В. Ростопчин. Вообще говоря, поначалу отношения Ростопчина с масонством были неоднозначными. В молодости он короткое время состоял членом масонской ложи, затем порвал с масонством, но поддерживал отношения с Н. И. Новиковым[234], переписывался с А. Ф. Лабзиным[235]. Не исключено, что в обострении отношений между Ростопчиным и масонами немалую роль сыграл вышеописанный донос Голенищева-Кутузова на Карамзина. В 1811 г. Ростопчин подготовил и через великую княгиню Екатерину Павловну передал императору Александру I «Записку о мартинистах». Она призвана была показать сугубую опасность масонства, которое Ростопчин представлял как разрушительную организацию, готовую поддержать Наполеона в случае войны его с Россией. Главой русских масонов Ростопчин называл Сперанского. Политический смысл записки был очевиден.

Определенную роль в победе консерваторов над либеральными реформаторами сыграло то обстоятельство, что у последователей Ж. де Местра и «русской партии» были точки соприкосновения и некоторые общие цели. В одном из писем 1810 г.

[232] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 365.

[233] *Martin A.* Op. cit. P. 46.

[234] См.: *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 187.

[235] См.: Записка о мартинистах, представленная в 1818 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 3. С. 78–79.

де Местр указывал на свою связь с близкими к иезуитам домами графини Головиной и княгини Голицыной, графом А. К. Разумовским и Ф. В. Ростопчиным[236]. М. Я. Морошкин отмечал: «Если Ростопчин и партия его видели в Сперанском якобинца, то когорта деместровская смотрела на него, как на иллюмината, проникнутого новым духом, враждебным церкви и престолу»[237].

Свою оценку Сперанского и его ближайшего сотрудника М. Л. Магницкого де Местр высказал в письме к королю Виктору Эммануилу I 28 августа (9 сентября) 1811 г. Главными обвинениями в адрес Сперанского были «низкое» социальное происхождение, шпионаж в пользу Франции, приверженность к конституции и принадлежность к масонам: «Это человек умный, великий труженик, превосходно владеющий пером; все сии качества совершенно бесспорны. Но он сын священника, что означает здесь принадлежность к последнему классу свободных людей, а именно оттуда и берутся, вполне естественно, внедрители всяких новшеств. Он сопровождал Императора в Эрфурт и там снюхался с Талейраном; кое-кто полагает, что он ведет с ним переписку. Все дела его управления пронизаны новомодными идеями, а паче всего – склонностью к конституционным законам. Он был ревностным покровителем того самого Фесслера, о коем я имел честь писать Вашему Величеству. Должен признаться в крайнем своем недоверии к государственному секретарю. <…> Ваше Величество не должен даже на мгновение сомневаться в существовании весьма влиятельной секты, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны и с адской ловкостью использует для сего самих государей»[238]. Магницкого де Местр обвинил в макиавеллизме: «Магницкий – это фанатик в полном смысле слова, у меня есть веские основания почитать этого человека способным на всё»[239].

В 1811 г. де Местр направил Александру I разбор лекционного курса Фесслера, который тесно сотрудничал со Сперанским в деле создания суперложи, призванной объединить и унифицировать все направления русского масонства в нужном правительству либеральном духе. Он обвинил религиозного

[236] См.: *Степанов М.* [*Шебунин А. М.*] Указ. соч. С. 598.
[237] *Морошкин М. Я.* Указ. соч. С. 506.
[238] *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 187.
[239] Там же. № 12. С. 152.

реформатора в разрушении религии, нравственности и государственности. В итоге Александр I приказал выслать Фесслера и женатого на свояченице Сперанского К. В. Злобина из Петербурга в Вольск[240]. Это были первые симптомы грядущей опалы либерального реформатора.

В литературе имеется версия, что к Сперанскому у великой княгини Екатерины Павловны были старые счеты, причем не только доктринального характера. После низвержения со шведского престола в 1809 г. Густава IV Адольфа шведской прорусской партией был послан в Россию специальный депутат, который вступил в неофициальный контакт со Сперанским и попытался узнать через него, не согласится ли Александр I на занятие шведского престола супругом Екатерины, герцогом Ольденбургским. Для нее возникала возможность стать шведской королевой. Но Сперанский, по причине своей вражды к Екатерине Павловне, не доложил об этом императору, и королем стал французский маршал Бернадот. Реакция честолюбивой великой княгини была предельно резкой. Ф. П. Лубяновский, служивший в канцелярии принца Ольденбургского, свидетельствовал, что, когда он слушал «решительные, часто нещадные речи Екатерины Павловны», он начинал «в тайне сердца бояться за М. М. Сперанского и за самого себя»[241].

При подобном раскладе сил и сложившейся международной ситуации Сперанский был обречен. Против него выступили самые разные группировки дворянской политической и интеллектуальной элиты, в том числе вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и великая княгиня Екатерина Павловна, Карамзин, Ростопчин, де Местр и др.

Крупнейшей политической победой различных группировок «консервативной партии» стал разгром «французской партии» в марте 1812 г. – опала Сперанского. Участь его разделили его ближайшие сотрудники – М. Л. Магницкий, флигель-адъютант А. В. Воейков, управлявший канцелярией военного министра Барклая де Толли, и Д. Н. Бологовский, в свое время участник заговора против Павла I.

Н. К. Шильдер следующим образом описывает то, как восприняла консервативная часть русского общества опалу Спе-

[240] См.: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 127.

[241] Цит. по: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 271–272.

ранского: ее «торжествовали как первую победу над французами. Таким образом, предначертанная цель была вполне достигнута и сопровождалась замечательным успехом; дух патриотизма и приверженности к правительству был пробужден и укреплен во всех сословиях, подготовляя ведение национальной войны, в которой видели спасение России»[242].

Падение Сперанского резко усилило позиции консерваторов. 13 февраля 1812 г. Н. А. Толстой сделал предложение де Местру редактировать все официальные документы, публикуемые от царского имени. 25 февраля Толстой передал 20 тысяч рублей от имени императора на необходимые расходы «для подготовки и проведения своих замыслов». 5 марта канцлер Н. П. Румянцев объявил де Местру, что император имеет на него виды в предстоящей войне, что он хотел бы его пригласить на русскую службу и что он согласен послать фельдъегеря за его семьей. Вечером того же дня де Местр был на квартире у Толстого и имел с ним разговор о предстоящей войне и вопросах командования. Во время разговора в квартире тайно присутствовал царь. В конце беседы он заменил Толстого и переговорил с де Местром об его предстоящей редакторской работе. 17 марта де Местр объявил Румянцеву о том, что он не покинет службу сардинского короля, однако не отказывается от исполнения поручений императора. В тот же день последовала давно решенная ссылка Сперанского[243]. Поскольку де Местр отказался перейти на русскую службу, заявив Александру I, что долг перед сардинским королем не позволяет ему дать «подписку о неразглашении» той секретной информации, которую может принести ему новое положение, это привело, в конце концов, к охлаждению Александра I к сардинскому посланнику. Фавор в статусе личного секретаря государя не продлился и четырех месяцев[244]. Политическая роль де Местра в России была к тому времени в основном сыграна.

9 апреля 1812 г. произошло назначение А. С. Шишкова государственным секретарем, а 29 мая 1812 г. другой лидер

---

[242] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 45.

[243] См.: *Степанов М.* [*Шебунин А. М.*] Указ. соч. С. 602.

[244] См.: *Дегтярева М. И.* Два кандидата на роль государственного идеолога : Ж. де Местр и Н. М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 65–66.

«русской партии», Ф. В. Ростопчин, был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем состоялось его назначение московским генерал-губернатором. Ему был также дарован титул Московского главнокомандующего. На него, наряду со всем прочим, возлагалась задача возбудить в Москве перед войной патриотические настроения: «действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и подготовлять его ко всем жертвам для спасения отечества»[245]. 14 июня 1812 г. вступил в управление военными делами А. А. Аракчеев. Ранее, в 1810 г., был назначен министром юстиции И. И. Дмитриев, друг Карамзина, разделявший его политические убеждения.

К концу первого десятилетия XIX в. консерваторы постепенно приобрели политический вес и авторитет. Возвышением вышеперечисленных фигур и отставкой Сперанского дело не ограничилось. Началась частичная реализация политической программы русских консерваторов в сфере образования. 25 мая 1811 г. был издан указ «О частных пансионах», в котором заявлялось, что «дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором людей, одною собственною корыстию занятых, презирающих все отечественное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний» и «следуя дворянству, и другие состояния готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев». Указ предписывал директорам училищ испытывать нравственные качества содержателей пансионов и требовать от них и учителей знания русского языка. Преподавание должно было вестись исключительно на русском языке[246]. В начале 1812 г. вышло «Мнение министра народного просвещения относительно домашних иностранных учителей», т.е. распоряжение о том, что учителям-иностранцам нужно было теперь получать в российских начальных училищах письменные свидетельства о своих способностях и знаниях[247]. Это была бесспорная победа идей русских консерваторов. Немалый вклад в нее внес, впрочем, и сардинец Ж. де Местр, который призывал «подвергать самому

[245] 1812 г. в записках Ф. В. Ростопчина // Русская старина. 1889. № 12. С. 669.

[246] См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стлб. 706–707.

[247] См.: Там же. Стлб. 774–777.

тщательному досмотру иностранцев (особенно немцев и вообще протестантов), прибывающих в эту страну для обучения молодежи, независимо от того, что они собираются преподавать, и считать почти несомненным, что из ста человек такого толка по меньшей мере в девяноста девяти случаях государство совершает для себя пагубное приобретение, потому что всякий, у кого есть семья, собственность, устоявшийся склад характера и определенная репутация, не поедет в чужую страну, а останется у себя дома»[248].

Таким образом, в рассматриваемый период в результате массового распространения национально-патриотических настроений, вызванного наполеоновской агрессией, произошло резкое усиление политических позиций консерваторов в связи с нарастанием угрозы войны и падением М. М. Сперанского.

---

[248] *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб., 2007. С. 110–114.

Глава 4

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС «РУССКОЙ ПАРТИИ» (1812–1814 гг.)

По отношению к начавшейся войне 1812 г. в стане консерваторов поначалу не было единой позиции. За окончание войны «почетным миром» высказались весьма авторитетные голоса, например, Мария Фёдоровна и Аракчеев[1]. Напротив, Екатерина Павловна настаивала на ведении войны с Наполеоном до последнего. Ее точка зрения разделялась подавляющим большинством консерваторов, в особенности А. С. Шишковым, Ф. В. Ростопчиным и С. Н. Глинкой.

Вскоре после сдачи Москвы Екатерина Павловна заявила: «Нельзя более полагаться ни на какие расчеты. Нельзя предвидеть, где остановится поток. Но что бы ни случилось – не мириться: вот мое исповедание»[2]. В тяжелое время великая княгиня Екатерина Павловна оказалась на высоте положения, неоднократно проявляя энергию и инициативу. «Эта умная, образованная, горячо любившая Россию и страстно ненавидевшая Наполеона женщина была в эти тяжелые дни лучшей собеседницей для императора, – писал В. К. Надлер. – Если кто-либо, то именно она способна была поддержать в нем настроения, вызванные московским дворянством, укрепить его решимость, вселить в его душу твердую веру в непобедимую силу народа, в несомненный успех правого дела»[3]. Екатери-

[1] См.: *Мельгунов С. П.* Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. С. 64–65.

[2] Цит. по: *Божерянов И. Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888. С. 56.

[3] *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 228–229.

на Павловна писала: «Всего более сожалею я в своей жизни, что не была мужчиной в 1812 году»[4].

Патриотические настроения великой княгини нашли яркое отражение в письме к Н. М. Карамзину от 13 ноября 1812 г.: «Все мы терпим по одной причине, мы терпим за мать, за славную Россию, но можем ею гордиться и гордо скажем порабощенным иноземцам: вы собрались со всех краев света, пришли с огнем и мечом, но мы, обращая грады наши в пепел, предпочли разорение их осквернению и сим дали вам великий пример; славная наша столица погибла, мы не колебнулись; вы ожидали мира, нет, мы вам готовим смерть, на ваших могилах восстанут грады наши, яко на славнейшем подножии. Пленные завидуют имени Русскому, офицеры упрашивают честь носить наш мундир, ибо нет свыше оной: Россия была вторая в Европе держава, теперь и навеки она первая и скоро к стопам ее прибегнут цари, моля о мире и покровительстве. Веселитесь мыслею сею, она не мечта, но истина»[5]. В другом письме от 21 ноября 1812 г. она писала тому же адресату: «Неприятель бежит – мы его преследуем и уничтожаем. По-видимому, настал последний час для чудовища, который смутил всю вселенную. Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь произнесения последнего приговора над врагом. <…> Вы пишете историю прошлых времен; если вы ее продолжите до наших дней, то вот вам случай для чудного повествования: Россия, в борьбе со всеми соединенными силами Европы, как будто склоняется перед их бурным потоком, но скоро вновь воздвигает державное чело свое и является во всем блеске и величии. Можно гордиться, что мы русские; по крайней мере, этим чувством наполнена моя душа»[6]. Мессианско-националистические акценты (немецкий историк Д. Йена определяет подобные взгляды как «крайний национализм, связанный с притязанием на русскую гегемонию в Европе»[7]) ее писем вполне согласовывались

[4] *Великий князь Николай Михайлович*. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. XXVIII.

[5] Цит. по: *Пушкин Е. А*. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.С. 59.

[6] Там же. С. 60–61.

[7] *Йена Д*. Екатерина Павловна : великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 173.

с декларациями о том, что «правительство должно видеть гарантию успеха в единении его со всеми сословиями народа и участии последних при изгнании неприятеля»[8].

Великая княгиня Екатерина Павловна стала одним из инициаторов создания народного ополчения. В памятной записке к князю В. П. Оболенскому, адъютанту своего супруга, она писала: «Передайте графу Ростопчину, что <…> на нем лежит обязанность воспламенить патриотизм Московского дворянства, первого в государстве, как по своим материальным средствам, так и по тому уважению, каким оно пользуется в Москве. Графу стоит только явиться в собрание дворянства или на какой-нибудь частный его съезд, стоит только выяснить, какая опасность грозит отечеству и в какой мере начатая война есть война народная, чтобы воодушевить Московское дворянство, а из Москвы, где так много дворян из всех губерний, это патриотическое воодушевление охватит всю Россию. Скажите графу, что вы, так же как и я, уверены, что не найдется русского, которому было бы не стыдно не принести всё свое усердие и всего себя в жертву отечеству, что вы, как дворянин, считаете для каждой губернии возможным выставить по одному полку в тысячу человек и <…> что дворянство должно взять на себя обязанность продовольствовать и содержать эти военные части в течение всей войны, а война тем скорее кончится, чем с большею энергиею ее поведут»[9]. 7 июля 1812 г. в письме князю Оболенскому она писала: «Вчера вечером я получила, мой дорогой князь, согласие Государя, принявшего мое предложение, которое уже не составляет тайны»[10]. Тайны действительно быть не могло, поскольку уже 6 июля были изданы Высочайшее воззвание к Москве и манифест, призывавший все сословия к защите отечества, написанный А. С. Шишковым, в котором наряду с прочим говорилось: «Мы не умедлим Сами стать посреди народа своего в сей Столице (Москве. – *А. М.*) и в других Государства Нашего местах, для совмещения и руководства всеми Нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными, на поражение оного везде, где

[8] *Божерянов И. Н.* Указ. соч. С. 52.
[9] *Пушкин Е. А.* Указ. соч. С. 21.
[10] *Божерянов И. Н.* Указ. соч. С. 54.

только появится»[11]. 15 июля 1812 г., по приезде Александра I в Москву, дворянство предложило за свой счет выставить 80 000 ратников ополчения, а купечество постановило собрать на это полтора миллиона рублей[12].

Из своих удельных крестьян Екатерина Павловна сформировала «егерский великой княгини Екатерины Павловны батальон». На содержание батальона ею было выделено 500 000 рублей. Великая княгиня предложила добровольцам из крестьян служить в батальоне и обещала засчитать службу в нем за полную рекрутскую повинность. После увольнения со службы также обещала освободить на всю жизнь от выплаты ей оброка. К исходу военной кампании 1813 г. батальон, выполнивший свои задачи и участвовавший почти во всех основных сражениях того времени, был расформирован. Потери его были значительны: из семисот с лишним солдат погибло около трехсот.

15 декабря 1812 г. принц Ольденбургский скончался. Екатерина Павловна настолько была потрясена его смертью, что тяжело заболела, за ее рассудок всерьез опасались. В начале 1813 г. она отправилась в длительную поездку в Европу и в течение этого года выполнила важное дипломатическое поручение Александра I, способствовав вовлечению в антинаполеоновскую коалицию Меттерниха. В распоряжение Екатерины Павловны было выслано 1700 дукатов. «Австрийский князь, – пишет современный историк, – не мог остаться равнодушным к красоте молодой женщины и ее туго набитому кошельку. <…> Уже через несколько дней после его встречи с русской великой княгиней Австрия объявила Франции войну»[13]. Очевидно, роль великой княгини была столь велика, что вокруг ее имени вновь возникает клубок политических мифов. В период Венского конгресса в досье, составленном для австрийского двора, ей давалась следующая характеристика: «Ольденбургская принцесса – это дьявол иного рода, нежели император. В этой семье ни у кого нет сердца. На ее стороне в России и обществен-

[11] [*Шишков А. С.*] Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 12–13.

[12] См.: *Божерянов И. Н.* Указ. соч. С. 55.

[13] *Рожанковская И. И.* Судьба одного семейства : Карамзины. Вяземские. СПб., 2008. С. 161.

ное мнение, и армия, без нее император Александр никогда бы не перешел через Рейн. Она еще сыграет с императором злую шутку. <…> Если будет допущена ошибка, она сядет на русский трон»[14].

В отличие от своей дочери, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна играла не столь активную роль в военных приготовлениях 1812 г. В письме к М. И. Кутузову от 29 июля 1812 г. она откровенно писала: «Основываясь на Манифесте от 6-го июля сего месяца, я предполагала из Моих вотчин поставить соответствующее оным число ратников, их одеть, вооружить и во все продолжение войны содержать собственным моим иждивением. Объяснением в Манифесте от 18-го июля, те имения, к которым причисляются мои вотчины, исключены от сего ополчения и должны ожидать рекрутского набора. Сие общее распоряжение Императора Любезнейшего Моего Сына об оных имениях, выполняясь в рассуждении моих поселян, не препятствует, однако, моему желанию лично участвовать в мерах по обороне Отечества ныне принимаемым, посвящая оным то иждивение, которое мною на сей предмет определено было. Вследствие сего я такую же сумму, а именно по 50 тыс. рублей, вносить буду в Комитет здешнего ополчения ежегодно во все продолжение войны, и обращаясь к Вам, как к избранному доверием Начальнику сего ополчения, препровождаю при всем те 50 тысяч рублей, в том числе заготовленные для обмундирования ратников вещи»[15]. В количественном отношении ее денежный вклад оказался меньше соответствующего вклада Екатерины Павловны в 10 раз.

Следует признать, что роль «династических» консерваторов оказалась значительно меньше той, которую сыграли менее именитые лидеры «русской партии». Особо стоит выделить заслуги А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, С. Н. Глинки и А. А. Аракчеева.

А. С. Шишков, несмотря на болезни и возраст, оставался еще весьма живым и деятельным человеком, производящим яркое и глубокое впечатление на окружающих. В воспоминаниях Э. Арндта, сотрудника фон Штейна, Шишков описан очень хара́ктерно: «Шишков был великий оригинал, истый русский

[14] *Рожанковская И. И.* Указ. соч. С. 165.

[15] ОР РНБ. Ф. 143. Вилламов Г. И. Ед. хр. 166. Л.1–1 об.

и, как сдается мне, – самого лучшего закала. В нем выразился основной тип его народа – веселость, шутливость и неописанная ловкость как в телодвижениях, так и в игре физиономии. В нем должно быть нечто Суворовское, – шестидесятипятилетний старец, скорее худощавый, чем полный, с лицом весьма характерным, чертами ироническими с быстротою, невиданною мною ни на каком другом лице»[16].

На посту государственного секретаря Шишков должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг канцелярии Александра I. Обязанности государственного секретаря по Государственному совету были переданы старшему из статс-секретарей – А. Н. Оленину. Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он блестяще выполнил роль главного идеолога и пропагандиста Отечественной войны 1812 г. Составленные им манифесты, являясь откликами на все ее важнейшие события, поднимали дух русского народа, усиливали и укрепляли его патриотический дух, поддерживали в тяжелые дни поражений. Как вспоминал почитатель Шишкова С. Т. Аксаков, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»[17]. А. С. Стурдза отмечал: «Он написал чистым языком множество манифестов, в которых отразилось всё изумительное величие тогдашних событий. И таким образом водимое любовью к отечеству перо Шишкова врезало неизгладимые черты на скрижалях нашей современной истории»[18]. Оценки Аксакова и Стурдзы – это оценки единомышленников Шишкова, но даже литературные противники вице-адмирала иногда вынуждены были признать востребованность манифестов народом и обществом. В 1841 г. П. А. Вяземский вспоминал: «Во время оно мы смеялись нелепости его манифестов <…> но

[16] *Арндт Э. М.* Из воспоминаний о 1812 годе // Русский архив. 1871. Кн. 1. Стлб. 092–093.

[17] *Аксаков С. Т.* Воспоминания об А. С. Шишкове // Собр. соч. : в 5 т. М., 1986. Т. 2. С. 276.

[18] *Стурдза А. С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. № 21. Ноябрь. Кн. 1. С. 9.

между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием; следовательно, они были кстати»[19].

Буквально с первых же дней, не в последнюю очередь благодаря формулировкам в официальных документах А. С. Шишкова, война начинает восприниматься как столкновение двух миров с диаметрально противоположными приоритетами. «Растленная» Франция настойчиво противопоставлялась благоденствующей в мире и тишине России, русское понимание свободы как национальной независимости – французскому «своеволию», восходящему к революционным понятиям, русские «коренные добродетели» – французскому «безверию и разврату»[20]. В манифестах Шишкова французы и Наполеон изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция – как вселенская катастрофа. Противостояли этим явлениям те ценности, которые были дороги Шишкову и его единомышленникам: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм.

Среди основных мыслей, которые развивал в своих манифестах Шишков, активно внедряя в сознание всех сословий консервативно-патриотические настроения, следует выделить следующие: русские стоят «за веру – против безверия, за свободу – против властолюбия, за человечество – против зверства. Бог видит нашу правду!»[21]. О цели войны Шишков заявлял: «Всеобщая война сия была не о землях или границах: главное дело состояло в том, чтоб привесть все царства в прежнее их состояние, низринуть беззаконие, воцарить истину и благонравие, низложить пример соблазна, восстановить права народные, снять с них руку насильственного преобладания и потушить пожар лжи и пороков, угрожавших во всем свете пожрать правду, любовь к отечеству и добродетель»[22]. Конечно, ключевыми словами в данном случае являются: «привесть все царства

[19] *Вяземский П. А.* Записная книжка. 1813–1852 гг. // Собр. соч. СПб., 1884. Т. 9. С. 195.

[20] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 76.

[21] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин. 1870. Т. 1. С. 183.

[22] Там же. С. 265.

в прежнее их состояние». После падения Наполеона Шишков предлагал уничтожить все следы революции и даже Просвещения во Франции[23]. Разумеется, сама ситуация беспрецедентной по масштабам войны позволила Шишкову открыто демонстрировать и поощрять презрение и ненависть к французам, которые, с его точки зрения, являлись безбожным и развращенным народом, легко поддавшимся влиянию разрушительных идей. Обличение галломании стараниями Шишкова превратилось в одну из главных государственных задач: «Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливала к нам яд свой и наконец за нашу к ней признательность и любовь всезлобным жалом своим уязвляет»[24]. Русские с их славной историей и добродетелями противопоставлялись французам, причем даже мародерство в русской армии трактовалось как следствие злокозненного иностранного влияния.

Написанием текстов политическая роль Шишкова не исчерпывалась. В первые же дни войны он предпринял инициативу, которую обычно описывают все историки войны 1812 г., отмечая ее позитивный эффект. К примеру, Е. В. Тарле отмечал, что Шишков оказал армии важную услугу[25]. Шишков был введен Александром I в состав комитета «для отправления государственных дел», в который, помимо Шишкова, были включены несколько лиц из его самого ближайшего окружения, в частности, А. А. Аракчеев и А. Д. Балашов. Обстоятельства создания комитета подробно описаны в «Записках» Шишкова. Главным деянием комитета было удаление императора из действующей армии, инициатором чего и выступил Шишков. Он считал, что, с одной стороны, когда руки Барклая де Толли были скованы присутствием императора, а с другой – когда вождем армии для общества выступал император, это делало ситуацию очень уязвимой: «Вся Россия, не предворенная и не приготовленная к толь близкой опасности, обеспечивалась обо-

[23] См.: *Мартин А.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм : идеи и люди. Пермь, 1998. С. 62.

[24] *Шишков А. С.* Записки... Т. 1. С. 442.

[25] См.: *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию 1812 года. М., 1992. С. 59–61.

роною войск, предводимых самим государем; и ежели бы <…> неприятель, против всякого ее чаяния, разбил и преследовал нас, то скорым и внезапным появлением своим пред вратами столицы распространил бы он повсюду самых надежных поборников своих – страх и ужас, или тут же на месте принудил бы заключить с ним постыдный мир»[26].

При этом Шишков имел серьезные основания опасаться, что самолюбивый и тщеславный император может разгневаться на него в том случае, если он попытается довести до него эту точку зрения: «Некоторые даже утверждали, что если кто сделает ему такое предложение, то он сочтет его преступником и предателем»[27]. Преодолев страх, Шишков составил текст письма и согласовал его с Балашовым и Аракчеевым, которые также поставили под ним свои подписи, причем Аракчеев «взялся как скоро можно будет отдать оное государю»[28]. С этим эпизодом связан апокриф о якобы антипатриотической мотивации Аракчеева, который вышел из-под пера Е. Ф. Комаровского[29], в то время бывшего инспектором внутренней стражи и также находившегося при главной квартире[30]. Когда Шишков и Балашов представляли графу Аракчееву, что необходимо государю ехать в Москву и что это единственное средство спасти отечество, граф Аракчеев возразил: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии?». Они ему отвечали: «Конечно, ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не велика!». Это заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева были совершенного царедворца и были чужды любви к отечеству»[31].

Тактичное и своевременное «удаление» из армии императора в ночь с 6 на 7 июля сыграло положительную роль в войне, развязав руки Барклаю де Толли, а затем и Кутузову. П. К. Щебальский даже заявлял, что эта акция «сообщила начавшейся

[26] *Шишков А. С.* Записки…Т. 1. С. 139.

[27] Там же. С. 140.

[28] Там же. С.141.

[29] Из записок генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. Стлб. 774.

[30] См.: *Шишков А. С.* Записки … Т. 1. С. 141.

[31] Там же. С. 142.

войне ее исключительный, величественный и грозный характер <…> положено было начало народному характеру войны Двенадцатого года»[32]. Однако подобные оценки представляются явно преувеличенными.

А. С. Шишков считал, что к концу 1812 г. задача русской армии была в основном выполнена, поскольку в пределах России Наполеон был разгромлен. Он не был сторонником заграничного похода, о чем высказывался в частных разговорах. Кутузов также был противником зарубежного похода, причем многие генералы были с ним согласны[33]. Накануне заграничного похода, в Вильно, у Шишкова состоялся разговор с Кутузовым: «Зачем продолжать ее (войну. – *А. М.*), когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеон, пришедши сюда со всеми своими и европейскими силами, и сам, по истреблении всех его полчищ и снарядов, насилу отселе ускакавший, может покуситься вторично сюда придти?». Кутузов отвечал, что этого не будет: «Довольно и одного раза быть так отпотчивану». Шишков выразил сомнение в дееспособности немецких союзников России: «Не будучи в них уверены, мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от ней и войск и содержания их». При этом он задавался логичным вопросом: «Для чего бы не остаться нам у себя в России, предлагая утесненным державам, чтоб они воспользовались удобностью случая освободить себя из-под ига Франции? Можно, если они ополчатся, обещать им вспомоществование частью наших войск, как Павел I помогал Австрии, послав к ней Суворова с войсками, но не участвуя в том всем своим царством. Тогда, если б и последовали какие неуспехи, уважение других держав к могуществу России, особливо же низложением исполинских Наполеоновских сил приобретенное, ни мало бы через то не уменьшилось». На это Кутузов отвечал, что он и сам так думает, однако «государь предполагает иначе, и мы пойдем далее». Кутузов признался, что не может противостоять царю: «Когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет

---

[32] *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 202.

[33] См.: *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 170.

меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»[34]. Оценивая позицию Кутузова, Шишкова и Ростопчина, великий князь Николай Михайлович писал: «Кажется, они были правы, и с точки зрения интересов России казалось выгоднее не вмешиваться в дела Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнение имело свои основания и что России последующие войны принесли мало пользы, а скорее даже вред»[35].

В декабре 1812 г. Шишков был награжден орденом Александра Невского «за примерную любовь к отечеству», а в 1813–1814 гг. сопровождал русскую армию в заграничном походе. Он по-прежнему составлял тексты манифестов, которые пользовались популярностью не только у русских. В своих позднейших записках Шишков вспоминал, что «манифесты наши в немецких краях с жадностью читаются, возбуждают дух народный и производят великое действие над умами»[36].

В тот период антифранцузские настроения охватили практически всё русское общество. Наполеону за несколько месяцев удалось сделать то, что Шишков не мог сделать за многие годы. В. К. Надлер, опиравшийся на свидетельства современников, отмечал: «Высшие классы нашего общества внезапно переродились; из французов и космополитов они вдруг превратились в русских. Дамы и светские кавалеры вдруг отказались от французского языка. Они начали говорить по-русски и с удивлением замечали, что говорить на родном языке для них легче и что русский язык совершенно удобен для употребления в гостиных». Французская мода также подверглась всеобщему гонению. Многие дамы поспешили нарядиться в сарафаны, кокошники и повязки; мущины начали носить серые ополченские кафтаны. В Петербурге никто не хотел более слышать французских актеров; толпа встречала их неистовым свистом, криком, ругательствами и гнала их со сцены. Правительство поспешило закрыть французский театр»[37]. Однако подобного рода галлофобия оказалась сравнительно кратковременным явлением.

---

[34] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 167–168.

[35] *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999. С. 110.

[36] *Шишков А. С.* Записки … Т. 1. С. 176.

[37] *Надлер В. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 13.

В «Записках» Шишкова приводится весьма характерный эпизод. В начале 1813 г. Кутузов (его Шишков назвал «почтенным впрочем, но приверженным к иностранным нравам и обычаям вельможою»[38]) в одном из разговоров заявил: «Если мы бросим французский язык, перестанем отдавать детей наших на воспитание им и прогоним от себя театральные французские зрелища, то впадем в прежнюю неуклюжесть и невежество»[39]. Вскоре после этого Кутузов, во время обеда у Александра I, начал ходатайствовать «за французский театр, чтоб, невзирая на военные обстоятельства, позволить ему в Петербурге (для чего уже и не на пепле сожженной Москвы!) продолжаться по-прежнему, приводя в доказательство сей необходимой надобности то, что спектакель их в совершенстве, что мы давно привыкли им услаждаться и что русские наши актеры никогда не могут сравниться с французскими»[40]. Реакция Шишкова была вполне предсказуема: «Как! думал я, это перед русским царем говорил тот, кто сам рожден от русского отца, дворянина посредственного состояния, воспитан дома без чужеземных дядек, одарен разумом, приобрел познания, достиг сам собою до высокого сана, и при всем этом думает, что Россия, без французского воспитания и спектакелей их, не может быть просвещенной! Утверждая, что русские актеры, или по-нашему лицедеи, не могут никогда сравниться с французскими, не зная почему не утверждать того же о русских живописцах, ваятелях, зодчих, судьях, полководцах и проч. и проч.»[41].

Галлофобия Шишкова имела оборотной стороной нежелание вообще входить в соприкосновение с врагом на его собственной территории, дабы избежать массового воздействия на армию и общество его культуры, начиная от идей и заканчивая устройством быта. Если вспомнить, какую роль сыграло пребывание русской армии заграницей в зарождении декабризма, то следует признать, что подобного рода опасения Шишкова были небезосновательны. 6 ноября 1813 г. он написал Александру эмоциональное письмо, умоляя его не переходить Рейн и не продолжать войну во Франции. По его словам, «самой

[38] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 176.
[39] Там же. С. 176–177.
[40] Там же. С. 177–178.
[41] Там же. С. 178.

безопаснейшей и нужнейшей оградой» для России было «исцеление внутренних ран и восстановление сил своих». Война за освобождение Германии еще могла быть полезна, поскольку «неукротимый и дерзкий враг уменьшался в силах своих <…> восстановлялся оплот между им и нами <…> великодушно и достойно всякой чести и славы – исторгнуть невинную жертву из когтей лютого хищника»[42]. Однако посылать армию во Францию было, с точки зрения Шишкова, бессмысленно и рискованно.

В начале 1814 г. Шишков составил проект манифеста, который, однако, не был опубликован. В нем Шишков еще раз изложил свои представления о французах как концентрированном мировом зле. Его галлофобия достигла в этом документе наивысшего пика: «Истребление всех вас с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию». В тексте этого документа Шишков не допускал и мысли, что за преступления наполеоновского режима должны нести ответственность конкретные лица, а не французский народ как единое целое, даже – единое тело и душа, утратившая веру: «Тщетно во всех сих лютостях станете вы обвинять одного Наполеона. Нет! Вы прежде него показали, до какой степени разврата и свирепства безверие довело нравы ваши; оно издавна между вами посеянное росло, распространялось и созревало; оно, одержав над вами силу, из глубины ада извергало к вам воспитанников и любимцев своих Маратов, Робеспьеров и, наконец, послало Наполеона. Вы для того избирали их владыками над собою, что видели в них ум самый зловреднейший, сердце самое жестокое. Такой человек надобен вам был для заглушения гласа любви к человечеству, для погашения в сердцах ваших последних искр благонравия и для соединения всех вас во одно злотворное тело и душу. <…> Каким образом при общих богопротивных поступках ваших различить между вами доброго с худым, правого с виноватым? <…> Неразрывная связь ваша с Наполеоном и ревностное ему служение делают имя ваше нераздельным с его именем»[43]. Тем не менее, несмотря на столь суровую оценку французов, Шишков призывал их к восстанию: «Решитесь свергнуть с себя иго

[42] *Шишков А. С.* Записки... Т. 1. С. 239–240.
[43] Там же. С. 271–272.

беззаконной власти; престаньте, повинуясь разбойнику, носить на себе постыдное имя служителей его!»[44].

Воззвание не было опубликовано, конечно, не случайно. Шишков в «Записках» сопроводил его следующим комментарием: «Читатель да простит мне помещение здесь сего мечтательного и пустого провозглашения моего: оно, конечно, отзывается тем отвращением или, лучше сказать, омерзением, какое чувствовал я всегда ко многим издаваемым французскими писателями злочестивым сочинениям, распространившим между ими безверие и безнравственность, за которыми последовали гнусные, богомерзкие дела их. <…> К сим чувствам моим, питаемым при болезни моей в скуки и уединении, присовокуплялись еще тревожившие меня слухи обо успешных действиях Наполеона, о переговорах с ним, о принятии всею Франциею сильных мер к обороне своей, и тому подобным»[45].

В любом случае не следует думать, что Шишков всерьез мог помыслить об «истреблении» французов. В других его воззваниях к русским войскам, напротив, содержались призывы к гуманному отношению к поверженному противнику: «Вы – Русские! Вы – Христиане! <…> Я не угрожаю вам наказаниями; ибо знаю, что никто из вас не подвергнется оным. Вы видели в земле нашей грабителей, расхищавших домы невинных поселян. Вы праведно кипели на них гневом и наказали злодеев! Кто ж захочет им уподобиться? Если же кто, паче чаяния, таковой сыщется, да не будет он Русский! Да исторгнется из среды вас!»[46].

Значение манифестов Шишкова точно отметил М. Г. Альтшуллер: «Написанные от имени царя и правительства манифесты дали Шишкову уникальную возможность изложить свою политическую программу не только перед образованными искушенными в политике интеллигентными дворянами, но и перед всем народом. Он остался в этих пламенных воззваниях верен своим излюбленным идеям»[47].

---

[44] Там же. С. 277.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 173.

[47] *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 347.

2 апреля 1813 г. умер президент Российской академии А. А. Нартов. При получении этого известия Шишков обратился к императору, заявив, что «охотно принял бы на себя сие звание, если б это мое желание не противно было его величеству». Император «лестно и милостиво отозвался, что он со свечкой не сыщет лучшего человека, и приказал заготовить указ, который тогда же и подписал»[48].

30 августа был подписан «милостивый манифест», в котором подводился итог войне 1812 г. и заграничным походам следующих годов, перечислялись «отличные и важные заслуги» всех сословий страны. Во время редактирования этого документа между императором и Шишковым произошел конфликт из-за порядка перечисления сословий в манифесте. Шишков перечислял их в следующем порядке: «священнейшее духовенство», «благородное дворянство», «именитое купечество», «почтенное мещанство и крестьянство» и «победоносное воинство». Александр I настоял на том, чтобы «дворянство» и «воинство» были переменены местами. Но в еще большей степени возмутили императора слова Шишкова о связи между помещиками и крестьянами, «на обоюдной пользе основанной», которые Александр I вычеркнул из второго варианта манифеста[49].

Этот документ ознаменовал конец его карьере государственного секретаря: 30 августа датирован указ Сенату о назначении вице-адмирала, «в воздаяние долговременной ревностной службы и трудов, понесенных в минувшую войну», в департамент законов Государственного совета[50]. Обязанности государственного секретаря, ранее разделенные между А. Н. Олениным, который исправлял эту должность со времени отставки М. М. Сперанского, представляя императора в Совете, и Шишковым, состоявшим в этом звании непосредственно «при особе государя» и трудившимся над «изложением <…> монарших по-

[48] *Шишков А. С.* Записки … Т. 1. С. 207.

[49] См.: *Лямина Е.* Новая Европа : мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М. ; Венеция, 1999. С. 139.

[50] См.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 78.

велений»[51], целиком перешли к Оленину. Впоследствии Шишков по просьбе Александра I неоднократно выступал в роли «уст монарших», но если за два года и почти пять месяцев его официальной деятельности в качестве государственного секретаря число написанных им манифестов, приказов и рескриптов перевалило за восемьдесят, то в последующие годы из-под его пера вышло не более двух десятков такого рода текстов[52].

В качестве одной из причин отставки Шишкова С. П. Мельгунов называл следующую версию: «Александр не переносил, когда обнаруживалась какая-нибудь его слабость, даже не слабость, а намеки на то, что он поступил под чьим-либо влиянием. Шишков из авторского самолюбия неосмотрительно сообщил Екатерине Павловне, что он автор записки, побудившей Александра в 1812 г. оставить армию»[53]. Зная все обстоятельства отставки Шишкова, можно смело утверждать, что версия Мельгунова несостоятельна. Шишков сыграл свою роль, она была очень значительной, но больше его национализм не был востребован на государственном уровне, начиналась эпоха Священного союза и религиозно-мистических экспериментов, окрашенная в космополитические тона.

С 11 июля 1812 г. начался торжественный визит царя в Москву. 15 июля собрание дворянства и купечества Москвы выразило «твердую решимость спасти Россию пожертвованиями и людьми». Александр I писал о результатах этого собрания следующее: «В Москве одна сия губерния дает мне десятого с каждого имения, что составит до 80 000, кроме поступающих охотою из мещан и разночинцев. Денег дворяне жертвуют до трех миллионов, купечество же слишком до десяти. Одним словом, нельзя не быть тронутым до слез, видя дух, оживляющий всех, и усердие и готовность каждого содействовать общей пользе»[54]. Несомненна значительная роль Ф. В. Ростопчина в создании атмосферы подобного энтузиазма. 19 (31) июля 1812 г. император заявил Ростопчину: «Я даю вам полную власть действовать, как сочтете нужным. Как можно предвидеть в настоящее вре-

[51] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 120.

[52] См.: *Лямина Е.* Указ. соч. С. 137–138.

[53] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 50.

[54] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 90.

мя, что может случиться? Я полагаюсь на вас». – «Он, – вспоминал Ростопчин, – оставил меня полновластным распорядителем, вполне облеченным его доверенностью и в чрезвычайно затруднительном положении покинутого импровизатора, которому дали задачу: Наполеон и Москва»[55]. Повседневные обязанности Ростопчина были связаны с поддержанием жизни столицы и обеспечения всем необходимым армии. Благодаря искусному использованию патриотической риторики, обращенной к дворянству и купечеству, Ростопчин обеспечил сбор богатейших пожертвований на нужды армии. По оценке Н. Ф. Дубровина, «в первое время пожертвования были невероятны»[56].

Немалую роль сыграл Ростопчин и в создании народного ополчения, возглавив комитет для организации московского ополчения и организацию ополчений в шести губерниях: Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Калужской и Тульской. «Всякий, даже самым поверхностным образом знакомый с формированием какой-либо новой части войск, может себе легко представить, какая масса забот и какая переписка возлагалась <…> на Ростопчина не только по одному набору ополченцев, но и по обмундированию, вооружению и снаряжению их и затем дальнейшей отправке их по сношениям с главнокомандующим, – более 106 тыс. ратников по семи губерниям, – писал автор неопубликованной биографии Ростопчина П. М. Майков. – Только при неутомимой деятельности Ростопчина, его железной воле и настойчивости могла быть собрана и организована в несколько недель та новая военная сила, которая вскоре вступила в бой с неприятелем, пополняя собою немалые убыли в полках действующей армии»[57]. Ростопчин ведал также размещением и лечением раненых, поступавших из армии[58]. О деятельности Ростопчина Карамзин замечал в письме к И. И. Дмитриеву: «Хорошо, что имеем Градоначаль-

[55] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. С. 92.

[56] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году : (материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. СПб., 1863. № 7. С. 124.

[57] РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 91.

[58] См.: *Горностаев М. В.* Ф. В. Ростопчин // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 126–129.

ника умного и доброго, которого искренно люблю как патриот патриота»[59].

18 сентября 1812 г. царь уверял в письме великую княгиню Екатерину Павловну, что к решению назначить главнокомандующим Кутузова его окончательно подтолкнуло письмо Ростопчина от 5 августа, где последний говорил, что «в Москве все за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего другого как сдаться на общее желание, и я назначил Кутузова»[60]. После сдачи Смоленска Ростопчин и «русская партия» сделали ставку на Кутузова.

Одной из акций, связанных с именем Ростопчина, была высылка иностранцев из Москвы; это мотивировалось тем, что «ненависть к французам и вообще ко всем иностранцам доходила до крайних пределов». Народ «обижал их на каждом шагу, при встрече на улицах, относясь даже очень недоброжелательно и нередко с дерзостию и к тем из русских, которые имели привычку говорить по-французски или на каком-нибудь иностранном языке»[61]. Высылка иностранцев не была единоличной инициативой Ростопчина. Еще в начале войны, во время пребывания Александра I в Дриссе, было составлено положение об иностранцах вообще, находившихся в России и оставшихся в ней с открытием военных действий. В этом положении предписывалось «выслать всех иностранцев ненадежного поведения заграницу, за исключением тех, которые могли бы своими разглашениями в чужих краях вызвать неблагоприятные о внутреннем нашем положении: таковых приказано было ссылать на жительство во внутренние губернии. Оставить же иностранцев в районе военных действий или поблизости его можно было только тех, за которых губернатор мог ручаться, что они благонадежного поведения и что своими внушениями или какими-нибудь другими средствами не подадут повода к нарушению спокойствия или к совращению с пути русских подданных» [62].

---

[59] Цит. по: *Рожанковская И. И.* Указ. соч. С. 147.

[60] Самооправдание императора Александра Павловича в письме к великой княгине Екатерине Павловне 18 сентября 1812 г. // Русский архив. 1911. Кн. 1. С. 304.

[61] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году. С. 137.

[62] Там же. С. 138.

На основании этого положения Ростопчин и организовал высылку из Москвы некоторых иностранцев на барке в «струи волжские». «Для удовольствия народа, – писал Ростопчин в донесении А. Д. Балашову, – отобрав сорок три человека из самых замечательных по поведению и образу мыслей французов, наняв до Нижнего Новгорода барку, завтра ночью забрав, отправлю водою, а оттуда в Саратов и далее. Сухим путем отправление в десять раз стоило бы дороже». В числе отправленных на барке французов были актеры, ремесленники, аферисты и четырнадцать человек учителей. В отношении к министру полиции от 23 августа 1812 г. Ростопчин препроводил их список характеристикой – «выборная каналья из каналий»[63]. Депортация сопровождалась экспрессивным напутствием Ростопчина: «Французы! Россия дала вам убежище, а вы не переставали злоумышлять против нее. Чтобы избежать кровопролития, не зачернить страницы нашей истории, не подражать сатанинским бешенствам ваших революционеров, правительство вынуждено удалить вас отсюда. Вы будете жить на берегу Волги посреди народа мирного и верного своей присяге, который слишком презирает вас, чтобы делать вам вред. Вы на некоторое время оставите Европу и удалитесь в Азию. Перестаньте быть негодяями [mauvais sujets] и сделайтесь хорошими людьми, превратитесь в добрых русских граждан из Французских, какими вы до сих пор были; будьте спокойны и покорны или ждите еще большего наказания»[64].

Большие усилия затрачивал Ростопчин на формирование общественного мнения и военно-патриотическую пропаганду. Он «посадил по всем окрестным и городским кабакам своих запевал и краснобаев», причем «каждому из них высказывал свои ухватки, припевы и побасенки», с тем, чтобы они в свою очередь управляли мнением своих посетителей»[65]. Одновременно Ростопчин выпускал знаменитые «ростопчинские афишки» (по формату они напоминали театральные афиши), информирую-

[63] Граф Ростопчин – Балашову. 23 августа 1812 г. Москва // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 108–110.

[64] Цит. по: *Попов А. Н.* Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 10. С. 130–131.

[65] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году. С. 116.

щие и разъясняющие московскому простонародью происходящие в стране и Москве события. Это были своего рода «мысли вслух», которыми Ростопчин хотел успокоить народ, вселить в него уверенность в русской армии, показать, что «побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости»[66]. Все «афиши» были подчинены одной цели – не допустить паники среди населения столицы и, напротив, внушить уверенность в будущей победе над Наполеоном. Французы изображались в свойственной Ростопчину карикатурной манере, что вообще является характерной особенностью русской военной пропаганды: «От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зимуто и останутся, так крещенские морозы поморят»[67]. Ростопчин сознательно преувеличивал известия о победах русских войск, старался сгладить сообщения о поражениях. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: «слова его были по сердцу народу русскому»[68].

Н. М. Карамзин с одобрением писал об «афишах» Ростопчина: «Такое единение народа и власти прекрасно! Я готов предложить вам содействие, располагайте мною и моим пером»[69]. Друг и единомышленник Ростопчина генерал П. И. Багратион в письме от 22 августа 1812 г. также восторгался «афишами»: «Со слезами читал лист печатный, вами изданный. Истинный ты русский вождь и барин. Я тебя давно обожаю и давно чтил везде и по гроб чтить не перестану»[70]. П. М. Майков, чьи оценки, с нашей точки зрения, отличаются меткостью и глубиной, следующим образом оценивал ростопчинские «афиши»: «Ростопчин, очевидно, должен был не только основываться, но строго держаться сообщений, получаемых им от главнокомандующих армиями (сперва Барклая де Толли и Багратиона, а позднее

[66] *Ростопчин Ф. В.* Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ох, французы! М., 1992. С. 209–210.

[67] Там же. С. 209.

[68] *Овчинников Г. Д.* «И дышит умом и юмором того времени...» // Ростопчин Ф. В. Ох, французы! С. 13.

[69] Цит. по: *Рожанковская И. И.* Указ. соч. С. 153.

[70] Князь Багратион – графу Ростопчину. 22 августа 1812 г. // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 107.

кн. Кутузова-Смоленского) и не мог допускать от себя каких-либо даже незначительных изменений или просто толкований этих донесений, чтобы не породить этим в народе какого-либо недоверия или даже сомнения к сообщаемым в афишах сведениям, коль скоро они являлись бы не совсем согласными с донесениями главнокомандующих императору, также во всенародное известие и тем самым вселять в народ недоверие к правительству вообще, которое именно в первоначальные минуты нуждалось более в доверии и преданности ему народа. Ростопчин, как главнокомандующий Москвы, обязан был придавать этим сообщениям полную веру и в таком виде передавать их в своих афишах, что он и выполнил до того точно, что даже не по всем дошедшим до нас афишам можно восстановить главный ход совершавшихся военных событий 1812, со времени назначения Ростопчина генерал-губернатором»[71].

Однако в дворянском обществе отношение к «афишам» было неоднозначным. М. А. Дмитриев, называя их «мастерской, неподражаемой вещью», писал, что Ростопчина тогда «винили в публике: и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным»[72]. А. Д. Галахов считал, что ростопчинские «афиши» «принадлежат к образцовым произведениям по духу народных понятий и по чисто народному складу речи. Каждая их мысль вылита в пословицу. Они оказывали именно то действие, какого желал их автор: ободряли робких, успокаивали взволнованные умы, обуздывали самоуправство толпы и извещали о военных действиях настолько, насколько это находило нужным начальство по соображению тогдашних обстоятельств. <…> Живой, бойкий язык, не стесненный рутинерством, меткое и резкое остроумие, своеобразность колкой и желчной сатиры ставят его в число немногих оригинальных писателей наших. Он, как говорится, не ходил в карман за словом и не чувствовал ложного стыда, если слово являлось крупное, под пару его крупной мысли. Легко предугадывать, чтобы из него вышло, если б он посвятил себя исключительно литературе»[73].

---

[71] РГИА. Ф. 1646. Оп.1. Ед. хр. 31. Л. 106–107.

[72] Цит. по: *Овчинников Г. Д.* Указ. соч. С. 13.

[73] *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 25–26.

Н. С. Тихонравов справедливо писал о том, что главной целью афиш были «чисто-практические» результаты, прежде всего – разжигание партизанской войны против французов[74]. 12 августа 1812 г. Ростопчин обращается к крестьянам Московской губернии: «Готовьтесь с чем бы ни было: с косой, серпом, топором, дубиной и рогатиною!.. Неситеся!.. поражайте злодея козненного!.. Пса гладного!.. дерзнувшего потоптать ваши нивы, пожрать ваш хлеб…»[75]. В афише от 30 августа он призвал «молодцов и городских и деревенских» явиться «с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного»[76]. Н. Ф. Дубровин даже утверждал, что именно вследствие подобных призывов Ростопчина «поднялась всеобщая народная война»[77], когда неприятель вошел в Москву. Прокламация от 20 сентября фактически содержала призыв к всеобщей партизанской войне против французов: «Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз, взошел в Москву!». Далее следовало красноречивое описание поведения неприятеля в древней столице, совершенно в шишковском стиле: «предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады; венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил домы, имущества; надругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли кости покойников, предков наших родителей»[78] и т.д.

Надо признать, это воззвание Ростопчина отличалось очень сильным эмоциональным накалом: «Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся. Уж мало их и осталося, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стаи орлиные.

[74] См.: *Тихонравов Н. С.* Гр. Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 2.

[75] Цит. по: *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 162.

[76] *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 218.

[77] *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году. С. 449.

[78] *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 219.

Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям; а Москва опять украсится; покажутся золотые верхи, домы каменны; навалит народ со всех сторон»[79]. Ростопчин предсказывает бесславный конец завоевателям: «Уж один им конец: съедят все, как саранча, и станут стенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину»[80].

П. М. Майков писал: «Это воззвание Ростопчина не осталось без последствий. Вскоре началась та народная война, которая вместе с партизанскими отрядами охватила полки Наполеона со всех сторон и, если можно так выразиться, скоро лишила их возможности двигаться»[81].

В литературе советского периода Ростопчина принято обвинять в сдерживании покидающего город населения, в позднем и неполном вывозе государственного имущества, в нерациональном использовании транспорта. Однако все эти обстоятельства были вызваны прежде всего тем, что М. И. Кутузов вплоть до 1 сентября 1812 г. заверял Ростопчина в невозможности сдачи Москвы: «Ни граф Ростопчин, ни кто-либо другой, конечно, не имел никакого основания заподозрить лукавства или обмана со стороны князя Кутузова и не имел никакого права словам его «защищать Москву и драться под ее стенами» придавать какое-либо иное значение, кроме вытекающего из буквального смысла означенных слов»[82]. Конечно, после Бородино Кутузов «продолжал еще надеяться на спасение Москвы, о чем писал бодрые письма Ростопчину и для чего распорядился избрать у стен города позицию для нового сражения 1 сентября»[83].

Поэтому можно говорить о введении в заблуждение Ростопчина Кутузовым, это не могло быть случайным недоразумением: они переписывались почти каждый день, а иногда по

[79] *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 219.

[80] Там же. С. 220.

[81] РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 93.

[82] Там же. Л. 100.

[83] *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай : легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 159–160.

нескольку раз в день[84]. Отношения Кутузова с Ростопчиным испортились после того, как Кутузов, вопреки ожиданиям, продолжил отступление русской армии после отставки Барклая де Толли. В письмах к Александру I московский главнокомандующий, «осуждая бездействие и преступное, по его мнению, равнодушие фельдмаршала, с обычным ему злословием называл Кутузова старой бабой, сплетницей, которая потеряла голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая. Поэтому Ростопчин советовал императору для предотвращения мятежа «отозвать этого старого болвана и пошлого царедворца». <…> В письмах Ростопчина к графу П. А. Толстому встречаются еще более резкие отзывы о фельдмаршале. «Кутузов, – писал Ростопчин, – самый гнусный эгоист, пришедший от лет и развратной жизни почти в ребячество, спит, ничего не делает». В руководящих сферах немногие отдавали должную справедливость Кутузову и понимали значение его кажущегося бездействия, как, например, генерал Кнорринг, который по поводу обвинения главнокомандующего в том, что он спит по 18 часов в сутки, сказал: «Слава Богу, что он спит; каждый день его бездействия стоит победы. Он возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу. Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»[85].

После оставления Москвы взбешенный Ростопчин пишет Кутузову в письме от 17 сентября 1812 г. : «Ваша светлость, рассудя за благо оставить и Московскую губернию, так как оставили Москву, должность моя главнокомандующего с выступлением войск кончилась, и я, не желая ни быть без дела, ни смотреть на разорение и Калужской губернии, ни слышать целый день, что вы занимаетесь сном, отъезжаю в Ярославль и в Петербург. Желаю, как верноподданный и истинный сын отечества, чтобы вы занялись более Россиею, войсками вам вверенными, и неприятелем; я же, с моей стороны, благодарю вас за то, что не имею нужды никому сдавать ни столицы, ни губернии и что я не был удостоен доверенности вашей»[86].

[84] См.: *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 143.

[85] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 120.

[86] Граф Ростопчин – князю Кутузову. 17 сентября 1812 г. Село Воронове // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 149–150.

Наиболее компрометирующим моментом биографии Ростопчина в 1812 г. традиционно выступает дело купеческого сына М. Н. Верещагина. Как писал Н. Н. Булич, «казнь Верещагина, без суда и следствия, была произведением только дикого разгула власти, до которого дошел Ростопчин со своими инстинктами чисто татарского свойства»[87]. Верещагин был казнен 2 сентября 1812 г., в день оставления Москвы, именно по приказу Ростопчина. Ранее он был арестован за распространение «прокламаций»: «письма» Наполеона «К прусскому королю» и «речи, произнесенной Наполеоном перед князьями Рейнского союза», где говорилось, что «прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителя света», т.е. Наполеона, а также поминался «недостойный союз с потомками Чингизхана» курфюрста Бранденбургского[88].

Изложим фактическую канву этого дела. В афише от 3 июля 1812 г. Ростопчин «предостерегал народ не верить распускаемым в Москве слухам, что Наполеон обещается через 6 месяцев быть в обеих столицах»[89]. 2 августа по Москве разошелся слух о появлении прокламации Наполеона, «где он обещает быть в обеих Российских столицах через шесть месяцев». Поиски злоумышленника привели к аресту купеческого сына Михаила Николаевича Верещагина, который «по многом запирательстве и обвинении других напрасно, показал, что прокламации и письмо к Его величеству королю Прусскому <…> перевел с Гамбургской газеты, поднятой им на Кузнецком мосту 16-го числа в 7 часов утра и отдал перевод коллежскому секретарю Мешкову, от коего уже и разошлись списки в большом числе»[90].

27 августа отец Верещагина сделал письменное показание, что «сын его 17-го числа объявил ему, что перевод прокламации сделал он с немецкой газеты, данной ему сыном почт-директора Ключарева. После очной ставки с Ключаревым Верещагин заявил Ростопчину, что «прокламацию и письмо к Прусскому Королю сочинил сам, в чем и теперь удостоверяет: в комнате его найдены только портрет Императора Наполеона в богатой

[87] *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912. С. 389.

[88] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 4.

[89] РГИА. Ф. 1646. Оп.1. Ед. хр. 31. Л. 107–108.

[90] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

раме и книги с портретами французских генералов»[91]. Таким образом, Ростопчин получил в свое распоряжение факты, которые в его глазах свидетельствовали о связи Верещагина с ненавистными московскому главнокомандующему масонами. Московский почт-директор Ф. П. Ключарев был видным масоном, которого еще Н. И. Новиков посвятил в одну из высших розенкрейцерских степеней, дав ему розенкрейцерский герб[92]. Он вызывал особые подозрения Ростопчина. Приведем мнение современного исследователя русского масонства А. И. Серкова: «В условиях, когда войска Наполеона приближались к Москве, тайные ночные встречи Х. А. Чеботарева, П. И. Голенищева-Кутузова и Ф. П. Ключарева, конечно же, выглядели подозрительными, но главной причиной жестких действий Ф. В. Ростопчина было распространение через Московский почтамт в приватном порядке рукописных бюллетеней относительно хода военных действий. В этих бюллетенях Ф. В. Ростопчин обоснованно усмотрел пораженческие настроения. <…> После же недопущения полицеймейстера в газетную экспедицию почтамта и защиты Ф. П. Ключаревым «шпиона» Верещагина высылка московского почт-директора в Воронеж представлялась для Ф. В. Ростопчина естественной»[93].

В. Ф. Ростопчин писал Александру I об опасности, исходящей от масонов и Ключарева и даже угрожал отставкой, если против них не будут приняты меры: «Эта адская секта не может удержать своей ненависти к вам и России и своей преданности неприятелю. <...> Осмеливаюсь просить вас, Государь, в случае если вы найдете нужным оставить здесь Ключарева, прислать другого на мое место; потому что я почту себя недостойным занимать его с честью»[94]. В ходе следствия над Верещагиным Ростопчин арестовал Ключарева и сослал его в Воронеж[95]. Публичная же казнь 2 сентября Верещагина, приговоренного Сенатом к наказанию кнутом и вечной ссылке в каторжные

[91] Там же. Л. 1 об.

[92] См.: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 53.

[93] Там же. С. 91.

[94] Письма графа Ф. В. Ростопчина к Александру I. Москва, 4 августа 1812 г. // Русский архив. 1892. № 7. С. 442–443.

[95] ГА РФ. Ф. 1165. Оп.1. Ед. хр. 169.

работы в Нерчинск[96], вызванная чрезвычайными обстоятельствами, была в дальнейшем использована противниками Ростопчина для того, чтобы скомпрометировать его в глазах царя и дворянского общества. Казнил Верещагина Ростопчин не в состоянии паники и страха, он был человеком не робкого десятка. Казнь была, по сути, элементом массированной военной пропаганды, которую он вел. П. А. Вяземский, отнюдь не симпатизант Ростопчина, писал: «Ростопчин принес Верещагина в жертву для *усиления народного негодования*, а вместе с тем давал Наполеону и французам как будто предчувствие того ожесточения, с которым будут встречены они в *гостеприимной* Москве»[97]. М. В. Горностаев отмечает, что «факт расправы над дважды осужденным преступником, распространявшим документы, способствующие возникновению в Москве беспорядков, насколько бы аморальным он ни казался, надо оценивать с точки зрения условий военного времени и особенно общей сумятицы 2 сентября 1812 г. »[98].

Так или иначе, «верещагинская» история достаточно сильно повредила впоследствии репутации Ростопчина. «Его казнь была не нужна, особенно ее отнюдь не следовало производить подобным образом», – заявил в письме от 6 ноября 1812 г. император. «Повесить или расстрелять было бы лучше»[99]. В 1816 г. Александр «вызвал к себе отца Верещагина, московского купца второй гильдии, и долго с ним беседовал; на другой день велено было послать ему один из самых богатых бриллиантовых перстней, находившихся между вещами государя. Кроме того, в особом рескрипте на имя московского главнокомандующего графа Тормасова разрешалось выдать Верещагину двадцать тысяч рублей»[100].

3 сентября, после занятия французами Москвы, вспыхнул грандиозный пожар, продолжавшийся до 8 сентября и уничтоживший девять десятых города. В силу ряда обстоятельств, Ростопчин скрывал свою причастность к организации этого пожара. Между тем в письме к А. Д. Балашову от 27 августа

[96] См.: *Горностаев М. В.* Ф. В. Ростопчин. С. 124.

[97] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. VII. С. 212.

[98] *Горностаев М. В.* Ф. В. Ростопчин. С. 124.

[99] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 183–184.

[100] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 56.

Ростопчин писал: «Если, по несчастью, столицы спасти нельзя будет, то я оставшееся предам огню, т.е. комиссариатское и в арсенале»[101]. Дореволюционный исследователь В. К. Надлер как о само собою разумеющемся писал, что первые поджоги в городе сделаны были по приказанию Ростопчина полицейским чиновником Вороненко[102]. Дело довершил патриотический порыв москвичей: «Русские жгли свое последнее достояние не по приказанию правительства или его агентов, а по своей собственной доброй воле»[103]. Ныне историки склоняются к версии, что именно Ростопчин подготовил все необходимые условия для этой акции: создал команду полицейских – поджигателей и вывез из Москвы все пожарные принадлежности[104]. Сожжение Москвы имело огромное стратегическое и моральное значение и повлияло на весь дальнейший ход войны. В результате армия Наполеона была лишена жилья, в котором можно было перезимовать, и необходимых запасов продовольствия.

За сожжением Москвы последовало сожжение богатейшего имения Ростопчина Воронова. Английский наблюдатель Р. Вильсон в письме от 19 сентября 1812 г. так характеризовал это деяние Ростопчина: «Я поехал с гр. Ростопчиным смотреть, как он сжег великолепный дом свой со всеми принадлежащими строениями. Поступок прекрасный, исполненный с чувством, достоинством и истинным философским духом. Повод к этому – чистый патриотизм. <…> Как дом, так и другие строения могут сравниться с лучшими находящимися в Англии. Зажигатель Эфесского храма доставил себе постыдное бессмертие; разрушение Воронова должно пребыть вечным памятником российского патриотизма»[105].

---

[101] Граф Ростопчин – Балашову. 27 августа 1812 г. Москва // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 112–113.

[102] См.: *Надлер В. К.* Указ. соч. С. 377.

[103] Там же.

[104] См., например: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 167 ; *Холодковский В. М.* Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43 ; *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов : мифы и факты. М., 2002. С. 217–221 ; *Горностаев М. В.* Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин : страницы истории 1812 года. М., 2003. С. 35–51 ; *Мещерякова А. О.* Указ. соч. С. 193–200.

[105] Роберт Вильсон – к П*. 19 сентября (1 октября) 1812 г. Боровск // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 154.

В течение двух последующих лет Ростопчин оставался на посту Московского главнокомандующего. Деятельность его проходила в исключительно сложных условиях. Его обвиняли в пожаре Москвы, гибели имущества огромного количества дворянских семей. В эти годы он занимался восстановлением Москвы, вывозом из города и захоронением огромного количества мертвых тел, организацией помощи пострадавшим от пожара московским жителям.

Отношение Ростопчина к французам после изгнания их из России не изменилось. В письмах к императору (24 сентября 1813 г. и 19 января 1814 г.) он настаивал: «Необходимо сей же час меры к искоренению нового зла, каким является пребывание пленных французов – генералов и офицеров в наших внутренних губерниях. Они проникли в частные дома и проводят весьма опасные взгляды. <…> Мания к французам не прошла в России, а их настоящее положение внушает к ним еще более участия со стороны глупцов и дворян. <…> Так как 1812 год не мог излечить их от нелепого пристрастия к этому проклятому отродью, то надо будет серьезно приняться за уничтожение этих восторженных поклонников, а их много во всех классах общества, особенно среди учащейся молодежи»[106].

30 августа 1814 г. Ростопчин был отправлен в отставку с назначением в члены Государственного совета. Напомним, что в этот же день был отправлен в отставку А. С. Шишков. Тогда же был уволен с поста министра юстиции «по расстроенному здоровью» И. И. Дмитриев. 31 августа 1814 г., т. е. на следующий день, император разрешил М. М. Сперанскому покинуть место ссылки. Вряд ли это было случайным совпадением.

Отечественная война стала временем наибольшей популярности С. Н. Глинки, именно в это время масштабы его деятельности, общественной и публицистической, были особенно велики. Согласно усердно распространяемой им самим легенде, 11 июля 1812 г. Глинка «первый в Москве записался в ратники (ополчение. – *А. М.*) и первый обрек все, что имел, на олтарь отечества»[107]. «1812 г. Июля 11, прочитав воззвание Государя к Москве, Глинка поспешил к Московскому главнокомандую-

[106] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным. 1812 – 1814 гг. С. 200–204.

[107] РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1.

щему, графу Ф. В. Ростопчину, на дачу его в Сокольниках, – и, услышав, что Граф в это время беседовал с Московским преосвященным архиепископом Августином, оставил записку: «У меня нет поместья, у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности, и хотя я не уроженец Московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. – Обрекая себя в ратники Московского ополчения и на олтарь Отечества, возлагаю на триста рублей серебром»[108].

15 июля 1812 г. Глинка в присутствии Александра I выступил на собрании московского дворянства и купечества в Слободском дворце с речью, которая длилась более часа. Глинка поразил всех присутствующих заявлением, что от Немана до Москвы нет естественных препятствий, которые помогли бы остановить врага, что Москва в течение истории неоднократно «страдала» за Россию, поэтому ее сдача будет спасением России и Европы. Он «говорил так громко, так свободно, что многие были удивлены смелостию, с которою он излагал свои мысли»[109]. Речь Глинки была прервана появлением в зале собрания Ростопчина и государственного секретаря Шишкова, зачитавшими манифест от 6 июля 1812 г.

Выступление Глинки обратило на него внимание царя. 19 июля Глинка был вызван к Ростопчину, который встретил его с распростертыми объятиями. Он был пожалован 18 июля 1812 г. высочайшим рескриптом в кавалеры ордена Св. Владимира четвертой степени за «любовь к отечеству», «доказанную сочинениями и деяниями». Судя по некоторым деталям, награда была инициирована Шишковым. В частности, С. Т. Аксаков вспоминал о том, что когда читал соответствующий рескрипт, то обратил внимание на то, что «он особо замечателен потому, что был написан на листочке самой простой почтовой бумаги и написан рукою А. С. Шишкова. Это обстоятельство вполне выражает время: видно, тогда было не до того, чтобы соблюдать обыкновенные приличия и формы»[110]. Александр I дал Глин-

[108] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 5.

[109] Там же. Л. 5 об.

[110] *Аксаков С. Т.* Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч. : в 3 т. М., 1986. Т. 2 : Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. С. 382.

ке «особые поручения», заключавшиеся в том, чтобы следить за народом, «успокаивать умы и внушать им меры предосторожности, предостерегая их от смущения и торопливой робости»[111]. Кроме того, ему были вручены 300 тысяч рублей на издательскую деятельность, сумма по тем временам огромная. Сын Глинки, В. С. Глинка, вспоминал: «Он не хотел и прикасаться до вверенной ему суммы и старался помочь, где видел необходимость, из собственных своих средств. Заложив драгоценные вещи жены своей, продав свою библиотеку, Глинка помог поступить на службу в ополчение до 20 человек. В числе их были полковник Козлов Угринин, офицеры в дружине его и несколько университетских студентов. Между ними находился известный трудами по Русской истории Константин Фёдорович Калайдович»[112]. В итоге Глинка не потратил ни рубля казенной субсидии. По окончании войны деньги были возвращены им в казну.

В событиях 1812 г. в Москве Глинка сыграл важную роль: он стал «рупором» Ростопчина, народным трибуном, агитатором и пропагандистом. По словам И. В. Евдокимова, Глинка «выступал на площадях, на рынках, где произносил перед простонародьем возбуждающие речи. Обладавший громким голосом, простой, умевший приспособляться к народу, Глинка оказывал на него огромное влияние <…> доверяли каждому его слову. Глинка смело и мужественно выступал перед народом, успокаивал его, ободрял и возбуждал на борьбу с Наполеоном»[113]. П. А. Вяземский писал, что Ростопчин, обладая «в высшей степени русским чувством и умением действовать на массы <…> хорошо понял значение Глинки в подобных обстоятельствах. <…> Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то, и другое по обстоятельствам было нужно»[114].

С. Н. Глинка работал в тесном взаимодействии с Ростопчиным. И. В. Евдокимов отмечал: «Эти два деятеля работали

[111] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 23.

[112] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 6 об.–7.

[113] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 17 а.

[114] *Вяземский П. А.* Сергей Николаевич Глинка // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 440.

вместе, часто встречались глухими ночами, советовались и обдумывали меры воздействия на народ. Глинка разъезжал по окрестностям Москвы, составлял ополчение, призывал к партизанской войне, сочинял и издавал летучие листки и все время был в движении. Плоды этой работы сказались впоследствии»[115]. В своих позднейших воспоминаниях Глинка мимолетом обронил: «В то время деланы мне были тайные и важные поручения, от которых жизнь моя неоднократно подвергалась опасности»[116]. Глинка утверждал, что авторство идеи создания партизанских отрядов принадлежит ему, а Ростопчин лишь широко ее озвучил: «Я, по взятии Смоленска, подал графу Ростопчину записку о вооружении охотничьих дружин по уездам московским и излагал, что начиная от Гжатской пристани, откуда по обеим сторонам тянутся с небольшими промежутками леса, эти лесные дружины могли бы сильно тревожить Наполеона. <…> Летучие или партизанские отряды появились после битвы Бородинской, а я о них писал в 1809 и 1810 годах в «Русском Вестнике». Следовательно, не храброму Денису Давыдову пришла о них первая мысль»[117]. Впрочем, отношения между Ростопчиным и Глинкой были не безоблачными. Последний как-то заметил, что «главнокомандующий подозревал и его самого и устроил даже над ним бдительный надзор»[118].

В водовороте событий Глинка не забывал и о журналистской деятельности. В 1812 г. антифранцузская направленность «Русского вестника» резко усилилась. Наполеон представал на страницах «Русского вестника» как «исчадье греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны». Так, Глинка утверждал: «Все разноплеменные народы, игу его порабощенные, хочет он претворить не в прежних французов, но во французов людоедов, порожденных адской революцией <…> от самого младенчества в каждом подданном Бонапарте истребляется все человеческое и поселяется все зверское». Одновременно с материалами антифранцузского содержания Глинка публиковал статьи, оды и гимны, где воспевал героизм русского народа и армии в войне против Наполеона. Первый

[115] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 23.
[116] Там же. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1 об–2.
[117] *Глинка С. Н.* Записки. С. 299–300.
[118] *Надлер В. К.* Указ. соч. С. 143.

номер журнала за 1812 г. открылся статьей «Обеты русских воинов», которая сопровождалась эпиграфом: «Никому живому не сдаваться, всем умирать за одного; биться до смерти за веру, за царя, за землю русскую». Не случайно патриотическая публицистика Глинки в «Русском вестнике» была названа биографом Глинки «Уложением любви к Отечеству»[119]. Уже стариком Глинка вспоминал о своем журнале: «То, о чем я писал в «Русском Вестнике» с 1808 до 1812 года перешло не в пустой звук слов, но в живые события своего времени»[120].

После Бородинского сражения Москва была наполнена ранеными, Глинка перевязывал им раны и ухаживал за умирающими. «Он поспевал всюду, оказывая помощь и, не покладая рук, работал с утра до ночи»[121]. Символично поведение Глинки в момент оставления русскими войсками Москвы. Его брат Ф. Н. Глинка вспоминал, что С. Н. Глинка «жег и рвал <…> все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества, против зараз французского воспитания, простительно доходить до личной степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Сергей Николаевич бил французские зеркала, рвал французские книги, истреблял все, чтобы ничего не оставить неприятелю. Глинка замешкался в Москве и едва не попал в плен»[122]. При виде начавшегося московского пожара он «упал на землю и зарыдал»[123].

По окончании войны 1812 г. Глинке, как известному всей России издателю «Русского вестника», присылали пожертвования в пользу раненых и семейств их. «Более сорока тысяч рублей С. Н. Глинка раздал неимущим. Пожертвования денежные в пользу воинов присылались большей частию безымянные и отдавались в безотчетное распоряжение издателя Русского Вестника»[124].

---

[119] См.: *Федоров Б. М.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 10.

[120] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 16.

[121] Там же. Л. 22.

[122] *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1987. С. 23.

[123] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 25.

[124] ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 8.

В 1912 г. И. В. Евдокимов высказал следующую оценку общественной роли Глинки, причем вряд ли она существенно преувеличена: «Литературная деятельность Глинки немало повлияла на пробуждение национального самосознания, на собирание национальных сил, на укрепление мужества, проявившихся в Отечественную войну»[125].

События 1812 г. сделали одной из самых значимых среди консерваторов фигуру А. А. Аракчеева, который в послевоенное время не случайно стал лидером «русской партии». Биография Аракчеева достаточно хорошо известна, поэтому ограничимся упоминаем тех ее аспектов, которые обусловили его принадлежность к «консервативной партии».

Стиль деятельности Аракчеева отличался педантичностью и крайней дисциплиной, личным самоограничением, колоссальной волей и невероятной работоспособностью, жесткой требовательностью, доходящей, в соответствии с традициями, насаждавшимися Павлом I, до жестокости (которую, однако, позднейшие мемуаристы невероятно преувеличивали, вложив свою лепту в создание негативного мифа об Аракчееве – «гатчинском капрале», «обезьяне в мундире», «временщике», «Змее Горыныче» и пр.)[126]. При Александре I Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии (1803–1808 гг.). На этом посту он внес огромный вклад в переустройство всего артиллерийского дела в русской армии. Под его руководством была создана первоклассная по тому времени артиллерия, прекрасно показавшая себя в сражениях 1805 – 1809 гг. и сыгравшая немалую роль в Отечественной войне 1812 г. Военно-административная деятельность, а не вопросы стратегии, была подлинным призванием Аракчеева, который в силу этого обстоятельства не принимал участия в боевых действиях.

Современные историки приходят к выводу, что он был блестящим военным организатором, новатором, талантливым реформатором и организатором[127]. 13 января 1808 г., в ответ на

[125] РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 16 а.

[126] О негативных мифах, сложившихся вокруг имени Аракчеева, см.: *Кандауров Т.* Гений зла и блага : слово в защиту Аракчеева // Родина. 2000. № 3. С. 56–60.

[127] См.: *Ячменихин К. М.* «Аракчеевщина» : историографические мифы // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004. С. 117–128.

недовольство общества союзом с Францией, Аракчеев был назначен военным министром. А. Мартин пишет по этому поводу: «Император был испуган слухами о государственном перевороте; но, поставив армию, верность которой представлялась решающим фактором при любых попытках свергнуть режим, под контроль Аракчеева, он мог спать немного спокойнее»[128]. Управлять военным министерством Аракчееву приходилось в условиях военного времени. Россия вела войны с Персией (1804–1813 гг.), Турцией (1806–1812 гг.), Швецией (1808–1809 гг.), с 1809 г. находилась в состоянии войны с Австрией и в результате участия в «континентальной блокаде» – с Англией. За два года (до 1810 г.) Аракчеев сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в комплектовании и обучении строевого состава. Значительные перемены произошли на заводах, выпускавших оружие и боеприпасы. При непосредственном участии Аракчеева был создан Военно-учебный комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала». Император доверил ему прием на службу и увольнение по своему усмотрению чиновников комиссариатского и провиантского департаментов. В ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. Аракчеев, с присущей ему энергией, сумел наладить снабжение действующей армии всем необходимым: обученными рекрутами, провиантом, фуражом, оружием, боеприпасами. Им были приняты необходимые меры по укреплению Балтийского побережья России. Наиболее значительной была роль Аракчеева в непосредственном воздействии на ход военных операций. Именно его настойчивость заставила русские войска предпринять труднейший переход по льду Ботнического залива, перенести боевые действия на территорию Швеции, в результате чего в состав России вошла Финляндия.

В 1810 г. Аракчеев в знак протеста против поведения императора, который скрыл от него подготовку «Учреждения Государственного совета», покинул пост военного министра. По его рекомендации на пост военного министра был назначен М. Б. Барклай де Толли. Вскоре, по категорическому настоянию Александра I, Аракчеев возглавил департамент военных дел в Государственном совете. По оценке великого князя Нико-

[128] *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 53.

лая Михайловича, Аракчеев в области военной сделал «очень многое»[129].

14 июня 1812 г. Аракчеев вновь был призван к управлению военными делами. В автобиографических отметках, сделанных им на экземпляре Евангелия, Аракчеев не без основания отмечал: «Вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления императора»[130]. Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны»[131] и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможно было вести военные действия против Наполеона. Такова была его роль и в кампании 1813–1814 гг.[132] Летом 1814 г. император за успехи в организации русской армии хотел наградить Аракчеева званием фельдмаршала, однако тот категорически от него отказался.

Со второй половины 1814 г. «все дела государственного управления, не исключая даже духовных, рассматривались и приготовлялись к докладу в кабинете Аракчеева»[133]. В августе 1818 г. он был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность влиять на важнейшие решения. Практически именно Аракчеев осуществлял в то время, наряду с Александром I, общее руководство внутренней политикой России, беря на себя бремя исполнения непопулярных решений. Только ему полностью доверял монарх.

Выдвижение Аракчеева стало зримым симптомом «нарастания авторитарных тенденций во внутренней политике Александра I»[134]. В силу ряда личных качеств Аракчеев вполне подходил на роль лидера, или, как минимум, союзника «русской

---

[129] *Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 84.

[130] Автобиографические заметки графа Аракчеева на прокладных белых листах принадлежавшей ему книги св. Евангелия // Русский архив. 1866. Стлб. 925–926.

[131] *Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. С. 219.

[132] См.: *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 106.

[133] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 5.

[134] *Martin A.* Op. cit. P. 54.

партии». Е. Ф. фон Брадке, хорошо знавший Аракчеева, утверждал: «В церковном отношении он стоял на почве неподвижного православия; деятельность Библейского общества, вызов духовенства других исповеданий, влияние г-жи Крюднер и других мистиков внушали ему отвращение»[135]. Н. И. Греч называл его «поборником православия»[136]. Немаловажно и свидетельство Ф. В. Булгарина: «Главнейшее достоинство графа А. А. Аракчеева состояло в том, по моему мнению, что он был настоящий русак, как мы говорим в просторечии. Все русское радовало его, и все, что, по его мнению, споспешествовало славе России, находило в нем покровительство»[137]. П. К. Щебальский отмечал: «Аракчеев был во всяком случае не галломан; многие, замечая, что он говорит не иначе как по-русски и имеет все признаки русского помещика средней руки, разумели его даже великим патриотом»[138]. По свидетельству великой княгини Александры Фёдоровны, Аракчеев демонстративно говорил только по-русски[139].

Таким образом, значительный вклад лидеров русских консерваторов в победу над врагом был неоспорим. По-своему прав Н. Н. Булич, который заявлял: «В войне народной победила патриотическая партия; она была убеждена, что восторжествовали ее консервативные начала, что побеждена французская революция, глубоко ненавидимая ею»[140]. Представляется, что события 1812 г. оказали сильное воздействие и на становление раннего русского консерватизма, обусловив его специфику, которая существенно отличала его от других вариантов континентального или английского консерватизма. По справедливому утверждению В. М. Боковой, успешная война «всегда приводит к консолидации нации и вольно или невольно укрепляет существующий строй, усиливая в обществе охранительные, консервативные тенденции»[141]. События 1812 г. и сопутствующих ему лет показывают, что именно эти годы стали переломными в становлении консерватизма как идейно-политического направления.

[135] Аракчеев : свидетельства современников. М., 2000. С. 123.
[136] Там же. С. 266.
[137] Там же. С. 255.
[138] *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 196–197.
[139] См.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 82.
[140] *Булич Н. Н.* Указ. соч. С. 590.
[141] *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 77.

Глава 5

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА (1815–1825 гг.)

С 1815 г. внешняя угроза, исходящая от наполеоновской Франции, исчезла. Был создан Священный союз, призванный не допустить новой революционной волны в Европе. Во внутренней политике Александр I вернулся на путь преобразований и взял курс на создание «общехристианского» или «евангельского» государства, идеологической основой которого были экуменический вариант христианства и протестантский мистицизм. Западническая ориентация императора подталкивала его к принятию того надконфессионального варианта христианства, который был «выше» и православия, и католичества, и протестантизма. Общехристианское содержание должно было возобладать над догматическими различиями.

На принятие такого курса повлияла и общая идейная атмосфера на Западе во второй половине царствования Александра I. Резко усилились реставрационные настроения, ядром которых являлось христианство, интерпретированное исключительно в консервативном и антиреволюционном духе. Ф. фон Баадер заявлял: «Для действительного искоренения революции необходимо поднять дух истинного христианства и оживить им все общество и государство. Принцип любви и свободы должен проникать не в одну частную, но и общественную и политическую жизнь. Истинная теократия должна заступить место демократии. Элемент языческий должен быть устранен из жизни общественной. На основах евангельского учения

должно быть создано новое народное право»[1]. Подобные идеи вполне совпадали с намерением императора Александра I пересоздать всю политическую систему на основе христианской этики, изжить национальный эгоизм, источник войн и разорения, и применить к политике мораль Евангелия, поэтому вполне правомерен вопрос о влиянии западноевропейских идей на политическую практику самодержавия. «Апокалиптическое» восприятие событий 1812–1814 гг. подталкивало к эсхатологической интерпретации текущей политики и было «очень созвучно лично Александру I. Мессианская роль России в этой войне обусловливала и его собственную роль, основанную на провидениях мистической литературы (в том числе сочинений популярной на рубеже XVIII–XIX в. Ж. Гюйон) и откровениях окружавших царя визионеров (Ю. Крюденер, Г. И. Юнг-Штиллинг, А.-Л. Эмпетайз и др.)»[2]. В Священном союзе, который был внешнеполитической проекцией «общехристианского» государства, он «вполне искренне видел <…> орудие всеобщего и полного обновления, своего рода символ завершения апокалиптической схватки Добра со Злом, которая должна предшествовать последним временам, предваряющим наступление Царства Божия»[3].

Политические и идеологические новшества привели к тому, что католическая версия консерватизма, развиваемая и отстаиваемая Ж. де Местром, оказалась неприемлемой для самодержавной власти. Ультрамонтаны в принципе не могли принять экуменизм и мистицизм. Как писал А. Н. Шебунин, «идеологи реакции (Жозеф де Местр, Бональд, Ламенне) относились резко отрицательно к мистикам и идеологии Священного союза и в библейском обществе видели покровительство опасным сектам, религиозному разномыслию и т.п.»[4]. Под тем предлогом, что прозелитизм де Местра зашел слишком далеко и что среди петербургской аристократии многие обратились в католичество (включая молодого князя А. Ф. Голицына, племенника

[1] Цит. по: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 5. С. 473–474.

[2] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 83.

[3] Там же. С. 84.

[4] ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 9–10.

обер-прокурора Священного синода), иезуитам было приказано покинуть обе столицы, а де Местра выслали из Петербурга в мае 1817 г. заграницу. В 1820 г. иезуиты окончательно были изгнаны из России, а в 1821 г. де Местр скончался в Турине. Таким образом, непосредственное влияние одного из основоположников европейской консервативной мысли на становление русского консерватизма прекратилось еще в 1817 г.

Русские консерваторы активно продолжали свою деятельность. В начале 1816 г. Н. М. Карамзин приехал в Петербург просить средств на издание первых восьми томов «Истории государства Российского». Вокруг обстоятельств, связанных с ожиданием Карамзиным приема у императора, во время которого должен был решиться вопрос об издании «Истории», сложилось немало мифов. Карамзин долгое время ждал высочайшего приема, что воспринималось им как демонстрация пренебрежения императора к его многолетнему труду. Но во время этого унизительного для историка ожидания другие члены императорской фамилии: Елизавета Алексеевна, Мария Фёдоровна, Екатерина Павловна, Мария Павловна – проявили себя как ревностные поклонники Карамзина, всячески его поддерживающие.

В марте 1816 г. состоялось личное знакомство Карамзина с А. А. Аракчеевым. Обстоятельства этого события в либеральной и советской историографии обычно трактуют как морально неприемлемые для историографа, не желавшего в принципе встречаться с «временщиком». Тем не менее, после их встречи Карамзин писал: «Я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами. Вот его слова: «Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнять волю Государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно». <…> Следственно, и граф Аракчеев обязался способствовать моему скорейшему свиданию с Государем; даже уверил меня, что это откладывание не продолжится»[5]. М. П. Погодин так оценивал роль Аракчеева в организации встречи историографа с царем: «Все старания и все посредства оканчивались ничем до свидания с графом Аракчеевым, кото-

[5] Цит. по: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 154.

рый обещал исходатайствовать аудиенцию и на другой день сдержал свое слово: Карамзин был принят и осыпан ласками и милостями»[6]. «Чтобы попасть в рай, нельзя было избежать чистилища, где заседал суровый игумен», афористично отмечал Н. К. Шильдер[7]. Несмотря на первоначальную обиду, детально и достаточно тенденциозно описанную в литературе, Карамзин в дальнейшем с уважением относился к Аракчееву. 14 сентября 1825 г. он писал: «Государственный человек, огорченный ужасным домашним происшествием (убийством любовницы Аракчеева, Н. Минкиной. – *А. М.*), отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас не много»[8]. Оценки Аракчеева, сделанные Карамзиным: «человек с умом и хорошими правилами», «государственный человек» и т.д. – вряд ли были лицемерными.

Александр I удостоил Карамзина высочайшей аудиенции, в результате которой были выделены необходимые средства на издание «Истории государства Российского», он был награжден орденом св. Анны 1-го класса, а в 1824 г. стал действительным статским советником. По докладу А. Н. Голицына император отдал распоряжение печатать «Историю государства Российского» без цензуры[9]. Она пользовалась огромным успехом. Значение этого грандиозного труда точно выразил П. А. Вяземский: «Творение Карамзина есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная и монархическая»[10]. Ему вторил А. С. Стурдза: «Карамзин <…> начал и открыл для нас период народного самосознания»[11]. Высокую оценку труда Карамзина дал и А. С. Пушкин: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским: сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно за-

[6] Там же. С.156.

[7] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 7.

[8] Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 415.

[9] РГАЛИ. Ф. 1179. Оп. 2. Ед. хр. 16. Уваров С. С. Л. 1.

[10] Проект письма к С. С. Уварову // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 215.

[11] Цит. по: Погодин М. П. Указ. соч. С. 195.

нять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»[12]. Труд Карамзина – это, безусловно, консервативная версия русской истории и объективно интерпретировать ее в отрыве от истории русского консерватизма невозможно.

Весной 1816 г., во время ожидания аудиенции у Александра I, произошло личное знакомство Карамзина с А. С. Шишковым. По словам Н. И. Греча, Карамзин рассказывал, как первый раз встретился с Шишковым на приеме у великой княгини Екатерины Павловны. Карамзин первым делом заявил Шишкову: «Я не враг ваш, а ученик: потому что многое высказанное вами было мне полезно, и если не все, то иное принято мною, и удержало меня от употребления таких выражений, которые без ваших замечаний были бы употреблены». С этого момента «они были, если не друзьями, то, по крайне мере, добрыми искренними знакомыми»[13]. Вероятно, сближение двух прежних литературных оппонентов всё же происходило не гладко. 14 февраля 1816 г. Карамзин писал: «Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными *неприятелями*, и скажу им: есмь един посреде вас, и не устрашуся!»[14]. В письме от 18 февраля того же года он рассказывал: «Славный мой обед с *неприятелями* не был для них весел: все сидели нахмурясь, хотя я и старался забавлять их грамматикою, синтаксисом, этимологиею. Добрый старик Державин вздумал было произвести меня в члены Российской Шишковской Академии, но я сказал ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членом никакой Академии и не буду ни в каком так называемом ученом обществе»[15]. Впоследствии, впрочем, позиция Карамзина изменилась.

В октябре 1818 г. Карамзин, по просьбе Шишкова, который стал после прочтения карамзинской «Истории» его поклонни-

---

[12] *Пушкин А. С.* О народном воспитании // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 157.

[13] Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 137.

[14] Там же. С. 139.

[15] Там же. С. 140.

ком, написал речь для торжественного собрания Академии 5 декабря 1818 г. 10 октября 1818 г. он писал И. И. Дмитриеву: «Добрый Шишков одобрил эту речь, не знаю, искренно ли?»[16]. Помимо всего прочего, в ней содержалось следующее утверждение: «Петр Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим Европейцам. Жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших Россиян прервалася навеки»[17].

В том же году по предложению Шишкова Карамзин был избран членом Академии, политические взгляды и литературные вкусы их к тому времени существенно сблизились под влиянием занятий русской историей. Приязнь Шишкова к Карамзину после прочтения «Истории» зашла так далеко, что он предложил Карамзину создать совместное литературное объединение. В письме к И. И. Дмитриеву от 14 декабря 1822 г. Карамзин сообщал: «Добрый Шишков убеждает меня завести вечера для чтений и бесед о литературе; но что читать? С кем и о чем беседовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова, в надежде на его голубиное незлобие». На торжественном заседании Академии в конце декабря того же года, под председательством Шишкова, Карамзин был «намерен читать о Годунове, а князь Шаховской две сцены из Энеиды; Воейков что-то о Ломоносове в стихах»[18]. Инициатива Шишкова закончилась ничем, но отношения были сохранены. 1 июля Карамзин писал Дмитриеву: «Люблю его (Шишкова – *А. М.*) за доброе сердце»[19]. По словам А. С. Стурдзы, Шишков «чистосердечно и публично отрекся от прежних своих невыгодных мнений о писателе Карамзине <…> маститый старец полюбил в нем человека, преклонил голову перед изящной чистотой его слога, одним словом, влюбился в его творения и в него самого»[20].

С 1816 г. и до момента своей смерти Карамзин жил в Петербурге, общаясь с В. А. Жуковским, С. С. Уваровым, А. С. Пушкиным, Д. Н. Блудовым, П. А. Вяземским и др. По предложению Александра I Карамзин стал проводить каждое лето в Царском

[16] Цит. по: *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 228.

[17] *Карамзин Н. М.* Соч. М., 1820. Т. 9. С. 314.

[18] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1886. С. 342.

[19] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 352.

[20] *Стурдза А. С.* Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9, 10. С.146–147.

Селе, что всё более и более усиливало его близость к царскому семейству. Государь неоднократно беседовал с Карамзиным во время прогулок по царскосельскому парку, тот несколько раз в неделю обедал у него, император постоянно читал в рукописи «Историю государства Российского», выслушивал мнения Карамзина на текущие политические события. Разговоры между царем и историком были содержательными и откровенными. Александр I до такой степени доверял Карамзину, что, по свидетельству М. П. Погодина, «сказывал еще осенью 1823 г. Карамзину и Екатерине Андреевне о распоряжении касательно наследства (т.е. о передаче престола в случае смерти императора не великому князю Константину Павловичу, а Николаю Павловичу. – *А. М.*), о котором не знал никто в России, кроме Митрополита Филарета и князя А. Н. Голицына: один писал Манифест, другой переписывал»[21].

Несмотря на определенное сближение с либерально-консервативным кругом авторов литературного общества «Арзамас», противостоящего «Беседе любителей русского слова», Карамзин, безусловно, до конца жизни являлся убежденным консерватором. 29 апреля 1817 г. он с иронией писал о конституционных ожиданиях молодых либералов в связи со знаменитой речью Александра I при открытии Сейма в Варшаве: «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию; судят, рядят. <…> И смешно и жалко!»[22]. В его памятной книжке в 1825 г. содержится и такая запись: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастия людей! Но есть ли счастие там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ, и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. <…> Если государство, при известном образе правления, созрело, укрепилось, обогатилось, распространилось и благоденствует, не троньте этого правления, видно оно сродно, прилично Государству и введение в нем другого было бы ему гибельно и вредно»[23].

---

[21] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 393.

[22] Там же. С. 206.

[23] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России : избр. проза и публицистика. М., 2002. С. 443.

В этот период продолжается сотрудничество А. С. Шишкова и А. А. Аракчеева, возникшее в 1812 г. Последний оказал существенную поддержку Шишкову как президенту Российской академии. Он по-прежнему рассматривал ее как «охранительницу языка», без которой «язык и словесность непременно будут упадать»[24]. Еще в 1815 г. Шишков представил ходатайство об усилении денежных средств Российской академии, которую он хотел поставить в независимое от министра народного просвещения положение; но по истечении двух лет дело не сдвинулось с мертвой точки. Академия получала на свою деятельность из казны не более 9 тысяч рублей[25]. Шишков же просил не менее 60 тысяч рублей в год и, кроме того, на создание типографии и пристройку к ней залы единовременно 90 тысяч рублей. Пристройка была нужна Шишкову для того, чтобы «хорошо устроенная и украшенная зала могла бы служить для открытия публичных чтений, как то было в доме Державина, под названием «Беседы любителей русского слова», куда собиралась многочисленная публика и где подобные чтения, к сожалению, недолго продолжавшиеся, приносили немалую пользу и удовольствие»[26]. Попытки прибегнуть к помощи императора не давали никаких результатов, наоборот, Шишков даже стал полагать, что попал в новую опалу: «Холодность ко мне его величества от часу становилась приметнее, так что я уже не был к нему никогда призыван. <…> Я перенес это с довольным равнодушием, будучи уверен в правоте своей, и помня одного из моих приятелей пословицу, что честному человеку терять нечего меньше нужды в царе, нежели царю в честном человеке»[27]. В этой ситуации Шишков в феврале 1817 г. обратился с письмом к Аракчееву. В итоге дело мгновенно разрешилось. На другой день после получения письма Аракчеев заявил Шишкову: «Вот как скоро исполняю я ваши приказания!»[28]. В мае 1817 г. новый бюджет Российской академии был утвержден императором[29]. Фактически, наряду с прочим, речь

[24] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 2. С. 96.

[25] См.: Там же. С. 92.

[26] Там же. С. 94.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 97.

[29] Там же. С. 101.

шла о финансовой и организационной поддержке со стороны государства задуманного Шишковым центра консолидации русских консерваторов.

В это время Аракчеев активизировал связи с основными деятелями «русской партии»: Ростопчиным, Карамзиным, Шишковым и митрополитом Серафимом (Глаголевским)[30].

10 августа 1816 г. министр народного просвещения А. К. Разумовский был заменен на своем посту князем А. Н. Голицыным[31]. 24 октября 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения[32]. Реформа была обусловлена желанием соединить светское европейское образование с традициями западноевропейского мистицизма и масонства и одновременно православного просвещения. В записке А. Н. Голицына, обосновавшей создание объединенного министерства, говорилось, что «разрушительный дух последнего столетия распространил вредную мысль о непримиримой вражде, долженствующей существовать между религией и наукой. За сию пагубную мечту Европа заплатила реками крови и слез». В ней также содержался призыв «освятить науки духом религии и вместе вооружить религию всеми пособиями наук»[33].

Вновь образованное министерство состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Во главе первого находился А. И. Тургенев, второго – один из главных представителей мистицизма того времени В. М. Попов, секретарь Библейского общества. А. И. Тургенев, занимавший также пост секретаря комитета Библейского общества, был одним из образованнейших людей своего времени. Он был известен в литературных кругах, являлся членом общества «Арзамас». В. П. Попов был одним из самых активных участников общества «пророчицы» Е. Ф. Татариновой. О нем и его единомышленниках архимандрит Фотий (Спасский), яростный их нена-

[30] См.: *Щебальский П. К.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 229–230.

[31] См.: *Петров Ф. А.* Российские университеты первой половины XIX века : Формирование системы университетского образования : в 4 кн. М., 1999. Кн. 2 : Становление системы университетского образования в России. Ч. 3. С. 68.

[32] Там же. С. 70.

[33] Там же. С. 70–71.

вистник, выражался весьма экспрессивно: «Попов и прочая сволочь зловредная»[34].

После создания Министерства духовных дел и народного просвещения (в литературе его иногда для краткости называли «сугубым», т.е. двойным, объединенным) изменения в консервативном духе произошли прежде всего в области просвещения, науки и цензуры. На практике их осуществляли такие деятели министерства, как А. Н. Голицын, А. С. Стурдза, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич. Руководящим органом «сугубого» министерства стало Главное правление училищ, где, по словам историка науки В. В. Григорьева, заседали «ретрограды-честолюбцы», составившие кружок «властолюбивых мистиков»[35]. При Главном правлении училищ был учрежден Ученый комитет, состоявший из нескольких членов. Комитету было предоставлено право приглашать по мере необходимости на свои заседания члена Главного правления училищ Юрьевского архимандрита Иннокентия (Смирнова). С 1819 г. членом комитета являлся также Д.П. Рунич[36]. Деятельность главного правления училищ должна была заключаться в выполнение программы, записанной в предварительных правилах народного просвещения: «в открытии или преобразовании университетов, в учреждении многочисленных средних и низших училищ, во введении новых начал в народное образование, согласно с требованиями времени»[37]. Однако на практике главное правление училищ стало насаждать в подведомственных учреждениях «начала веры и монархизма, торжество Откровения и покорности властям над порывами разума и воли, представленных самим себе и неподчиненных никакому авторитету»[38]. Либеральный цензурный устав 1804 г. формально продолжал действовать, однако Голицын принял меры по пресечению «вольнодумства, безбожия, своевольства, мечтательного философствования».

[34] *Фотий (Спасский)* Автобиография // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 171.

[35] *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 33–34.

[36] *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I // Исследования и статьи по истории русского просвещения. СПб., 1889. Т. 1. С. 193–194.

[37] Там же. С. 28.

[38] Там же. С. 159–160.

Постановлением Комитета министров от 30 января 1819 г. и министерскими циркулярами от 22 февраля и 31 мая этого же года было предписано учредить специальные кафедры «богопознания и христианского учения» во всех российских университетах. Посещение лекций по богословию было обязательным в течение трех лет обучения[39].

Главное правление училищ инициировало отказ от университетской модели протестантской Германии с ее «свободою преподавания и учения». Образцами для подражания были выбраны католические учреждения и система религиозного воспитания, принятые во Франции и в Австрии[40]. В этих государствах в 1820-е годы религия и монархизм были провозглашены началами народного воспитания, при выборе преподавателей было «предписано руководствоваться их религиозностью, и тем из наставников, которых начальство признавало особенно достойными по их педагогическим способностям и набожности, выдавались золотые медали. <…> Ревнители католичества, предлагая советы по устройству высших учебных заведений в России, восхваляли безбрачие профессоров, затворничество студентов, требовали уничтожения вредных книг»[41].

Главной фигурой, осуществляющей реформу в области народного просвещения, был Александр Николаевич Голицын (1773–1844)[42]. Это был деятель с консервативной репутацией, однако вариант консерватизма, который он отстаивал, существенно отличался от магистрального направления русского консерватизма, в основе которого лежали прежде всего православные ценности и патриотизм, что в дальнейшем привело к острому конфликту между Голицыным и православными консерваторами. Голицын принадлежал к княжескому роду XVI в. литовского происхождения и был прямым потомком кня-

---

[39] См.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 47–48.

[40] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 161.

[41] Там же. С. 190.

[42] См.: *Кондаков Ю. Е.* Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997 ; *Его же.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005 ; *Эткинд А.* «Умирающий Сфинкс» : круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // Studia Slavica Finlandesia. Helsinki, 1996 ; *Фаджионатто Р.* А. Н. Голицын // Против течения. Воронеж, 2005.

зя Б. А. Голицына, воспитателя Петра I. Он родился в бедной дворянской семье отставного капитана гвардии Николая Сергеевича от третьего его брака с Александрой Александровной Хитрово и получил имя в честь преподобного Александра Свирского. Благодаря знакомству матери Голицына с камер-фрейлиной Екатерины II М. С. Перекусихиной он был представлен императрице и воспитывался за ее счет в Пажеском корпусе. В 1783 г. Голицын был пожалован в пажи, в 1791 г. – в камер-пажи. Определяющую роль в его судьбе сыграло то обстоятельство, что он стал другом детства и юности великих князей Константина Павловича и Александра Павловича (впоследствии императора Александра I), что предопределило его дальнейшую карьеру. С 1794 г. Голицын поступил на службу поручиком Преображенского полка, однако, не имея склонности к военной службе, в том же году был назначен в придворный штат великого князя Александра Павловича камер-юнкером, затем в 1797 г. – действительным камергером императорского двора, в 1799 г. был пожалован в командоры мальтийского ордена Св. Иоанна Иерусалимского. В мае того же года Голицын подвергся опале и получил повеление выехать из Петербурга в Москву. По восшествии на престол Александра I Голицын был возвращен ко двору. В 1802 г. он был назначен обер-прокурором 1-го, а затем 2-го департамента Сената, 21 октября 1803 г. – обер-прокурором Синода и статс-секретарем с правом личного доклада императору, поскольку император желал видеть на этом посту лично преданного ему человека[43].

После назначения обер-прокурором Голицын, ранее слывший «веселым эротоманом», «вольтерьянцем» и «эпикурейцем», впервые в жизни прочитал Новый Завет и изменил прежний образ жизни: стал уклоняться от посещения театров, пытаться соблюдать посты, постоянно причащаться, читать Библию, литературу религиозного содержания, встречаться и беседовать с авторитетными представителями различных конфессий, периодически испытывать «мистические восторги» и т.д. А. С. Стурдза вспоминал: «Несмотря на жалкие недостатки светского образования, на скудость познаний и прежнюю крайне рассеянную жизнь, Голицын, по какому-то чувству приличия, остепенился,

[43] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 124.

принялся за труд, бросил кощунство и переменил все наружные приемы»[44]. Голицын исполнял православные обряды, обзавелся собственной домовой церковью, в которой стояло «подобие гроба», которое было приставлено «к подножию огромного деревянного креста; на гробе положена плащаница, принадлежащая церкви, на этой плащанице укладены различных видов кресты, подаренные в разное время и от разных людей князю. В этой комнате нет лампады, но пред гробом вместо люстры сделано из пунцового стекла изображение человеческого сердца, и в этом-то сердце теплится неугасимый огонь <…> В этой уединенной каморке маливался (молился. – *А. М.*) вместе с князем и блаженной памяти император Александр»[45].

Взгляды Голицына сформировались под влиянием модной тогда западноевропейской мистической литературы (И.-Г. Юнг-Штиллинг, К. фон Эккартсгаузен и др.). Он индифферентно относился к различию догматов христианских конфессий, считая их равноценными, и стремился к воплощению идеала мистиков: соединению всех вероисповеданий в лоне «универсального христианства» ради водворения царства Божия на земле. Голицын мог считать себя православным, одновременно молитвенно общаясь и ведя благочестивые беседы и переписку с архимандритом Фотием (Спасским) и иеромонахом (впоследствии митрополитом Московским) Филаретом (Дроздовым), а также с баронессой Крюденер, английскими методистами и квакерами, иезуитами, гернгутерами, Е. Ф. Татариновой, русскими скопцами, «духоносцами», порвавшими с католичеством проповедниками Линдлем и Госснером, сомнительными визионерами и ясновидцами и пр. Особенно большое духовное влияние на Голицына имел известный мистик и масон обер-гофмейстер Р. А. Кошелев (1749–1827), игравший одно время роль «серого кардинала» при императоре. А. С. Стурдза вспоминал, что «Кошелев управлял Голицыным, как дядька, и даже ездил вместе с ним на доклады к государю»[46]. Архимандрит Фотий именно Кошелева, а не Голицына, считал злейшим врагом православ-

[44] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I // Русская Старина. 1876. Т. XV, № 2. С. 268.

[45] *Рассказы А. Н. Голицына* в записи Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. № 3. С. 370–371.

[46] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской... С. 89.

ной веры и «злокозненным иллюминатом»[47]. В автобиографических записках Фотий писал: «Сей вельможа хитрый, пустосвят, лицемер, придворный ласкатель, прибрав к себе в руки министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына, более всех в свое время сделал вреда и зла Церкви православной и духовному сословию»[48]. М. А. Магницкий заявлял, что именно Кошелев внушил Голицыну проект Объединенного министерства[49]. Впрочем, о своем авторстве идеи сего проекта писал и М. М. Сперанский[50].

В сисследовании об императоре Александре I великий князь Николай Михайлович указывал на ведущую роль Кошелева в формировании официальной идеологии, зиждущейся на мистицизме[51]. Я. А. Гордин утверждает, что вплоть до 1810 г. Кошелев был одним из духовных наставников М. М. Сперанского, однако затем рассорился с ним[52]. Ю. Е. Кондаков считает, что император «претворял в жизнь многие из <…> рекомендаций (Кошелева. – *А. М.*) и фактически подчинил Кошелеву главу духовной сферы России А. Н. Голицына»[53]. А. Зорин пишет, что между царем, Голицыным и Кошелевым был заключен «мистический союз», и на вершине этого треугольника находился Кошелев[54].

О Кошелеве известно очень мало. В наибольшей мере его биографии касался великий князь Николай Михайлович. Родион Александрович Кошелев родился в 1749 г., был записан десяти лет в Конную гвардию, произведен в корнеты в 1769 г., назначен адъютантом (к кому – не известно) в 1777 г., потом

---

[47] *Фотий (Спасский).* Указ. соч. // Русская старина. 1894. Май. С.100.

[48] *Фотий Спасский.* Указ. соч. // Русская старина. 1894. № 9. Т. 82. С. 219–220.

[49] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах. // Русская старина. 1899. № 2. С. 304.

[50] *Фаджионатто Р.* Указ. соч. С. 235.

[51] Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 147–149.

[52] См.: *Гордин Я. А.* Мистики и охранители : дело о масонском заговоре. СПб., 1999. С.106–107.

[53] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 61.

[54] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… : русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 288.

из ротмистров при Павле пожалован в камергеры и 26 ноября 1796 г. назначен чрезвычайным посланником в Копенгаген; от этой должности вскоре уволен и вышел в отставку. Он много странствовал по Европе, где завел знакомства с Сен-Мартеном, Сведенборгом, Эккартсгаузеном, Лафатером и примкнул к масонству. При воцарении Александра I Кошелев стал деятельным членом Библейского общества; был назначен председателем Комиссии прошений, а 1 января 1810 г. – членом Государственного совета, позднее обер-гофмейстером. «Несомненно и то, что именно Кошелев привлек, при посредстве еще нескольких единомышленников, Голицына к мистицизму, несмотря на то, что князь считался убежденным сыном Православной церкви»[55].

Взгляды Голицына трудно привести в систему, их можно охарактеризовать как «религиозный сумбур». Записки Голицына «религиозно-нравственного содержания» пестрят неопределенными высказываниями, вроде: «Стараться сердце сделать чистым, ибо чистые сердцем тии Бога узрят. Бог в чистоте сердца изображается как солнце в чистой воде»[56]. В них можно отметить также несвойственную для православия экзальтацию: «Надобно пожертвовать Богу всеми своими страстями, покориться его воле в совершенной простоте сердца, сознаться в том, что все, что мы можем делать доброго, происходит от него единого и в таковом случае не считая себя иначе как орудием его, следовательно, нечем будет и превозносится добрыми делами, которые ничто иное как явление или произведение тех начал, коими преисполнил Господь наше сердце. В таковом расположении благодать Божия будет нами управлять как ей будет угодно и раскроет нам такие душевные наслаждения, пред которыми плотские удовольствия ничто»[57]. Представляется, что наиболее точно существо взглядов Голицына выразил хорошо знавший его Д. П. Рунич: «Окруженный православными монахами, священниками и епископами и английскими, лютеранскими или протестантскими методистами, проникнутый духом библейских и иных иностранных христианских обществ, министр духовных дел и народного просвещения про-

[55] Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 148–149.

[56] ОР РНБ. Ф. 203. Голицын А. Н. Ед. хр. 13. Л. 1.

[57] Там же. Л. 2 об. – 3.

стодушно считал возможным помирить все эти несогласия и подчинить вместе с тем философию религии»[58].

В практической деятельности Голицын, однако, был по-своему последователен и логичен. Он предпринял меры к усилению власти обер-прокурора, для того чтобы активно влиять на решение дел в Синоде. При Голицыне резко усилилось влияние светской власти на дела церкви, был установлен строгий контроль за деятельностью синодальных чиновников и секретарей провинциальных духовных консисторий, а также новый порядок делопроизводства, проводилась борьба с пьянством среди духовенства. С учреждением в июне 1810 г. Главного управления духовных дел инославных исповеданий (римско-католического, униатского, армянского, евангелически-лютеранского, реформатского, магометанского и иудейского), которое было выделено из состава Министерства юстиции, Голицын стал его начальником, оставшись в должности обер-прокурора Синода. Он являлся членом Государственного совета с 1810 г., а с 1812 г. – еще и сенатором.

В 1812 г. именно Голицын был одним из тех, кто увлек Александра I чтением Нового Завета, а затем Библии, повлияв тем самым на формирование религиозных взглядов императора, проделавшего, подобно Голицыну, сложную духовную эволюцию от деизма к «универсальному христианству». В 1812 г., после ходатайства английского пастора Д. Петерсона об открытии в России Библейского общества, Голицын организовал и возглавил Петербургское Библейское общество, в котором было исключительно сильно влияние протестантов, мистиков западноевропейского толка, сектантов и масонов. При этом он всемерно поощрял перевод и издание книг мистического содержания, порой содержащих откровенно антиправославные взгляды, и широкое их распространение через структуры Библейского общества. Одновременно Голицын запрещал произведения ревнителей православия, опровергавших положения мистиков, и даже принимал против них репрессивные меры. Одно время он находился в тесных взаимоотношениях с Ж. де Местром, который по инициативе Голицына изложил свои взгляды на роль религии и церкви в жизни государства, однако это не помешало Голицыну в 1820–1821 гг. способство-

[58] *Рунич Д. П.* Из записок // Русская старина. 1901. С. 379.

вать изгнанию ордена иезуитов из России, поскольку иезуиты, подобно позднее возникшей православной оппозиции, отвергали идеи «универсального христианства». В 1816 г. Голицын возглавил Министерство народного просвещения с оставлением ему функций обер-прокурора. С 1 января 1818 г. он был назначен министром духовных дел и народного просвещения, а в 1819 г. – главноначальником над почтовым департаментом, что позволяло ему беспрепятственно и оперативно распространять по всей России произведения западноевропейских мистиков и выполнять важную в глазах императора функцию – перлюстрацию частных писем.

Следует подчеркнуть, что Голицын был прежде всего исполнителем воли императора и крупным государственным сановником. Идейными вдохновителями консервативного курса в области образования, цензуры и конфессиональных отношений были другие лица.

Большой вклад в разработку идеологической доктрины «сугубого» министерства внес Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854), чиновник министерства иностранных дел, дипломат, советник Александра I по вопросам внешней и внутренней политики, религиозный философ и публицист. По характеристике В. С. Парсамова, пока А. С. Стурдза «даже в России известен намного меньше, чем Ж. де Местр. Достаточно сказать, что в энциклопедическом словаре «Христианство», где помещена статья философа В. С. Соловьева о де Местре, статьи о Стурдзе нет, хотя по количеству написанных религиозных произведений он вряд ли уступает своему знаменитому современнику. Обширное наследие Стурдзы не только не издано в полном объеме, но даже не установлен корпус написанных им произведений. На страницах отечественной периодики первой половины XIX в. еще остается, по-видимому, немало неучтенных его статей»[59]. В. А. Жуковский называл Стурдзу «нашим Платоном христианским»[60], а современная исследовательница

[59] *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 8.

[60] Неизданные письма В. А. Жуковского // Русский архив. 1900. Кн. 3, № 9. С. 53. В письме к Д. П. Северину 3 декабря 1849 г. из Бадена Жуковский писал: «Уже книга Стурдзы о нашей Церкви прочтена и с великим наслаждением: есть чудные страницы. Что если бы к этому благоуханному

определяет его роль в 1811–1819 гг. как «не просто официального публициста, а личного рупора императора»[61]. Род Стурдза являлся одним из самых влиятельных в Молдавском княжестве. Вскоре после рождения Стурдзы его семья эмигрировала в Россию. Стурдза получил домашнее образование, овладев несколькими языками, изучая богословие, философию и историю. На формирование его мировоззрения оказали влияние сочинения греческих православных богословов Евгения Булгариса и Никифора Феотокиса[62]. Высшее образование он получил, слушая лекции в германских университетах. С помощью связей его сестры Роксандры (через статс-даму графиню Ливен и соседа по имению адмирала П. В. Чичагова)[63] Стурдзе удалось проникнуть в большой свет. Роксандра же к 1811 г. стала не только любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, но и конфиденткой государя[64]. В доме Чичагова Стурдза встречался с его другом и всегдашним антагонистом в спорах Ж. де Местром.

А. С. Стурдза примкнул к сторонникам А. С. Шишкова и являлся членом «Беседы любителей русского слова». По словам А. Н. Шебунина, «многое из идейного обихода этой литературно-политической организации навсегда вошло в его мировоззрение»[65]. «И православие, и народность, и интерес к церковно-

---

букету цветов, собранных на луге молодости, наш Платон христианский присоединил несколько лавровых веток с древа, осеняющего его старость? Вышла бы чудная книга, книга необходимая нашему веку. В наше время более, нежели в какое другое, надобно выставить несказанную святыню нашей Церкви на поклонение христианского мира: из нее должно выйти общее преобразование. И чья рука выше подымет ее знамя и чей голос звучнее прославит ее, как не рука и не голос Стурдзы!»

[61] *Жуковская Т. Н.* А. Н. Шебунин – историк, архивист, публикатор // История глазами историков : межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию д-ра ист. наук проф., зав. кафедрой российской истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. СПб. ; Пушкино, 2002. С. 275.

[62] *Стурдза А. С.* Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков // Москвитянин. 1844. № 2.

[63] ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 1.

[64] См.: *Лямина Е.* Новая Европа : мнения «деятельного очевидца» : А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М. ; Венеция, 1999. С. 137.

[65] ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 3.

славянскому языку, и глубокая антиреволюционность – это что от «Беседы» получил Стурдза»[66]. Подобно Шишкову, Стурдза определял связь языка с морально-политическим развитием народа, подчеркивая в то же время «разрушительные» свойства «чудовищных неологизмов», созданных эпохой Великой французской революции.

В 1809 г. Стурдза заступил на дипломатическую службу в качестве актуариуса Коллегии иностранных дел и был прикомандирован к кабинету канцлера Н. П. Румянцева в качестве секретаря. Вскоре он был назначен чиновником особых поручений, а в 1812 г. в качестве переводчика был «отряжен» к адмиралу Чичагову «для дипломатической переписки»[67]. В 1813 г. Стурдза был пожалован в звание камер-юнкера[68] и вскоре назначен дипломатическим фактотумом русского императора в Швейцарии, а в 1815 г. – статс-секретарем по иностранным делам. Роксандра через Елизавету Алексеевну добилась от Александра I, чтобы тот включил Стурдзу в состав делегации, отправляющейся на Венский конгресс. Благодаря тем чувствам, которые питал к ней И. Каподистрия, Стурдза был назначен к нему секретарем[69].

Стурдза в зрелые годы решительно отрекался от мистицизма и Библейского общества, настаивая на своей приверженности чистому православию и возлагая ответственность за насаждение мистицизма в России на князя А. Н. Голицына[70]. Однако ряд данных свидетельствует о том, что он не избежал достаточно близкого знакомства с мистиками. Сближение Стурдзы с баронессой Крюденер произошло через Роксандру. Но ничего не надо преувеличивать. В литературе имеется «фантастическая история»[71] о якобы имевшем место заговоре мистиков и хилиастов, целью которых было «подчинить русского императора влиянию «верующих», сделать

[66] Там же. Л. 4.

[67] *РГАЛИ*. Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Ведомства Государственной коллегии иностранных дел дейст. ст. сов. Стурдзы, удостоиванного к знаку отличия беспорочной службы. 1830 года. Л.1 об.

[68] См.: Там же. Л.1 об.

[69] См.: *Местр Ж. де*. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 49.

[70] См.: *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 272.

[71] *Надлер В. К.* Указ. соч. Т. 5. С. 327.

его главою «Нового Израиля» и воспользоваться им для конечного осуществления своих фантастических целей»[72], причем Роксандра якобы завербовала своего брата Александра в этот кружок и он сделался «одним из интимнейших друзей Юнга-Штиллинга»[73]. Здесь правдой является только то, что Стурдза через Роксандру был знаком с Юнгом-Штиллингом. Ни в каких «совещаниях магов» он участия не принимал. Вся жизнь Стурдзы и его духовная эволюция свидетельствуют о его приверженности православию. Если у него и было увлечение мистицизмом, то оно было кратковременным и не оказало на его взгляды сколько-нибудь существенного влияния. Справедливо мнение В. С. Парсамова: «Мистицизм молодого Стурдзы был всего лишь данью тогдашней придворной моде и в первую очередь следствием влияния на него сестры Роксандры, допущенной в наиболее интимный круг мистиков, окружавших Александра I в 1810-е гг. »[74].

В 1815 г. Стурдза вместе с И. Каподистрией, в качестве его секретаря, уехал в Париж, а на Венском конгрессе выступил в роли переводчика. Как вспоминал Стурдза, Каподистрия в нем «возбудил интерес к русскому народу». В их беседах с сочувствием отмечались консерватизм, религиозная настроенность и традиционная покорность русских крестьян и в то же время их способность к торговле и промышленности[75]. В сентябре 1815 г. Стурдза редактировал акт Священного союза. Он не мог внести в проект каких-либо новых мыслей, а лишь ограничился «поправкою некоторых выражений и редактированием проекта»[76]. Но с целью пропаганды идей Священного союза он написал на французском языке «Размышления об учении и духе православной церкви». Этот труд Стурдзы «государь принял <…> благосклонно»[77]. Трактат Стурдзы стал первым «за продолжительное время современной апологией православия, написан-

[72] Там же. С. 325.

[73] Там же. С.326.

[74] *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 11–12.

[75] *Стурдза А. С.* Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии правителя Греции. М., 1864. С. 15–18.

[76] *Надлер В. К.* Указ. соч. Т. 5. С. 623.

[77] *Анфим, иеромонах.* Александр Стурдза // Странник. 1864. Апрель. СПб., 1864. С. 14.

ной светским лицом»[78]. В своей книге Стурдза попытался сжато изложить основы православия. Он полагал, что православие может сочетаться с идеей Священного союза, из-за необходимости объединить силы всех христиан для борьбы с «неверием рационализма». Стурдза возлагал надежды на то, что Священный союз приведет к духовному возрождению Европы. Он стремился к тому, чтобы идеология Священного союза учитывала национальные русские особенности, в частности специфику православной религии.

А. С. Стурдза доказывал, что европейские монархи с конца Средневековья явно покровительствовали рационализму с тем, чтобы ослабить католическую церковь, что привело к возникновению Просвещения, к ужасам французской революции и наполеоновских войн. Победа над Наполеоном была милостью Божией, но дух революции живет в сердцах европейцев, отравленных поколениями безбожного образования. Спасение от «духа зла» Стурдза усматривал только в православии, противопоставляя его католицизму и протестантизму. Большая часть книги Стурдзы была посвящена «обоснованию того тезиса, что именно православие осталось верным основам христианства, заложенным в первые века его существования, между тем как на Западе исказился дух христианского учения»[79]. Заявляя, что «независимость народов, свобода духа, успехи просвещения совместимы с истинной религией», т. е. с православием, Стурдза советует заняться пропагандой православия в разъедаемой религиозными распрями Германии»[80]. Европе необходимо полное духовно-политическое обновление, которое и призван осуществить «Священный союз»[81].

«Платоном христианским» В. А. Жуковский назвал Стурдзу именно после прочтения этой книги. Сам Стурдза в своих позднейших воспоминаниях о Н. М. Карамзине утверждал,

---

[78] *Майофис М.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 525.

[79] *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 104. Анализ книги Стурдзы см.: Там же. С. 101–113.

[80] ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 12.

[81] *Мартин А.* А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815-1823) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 146.

что его книга «заслужила внимание и одобрение Николая Михайловича, хотя многое выходило в ней из круга тогдашних мыслей и убеждений его»[82]. В Петербурге Д. Н. Блудов перевел из нее отрывки, помещенные в «Журнале Императорского человеколюбивого общества». За границею трактат был переведен на немецкий, английский и греческий языки, удостоился благословения патриарха Кирилла Константинопольского и Поликарпа Иерусалимского как «труд весьма полезный для христиан» православных, а у католиков его книга подверглась «толстому опровержению»[83] из-за ее антииезуитской направленности[84].

В 1819 г. Стурдза осуществил попытку издать свой трактат «Размышления об учении и духе православной церкви» на русском языке. Перевод книги, выверенный Стурдзой, сделал надворный советник Гевлич. Рукопись была представлена в духовную цензуру. Она попала к архимандриту Иннокентию (Смирнову), цензору чрезвычайно строгому, и была возвращена автору, поскольку «некоторые места в оной найдены несогласными с точным положением нашей церкви, другие по другим причинам неудобными к изданию в свет без всякой перемены»[85]. Таким образом, публикация перевода была первоначально остановлена одним из видных ревнителей православия, каковым был Иннокентий, который, вероятно, в тот момент воспринимал Стурдзу не как союзника, а как человека, причастного к кругу мистика А. Н. Голицына. Чтобы обойти препятствие, Гевлич, вероятно по согласованию со Стурдзой, выступил перед А. Н. Голицыным с просьбой «исходатайствовать ему Высочайшее соизволение на посвящение сего труда его Августейшему имени Государя Императора»[86].

Стурдза просил Голицына, чтобы духовная цензура представила «краткие свои замечания с показанием глав и мест

---

[82] *Стурдза А. С.* Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине. С. 149.

[83] [Неводчиков Н., свящ.] Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским. Одесса, 1868. С. 8.

[84] Стурдза А. С. О судьбе православной церкви русской… С. 273.

[85] ИРЛИ РАН РО. Ф. № 288. Оп.1. Ед. хр. 172. Архив Стурдзы А. С. Л. 1 –1 об.

[86] Там же. Л.1.

исправлению подлежащих <…> и таким образом труд сей достиг бы вскоре желаемой сообразности и в самых подробностях с точным положением нашей церкви»[87]. Он искренне надеялся на то, что духовная цензура точно укажет на отступления от православной традиции, а также неточности и ошибки, которые содержались в первом варианте трактата: «Жезл и палица духовная всегда вожделенны для христианина, чувствующего скудость свою и опасность ослепиться ненадежным светом разума или попасть в сети духа лести, обладающего во зле лежащим миром»[88].

А. Н. Голицын предложил Стурдзе указать в цензурном комитете лицо для исправления тех страниц, «кои по мнению ее неудобны к напечатанию в настоящем их виде»[89]. Стурдза назвал митрополита Михаила (Десницкого), который вновь направил ее в цензурный комитет[90]. По требованию Голицына ректор Петербургской духовной академии архимандрит Григорий (Постников) в июне 1821 г. уведомил министра духовных дел и народного просвещения, что на введение и первую часть сочинения Стурдзы цензурный комитет не сделал никаких примечаний. «Часть сия, по мнению его, вообще хороша, кроме тех мест, которые исправлены в самой книге. Переводчику должно исправить только части последующие»[91]. Таким образом, цензурные препятствия были преодолены. Одновременно с русским переводом действительный статский советник Персиани готовил перевод книги на греческий язык, причем переводчик терпеливо ждал «исправления российского текста, дабы завершить собственный свой труд по указаниям власти духовной». Однако книга так и не вышла на русском языке. Возможно, что правительство посчитало выход книги, содержавшей апологию «греко-православной веры», неуместным в связи с начинающимся греческим восстанием, не поддержанным Александром I.

Взгляды Стурдзы в основном сложились к 1816 г. Он был противником идеологии Просвещения, будучи убежден в том,

[87] Там же. Л.1об.–2.
[88] Там же. Л. 2–2об.
[89] Там же. Л. 1 об.
[90] См.: Там же. Л. 7.
[91] Там же. Л. 10–10 об.

что как «просвещенный абсолютизм», так и либерализм одинаково опасны для традиционно-монархического миропорядка, одинаково посягают на исторически сформировавшийся, Богом сотворенный миропорядок. Стурдза, как и все консерваторы, усматривал в религии и национальном характере главные опоры общества. Религия являлась для него главным источником нравственности и существенным аспектом национальной культуры. При этом Стурдза занимал жестко православную позицию. Понимая неизбежность перемен, Стурдза, тем не менее, был категорическим противником революционных ломок. Общественным идеалом для него выступала самодержавная монархия, освященная церковью, со строгой сословной иерархией, цензурой, охраняющей начала религии и нравственности.

А. С. Стурдза активно занимался и литературной деятельностью, в частности, в «Журнале Императорского человеколюбивого общества» им были опубликованы «Рассуждение о благотворительности частной и общественной» и «О любви к отечеству», которые «приобрели автору одобрение благомыслящих людей»[92]. Биограф приводит следующие слова Стурдзы: «Всего дороже было для меня суждение Карамзина. Я передал ему статьи мои, чрез посредство общего приятеля, и получил из уст его отзыв знаменитого историка самый одобрительный и для новичка лестный»[93].

После завершения Венского конгресса и подписания акта Священного союза Стурдза возвратился в Россию, где в начале января 1816 г. продолжил свою деятельность в Министерстве народного просвещения. Кроме того, с 1816 по 1822 год Стурдза ведал всею перепискою по «делам бессарабским, вверенным <…> графу Каподистрии, в то же время в продолжении 1819 и 1820 годов исполнял данные ему по Высочайшему повелению особенные поручения по части дипломатической, правительственной и учебной»[94].

Послужной список Стурдзы начиная с 1816 г. был богат событиями: он находился в должности члена совета Император-

[92] *Диктиадис.* Краткое сведение о Стурдзе // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1864. Кн. 2. С. 196.

[93] Там же.

[94] РГАЛИ. Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Стурдзы. Л. 2.

ского человеколюбивого общества, в 1818 г. участвовал в совещаниях и деятельности Главного правления училищ, в частности, составил подробную инструкцию, «долженствовавшую обнять всю систему преподавания наук, начертав для того ясные и постоянные правила»; лично «пересмотрел немалое число учебных книг», составил первый проект устава Нежинской гимназии, редактировал устав Московского университетского Благородного пансиона. Кроме того, он разработал проект цензурного устава, «внушающий много указаний и правил новых, признанных полезными», и план «Классического сочинения для преподавания естественного права со всеми потребностями». Его перу принадлежали «опыт учебного Предначертания для преподавания Российскому юношеству греческого языка, и ручная книга христианина, одобренная Святейшим Синодом»[95].

В эти годы большое влияние на активизацию деятельности консерваторов в области образования и цензуры оказали события в Германии: студенческие волнения в германских университетах и смерть писателя А. Коцебу, считавшегося агентом русского правительства и убитого студентом К. Зандом. На совещании министров германских государств в Карлсбаде был принят целый ряд мер против университетских прав и свобод: ограничена автономия университетов, запрещены любые тайные общества в них, резко усилен надзор уполномоченных правительством чиновников над профессурой и студенчеством. Если по донесению этих чиновников, профессор обвинялся в неблагонадежности, то он подлежал немедленному увольнению, причем никакое германское государство не должно было предоставлять ему кафедры; исключенных студентов запрещалось принимать в другие университеты и т. д. Одновременно с этим вводилась цензура для всех периодических изданий. Решения карлсбадской конференции были заявлены франкфуртскому сейму и обнародованы от лица представителей германских государств. Инициатором всех мероприятий был К. Меттерних[96]. Консервативный поворот в Германии сказался и на политике в области просвещения и цензуры в России.

---

[95] Там же. Л. 2.

[96] См.: *Феоктистов Е. М.* Магницкий : материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 6. С. 467и ; *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 179.

В 1818 г. Стурдза, считавшийся знатоком германского вопроса, принял участие в Карлсбадской конференции, на которой обсуждался университетский вопрос, вызванный студенческими беспорядками в университетах Пруссии, а затем, в качестве эксперта по германскому вопросу – на Аахенском конгрессе Священного союза. Александр I поручений Стурдзе составить особую записку, в которой давалась бы оценка событиям сложившейся предреволюционной ситуации в Германии для участников конгресса. Негласным консультантом Стурдзы во время его работы над запиской был Ф. фон Баадер[97].

Записка Аахенскому конгрессу первоначально была напечатана только для членов конгресса в количестве 50 экземпляров, ее должны были раздать в обстановке строгой секретности, но против воли конгресса и самого Стурдзы она в конце 1818 г. попала в «Times», а оттуда была перепечатана немецкими газетами. Стурдза утверждал в ней, что политическая ситуация в Германии была порождена немецкими традициями высшей школы. Он подвергал критике их автономию, универсализм знаний, рационализм. Для него университеты были рассадниками революционного духа и атеизма.

Большинство положений записки Стурдзы были одобрены кабинетами Австрии и Пруссии. Иначе отнеслись к ней радикалы и либералы. Они не могли примириться с тем, что «иностранец вмешивается во внутреннее устройство Германии и является истолкователем ее нужд перед лицом европейского конгресса»[98]. В итоге инициатива Стурдзы невольно спровоцировала террористические акты против правительственных чиновников со стороны немецких студентов. Наиболее громким делом такого рода было убийство в марте 1819 г. студентом Зандом писателя А. Коцебу, которого либеральное общественное мнение подозревало в шпионаже в пользу России и который публично защищал идеи записки Стурдзы. Сам Стурдза был вызван в апреле 1819 г. на дуэль двумя немецкими студентами, но отказался от участия в ней. Перенеся серьезную операцию на глазах, в апреле 1819 г. он покинул Германию и возвратился в Россию, уединился в семейном имении Устье.

---

[97] См.: *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 163.

[98] Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 183–184.

Миссия Стурдзы на Аахенском конгрессе, тем не менее, была высоко оценена Александром I: он был награжден орденом св. Владимира. В октябре 1819 г. , на фоне поднявшейся революционной волны в Западной Европе, к Стурдзе был прислан адъютант с императорским повелением – написать политический обзор 1819 г. Окончив этот труд, Стурдза занялся делами, касавшимися Бессарабии. Живя там же и в следующем, 1820 г., во время конгресса в Троппау, он от имени императорского кабинета письменно изложил замечания о восстании в Испании и Неаполе и о внутренних делах Вены, за что произведен был в действительные статские советники. Министры приглашали его лично в Троппау – на конгресс государей, но из-за болезни он не мог туда явиться. Не меньшее участие в государственных делах принимал Стурдза и во время конгресса в Лайбахе. К этому времени относится проект об учреждении в Москве центрального духовного попечительства с обязанностью заботиться об обращении в православие находящихся в России подданных неправославного исповедания, представленный им императору[99].

По приглашению министра духовных дел и народного просвещения, князя А. Н. Голицына, Стурдза с февраля 1818 г. принял участие в совещаниях и деятельности Главного правления училищ. Он был также избран членом Ученого комитета, и в этом звании занимался составлением инструкций, проектов в области народного просвещения, а также пересмотром учебных книг[100]. Таким образом, Стурдза стал ключевой фигурой в Главном правлении училищ при министерстве духовных дел и народного просвещения, активно выступая в пользу распространения религиозного образования. «Наставление для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ», составленное Стурдзой 5 августа 1818 г., стало документом, который идеологически направлял всю работу Министерства духовных дел и народного просвещения. Главное правление училищ решило «утвердить инструкцию во всей ее силе, и правила, в ней заключающиеся, предоставить к точному исполнению»[101].

---

[99] *Анфим, иеромонах.* Указ. соч. С. 19–20.
[100] *Диктиадис.* Указ. соч. С. 196.
[101] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 194.

Следует отметить, что наставление было одобрено Филаретом (Дроздовым), о чем впоследствии вспоминал Стурдза: «когда Князь Голицын возложил на меня составить руководство Ученому комитету для рассмотрения и введения учебных книг по всем отраслям науки, – я, написав свой проект, тотчас отправился в лавру, явился в келью Филарета и вместе с ним читал мое предначертание. Он показался мне чрезвычайно довольным: взор его прояснился; но все-таки оставалось нечто загадочное во всем его существе»[102]. Знакомство Стурдзы с Филаретом произошло в 1816 г., с тех пор они заседали вместе в Императорском человеколюбивом обществе и Главном правлении училищ. Особенно сблизил их разбор рукописи книги Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви»[103]. Одобрение Филарета не могло быть случайностью. Раздел книги «О духовных книгах» свидетельствует о том, что Стурдза предлагал положить в основу религиозного образования исключительно православное учение[104].

Еще одной важной фигурой консервативного лагеря стал в этот период М. Л. Магницкий, который сблизился с князем А. Н. Голицыным и по его протекции в январе 1819 г. был назначен членом Главного правления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения[105]. Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844) был правнуком создателя учебника арифметики Л. Ф. Магницкого. Окончив в 1795 г. с отличием Благородный пансион при Московском университете, Магницкий поступил на действительную военную службу, служил капитаном. В 1798 г. он вышел в отставку и перешел в Коллегию иностранных дел, в течение двух лет служил секретарем посольства в Вене[106]. В 1801–1803 гг. Магницкий состоял

[102] [*Неводчиков Н., свящ.*] Указ. соч. С. 4.

[103] Там же. С. 4.

[104] *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 186.

[105] См.: *Акульшин П. В.* Политические искания М. Л. Магницкого : от правительственного реформизма к охранительному консерватизму // Россия в Новое время : образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – начала XX века. М., 1998 ; *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4; *Ее же.* Казанский университет Александровской эпохи : альбом из нескольких портретов. Казань, 2003.

[106] ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 879. Л. 119.

при российском после в Париже. По возвращении в Россию он был назначен в 1803 г. начальником отделения в Экспедицию государственного благоустройства Министерства внутренних дел. В это время Магницкий сблизился с М. М. Сперанским и стал его ближайшим сподвижником. С 1804 г. он стал редактором официального журнала Министерства внутренних дел «Санкт-Петербургский журнал», контроль за которым был поручен Сперанскому. В этом периодическом издании помещались важнейшие правительственные акты и статьи научного содержания, оригинальные и переводные[107].

В 1804 и 1805 гг. Магницкий выполнял ряд ответственных поручений Александра I в Пскове и Вильне, по итогам которых был смещен за «лихоимство» псковский губернатор, а в Виленском учебном округе открыт заговор, «в пользу французов сделанный»[108]. С 1810 г. Магницкий занял пост статс-секретаря Департамента законов Государственного совета, тогда же он вступил в масонскую ложу «Полярная звезда». В марте 1811 г. Магницкий был назначен директором Комиссии составления военных уставов и уложений, активно участвовал в подготовке и проведении военной реформы 1810–1812 гг., в том числе в составлении «Учреждения для управления большой действующей армии» и других актов, регламентировавших деятельность военного ведомства. В марте 1812 г. Магницкий арестован по делу Сперанского и выслан в Вологду. По окончании Отечественной войны и зарубежных походов русской армии император вспомнил об опальных друзьях. 30 августа 1816 г. по высочайшему указу Сперанский был назначен пензенским гражданским губернатором, а Магницкий – воронежским вице-губернатором[109].

На этом посту Магницкий вскрыл значительные злоупотребления местных властей[110]. В июне 1817 г. он был назначен

---

[107] См.: *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 272–273.

[108] ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 879. Л. 120. См. подробно: РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 32. Краткое изложение обстоятельств поездки Магницкого см.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 413–420.

[109] *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. 54.

[110] См.: *Минаков А. Ю.* Вице-губернатор Магницкий Михаил Леонтьевич 1816–1817 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : историко-биографические очерки. Воронеж, 2000. С. 147–150.

симбирским гражданским губернатором[111]. В его мировоззрении начинают происходить радикальные перемены. Магницкий, в духе того времени, увлекся западноевропейскими мистическими учениями. В письме к М. М. Сперанскому от 12 сентября 1817 г. он писал: «Молитесь за нас, как мы за вас уже несколько лет молимся. Особливо за обедней в страшные минуты совершения таинства, вспоминайте о друзьях ваших. Не забудьте прислать мне продолжение переписки вашей о молчании. Вообразите, что Хвостова (А. П. Хвостова (1768–1853), писательница, поклонница западноевропейской мистики – *А. М.*) с вами встретилась, в полученной здесь книжке «Сионского вестника» помещено ее сочинение, отменно близкое к вашим мыслям»[112]. Далее он просит совета у Сперанского, как у деятеля, более опытного в духовной сфере: «Скажите, как мне приняться за открытие здесь Библейского общества»[113]. В дальнейшем, открыв местное отделение Библейского общества и став его вице-президентом, Магницкий «стал жечь на площади сочинения Вольтера и других подобных писателей»[114]. Такого рода «усердие не по разуму» сам он мотивировал следующим образом: «Я думаю, что христианин не может иначе действовать, как истребляя зло и неправду, сколько можно человеколюбивее и хладнокровнее. Иначе каким образом созидать Царствие Божие, не разрушая и даже дозволяя распространяться царствию его противника?»[115].

Вскоре Магницкий сблизился с князем А. Н. Голицыным и по его протекции был назначен членом Главного правления училищ 25 января 1819 г.[116] Ему было поручено обревизовать Казанский университет, о котором ранее неоднократно поступали «весьма неблагоприятные известия». В предписании Голицына Магницкому от 10 февраля 1819 г. было приказано представить мнение «обо всем, из коего должно открыться, может ли Казанский университет с пользою существовать и

[111] РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 11.

[112] ОР РНБ Ф. 731. Сперанский М. М. Магницкий (М. Л.); попечитель Казанского учебного округа. Письма (2) М. М. Сперанскому 12 сентября – 28 ноября 1817 г. Симбирск, Л. 1–1об.

[113] Там же. Л. 1 об.

[114] *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 219.

[115] ОР РНБ Ф. 731. Сперанский М.М. Магницкий (М. Л.) Л. 3.

[116] РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 11.

впредь»[117]. Магницкому также были предоставлены права попечителя учебного округа; университетский совет обязан был удовлетворять безотлагательно всем его требованиям, а «сношениям университета с министром предназначено было происходить не иначе, как чрез его посредство»[118]. Магницкий, находившийся тогда в Симбирске, немедленно отправился в Казань и уже 9 апреля 1819 г., по возвращении в Петербург, представил подробное донесение о состоянии осмотренного им университета[119].

Ревизия Казанского университета, осуществленная Магницким, обычно интерпретировалась в отечественной историографии как «погром», как одна из самых реакционных и зловещих мер александровской политики того времени. Миф о погроме явился одним из важнейших элементов, на которых держалась историографическая конструкция «реакционного поворота 1820-х годов», в которой казанская ревизия приобрела характер важнейшего, знакового события, ключевого для внутренней политики этого периода, став своего рода символом мракобесия, обскурантизма и крайней реакции. Историки и публицисты обвиняли Магницкого в невежестве, незнании особенностей университетской жизни, предвзятости, карьеризме, интриганстве. Утверждалось, что сроки, в которые была проведена ревизия, были чрезмерно краткими для того, чтобы выявить объективную картину состояния Казанского университета. Подразумевалось, что ревизия была вызвана политическими, а не академическими мотивами, и уж тем более – не какими-либо вопиющими злоупотреблениями, поскольку университет был заведомо вне подозрений в силу того, что являлся «заповедником» свободы и прогресса. Общим местом стало утверждение об изгнании Магницким из университета лучших профессоров с последующей их заменой на благонадежных гимназических учителей – априори недостойных, интриганов и льстецов, пресмыкающихся перед новым попечителем. Утверждения эти, сформулированные в 60-е гг. XIX в. преимущественно противниками Магницкого и либеральными мемуаристами, публицистами и историками, повторяются из ис-

[117] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 484.
[118] Там же. С. 481–482.
[119] Там же. С. 482.

следования в исследование, создавая иллюзию исчерпанности темы. Однако обращение к самим материалам ревизии позволяет существенно уточнить картину произошедшего[120].

Так, в отчете о ревизии реакционные политические мотивы, которыми, как часто утверждают, Магницкий руководствовался в огромной степени, почти не прослеживаются. В этом документе совершенно очевидно на 9/10 преобладают мотивы академического свойства, стремление проверить финансовое состояние университета, его административно-хозяйственную часть и пр. Текст доклада, равно как и подробности биографии Магницкого, позволяют утверждать, что он был чиновником, достаточно сведущим и компетентным в вопросах университетской жизни. Оснований говорить о поверхностности и поспешности ревизии из-за отсутствия у Магницкого времени нет. Изучение дел на месте длилось почти две недели, а отчет составил четыре тома (5 тыс. листов)[121].

Итоговый текст отчета о ревизии рисует несомненные вопиющие недостатки, злоупотребления и должностные преступления в деятельности Казанского университета. Речь в нем шла о растрате очень значительных сумм из университетского бюджета, огромных по тем временам расходов на обучение с минимальной отдачей, липовой отчетности, фальсификациях экзаменов, сомнительном уровне квалификации значительной части преподавателей и профессуры и их не менее сомнительном моральном уровне[122], разваливающихся учебных корпусах, злоупотреблениях в использовании имеющихся площадей, когда студенты вынуждены были ютиться в грязных помещениях, в антисанитарных условиях, при неисправных противопожарных средствах; закупке дров, свечей и провианта по завышенным ценам у «своих» подрядчиков.

При этом характеристики, данные Магницким профессорско-преподавательскому составу университета, были зачастую точны и объективны. Отметим, что он выделил, как выдающихся ученых, математика Н. И. Лобачевского («есть человек

[120] РГИА. Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Л. 14–53.

[121] См.: *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года. С. 24.

[122] Описания Магницким нравственного разложения студентов и профессуры см.: *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 19–22.

отлично знающий»[123]) и астронома И. М. Симонова («подающий самую большую надежду на будущее время»[124]), участника полярной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

М. Л. Магницкий поддерживал этих двух выдающихся ученых и в дальнейшем. Ф. А. Петров пишет, что «именно при Магницком начинается административная карьера Н. И. Лобачевского, который с 1820 по 1825 г. практически ежегодно избирался деканом физико-математического отделения», что было бы невозможно, если бы этого не было санкционировано Магницким. Он же «способствовал включению Симонова в состав кругосветной научной экспедиции, прославившей имя Симонова, после возвращения из которой он стал в 1822 г., одновременно с Лобачевским, ординарным профессором, а в 1822/23 учебном году избирался деканом физико-математического факультета». Кроме того, А. Ф. Петров отмечает, что в штате физико-химического факультета «оставались и другие опытные педагоги, в частности, профессор прикладной математики Г. Б. Никольский, избранный в 1820 г. ректором Казанского университета, а после своего ухода с поста в 1823 г. занявший должность директора (1823 –1824 и 1826 гг.)»[125].

Особое внимание обратим на то, как следует понимать ставшую «хрестоматийной» фразу Магницкого о том, что университет «по непреложной справедливости и по всей строгости прав, подлежит уничтожению <…> в виде публичного его разрушения»[126]. Из текста ясно, что речь идет о системе мер, целесообразность которых можно оспаривать, но которые сами по себе не были реакционными и обскурантскими: укрепление уже существовавшей гимназии, с отделением при ней, в котором готовились бы учителя для обширного региона, создание пансиона для «благородного юношества», создание татарского училища, основание медико-хирургического института с анатомическим театром, больницами и ветеринарным отделением и т. д.

Если говорить о ревизии как об акте политической реакции, то в ее материалах есть лишь отдельные акценты, кото-

[123] [*Магницкий М. Л.*] Отчет по обозрении Казанского университете // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 137.

[124] Там же. С. 136.

[125] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 104–105.

[126] [*Магницкий М. Л.*] Отчет по обозрении Казанского университета. С. 152.

рые можно интерпретировать как консервативные. Такого рода мотивы прослеживаются тогда, когда Магницкий отмечает отсутствие в учебных программах Закона Божьего (что противоречило общему курсу Министерства духовных дел и народного просвещения), невежество студентов в знании этой дисциплины, дух деизма, свойственный студенческой массе, выдвигает претензии к преподаванию философии (при этом его обвинения сводились к тому, что профессор философии «руководствуется духом не весьма полезным и по счастию преподает лекции свои так дурно, что их никто не понимает»[127]). Кроме того, в отчете имеется несколько выпадов против преподавания философии (просветительской, рационалистической, материалистической): «Без всякого сомнения, все правительства обратят особенное внимание на общую систему их учебного просвещения, которое, сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом»[128].

Особенно возмущало Магницкого то, что кафедра богословия пребывала вакантною и студенты оказывались крайне слабыми в Законе Божьем: «Признаюсь вашему сиятельству, – писал он в докладе своем министру, – что, невзирая на вопль ученых и полуученых целой Европы против намерений основать зыблющийся храм наук на едином твердом краеугольном камени, я не постыдился спросить у студентов, наученных профессором философии управляться *нравственным законом*, слыхали ли что-либо о Законе Божьем, письменном и откровенном, и к величайшему удивлению нашел, что многие из них не знают числа заповедей; другие отвечали мне, что Бог написал их на двух, а не на трех скрижалях, потому что так Ему было угодно; и несмотря на то, что в расписании занимаются они якобы разбором Одиссеи, ни один из тех, коих вопрошал я, не знает, что значит слово *евангелие*. Между тем как сочинения Вольтера выбросил я из библиотеки, отобранной для чтения студентов их инспектором»[129].

Традиционно текст доклада о ревизии препарировался либеральными историками крайне тенденциозно: «Ничто не мо-

[127] Там же. С. 135.

[128] Там же. С. 152

[129] *Скабический А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 135.

жет быть мрачнее картины, нарисованной Магницким!»[130]. Е. М. Феоктистов приписывал мысль об упразднении университета одному Магницкому. Между тем идею «уничтожения» университета изначально высказывал А. Н. Голицын[131]. Исходя из информации и предложений Магницкого, Голицын докладывал императору: «Осмеливаюсь испросить вашего разрешения, изволите ли по всем изъясненным здесь обстоятельствам находить нужным, чтобы университет существовал и был исправлен или уничтожен совсем, как заведение, стоящее только большого иждивения и не приносящее никакой пользы, которое со всем тем следует преобразовать во всех отношениях. Разрешение таковое вашего величества нужно необходимо доныне, дабы в том и другом случае можно было принять надлежащие меры при исправлениях, какие после упомянутого обозрения следует сделать. В случае уничтожения оного можно возвысить и улучшить состояние Казанской гимназии, присовокупя к оной медико-хирургическое училище и класс татарского языка»[132].

8 июня Магницкий был назначен, по представлению Голицына, попечителем Казанского учебного округа, а 14 июня 1819 г. получили высочайшее утверждение основания реформы университета. Решено было ввести преподавание богопознания и христианского учения, уволить «ненадежных» профессоров, учредить должность директора для экономической, полицейской и нравственной части, преобразовать гимназию и Главное народное училище. Исполнение реформы возлагалось на попечителя[133].

Масштабы и идейная направленность чистки «лучших профессоров» в литературе были явно преувеличены. Увольнения происходили прежде всего по причине преклонного возраста, низкой квалификации, пристрастия к алкоголю и т.д. По идейным мотивам был уволен лишь один профессор – И. Е. Срезневский, преподававший философию[134]. В отчете университе-

---

[130] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 482.

[131] Показания Магницкого // Девятнадцатый век : Исторический сб. М., 1872. Кн. 1. С. 237.

[132] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 497.

[133] См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 119.

[134] См.: *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года. С. 29.

та за 1819–1820 гг. вполне точно утверждалось: «Милосердие покрыло всех виновных: не только ни один из них не подвергся заслуженному взысканию, но, в числе удаленных из университета, люди престарелые получили пенсионы и путевые на проезд в чужие краи издержки, а прочим открыты способы вступить в другой род службы»[135]. Всего Магницкий действительно уволил 11 профессоров из 25, придал религиозную направленность преподаванию всех дисциплин, изменил учебные планы, ввел по образцу уставов католических учебных заведений строгий режим. Ф. А. Петров в примечаниях к своему объемному исследованию признает, что Магницкий проводил достаточно продуманную кадровую политику и что было «несправедливо однозначно негативно оценивать наблюдения Магницкого о ходе преподавания в казанском университете»[136].

При осмотре Казанского университета Магницкий был поражен тем, что обнаружил в числе его почетных членов аббата Б. -А. Грегуара, одного из радикальных членов Парижского Конвента, подписавшего смертный приговор Людовику XVI. В самой Франции Грегуар числился среди цареубийц, которые не допускались в царствование Бурбонов ни к каким должностям. Магницкий вспоминал по этому поводу: «В бумагах университета я нашел письмо Грегуара, в котором он благодарит университет за избрание и посылает для его библиотеки все свои сочинения, а в них на первой странице красуется его знаменитая речь о свойствах царей. Цари, говорит Грегуар, в человечестве то же, что чудовища в физическом мире»[137]. В итоге Грегуар был лишен звания почетного члена Казанского университета[138].

Звания почетных членов при Магницком были удостоены директор департамента народного просвещения мистик В. М. Попов, член Главного правления училищ Д. П. Рунич, попечитель Харьковского учебного округа Е. В. Карнеев, ди-

[135] *Попов Н. А.* Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. № 17. Т. 23. С. 85.

[136] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 200–201.

[137] *Морозов П. Т.* Мое знакомство с Магницким. М., 1877. С. 17.

[138] РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 356. О почетном члене Казанского университета Грегуаре. 1821.

ректор Петербургского университета Д. А. Кавелин, директор Казанского университета А. П. Владимирский[139].

В организационном плане в Казанском университете произошли существенные изменения. Во главе хозяйственного и полицейского управления был поставлен директор, статус которого был выше ректорского; ему поручался надзор за «нравственным образованием» студентов. Директору были предоставлены обширные права; он вполне заменял собою попечителя, который оставался в Петербурге, но «деятельно сносился с своим посредником»[140].

Таким образом, в университете была ликвидирована автономия. Принято считать, что «отношения Магницкого к профессорам отличались полным произволом: почти все они были обязаны ему своим назначением, и от него зависело вполне лишить их места под предлогом вредного направления, несогласного с истинным благочестием. Всякий, кто дозволил бы себе действовать сколько-нибудь самостоятельно, подвергался всевозможным мелочным преследованиям, которые делали его положение невыносимым. О правах совета не могло быть при этом и речи: все делалось волею Магницкого, и огромное большинство преподавателей заботилось лишь о том, чтобы предугадать его волю. Интриги, происки, доносы в среде этих лиц достигали невероятных размеров. Магницкий присвоил себе право назначать профессоров по собственному усмотрению, лишь для формы давая об этом знать совету; многие из них не имели никаких ученых степеней и обязаны были получением мест покровительству сильных лиц, которым Магницкий старался угождать; другие были иностранцы, с недавних пор поселившиеся в России»[141].

Однако для того, чтобы оценить степень объективности подобных оценок, следует учитывать, что за время своего попечительства Магницкий лишь дважды бывал в Казани. Он руководил округом из Петербурга, поддерживая переписку с ректором и директором университета, а также с некоторыми профессорами. Степень его личного участия в происходивших событиях не следует преувеличивать.

---

[139] См.: *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 222.

[140] *Попов Н. А.* Указ. соч. С. 83–84.

[141] *Скабический А. М.* Указ. соч. С. 140.

Принципы, на которых должна была осуществиться радикальная реформа, изложены Магницким в инструкции директору Казанского университета от 17 января 1820 г. Она определяла дух и направление, которому обязаны были следовать в преподавании различных дисциплин ученые университета. Опубликованная в «Журнале Департамента народного просвещения», инструкция подробно излагала идеи наставления Ученому комитету, составленного Стурдзой, и вместе с ним представляла программу деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения[142].

Согласно Магницкому, в основе преподавания всех наук «должен быть один дух Святого Евангелия»[143]. В Казанском университете было создано богословское отделение, профессор которого обязан был преподавать библейскую и церковную историю. В преподавании философии основополагающим становился следующий принцип: «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо <...> только те теории философские основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением Евангельским: ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения»[144]. Основанием философии должны служить послания апостола Павла к колоссянам и к Тимофею, в которых призывалось уклоняться от «басен», «скверных суесловий», «словопрений лжеименного разума» и «учений бесовских». Начала политических наук преподаватели должны извлекать из Моисея, Давида, Соломона, отчасти из Платона и Аристотеля, «с отвращением указывая на правила Махиавеля и Гоба (Макиавелли и Гоббса. – *А. М.*)», в силу безнравственности последних. Преподавание политического права должно было показать, что «правление Монархическое есть древнейшее и установлено самим Богом, что священная власть Монархов в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны, нисходит от Бога, и зако-

[142] См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 119.

[143] [*Магницкий М. Л.*] Инструкция директору Казанского университета 17 января 1820 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1 : Царствование Александра I. 1802–1825. Изд. 2-е. СПб., 1875. Стлб. 1325.

[144] Там же. Стлб. 1382.

нодательство, в сем порядке установляемое, есть выражение воли Вышнего» [145].

Профессора физики, естественной истории и астрономии, согласно инструкции, обязаны были «указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес», а также показать, что «обширное царство природы, как ни представляется оно, премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены», указать «на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленнейшей древности» [146].

Студенты медицинского факультета должны быть предостережены своими профессорами от ослепления, «которому многие из знатнейших Медиков подверглись, от удивления превосходству органов и законов животного тела нашего, впадая в гибельный материализм». Им должно быть внушено, что «Святое Писание нераздельно полагает искусство врачевания, без духа Христианской любви и милосердия, есть ремесло, само по себе, особливо, когда отправляется для одной корысти <...> низкое» [147].

В лекциях по словесности на первом плане должна быть Библия, разбор «красот языка славянского», а также «образцовых творений» Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера с тем, чтобы отвергать всё, что «введено в язык произволом и смелостью», как «неклассическое и недостойное подражания». В курсе древних языков необходимо знакомить слушателей преимущественно с творениями отцов церкви: святых Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия и Афанасия Великих[148]. При изложении арабской и персидской литературы преподаватель не должен «вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к их религии, к преданиям Магомета и первых учеников его», а «ограничиться преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении,

[145] Там же. Стлб. 1330.
[146] Там же. Стлб. 1331.
[147] Там же.
[148] См.: Там же.Стлб. 1333.

в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны»[149].

В курсе истории профессор обязан прежде всего проследить роль христианства и христианской церкви, показать, что «Отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха». Кроме того, он должен «распространиться о славе, которою Отечество наше обязано Августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования»[150].

Как писал В. В. Григорьев, «университет в самом скором времени принял вид средневекового католического монастыря»[151], а инструкции Магницкого «имели целью обратить Казанский университет в иезуитский коллегиум, что и было достигнуто на некоторое время»[152]. В преподавании наук должен был преобладать дух пиетизма, требующий, чтобы «все науки с механическим однообразием проводили одну и ту же мысль, укрепляли в благочестии и возводили умы учащихся от земли небу»[153]. Преподаватели всех факультетов и кафедр должны давать на рассмотрение попечителю подробные планы своих лекций[154].

Профессор Г. Н. Городчанинов, преподававший российскую поэзию и историю российской словесности, в книге «Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности» призывал студентов чаще читать «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова. «Превосходная классическая книга! – писал Городчанинов – Особливо советую гг. студентам трудиться в преложении некоторых псалмов, как то делали знаменитые наши стихотворцы: Ломоносов, Сумароков, Державин, Дмитриев, Николев и пр.[155]». По воспоминаниям И. И. Лажечникова, тот же Городчанинов рекомендовал «духовное красноречие», где образцом слога, по

[149] [*Магницкий М. Л.*] Инструкция директору Казанского университета... Стлб. 1335.

[150] Там же. Стлб. 1336.

[151] *Григорьев В. В.* Указ. соч. С. 34.

[152] Там же. С. 39.

[153] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 226.

[154] См.: *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 27–30.

[155] *Попов Н. А.* Указ. соч. С. 87.

предложению Магницкого, служили некоторое время Четьи-Минеи (полное собрание житий святых)[156].

Профессор математики Г. Б. Никольский, говоря о полном согласии законов математики с истинами христианства, утверждал, что ее законы полностью согласуются с истинами христианского учения: «В математике содержатся превосходные подобия священных истин, христианскою верою возвещаемых. Например, как числа без *единицы* быть не может, так и вселенная, яко множество, без *Единого* владыки существовать не может. Начальная аксиома в математике: всякая величина *равна* самой себе: главный пункт веры состоит в том: Единый в первоначальном слове своего могущества *равен* самому себе. В геометрии *треугольник* есть первый самый простейший вид, и учение об оном служит основанием других геометрических строений и исследований. Он может быть эмблемою: силы, действия, следствия; времени, разделяющегося на прошедшее, настоящее и будущее; пространства, заключающего в себе длину, широту и высоту или глубину; духовного, вещественного и союза их. Святая церковь издревле употребляет *треугольник* символом Господа, яко верховного геометра, зиждителя всея твари. Две линии, крестообразно пресекающиеся под прямыми углами, могут быть прекраснейшим иероглифом любви и правосудия. Любовь есть основание творению, а правосудие управляет произведениями оной, нимало не преклоняясь ни на которую сторону. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, чрез ходатая Бога и человеков, соединившего горнее с дольним, небесное с земным»[157]. Впрочем, вышеприведенная цитата взята из «Слова о пользе математики, говоренного 5-го июля 1816 года профессором Никольским», т. е. произведения, появившегося на свет еще до назначения Магницкого попечителем в Казанский университет.

В таком же духе была составлена инструкция для преподавания по кафедре политической экономии, составленная профессором М. А. Пальминым: «Преподаватель политической экономии поставит себе в непременную обязанность делать

[156] См.: *Лажечников И. И.* Как я знал Магницкого // Русский вестник. 1866. № 1. С. 137.

[157] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 225.

своим слушателям напоминания, что все наше имущество, как малое, так и большое, содержит в себе только условную цену, именно в качестве средства к достижению высших благ, дабы тем предупредить, сколько возможно, то пагубное влияние любостяжания, которое и без всякого учения весьма легко овладевает человеческим сердцем и превращает людей в машины, а еще боле – ту суетную расточительность, которая пожирает и самое мнимое богатство наше <…> при всяком удобном случае, будет устремлять мысли слушателей к тому произведению богатства, к тому разделению и потреблению его, которые превращают оное из телесного в духовное, из тленного в нетленное <…> найдет он соприкосновенность между богатством мира сего и сокровищем вечности, между имуществом плоти и духа нашего, и не преминет указать, где теряется между первым и вторым равновесие в ущерб последнему. Таким образом, соединит он низшую, условную, экономию с высшею, истинною, и составит из нее науку в строгом смысле нравственно-политическую»[158].

Профессор анатомии и физиологии К. Ф. Фукс цель анатомии определял следующим образом: «Анатомия показывает строение человеческого тела, а физиология объясняет действие органов в соединении бессмертной души с телом. Цель анатомии – находить в строении тела премудрость Творца, создавшего человека по образу и подобию своему. Тело наше – храм души, и потому необходимо знать его и хранить чистым и неосквернённым; при тесной связи тела и души надо всячески остерегаться, чтобы не впасть в ужасный материализм, подобно некоторым безумным врачам. Так как мы, по падении праотцев наших, подверглись многоразличным болезням, то Господь чрез науку анатомию подал нам средство не только к облегчению, но и к истреблению болезней»[159].

Историк В. Я. Баженов «читал всеобщую историю, руководствуясь известным сочинением Боссюэта, с дополнениями из Ролленя, Флери, Ферранда, Лангле-дю-Френуа и других «скромных, но благоразумных историков». В «Казанском вестнике» 1823 года он поместил свой «Опыт исторического рас-

[158] Там же. С. 226–227.
[159] Там же. С. 227–228.

суждения о действиях Промысла в устроении царств земных и народов»[160].

Вышеприведенные суждения были лишь вставками в тексты уже сложившихся учебных курсов и не могли существенно изменить общий дух и направленность преподавания университетских наук. Но они закономерно должны были вызвать обвинения в обскурантизме и мракобесии, что и произошло на практике.

Главной целью университетского образования инструкция директору Казанского университета от 17 января 1820 г. Магницкого объявляла воспитание «верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству»[161]. Для этого, в первую очередь, требовалось сформировать в студентах «первую добродетель гражданина» – послушание. Студенты обязаны были ежедневно «отправлять» в положенное время должные молитвы и в присутствии инспектора, а в воскресные дни и в дни церковных праздников ходить с инспектором к Божественной литургии, приучаться «к делам милосердия небольшими, по состоянию каждого милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни, и тому подобного». Причем студенты, «отличающиеся христианскими добродетелями», должны были предпочитаться всем прочим и руководство университета обязано было принять их «под особенное покровительство по службе и доставить им все возможные по оной преимущества». Директор университета должен был «иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре», чтобы «дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учение церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы». Ему вменялся в обязанность «выбор честных и богобоязненных надзирателей», «сообщение с полициею для узнания поведения их вне университета, запрещение вредных чтений и разговоров»,

[160] *Попов Н. А.* Указ. соч. С. 87.

[161] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Стлб. 1320.

а также «предупреждение всех тех пороков, коим подвергается юношество в публичном воспитании»[162].

Изменения коснулись и студенческой жизни. Все студенты были распределены не по курсам, а по степени «нравственного содержания». К первому разряду относились «отличные», «весьма хорошие» и «хорошие» студенты, ко второму – «испытуемые», «посредственные» и «исправляемые» и, наконец, «находящиеся под особым присмотром». Студенты, принадлежавшие к каждому из этих разрядов, располагались на разных этажах (по сложившемуся в то время обычаю значительная часть студентов жила в самом высшем учебном заведении) и собирались вместе только на лекциях. Но и здесь принимались меры для того, чтобы предотвратить какое бы то ни было общение между ними. Надзор за студентами доходил до такой степени, что не только посещать знакомых, но и переходить с одного этажа на другой запрещалось без билета от инспектора. Надзиратели обязаны были водить студентов из одной комнаты в другую, осматривать волосы, платья, кровати. Посторонние лица могли посещать университет только в праздники, под непосредственным наблюдением надзирателя. Такая атмосфера неизбежно порождала практику доносительства студентов друг на друга и на присматривавшее за ними начальство. За все нарушения заведенных правил студенты подвергались наказаниям, перечень которых был весьма обширен. Это могло быть лишение пищи на несколько дней, заключение в карцер, или в «комнату уединения», где двери и окна были загорожены железными решетками, на одной из стен висело распятие, а на другой – картина Страшного Суда. Попадавшие в карцер получали название «грешников», и пока они находились в заключении, за спасение их душ произносились молитвы. Во время попечительства Магницкого в Казанском университете стала практиковаться такая мера, как отправка студентов в солдаты без суда и следствия, и ей подверглись двое студентов – за «неумеренное употребление крепких напитков»[163].

Однако надзору подвергались не только студенты; общественная и даже личная жизнь профессоров также стала пред-

[162] Там же. Стлб. 1321–1322.

[163] О системе наказаний для студентов см.: *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 24–26.

метом строгого контроля или, как выражался пристрастный А. М. Скабический, подверглась «строгому надзору баснословно-унизительного свойства»[164]. И. И. Лажечников вспоминал: «За профессорами наблюдали, чтоб они не пили вина. Из числа их некоторые весьма воздержные, но привыкшие пред обедом выпивать по рюмке водки, в свой адмиральский час, ставили у наружной дверей на караул прислугу, чтобы предупредить грозу нечаянного дозора. Таким образом, прислушиваясь к малейшему стуку и беспрестанно оглядываясь, преступник дерзал ключом, привешенным у пояса, отворять шкаф, где, в секретной глубине, хранилось ужасное зелье»[165].

М. Л. Магницкий предписал директору университета награждать учащихся всех учебных заведений Казанского округа за успехи Евангелием на русском и церковно-славянском языках, чтением из евангелистов и книгой Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Главное правление училищ постановило ввести как общее правило для всех училищ: при раздаче наград выбирать книги большею частью Священного Писания или духовного содержания[166].

Принудительное насаждение дисциплины и религиозности не могло не вызвать определенных негативных последствий. М. И. Сухомлинов отмечал: «Религиозность ограничивалась иногда одною только внешностью, и за набожною обстановкою скрывались недостойные религии свойства: лицемерие, раболепство, отсутствие убеждений и нравственных начал. У некоторых из лиц, игравших роль в событиях Казанского университета, пиетизм был маскою, надетою по необходимости и расчету, в угоду сильным мира»[167]. Это мнение разделяет и В. В. Григорьев: «Неизбежным следствием злоупотребления религиею (которая была только выставлена началом воспитания, тогда как в действительности им руководили другие начала, несовместные с чистотою и искренностью учения Спасителя и недостойные его святого знамени) явились: упадок религиозного чувства и нравственности, застой в области умственной и научной, лицемерие и раболепство. Истинные ревнители Православия

[164] *Скабический А. М.* Указ. соч. С. 140.
[165] *Лажечников И. И.* Указ. соч. С.138–139.
[166] См.: *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 201–202.
[167] Там же. С. 223.

и Русской народности возмущены были обращением Русских юношей в питомцев иезуитских школ и развитием ханжества с сильным католическим оттенком»[168].

Отметим, что меры Магницкого носили не только репрессивный характер. М. И. Сухомлинов, в целом негативно оценивавший итоги попечительства Магницкого, упоминал о том, что последний «снаряжал ученые экспедиции по различным отраслям наук, в разные страны, на запад и на восток», отправлял ученых в Германию, Францию и Англию «для изучения математических наук и устройства кабинетов», а для «отыскания рукописей древних классиков положено было объехать армянские монастыри, по поводу открытой в Италии драгоценной рукописи Евсевия на армянском языке»[169]. По свидетельству И. И. Лажечникова, Магницким «сделано было много на увеличение и украшение зданий университета, на устройство церкви (по образцу домашней князя А. Н. Голицына в Петербурге), библиотеки, физического кабинета, обсерватории, одним словом, все, что можно было сделать денежными средствами, щедро ему отпускаемыми»[170].

Одновременно с «реформированием» Казанского университета Магницкий вынашивал прожектерский план создания Института восточных языков в Астрахани, поскольку намеревался «поставить университет в сношения с учеными сословиями Индии» и возложить на него собирание сведений об учении браминов, «указав источник последнего в преданиях патриарха и апостолов, в Индии сохранившихся; и <…> может быть, доказать Европе сведениями положительными и письменными, от самих Браминов полученными, что каста их не что иное есть, как общество, соединенное преданиями патриархов и освещенное преданиями апостольской же проповеди в Индии; к чему служит поводом название Брамы, от имени Абрама тем с большим основанием производимое, что по учению Браминов и жена Брамы называлась Сара-Веда, то есть госпожа Сара»[171].

Особую настороженность консерваторов вызывала необходимость преподавания философии и естественного права. В

[168] *Григорьев В. В.* Указ. соч. С. 44.
[169] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С.217.
[170] *Лажечников И. И.* Указ. соч. С.135–137.
[171] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 42.

феврале 1823 г. Магницкий обратился с официальной запиской к Голицыну, в которой высказывал мнение, что «если правительство не хочет допускать распространения различных гибельных учений, то не должно довольствоваться одним надзором за направлением профессоров, а должно прибегнуть к решительной мере и вовсе изъять некоторые науки из учебного преподавания»[172]. Имелись в виду прежде всего естественное право и философия. Магницкий представил Голицыну проект, в котором преподавание философии предлагал существенно ограничить, разработав такие курсы философии, «кои были бы очищены от разрушительных начал, введенных в науку сию философами XVII и XVIII столетий, а в новейшее времена германскими университетами»[173].

Преподавание естественного права и философии все-таки запрещено не было, несмотря на все усилия Магницкого. Главное правление постановило рассмотреть в Ученом комитете все руководства по естественному праву и поручило составление нового учебника М. А. Балугьянскому. В 1825 г. Ученый комитет принял решение, что прекращать преподавание естественного права без высочайшего разрешения нельзя[174]. Тем не менее, вместо римского права в Казанском университете было введено преподавание византийского права, в качестве источника которого рассматривалась церковная «Кормчая книга». Новый попечитель также устроил в 1823 г. с «обличительной» целью особую «кафедру конституций» – английской, французской и польской.

Следует признать, что деятельность консерваторов в области просвещения в ряде случаев имела негативные последствия, хотя их и не стоит преувеличивать. Большинство авторов различных идейных направлений сходятся в том, что в попечительство Магницкого ученая жизнь в Казанском университете не развивалась. Справедливости ради отметим, что примерно такая же ситуация существовала в Казанском университете и до попечительства Магницкого. В первой четверти XIX в. русская наука переживала стадию становления и лишь в более поздний период стала приносить зрелые плоды. Кроме того,

[172] Там же. С. 412.
[173] Там же. С. 421–422.
[174] См.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 101.

никто еще точно не исследовал, в какой степени затормозилось становление гуманитарных дисциплин из-за неуклюжих экспериментов консерваторов из «сугубого» министерства. Нельзя также оставить без внимания наблюдение Ф. А. Петрова: «революционным движением Казанский университет, в отличие от Московского и Виленского, практически не был затронут»[175], т. е. главная политическая цель, которую ставил перед собой Магницкий в Казани, была достигнута.

Опыт М. Л. Магницкого оказал сильное воздействие на линию Главного правления училищ, в особенности на одного из его членов, Д. П. Рунича[176]. Дмитрий Павлович Рунич (1778–1860), известный масон, мемуарист, писатель, директор Московского почтамта, попечитель Петербургского учебного округа, родился в семье сенатора П. С. Рунича, гражданского губернатора Владимира. В 1797 г. Рунич был зачислен на должность в Коллегию иностранных дел и некоторое время работал переводчиком. В 1800 г. он вернулся в Россию, где в 1805 г. был назначен помощником Московского почт-директора Ф. П. Ключарева, а в 1812 г. перед вступлением Наполеона в Москву, после высылки Ключарева Ростопчиным, занял пост директора Московского почтамта. В 1819 г. Рунич назначен членом Главного правления училищ и тогда же получил место в собрании Правления министерства духовных дел и народного просвещения и стал членом Ученого комитета. В июне 1820 г. Рунич вошел в состав комитета составления нового устава по делам книгопечатания, в том же году стал членом Особого комитета для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения. В 1821 г. он получил пост попечителя Петербургского учебного округа, сменив С. С. Уварова.

В одной из своих записок Рунич писал, что, ознакомившись с основополагающими документами для управления Казанским университетом, составленными Магницким, он признает

[175] Там же. С. 107.

[176] См.: *Азизова Е. Н.* Масонские связи и воззрения Д. П. Рунича (из истории «консервативной партии» в русском масонстве) // Новик. Воронеж, 2002 Вып.6 ; *Ее же.* «Счастливым почту себя, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова» : идейно-политическая биография Д. П. Рунича // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005 ; *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005.

предлагаемые меры «не только сообразнейшими с целию, для которой Университеты учреждаться могут; но и спасительными в отношении к частной пользе и общему благу государства»[177]. Среди мистиков, окружавших Голицына, Рунич был настроен, пожалуй, наиболее воинственно. Его видение мира определялось представлениями, бытовавшими среди правых масонов-консерваторов: «Злой дух тьмы носится над вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека в мире. Счастливым почту себя, если по слову одного почтенного соотечественника, вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова»[178].

Деятельность Рунича в Петербурге разворачивалась параллельно с деятельностью Магницкого в Казани. Она началась с так называемой «истории профессора Куницына». В 1820 г. директор Царскосельского лицея генерал Е. А. Энгельгардт обратился к Голицыну с просьбою поднести императору Александру I экземпляр только что изданного А. П. Куницыным сочинения «Право естественное». Куницын был близок декабристам, а его книга доказывала готовность России к конституции[179]. Книга поступила на предварительное рассмотрение Главного правления училищ и была оценена первоначально благоприятно. Однако через несколько дней Рунич представил свой отчет об этой книге, в котором утверждал, что ее дух и учение не только опасны, но и разрушительны в отношении «к основаниям веры и достоверности Св. Писания», поскольку она противоречит главной цели, сформулированной А. С. Стурдзой в «Наставлении для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном Правлении училищ»: «водворению в отечестве нашем постоянного согласия между верою, ведением и властью; или между христианским благочестием, просвещенным умом и существованием гражданским». Рунич утверждал, что «всякое учение, всякая система, всякая наука, не могущая выдержать пробы на сем оселке (Священном Писании. – *А. М.*), необходимо следует быть отвергнута, как опасная, вредная и совершенно противоположная благотворным видам христиан-

[177] ИРЛИ РАН РО. Ф. 263. Оп.3. Ед. хр. 91. Л. 1.

[178] *Скабический А. М.* Указ. соч. С. 131.

[179] См.: *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 93.

ского правительства и благосклонным попечениям государя, по сердцу и духу благочестивейшего»[180].

Д. П. Рунич утверждал, что книга Куницына, – это «сбор пагубных лжеумствований», которые ввел в моду Руссо. Они привели к французской революции: «Сличив последствия сего философизма во Франции с наукою, изложенною Куницыным, увидим только раскрытие ее и приложение к гражданскому порядку. Марат был не что иное, как искренний и практический последователь сей науки»[181]. Текст Куницына с точки зрения Рунича есть «пространный кодекс прав, присвояемых какому-то естественному человеку, и определений, совершенно противуположных учению Св. откровения». С точки зрения консервативно-религиозного миросозерцания книга Куницына представлялась «крамольной»: «Везде чистые начала какого-то непогрешимого разума признаются единственною законной поверкой побуждений и деяний человеческих. Здесь мирограждданство по существу своему почитается происходящим из тех же начал, на коих основано и самое право естественное. Здесь утверждается, что нет истин самостоятельных, по которым бы определять возможно было понятие о добре и зле, о позволенном и непозволенном. Здесь говорится о каком-то внутреннем чувстве, похожем на совесть. Здесь утверждается, что совокупление людей для достижения общей цели не может иначе произойти, как через договор, ибо никто не имеет первоначального права принуждать других желать того, чего сам желаешь, и действовать для целей, им назначенных. Здесь супружество почитается союзом между двумя лицами различного пола для исключительного сожития»[182].

Большинство членов комитета Главного правления училищ одобрило мнение Рунича, и книга Куницына была запрещена. Куницын был уволен из университета. С этого момента правительство обратило внимание на преподавание естественного права, потребовав от всех высших учебных заведений, чтобы учебники и пособия по этой дисциплине соответствовали принципу уважения к религии и существующему порядку[183].

---

[180] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 470.
[181] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 205.
[182] *Скабический А. М.* Указ. соч. С. 131.
[183] См.: *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 473.

Ученый комитет начал рассматривать книги, издаваемые для учебных заведений, и давать по ним свои заключения. В итоге были запрещены такие учебники и учебные пособия, как «История философских систем» А. И. Галича, «Начертание метафизики» А. С. Лубкина, учебники по логике П. Д. Лодия и И. И. Давыдова, «Курс всеобщей истории» Е. Ф. Зябловского и даже составленная Ф. И. Янковичем-де-Мириево «Книга об обязанностях человека и гражданина», в основу которой были положены наставления Екатерины II[184].

После запрета книги Куницына Рунич выступил инициатором «петербургской истории» и суда в 1821–1822 гг. над профессорами Петербургского университета, выдвиженцами С. С. Уварова, тогда еще либерального попечителя Петербургского учебного округа. Об этом сюжете существует достаточная литература[185], поэтому следует коснуться истории этого события лишь в той мере, в какой этого требует логика исследования.

5 мая 1821 г. исполняющим обязанности попечителя был назначен Рунич. 29 августа 1821 г. он потребовал от университетской Конференции представить конспекты лекций «по нравственным, политическим и юридическим наукам». Это было началом масштабных гонений «на самых либеральных профессоров» университета[186].

От профессоров потребовали ответы на вопросы, которые были составлены членами Главного правления училищ и должны были доказать принадлежность обвиняемых к «вредным и ложным учениям»[187]. В ходе чрезвычайных собраний, которые происходили днем и ночью по 9–11 часов 3–7 ноября 1821 г., общее собрание университета признало, что в лекциях и трудах обвиняемых содержались положения, противоречащие курсу Министерства духовных дел и народного просвещения, например о том, что разум противоречит вере. Помимо этого в них обнаружили отрицание божественного происхождения верховной власти, утверждения, что источником власти является народ, что конституционная монархия превосходит

[184] См.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 76.

[185] См.: *Григорьев В. В.* Указ. соч. ; *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 1–538 ; *Рождественский С. В.* Указ. соч. ; *Петров Ф. А.* Указ. соч.

[186] См.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 285.

[187] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 260.

самодержавие, отрицание сословных прав и привилегий дворянства и духовенства, словом, всё то, что составляло «ядро» тогдашнего либерального дискурса.

При этом Рунич явно перестарался. «Он положительно не давал им (профессорам. – *А. М.*) произнести ни одного слова в оправдание и осыпал их потоками самой площадной брани, обзывая их бунтовщиками, возмутителями, государственными изменниками, глумился в их присутствии над их собственноручными тетрадями лекций, называя их гадкими, мерзкими чтоб взять в руки, и к тому же смердящими, предлагая нюхать их кому угодно, показывая со своей стороны отвращение от какого-то дурного в них запаха и зажимая нос. Наконец он торжественно объявил обвиняемым, что лишь его великодушию они обязаны, что их ввели в залу совета не под конвоем жандармов с саблями наголо, как государственных преступников. И почтенные члены совета все это выслушивали терпеливо, с наружным видом подобострастной почтительности»[188]. Поведение значительной части профессуры оказалось не на высоте: «профессора Балугьянский, Вишневский, Ржевский, Грефе, Лодий, Соловьев, Чижов и адъюнкт Радлов, требуя, чтобы обвиняемым профессорам были предоставлены «все законные средства и способы к их оправданию», в то же время заявили, что если сделанные выписки из лекций достоверны, то учение их «ужасно и не может быть терпимо ни в каком публичном, ни в приватном заведении», а сами они не могут быть допущены к преподаванию»[189].

24 ноября 1821 г. Главное правление училищ вынесло решение об удалении К. Ф. Германа и Э. В. С. Раупаха из университета и запрете им преподавания во всех училищах ведомства народного просвещения. А. И. Галича, который признал свою «вину», оставляли при университете, но не в преподавательской должности. К. И. Арсеньеву было запрещено преподавать в ведомстве народного просвещения, но разрешалось служить в другом ведомстве (в этом случае сказалось покровительство ему великого князя Николая Павловича). Книги «Краткое руководство ко всеобщей теории статистики», «Всеобщая теория статистики» и «Историческое обозрение литературы статистики в

[188] *Скабический А. М.* Указ. соч. С. 143.
[189] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 116.

особенности Российского государства» Германа, «История философских систем» Галича и «Начертание статистики Российского государства» Арсеньева предписывалось запретить. Поскольку обвиненные профессора потребовали, чтобы им разрешили оправдаться, то Главное правление училищ приняло решение о рассмотрении «дела профессоров» в уголовной палате[190].

А. Н. Голицын представил дело профессоров в Комитет министров 23 января 1822 г. со следующим заключением: «Ни малейшему сомнению не подвержена вредность системы учения Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. <…> Полагаю мнением: Германа и Раупаха выслать из России, давши им некоторую сумму для выезда за границу из личной по человечеству им пощады, но надо в иностранных газетах напечатать причину высылки их из России; книги их запретить в употреблении; Галича оставить при университете, но в другой должности; Арсеньеву запретить преподавание в учебных заведениях какого бы то ни было ведомства, предоставив избрать другой род гражданской службы; Рунича утвердить попечителем и наградить за открытие»[191].

Комитет министров, по рассмотрении дела, единогласно признал учение, заключающееся в представленных министром народного просвещения выписках из лекций профессоров, «вредным»[192]. При этом Комитет министров заявил, что необходимо на суде выслушать все оправдания обвиняемых, чтобы в случае их неудовлетворительности обратить на виновных всю строгость ответственности. Но единства по этому вопросу в Комитете достигнуто не было. Против идеи уголовного суда над профессурой выступили Н. С. Мордвинов, А. А. Аракчеев, А. С. Шишков. Нового суда над профессорами Петербургского университета не было. В феврале 1827 г. было объявлено высочайшее повеление считать дело о профессорах оконченным[193].

Приемы, которые использовал в борьбе с уваровской группировкой Рунич, возмущали не только либералов. Приведем суждение А. С. Стурдзы относительно «суда» над профессурой. Он находился в своем имении, когда на рассмотрение к нему

---

[190] См.: *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 261–262.

[191] Там же. С. 263–264

[192] См.: Там же. С.264.

[193] См.: Там же. С. 266.

пришла огромная кипа бумаг. «Нельзя было не усмотреть много худого в этих лекциях, для меня, впрочем, не новых, ибо еще в 1817 году, выслушав вступительную лекцию Раупаха в Педагогическом институте, я, было, заспорил с Уваровым против его любимца и прямо обличил его вредное направление в обзоре всемирной истории. Куницын тоже причастен был к ложному учению. Но в суде над ними много заметил придирок и еще более отступления от законного делопроизводства. Обе стороны были неправы. Я вспомнил апостольскую заповедь: «не приобщайся грехом чуждым» и, высказав несколько замечаний, отклонил от себя всякое участие в неправильном суде»[194]. М. Л. Магницкий в «Особом мнении» подчеркнул, что «считает совершенно неуместным уголовное судопроизводство над обвиняемыми профессорами, поскольку «из ничтожного дела» раздуто было «дело разделившейся на партии столицы», и благодаря тесным связям профессоров с городским обществом раздался «повсеместный вопль неверия» в виновность их[195]. При этом он предлагал профессоров Германа и Раупаха выслать за границу и «остеречь державы союзные насчет сих опасных людей, и все происшествие, с ними бывшее, напечатать в гамбургской газете»[196].

Следует признать, что Рунич и его единомышленники достигли поставленной ими цели: «после Петербургской истории 1821 года в С. -Петербургском университете не осталось ни одного профессора, который был бы носителем определенных общественных идеалов, подобно Куницыну или Галичу, Балугьянскому или Герману, Арсеньеву или Плисову»[197].

Осуждением петербургской профессуры дело не ограничилось. В течение 1821–1822 гг. по предложению Рунича в Петербургском университете была применена инструкция директору и ректору Казанского университета. В течение года, с 1821 по 1822, ушло 11 человек, т. е. около трети преподавательского состава; в наибольшей мере пострадали историко-филологический и философско-юридический факультеты. В 1822 г. был приостановлен прием воспитанников, произошел «разбор» сту-

[194] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской... С. 280.
[195] См.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 119.
[196] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 377.
[197] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 127.

дентов «по способностям и нравственности и увольнение безденежных»[198]. Была исключена значительная часть казеннокоштных студентов на основании их якобы низкой нравственности. Безусловно, определенное снижение уровня преподавания произошло, но его масштабы не следует, вслед за мемуаристами, преувеличивать. Представляется, что наибольшую ответственность за происшедшее несли Голицын и Рунич, в меньшей степени – Магницкий. Православные консерваторы – Шишков, Аракчеев, Стурдза – занимали более взвешенную позицию. Иначе говоря, в Петербурге «переусердствовала» именно «мистическая партия», что позволяет современному исследователю справедливо говорить о «реакционно-космополитическом мракобесии»[199].

Заняв ответственные посты, православные консерваторы прекратили гонения на уваровскую группировку.

Став министром, А. С. Шишков 28 октября 1825 г. потребовал от Рунича, чтобы Петербургский университет был полностью преобразован по уставу Московского[200]. При этом курс Шишкова продолжал оставаться в своей основе консервативным. Шишков задал народному просвещению тот вектор, который получил дальнейшее развитие при Уварове. «Народное образование должно быть национальным» – таков был основной идеал, провозглашенный новым министром. На первом заседании Главного правления училищ Шишков высказал свои взгляды на задачи министерства. Оно должно было, по словам министра, прежде всего оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и чрез то делающим его в старости юношею». «Науки, – продолжал министр, – изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного. <…> Сверх сего, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противно истинному просвещению. Обучать грамоте

[198] См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 124.
[199] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 161.
[200] См.: Там же. С. 139.

весь народ или несоразмерное числу оного количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином»[201].

Результаты деятельности Шишкова на посту министра народного просвещения появились уже в следующее царствование: Общий устав средних и низших учебных заведений 1828 г., Временный устав учебных заведений Виленского округа, Устав о цензуре. 25 апреля 1828 г. Шишков был отстранен от должности министра «по преклонности лет и по расстроенному здоровью», сохранив звания члена Государственного совета и президента Российской академии.

Таким образом, в рассматриваемый период деятельность светских консерваторов в значительной мере сосредоточилась в сфере высшего образования. При всех противоречиях между двумя группировками, олицетворяемыми фигурами А. Н. Голицына и А. С. Шишкова, им удалось придать религиозный характер высшему образованию, в чем они усматривали противоядие от влияния революционных идеологий. При этом, в конечном итоге, победила линия православных консерваторов, делающих акцент не на «христианский универсализм», мистицизм и космополитизм, а на православие и русскую национальную культуру.

---

[201] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 166.

Глава 6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ПРАВОСЛАВНОЙ ПАРТИИ» в 1816–1825 годах

В начале XIX в. положение православной церкви было незавидным. Несмотря на то, что она считалась государственной, ее влияние на образованное общество и простонародье существенно снизилось в сравнении с допетровской эпохой. «В великосветском кругу в отношении к ней присутствовал заметный пренебрежительный оттенок как к «простонародной» церкви (следствием чего стали частые переходы в более «утонченное» католичество). Либералы бранили православную церковь за подчиненность и подконтрольность государству. Для многих в их духовных исканиях была неприемлема вообще всякая церковность»[1]. Царствование Александра I стало «золотым веком» русского масонства. Архимандрит Фотий (Спасский), один из наиболее радикально настроенных ревнителей православия того времени, в автобиографических записках следующим образом обрисовывал ситуацию в религиозной сфере: «Во время оно великую силу восприяли в столице Царской в Санкт-Петербурге, в Москве, по главным городам, местам разные зловредные общества, тайные и явные. Русское царство наводняемо было весьма от потоков нечестия и зловерия. Было в разных местах до тридцати главных лож масонских под разными именами, но все оные общества и скопища бесовские анти-Христовы были прямо или косвенно, тайно или явно противу веры Христовой, Св. Церкви, противу благочес-

[1] *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4 : Общественная мысль. М., 2003. С. 85–86.

тия христианского, против всякого правительства и порядка гражданского. Сверх масонских лож и обществ, были разные секты, расколы и скопища многие гнусные и нечестивые»[2]. Консерваторы были встревожены перспективой наступления на православие и православную церковь масонов, мистиков и иезуитов. Так, А. С. Стурдза писал: «Масонские ложи, мартинисты и лжемистики времен Екатерины тесно смыкали свои ряды и тайно готовились к более открытому нападению на церковь. Она стояла одиноко, лишенная надежных вождей, в плачевном разъединении с царем и обществом и в тем большей опасности, что, кроме недругов ее – мистиков, подрывали ее с противоположной стороны иезуиты, недавно вкравшиеся в столицу»[3].

По отношению к враждебным церкви течениям ее верхушка (члены Синода и преподаватели духовных академий и семинарий) первоначально занимала пассивную позицию, а зачастую увлекалась модными религиозными исканиями. Тот же Фотий писал: «Синод никогда гласа своего не возвышал противу воплЯ нечестивых. <…> Пастыри церковные, протопресвитеры и пресвитеры и прочие все своему чреву внимающие помышляли чад своих более учить модам, по обычаю мира воспитывать, деньги собирать и в сохранную казну полагать, дабы себе и наследникам чем было весело жить и за известных людей хотя мало в свете слыть; а о славе и деле Божием вовсе небрегли, якобы то не их было звания потреба. Ректоры академий, семинарий, инспекторы, профессоры, архимандриты и прочие были только школьные любомудры, во всей силе были именем таковы, а не делом; сами заблуждали, страха ради молчали и других тому учили, дабы обратить милость на себя еретиков, безбожников, врагов веры и церкви, за счастие считали, когда на них кто-либо из известных таковых посмотрит и поласкает»[4].

Распространение неправославного мистицизма в александровское царствование было чрезвычайно активным, поскольку, с одной стороны, отвечало определенным общественным по-

[2] *Фотий Спасский*. Автобиография // Русская старина. 1894. № 9. Т. 82. С. 214.

[3] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I // Там же. 1876. Т. XV. № 2. С. 269.

[4] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1895. Август. Т. 84. С. 185–186.

требностям, а с другой – мистики имели высокопоставленных покровителей, т.е. это явление не только инициировалось сверху, но и находило спрос снизу. Если говорить об общественных потребностях, то следует пояснить, что в русском обществе послевоенной поры «совершилась необыкновенно сильная реакция против поверхностного материализма XVIII века и религиозного индифферентизма, коим ознаменованы первые годы нового столетия»[5]. Реакция духовенства на антицерковные и антиправославные элементы мистицизма поначалу была сравнительно слабой, оно на первых порах отнеслось к новомодным увлечениям терпимо, поскольку одна из их основных тенденций – неприятие «внешней церкви» с ее иерархией, таинствами и догматикой – проявилась далеко не в полной мере. Поэтому некоторые православные пастыри «читали книги новопечатные, скверные, выписывали в свои книгохранилища, старались от них чему-нибудь научиться»[6]. Е. Р. Карнович писал: «Многие из высокостоявших духовных лиц православной церкви радовались тому, что прежнее безбожие в образованных классах русского общества стало заменяться хоть каким-нибудь религиозным чувством, рассчитывая на то, что впоследствии чувство это можно будет направить на учение православной церкви»[7].

Протестантско-мистическое течение александровского царствования имело западноевропейское происхождение и предполагало достижение индивидом «высшей религиозности» на основе некой «внутренней» церкви и «непосредственного слияния с божественным духом»[8]. Мистика, вообще говоря, коренится в природе любой развитой религии: «У истоков самых разных религий имело место событие, которое называют «просветление», «озарение», «прозрение», «открывшаяся истина» и т.д. Мистика осознается как единение с Богом на основе личного сверхчувственного и сверхлогического познания, путем

---

[5] *Щебальский П.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 218–219.

[6] *Фотий Спасский.* Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 186.

[7] *Карнович Е. Р.* Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря // Там же. 1875. Т. XIII. С. 462.

[8] *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 117.

экстатического прорыва к Абсолюту, без видимого посредства церкви или религиозной общины. Вместе с тем, мистические откровения – это зона вольномыслия, религиозных поисков и возможных открытий. Они чреваты ересью, и потому официальными церквями не поощряются. Мистические сочинения принадлежат полуортодоксальной периферии христианского учения»[9]. Мистицизм, «искавший «внутренней» церкви, нередко нападал на то, что он называл внешней или наружной церковью, осуждал ее недостатки и т.п., и эти осуждения можно было истолковать как осуждение церкви православной»[10]. Сама идея о возможности непосредственного общения индивидуальной человеческой души с Богом потенциально содержит в себе тенденцию признать излишними или даже вредными всякие опосредующие связи: через церковную организацию, литургию и т.д. Поэтому мистицизм, как правило, приводит к антицерковной позиции, противостоящей принципу организации[11]. Не случайно А. С. Стурдза для обозначения антицерковной позиции мистиков использовал термин «религиозные анархисты»[12].

Наиболее авторитетными для русских мистиков богословами и писателями являлись Я. Бёме, И. Г. Юнг-Штиллинг, Ф. С. Фенелон, Ж. М. Гюйон, К. фон Эккартсгаузен. По словам А. Эткинда, «те, кого расплывчато называли в то время «мистиками», чаще всего были протестантами или находились под их влиянием»[13]. В то же время протестантско-мистическое течение было тесно связано с масонством. «Внутреннее различие между масонством и мистицизмом не велико, иногда доходя до полного слияния в произведениях тех или иных представителей учения», – утверждал М. В. Довнар-Запольский[14].

---

[9] *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 94.

[10] *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 193.

[11] См.: *Каганович Б. С.* А. Н. Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 214.

[12] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской... С. 67.

[13] *Эткинд А.* «Умирающий Сфинкс» : круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // Studia Slavica Finlandesia. Helsinki, 1996. С. 33–34.

[14] *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 222.

Стремительный рост мистических умонастроений был вызван событиями всемирно-исторического значения. «1812 год, трагическая судьба Наполеона, ожидание новых бед и общее потрясение Европы сильно подействовали на умы, подорвали веру в прочность земного величия и обратили мысли к религии», – писал М. И. Сухомлинов[15].

Одним из «пионеров религиозно-мистического направления»[16], ярким последователем и пропагандистом мистицизма был А. Ф. Лабзин, ученик известного масона-просветителя Н. И. Новикова, невероятно работоспособный эпилептик[17]. Любопытна автохарактеристика Лабзина: «если бы не вера и не благодать Господа, то я был бы подобен сатане»[18]. В 1806 г. он создал журнал «Сионский вестник», «первое периодическое издание духовного содержания»[19] для распространения мистических идей, с согласия князя А. Н. Голицына[20]. В том же году журнал был запрещен, поскольку в нем были напечатаны статьи, содержавшие «предсказания» о Наполеоне. Статьи были признаны «несообразными с духом правительства»[21]. Как вспоминал А. С. Стурдза, «кто-то настращал доброго князя (А. Н. Голицына. – *А. М.*), и он тотчас запретил дальнейшее издание журнала, по меньшей мере двусмысленного»[22].

После закрытия журнала Лабзин продолжил издательскую и переводческую деятельность, став «главным поставщиком» мистической литературы[23]. Благодаря покровительству придворных кругов, правительство «провозгласило Лабзина

---

[15] *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 160.

[16] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 228. Об А. Ф. Лабзине и «Сионском вестнике» см.: *Галахов А. Д.* Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 11 ; *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты : А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Русская старина. 1894. № 9/12; 1895. № 1/2 ; *Эткинд А.* Указ. соч.

[17] См.: *Эткинд А.* Указ. соч. С. 24.

[18] Цит. по: *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 226.

[19] *Стурдза А. С.* Надгробное слово князю Александру Николаевичу Голицыну. СПб., 1859. С. 14.

[20] См.: *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 269.

[21] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 226.

[22] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 269.

[23] См.: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 193.

первым духовным писателем в России, пожаловав ему орден Владимира второй степени»[24]. В отзыве на «Сионский вестник» Евгений (Болховитинов), бывший в то время епископом Старорусским, о деятельности Лабзина писал поначалу вполне доброжелательно: «Он многих обратил если не от развращения жизни, то, по крайней мере, от развращения мыслей, бунтующих против религии, а и это уже великое благодеяние человечеству!». В то же время Болховитинов отмечал, что «большая часть сего журнала переводная с немецкого, из Штиллинговых сочинений, а нечто еще из мартинистских». В связи с этим он выражал сожаление, что «в чистую воду примешивается и отрава секты», и писал, что мнение «будто во всех религиях, под разными только символами <…> была истинная религия, ведет к индифферентизму в религиях и противно духу истинного христианства». Для Болховитинова было очевидно, что подобная «метода умствования мистико-масонская»[25].

В 1812 г. князь А. Н. Голицын и Р. А. Кошелев способствовали увлечению Александра I чтением Библии, а затем и мистической литературы, значительно повлияв тем самым на формирование религиозных взглядов императора, совершившего «скачок» от деизма к «универсальному христианству», предполагавшему равноценность всех исповеданий. В России произошедшие изменения в духовной сфере оформились в новый политический курс. По мнению специалиста по истории религиозной политики в царствование Александра I Е. А. Вишленковой, «теория христианского экуменизма, которая в европейской мысли была социальной утопией, в России стала официальной идеологией. Более десяти лет (1812–1824 гг.) мистико-экуменические идеи определяли характер и направления внутренней и внешней политики российского правительства»[26].

6 декабря 1812 г. Александр I утвердил всеподданнейший доклад А. Н. Голицына об учреждении в Петербурге Библейского общества, в котором принимали участие представители

[24] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 275.

[25] Материалы для истории Православной церкви в царствование императора Николая I / под ред. Н. В. Дубровина // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 113. С. 28.

[26] *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 135–136.

всех основных конфессий, действующих в России. Посредством «библейских обществ» английские протестанты распространяли близкую им версию христианства по всему миру. Одним из главных средств достижения этой цели был перевод книг Священного Писания на национальные языки и последующее их широкое распространение. В России Библии на современном русском литературном языке не было. Не было Библии и на языках национальных окраин. Книги Священного Писания на церковнославянском языке, как правило, отсутствовали у частных лиц и имелись только в церквах[27]. Библейское общество ставило своею целью облегчение доступа к получению Библии на церковно-славянском языке без каких-либо богословских комментариев, издание и распространение Библии на различных языках среди христиан неправославного исповедания, а также мусульман и язычников.

11 января 1813 г. в доме Голицына состоялось первое собрание, на котором произошло открытие Библейского общества и избрание комитета. Президентом общества был избран Голицын, а секретарями – его ближайшие сотрудники А. И. Тургенев и В. М. Попов. В конце 1813 г. Александр I сам стал членом общества. Демонстративная поддержка Библейского общества со стороны монарха привела к тому, что членство в нем «стало не просто модным, но и почти обязательным, как своеобразное доказательство лояльности, и это, между прочим, привело к тому, что оно превратилось в первую в России общественную организацию с единой идеологией, созданную государством и подконтрольную ему[28]. Библейское общество «должно было стать организацией единомышленников, объединением политической элиты, на которую мог опереться император в проведении политического курса. В начале царствования Александр I жаловался «молодым друзьям» на недостаток кадров, способных разделить и провести в жизнь его замыслы. Создание Библейского общества должно было расширить круг вовлеченных в политику людей, стать своего рода проверкой и одновременно школой кадров для правительства. В этом качестве оно реализовало идею, выдвинутую еще М. М. Сперанским при создании масонской ложи. Это был отход от Табели о рангах с

[27] См.: *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 88.
[28] См.: Там же.

ее чиновной иерархией; отход от патерналистской системы, в которой решающим для карьеры чиновника являлась близость к императору. Здесь работал новый принцип вербовки кадров – принцип идейного единства. Он должен был обеспечить реализацию идеологии «общехристианского государства» в политическую практику»[29].

В Библейском обществе количественно преобладали мистики западноевропейского толка и масоны. Однако в него входили (с 1814 г.) и православные архиереи – митрополит Михаил (Десницкий), ректор Духовной академии Иннокентий (Смирнов), архимандрит Филарет Дроздов; в правление Общества вошли католический архиепископ С. Сестренцевич-Богуш, лютеранские и англиканские пасторы, представители различных сект. Подобный состав общества не мог в принципе не порождать противоречий: «смешение вер произвело немалый скандал: с одной стороны, православное духовенство открыто роптало и начало организовываться во враждебную партию <…> с другой стороны, римский двор негодовал при виде, как его уполномоченный духовный сановник братается и восседает рядом с еретическими священнослужителями»[30].

В сентябре 1814 г. вышел императорский указ, согласно которому Петербургское Библейское общество приобрело статус общероссийского. Началось создание отделений общества в губернских городах. В 1814 г. Общество приступило к печатанию Библии на церковнославянском языке. С 1816 г. Общество приступило к переводу Священного Писания на литературный русский язык. В Отчете Библейского общества за 1815 г. Голицын писал, что император «сам снимает печать невразумительного наречия, заграждавшую доныне от многих из россиян евангелие Иисусово, и открывает сию книгу от самых младенцев народа, от которых не ее назначение, но единственно мрак времен закрыл оную»[31]. «Печатью маловразумительного наречия» император и Голицын именовали церковнославянский язык. После создания Священного союза деятельность общества по переводу Библии на русский язык приобрела отчетли-

[29] *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 137–138.

[30] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 126.

[31] Цит. по: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 56.

во выраженное политическое звучание: Александр I заявлял: «К чему послужит священный союз, если начала его останутся одинокими и не проникнут в сердце народа? Это может совершиться вполне и искренно только посредством Св. писания на языке каждого народа. Надо распространять святые книги в том виде, как они нам даны: комментарии подкладывают обыкновенно свой смысл сообразно с своею системою. Надо предоставить каждому христианину, какого бы исповедания он ни был, воспринять благодатное действие Св. писания: оно из каждого сделает то, чем он может быть по своей природе»[32].

В отечественной литературе деятельность Библейского общества традиционно изображалась как явление консервативного и даже обскурантистского толка. Одним из первых подобную трактовку деятельности Библейского общества дал А. Н. Пыпин. Его аргументация была следующей. Мистики считают себя единственными и особо уполномоченными хранителями высшей истины и оттого отличаются крайней нетерпимостью. Светское, скептическое знание составляет для них предмет крайнего отвращения и ненависти. Поэтому библейские мистики, создавая свою «новую церковь», «свирепствовали» против образования, в котором видели главное препятствие к достижению своих целей, преследовали литературу, поскольку цензурная власть была в их руках. Соответственно, Библейское общество не могло не прийти в столкновение с «крайними консерваторами», защищавшими православие, и с «мнениями образованных людей, которым его тенденции справедливо представлялись распространением грубейшего и фанатического изуверства»[33]. С подачи Пыпина некорректный термин «изуверный мистицизм» прочно прижился в дореволюционной литературе[34].

После создания Библейского общества наиболее масштабной внутриполитической акцией, несущей отпечаток влияния мистических умонастроений, стало создание Министерства духовных дел и народного просвещения. В манифесте от 24 октяб-

[32] Цит. по: *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. С. 49.

[33] *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 156–168.

[34] См.: *Попов К.* Юрьевский архимандрит Фотий и его церковно-общественная деятельность // Тр. Киев. духов. акад. 1875. № 2. С. 375–376.

ря 1817 г. заявлялось: «Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по Министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе одного управления под названием Министерства духовных дел и народного просвещения»[35]. К министерству относились и дела Св. правительствующего Синода, причем таким образом, «чтобы министр духовных дел и народного просвещения находился по делам сим в таком точно к Синоду отношении, в каковом состоит министр юстиции к Правительствующему Сенату, кроме однако же дел судных». Поэтому преобразование 24 октября сопровождалось назначением нового обер-прокурора Святейшего Синода, который был полностью подчинен А. Н. Голицыну – князя П. С. Мещерского, чиновника с неяркой служебной биографией. Пётр Сергеевич Мещерский на службу вступил в 1796 г. в лейб-гвардии в Семёновский полк унтер-офицером, был произведен в прапорщики в 1797 г. Пожалован в камер-юнкеры 5-го класса и определен членом конторы опекунского Новороссийских иностранных поселенцев в 1805 г. В 1808 г. Мещерский был назначен Херсонским губернатором, в 1809 г. «определен» по исправлению должности обер-прокурора во 2-е Отделение 5-го департамента Правительствующего Сената. 1 января 1810 г. был произведен в действительные статские советники. По именному высочайшему повелению Мещерский был назначен членом Главного правления училищ в октябре 1817 г. [36]

В министерстве внедрялся принцип «самой широкой веротерпимости и полной равноправности всех исповеданий». Однако, как отмечал Н. К. Шильдер, «господствующая вера была сравнена не только с другими христианскими исповеданиями, но даже с нехристианскими; этот смелый шаг должен был неизбежно возбудить негодование и ропот среди православного духовенства и сделать существование министерства недолговечным»[37]. А. С. Стурдза следующим образом объяснял причи-

[35] *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 109–110.

[36] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. г. 1817–1856. Д. 502. Дело о службе Петра Сергеевича Мещерского. Л. 14. См. также: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 113.

[37] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый : его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 11.

ны помянутой «недолговечности»: была сделана «самая грубая ошибка, – впрочем, умышленная», которая «состояла в том, что дела синода и дела терпимых религий, даже мусульманства и язычества, уставили в ряд и распределили по отделениям и столам в одном и том же департаменте. Наконец, для довершения всех промахов, бывший синодальный обер-прокурор, став министром <…> уступил место свое при синоде другому лицу ниже себя, князю П. С. Мещерскому; следствием такого необдуманного распоряжения было унижение синода, ибо обер-прокурор представлял в нем уже лицо министра, а не царя и помазанника Божия, как то установлено было духовным регламентом»[38]. С мнением Стурдзы солидарен историк русской науки С. В. Рождественский: «Несообразность, объясняемая общим характером мистицизма той эпохи – вероисповедным индифферентизмом и полным равнодушием к интересам господствующей церкви, восстановила, наконец, против министерства православное духовенство и была причиной его падения»[39].

Все основные посты в министерстве князя Голицына были заняты «библейскими» деятелями. И. А. Чистович довольно точно описал точку зрения православных иерархов на происшедшие перемены в статусе православной церкви: «Истина существует только в одной истинной церкви, которая потому и называется православною и составляет правило (критерий) истины для всех христианских исповеданий. И потому приравнивать православную церковь к различным исповеданиям и обществам – значит унижать и оскорблять ее в противность истории и самого существа веры. Князь Голицын не действовал намеренно против православной церкви: но, ставя ее в один ряд со всеми другими исповеданиями, он унижал ее достоинство. Как министр духовных дел, он не понимал своего положения, превращая веротерпимость в признание равного внутреннего достоинства всех исповеданий; не более понимал он свое положение и как сын православной церкви, являясь принадлежащим ко всем исповеданиям»[40].

---

[38] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 281.

[39] *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 111.

[40] *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. М., 1997. С. 112.

Императорский указ о переводе Библии на русский язык появился 28 февраля 1816 г. Это решение, как утверждает М. Майофис, «было поистине революционным и сразу же породило огромное недовольство среди сторонников церковной и лингвистической архаики»[41]. Наиболее непримиримую позицию по отношению к переводу Библии на современные языки занимал Ж. де Местр, причем позиция его в отношении перевода принципиально не отличалась от позиции ревнителей православия: «Что будет, когда простой и прямолинейный народ получит Библию на вульгарном языке во всех библейских изданиях? Никто ничего не знает; но несомненно, что за этим последует всеобщий пожар в России, и правительство пожнет то, что посеяло»[42]. Недовольные протестовали против отсутствия в тексте перевода каких-либо комментариев, которые бы имели конфессиональный характер. Тот же де Местр заявлял: «Отнюдь не простое *чтение*, но лишь преподавание Священного Писания приносит пользу. <…> Читаемое же без толкований и объяснений, Священное Писание обращается в яд»[43]. По утверждению современного историка А. Н. Боханова, «произвольное толкование Священного Писания на Руси всегда и осуждалось, и запрещалось, рассматриваясь как недопустимое своеволие. Ортодоксальный подход распространялся и на намерения по поводу перевода священных текстов на современный русский язык»[44]. При этом надо отметить, что фактически отсутствовали именно православные комментарии, и, наоборот, «уже с 1815 г. в свете появилась масса мистических сочинений, предлагавших эти комментарии, составленные в чуждом православию духе»[45].

Для религиозных людей перевод, который с их точки зрения делали «случайные» переводчики, зачастую далекие от

[41] *Майофис М.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 287.

[42] *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Пг., 1925. С. 118.

[43] *Местр, Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 580.

[44] *Боханов А. Н.* Русская идея : от Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 255–256.

[45] *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 173.

практики крайней аскезы и лишенные необходимой религиозной харизмы, был неприемлем. Их точку зрения недвусмысленно выразил Фотий (Спасский): «Что могло быть доброго от такого перевода детского (с участием студентов Духовной академии. – *А. М.*), от людей, не имеющих божественной благодати в себе? <...> Имеяй в себе Дух Божий, явно возгнушается перевода русского и проклянет начало злое оного и всех в нем трудящихся. Явно богопротивен он есть»[46].

Еще одну причину неприятия перевода Библии приводит современный филолог Б. М. Гаспаров: «С точки зрения традиционного религиозного сознания русский текст Священного Писания, лишенный условности и сакральной коннотации, которую традиция закрепила за славянским текстом, имел характер кощунства. Сама близость двух языков делала перевод особенно болезненным, поскольку русская версия ощущалась при этом не как текст на другом языке, а скорее как кощунственная «подмена» сакрального текста»[47]. Подобное восприятие переводной Библии четко фиксируется в источниках. А. С. Шишков писал А. А. Аракчееву: «Если церковные книги для того, чтоб уронить важность их, будут с высокого языка, сделавшегося для нас священным, переводиться неведомо кем и как на простонародный язык, каким говорим мы между собою и на театре, если при распространении таковых переводов (разве для того токмо нужных, чтоб со временем не разуметь церковной службы или чтоб и обедни служить на том языке, на каком пишутся комедии), еще сверх того и иностранных языков, вместо наших молитв и Евангельских нравоучений переводиться будут так называемые духовно-философические, а по настоящему смыслу карбонарские и революционные книги, если, говорю, все это продолжаться будет по-прежнему, то я министром просвещения быть не гожусь, ибо, по моему образу мыслей, просвещение, не основанное на вере и верности к государю и отечеству, есть мрак и вредное заблуждение»[48]. Но

[46] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1894. № 9. Т. 82. С. 222, 224.

[47] *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 125.

[48] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 2. С. 184.

нельзя утверждать, что подобная позиция Шишкова была характерна только для консерваторов.

Отказ от церковнославянского языка Священного Писания мог быть неприемлем и по эстетическим соображениям. К примеру, М. М. Сперанский, отнюдь не консерватор, писал своей дочери: «Сегодня, во время обыкновенного моего чтения, вместо греческого моего завета, мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнении со славянским! Может быть, и тут действует привычка, но мне кажется – все не так и не на своем месте: хотя внутренне я убежден, что это все одно и то же, но нет ни той силы, ни того услаждения. Вообще, я никогда не смел бы одобрить сего уновления. Знаю, что оно сделано с лучшими намерениями; может быть, для тех, кои не привыкли к славянскому языку, это услуга. Но для чего бы кажется, не оставить их привыкнуть? Это стоит труда»[49].

Сам факт, что Библия переводилась и издавалась неправославным Библейским обществом, смущал ревнителей православия. Шишков заявлял: «Никакой не было нужды Библейское общество вводить для печатания Библий, ибо оные издавна печатались, смотря по нужде и требованию при синодальных типографиях»[50]. Для православных максималистов также немаловажное значение имел тот факт, что предлагаемый перевод Библии должен был осуществляться в данном конкретном случае по инициативе близких к масонству кругов («первый захотел издать русскую Библию <…> розенкрейцер Н. И. Новиков»[51]).

Позиция ревнителей православия в отношении к переводу Библии сводилась, таким образом, к следующему. Перевод для них был «безблагодатным», «кощунственным», подготовленным «случайными людьми», неприемлемым не только по религиозным, но и по политическим, эстетическим и иным соображениям. Они считали, что перевод такого рода приведет к подрыву православной традиции, росту протестантских настроений, религиозному субъективизму и в конечном счете к появлению

[49] Письмо М. М. Сперанского к дочери из Сибири. 1819 // Русский архив. 1868. Стлб. 1701–1702.

[50] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Август. Т. 87. С. 439.

[51] *Сахаров В.* Просвещенный мистицизм Александровской эпохи // Рубежи. 1998. № 1. С. 46.

новых сект и расколов и революционным потрясениям. Такая оценка вполне совпадает с точкой зрения и современных исследователей: «Широкое распространение Библии подрывало позиции религиозных догматиков, было шагом в сторону реформационных начинаний в церковной жизни»[52].

Религиозные идеалы Библейского общества также вызывали крайне настороженное отношение со стороны православных консерваторов. В отчете Библейского общества за 1818 г. говорилось, что деятельность библейских обществ приближает то время, «когда будет един пастырь и едино стадо, то есть когда будет одна божественная христианская религия во всех, различного образования, христианских исповеданиях»[53]. Кроме того, сознательные и активные члены Библейского общества «жили космополитическими идеями и стремлением к благу человечества вообще» и «пытались разрушить все препятствия, созданные историческою судьбою народов и их физическими и духовными особенностями. Мечтали даже о введении всеобщего языка, как общечеловеческого орудия для выражения духа, сливающего все народы в единую семью»[54].

Подобные экуменизм и космополитизм были неприемлемы для православных консерваторов. Эсхатологические мотивы, характерные для мистических произведений, однозначно трактовались консерваторами как «революционные». Де Местр говорил (в письме графу де Валезу, 15 (27) января 1817 г.) об опасности «религиозной революции, замышляемой протестантами и иллюминатами, которые почти открыто поднимают голову, прикрываясь маской *вселенского христианства*»[55]. Некоторые элементы воззрений мистиков можно было интерпретировать как призыв к своего рода «мистической революции», означавшей полное преображение земной действительности. В частности, предсказания баронессы В. Ю. Крюденер, центральной фигуры мистического движения, содержали положения о близком крушении всего «ложного» порядка вещей, о том, что скоро царства земные возопиют, и им отвечать будут только

[52] *Цамутали А. Н.* Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. // Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 8.

[53] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 53.

[54] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 171.

[55] *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12. С. 184.

бури. В 1817 г. она заявляла: «Теперь неизбежно произойдет битва, страшная битва неверия против веры, ложных христиан против истинных поклонников Христа. <…> Французская революция была только предисловием к этой битве»[56]. Крюденер утверждала, что «мистики не против властей, поскольку власти в своем поведении не расходятся с волей Бога; но когда власти начинают гонение, «это древняя война мрака против света». Государи и чиновники только рабы дьявола, поскольку они не руководятся духом Христа. «Горе государствам, жизнь которых не в нем! Треск их падения скоро раздастся!»[57]. Историк-марксист А. Н. Шебунин комментировал подобные высказывания так: «Все это как будто немножко походило на революцию»[58].

Православные консерваторы соответствующие фрагменты книг мистиков интерпретировали исключительно как призывы к революции. Например, в рукописной книге активного участника православной оппозиции С. И. Смирнова «Отозвание души моей на книгу «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова» (1823 г.) следующим образом передается ее основное содержание: «Она гласно возвещает наступление во всем якобы мире следующими явственными словами: «Время, долженствующее изменить все в мире, приспело. <…> Бог противопоставит мнимому порядку некоторый беспорядок <...> обещает всемирную революцию по отношению перемены религии: каковая де перемена должна ниспровергнуть некоторые царствия и погубить некоторых человеков именно всех тех, кои будут противится перемене религии <…> она решится потреблять от лица земли всякого, кто не будет принимать ее <…> книга воззвание к человекам не терпит всякого наружного Богослужения, презирает всякие домы молитвенные; угрожает храмам всех вероисповеданий превращением оных в громаду развалин и отвращается всякой религии, допускающей такие наружности»[59].

Одной из главных причин отторжения православных консерваторов от Библейского общества было то, что они несомнен-

[56] Цит. по: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 167.

[57] Цит. по: *Шебунин А. Н.* Указ. соч. С. 86.

[58] Там же.

[59] ОР РНБ. Ф. 550. 3975. F III-46. Основное собрание рукописной книги. Смирнова Степана «Отозвание души моей на книгу «Воззвание к человекам…». 1823. Л. 2, 5 об., 6, 19 об.

но считали, что «стоявший во главе управления духовных дел и Министерства народного просвещения и в то же время президент Библейского общества князь А. Н. Голицын был мистиком, масоном, членом татариновского общества и пр.; что он наполнил учреждения, в которых был главным начальником, и Библейское общество масонами и различными сектантами; не только благоприятствовал развитию мистической и масонской литературы, но сам, стоя во главе управления, рассылал книги этого рода по всем местам и к лицам ведомства народного просвещения и Св. Синода. Вследствие этого, Библейское общество сделалось сходбищем, сборным пунктом, для всех мистиков разных цветов и покроев, и имя его до того слилось с именем тайных обществ, что их не отделяли друг от друга»[60]. А. С. Стурдза вспоминал, что «мистики работали день и ночь над переводом современных духовных сочинений в их духе. Тогда-то градом посыпались на святую Русь разноцветные творения под самыми странными названиями. <…> Яков Бем, С. Мартен, Эккартсгаузен, Юнг-Штиллинг выдаваемы были за великих учителей»[61]. В 1816 г. возобновил свое издание «Сионский вестник» А. Ф. Лабзина, «без всякого участия духовной цензуры»[62]. На его страницах широко пропагандировалась экуменическая идеология[63]. Лабзин хотел сделать издание журнала государственным предприятием и мечтал об учреждении особенного департамента для издания мистической литературы[64].

Ситуацию обостряло то обстоятельство, что, всемерно поощряя перевод и издание книг мистического содержания, содержащих объективно антиправославные взгляды, и широкое их распространение через структуры Библейского общества, Голицын при этом запрещал произведения ревнителей православия, таких как И. Е. Станевич, опровергавших положения мистиков, и даже предпринимал против них репрессивные меры. Сочинения мистиков и масонов «о внутреннем христианстве, о всеобщем братстве и единении народов пользовались особенною благосклонностью цензуры, а книги противоположного направления, особенно же враждебные цели библейских обществ,

[60] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 55.
[61] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 271–272.
[62] Там же. С. 271.
[63] См.: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 138.
[64] См.: *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 229.

подвергались ее неумолимому суду, – писал М. И. Сухомлинов. – Произведения самого нравственного, религиозного содержания были останавливаемы цензурой, если в них заключалась защита одного какого-либо исповедания, несогласная с стремлением к единой, отвлеченной религии всего человечества»[65].

Покровительство А. Н. Голицына представителям неправославных конфессий, мистикам, сектантам и масонам, резкое принижение статуса православной церкви в связи с экуменическими увлечениями императора Александра I и привели к возникновению круга ревнителей православия, «православной партии» (термин, впервые использованный А. С. Стурдзой[66]), противостоящей «мистической партии», проводящей в жизнь идеи надцерковного «универсального христианства». Лидером последней считался Голицын. Православная оппозиция официальной конфессиональной политике, ассоциировавшей с насаждением мистицизма, появилась в результате объединения усилий писателей-«архаистов», сторонников А. С. Шишкова (П. А. Кикина, Е. И. Станевича, С. И. Смирнова, С. А. Ширинского-Шихматова) и представителей православного клира, среди которых наиболее выделялись архимандрит Иннокентий (Смирнов), позднее епископ Пензенский и Саратовский, митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), архимандрит Герасим (Князев), настоятель московского Симонова монастыря. Кроме того, в нее входили некоторые представители придворных кругов (А. А. Орлова-Чесменская, С. С. Мещерская, Д. А. Державина, П. М. Толстая), на завершающем этапе к ней примкнул ряд высокопоставленных чиновников – Ф. П. Уваров, И. В. Гладков, обер-прокурор Святейшего синода П. С. Мещерский, М. Л. Магницкий, П. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Павлов. «Православная партия» на начальном этапе действовала конспиративно, пытаясь в меру своих сил и возможностей противостоять наплыву мистицизма и масонства. Ее представители признавали лишь легальные средства борьбы, главным среди которых признавалась жалоба лично императору. После того, как «православную партию» фактически возглавил А. А. Аракчеев, она полностью утрати-

[65] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 422.

[66] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 277.

ла черты оппозиции, а один из ее лидеров – А. С. Шишков – стал министром народного просвещения, сменив на этом посту А. Н. Голицына.

В либеральной историографии идейные устремления «православной партии» и логика ее действий существенно искажались. Так, А. Н. Пыпин утверждал: «Эти ревнители старины защищали старину во что бы то ни стало и во всем ее составе, и эта старина, как известно, в числе своих качеств, отличалась и большей степенью невежества, считавшего своим идеалом совершенную неподвижность всех понятий и всех форм жизни»[67]. Кроме того, православные консерваторы в его изображении отличались «в сущности, тем же фанатизмом и обскурантизмом, какими отличались их библейские противники, – быть может, еще худшим»[68].

В монографиях Ю. Е. Кондакова история «православной партии» рассматривается через призму деятельности архимандрита Фотия (Спасского), прежде всего как сюжет истории русской православной церкви. Главная задача петербургского автора заключалась в том, чтобы проследить, как складывались отношения между церковью и государством в александровское царствование. В нашем исследовании история «православной партии» представлена как органичная часть истории русского консерватизма первой четверти XIX в., без исследования которой невозможно понять его специфику. При этом мы, естественно, опирались на богатую фактическую базу, представленную в работах Ю. Е. Кондакова; главным же источником, послужившим основой для написания данной главы, стали автобиографические записки архимандрита Фотия (Спасского).

Православные консерваторы с самого начала резко отрицательно отреагировали на возникновение Библейского общества, видя в нем очередную масонскую инициативу. Так, Ф. В. Ростопчин в письме к А. Д. Балашову от 3 июля 1813 г. заявил: «Комитет Библейского общества откроет завтра свое существо, вербуя кого возможно в члены, не для распространения христианской религии, но для умножения капитала. В сем заведении я пользы никакой не предвижу. Те, кои имеют способы, имеют и Библию, а не умеющие читать не имеют в ней нужды, и я тут

[67] *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 187.
[68] Там же. С. 188.

нахожу новые затеи иллюминатов и мартинистов, кои из Библии сделали себе духовное маскарадное платье»[69].

Первым проявлением деятельности «православной партии» были книги и записки Степана Ивановича Смирнова (даты рождения и смерти неизвестны), губернского секретаря, переводчика Московской медико-хирургической академии. О его жизни известно крайне мало, в наибольшей степени она описана Ю. Е. Кондаковым[70]. Смирнов, возможно, был близок Ростопчину. Известен его перевод «Иудейских писем к Вольтеру» аббата Генне – произведения, носившего антииудейскую направленность[71]. Его собственные произведения, написанные в защиту православия, не были известны современникам. Смирнов входил в круг архимандрита Герасима (Князева), настоятеля московского Симонова монастыря. В 1816 г. Смирнов подал на рассмотрение Петербургского комитета духовной цензуры книгу «Вопль жены, облеченной в солнце или Победная Повесть Православной Греко-российской Соборной и Апостольской Церкви против «Победной Повести» И. Г. Юнга-Штиллинга». Книга Смирнова «пропагандировала православный взгляд, неизвестный большей части русской аристократии. С. И. Смирнов отразил взгляд Православной Церкви на масонов и духовно-религиозную литературу, издающуюся помимо Св. Синода»[72]. Тем не менее, она вызвала неоднозначные оценки даже в православной среде и не смогла пройти цензуру. В августе 1816 г. Смирнов направил рукопись книги Александру I с сопроводительным письмом, в котором призывал императора не попустить «в Богоспасаемой России владычествовать завету беззакония», поскольку с верой в Бога «исчезнет верность и гражданскому уставу»[73]. Смирнов призывал к запрету Юнга-Штиллинга, Эккартсгаузена, Шатобриана.

---

[69] *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 467.

[70] *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 125–164.

[71] См.: Там же. С. 129.

[72] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 104.

[73] Письмо С. И. Смирнова Александру I // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 4. С. 142.

Рукопись с запиской была доставлена монарху П. А. Кикиным, который занимал должность начальника канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя, однако тогда никакого действия эта акция не возымела. О Кикине оставил в своих мемуарах отзыв С. Т. Аксаков: «П. А. Кикин был одним из самых горячих и резких тогда славянофилов, он сделался таким вдруг по выходе книги Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге». До того времени он считался блестящим остряком, французолюбом и модным светским человеком. <…> Книга Шишкова образумила и обратила его, и он написал на ней: «Mon Evangeli (Мое Евангелие). <…> В свете называли Кикина новообращенным, новокрещенным, ренегатом, и, точно как человек, перешедший быстро от одного убеждения к другому, он слишком горячился и впадал в крайности, которые никогда не ведут к убеждению других <…> глубоким уважением предался он Шишкову, который сам очень его любил и уважал»[74]. Кикин принимал участие в деятельности «Беседы любителей русского слова», был секретарем некоего «Общества свергнувших иго чужеземного языка», целью которого было разговаривать только по-русски и избегать употреблять французский язык[75]. По словам А. С. Стурдзы, Александр I «знал и уважал его, как крутого старовера, с которым государь входил даже в прения во время его докладов»[76].

С. И. Смирнову так и не удалось опубликовать «Вопль жены, облеченной в солнце», как и другие свои произведения. Его литературная деятельность в защиту православия высоко оценивалась в дальнейшем архимандритом Фотием (Спасским), который в своих автобиографических записках писал: «Иные разные его обличения и разумны: имеют силу и убедительность»[77]. В дальнейшем Фотий использовал литературные наработки Смирнова в своих посланиях 1824 г. Александру I.

Одной из главных тем писаний Смирнова было «разоблачение всемирного масонского заговора», готовящего «приход в мир Антихриста», посредством разрушения традиционных религий, в первую очередь православия, и свержения монархи-

[74] *Аксаков С. Т.* Воспоминания об А. С. Шишкове // Собр. соч. : в 5 т. М., 1986. Т. 2. С. 276.

[75] См.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 142.

[76] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 278.

[77] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Июль. С. 177.

ческих режимов. Кроме того, Смирнов был одним из первых русских консерваторов, которому, наряду с Державиным, был присущ антисемитизм. Евреев Смирнов именовал «орудием Сатаны», воплощением мирового зла и утверждал, что именно еврейство готовит заговор против законных правителей христианских государств. «Вероятно, политика иудеев состоит в том, чтобы при удобном случае соединенными силами всей своей многочисленности исторгнуть свои земли из рук теперешних обладателей». Для того, чтобы евреи прекратили быть воплощением зла, им следует отказаться от своей религии[78].

«Ревность не по разуму» Смирнова периодически вызывала недовольство им митрополита Петербургского Серафима и Филарета (Дроздова), в результате чего даже после победы православной оппозиции Смирнову так и не разрешили напечатать его книги.

Особую роль в деятельности ревнителей православия сыграл архимандрит Иннокентий (в миру Илларион Дмитриевич Смирнов) (1784–1819), впоследствии епископ Пензенский, в то время ректор Петербургской семинарии (с сентября 1813 г.), глава цензурного комитета Петербургской духовной академии. Иннокентий отличался строго аскетическим образом жизни, был талантливым проповедником и церковным историком. Духовное образование он получил в семинарии Троицко-Сергиевой лавры. В 1809 г. Иннокентий под влиянием старца одного из ростовских монастырей Амфилохия, который позднее стал духовным наставником А. А. Орловой-Чесменской, принял монашество. В 1814 г. Иннокентий получил звание доктора богословия и был назначен архимандритом Троице-Сергиевой пустыни, а в 1816 г. – назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. С 1815 г. Иннокентий стал по должности одним из директоров Библейского общества и участвовал в работе комитета, рассматривавшего переводы Священного Писания. Он был ближайшим помощником архиепископа Михаила (Десницкого) и духовником семьи С. П. Мещерского, сочувствовавшего православной оппозиции, дружил с тогдашним ректором Духовной академии Филаретом (Дроздовым).

[78] См.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 130.

Будучи принципиальным ревнителем чистоты православия, Иннокентий в 1815 г. не пропускал в печать книгу И. Г. Юнга-Штиллинга «Победная повесть». Между тем на публикации этой книги настаивал обер-прокурор Святейшего синода А. Н. Голицын, которому пришлось провести эту книгу через светскую цензуру. В 1816 г. на рассмотрение Иннокентия была передана книга С. И. Смирнова «Вопль жены, облеченной в солнце». Иннокентий готов был допустить ее в печать, однако против этого решения выступил архимандрит Филарет (Дроздов), которого настораживало чрезмерное рвение Смирнова. По мнению Филарета, «ревность увлекала его (Иннокентия. – *А. М.*) за пределы осторожности». Филарет утверждал также: «Я удержал его, чтобы не произвести напрасного волнения, и митрополит Михаил (Десницкий. – *А. М.*) одобрил мое мнение» [79].

Первую победу ревнители православия смогли одержать в 1818 г. , когда под их давлением А. Н. Голицыну пришлось запретить возобновленный «Сионский вестник» А. Ф. Лабзина, который после этого больше не возобновился. Запрещение это произошло, наряду с прочими причинами, по настоянию митрополита Михаила (Десницкого)[80]. Будучи активным членом Библейского общества, митрополит был лоялен к духовно-религиозной политике правительства и известен своими проповедями «о внутренней Церкви Христовой». Но при этом, по мнению Ю. Е. Кондакова, он был негласным главой православной оппозиции и участвовал во всех ее выступлениях[81]. Определенную роль в закрытии «Сионского вестника» сыграл не входящий в состав «православной партии», но идейно к ней близкий А. С. Стурдза. По воспоминаниям Стурдзы, его знакомый, князь С. А. Шихматов, активный ревнитель православия, явившись к нему, «завел разговор о новых духовных переводах в «Сионском вестнике» и стал «по-христиански» укорять Стурдзу, что тот молчит, не вступается «за дело Божие», и «требовал <…> действия»[82]. Ширинский-Шихматов передал Стурдзе труд Смирнова

[79] Цит. по: *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 109.

[80] См.: *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 58.

[81] См.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 117.

[82] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 274.

«Вопль жены, облеченной в солнце» и предложил сличить его критику с соответствующими номерами «Сионского вестника» и решить: «должно ли долее терпеть такие нападения на святую истину и святую церковь?». Далее Стурдза вспоминал, что «чтение рукописи вместе с обличаемыми статьями» скоро убедило его «в справедливости увещеваний Шихматова»[83].

А. С. Стурдза использовал «благорасположение» Голицына, к которому имел свободный доступ, и «решился начать письменно, а потом довершить дело устною беседою». Он написал князю «прямой обвинительный акт против двух переводов Лабзина: «Таинства» и «Победной повести». При этом Стурдза обширными выписками доказывал, что «переводчик виновен не только за перевод книг, враждебных церкви, но еще более за то, что в некоторых местах усилил и преувеличил выражения подлинников». Затем Стурдза попросил аудиенцию, на которую явился с рукописью Смирнова и статьями Лабзина из «Сионского вестника». «Каждая страница Смирнова поверяема была подлинными статьями. Министр горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать им благоприятный смысл; но преткновения час от часу становились виднее и опаснее». Чтение продолжалось свыше трех часов, после чего, как утверждает Стурдза, «Голицын прямо сознался в своем заблуждении и перестал защищать своего любимца» [84]. После этого Стурдза предложил Голицыну «с ведома и соизволения государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему в обязанность обратиться с изданием «Сионского Вестника» в духовную цензуру установленным порядком». Стурдза утверждал, что если Лабзин «без ропота покорится законному распоряжению», то «выгодное мнение о нем» Голицына будет оправдано. «Напротив, если он станет отказываться и роптать, то злонамеренность его обнаружится во всей наготе своей»[85]. По словам Стурдзы, после того как Голицын написал Лабзину, что не имеет времени заниматься впредь цензурою его журнала, надменный Лабзин «вспыхнул, и забылся до того, что отозвался министру самым грубым и резким образом, что решительно не пойдет на суд к тем людям, которые затворяют дверь царствия

[83] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 274.
[84] Там же. С. 275.
[85] Там же. С. 276.

небесного, сами не входят и других не впускают туда»[86]. «Сионский вестник» был запрещен окончательно. Из вышесказанного видно, что ведущий журнал мистиков прекратил свое существование по инициативе митрополита Михаила, С. И. Смирнова, С. А. Ширинского-Шихматова и А. С. Стурдзы. С этого времени Стурдза пользовался особым доверием членов «православной партии». В частности, П. А. Кикин «весьма жаловал» его «за удачное низложение «Сионского вестника»[87].

Закрытие «Сионского вестника» привело к тому, что Голицын, по словам Стурдзы, «сделался осторожнее, а ревнители – не по разуму смелее и предприимчивее»[88]. Но в том же 1818 г. они потерпели сильнейшее поражение, закончившееся опалой одной из ключевых фигур ревнителей православия – Иннокентия (Смирнова). Это произошло в результате акции, предпринятой с участием писателя-«архаиста» Е. И. Станевича.

Евстафий Иванович Станевич (1775–1835) был чиновником средней руки и писателем, входил с 1811 г. членом-сотрудником в «Беседу любителей русского слова»[89]. Ему оказывал покровительство участник направления литераторов-«архаистов» П. А. Кикин, принявший Станевича к себе на службу и поселивший его в своем доме. В воспоминаниях Стурдзы имеются некоторые детали, проясняющие обстоятельства сближения Кикина и Станевича: «У Кикина умерло любимое дитя; Станевич, в утешение сетующих родителей, написал для них «Разговор о бессмертии души над гробом младенца». В нем автор доказывал, что вера в бессмертие тогда только утешительна, когда основывается на обетованиях, данных святою церковью»[90].

В своих воспоминаниях Стурдза писал, что в июне 1818 г. Кикин поведал ему «о планах и намерениях православной партии», в частности о том, как участники некоего «общего совета» «решили открыть наступательные действия против мистиков». Кикин также рассказал ему о скором появлении книги

[86] Там же.

[87] Там же. С. 277.

[88] Там же.

[89] Наиболее значительное исследование о Станевиче см.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 165–193.

[90] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 277.

Е. И. Станевича «и ликовал заранее, в надежде на блестящий успех»[91]. Таким образом, появление книги Станевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии души» была акцией православной оппозиции. Она была написана «в опровержение «Сионского вестника»[92]. Фотий определял жанр книги Станевича как «некое обличение» мистиков, учение которых – «язык змиев на вред святой церкви»[93]. По оценке Ю. Е. Кондакова, книга стала «манифестом православной партии»[94] и содержала «не только собственные мысли автора, но и плоды его бесед с А. С. Шишковым и П. А. Кикиным»[95].

Е. И. Станевич подвергал жесткой критике западноевропейский мистицизм, деятельность Библейского общества и перевод Библии на русский язык. Он обвинял мистиков в религиозном субъективизме, в том, что они строят «внутреннюю церковь», отрицая реальную православную, отрицают таинства церкви, отвергают необходимость священства, обрядности, почитания святых, распространяют ереси, приближают «царство Антихриста». В книге содержались строчки, которые при желании можно было расценить как покушение на царскую власть и власть церковной иерархии, которые в должной мере не выступают в защиту истинной церкви: «Цари ничем не причинили столько бед народу, как забвением и уничтожением должного в лице их величия Божия. Времена таковые постоянно видятся быть и временами послабления веры и нравов, что и поставляет всякое царство на краю гибели и падения», «ежели священство умолкнет, видя таковое разорение в дому Божьем <…> Господь прольет и на них гнев свой»[96].

В сентября 1818 г. книга Станевича была передана в духовную цензуру. Иннокентий (Смирнов), будучи цензором, пропустил эту книгу в печать, и в конце 1818 г. она была опубли-

---

[91] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 277.

[92] *Сушков Н. В.* Указ. соч. С. 110.

[93] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1894. № 9. Т. 82. С. 204–205.

[94] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 125.

[95] Там же. С. 120.

[96] *Станевич Е. И.* Беседа на гробе младенца о бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и церкви. Изд. 2-е. СПб., 1825. С. 73, 148.

кована. В декабре 1818 г. ревнителям православия и лицам, сочувствовавшим их целям, было разослано 26 экземпляров книги, среди ее получателей были митрополит Новгородский и Петербургский Михаил (Десницкий), епископ Филарет (Дроздов), архимандрит Иннокентий (Смирнов), А. С. Шишков, П. А. Кикин, С. А. Ширинский-Шихматов, А. С. Стурдза[97].

Далее события стали развиваться по сценарию, не запланированному православными консерваторами. Спустя годы Стурдза объяснял происходящее тем, что на Иннокентия (Смирнова) «злились духовные крамольники за то, что, пробыв некоторое время деятельным членом Библейского общества и комитета, переводившего Новый Завет, вдруг отказался от сих должностей, вероятно, подметив в товарищах своих нечистые побуждения против церкви. Представился удобный случай отомстить и поссорить с Филаретом (Дроздовым. – *А. М.*), епископом ревельским. И так ухватились за книгу Станевича, подняли крик и шум, стали жаловаться на гнусную нетерпимость и главную ответственность взвалили на духовного цензора»[98]. Фотий (Спасский) гонения на Иннокентия объяснял происками масонов, работающих в «сугубом» министерстве: «Тайные общества сильно восстали на Иннокентия, яко врага явного их всех злодейских обществ. Министерство духовных дел и просвещения, в одном лице совмещаемое, исполнено было людей нечестивейших, агентов нечестия; положено изгнать при сем случае Иннокентия»[99].

После выхода книги Голицын вызвал Филарета (Дроздова) к себе и с негодованием показал ему экземпляр, весь испещренный его заметками. Голицын заявлял: «Церковь не имеет нужды, когда частный человек брал ее под свое покровительство, особливо с той точки, с которой написано все сочинение. Защищение наружной церкви против внутренней наполняет всю книгу. Разделение, непонятное в христианстве! Ибо наружная без внутренней церкви есть тело без духа. Вообще понятие о церкви представлено в превратном виде: ибо, где говорится

[97] См.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 126.

[98] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 279.

[99] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1894. № 9. Т. 82. С. 205.

о церкви, везде видно, что одно духовенство принимается за оную. <…> Одним словом, книга сия совершенно противна началам, руководствующим христианское наше правительство, по гражданской и духовной части»[100]. Филарет постарался замять назревающий конфликт, заявив, что Иннокентий просто невнимательно просмотрел книгу, будучи нездоровым, и просил, чтобы Голицын не делал доклада императору и дал время просмотреть книгу и исправить ошибки, перепечатав листы. Однако когда Филарет попытался уговорить Иннокентия смягчить его позицию, тот отвечал, что «готов претерпеть за правду всякое гонение»[101].

В итоге Иннокентия не поддержала высшая церковная иерархия. Митрополит Михаил (Десницкий) «осуждал почти каждое слово» книги Станевича[102]. Александр I распорядился изъять и уничтожить весь тираж книги Станевича, а ее автора и цензора – выслать в 24 часа из столицы в город Сумы на Слободскую Украину.

14 января 1819 г. Иннокентию был объявлен строгий выговор за его неосмотрительность. Царь предписывал внушить комиссии духовных училищ, «чтоб подобные сочинения, стремящиеся истребить дух внутреннего учения христианского, никаким образом не могли выходить из цензуры, находящейся в ее ведомстве»[103]. 2 марта Иннокентий был рукоположен в епископа Оренбургского. В первый раз без избрания Синодом назначался епископ императором, «вопреки церковного порядка»[104]. Это была фактическая ссылка из столицы, «на верную смерть, при глубоко расстроенном его здоровье»[105]. Лишь после ходатайства митрополита Михаила, княгини С. С. Мещерской и П. С. Мещерского 22 марта 1819 г. он был рукоположен в епископа Пензенского и Саратовского. В Пензе святитель и скончался 10 октября 1819 г. Он был причислен к лику святых Русской православной церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 г.

---

[100] Цит. по: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 201.
[101] Цит. по: *Сушков Н. В.* Указ. соч. С. 110.
[102] См.: Там же. С. 111.
[103] Цит. по: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 200–201.
[104] *Попов К.* Указ. соч. С. 380.
[105] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 279.

Почетная ссылка Иннокентия (Смирнова) и высылка Станевича из столицы были сильным ударом по православным консерваторам.

В марте 1821 г. скончался митрополит Новгородский и Петербургский Михаил (Десницкий). По совету Аракчеева император избрал в качестве преемника Михаила митрополита Московского и Коломенского Серафима, вице-президента Библейского общества[106]. Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (в миру Стефан Васильевич Глаголев) (1757–1843), родился в семье дьячка Василия Глаголева. Церковное образование получил в Калужском духовном училище. Вместе с Матвеем Десницким (в будущем – Новгородским и Петербургским митрополитом Михаилом) он обучался в Троицкой семинарии. По благословению митрополита Платона (Левшина) они поступили в Филологическую семинарию Ученого дружеского общества, основанного в Москве Н. И. Новиковым, слушали лекции в университете и духовной академии. По настоянию Платона (Левшина) в 1787 г. Стефан принял монашество с именем Серафим. В 1799 г. он был рукоположен в епископа Дмитровского, в 1804 г. – назначен епископом Вятским, в 1805 г. – Смоленским и Дорогобужским, в 1812 г. возглавил минскую кафедру, в 1814 г. назначен архиепископом Тверским, а с 1819 г. – митрополитом Московским и Коломенским. Серафим неспешно шел вверх по ступеням церковной иерархии и главную российскую кафедру занял в 1821 г. С самого начала он зарекомендовал себя в качестве человека с консервативной репутацией. Н. В. Сушков давал Серафиму следующую характеристику: «Серафим Глаголевский <…> не обладал ни той ученостью, ни той высокодаровитостью, какими отличаются его предместники и особенно преемник (по Московской епархии) [Филарет (Дроздов). – *А. М.*]. Не остался он в памяти народной. Редко беседовал он с паствой своею и вовсе не слыл проповедником. Его, конечно, любили как пастыря мирного и доступного, уважали как митрополита разумного и осторожного»[107]. Характеристика Сушкова не вполне справедлива. Дей-

[106] См.: *Глазева А. С.* Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005.

[107] *Сушков Н. В.* Указ. соч. С. 54–55.

ствительно, Серафим был осторожен и дипломатичен, однако именно благодаря ему «православная партия» смогла, в конце концов, достичь поставленных целей.

Самым ярким и известным деятелем среди ревнителей православия был архимандрит Фотий (в миру Пётр Никитич Спасский) (1792–1838)[108]. Он родился в семье чтеца церкви Преображения Господня Спасского погоста Новгородского уезда Никиты Фёдоровича, в суровых жизненных условиях, в крайней бедности. Пётр получил начальное домашнее образование, был научен отцом грамоте и стал, подобно отцу, чтецом в церкви. Через родственников, в десятилетнем возрасте, Пётр был пристроен певчим в Казанский собор в Петербурге. Однако там плохо кормили, нравы были грубыми, Петра часто обижали, в результате он тяжело заболел и был отправлен к родителям на излечение. Тогда же Петра впервые посетили мысли о монашестве как единственно верном пути спасения души.

В январе 1803 г. Пётр был принят в Новгородскую семинарию. По тогдашнему обычаю, ему дали фамилию Спасский, в честь его места рождения и для спасения души. Пётр стал первым учеником и первым певчим в семинарском хоре, читал церковные книги, отличался примерным поведением и благочестием. Из-за крайней бедности он постоянно недоедал, был лишен нормальной одежды. Пётр вел аскетический образ жизни, избегал мира и его соблазнов. В 1814 г. , окончив курс семинарии, он, в числе лучших учеников, был направлен в Петербургскую духовную академию, ректором которой был Филарет (Дроздов). Тогдашний ректор Петербургской семинарии, Иннокентий (Смирнов) стал его покровителем, духовным отцом и учителем. Учился Пётр в академии хорошо, но в 1815 г. по болезни был вынужден оставить ее и был определен учителем латинского и греческого, а также церковно-славянского языков, церковного устава и Закона Божьего в Александровское духовное училище. Главной его обязанностью были проповеди, которые Пётр готовил ответственно и усердно. Следует сказать о своеобразном литературном даре этой незаурядной личности.

[108] См.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время ; *Улыбин В. В.* Архимандрит Фотий (Спасский) и графиня А. А. Орлова-Чесменская. СПб., 2001 ; *Его же.* Яко ад сокрушилися… СПб. ; М., 2002.

Так, П. К. Щебальский слог Фотия охарактеризовал следующим образом: «Мы мало знаем в русской литературе страниц, написанных таким сильным, хоть и странным языком»[109]. Одновременно он начал изучать книги масонов и протестантских мистиков с тем, чтобы уметь опровергать антиправославные мысли, которые в них обильно содержались.

По благословению Филарета и Иннокентия в феврале 1817 г. Пётр был пострижен двумя архиереями в монахи и рукоположен в иеромонахи с именем Фотия. Это имя он получил в честь патриарха Константинопольского, возведенного в сан за три дня и несколько раз отлучавшегося от сана за исповедание православия. По протекции Иннокентия (Смирнова) и Филарета (Дроздова) Фотий был назначен законоучителем во Второй кадетский корпус. Он отличался крайней аскезой: постоянно пребывал в воздержании и посте, облекся во власяницу и носил вериги, что сильно сказывалось на его здоровье. Аскетизм Фотия выражался, к примеру, в осуждении театров. «Это, – по мнению Фотия, – бесовские служения, работа мамоне, мудрования плоти, языческих мерзких служб останки, капища сатаны, заведения злобы многопрелестные, виды прелести диавольские, училище нечестия, службы вражия, сеть князя тьмы, земный ад насмешливый: кратко сказать – многообразная мерзость запустения на месте святее. И пения, и песнь, и комедии, и трагедии, и всякого рода представления и явления суть виды единой мерзости»[110].

Ученики уважали Фотия и усердно посещали его предмет, показывали на экзаменах хорошие знания. Для них Фотий написал учебник по Закону Божьему «Огласительное Богословие Кафолическое и Апостольские веры восточной церкви». Вскоре Фотий был назначен благочинным и главным законоучителем в кадетском корпусе. В 1818 г. он был зачислен в соборные иеромонахи Александро-Невской лавры.

Фотий писал, что он получил «изведение свыше во сне и разных откровениях, что подобает ему изыти на подвиг против тайных всех обществ»[111]. По словам лично знавшего его свя-

[109] *Щебальский П.* Указ. соч. С. 242.

[110] Цит. по: *Миропольский С.* Фотий Спасский, Юрьевский архимандрит // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 603.

[111] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1894. № 7. С. 214.

щенника М. Я. Морошкина, Фотий «следил неусыпно за всем движением масонства, читал внимательно все масонские книги, делал из них выписки, не щадил ничего для покупки особенно дорогих книг масонской премудрости, скупал целые издания, только что выходившие из типографии, и жег их, чтобы не допустить их расходиться в народе; подкупал дорогой ценою служителей домов, в которых бывали масонские заседания, чтобы из скрытного где-нибудь места самому все высмотреть, услышать и узнать всех заседавших в них; для сего служители проламывали иногда стены под самым сводом или верхним накатом и делали небольшие отверстия, сквозь которые о. Фотий, будучи невидим никем, мог сам все видеть и слышать, что делалось внизу»[112]. Фотий даже тайно присутствовал на «пророчествах» Е. Ф. Татариновой, «где своими очами видел беснование, кружение, лжесловесие и прорицание демонское»[113].

Таким образом, Фотий собирал разнообразную информацию о деятельности Библейского общества, масонских лож, сект, мистических изданиях и пр. Кроме того, он выступал с резкими обличениями деятельности Библейского общества. Обличал он и деятельность сект скопцов, «общества» Е. Ф. Татариновой, проповедников мистических учений А. Ф. Лабзина, баронессы В. Ю. Крюденер, И. Линдля, И.-Л. Фесслера, И.-Е. Госснера и др. При этом Фотий был убежден, что все эти явления возникли в результате того, что Александр I попал под сильное влияние участников «масонского заговора» Р. А. Кошелева. В результате Фотий нажил себе влиятельных врагов. Инспектор корпуса, в котором он преподавал, генерал И. В. Бебер, видный масон (он был «великим памятным мастером» ложи «Астреи», с его именем масонская традиция связывала посвящение Александра I в масоны и последующее негласное разрешение на работу лож), одним из первых распустил слух о том, что Фотий сошел с ума после того, как тот, сделав несколько копий с масонского устава и написав на нем: «Катехизис масонов, верующих в антихриста, дьявола и сатану», раздал их кадетам.

Митрополит Михаил (Десницкий) в июле 1820 г. предложил Фотию стать игуменом захудалого третьеклассного Дере-

[112] *Морошкин М.* Архимандрит Фотий, настоятель Юрьева монастыря : воспоминания священника // Русская старина. 1876. № 10. Т. XVII. С. 313.

[113] *Миропольский С.* Указ. соч. С. 59.

вяницкого монастыря в Новгороде, фактически удалив его из Петербурга в почетную ссылку. Весь 1821 г. Фотий был занят восстановлением монастырского хозяйства, полностью прекратив общественную деятельность. При этом ему помогала графиня А. А. Орлова-Чесменская, в «молодости пленявшая своей красотой»[114], его духовная дочь, которая присылала в монастырь щедрые пожертвования, хлопотала о возвращении Фотия в Петербург, сообщала столичные новости. С. Миропольский считал, что их сближение было «случайное и непредвиденное»[115]. Иннокентий, проезжая из Петербурга в Пензу через Москву и остановившись там по болезни, рекомендовал Фотия 35-летней Орловой как личного друга. Фотий влиял на Орлову с позиций крайнего православного аскетизма: «он распорядился, чтобы «девица-дщерь» уничтожила все статуи и произведения искусства в ее доме, так как они служат «похоти очес»[116].

В свою очередь, Орлова ввела Фотия в круг высокопоставленных деятелей православной оппозиции. По словам Миропольского, «Фотий был силен прежде всего потому, что всегда, то за ним, то перед ним, стояла графиня А. А. Орлова-Чесменская, с своим несметным богатством и с своими общественными связями в Петербурге и в Москве»[117]. Следуя примеру Орловой-Чесменской, Д. А. Державина, вдова поэта, «также «дщерию Фотия учинилась. Теперь для Фотия открылись салоны всех аристократических домов и его слушали с благоговением»[118]. Благодаря влиянию и связям графини Орловой-Чесменской знакомства с Фотием стали искать важные сановники. Осенью 1821 г. Фотий нанес визит в имение Аракчеева Грузино, где произошло их сближение. С этих пор Фотий именовал Аракчеева в своей переписке «Соседом»[119].

В 1821 г. деятельность православных консерваторов оживилась. В силу ряда внешних и внутренних факторов их позиции начали усиливаться. Ухудшение отношений между Россией и

---

[114] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 54.

[115] *Миропольский С.* Указ. соч. С. 53.

[116] Там же. С. 602.

[117] *Карнович Е. П.* Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря // Русская старина. 1875. Т. XIII. С. 466.

[118] *Миропольский С.* Указ. соч. С. 597.

[119] См.: *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). С. 121–122.

Англией сказалось на отношении к некоторым ветвям протестантизма. Мистицизм и масонство были взяты под подозрение. В изменившихся условиях императору стала невыгодна протестантская ориентация лидеров Соединенного министерства[120]. Из России был выслан пастор Линдль и удалена из Петербурга В. Ю. Крюденер[121]. Под влиянием революционных событий на Западе произошло резкое поправение российского императора. В конфиденциальном письме Александр I писал А. Н. Голицыну из Лайбаха 8 – 15 февраля 1821 г. : «В шесть месяцев принцип разрушения привел к революции в трех странах и грозит распространиться по всей Европе. Ведь нельзя, право, спокойно сего допускать. <…> Принципы разрушения, как враги престолов, направлены еще более против христианской веры <…> главная цель, ими преследуемая, идет к достижению сего, на что у меня имеются тысячи и тысячи неопровержимых доказательств, которые я могу Вам представить»[122].

В марте 1821 г., после смерти митрополита Новгородского и Петербургского Михаила, сравнительно терпимо относившегося к мистикам, новым митрополитом стал Серафим (Глаголевский). Статус Фотия изменился: Серафим в январе 1822 г. возвел его в архимандриты второразрядного Сковородского монастыря в Новгороде. Затем он был приглашен Серафимом в Петербург, куда прибыл в апреле 1822 г. В мае 1822 г. Фотий при посредничестве Серафима познакомился с князем Голицыным[123].

А. Н. Голицын, очевидно, решил «приручить» Фотия с целью получить от этого союза определенные политические выгоды, часто встречался с ним, вел духовные беседы, переписывался с ним, называл его «духовным учителем» и «златоустом». В свою очередь, Фотий, по благословению митрополита Серафима, пытался повлиять на Голицына в православном духе, «обратить на правый путь» и принудить его отказаться от «потворства» масонам, сектантам, мистикам и Библейскому обществу. Возможно, для подобного рода иллюзий имелись некото-

[120] См.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 145.

[121] См.: Там же. С. 150.

[122] Цит. по: *Великий князь Николай Михайлович*. Император Александр I. М., 1999. С. 188.

[123] См.: *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. № 2. С. 203.

рые основания. Н. В. Сушков считал, что Голицын до конца жизни находился под сильным влиянием Филарета (Дроздова): «Постоянно слушая Лаврского проповедника, он поверял гадания и мечтания мистиков и квакеров догматическим учением православной церкви; при таком настроении духа благодатно действовали на него и глубокомысленные слова и речи инока, архимандрита, епископа, архиепископа и митрополита Филарета: они отрезвили верования и убеждения строгого к себе подвижника. И он вскоре вступил на новый путь и твердо шел добрым путем до конца своей жизни»[124].

Фотий следующим образом пытался повлиять на министра духовных дел и народного просвещения: «Сделал он из некоторых книг выписку заблуждений и возмутительных страшных внушений явных, в удобное время с жалостию читал и изъяснял князю Голицыну, что к какому многому злу явные заблуждения и возмущения могут вскоре привести церковь и государство»[125]. В его автобиографических записках содержится некая «Выписка зловредных и душепагубных учений, обретающихся в разных нечестивых книгах, изданных и издаваемых на российском языке от 1800 по 1824-й год». Судя по ней, особое негодование Фотия вызывали следующие положения: «Человек не есть создание Божие, а самобытность случайная. <…> От Бога поставленные власти <…> названы тиранами. <…> Понятие о Боге и религии есть вымысел человеческий. <…> От первосвященника до последнего церковника здесь называется всяк обманщиком и идолопоклонником, как в иудейской, так и в христианской церкви»[126]. «Господь наш Иисус Христос называется таким же магом, как Зороастр»[127]. «Сооружение храмов, чествование икон и св. мощей называется обычаем, заимствованным от язычников»[128]. Фотий предупреждал князя: «Вельможи, князья и все знатные люди да знают, что все они были в опасности: все тайно делалось зло: всем вдруг готовилось всегубительство: торжественно о том было опубликовано воззвание, дабы мечи взять и всех зако-

[124] *Сушков Н. В.* Указ. соч. С. 104.

[125] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 172.

[126] Там же.

[127] Там же. С. 178.

[128] Там же. С. 180.

лоть нечаянно»[129]. Трудно сказать, какое конкретно имеется в виду воззвание, но стоит помнить о том, что события 14 декабря 1825 г. были не за горами и планы декабристов, предполагавшие уничтожение части членов династии Романовых, были известны не только в околодекабристских кругах.

Фотий, наряду с прочим, старался добиться отставки директора департамента духовных дел А. И. Тургенева. В ответ некоторые литераторы Санкт-Петербурга начали осуществлять кампанию по компрометации архимандрита. Именно тогда появились эпиграммы, приписывавшиеся А. С. Пушкину, обвинявшие Фотия и А. А. Орлову-Чесменскую в любовной связи[130]. «Герои» этих эпиграмм ничего общего с реальными Фотием и Орловой не имели[131].

Благодаря возникшим связям, Фотий ежедневно участвовал в беседах с разными «боярами и боярынями», т.е. представителями придворных кругов[132]. Всё это позволило Фотию и стоявшей за ним «православной дружине» при помощи ненавистного им Голицына добиться беспрецедентной аудиенции Фотия у Александра I. Она произошла 5 июня 1822 г. и подробно описана в записках Фотия[133]. Он говорил с царем о Серафиме, отмечая, что тот «пастырь есть единственный по своей любви ко святой церкви, царству и ко благу». После такого вступления речь пошла о том, что «враги церкви святой и царства весьма усиливаются; зловерие, соблазны явно и с дерзостию себя открывают, хотят сотворить тайные злые общества, вред велик святой вере Христовой и царству всему; но они не успеют; бояться их нечего, надобно дерзость врагов тайных и явных внутрь самые столицы в успехах немедленно остановить». «Противу тайных врагов тайно и нечаянно действуя, вдруг надобно открыто запретить и поступать»[134].

---

[129] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 185.

[130] См.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 155.

[131] См.: *Петров М. Н.* Три эпиграммы Пушкина? : (мнение историка) // Пушкин и другие : сб. статей, посвящ. 60-летию со дня рождения С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 98–107.

[132] См.: *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 255.

[133] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. № 2. С. 207–210.

[134] Там же. С. 208–209.

Собственно, «апологией» Серафима и указанием на опасность тайных обществ и необходимость борьбы с ними исчерпывалось содержание первой тайной беседы императора с Фотием. Она была тут же передана Фотием Серафиму и А. А. Орловой-Чесменской. Разумеется, Голицын ничего о ней не узнал: «Когда же видел князя по сем, не поведал ему ничтоже, что с царем тайное было говорено; ниже царь никогда не поведал князю, при всех его желаниях испытать о существе бывшие беседы»[135]. 25 июня 1822 г. Фотию был пожалован крест от царя[136]. Вскоре после этого произошла встреча Фотия с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, которая была противницей Голицына, будучи недовольной «вмешательством мистиков во все благотворительные начинания и увольнением профессоров Петербургского университета»[137]. Для представления ей Фотий поехал в Царское Село. Встреча произошла при посредничестве Орловой-Чесменской, которая была ее камер-фрейлиной и которую она, по словам Фотия, любила «как славную богатством, родом, житием пречестную, Богу и царю, церкви и отечеству преданную» и «соглашала в супружество ее за своих родных принцев»[138].

Беседы происходили при посредничестве «боярыни Портер» (урожденной княжны М. Ф. Щербатовой), а также графини Ш. К. Ливен. В их присутствии Фотий говорил с государыней «о царе, что Господь хранит его во всех опасностях и впредь сохранит, давая всячески разуметь о тайных внутренних врагах». Фотий снова говорил о Серафиме как «единственном защитнике церкви и веры». «Сие представление весьма много действовало в пользу митрополита и во вред противных партий». Речь также шла о Попове, Тургеневе, Руниче, Голицыне и Кошелеве. «Царица в сие время имела великую ненависть к сим врагам за их противузаконные действия по всем частям учебных заведений» (имелась в виду университетская история, в которой кружок мистиков, объединившийся вокруг Голицына, играл определяющую роль. – *А. М.*). Фотий вел себя достаточно

[135] Там же. С. 210.

[136] См.: Там же. С. 211.

[137] *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 158.

[138] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. № 2. С. 200.

дипломатично и утверждал, что Голицын «не совсем виновен, а его окружающие все пакости делают»[139]. После аудиенции Фотий был удостоен рескрипта императрицы и ему были присланы в подарок золотые часы[140]. Таким образом, двор Марии Фёдоровны явно поддерживал и направлял в нужное ему русло одного из самых активных ревнителей православия.

Через два месяца после первой аудиенции у царя, 1 августа 1822 г., Александр I издал рескрипт министру внутренних дел В. П. Кочубею о запрещении масонских лож и тайных обществ на территории Российской империи. Эту меру традиционно связывают с «внушениями», сделанными Фотием Александру I во время аудиенции.

Косвенным результатом принятия антимасонского рескрипта стала ссылка А. Ф. Лабзина – одного из главных врагов «православной партии». Произошло это при следующих обстоятельствах. 13 сентября 1822 г. президент Академии художеств А. Н. Оленин, созвав академический совет, предложил собранию избрать трех почетных любителей: графа Д. А. Гурьева, А. А. Аракчеева и В. П. Кочубея. Во время обсуждения Лабзин, который был вице-президентом Академии, заметил, что если совет намерен избрать трех новых членов по той причине, что они имеют доступ к высочайшей особе, то он со своей стороны предлагает в почетные любители также близкую государю особу, а именно государева кучера Илью. М. А. Милорадович донес о случившемся императору Александру I, после чего Лабзин был за «наглое поведение» выслан из Петербурга в Сенгилей Симбирской губернии, а затем в Симбирск, где он и скончался в 1825 г.[141]

21 августа 1822 г. Фотий был назначен архимандритом Новгородского Юрьева монастыря, одного из старейших в России. К 1822 г. он находился в ветхом состоянии, братия его была малочисленна. С приходом Фотия всё изменилось, монастырь стремительно обновлялся, поскольку А. А. Орлова-Чесменская жертвовала на него гигантские деньги. Кроме того, Фотию удалось добиться значительной правительственной субсидии на восстановление обители.

---

[139] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. № 2. С. 211.

[140] См.: *Миропольский С.* Указ. соч. С. 599.

[141] См.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 267–238.

Встречи Фотия с царем продолжались, их было не менее пяти. Устраивал их Аракчеев. Это видно, например, из письма последнего от 9 августа 1824 г., в котором он писал Фотию, что по приезде в Царское Село докладывал императору о своих свиданиях с Фотием и что государю было весьма приятно слышать его усердие у церкви Божией и отечеству. «Его величество, – продолжал Аракчеев, – единожды навсегда позволяет вам, отец архимандрит, приезжать в Петербург, когда вам нужно будет, а в доказательство благоволения его величества к вам, государю угодно видеть вас лично у себя в Петербурге прежде его отъезда в вояж, а потому и изволил назначить вам приезд в Петербург, расположив так, чтобы вы могли быть между 3 и 10 чисел сего месяца». Затем, 5 августа, Аракчеев писал Фотию, что «государь примет его после обеда, в начале 8-го часа, в Зимнем дворце»[142].

В 1823 г. деятельность ревнителей православия резко активизировалась. В это время ее с санкции императора негласно возглавил А. А. Аракчеев. Историки либерального толка утверждали**,** что Аракчеев руководствовался исключительно соображениями личного свойства, пытаясь в еще большей степени упрочить свое положение при царе. Незадолго до смещения А. Н. Голицына ему удалось устранить министра финансов графа Д. А. Гурьева, военного министра князя П. М. Волконского и заменить их на Е. Ф. Канкрина и начальника главного штаба И. И. Дибича[143]. Устраняя Голицына, Аракчеев не вникал в богословские хитросплетения, главным для него было удаление руками православных консерваторов влиятельного соперника. Существует и другая точка зрения, согласно которой Аракчеев был идейным патриотом и верным сыном православной церкви[144]. Впервые ее выразил Фотий, который характеризовал Аракчеева следующим образом: «О графе Аракчееве кратко сказать можно то одно, что он, по примеру своих предков, предан царю, церкви и отечеству; слово царево был для него закон. Царь Александр из всех своих подданных никого более не любил, как графа Аракчеева, никто справедли-

[142] *Карнович Е. П.* Указ. соч. С. 478–479.

[143] См.: *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 208.

[144] См.: *Богданович П. Н.* Аракчеев : граф и барон Российской империи (1769–1834). Буэнос-Айрес, 1956. С. 125.

вее, точнее не исполнял царских велений, как Аракчеев. Сему одному все дела государственные, тайны сердца царева были более откровенны и известны; а посему самая императорская канцелярия с тайными делами вся была в руках его, все дела о церкви и вере в сие время ему же тайно были вверяемы»[145].

Есть еще одно суждение Фотия об Аракчееве, которое сохранилось в копии (в частности, «Записка о графе Аракчееве», написанная им в 1824 г.): «Всячески познавая познал, что граф А. А. Аракчеев совершенно всем сердцем Бога любит, царю и государю императору предан, верен, правдив, св. православную церковь истинно любит; содержит православную веру; мудр и разумен. Кратко скажу – он есть правое око царя, столп отечества, и таковые люди веками родятся. В нем кроме добра я ничего не видел. Ему можно все поверить и с Божиею помощию все может делать. Теперь и народ и все состояния любят его более, нежели прежде, и всяк чает от него более правды, даже и враг, нежели от кого другого. За что спаси его Боже, на многие лета для церкви и отечества»[146].

Высоко подчеркивал заслуги Аракчеева перед православной церковью и другой активный деятель «православной партии» – М. Л. Магницкий. В письме к Аракчееву от 31 января 1826 г. он писал: «Я твердо убежден, что Господь ни в каком случае не оставит вас, милостивый государь, за великие услуги ваши святой Его церкви. Он верно поразит врагов ее; ибо исхода всех дел видно чудесное охранение дома царского и России»[147].

В автобиографии архимандрит Фотий дал достаточно подробную характеристику основных активных участников «православной дружины» 1824 г. В частности, об А. С. Шишкове он пишет, что встречались они редко, но говорили обо всем, и что ему он «доверял во всем». «Шишков <…> смелый в делах, острый в словах, прозорлив в делах правления, верен государю, предан совершенно отечеству, церкви православной ревнитель поколику имел сведения. Он был во время падения министерс-

[145] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 180.

[146] Там же.

[147] Причины преследования М. Л. Магницкого, им самим описанные // Русская старина. 1901. Т. 105. № 3. Март. 1826. С. 679.

тва князя Голицына около 80 лет от рождения; весь сед, как снег, красноречив, благогласен, силен в речи и в духе. <…> Один был в оное время из всех не токмо мирских сочинителей, но и духовных отличный знаток красноречия и наук без примеси зловерия. Были в сие время сочинители и историки, но все поврежденные, отечеству и церкви тайно были враждующие; но сей каков был, весь был для отечества и церкви предан. Ежели где он, несмотря на великую преклонность своих лет и слабость сил телесных, брался за перо противу чего говорить, то ясно и точно испровергал словом писания все лжеумствования и козни вражии. От единого взора его умного никак не могло змиеподобное лукавство врагов сокрыться. <…> Сей муж ученый и благонамеренный один по своему усердию, сведениям стоил более, нежели всех помощь ученых мирских могла пользы принести. Он нелицеприятен был, не боялся ни врагов, ни стыдился для дела правды, и честности верноподданнической ни в каком случае не предавал; извинялся часто в человеческих своих слабостях, но духа не угашал ни в каком случае полезном для общего блага. Такого-то Господь внушил ревнителя мирянина поставить царю в оно время на делание свое, дабы сокрушить видимо сатану и его плевелы»[148]. Во время аудиенций у императора Фотий характеризовал Шишкова как «истинного сына отечества» и стремился к тому, «дабы он имел силу и действие у императора, и всех благомыслящих старался во един союз соединить, да все благо церкви и отечества»[149].

В ближайшем сотруднике Шишкова П. А. Ширинском-Шихматове Фотий видел патриота и ревнителя православия: «Слов не достает изъяснить свойства его и дарования! От природы кроток, тих, правдив, честен, отличных дарований; совершенно образован во всех науках, особенно в витийстве; писатель он был стихотворец изрядный, остр в слове и деле, разумен, многосведущ, но смирен, приятен, сладок в речах, добродетелен, сострадателен, прозорлив и точен; что токмо брался делать, легко все обозревал, отлично на все составлял суждение благогласно. При всем том правоверен, благочестив, Христолюбив, усердный совершенно сын церкви, любитель мира церков-

[148] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1896. Июль. Т. 87. С. 177–178.

[149] Там же. С. 177.

ного, блага общественного, почтителен к служителям церкви; уважителен к подвижникам, сведущ в св. писании, в правилах церкви, в учении православном, в делах по части духовной и части мирской учености. <…> Сей князь, муж средних лет, по сердцу быв министра Шишкова, вдыхал в него дух единения, любви, православия, ревности, все нужное ему внушал, показывал в книгах, составлял и писал. От Бога был дан старцу Шишкову, яко правое ухо, правое око, правая рука: они были обое едино, а не по два всегда: первый по силе и власти земной, а второй – орудие Божией силы и мудрости, о Христе все смышляя и содевая»[150].

Фотий особо выделял из всех светских деятелей «православной партии» именно Шишкова и Ширинского-Шихматова: «Сии два светильника вдруг изъяты были рукою Божиею из-под спуда и поставлены ясно светить всем на высоте царственного града, в первом важном месте по просвещению»[151].

Вслед за ними следовал М. Л. Магницкий: «Ученый человек Магницкий, прежде быв в числе заблудших от церкви и истины, но обратив от того сердце свое на путь правый, весьма много делал пользы, как сам бывый во многих тайнах зловерия, многие вещи раскрывал важные, по частям своим везде сильно и благим намерением действовал. Во время оно он был совершенно предан православию, отличных способностей, многоучен, искусен в знании священного и церковного писания. Он, бывая у графа Аракчеева, нередко ему делал внушения свои добрые и разумные к содействию в делах противу врагов веры и блага общего»[152].

Сближение Фотия с Магницким произошло в 1823 г., к тому времени Магницкий окончательно порвал с прежним мировоззрением и утвердился в православии. Положение Магницкого до конца его жизни было сложным – консерваторы не верили в искренность его консерватизма, либералы считали ренегатом, и это сильно портило ему репутацию. Современники объясняли логику его поведения исключительно карьеристскими и конъюнктурными мотивами. В частности, его обвиняли в предательстве Голицына, объясняя это тем, что он, поддерживая

[150] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 178.
[151] Там же. С. 178–179.
[152] Там же. С. 180.

Аракчеева, рассчитывал занять пост министра народного просвещения.

В «православную дружину» входил и начальник гвардии Ф. П. Уваров: «Военачальник первых войск царских, Феодор Уваров мало разумел сам как по учености земной, так и по духовным делам, но всегда был к царю совершенно предан, отечеством дорожил, русских своих природных всех уважал, церкви не был противник, но к духовенству почтителен, общее благо поставлял за важное дело соблюдать. Он же был тридцатилетний любимец Александра, справедлив всегда был, сколько мог. Чрез сего-то от начала все прияло содействие в пользу церкви: сей открывал царю очи, внушал в сердце его истину, но так искусно, что никто не мог проникать в сердце сего военачальника. Он по природе был скромен и скрытен, колико было пред царем в доверенности и любви»[153]. Он «действовал тайно пред царем», поскольку «жил во дворце, где сам царь жил, и ходил царь как больного наведывать его, и все услышал от уст его и император Александр токмо ждал на бумагах действия, дабы все взять меры отвратить опасность от церкви и государства»[154].

Через Ф. П. Уварова всю информацию доводил до императора обер-полицмейстер И. В. Гладкой: «По ревности к общему благу церкви и отечества наблюдая яко свое дело по полиции, быв любимец Уварову, непрестанно доносил обо всех кознях зловерия и врагов общих, иных же орудием силы своея посекал совершенно; он почти все дела и бумаги чрез Уварова доводил тайно до рук императора»[155].

Завершает воспоминания Фотия о ревнителях православия характеристика А. А. Павлова, чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, камер-юнкера. С 1824 г. он служил чиновником за обер-прокурорским столом в Синоде. Фотий писал о нем: «Павлов человек был расположенный к православной церкви, к отечеству, любил духовенство, монашество, имея же и способности, старался как все сведения доставлять по разным частям действия, так и внушения ко благу единому делал; от всего усердия себя посвящал на труд, нахо-

[153] Там же. С. 179.

[154] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 191.

[155] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1896. Июль. Т. 87. С. 179.

дясь в доверенности у Шишкова, в любви у Гладкого, в уважении у Серафима митрополита, в дружестве с архимандритом Фотием, свободный имел приход к девице графине Анне и ко многим болярам. Ему многим обязана церковь в успехах победы над зловерием, ибо он за Госнером неупустительно надзирал все сети его, для предотвращения опасности, и пути внушал для обличения»[156].

В записках Фотий отмечал, что среди высшей церковной иерархии его позицию разделяли бывший Калужский, а затем Рязанский и Казанский архиепископ Филарет (Амфитеатров) и Киевский митрополит Евгений (Болховитинов). Из рядовых священников Фотий назвал лишь протоиерея Иоакима (Кочетова), составившего для митрополита Серафима критический отклик на книгу «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова». В целом же, отмечая пассивную позицию подавляющего большинства православного духовенства, Фотий писал: «О духовных же молчать здесь надобно! Какой позор будущим родам!» [157].

В 1823 г. деятели «православной партии» перешли в наступление на «мистическую партию» Голицына, воспользовавшись так называемым «делом Госснера»[158]. Пастор И.-Е. Госснер, которого считали одним из лидеров гернгутеров[159], эмигрировавший в Россию из Германии в результате религиозных гонений, был активным деятелем Библейского общества. По свидетельству Фотия, «Госснер входит в доверие у царя: Мария императрица его покровительствует»[160]. При этом Госснер вызывал особенное отторжение у православных консерваторов. Его книга «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете» была пропущена цензурой в мае 1823 г. В ней он высмеивал обряды христианской церкви, объявлял их греховными, критиковал духовенство как посредника между Богом и человеком.

[156] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 179–180.

[157] Там же. С. 181–182.

[158] Наиболее подробное описание этого дела см.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 252–315.

[159] См.: *Эткинд А.* Указ. соч. С. 21.

[160] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 187–188.

Ю. Е. Кондаков утверждает, что книга Госснера «представляла собой уникальный, в своем роде, пасквиль на православную церковь и ее служителей. <…> Антиправославный или же антихристианский характер сочинения И. Н. Госснера не подлежит сомнению»[161]. Подобная книга была исключительно удобна для критики со стороны ревнителей православия, которая не замедлила воспользоваться предоставившейся ей возможностью. Дело в том, что книгу предложил перевести с немецкого Голицын и он же пропустил ее в печать.

В записках Фотий утверждал, что «искушая сердце князя, от него узнавал <…> намерение на место его (Серафима. – *А. М.*) иного возвести во всем могущего, на вред церкви содействовать, а не защищать»[162], т.е. речь шла о возможности низложения митрополита Серафима и поставления на его место епископа Филарета (Дроздова)[163]. Фотий передал эту информацию Серафиму и тот предпринял ответные меры: «Серафим, дабы испровергнуть вражие седалище в Синоде министерском <…> решился сам случай о Госснере вывести из тьмы неведения явно в наружу и обличить замысел партии и успехи вражии»[164].

В конце 1823 г. Фотия в Юрьевом монастыре посетили М. Л. Магницкий и А. Б. Голицын, которые сообщили архимандриту, что в Петербурге готовится к изданию книга И.-Е. Госснера «Евангелие от Матфея», в которой под видом комментариев к Евангелию содержалась критика православной церкви и клира. Этот факт решено было использовать как повод для обращения к императору для того, чтобы устранить А. Н. Голицына с министерского поста[165].

В марте 1824 г. листы книги Госснера по инициативе Магницкого были выкрадены из типографии и переданы митрополиту Серафиму. Серафим «решился сам написать апологию на

---

[161] *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). С. 144, 150. Подробный разбор см. с. 145–151.

[162] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 190.

[163] См.: *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 261.

[164] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 189–190.

[165] См.: *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. С. 195.

сочинение Госнера, обличил пастырски, испроверг. <…> При очах Фотия подписал пастырскую апологию и послание свое к императору прочел ему нужное <…> и послал в собственные руки императора тайно»[166]. В трактовке Фотия сочинение Госснера «есть повестка на явное возмущение всех уже приготовленных чрез другие книги во всех концах земли. Тайно печаталось и тайно в дальние губернии намерение было разослать оное богомерзкое учение новое. Оно все заключает в себе внушение и действо явно и тайно противу истины евангельской, изложение мыслей противу правительства, противу всего духовенства, противу престола царского, лично противу царя Александра, противу учения церкви, всякого гражданского порядка»[167]. Акция возымела определенное действие, и 6 апреля 1824 г. Александр I запретил «серому кардиналу» Р. А. Кошелеву появляться при дворе.

7 апреля 1824 г. М. Л. Магницкий направил Александру I записку, посвященную деятельности тайных обществ, которая 17 апреля была прочитана императором. В ней Магницкий писал, что запрещение тайных обществ не дало ожидаемого результата. Запрещение лож «прекратило пустые собрания, отсекло членов бесполезных, усилило осторожность и тайну орденских начальников и заставило их, вероятно, распространять свое учение косвенно и в других формах». Самое главное, что утверждал Магницкий, бесполезно запрещать тайные общества, не прекратив существования «тайного общества, которое даже так и не называется, но несет имя церкви, а между тем ужаснейший враг всех церквей и особенно двух католических[168] и всех правительств и особенно самодержавных». Этим «ужаснейшим врагом» Магницкий объявил методистов: протестантскую конфессию, возникшую в XVIII в. в результате отделения от англиканской церкви и получившую распространение главным образом в англо-саксонских странах. В России методисты приняли активное участие в деятельности Российского Библейского общества. Магницкий писал, что целью методистов является «ниспровержение властей духовных и граж-

[166] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 190–191.

[167] Там же. С. 189.

[168] Имеются в виду как католическая, так и православная церковь.

данских во всем мире. Способы достижения сей страшной цели тем ужаснее, что они покрыты формами так называемого чистого христианства, терпимости, благотворительных учреждений». Общество методистов «располагает большими суммами, имеет сильных покровителей и действует обыкновенно через людей знатных и особенно чрез женщин». Магницкий обвинял методистов в том, что они «будучи деятельнейшими членами Библейских обществ, ведут весьма удобно переписку свою с отдаленнейшими местами, не навлекая на себя подозрения, но часто ездят в Англию, вероятно с самоважнейшими сообщениями. Бумаги их могли бы открыть много важного. <…> Рассеяние сей шайки, сего духовного якобинства, важнее закрытия наружных масонских лож»[169].

М. Л. Магницкий призывал царя «возвысить, утвердить, приблизить к Державной власти Православную Церковь, непрестанно боримую; ограничить терпимость, ее гонящую, определением должной ее меры, обуздать духовное якобинство разных расколов лютеранства, возвышением пред ними католицизма, к нам ближайшего и по духу своему, для самодержавия безвредного[170]; и принять общие меры, для истребления из всех частей народного воспитания всех духов нечистых неверия, либеральности, своеверия и методизма»[171].

12 апреля 1824 г. Фотий, который был вызван еще в феврале митрополитом Серафимом в Петербург, послал императору письма, под названием «Пароль тайных обществ или тайные замыслы в книге «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению Духа Христова» и «О революции через Госснера, проповедываемой среди столицы всем в слуху явно уже», в которых содержался разбор книги Госснера и некоторых других мистических изданий, «послание вообще противу новой

[169] ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 42–45 об.

[170] В данном случае симпатии Магницкого к католичеству носят не религиозный, а культурно-политический характер. В этом отношении он напоминал К. Н. Леонтьева, который видел в католической церкви «самый выразительный из охранительных оплотов общественного здания» (см.: *Репников А. В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 55–56).

[171] ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 45 об.

веры антихристова зловерия», и вручил их через Ф. П. Уварова Александру I[172].

Фотий писал, что 30 марта 1824 г. во сне ему явился ангел Божий и повелел разоблачить «Воззвание к человекам»[173]. Цитаты из мистических произведений, которые Фотий приводил в своем послании, призваны были доказать царю, что мистики не только занимают антицерковную позицию, но и вынашивают планы революции, которая призвана уничтожить царский престол. «Но если человеки (т.е. верующие во Христа (здесь и далее в скобках – ремарки Фотия. – *А. М.*)) станут чуждаться нового света, или вздумают сами умствовать, либо советываться с теми, которые за них умствуют и коих решение наперед им известно, то Провидение положит *конец их царствию – и они погибнут*. Грозными судами отмщена будет благость Божия (т.е. за несогласие принять новую религию и участвовать в революции). Погибнет всяк, кто не явит себя человеком хотя по наклонности к принятию света» и проч. «Наипаче гнев Господень падет на так называемых вождей (т.е. царей и властей) и учителей (т.е. духовных особ)»[174]. «Учители и вожди (т.е. цари, но из страха вождями, а не царями именуются, дабы для них сеть злобы сокрыть) безрассудные мнят быть в безопасности, поколику и характер и общее дело соединяет их с теми, от коих ожидают они своей участи; вскоре испытают участь страшную, и во всем их искусством, со всеми предосторожностями не избавятся ее. *Их постигнет участь, какой не ожидают*»[175].

В послании Фотий заявлял, что ему открыл некий дух «план», каким образом можно «разрушить революции». «Граф Аракчеев все может исполнить, он верен, – и об нем мне открыто тогда, как я тебя видел в видении». Если же «план» не исполнить, то через четыре года революция станет неизбежной. Далее следовала конкретная рекомендация: «Чтобы весь план разрушить, то двух человек от должности отдали: одного от себя, а другого от службы (Кошелева и Голицына. – *А. М.*)»[176].

[172] См.: *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Август. Т. 84. С. 192.

[173] См.: *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1895. Ноябрь. С. 208–209.

[174] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1895. Август. Т. 84. С. 197.

[175] Там же. С. 199.

[176] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1895. Ноябрь. С. 209.

Таким образом, требования «православной партии» становились всё более конкретными.

После получения посланий «назначено Серафиму митрополиту быть у императора Александра в его кабинете»[177]. 17 апреля 1824 г., в день, когда император ознакомился с запиской Магницкого о методистах, состоялась многочасовая встреча Александра I с митрополитом Серафимом. Накануне Аракчеев и Магницкий смогли уговорить колеблющегося Серафима отправиться во дворец, где он должен был лично изложить императору сведения о том вреде, который нанес православной церкви князь Голицын, «открыть ему все козни врагов церкви и отечества, хитро перед ним дотоле скрываемые». Беседа императора и Серафима продолжалась беспрецедентно долго, около пяти часов.

В «Записке о крамолах врагов России» излагались некоторые обстоятельства этой встречи: «Возбужденный Духом Божиим митрополит Серафим с полным самоотвержением, свойственным святому его сану и званию, со святым дерзновением древних пророков, предстал лицу императора, чтобы открыть ему все козни врагов церкви. Он, сняв с головы своей белый клобук, положил его к ногам императора и с твердостию сказал: не приму его, доколе не услышу из уст вашего величества царского слова, что министерство духовных дел уничтожится и Святейшему Синоду возвратятся прежние права его, и что министром народного просвещения поставлен будет другой, и вредные книги истребятся. В несомненное доказательство гибельных для церкви и отечества действий министра духовных дел и народного просвещения митрополит представил императору книгу Госснера «О Евангелии Матфея», которая оканчивалась печатанием; раскрыл в ней те места, которые показывали дерзкое восстание сочинителя не только против русского православия и самодержавия, но даже против всех христианских вероисповеданий. Убежденный доказательствами Серафима, император, подавая ему клобук его, сказал: «преосвященный, примите ваш клобук, который вы достойно носите; и ваше святые и патриотические представления будут исполнены»[178].

---

[177] Там же. С. 217.

[178] Записка о крамолах врагов России // Русский архив. 1868. Стлб. 1387.

Более подробно излагается речь Серафима царю в записках Фотия. Митрополит заявил, что православная церковь «в крайней опасности от тайных и явных врагов, и государству <…> настоит скорая, неминуемая беда», если не предпринять самых срочных мер. Помимо масонских обществ, уже запрещенных, в столицах и главных губернских городах открыто действуют «самые злейшие враждебные общества <…> на вред одной церкви Христовой православной, правительству гражданскому и царскому престолу», причем они «взошли в состав церкви и правительства». К ним Серафим отнес Библейское общество – «самое противузаконное сборище, где противу силы св. писания, евангельской истины, мирской человек в еретическом платье начальник главный как патриарх есть (Голицын. – *А. М.*), а св. Синод по обе его стороны, иерархи и все духовенство сидит». Цель Библейского общества – «всех вер начала различия уничтожить, и ни к единой бывшей доселе религии не привести, а от всех отвлечь, а потому противно оно, явно есть, как православной церкви, так католической, лютеранской <…> в нем начала и успехи уже большие сделаны ко всемирной революции, где оно доселе действует». При этом Серафим заявил, что действия Библейского общества, равно как и других подобных ему обществ, могут «Россию <…> расстроить, поколебать и, ежели можно будет, разорвать на части, разорвав прежде царство Христово в единстве церкви святые господствующие». Голицын, который возглавляет Библейское общество, «со всею свитою из разных людей сумнительных, но враждебных государству, св. церкви, все делает, что посторонняя какая-то сила ему внушает»[179].

Серафим озвучил позицию православных консерваторов о переводе Библии на современный литературный язык. В его изображении это – переложение Священного Писания на «простонародное» наречие, чтобы церковь «обыкновенным обществом народным представить и всеобщим сделать для всех обществ, всем дать в руки царство, священство, службу и право учения, уничтожив все доселе реченное, видимое и преданное, чем стоит царство Русское». При этом качество перевода Серафим оценивал крайне неудовлетворительно: «Евангелие

[179] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 219–220.

и весь Апостол под названием Нового Завета переведен уже к неудовольствию многих благонамеренных <…> неудачно и злонамеренно. <…> Псалтирь же так несогласно переведена с церковною богослужебною, что как бы совсем другая книга»[180]. Столь же негативно Серафим оценивал и перевод Библии на другие языки народностей России: «Библейского общества члены составляют сочинения, толкования, переводы и на разные языки народные многие Библии переводят, язычникам раздают с неистинным и даже совершенно противным смыслом; ибо дается переводить Библия не тем, которые веру Христову исповедуют, а самым даже язычникам, не приявшим веры, и вызываются для того в Санк-Петербург, на что не простое знание нужно иметь, а и благодать Святаго Духа свыше от Бога должна быть подаема»[181].

Повторил Серафим и свою оценку книги Госснера как «хулы неслыханной» и «явного воззвания» «противу Богородицы, родства Христова, противу догматов церковных всех, противу Христа, св. Троицы, противу таинств церковных, служб, духовенства, правительства, всех званий, состояний гражданских, противу власти царской», обвиняя Голицына в стремлении максимально широко ее распространить[182].

Серафим обвинял Голицына в том, что тот «иерархию церковную явно разрушил: везде, кроме служб церковных, он первое место занимает словом и делом: Синод менее имеет силы действовать, нежели министерская канцелярия». Кроме того, по инициативе Голицына «переводятся, сочиняются книги, печатаются, сочинения выходят такие, которые не токмо св. Синод под суд должен был бы отдать, а правительство должно как явных возмутителей гражданских и церковных предать всей строгости законов. Все переводится, сочиняется, печатается и вводится, что токмо может быть новое противу св. церкви православной, правительства, благочестия, порядка, общего блага народного». При этом тех, кто выступает против, подвергают гонениям: «никто не смеет даже слова сказать противу, ему (Голицыну. – *А. М.*) истину возвещая. Многие решились восстать за веру и гонимы были до гроба, как бессильные; иных,

[180] Там же. С. 221.
[181] Там же. С. 222.
[182] См.: Там же. С. 221.

как еретиков и врагов общего блага пастырей церкви, осудили избранных Божиих и ревнителей и сослали в отдаленные места»[183]. Голицын действовал по наущению «тайных главных лиц, враждебных церкви православной и правительству», из которых Серафим назвал одного Родиона Кошелева. Министр также покровительствует всем «ересиархам»: Фесслеру, Госснеру, Линдлю, Крюденер, Татариновой, Лабзину[184].

Встреча императора с Серафимом произошла без ведома Голицына. Обвинения, высказанные в адрес ближайших приближенных царя, равно как и всего курса в религиозной политике с 1812 г., были очень серьезными. Заговорщики опасались царского гнева. Как писал Фотий, «сие не бывало ни с кем, чтобы в полночь митрополит когда-либо бывал у императора и по таким делам, каковы начались <…> думали, что не прогневался ли царь, куда-нибудь и не посадил ли в гневе митрополита, или отчаянно нездоров он сделался. Первый час пополуночи приходит, и при тихом сумраке ночном, тихо митрополит Серафим едет; выбежали все его сретать (встречать. – *А. М*). Входя, он весьма был тих, мирен, но так молчалив, что ни слова не говорил; весь от головы до ног мокор от льющего с него пота. Таков был пот у него от сильного душевного и телесного действия пред царем, чтобы акибы из водопада весь был облит»[185].

Через три дня, 20 апреля 1824 г., состоялась очередная тайная встреча Фотия с Александром I, продолжавшаяся около трех часов. На сей раз речь шла о том, что деятельность мистиков ведет к революции. Фотий утверждал, что «новая вера», предполагающая уничтожение старых господствующих религий, подготавливает приход «всемирной монархии». Поэтому «везде ныне существующие царства, страны, державы, правительства» предполагается «или уничтожить или, ослабив, расстроить разными средствами, разрушая те основания, коими они связаны между собою». Мистические же книги «учат нечестию и приготовляют особый класс людей к революции». Более того, «такового духа вельможи, в правительстве занимающие места, во всем готовы содействовать, и содействуют по многим частям правительства к новому преобразованию всего». Фотий

[183] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 222.
[184] См.: Там же. С. 222–223.
[185] Там же. С. 218–219.

советовал царю: «Надобно начинать не с низа, а с верха, не с последних, а поразить самые главы первые. Яко главные орудия всего злого дела: когда глава у кого отнята бывает, то все тело остается, яко труп недействительно». Фотий рассказывал, что после этой беседы «он от главы до ног был, как водою, его потом смочен, и не прост пот, а яко кровав все одеяние его нижнее облил»[186].

В ночь с 22 на 23 апреля 1824 г. по поручению императора к Серафиму явился Аракчеев. При нем была записка, в которой было написано «дабы о. Фотий непременно при том тайном беседовании о делах веры и св. церкви был». Во время встречи, по словам Фотия, Аракчеев «старался от имени царя как-нибудь согласить во всем митрополита с князем Голицыным». Тогда Серафим и Фотий пошли на рискованный шаг, фактически предъявив царю ультиматум, причем в беспрецедентно резкой форме: Серафим «взяв белый клобук свой митрополичий, снял с главы своея, бросил на стол пред очами вельможи-любимца царева и сказал: «Граф! Верный слуга царев, донеси о сем царю, что видишь и слышишь; вот ему клобук мой; я более митрополитом быть не хочу, ежели дела в прежнем виде останутся; с князем Голицыным не могу служить как явным врагом клятвенным церкви и государства». Ему вторил Фотий: «Стой, владыко святый, не соглашайся ни в чем противном, на грех и на пагубу благочестию; будем крепки в слове и деле; что сказано царю, то верно, стой в слове до конца; лучше нам за правду Божию в заточение идти, нежели за нарушение нашей должности и нечестие в ад. <…> Теперь едино остается делать, ежели царь не исправит дело веры и не защитит благочестие, как царь благочестивый, – взять святое Евангелие в одну руку, а в другую св. крест, идти в Казанский собор и посреде народа возгласить: православные! Веру Христову попирают; а новую какую-то бесовскую хотят ввести; князь Голицын, Госнер пастор и прочие их сообщники все то делают! Послушай граф, донеси царю, что сие быть может сделано; вся Россия узнает; жены и дети найдутся, многие которые за Преблагословенную Приснодеву Богородицу вступятся, свое сохраняя благочестие. Она Владычица наша вскоре придет на помощь: все, хотя с

[186] Там же. С. 225–228.

горестию, но уничтожится диавольское действо; падет враг, и путь нечестивых погибнет»[187].

Вероятно, со стороны Александра I это был зондаж того, насколько серьезно настроены лидеры православных консерваторов. Фотий впоследствии утверждал, что Аракчеев говорил ему, что «император Александр велел ему быть потому на совете тайном сем, дабы, как старец, Серафим не оказал какой-либо слабости духа и уступки в деле, и стоял бы Серафим твердо; а что касается до царя, то он готов за все приняться. Ежели митрополит не устоит в твердости своей, то дело начать царю гласно будет без пользы»[188].

Заговорщики добились своего. Последовало высочайшее повеление о рассмотрении книги Госснера. Это рассмотрение поручено было А. С. Шишкову и министру внутренних дел В. С. Ланскому. Впрочем, Ланской только подписал доклад, составленный Шишковым. Общий смысл книги представлен был Шишковым в следующих словах: «Невозможно не признать цели ее, явно и очевидно состоящей в том, чтобы под видом толкования Евангельских текстов, проповедать низвержение всякой Христианской веры, отвращения от Священных Писаний, и позыв на восстание против всех Первосвященников, всех вольных и царей»[189].

22 апреля Комитет министров по докладу Шишкова, который действовал «параллельно» с деятелями церкви, осудил книгу Госснера (ее постановлено было сжечь в Невской лавре), отдал распоряжение о начале следствия над теми лицами, которые были виновны в ее издании – переводчиками, цензорами, типографщиками, и предании их суду Сената.

На следующий день, 23 апреля, по инициативе Голицына произошла его встреча с Фотием, которая известна в изложении последнего. Во время ее Фотий «увещевал» князя прекратить выпуск книг, направленных «против церкви, власти царской, противу всякой святыни, и в коих явно возвещается революция». На что Голицын якобы отвечал: «Что же мне теперь делать? Все университеты и учебные заведения сформированы уже для революции <…> не я, а государь виноват, который,

[187] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 229–232.

[188] Там же. С. 232.

[189] РГИА. Ф. 1763. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1.

такого же духу будучи, желал <...> поздно уже остановить, все уже в большой силе»[190]. Безусловно, Фотий неточно передает слова Голицына, однако совершенно очевидно, что Голицын говорил о том, что курс, проводимый его министерством, определялся самим императором.

25 апреля 1824 г. вышел указ о высылке из России Госснера, а цензура всех религиозных книг, издаваемых на русском языке, которую ранее осуществлял Голицын, передалась митрополиту Серафиму (Глаголевскому)[191].

Через несколько дней в доме А. А. Орловой-Чесменской Фотий предал анафеме князя Голицына. Министр духовных дел, отвечавший за положение в церкви, оказался отлучен от самой церкви. Это был грандиозный скандал. Фотий вторично сильно рисковал, поскольку право предавать кого-либо анафеме принадлежало лишь Святейшему синоду и он, таким образом, мог стать жертвой уголовного преследования. Однако Фотий лишь получил высочайший выговор, который последовал спустя почти два месяца, 14 июня 1824 г., во время личной аудиенции у Александра I, когда Голицын уже потерял важнейшие посты. Тогда Фотий заявил царю: «Я сотворил же волю Божию и ничего не боюся. <…> Всякому зло на Бога и царя глаголющему аз бы сказал: анафема, да не соблазнит других и зло не сотворит»[192]. После этого Аракчеев пригласил Фотия в свое имение Грузино, чтобы «добре принять его, угостить и внушить, чтобы не опасался неудовольствий более за проклятие князя Голицына»[193].

29 апреля 1824 г. Фотий написал очередное послание к царю – «План разорения России и способ оный план вдруг уничтожить тихо и счастливо». В нем содержались следующие основные требования:

«1) Министерство духовных дел уничтожить, а другие два отнять от настоящей особы (Голицына. – *А. М.*).

---

[190] *Фотий Спасский.* Указ. соч. // Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 233–234.

[191] См. подробнее: *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). С. 159 ; *Его же.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. С. 192.

[192] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 194.

[193] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Там же. 1896. Август. Т. 87. С. 425–426.

2) Библейское общество уничтожить, под тем предлогом, что уже много напечатано Библий и они теперь не нужны.

3) Синоду быть по прежнему и духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли где чего противного власти и вере.

4) Кошелева отдалить, Госснера выгнать, Фесслера изгнать и методистов выслать хотя главных»[194].

Часть этих требований – отдаление Кошелева, изгнание Госснера и Фесслера – были уже выполнены. Очевидно, у Фотия и стоявших за ним лиц не было уверенности, что эти решения окончательные и бесповоротные.

Фотий писал в записке, что ядром антихристианского и антимонархического заговора является «секта иллюминатов – <…> общество *антихристово*, скопище из всех сект», которое вопреки «священному писанию, символу веры и учению св. церкви верует, что якобы скоро будет пришествие Христово и будет царствие Его на земли» в 1836 г. Вокруг иллюминатов объединены все так называемые «истинные христиане» – гернгутеры, меннониты, методисты и др. К 1836 г. «все *царства, церкви, религии, законы* гражданские и всякое устройство должны быть уничтожены, и должна акибы начаться какая-то единая в сем мире *новая религия* – едино *стадо*, единое *царство*, и должен быть акибы един какой-то *царь*, коего столица предназначается быть в *Иерусалиме*. По мечтанию общества сказуется, что акибы тот царь будет *Христос*». Поэтому «скопище разбойническое <…> всеми средствами силится разрушать все религии, расстраивать устройство государства, ниспровергать власти, вооружать христиан друго против друга, вводить всякие новости, учреждать конституции и чрез все то разливать *дух революционный до того*, чтобы всем все христианское и государственное омерзить и чрез то заставить всех принять единое царство, единого какого-то *царя самозванца*. Для сего все к тому направляется под видом добра и религии во всех царствах»[195].

Главным агентом иллюминатов в России, утверждал Фотий, является Кошелев. «Он в России есть глава всех под видом набожности злых направлений в религии и в государстве, яко

[194] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1895. Декабрь. Т. 84. С. 196.

[195] Там же. С. 196–198.

иллюминат и клятвенный враг престола и олтаря. Он поймал в руки кн. Голицына, прельстил его под видом набожности все делать для предуставленной цели; а дабы совокупно действуя родить *реформу, конституцию* и, так сказать, раскопать основы *церкви*, подрыть тайно и неприметно престол *самодержавия* и довести до того *Россию*, дабы и она не только не могла, расстроясь, противиться учреждению всемирного какого-то царства, но дабы ее завлечь даже и в пособие к тому *паролями* разными»[196]. Царь не мог не понимать всю, мягко говоря, неточность подобных обвинений в адрес Кошелева, но решил им пожертвовать во имя политического самосохранения, как сделал это в 1812 г. в отношении Сперанского.

В записке в качестве наиболее активных лиц, принадлежавших к «иллюминатам», Фотий называл попечителей учебных округов Рунича, Оболенского, Корнеева, одесского архимандрита Феофила. Координаторами всей этой «агентуры» Фотий считал А. И. Тургенева и В. М. Попова. «Пособниками иллюминатов» в записке также назывались Фесслер, Госснер, Лабзин, Татаринова, Линдль, Патерсон, архиепископ тверской Иона, Феодосий Левицкий, Греч и Тимковский[197].

15 мая 1824 г. князь Голицын был отстранен от должности министра духовных дел и народного просвещения, а само министерство было реорганизовано. В этот же день во главе Министерства народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных вероисповеданий стал А. С. Шишков, православная часть отошла к синодальному обер-прокурору, а доклады Синода теперь должны были представляться через Аракчеева. 17 мая 1824 г. Александр I подписал рескрипт о сложении Голицыным звания президента Библейского общества; на этом посту его сменил митрополит Серафим, который был назначен главным цензором всех сочинений и переводов, издаваемых на русском языке.

Функции Голицына в негласном порядке на некоторое время перешли к Аракчееву, он направлял деятельность митрополита Серафима, Фотия и Шишкова в нужное царю русло. Особые отношения сложились у Аракчеева с Фотием, которому он объявил решение царя о том, что ему позволяется «во

[196] Там же. С. 198.

[197] См.: Там же. С. 200–202.

всякое время приезжать в С.-Петербург, когда угодно будет»[198]. Сам император, по наблюдению А. С. Стурдзы, «в то время приметным образом склонялся зрелою душою на сторону православия, отстал от мистики, одним словом, сделался тверже и строже в своих правилах и понятиях о религии. Прибавим к тому, что политические события убеждали его в необходимости всюду поддерживать законную власть и всемерно противиться безначалию духовному и гражданскому»[199].

Фактически реальная власть в сфере конфессиональных отношений, просвещения и цензуры перешла к ревнителям православия. Добившись отставки Голицына и расформирования «сугубого» министерства, православные консерваторы начали борьбу против Библейского общества и перевода Библии на русский язык.

Сразу после отставки Голицына Магницкий послал письмо в Библейское общество с заявлением о выходе из его членов. В этом послании от 24 мая 1824 г. он писал, что в персидском переводе Евангелия, выпущенного Библейским обществом[200], имеется «богохульная ошибка» и нет гарантий, что подобного нет в изданиях на других языках, делаемых в спешке. Магницкий настаивал, чтобы «сие важное дело исследовано было основательно и чтобы все оставшиеся экземляры сего издания были сожжены». «Ежели, – писал Магницкий, – в преложении на персидский язык, один из классических восточных, могло проскользнуть по ошибке богохульство, то чего не может быть в тех торопливых переводах на многие языки диких, у коих нет еще и письмен? <...> Почитая сей случай вызовом меня, согласно с чувством совести моей, на то действие, от которого одно благоприличие доселе меня удерживало, приемлю я смелость покорнейше просить ваше высокопреосвященство (митрополита Серафима (Глаголевского), который после отставки Голицы-

[198] *Фотий Спасский*. Указ. соч. // Русская старина. 1896. Август. Т. 87. С. 428.

[199] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 284.

[200] Издание Нового Завета на персидском языке было сделано в 1815 г. Неточности и ошибки, вкравшиеся в текст перевода от «недостаточного надзора за корректурою», были предметом обсуждения в особом комитете за два года до появления письма Магницкого; продажа и использование этого издания были приостановлены. См.: *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 73.

на стал президентом Библейского общества. – *А. М.*) принять торжественное отречение мое от всех богопротивных, по моему разумению, действий Библейского Общества и благоволить исходатайствовать мне совершенное от оного увольнение. 24 мая 1824 г. »[201].

По оценке Фотия, «мнение среди столицы Магницкого, известного своим умом и просвещением, который, прежде быв в числе тайных врагов церкви и веры, но отвратился, чувствовал всю гнусность нововведений, сильно действовал, – имело великое влияние на умы и сердца многих»[202]. А. С. Стурдза утверждал, что выступление Магницкого было вдохновлено Фотием, который «чрез посредство общих друзей, пригласил к себе Магницкого. Встретив его у дверей гостиной, Фотий, держа восковые свечи в руках и с немою торжественностью, провожал его до приготовленных кресел. Кругом сидели почетные дамы, в том числе графиня Орлова. Фотий сел возле Магницкого и молчал несколько минут, потом схватился за колокольчик, стоявший на столе, и стал звонить сколько у него было силы, не проговаривая, впрочем, ни одного слова. Видно, Магницкий и он поменялись взорами в залог взаимного согласия, – и негласный союз между ними был заключен»[203].

Комитет Библейского общества в ответ на письмо Магницкого вынес следующее решение: «Комитет постановил: письмо г. Магницкого, как оскорбительное и поносительное по содержанию своему и выражениям для комитета и для всех участвующих в деле Российского Библейского Общества, представить Государю Императору, яко августейшему покровителю Общества сего, а г. Магницкого исключить из числа членов Общества»[204]. По представлении этого решения Александру I, на имя митрополита Серафима последовал высочайший рескрипт от 16 июля 1824 г.: «Я поручаю вам, призвав к себе его, сделать ему строгое замечание, что неприлично ему было поместить в письме к вам такие выражения, которые могли оскорбить членов комитета Российского Библейского Общества; равномерно

[201] Цит. по: *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 73.

[202] *Фотий Спасский.* Указ. соч. // Русская старина. 1896. Август. Т. 87. С. 438.

[203] *Стурдза А. С.* О судьбе православной церкви русской… С. 283.

[204] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 74.

объявить ему, что невыгодное его заключение о действиях сего Общества не у места, ибо оно составлено из особ, достойных уважения, и наконец, что он, не желая участвовать более в трудах сего Общества, мог сие изъявить просто и вежливо»[205].

Свою позицию Магницкий обосновал в записке «О злых действиях тайных обществ, выдумавших библейское общество в Европе и неусыпно через оное все к своей цели направляющих»[206]. В ней утверждалось, что Библейское общество является орудием в руках иллюминатов.

После письменного внушения со стороны самодержца относительно обстоятельств выхода Магницкого из членов Библейского общества политическая звезда попечителя Казанского учебного округа стала клониться к закату.

Большую роль в дальнейших событиях сыграл А. С. Шишков. В сентябре – ноябре 1824 г. он представил императору Александру I целый ряд записок, в которых обосновывал необходимость запрещения деятельности Библейского общества. В первую очередь он выступил против перевода Библии на литературный язык: «Если язык домашнего воспитания в законе Божием будет различен с языком служения в церкви, то из сего непременно долженствуют произойти соблазны и расколы, произойти единственно от разделения сих языков, не упоминая уже о том, что переводы сии во многих местах могут быть и неверны, и слабы, и произвольны, – следовательно подадут повод к разным толкам и волнениям умов и страстей»[207]. Шишков обвинял Библейское общество в стремлении «исказить и привесть в неуважение священные книги, изменяя в них язык церкви в *язык театра*»[208].

А. С. Шишков сформулировал немало аргументов, призванных доказать сугубую вредоносность Библейского общества.

[205] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 73.

[206] Текст записки см.: *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 253–257. Она была найдена в бумагах митрополита Евгения (Болховитинова), вызванного в 1824 г. в Святейший синод для содействия Новгородскому митрополиту Серафиму в закрытии Библейского общества и в прекращении перевода Священного Писания на русский литературный язык, а также рассмотрения содержания неправославных книг на русском языке. Чистович опровергает авторство Шишкова и убедительно доказывает, что она принадлежит перу Магницкого. См.: *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 257–258.

[207] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 168.

[208] *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 249.

Так, он утверждал, что Библейское общество действует таким образом, чтобы «почитать церковь нашу заблудшею, первосвященников наших неверующими, всех царей и вельмож угнетателями народов <…> все сие можно прочитать в их книгах»[209].

Одной из главных целей Библейского общества Шишков объявлял намерение «составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию: мнение мечтательное, безрассудное, породившееся в головах или обманщиков, или суемудрых людей. Оно сперва скрывалось под именем тайных обществ, масонских лож, новой философии; а потом, обнаруженное укрылось под другие благовиднейшие имена либеральности, филантропии, мистики и тому подобное; заразило многих, порабощая царство наше чужеземцам и угрожая теми же бедствиями, какие некогда в их землях свирепствовали»[210].

В другом месте Шишков утверждал, что Библейское общество имеет антихристианский характер: «Общества сии имеют постоянный план к низвержению всех христианских религий и к установлению на развалинах их какой-то доселе неизвестной всеобщей религии, под приманчивым наименованием «внутреннего христианства»; план весьма хитро обдуманный, в тайне хранимый главными распорядителями Обществ, искусно прикрытый во всех изворотах его рвением к распространению ведения слова Божия и любовью к ближним»[211].

Кроме того, Шишков считал, что Библейское общество стремится к десакрализации Священного Писания или, по крайней мере, ей способствует своей деятельностью: «В напечатании столько Библий, чтоб каждый в государстве человек мог ее иметь. <…> Что ж из того последует? Употребится страшный капитал на то, чтоб Евангелие, выносимое в церкви с такой торжественностью, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось под лавками, служило обверткой какихнибудь домашних вещей и не действовало более ни над умами, ни над сердцами человеческими»[212].

Само по себе массовое распространение Библии и ее отдельных частей без комментариев и без контроля священства

[209] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 228.
[210] Там же. С. 228–229.
[211] Там же. С. 293.
[212] Там же. С. 229.

признавалось Шишковым вредоносным явлением, необратимо ведущим к религиозному субъективизму и, соответственно, росту сект и возникновению расколов: «Рассеиваемые повсюду в великом множестве Библии и отдельные книги Священного Писания, без толкователя, без проповедников и, как бы нарочно для упразднения необходимости их, напечатанные на простонародных наречиях, какое могут произвесть действие? <…> Всякий сделается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с церковью. Сначала породятся расколы и ереси; а когда они до чрезвычайности размножатся, то место их заступит совершенное равнодушие ко всему тому, что осьмнадцать веков признавалось священным»[213].

С точки зрения Шишкова, Библейские общества представляли собой экуменическую лжецерковь, подменяющую собой единственно подлинную, православную: «Библейские общества не заменяют ли Церковь уже некоторым образом и ныне? Что значит слово Божие в их собраниях, молитвенные воззвания, торжественное пение песней церковных, всенародное объявление, что они сходятся во имя Святого Духа, – как не святотатственное покушение на права, дарованные Церкви, ее Божественным Основателем? Трудно ли уразуметь, что смешение собраний всех вероисповеданий христианских есть только образец того всеобщего соединения религий, или, лучше сказать, упразднения всех их, которое они затевают?»[214].

В подтверждение того, что Библейские общества имеют антиправославную направленность, Шишков ссылался на выступление главы секты методистов Ричарда Ватсона в тринадцатом годичном собрании Великобританского и Иностранного Библейского общества в Лондоне 7 мая 1817 г., сопровождая своим комментарием: «Мы можем быть уверены, что скоро в сем пространном государстве *религия восстановится во всей ее чистоте* (здесь и далее курсив Шишкова, которым он выделял «крамольные», с его точки зрения, суждения Ватсона. – *А. М.*), и единственно от размножения книг священного писания, переведенных на разные употребительные там языки». «Только обращение во всем народе Библии может *восстановить греческую*

[213] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 293–294.
[214] Там же. С. 294.

церковь и исторгнуть ее из состояния упадка, в котором она ныне находится». <…> За сим, упоминая, что протестантство родилось от обнародования книг священного писания и было источником благоденствия и благословения, оратор английского Библейского общества присовокупляет: «Ныне можем надеяться, что скоро «Греческая церковь насладится теми же выгодами». И далее: «Свободное проповедование истины, открывая *греческой церкви ея собственные заблуждения,* оживотворит веру и будет соблюдать союз верующих. Предполагаемая в Российской Империи реформа уподобится восходящему солнцу»[215].

Вывод Шишкова был однозначен: «В самом гнезде Библейских Обществ, откуда по всему свету рассылаются агенты, предполагается явно реформа для России и, судя по времени, конечно, приводится уже в исполнение, хотя и неприметным образом. Легко можно было, при самом введении к нам библейских обществ, обмануться благовидностью намерений их; но ныне, когда зловредная цель их час от часу более обнаруживается, ни один русский не должен быть слепым орудием козней иноземцев»[216].

16 ноября 1824 г. Шишков, после долгих обсуждений с митрополитом Серафимом, представил на рассмотрение императору несколько тезисов о вредоносности Библейских обществ в России Александру I: «Настоящая цель их <…> состоит в том, чтоб истребить правоверие, возмутить отечество и произвесть в нем междоусобие и бунты. Хитрый и злодейский план сей доведен до такой степени, что если не разрушить его скоро и до самого основания, то нельзя отвечать за пагубные от того последствия, могущие в краткое время созреть и совершиться. Все чувствуют сию опасность, ужаснейшую всякого пожара и потопа, но немногие смеют о том говорить, по причине пребывающего в целости плана сего, и видя, что сие змеиное жало прикрыто благовидными цветами». Поэтому «надлежит, не упуская времени, все библейские общества, сии под иным названием масонские ложи, повсеместно закрыть и все производимые по оным дела и переписки запечатав прислать для хранения в синоде»[217].

---

[215] Там же. С. 295.

[216] Там же.

[217] Там же. С. 222.

12 апреля 1825 г. вышел высочайший рескрипт на имя митрополита Серафима, в котором по поводу Библейского общества было сказано: «Повелеваю вам, как президенту оного Общества, приостановиться во всех его действиях без исключения»[218]. Митрополит Серафим немедленно прекратил действие всех отделов Библейского общества. На долгие годы был прекращен и перевод Библии на русский литературный язык.

События 14 декабря 1825 г. окончательно решили судьбу Библейского общества. В письме к Николаю I от 12 декабря 1826 г. Шишков настаивал на том, что распространение мистических идей явилось одной из непосредственных причин событий 14 декабря 1825 г.: «Видим, чего прежде не было, частые возмущения крестьян против помещиков с упорным требованием вольности, которая по их понятию состоит в тунеядстве и необузданности. Видели с ужасом прошлогоднее декабря 14 число, и которое открылось уже в непростом народе. Все сие, как во Франции, так и у нас, породилось от распространения чтения мистических, безнравственных и даже возмутительных книг и журналов, без должного рассмотрения проходивших чрез слабую цензуру»[219]. Членство многих декабристов в масонских ложах делало подобные утверждения Шишкова в глазах Николая I убедительными.

Таким образом, «православная партия» добилась отказа Александра I от приоритета мистико-космополитического варианта христианства в конфессиональной политике. Между самодержавием и верхушкой православной церкви сложился тесный союз, который в царствование Николая I получил идеологическое выражение в известной формуле С. С. Уварова.

---

[218] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 93.

[219] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 285–286.

Глава 7

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

§ 1. Взгляды русских консерваторов первой четверти XIX века на сущность и природу самодержавия

Взгляды русских консерваторов первой четверти XIX в., как правило, не отличались особой теоретической изощренностью, однако в них, как в зародыше, содержались многие важные и принципиальные идеи, характерные для зрелой русской консервативной мысли второй половины XIX в.

Основной идеей, отстаиваемой русскими консерваторами той поры, была идея непреходящей ценности русского самодержавия. Следует согласиться с Р. Пайпсом, утверждающим: «Квинтэссенция русского консерватизма – самодержавие»[1]. Представления консерваторов о самодержавном устройстве во многом были связаны с традиционалистскими установками средневекового периода XIV–XVII вв. М. П. Погодин описывал их следующим образом: «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь отец, а подданные дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастие и спокойствие их – общие. Это обо всем государстве, но и в частях его примечается отражение того же закона: военачальник должен быть

[1] *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры. М., 2008. С. 12.

отцом своих воинов, помещик отцом крестьян и даже служители в доме всякого хозяина называются на древнем выразительном языке нашем домочадцами. Пока этот союз свят и нерушим, до тех пор спокойствие и счастие, – лишь только, где бы то ни было, он начинает колебаться, как и беспорядок, замешательство, тревога. Вот тайна русской истории, тайна, которой не может постигнуть ни один западный мудрец»[2].

Монархические взгляды ранних русских консерваторов иногда буквально совпадали в деталях со средневековыми традиционалистскими представлениями. «Русский вестник» С. Н. Глинки пропагандировал социальную утопию, в которой общественные отношения уподоблялись отношениям семейным, при которых самодержец выступал как глава и любящий отец подданных – «детей». Такого рода отношения подразумевали наличие общественной гармонии и исключали, с точки зрения Глинки, возникновение социальной напряженности. Глинка в данном случае опирался на реально существовавшую традицию отношений власти и общества. Так, исследователь русского средневековья В. В. Шапошник отмечал, что «не существовало какой-то принципиальной качественной разницы между властью главы семьи и властью главы государства. Вполне возможно, что правитель смотрел на подданных, как на членов семьи (И. Е. Забелин). Но семья эта была не совокупностью родственников, не кровная, а духовная, христианская. Такое понимание общества, как семьи православных христиан, появилось, видимо, лишь в конце XV в., с образования Русского государства. Общество было не совокупностью граждан, а совокупностью христиан, объединенных в семьи во главе с мужем. Каждый из них должен был нести ответственность перед Богом за определенный круг лиц. А за всех нес ответственность царь. Каждый муж был своеобразным «мини-царем», «мини-государем». Таким образом, каждая семья представляла собой модель государства»[3].

Наиболее полно взгляды русских консерваторов на сущность и природу самодержавия изложил Н. М. Карамзин в

[2] *Погодин М. П.* Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 636–637.

[3] *Шапошник В. В.* Семья как модель государственного устройства в Московской Руси XVI в. : (по памятникам письменности) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 556.

записке «О древней и новой России». Наряду с обзором русской истории и критикой государственной политики Александра I, в записке содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию концепция самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанной с православием и православной церковью. Современные историки, работающие на стыке истории и политологии, чрезвычайно высоко оценивают карамзинское сочинение как «произведение, которое каждому русскому, особенно собирающемуся во власть, следует знать назубок. Государственные деятели и политики Запада проходят свой «ликбез», изучая «Государя» Макиавелли. Нашим было бы крайне полезно обратиться к «Записке». Это – и «автореферат «Истории государства Российского» (можно прикоснуться к карамзинскому мифу), и наставление власти как ей «обустраивать» (а не разрушать) Россию»[4].

Исторические взгляды русских консерваторов играли существенную роль в формировании консервативной концепции самодержавной власти. Совершенно очевидно, что апология самодержавия была обусловлена такой интерпретацией истории России, которая была призвана на конкретном историческом опыте «доказать», что всякий раз, когда ослабевал самодержавный принцип, страна погружалась в смуту и анархию или становилась жертвой иноземных завоевателей.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой «умную политическую систему», прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была «великим творением князей московских», начиная с Ивана Калиты, причем, в основных своих элементах, слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку не была продуктом личной власти, а была довольно сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. Эта система возникла в результате синтеза автохтонной политической традиции «единовластия», восходящей к Киевской Руси, и некоторых традиций татаро-монгольской ханской влас-

[4] *Пивоваров Ю. С.* О русских ресурсах в преддверии XXI века // Россия и современный мир. 1999. № 4 (25). С. 15.

ти. Большую роль также сыграло сознательное подражание политическим идеалам Византийской империи[5].

Возникшее в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом самодержавие было безоговорочно принято русским народом, поскольку ликвидировало не только иноземную власть, но и внутренние междоусобицы. «Рабство политическое» не казалось в этих условиях чрезмерной платой за национальную безопасность и единство.

Концепция естественного права в записке Карамзина не просматривается. Выражение воли народа явно не предусматривается в этой системе власти, оно, скорее, было даже опасно для государства: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителя»[6].

Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, «излиянием монаршей власти»[7], монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее власти «многоглавой гидры аристократии»[8]. Аристократия, приобретавшая самодовлеющее значение, могла стать опасной для государственности, например, в удельный период или в период Смуты XVII в.[9] Самодержавие «встраивало» аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

Самодержавная система политической власти, по Карамзину, зиждилась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он обозначал как «древние навыки» и шире – «дух народный», «привязанность к нашему особенному»[10]. Карамзин категорически отказывался отождествлять «истинное самодержавие» с деспотизмом, тиранией

[5] См.: *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н. М. О древней и новой России : избр. проза и публицистика. М., 2002. С. 382.

[6] Там же. С. 384.

[7] Там же. С. 383.

[8] Там же. С. 385.

[9] См.: Там же. С. 383, 391.

[10] Там же. С. 388.

и произволом. Он считал, что подобные отклонения от норм самодержавия были обусловлены делом случая (Иван Грозный, Павел I) и быстро ликвидировались инерцией традиции «мудрого» и «добродетельного» монархического правления: «Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бренных форм удержат будущих государей в пределах законной власти; чем страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда!»[11]. Только добродетель может оправдать самодержавную власть. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или даже полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты) приводила в течение короткого исторического срока к восстановлению самодержавия[12].

В силу всего вышеперечисленного, самодержавие явилось «палладиумом России»[13], залогом ее могущества и процветания. Самодержавная монархия зиждилась на союзе монарха с дворянством и духовенством. «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих»[14]. С точки зрения Карамзина, основные принципы монархического правления должны были сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению. При таком понимании самодержавия всякая попытка его ограничения являлась бы преступлением перед русской историей и русским народом.

Ограничение самодержавной власти было гибельно: «Можно ли и какими способами ограничить самовластие в России,

[11] Там же. С. 398.
[12] См.: Там же.
[13] Там же. С. 431.
[14] Там же. С. 433–434.

не ослабив спасительной царской власти?»[15]. Карамзин категорически заявлял о неприемлемости конституционного правления: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей махине производить единство действия?»[16].

Необходимым элементом монархических и консервативных взглядов Карамзина был антиконституционализм. В 1818 г. Карамзин следующим образом охлаждал восторги князя П. А. Вяземского, страстно желавшего конституции: «Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь человека в гаерское платье. <…> Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, чем еще более возвыситься. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае. Впрочем, не мешаю другим мыслить иначе. <…> Потомство увидит, что лучше, или что *было* лучше для России. Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру»[17]. В письме к брату В. М. Карамзину от 22 мая 1817 г. он выражается еще более определенно: «… шумят о конституциях. Сапожники, портные хотят быть законодателями, особенно в ученой немецкой земле. Покойная французская революция оставила семя, как саранча: из него вылезают гадкие насекомые <…> хмурю брови на дерзкую глупость, на бесстыдное шарлатанство, на подлое лицемерие»[18].

Антилиберальная позиция зрелого Карамзина не всегда была четко им выражена. К примеру, в письмах, относящихся к концу 1810-х гг., Карамзин не раз именовал себя «либералис-

[15] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 397.

[16] Там же. С. 397–398.

[17] *Карамзин Н.М.* Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 204.

[18] Там же. С. 238.

том», подчеркивая при этом, что он «на деле либералист»[19]. В конце жизни Карамзин предпочитал не упоминать о былых либеральных и республиканских симпатиях. В 1822 г. М. П. Погодин записал в своем дневнике, со слов П. П. Новосильцева, адъютанта московского градоначальника князя В. Д. Голицына, впоследствии рязанского губернатора, что Н. М. Муравьёв «выговаривал однажды Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его «Истории». Карамзин отвечал: «Да не буду я первый в моем Отечестве проповедовать тот другой дух, который омыл кровью всю Европу»[20]. Особенно показательна была реакция Карамзина на события 14 декабря 1825 г. В письме к И. И. Дмитриеву от 19 декабря он писал об «ужасных лицах», «ужасных словах» «безумцев с «Полярною звездою», Бестужевым, Рылеевым и достойными их клевретами». «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. Ни крест, ни Митрополит, не действовали. <…> Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много! Солдаты были только жертвою обмана»[21]. Такова финальная оценка деятельности русских либералов, оставленная Карамзиным.

Даже А. С. Стурдза, наиболее близкий из консерваторов к либеральному лагерю, разделял достаточно скептическое мнение в отношении конституционных порядков Англии. Оно было высказано в 1818 г., в разгар конституционных ожиданий части дворянского общества: «В новейшие времена Англия, сие неприступное Государство, явила миру все зрелые плоды законной свободы, производящей внутреннее и внешнее благоденствие. В недре ее любовь к отечеству, все иноземное презирающая, основана на твердых столпах *установлений*, и *веры, языка* и славы народной: но более еще на безопасности отечественного края. Океан составляет главное обеспечение Английской Конституции; и без его спасительного ручательства, едва ли здание народного щастия могло бы противустоять порывам

[19] *Китаев В. А.* Век XIX : пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 23.

[20] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 177.

[21] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II. С. 466–467.

упорных страстей, питаемых отделенностию и климатом; и хартия Великобританских прав не всегда бы могла охранять самодержицу морей от покушений возрастающего в ней мятежного духа сект, крамолы и междоусобий»[22]. Английские конституционные установления могли быть, по мысли Стурдзы, эффективными только в силу опоры на традицию и «островное положение» Англии, обеспечивающее ей относительную безопасность в случае внешних вторжений.

М. Л. Магницкий же о конституционном правлении вообще не мог говорить без брезгливости. Это была, по его мнению, полная ложь и бессмыслица – распустить народ и связать власть; дать свободу ногам и оковать голову[23]. Народные собрания, считал он, терпимы и сносны, пока довольствуются субсидиями и ролью актеров, забавляющих публику; но когда они вздумают серьезно мешаться в их дела, их разгоняют Кромвели и Наполеоны[24].

Антизападничество консерваторов совпадало с антиконституционализмом. С их точки зрения, «вводимые законы и учреждения в подражание европейским государствам, кроме замешательства, в Российском государстве никогда ничего произвести не могли, и никогда в нем остепениться и укрепиться оным невозможно, потому что все оные <…> противуестественны духу народа русского, его почвенным нравам, обычаям, образу мыслей и склонности. Наружность европейскую приняли некоторые сословия, но корень русской правды непоколебимым пребывает и доныне; разве развращение нравов, от Европейцев принимаемое, сгноит корень, но тогда все рушится!»[25]. По справедливому мнению В. А. Китаева, именно неприятие конституционализма «принципиально отличало консервативное мышление от либерального, ибо русский либерал мог согласиться с мыслью о неподготовленности России к политической свободе и признать благотворность здесь абсолютистской власти, но никогда не позволял себе охаивать конституционные порядки в Европе»[26].

[22] *Стурдза А. С.* Мысли о любви к Отечеству. СПб., 1818. С. 20.

[23] См.: *Морозов П. Т.* Мое знакомство с Магницким. М., 1877. С. 19.

[24] См.: Там же. С. 20.

[25] Цит. по: *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 94.

[26] *Китаев В. А.* Указ. соч. С. 23.

§ 2. Правовые воззрения русских консерваторов. Идея «русского права»

Правовые воззрения русских консерваторов в целом соответствовали формуле Ж. де Местра: «При заданных населении, нравах, религии, географическом положении, политических отношениях, богатствах, добрых и дурных свойствах какой-то определенной нации найти законы, ей подходящие»[27], т.е. консервативная мысль апеллировала к традиции, нашедшей свое отражение в законодательстве.

В записке «О древней и новой России» Карамзин сформулировал до сих пор не реализованную на практике идею «русского права»: «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств»[28]. «Русское право также имеет свои начала, – писал Карамзин, – как и Римское; определите их и вы дадите нам систему законов»[29]. Он утверждал: «Для старого народа не надобно новых законов. Согласно с здравым смыслом, требуем от комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот содержание кодекса. Должно распорядить материалы, отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое. <…> Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые. <…> Таким образом собранные, исправленные законы предложите в форме книги. <…> Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным,

[27] *Местр Ж. де.* Рассуждение о Франции. М., 1997. С. 88.

[28] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 423.

[29] Там же. С. 425.

истинным творцом Уложения российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. <…> Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать кодекса»[30].

Как ни парадоксально, в какой-то мере рекомендациями Карамзина в процессе кодификации русского законодательства воспользовался уже в царствование Николая I его былой идейный оппонент М. М. Сперанский. Когда Николай I поручил ему составить Свод законов, Карамзин, уже незадолго до смерти, «приветствовал с душевною радостью начало великого труда, который должен был обессмертить и Императора Николая и Сперанского»[31]. При этом речь шла о согласии историка с принципиальным подходом Сперанского, продемонстрированным при составлении Свода законов. По свидетельству К. С. Сербиновича, 21 марта 1825 г. Карамзин заявил: «Вот это совершенно согласно с моими убеждениями. Я всегда думал: как можно составлять законы, не зная всех тех, какие у нас есть и были? Надобно прежде знать свое; надобно собрать все без исключений и потом уже отделить то, что действительно имеет в настоящее время обязательную силу: так составится верный свод, по крайней мере, того, что существует»[32]. Таким образом, влияние консервативной версии права Карамзина на позднейшего Сперанского чрезвычайно вероятно.

Существовали и другие проекты «русского права». 5 августа 1823 г. М. Л. Магницкий отослал царю «Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России». В нем содержалось предложение создать «уложение истинно Русское». Российское законодательство не устраивало Магницкого потому, что было, с его точки зрения, исключительно результатом заимствования западноевропейского юридического опыта. Последний же, считал он, возник на основе «чуждых начал»: языческого римского права и церковного католического права, а потому был неприменим к русским условиям. Магницкий предлагал взять за основу нового уложения «византийское право». В его трактовке

[30] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 425.

[31] *Калачов Н.* О значении Карамзина в истории русского законодательства. Отдельный оттиск из Московских университетских известий. 1866. № 3. С. 9–10.

[32] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин... С. 475–476.

это было право, «соединенное с правом каноническим греческой церкви, совершенно очищенное от всех языческих примесей, то право византийское, которое и ученые наши и новейшие законодатели отвергали так, как будто оно никогда не существовало». Между тем, утверждал Магницкий, «оно одно есть истинное наследие наше после Греческой империи»[33] и развивалось в России в течение нескольких веков, вплоть до Соборного уложения царя Алексея Михайловича. Затем «златая цепь нашего отечественного законодательства» была порвана так, что даже «следа ее ни в законодательстве, ни в правоведении нашем не осталось»[34]. Магницкий риторически вопрошал: «Не входило ли в систему неверия отвести нас от законодательства отцов наших, непрестанно освящаемого верою и божественными писаниями, дабы не отвергая прямо, сгладить неприметно ту печать самодержавия, которая все древние наши законы знаменует?»[35]. Для «исправления» положения он предлагал создать особую комиссию, которая занялась бы систематическим сбором существующих законов, и особый комитет, который «занялся бы историческим обозрением права византийского всего нашего законодательства, в добром духе», т.е. где было бы «все согласное с православием, все приличное самодержавной власти, обычаям и духу народа нашего собственного», «на духе нашего вероисповедания и на праве каноническом Греко-Российской церкви утвержденное». По мнению Магницкого, создание подобного «Русского уложения» воочию продемонстрировало бы намерение «воскресить действительные наши права» на наследие «Империи Греческой»[36]. Магницкий с подачи церковных кругов выразил близкую им идею, что Россия унаследовала комплекс религиозных, культурных и юридических ценностей прежде всего от Византии.

---

[33] *Магницкий М. Л.* Мнение русского дворянина о гражданском уложении для России // Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М., 2006 . С. 358–359.

[34] Там же. С. 360.

[35] Там же. С. 361.

[36] Там же. Последнее предложение Магницкого следует воспринимать в контексте тогдашних международных событий: в 1821 г. началось греческое восстание против турецкого владычества, которое заставило Россию в конечном счете отказаться от следования принципу легитимизма во внешней политике, который лежал в основе деятельности Священного союза.

§ 3. Православие в системе взглядов русских консерваторов

Православие играло важную роль в воззрениях большинства консерваторов первой четверти XIX в.[37] Однако они, подобно позднейшему С. С. Уварову, не стремились давать какие-либо развернутые дефиниции национальной религии и, кроме разве А. С. Стурдзы, не оставили после себя сколько-нибудь значимых богословских трудов. Православие для них было прежде всего символом национальной идентификации и политической лояльности. Удельный вес рассуждений о православной вере и церкви в их текстах невелик и в основном сводился к риторическим фразам. В отличие от позднейших славянофилов, большинство ранних светских консерваторов трудно было назвать людьми, полностью воцерковленными. Часто их интеллектуальная биография начиналась с увлечения деизмом, мистицизмом и масонством и лишь вследствие длительной эволюции их взгляды приобретали православную «окраску». К примеру, отличительной чертой формирующихся консервативных взглядов раннего Карамзина первоначально было почти полное отсутствие интереса к православной религии. Исследователи отмечали, что само слово «православный» упоминается в «Письмах русского путешественника» «один-единственный раз»[38].

Тем не менее, определенное содержательное понимание православия и роли православной церкви, выходящее за пределы риторики, у светских русских консерваторов всё же имелось. Так, А. С. Стурдза считал веру необходимым условием общественной нравственности, правосознания и культуры: «Выше всего, святая вера, все собою восполняющая, сильна очистить нравы, освятить законы, оживить язык, вложить дух в *мертвое письмо*: одним словом, она одна может превратить дикую Лапландскую степь в обетованную землю»[39].

Согласно Карамзину, православная церковь играла исключительную роль в общей системе государственного устройства.

[37] См.: *Минаков А. Ю.* Православие в системе взглядов ранних русских консерваторов // Философия и будущее цивилизации. М., 2005. Т. 5. С. 606–607.

[38] *Кочеткова Н. Д.* Н. М. Карамзин и древнее благочестие // Карамзин : pro et contra. СПб., 2006. С. 700.

[39] *Стурдза А.* С. Мысли о любви к Отечеству. С. 21–22.

Она являлась своего рода «совестью» самодержавной системы, задающей нравственные координаты для монарха и народа в стабильные времена, и, в особенности, когда происходили их «случайные уклонения от добродетели»[40]. Вера позволяла самодержцу «владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных». В дальнейшем, в «Истории государства Российского», Карамзин подчеркивал: «История подтверждает истину, что вера есть особенная сила государственная»[41]. Самодержавие руководствуется исключительно законами Божиими и совестью. Хотя могут быть и мудрые советники, в числе которых, конечно, Карамзин видел и себя.

Н. М. Карамзин подчеркивал, что власть духовная «должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею»[42]. В то же время православие, церковь, духовная власть не должны быть подвластны самодержавию. Карамзин был одним из первых светских мыслителей, подвергших критике Петра I за ликвидацию патриаршества. С его точки зрения, это было лишенной политического смысла акцией, поскольку «наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской; служило ей полезным орудием в делах государственных и совестию в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право – вещать истину государям, не действовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастие состоит в справедливости»[43].

Впрочем, совершенно очевидно, что петровское правление Карамзин явно считал «уклонением от добродетели». Ликвидация патриаршества привела к тому, что «упало духовенство в России». После этого иерархи церкви «были уже только угодниками царей и на кафедре языком библейским произносили им слова похвальные». Синодальная система была изначально порочной, поскольку полностью подчиняла церковь государству: «Если государь председательствует там, где заседают глав-

[40] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 390.

[41] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 6. С. 224.

[42] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 390.

[43] Там же.

ные сановники церкви; если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где пастырь душ может обещать в награду один венец мученический». С точки зрения Карамзина, «власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. <…> Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита или патриарха с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна или, по крайней мере, не есть необходимая для государственной твердости»[44].

А. С. Шишков тесно увязывал религию с чувством патриотизма, она представлялась ему необходимым условием безопасности и стабильности: «Тесными узами вера сопряжена с любовью к отечеству <…> она не только ведет нас в блаженство будущей и вечной жизни, но и в сем кратком на земли пребывании нашем необходимо нужна для общего всех спокойствия и безопасности»[45]. Он писал о «святой православной вере» как единственном источнике человеческого благополучия, из которого «народоправитель почерпает мудрость, закон, силу, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие»[46].

Отрицание индивидом веры, атеизм воспринимались Шишковым как явление, неизбежно ведущее к крайнему, ничем не сдерживаемому эгоизму, приводящему к подрыву общественных связей, что, в свою очередь, было разрушительно для личности и государства: «Человек, не рожденный и не воспитанный в вере, может еще быть честолюбив и праводушен, но тот,

[44] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 390.

[45] *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1825. Ч. 4. С. 175–176.

[46] Там же. С. 174.

кто отпадет от ней, истребит ее из души своей, в том не останется ничего, кроме страсти к самому себе»[47].

Исчезновение или ослабление веры неизбежно ведет общество и государство к катастрофе: «Главнейшее и сильнейшее потрясение царства производится стремлениями к разрушению господствовавшей в нем веры. Струна сия чрезвычайной важности; она, как в электрическом сооружении, не может быть тронута без последования за сим страшного удара. Тогда или разрушители веры одерживают верх – и царство погибает, или народ, вступясь за веру, воспаляется мщением и проливает кровавые своих и чужих токи. Оба сии случаи суть бедственные и ужасные; а потому заблаговременная прозорливость долженствует всеми способами не допускать до созревания сего волнения умов и страстей, разрывающего все общественные связи»[48]. Шишков писал Александру I: «Одно только покушение против ней (православной веры. – *А. М.*) может поколебать верность его (народа. – *А. М.*) к тебе и разрушить общее благоденствие»[49].

В наиболее отчетливой степени взгляды на такие составляющие консервативной идеологии, как православие и самодержавие, были развиты М. Л. Магницким в «записке о народном воспитании», которую он направил 7 ноября 1823 г. Александру I. В качестве «основного начала» народного воспитания Магницкий называл православие, которое теснейшим образом связано с самодержавием. Без первого невозможно второе. Более того, «самодержавие вне православия есть одно насилие»[50], – утверждал Магницкий. Таким образом, он одним из первых напомнил верховной власти идею «симфонии властей», светской и церковной, восходящей к новеллам императора Юстиниана. Православие и самодержавие, таким образом, «два священных столпа, на которых стоит империя». Но эти начала русской жизни, «хотя еще не поколебались, но уже ослабле-

[47] Там же. С. 179.

[48] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 2. С. 170.

[49] РГИА. Ф. 1763. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2.

[50] Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании, 1823 // Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с.е.и.в.к. СПб., 1876. Вып. 1. С. 373.

ны»[51]. Таким образом, Магницкий уже в 1823 г. приблизился к триединой формуле С. С. Уварова. Впрочем, отметим, что еще в 1812 г. Ростопчин *буквально* предвосхитил основную идеологическую формулу русского консерватизма. Он писал, что русские «одному богу веруют, одному царю служат <…> все братья родные»[52].

Архимандрит Фотий (Спасский) в своих записках довольно много писал о признаках разложения православия как веры и церкви как института под воздействием иностранцев и иноконфессиональных влияний, идущих с Запада: «Пастыри и учители церкви не обращали внимания на существующие вещи, соблазны, не исправляли ничего, а говорили кое-где совсем отвлеченное не кстати и не к делу спасения, бия один воздух словами. Многие духовные из новообразованных в среду, пятки и в посты воздержания не имели и с посмеянием нарушали оные. При таковом-то состоянии внутреннем, хитрые умы иностранных мечтали свое все ввести учение, свое обладание, свое заведение, свое поведение и во все изменение вдохнуть. К несчастию для споспешествования в общем соблазне, в учебных мирских заведениях не были хранимы посты, в самый великий пост мяса и все яства запрещенные дозволялись и принуждали в учебных заведениях детей, не хотящих сквернитися, насильно. В частных домах и в местах врачи были более немцы, французы и англичане. Они приводили необходимые свои причины, чтобы мяса ясти непременно. Все дышало оставить благочестие отеческое и законы совсем ниспровергнуть и ввести реформу»[53].

Религиозная жизнь как высших, так и низших сословий подверглась сокрушительной критике Фотия: «Коснуться до мирских сословий христианских, особенно же обычаев в сословии благородных, страшно и ужасно. Большая часть живут как неверные язычники: не токмо в церковь к службам церковным не изволят ходить, но даже в самые великие праздники

[51] Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного советника Магницкого... С. 370.

[52] *Ростопчин Ф. В.* Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ох, французы! М., 1992. С. 210.

[53] *Фотий Спасский.* Автобиография // Русская старина. 1896. Июль. Т. 87. С. 188.

Господни занимаются, во время бдений и утренний, пирами, балами, играми, театрами; постов вовсе не хранят и за ничто считают оные нарушать; мнимоправославные русские с немцами иноверными за едино все делают нечестие. Другие свободно чад своих в зловерие отдают: театры, комедии, маскарады, парады, конские ристания, собачьи охоты, забавы птичьи, книги вольнодумные, сказки, романы, земные бредни, карты, бостоны, гусли, музыки, пиры, балы, собрания корысти, лихоимство, воспитание общее по-немецки, по-французски, по обычаю мира, плотское и диавольское дело и обучение – есть упражнение многих знатных людей во всю их жизнь. Оно в столицах почти заразило даже всех духовных пресвитеров, которые чад воспитывают как иностранцы, в плотском обучении, будучи и сами ревнители плоти и диавольского служения по своим прихотям <…> дело же веры и благочестия было у всех как последнее и как бы не дело нужное. Явных нарушителей всегдашних поста, ядущих мяса во святые посты, среды и пятки, еретиков, врагов церкви, блудников и прочих развратных людей допускали к причастию Святых Таин. Многие духовные, яко безумные, нечестивым богатым и знатным допускали пред самым приобщением что-либо есть и пить: вот изнеженность одних и слабость жития и человекоугодливость других!»[54].

В результате пагубного западного влияния «зловерие везде в царствующем граде усилилось и дошло до самых царских чертогов, что издавна проповедь слова Божия, сказываемая от учителей церкви пред лицем царя и его вельможей, вовсе прекращена была по влиянию князя Голицына. А потому цари, не имеющие времени заниматься чтением книг священных, святых, отеческих, церковных, не стали слышать слова Божия на пользу и в редкое свое пребывание во время литургии при церковных собраниях, а особенно посреде народа мало стали знать учение своея церкви и житие святое»[55]. В итоге российская столица превратилась в подобие библейских Содома и Гоморры. Даже педерастия толковалась Фотием как результат злокозненного западного влияния: «Скудость любви к Богу более всего была в Питере; потоп нечестия всего в нем же, а отсюда должны были законы и суды издаваться на всех других. Какого

[54] Там же. С. 192.
[55] Там же. С. 188.

же можно было ожидать добра от всех и каждого, при всеобщем развращении? Как можно назвать град сей иначе, разве Вавилон, Египет, Содом и Гомор? Слышно, что будто два полка, от первого лица до последнего, лучшие утопают в содомских мерзостях, и уподобилися христиане содомлянам. Какое бесчестие просвещенным временам и людям благородным, а особенно военным. Это ли есть христолюбивое воинство русское? Отрадно будет Содому и Гоморру в день судный, нежели им»[56].

Результатом иностранного влияния Фотий считал и секулярные правительственные мероприятия XVIII в.: ограничение пострижения в монашество и запрет приобретать недвижимость церквам и монастырям. Именно они, с точки зрения Фотия, привели к резкому упадку роли церкви и веры в обществе: «Власть же свободный вход в звание монашеское прекратила, дабы умалилось число подвижников, под тем видом, акибы не нужно число самых избранных и святых людей на земле. Вступившим же противу правил церковных, поставило законы постригать в монашество лет возмужалых, а не как издревле было и есть предано; все сословие святых подчинено мирским законам и обычаям до того, что никого постригать невозможно без указа Святейшего Синода. Последний земледелец имеет приобресть недвижимые имения, а монастырям, св. церквам и монашествующим для общей пользы подвижников все преграды положены земли, воды, домы и прочие угодия земные стяжавать в довольстве: ежели что таковое может быть дозволено, то с высшей власти и царского утверждения, а не иначе». Синодальные порядки Фотия глубоко не устраивали: «Всякие политические притеснения и непрестанно законы исходили по влиянию мирских властей и обер-прокурора в Синоде»[57].

§ 4. Консерватизм и масонство. Феномен правого масонства

В первой четверти XIX в. одним из основных своих духовных противников православная церковь стала рассматривать масонство. Оно широко распространилось в России уже в пос-

[56] *Фотий Спасский*. Указ. соч. С. 192–193.
[57] Там же. С. 189–190.

ледней четверти XVIII в. При Павле I масонские ложи были на короткое время запрещены[58], однако при Александре I, который «долгое время был масоном по духу»[59], оно пережило свой «золотой век». В тот же период в среде консерваторов широкое хождение получила антимасонская доктрина аббата О. де Баррюэля, согласно которой французская революция была результатом заговора против христианства «разрушительной секты», среди участников которой аббат называл философов Вольтера, д'Аламбера, Дидро и прусского короля Фридриха II. Средства, которые использовали заговорщики, были разнообразны: издание «Энциклопедии», борьба с орденом иезуитов, попытка организации особой «колонии» философов, контроль за Французской академией, наводнение Европы антихристианской литературой. Заговорщики, согласно Баррюэлю, действовали и имели большой успех главным образом в высших кругах общества: у королей, императоров, министров и вельмож, проникли в парламенты и начали агитацию за Генеральные штаты. Затем заговор замаскировался, скрываясь под видом религиозных исканий. «Секрет раскрылся при учреждении французской республики. Когда был объявлен декрет о первом годе свободы и равенства, многие якобинцы восклицали: "теперь вся Франция – ложа и все французы – масоны!"»[60].

Наиболее опасной разновидностью масонства Баррюэль называл иллюминатство. Орден иллюминатов, основанный в 1776 г. в Баварии профессором Ингольштадтского университета Адамом Вейсгауптом, вынашивал планы реформ уравнительно-социалистического толка, «проповедовал против собственности и законов гражданских и религиозных, признавал Иисуса Христа простым философом, искал истины в учениях древних еретиков, наконец, стал вооружать против государей и священников». Французская революция была проявлением деятельности иллюминатов, стремящихся к уничтожению «алтаря, трона и общества». Баррюэль заявлял, что поскольку члены секты обладают сильной волей и знают чего хотят, то им

[58] См.: *Соколовская Т.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М., 1999. С. 16.

[59] Там же. С. 17.

[60] *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Пг., 1925. С. 106–108.

надо противопоставить такую же твердую волю и решимость уничтожить их. Надо начать с уничтожения литературы секты и не обольщаться фразами о свободе мысли и печати. Баррюэль призывал государей и министров объединиться против секты, забыть частные интересы во имя общего, оставить ревнивое соперничество, в частности никогда не пользоваться сектами для своих личных целей, потому что их услуги губительны для государей[61].

Именно после появления книги Баррюэля масонство начинает ассоциироваться со всемирным заговором. А. Зорин отмечает: «Многообразное, внутренне конфликтное, исполненное непримиримых противоречий явление, которым было масонство в конце XVIII в., превратилось для многих сторонних наблюдателей в зловещий монолит, в котором политический радикализм и оккультные увлечения оказались частью единого плана, а эгалитаризм и иерархичность дополнили друг друга в представлениях о глубоко законспирированном штабе, действующем через многочисленных и часто непосвященных адептов»[62].

Взгляды Баррюэля получили широкое распространение в России благодаря влиянию французской роялистской эмиграции. В адресованных Александру I «Четырех неизданных главах о России» Ж. де Местр писал об антимонархическом заговоре, предупреждая монарха о возможных последствиях сотрудничества с тайными обществами: «На протяжении целого века на христианство непрестанно посягала одна отвратительная секта. Правители, которых она соблазнила, не только попустительствовали ей, но даже самым плачевным образом содействовали этому преступному посягательству, своими собственными руками, призванными к охранению, сотрясая колонны храма, который должен обрушиться на них самих. Что же из этого получилось? В мире стало слишком много свободы. Развращенная воля человека, освободившегося от узды, смогла совершить все, о чем мечтали гордыня и порочность. Толпа обретших свободу первым делом обрушилась на страну, которая оказывала самое сильное влияние на все прочие. Не прошло и

[61] См.: *Шебунин А. Н.* Указ. соч. С. 108.

[62] *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… : Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 200–201.

двадцати лет, как европейский дом рухнул, верховная власть теперь болтается под его обломками, и никто не знает, сумеет ли она когда-нибудь оттуда выбраться»[63].

Недоверие к масонству культивировалось большинством русских консерваторов. При этом масонофобия зачастую была органической частью галлофобии. Она усилилась в 1805–1807 гг. из-за войн с наполеоновской Францией и благодаря публикации на русском языке двух ключевых антимасонских текстов: «Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противухристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы» Баррюэля (дважды печатался отдельными изданиями в Москве в период с 1805 по 1809 г.) и «Доказательства заговора против всех религий и правительств» Д. Робайсона («Московские ученые ведомости» 1806 г.)[64]. Тогда же «была закрыта популярная ложа «Народ Божий» или «Новый Израиль», а ее основатель, Тадеуш Грабянка, польский граф и последователь радикальной авиньонской системы «масонства в католическом духе», был арестован и заключен в крепость. Был запрещен журнал А. Ф. Лабзина «Сионский вестник», пострадали и некоторые члены вышеупомянутой ложи: Ф. П. Лубяновский едва не был сослан в Якутск за перевод мистической книги Г. Юнга-Штиллинга «Тоска по отчизне»[65]. Антимасонские представления стали прочной частью консервативного мировоззрения.

В 1811 г. Ф. В. Ростопчин подготовил и через великую княгиню Екатерину Павловну передал императору Александру I «Записку о мартинистах». Коротко изложив в ней историю русского масонства, Ростопчин утверждал, что рядовые члены масонских лож являлись жертвами обмана: они «надеялись приобрести царствие небесное, куда их прямо введут их руководители, которые проповедывали им пост, молитву, милостыню и смирение, присваивая себе их богатства, с целью очищения душ и отрешения их от земных благ»[66]. В царствование Екатерины II масоны якобы планировали убийство императрицы, о чем Рос-

[63] *Местр Ж. де.* Соч. СПб., 2007. С. 33.

[64] См.: *Смит Дуглас.* У истоков русской масонофобии // Образ врага. М., 2005. С. 98–99.

[65] См.: *Зорин А.* Указ. соч. С. 209.

[66] [*Ростопчин Ф. В.*] Записка о мартинистах // Русский архив. 1875. № 3. Стлб. 77.

топчин сообщил Павлу I, нанеся тем самым, говоря его словами, «смертельный удар» мартинистам, после чего их руководители подверглись преследованиям. Ростопчин ничего не преувеличивает, в историографии русского масонства прочно утвердилось мнение, что он был причастен к опале московских мартинистов при Павле I[67].

Покровителем масонов в царствование Александра I, по утверждению Ростопчина, стал М. М. Сперанский, который «не придерживаясь в душе никакой секты, может быть и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя»[68]. Начиная с 1806 г., после поражений русской армии от Наполеона, масоны «возбудили мысль о необходимости изменить образ правления и о праве нации избрать себе нового государя»[69]. Ростопчин высказывал уверенность в том, что «Наполеон, который всё направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном»[70]. Более того, руководители русских масонов «поставили себе целью произвести революцию, чтоб играть в ней видную роль, подобно негодяям, которые погубили Францию и поплатились собственной жизнью за возбужденные ими смуты»[71]. Исходя из вышесказанного, Ростопчин настаивал на необходимости принятия «строгих мер против общества, которое таинственностью своею должно привлечь внимание правительства и побудить к новому его распущению»[72].

Историк консервативного толка И. Н. Божерянов считал, что «значение этой записки несомненно, так как гр. Ростопчин имел возможность знать многое такое, что было скрыто от современников. Он, как известно, прибирал бумаги в рабочем кабинете Екатерины II, после ее кончины, и многие документы успел списать»[73]. С его мнением, с некоторыми оговорками,

---

[67] См.: *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 99.

[68] [*Ростопчин Ф. В.*] Записка о мартинистах. Стлб. 78.

[69] Там же. С. 79.

[70] Там же. С. 81.

[71] Там же.

[72] Там же. С. 79.

[73] *Божерянов И. Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. СПб., 1888. С. 32.

фактически соглашался марксист А. В. Предтеченский: «Ростопчин по своему обыкновению сгустил краски. Тем не менее его записка красноречива: не может подлежать сомнению, что между 1807 и 1812 гг. складывалась группа, настроенная настолько оппозиционно по отношению к правительству, что для нее исключались попытки воздействовать на Александра либо путем непосредственного обращения к нему, либо каким-либо схожим образом»[74]. Предтеченский ссылался на «Исповедание веры франкмасонов» (1811 г.), документ, копия которого сохранилась в бумагах великого князя Константина Павловича. В этой прокламации «говорится о том, что бог создал людей равными и свободными, что стремиться к власти – значит наносить оскорбление богу. Великим предприятием, угодным богу, было бы восстание против узурпаторов и умерщвление их. Эта единая цель должна уничтожить различие религий вернуть всех к единому богу»[75].

А. В. Предтеченский утверждал: «Некоторые масонские ложи, существовавшие в рассматриваемое время, теряли свою религиозно-мистическую специфику и приобретали черты общественно-политических организаций с довольно явственно выраженной политической окраской»[76]. Это обстоятельство осознавалось и верховной властью, именно поэтому в 1820 г., по утверждению Т. О. Соколовской, «государь относился к масонам уже с явной недоверчивостью; так, фон Визин не был назначен губернатором только оттого, что был масоном», а в 1821 г. «последовало запрещение печатания масонских песен»[77]. Рескрипт о запрете масонства вряд ли был неожиданным для активной части масонства.

В апреле 1824 г. М. Л. Магницкий направил царю записку, в которой говорилось о том, что мало было запретить масонские ложи, необходимо вести целенаправленную работу по их окончательной дискредитации и ликвидации: «Точно так как не можно уничтожить готового подкопа, заткнув его, а надобно сделать контрмину, нельзя и обществ тайных уничтожить

[74] *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957. С. 229.

[75] Там же. См. также: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 329.

[76] *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 228–229.

[77] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 20–21.

ничем кроме других обществ, кои бы их в течение некоторого времени поглотили. Обществами сими разумею я Церковь и воспитание»[78]. В той или иной степени рекомендации Магницкого учитывались властью вплоть до революции 1905–1907 гг., когда масонство в России вновь легализовалось.

Однако нельзя не упомянуть о том, что существовало русское правое масонство, которое являлось частью русского консерватизма того времени и было вполне лояльно по отношению к православию. Сама постановка вопроса о связи и взаимодействии между определенными течениями в масонстве и русским консерватизмом пока еще непривычна, но проблема не надуманна и нуждается в серьезном изучении[79].

Масонство обычно ассоциируется исключительно с идеями вольности, свободы, равенства и братства, либерализмом, конституционализмом, рационализмом, антиклерикализмом, космополитизмом, т.е. с теми идейно-политическими феноменами, которые являются антагонистичными по отношению к основополагающим консервативным ценностям. Один из наиболее компетентных историков русского масонства XVIII–XIX вв. В. И. Сахаров следующим образом описывает основополагающие положения масонства: «Самодержцы, верховные правители, жрецы, священники любой церкви – всего лишь узурпаторы, которые преступно посягнули на общую для всех людей политическую и духовную свободу. <…> Их (масонов. – *А. М.*) псевдоинтернационализм основывался на необходимости объединения народов во всемирной империи, руководимой просвещенным, «конституционным» вождем-масоном. <…> Любое национальное государство с масонской точки зрения является незаконным образованием, посягающим на целостность мира, ибо Бог дал человеку божественную свободу; те же, кто так или иначе ограничил ее, являются врагами божественного порядка. <…> Золотой век Астреи предстает у масонов веком, в котором не будет законов, власти, наций, границ и собственности,

[78] ГА РФ. Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. 1824. Л. 42 об.

[79] См.: *Минаков А. Ю.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280 ; *Его же.* Масонство и русский консерватизм // Российская империя в исторической ретроспективе. Белгород ; Чернигов, 2010. С. 71–75.

т.е. это знакомая всем нам по коммунистической мифологии картина социального рая на земле, но в масонской интерпретации она выглядит иначе, ибо в ней есть существенный момент, для марксистов неприемлемый – идея свободы человеческой воли»[80].

Приведем суждение еще одного современного историка масонства: «Никем не оспаривается факт несомненной идеологической подготовки масонами французской революции в духе «естественных прав человека», свободы, равенства и братства»[81]. Если же говорить о русской истории конца XVIII – начала XX в., то о масонстве обычно вспоминают в связи с деятельностью Н. И. Новикова, М. М. Сперанского, декабристов, далее, после большого перерыва, – министров Временного правительства, включая А. Ф. Керенского, т.е. представителей либерального и леволиберального, но уж никак не консервативного «лагеря».

Насколько соответствовало русское масонство конца XVIII – начала XIX в. системе ценностей, которая была характерна для консерватизма того же периода? Сразу отметим, что значительная часть русских масонов совершенно определенно ей не соответствовала и тяготела к ценностям противоположного порядка. Именно поэтому, как считают либеральные историки русского масонства, в 1820-е гг. «оппозиция, представляемая масонством, стала угрожающею, и его закрытие, как института не только тайного, но наоборот, принявшего слишком явный характер, стало для правительства настоятельною необходимостью и естественным концом для масонства», которое «в своей массе подготовило почву для развития конституционных и даже республиканских идей и в этом отношении явилось предтечей декабристов»[82]. Однако в то же самое время в русском масонстве было течение, о котором известный мемуарист М. А. Дмитриев с видимым сожалением писал: «Напрасно уничтожили у нас масонство; это не иезуиты, не status in statu, а элемент охранительный. Если б оно существовало

[80] *Сахаров В. И.* Н. М. Карамзин и вольные каменщики : историко-биографические аспекты // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. М., 2000. С. 149.

[81] *Брачев В. С.* Масоны и власть в России М., 2003. С. 102.

[82] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 167–168.

и было в силе, вероятно, не было бы бунта, ознаменовавшего кончину Александра Первого, потому что, вероятно, многие из недовольных принадлежали к масонству: их бы удержали и не допустили»[83]. Это были московские розенкрейцеры, объединенные в ложи «Нептун» и «К мертвой голове», достопочтенным мастером которых являлся П. И. Голенищев-Кутузов, а духовным лидером – И. А. Поздеев. Умеренно-консервативная и либерально-консервативная часть розенкрейцеров входила в петербургскую ложу «Умирающий сфинкс», руководителем которой был А. Ф. Лабзин. Деятельность розенкрейцеров во многом представляла реакцию на французское просвещение XVIII в. с характерными для него атеизмом, материализмом и культом разума.

Скепсис правых масонов в отношении возможностей человеческого разума сказывался в их отношении к науке и университетам и предопределил те черты их взглядов, которые иначе как «обскурантистскими» в либеральном дискурсе назвать невозможно. Сказать, что науке и разуму розенкрейцеры противопоставили интуицию и веру, явно недостаточно. Позиция их была более радикальной. Для видного масона Александровской эпохи М. И. Невзорова, взгляды которого в некоторых случаях были идентичны со взглядами правых масонов, немецкие университеты 1790–1791 гг. – «далее других забежавшее в новом безумии дитя Германии, были первейшими орудиями, рассадниками и распространителями всякого разврата и безбожия и последовавшего от того несчастья своего отечества»[84]. Он предлагал заменить в университетах преподавание классической литературы чтением Библии, обвиняя Гёте и Шиллера в безнравственности, а в современном ему общественно-литературном и политическом движении Германии видел признаки разложения. Вместе с тем он не хотел, чтобы его считали врагом науки, заявляя, что стремится исключительно к тому, чтобы наука была просветлена христианством[85]. Московские розенкрейцеры особое внимание уделяли «образованию юношества»,

[83] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 174.

[84] Цит. по: *Довнар-Запольский М. В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 223.

[85] См.: *Кульман Н. К.* Михаил Иванович Невзоров // Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 216.

стремились к административному контролю за этим процессом. Именно поэтому, считает историк масонства А. И. Серков, к началу 1820-х гг. масоны «заняли многие ключевые посты в системе управления народным просвещением» (Д. П. Рунич, З. Я. Карнеев)[86].

«Правые» русские масоны резко критиковали идеи «энциклопедистов», возлагая на них интеллектуальную и моральную ответственность за Великую французскую революцию, которую оценивали крайне враждебно, стремясь противостоять «мнимому равенству и своеволию». В 1789 г. И. А. Поздеев, лидер «правых» масонов, которого иногда называли «русским де Местром», пережил в своем имении выступление крестьян, после чего он «решительно осуждал любые, даже малейшие, проявления вольнодумства, объявляя их происками иллюминатов»[87].

Масонство в целом воспринимается как объединение «внеисповедное», а «члены его не могли, конечно, быть добрыми сынами какой-либо церкви с ее раз установленным ритуалом и точно указанной догматикой»[88]. Подавляющее большинство русских масонов выступало за отмену расходов на возведение церквей, подвергало критике образ жизни духовных особ, отрицало необходимость монашества, посты[89]. Т. О. Соколовская писала: «Духовенство обвиняло масонов в ереси, и оно было в этом отношении совершенно право: с точки зрения всех христианских вер масоны являлись сектантами, вводившими новые образы служения Богу»[90]. Однако ряд московских розенкрейцеров не вполне соответствует этому жесткому определению, например, П. И. Голенищев-Кутузов, председатель ложи «Нептун», созданной в 1803 г. в Москве. По словам А. И. Серкова, «любые проявления инакомыслии в масонстве он спешил заклеймить ярлыком иллюминатства; по его приказанию члены ложи скупали «опасные» книги и сжигали их»[91].

«Правые» масоны признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государствен-

[86] См.: *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 235.

[87] Там же. С. 46.

[88] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 63.

[89] См.: Там же. С. 64–72.

[90] Там же. С. 72–73.

[91] *Серков А. И.* Указ. соч. С. 50.

ным институтом, а, с их точки зрения, лояльный подданный, стремящийся к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах «правые» масоны отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». «Внешней» они, согласно масонской традиции, называли православную церковь, а «внутренней церковью» – масонские ложи и масонские мистические практики.

Еще более экстравагантной, с точки зрения большинства масонов, была позиция Д. П. Рунича, который объявлял Россию единственной носительницей «истинного христианства», «православного Царства», от которой должно будет зависеть возрождение человечества. При этом он причислял себя к некоему «православному масонству»[92].

Представляется, что «правых» масонов раскалывало на враждующие группировки отношение к православию и православной церкви. И. А. Поздеев был подчеркнуто лоялен к церкви и отрицательно относился к экуменическому курсу А. Н. Голицына. Р. Фаджионнато обратила внимание на то, что одно из первых серьезных выступлений православной оппозиции против мистиков в 1817 г., когда «настоятель Симонова монастыря Герасим Князев направил донос к Санкт-Петербургскому митрополиту Амвросию с резкими нападками на еретические идеи, содержащиеся в «Сионском вестнике» и в других мистических сочинениях, изданных Лабзиным с разрешения министра духовных дел (Голицына. – *А. М.*)», произошло «именно по внушению Поздеева»[93]. На основе этого доноса и бесед А. С. Стурдзы с Голицыным журнал был запрещен цензурой.

Сообразно со своими религиозными взглядами, «правые» масоны признавали и основополагающий принцип консерватизма – иерархию, как естественное подчинение установленному божественным провидением порядку вещей. Так, Поздеев писал о том, что каждый должен оставаться «в своей сфере», т.е. в том сословном состоянии, в котором родился, чтобы «оставить благие примеры честных нравов и деяниев потомкам»[94]. В наиболее концентрированной форме его отношение к либеральным свободам и правам было выражено в его сочинении,

[92] ИРЛИ РАН РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 71. Л. 12.

[93] Там же. С. 244.

[94] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 149.

опубликованном в 1814 г. – «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы».

«Правые» масоны ратовали за точное соблюдение существующих законов: «неизменное управляющее властию наблюдение законов и прилежное, точное их исполнение подчиненными суть душа общественного благоустройства»[95]. По мнению М. В. Довнар-Запольского, под подобными заявлениями «скрывается требование неизменности существующего порядка вещей»[96].

Масоны-консерваторы отстаивали приоритет монархии, выступали против конституционализма, представительного правления, называли демократию «нелепым порядком вещей». Монархия, с их точки зрения, «наиболее служит образцом небесного правления Царя Царей»[97]. С точки зрения правых масонов, конституция, представительное правление и демократия в принципе несовместимы с самодержавием, которое они объявляли идеальной системой государственного устройства.

Отношение масонов к крепостному праву «не имело характера горячего протеста против него как против института. Они придерживались тех воззрений, что общественный строй изменится сам собою с развитием просвещения»[98]. Т. О. Соколовская следующим образом характеризовала позицию Поздеева, являвшегося наиболее ярым приверженцем крепостного права: «Он не считал Россию дозревшею до дарования вольности крестьянам и даже подавал по этому вопросу записку под заглавием «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы». <…> Он проповедует необходимость покорности своей судьбе, а дворян призывает к мягкому, сердечному обращению с крепостными, не желая отнятия у дворян людей, без которых обесценивается земля»[99]. Такова была позиция подавляющего большинства масонов, причем показательно, что позицию «антикрепостника» С. И. Гамалеи Соколовская называла «исключением»[100] в масонской среде.

---

[95] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 224.

[96] Там же.

[97] *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 110.

[98] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 37.

[99] Там же. С. 149–150.

[100] Там же. С. 37.

История России как наука создавалась в конце XVIII – начале XIX в. либо членами масонских лож, либо людьми, к ним близкими: Н. И. Новиковым, И. Н. Болтиным, М. М. Щербатовым, Н. М. Карамзиным и С. Н. Глинкой. Вряд ли это можно объяснить только тем, что в то время «все были масонами». Приведем мнение В. С. Брачева: «Интерес Н. И. Новикова к русской истории не был случаен, так как именно в ней или, вернее, в ее самобытности и добродетели наших далеких предков искал он противоядие против усиленно насаждавшейся в то время галломании и бездумного подражания всему западному, европейскому»[101]. В противоположность довольно плоскому, если не сказать, нигилистическому пониманию прошлого, отрицанию ценности Средневековья, характерному для просветительской идеологии, масонство несло интерес к традиции, уходящей в древность, неважно, подлинной или сконструированной, а это объективно стимулировало интерес к историческому прошлому. Обращение к истории позволяло масонам и консерваторам конструировать собственную традицию, селективно интерпретируя исторические факты. Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества.

Критику галломании в конце XVIII в. начали русские масоны из окружения Н. И. Новикова. Причем, с нашей точки зрения, эта критика мало чем отличалась от аналогичной критики А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, а видные масоны П. И. Голенищев-Кутузов и А. Ф. Лабзин были членами шишковской «Беседы любителей русского слова».

Адекватно оценить подобного рода идейный национализм и антизападничество правых русских масонов можно, лишь памятуя о том, что масонство «в сущности отрицало национальные идеи, и масонское братство было вне национальных тенденций»[102]. Д. П. Рунич осуждал прозападную политику Романовых, начиная с Петра I, за отказ от народных традиций и привычек, «разрушение» русской национальности, объявлял исторический путь России отличным от европейского. Более того, «изуродованная» Россия, с точки зрения Рунича, сохранившая свою самобытность, должна была преобразовать Ев-

[101] *Брачев В. С.* Указ. соч. С. 144.

[102] *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 85.

ропу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от духа всех других народов[103].

М. И. Невзоров предостерегал русское юношество от слепого перенимания того, «что водится, делается и славится в чужих краях», и советовал следовать «простодушным своим предкам», подражая им «особливо в том, что надлежит до Богопочитания», и быть по примеру их приверженными «к вере, закону и религии»[104]. В издаваемом им журнале «Друг юношества» он отстаивал право самобытности каждого народа и настаивал на том, что благополучие россиян заключалось не в том, чтобы быть непременно похожими на какой-либо из народов Западной Европы[105].

В «правом» масонстве существовал и культ нравственности, типичный для консервативных доктрин. «Сионский вестник», в духе более поздних рекомендаций Карамзина, утверждал, что никакие законы, никакие реформы не смогут сделать государство прочным, если в гражданах не будет укоренена добродетель. Древние «не заботились о составлении законов, говоря, что добродетельные и благоразумные мужи суть живые законы»[106].

Следует отметить еще одну немаловажную деталь: на разных этапах своей биографии, преимущественно на раннем, членами масонских лож были такие знаковые для раннего русского консерватизма деятели, как Н. М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, М. Л. Магницкий, всю сознательную жизнь активным масоном был Д. П. Рунич; близкими к масонам по родственным и дружеским связям были С. Н. Глинка и А. С. Стурдза. По масонскому преданию, с масонами одно время были тесно связаны митрополит Новгородский и Петербургский Михаил (Десницкий)[107] и митрополит Филарет (Дроздов)[108]. Из крупных представителей русских консерваторов

[103] См.: *Рунич Д. П.* Россия от 1633 до 1854 г. : взгляд на новый и старый ее быт. Ярославль, 1909. С. 25.

[104] *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 216.

[105] См.: *Соколовская Т.* Раннее Александровское масонство. Масоны // Большая энциклопедия. М., 2007. Т. 2. С. 249.

[106] *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 111.

[107] См.: *Соколовская Т.* Русское масонство... С. 63.

[108] См.: *Серков А. И.* Указ. соч. С. 210.

первой четверти XIX в. никогда не принадлежали к масонству лишь А. А. Аракчеев и архимандрит Фотий (Спасский).

Однако всё вышесказанное не свидетельствует о полном тождестве московского розенкрейцерства и консерватизма Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина и др. Речь идет лишь о несомненной идейной близости между этими течениями по ряду принципиальных мировоззренческих и политических позиций, близости, которая на практике не исключала разногласий, конфликтов и даже взаимной ненависти. Следует подчеркнуть, что в самой масонской среде существовали острые противоречия (в масонстве первой четверти XIX в. А. И. Серков выделяет в 1816–1822 гг. три течения, остро конкурирующих друг с другом[109]). Очевидно, что вопрос об идейном параллелизме «правого» масонства с классическим русским консерватизмом нуждается в серьезном изучении. Прояснить его могут изучение связей московских розенкрейцеров с консерваторами начала XIX в. и детальный анализ идейного влияния их друг на друга. Без подобного исследования общая картина становления русского консерватизма в первой четверти XIX в. будет неполной.

§ 5. Идейно-политическое содержание споров о языке между «шишковистами» и «карамзинистами»

Представления консерваторов о самодержавии и православии занимали особо важное место в складывающейся консервативной доктрине. Но в силу определенных исторических обстоятельств концепт языка играл в дискурсе ранних русских консерваторов бóльшую роль, нежели православие.

Мощным стимулятором, способствовавшим возникновению русского консерватизма, явилась галломания. Следует отметить, что консервативно настроенные иностранцы осуждали это явление едва ли не в более резких выражениях, нежели их русские единомышленники. Ж. де Местр писал кавалеру де Росси 7 (19) декабря 1810 г.: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения

[109] См.: Там же. С. 207–208.

России буквально так, как человек обуздывает лошадь»[110]. Этот факт расценивался французским консерватором крайне негативно, поскольку «российская цивилизация по времени совпала с эпохой максимального развращения человеческого духа, и множество обстоятельств <…> пришли в соединение и, так сказать, смешали русский народ с народом, который одновременно был самым ужасным орудием и самой жалкой жертвой этого развращения. <…> Ужасная литература XVIII века сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который услышало русское ухо, звучали слова богохульства»[111]. Барон фон Штейн доказывал в 1812 г., что, заимствуя в Европе «общеполезные знания и учреждения», Россия «должна была сохранить в то же время свои первоначальные нравы, образ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, изменяя всё это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностранного типа; она могла исключить из собственного всё грубое, не отказываясь от всех его особенностей. Положение столицы России (т.е. Петербурга), пример правителей, естественная склонность нации к подражанию способствовали усилению пристрастия к иностранным обычаям. И кого же избрали себе за образец русские? Самую изнеженную и испорченную нацию из всех европейских – французскую. Язык французов, их литература, их способ воспитания сделались господствующими в высших классах и имели самые гибельные последствия для нравственности и народного образования. Не пора ли <…> ввиду этого последнего обстоятельства положить предел дальнейшему вторжению иностранного элемента, не следовало ли бы возвратиться к столь целесообразной и удобной национальной одежде, не следовало ли бы императорскому двору перенестись в Москву»[112].

Несмотря на то, что у А. С. Шишкова были и предшественники, и единомышленники, он был и остается главным борцом против галломании русского дворянского общества первой четверти XIX в. В описании Шишкова галломания выглядела как

[110] *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 178.

[111] *Местр Ж. де.* Соч. С. 40–41.

[112] Цит. по: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 2. С. 42.

тяжкая духовная болезнь, поразившая русское общество: «Они (французы. – *А. М.*) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню»[113]. Всё это, по его мнению, чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, поскольку «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством»[114]. В своих позднейших «Записках» Шишков красочно добавлял: «Обезьянство наше даже и купчихам нашим вскружило голову. Они из величавых и красивых нарядов своих, переодевшись в какое-то безобразное рубище, похожи стали на лысых обезьян»[115].

Галломания, граничащая с русофобией, была, по Шишкову, следствием вытеснения или полного отсутствия национального воспитания. «Начало оного («крайнего ослепления и заблуждения». – *А. М.*) происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим»[116].

Подобное положение, считал Шишков, было совершенно недопустимо, ибо означало, что французы, по сути, завладели Россией без единого выстрела и господствуют в ней: «Они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостию, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!»[117]. В итоге, заявлял Шишков, возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспи-

[113] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собр. соч. и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 252.

[114] Там же. С. 6.

[115] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 180.

[116] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 5–7.

[117] Там же. С. 252–253.

танию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ уничижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением»[118].

Но каким же образом могла возникнуть подобная ситуация? Шишков объяснял это следующим образом: «Когда сообщением своим сблизились с чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, и час от часу более делаться совершенными их обезьянами. <...> *Мы кликнули клич,* кто из Французов, какого бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим уважением и доверенностию, принять на себя попечение о воспитании наших детей? Явились их престрашные толпы; стали нас брить, стричь, чесать»[119]. С точки зрения Шишкова, даже «и самый благоразумный и честный чужестранец не может без некоторого вреда воспитать чужой земли юноши».

А. С. Шишков полемизировал отнюдь не только с воображаемым неприятелем. Бесспорно, что часть оппонентов Шишкова, в отличие от Н. М. Карамзина, была противником традиционализма. К примеру, П. И. Макаров в «Московском Меркурии» высказывал не просто симпатии к французской стихии в русском языке, у него имелись и такие «манифестации»: «Не хотим возвратиться к обычаям праотеческим, ибо находим, что вопреки напрасным жалобам строгих людей нравы становятся ежедневно лучше»[120]. О Макарове обычно крайне сдержанный в своих оценках А. Мартин пишет так: «Макаров по обыкновению защищал все, что было европейского в России, и намеренно унижал национальное прошлое и традиции»[121].

---

[118] Там же. С. 225–226.

[119] Там же. С. 251–252. В. Я. Стоюнин, написавший резко критическую книгу о Шишкове, отметил по поводу этих слов: «В этом описании все правда, но оно относится более к высшему, придворному обществу» (Вестник Европы. 1877. № 10. С. 518).

[120] *Коровин В. И.* Поэт и мудрец : книга об Иване Крылове. М., 1996. С. 98.

[121] *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 35.

Процессы всеобщей нравственной деградации, «растления», «заразы», предшествующих революции, по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это однозначно расценивалось им как своеобразная подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые «вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю»[122]. А это вело к разрушению нравственных устоев общества, ибо, как совершенно справедливо отмечал А. Д. Галахов, Шишков «не отделял литературы от общественной нравственности, поставляя порчу первой в причинной связи с искажениями последней. Его взгляд разделялся очень многими»[123]. Интересно отметить известный параллелизм взглядов на язык Шишкова и де Местра: «Всякое вырождение отдельного человека или целого народа тотчас же дает о себе знать строго пропорциональной деградацией языка»[124]. Впрочем, еще Екатерина II после разрыва отношений с революционной Францией «запретила учить в духовных училищах французскому языку, как проводнику развратных мнений»[125].

По Шишкову, сугубая вина «карамзинистов» состояла в том, что, вводя в русский многочисленные кальки с французского, они игнорировали собственное языковое богатство, что в перспективе могло привести к неминуемой деградации («доведем язык свой до совершенного упадка»[126]). При этом Шишков приводил в «Рассуждении» немало примеров действительного анекдотического характера (правда, не указывая, откуда он их взял[127]): «Вместо: деревенским девкам навстречу идут цыганки (пишут. – *А. М.*): *пестрые толпы сельских ореад сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся Фараонит*. Вместо:

[122] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 3.

[123] *Галахов А.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 1.

[124] *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 58.

[125] *Снегирев И. М.* Жизнь Московского митрополита Платона. М., 1856. Ч. I. С. 84.

[126] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 132.

[127] Он их в основном заимствовал из книги третьестепенного писателя А. Ф. Обрезкова «Утехи меланхолии». См.: *Проскурин О.* Литературные скандалы Пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19–46.

жалкая старушка, у которой на лице написаны были уныние и горесть: *трогательный предмет сострадания, которого унылозадумчивая физиогномия означала гипохондрию.* <…> И проч.»[128]. В своей критике подобных языковых «извращений» Шишков часто был прав, хотя при этом сам неоднократно впадал в другую крайность. Так, он упрекал «карамзинистов» в том, что они «безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиязм, катастрофа* и тому подобных»[129]. В качестве «Руско-Французских слов» и «нелепого слога» он приводил такие прижившиеся к настоящему времени в русском языке слова, как «переворот», «развитие», «утонченный», «сосредоточить», «трогательно», «занимательно»[130].

Богатство русского языка, по Шишкову, ни с чем не сопоставимо, тем более с французским: «Французы не могли из духовных книг своих столько заимствовать, сколько мы из своих можем: слог в них величествен, краток, силен, богат; сравните их с Французскими духовными писаниями, и вы тотчас сие увидите»[131]. Тем более недопустимы были, согласно Шишкову, заимствования из современных французских книг: «Надлежит с великою осторожностию вдаваться в чтение Французских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностию море, не преткнуть в камень»[132], ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во Французских книгах»[133].

Причины подобного отношения Шишкова к французской литературе и французам очевидным образом определялись полным неприятием идей Просвещения и негативным опытом французской революции, реализовавшей эти идеи на практике. М. Г. Альтшуллер отмечал: «С его (Шишкова. – *А. М.*) точки зрения, нация, уничтожившая монархический принцип и религию, установившая якобинский террор, не может дать миру

[128] *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 56.
[129] Там же. С. 23.
[130] См.: Там же. С. 26.
[131] Там же. С. 121.
[132] Там же. С. 9–10.
[133] Там же. С. 369.

никаких конструктивных идей»[134]. Ненависть к французам и одновременно боязнь их пронизывают сочинение Шишкова, являются его непременным фоном. В «Рассуждении» Шишков с одобрением, как образчик истинно русского слога и высокого стиля, приводит обширный фрагмент из речи Суворова, в котором консервативное восприятие революционной Франции дается в чрезвычайно яркой и рельефной форме: «Сия страна расточенна, растерзана, без власти, без законов, без подчинения. <...> Тамо царствуют днесь неистовые, неблагословенные кровопийцы. <...> Народ сей упражняется в бесчисленных новоумышляемых суетах, совращающих Европу: коснулся благочестия, коснулся правительства: пренебрег древние, пренебрег живые примеры: мечтает изобретать и непрестанно гласит новое просвещение, новые составы всего, новые права человечества: умы и сердца многих неразумных ядоупоил погибельным своим учением. <...> Вы (французы. – *А. М.*) превратили правила, нрав правлений; поколебали учрежденное верою, отъяли сладчайшее упование, сладчайшее утешение человечества: вы породили дерзостнейшие и пагубнейшие мнимовдохновенных, мнимопросвещенных, общества: тьмы тем человеков вами совращены: но се наипервее совращено и разрушено собственное отечество ваше! – О колико паче зубов змиевых язвительнейший, не сыновний, не отечественный дух»[135].

Неприятие Шишковым французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить Просвещенческому проекту собственную, национальную, русско-православную традицию, ядром которой являлся язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. «Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ, возвышается язык; благонравен народ, благонравен язык. <…> Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечест-

[134] *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе : (общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984. С. 30.

[135] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 329–330.

венных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствует один только разврат и ложь. Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных»[136]. Язык, помимо прочего, имеет важную государство-образующую функцию: «Он же соединяет всех самыми крепкими узами. Опытами доказано, что в сопряжении областей не составляют они совершенного единства тела и души, доколе языки их различны; и напротив того, самые разделенные и отторженные одна от другой области, имеющие один язык, сохраняют в себе некое тайное единодушие, которого ни рука власти, ни рука времени, разрушить не могут»[137].

Как справедливо отмечал М. Г. Альтшуллер, «понятие языка у Шишкова очень широко и в его рассуждениях практически приравнивается к культуре народа в целом»[138]. Отметим «параллелизм» данных представлений Шишкова с популярной в то время идеей В. фон Гумбольдта о том, что человеческий дух вообще в конкретной истории проявляется в форме духа народов, а формой выражения духа народа является язык[139].

Для национально ориентированных русских мыслителей, подобных Шишкову, язык был фундаментальным началом народного воспитания, основой основ[140]. (Следует отметить, что, согласно гипотезе Сепира – Уорфа, именно через язык усваивается понятийная система во всем ее национальном своеобразии. Каждый национальный язык формирует у его носителей особую, неповторимую модель мира. Кроме того, язык является самым мощным способом воздействия на формирование личной системы ценностей[141].)

Б. М. Гаспаров видел в подобных представлениях отчетливое влияние романтизма: «Тезис Шишкова о языке как коллективной памяти народа, отпечатавшейся в историческом

---

[136] *Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству. С. 183.

[137] Там же. С. 185–186.

[138] *Альтшуллер М.* А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 145.

[139] См.: *Евграфова С. М.* Память и общество : психологические аспекты // Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций. Казань, 2001. С. 174.

[140] См.: *Зорин А.* Указ. соч. С. 169.

[141] См.: *Евграфова С. М.* Указ. соч. С. 181, 183–184.

прошлом языка – из чего следует тезис о пагубности разрыва с этим прошлым для национального самосознания, – представляет собой квинтэссенцию романтических представлений о языке как воплощении духа народа»[142]. Национальным языком, с точки зрения Шишкова, был церковнославянский, воспринимавшийся им мистически, сакрально. Шишков видел в церковнославянском языке главную сокровищницу национального духа, «мистически связанную с Божественной мудростью еще до принятия христианства <…> как незыблемое основание веры нашей»[143].

Пафос критики Шишкова определялся также его общей установкой: он считал, что современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной основе[144], которую он представлял следующим образом: «Древний Славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники»[145]. Под «древним Славенским языком» Шишков имел в виду церковнославянский, отождествляемый им в свою очередь со славянским праязыком. Шишков творил миф о языке, делая это с определенными идеологическими и культурно-политическими целями. Согласно творимому Шишкову мифу, русский язык, через церковнославянский, является прямым «наследником» античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии. Шишков утверждал: «Под именем Славенских, Славено-Российских и Руских книг можно разуметь различных времен слоги, или язык в смысле

---

[142] *Гаспаров Б.* История без телеологии : (заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 275.

[143] *Проскурин О.* Новый Арзамас – Новый Иерусалим : литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 102.

[144] Идея противопоставить церковнославянский язык наплыву иностранных слов в русский язык принадлежала М. В. Ломоносову и была развита им в сочинении «О пользе книг церковных».

[145] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 1–2.

слога, как то слоге Библии, Патерика или Чети-миней, слова о полку Игоревом, старинных грамот, Несторовой летописи, Ломоносова и проч. Во всех оных слог или образ объяснения различен; но чтоб Славенской и Руской язык были два языка, то есть чтоб можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, сего различия в них не существует»[146].

В XX столетии схожие взгляды отстаивал идеолог евразийства, известный историк, лингвист и филолог Н. С. Трубецкой: «Русский язык из всех славянских языков имеет за собой наиболее долгую и непрерывную литературную традицию. Путем непрерывного преемства он восходит к старо-церковнославянскому, то есть к потенциально общеславянскому литературному языку конца эпохи праславянского единства. Благодаря органическому слиянию в русском литературном языке церковнославянской стихии с великорусской словарь русского языка необычайно богат. Богатство это заключается именно в оттенках значения слов. <…> Сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием, как творческой мысли, так и художественного творчества. Без церковнославянской традиции русский язык вряд ли бы достиг такого совершенства. <…> Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом языке»[147].

Нельзя утверждать, что Шишков якобы призывал писать на церковнославянском языке. Как отмечал сам Шишков, «я не то утверждаю, что должно писать точно Славенским слогом, но говорю, что Славенский язык есть корень и основание Российского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. И так в нем упражняться, и из него почерпать должно искусство красноречия, а не из Боннетов, Волтеров, Юнгов, Томсонов и других иностранных сочинителей»[148]. Ю. М. Лотман доказывал, что идея Шишкова о том, что русский литературный язык должен ос-

[146] Там же. С. 8–9.

[147] *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 192, 196, 197.

[148] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 81.

новываться на церковнославянской лексике, является не возобновлением старинной национальной традиции, а последствием воздействия европейской культуры романтизма XVIII в.[149]

Оппоненты Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из других языков и культур. «Шишков впадал в крайность, полностью отрицая целесообразность всяких заимствований»[150]. Один из современных авторов журнала «Новое литературное обозрение» заявляет: «“Ортодоксы” сделали ставку на церковнославянский язык перевода Священного Писания, который, будучи широко усвоен образованным обществом вообще и литературой в частности, предохранит Россию от вредных влияний и станет в то же время основой национального своеобразия ее культуры. На декларативном уровне любые заимствования из наук и литератур Европы были в этом случае исключены»[151].

Бесспорно, своего рода «лингвистический национализм», граничащий с изоляционизмом, был присущ Шишкову. Но всё же его взгляды на проблему языковых заимствований были не столь уж примитивны. Во всяком случае, он не отвергал в принципе самой возможности языковых (как и всех прочих) влияний. Всякие прямые заимствования Шишков отвергал, полагая, что в русском языке имеются все необходимые корни для того, чтобы выразить принципиально новые понятия, появившиеся в других языках. С другой стороны, под влиянием полемики с оппонентами Шишков следующим образом окончательно сформулировал свои взгляды на проблему языковых заимствований: «Кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностию употреблены быть могут»[152].

---

[149] См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 168–254.

[150] Карамзин : pro et contra. С. 868.

[151] *Майофис М.* Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 456.

[152] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. С. 404.

А. С. Шишков наметил собственную программу исправления русского языка: «возвращение к коренным словам своим, и употребление оных по собственным своим о вещах понятиям <…> хотя бы оные по отвычке от них нашей сначала и показались нам несколько дики»[153]. С его точки зрения, несмотря на известное «повреждение нравов», в России еще сохранялись остатки мощной культурно-религиозной традиции, которые можно и нужно было использовать: «Мы оставались еще, до времен Ломоносова и современников его, при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божием, при умствованиях о християнских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролития крови, и поныне еще во Франции гнездятся»[154]. А. Мартин отмечал, что Шишков «занимался тем, что английский историк Эрик Хобсбаум называет «изобретением традиции: разработкой на основе плохо понятых, просветительски и романтически перетолкованных народных обычаев <…> теорий о национальной самобытности собственного народа, в целях защиты от господства какого-нибудь иностранного народа или государства. В интересующий нас период это стремление к «изобретению традиций» наблюдается по всей Европе: шотландцы, немцы, чехи – все составляли словари, собирали народные предания и сказки и т.д.»[155].

Дискуссия, развязанная Шишковым в его «Рассуждении», лишь формально носила филологический характер. Полемика вокруг «Рассуждения» явилась одним из центральных эпизодов в формировании протославянофильских умонастроений, была не менее значимой, чем последующие споры славянофилов и западников, обострив вопрос о возможности выбора «самобытного» пути развития России. Можно согласиться с оценкой А. Д. Галахова, который утверждал, что Шишков прежде всего от русского общества «добивался русского направления, окре-

[153] Там же. С. 227.

[154] Там же. С. 423.

[155] *Мартин А. М.* «Россия есть Европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. С. 16.

щенного неточным именем славянофильства. Шишков – славянофил, или русофил, потому что стоял за сохранение русской национальности в нравах, обычаях и языке»[156]. М. Г. Альтшуллер так определяет основные черты взглядов «шишковистов»: «Россия в своем развитии должна прежде всего ориентироваться на свое национальное прошлое: на древнеславянские основы культуры, на традиционно сложившиеся в русском быту морально-этические нормы, на прочно устоявшиеся формы феодально-монархических отношений»[157].

Необходимо также подчеркнуть, что взгляды Шишкова нельзя определять как прямолинейно «антизападные»: в отличие от французской, он любил и ценил итальянскую и немецкую культуры. Если отношение к собственно языковым проблемам Шишкова и Карамзина в тот период действительно было разным, то их политические взгляды во многом совпадали. Уже дореволюционные авторы, как либералы, так и тяготеющие к консерваторам, отмечали родство их политических убеждений. Так, А. Н. Пыпин утверждал: «На деле между Шишковым и Карамзиным, – кроме разницы в языке, – не было существенного различия. Впоследствии Шишков сам имел случай убедиться, что в основных общественных вопросах им не о чем спорить. Их патриотизм был одинаково консервативный. Оба они писали о любви к отечеству и говорили в сущности одно и то же; оба не любили нововведений и предпочитали старую патриархальность, оба восставали против иностранных учителей, которым поручалось у нас воспитание, и Шишков, конечно, принял бы все выводы «Записки» Карамзина»[158]. А. Д. Галахов, сравнивая идеи карамзинской статьи «О любви к отечеству и народной гордости» с идеями «Рассуждения» Шишкова, отмечал: «Требования одни и те же. <…> И можно ли предполагать, чтобы Карамзин и его последователи были меньше русофилы, чем Шишков и члены «Беседы любителей русского слова»? Справедливее думать иначе: «История Государства Российского» и «Записка о древней и новой России» заявляют славяно-

[156] *Галахов А.* Указ. соч. С. 2.

[157] *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 51.

[158] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2000. С. 284.

фильство их автора несравненно сильнее набатных возгласов Шишкова, которые по большей части оказывались фальшивой тревогой»[159]. Безусловно, Карамзин отличался большей терпимостью к космополитизму и галломании, и Галахов совершено точно подметил эту черту в Карамзине: «Рабские подражания иностранцам в безделках почитал он оскорбительными для народной гордости, но подражателей не обзывал врагами отечества, тогда как Шишков намеревался издателей «Северного вестника» и «Московского Меркурия», защищавших новый слог, «ткнуть носом в пепел Москвы и громко сказать им: вот чего вы хотели!» Как будто они хотели этого!»[160].

Пожалуй, наиболее точное сопоставление политических взглядов Шишкова можно найти в работе А. Мартина. Он считает, что, в отличие от Шишкова, Карамзин первоначально видел в России органическую часть европейской цивилизации, его концепция основывалась на послепетровском синтезе России и Запада. Детально проработанная концепция русской культуры у Шишкова носила ретроспективный – в смысле ориентации на допетровские времена – и изоляционистский характер.

Современное образование Шишков считал нравственно и политически деструктивным. Для Карамзина же «просвещение» и прогресс были равнопорядковыми явлениями. Оба не принимали французской революции и реформ Александра I, но, в отличие от Шишкова, для Карамзина почерпнутый из прошлого статичный общественный порядок был неприемлем. Шишков отрицал возможность прогресса, Карамзин верил в него. С его точки зрения, российское настоящее было несравненно лучше московского прошлого, а источником национальной идентичности являлся не образ жизни предков, а вневременные принципы мудрого монархического правления. Таким образом, для Шишкова были сущностно значимы люди и их культура, в то время как для Карамзина – государство; и если для первого существовали лишь статическое равновесие и упадок, то второй признавал динамику исторического процесса. Однако с возрастом взгляды Карамзина становились всё более консервативными, и он всё с большим интересом обра-

[159] *Галахов А.* Указ. соч. С. 2–3.
[160] Там же. С. 4.

щался к русскому национальному наследию. Когда в 1803 г. Александр I назначил его официальным историографом, его преклонение перед преобразованиями Петра сменилось восторженными оценками (по мнению Мартина, не всегда обоснованно) достижений московской Руси и оппозицией дальнейшей вестернизации[161].

По мнению М. Г. Альтшуллера, вопрос о победителях в полемике «шишковистов» и «карамзинистов» «достаточно сложен». Он указывает на тот факт, что, хотя большинство филологов и историков XIX в. и тем более XX в. считало безусловными победителями «карамзинистов», Ю. Н. Тынянов еще в 1929 г. писал: «Не очень распространен тот факт, что не Карамзин победил Шишкова, а, напротив, Шишков – Карамзина. По крайней мере, в 20-х и 30-х годах было ясно многим, что в «Истории государства Российского» Карамзин сдал свои стилистические позиции своим врагам». <…> Ныне, после работ Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Б. М. Гаспарова, В. М. Живова и др., вопрос о победителях и побежденных должен решаться гораздо серьезнее и по-иному»[162].

§ 6. Национализм и консерватизм

Русский консерватизм первой четверти XIX в. в значительной мере содержал в себе националистические тенденции. В этом отношении он был не уникален. По всей Европе на смену космополитизму эпохи Просвещения пришли идеи национальной самобытности. Одним из главных течений европейской мысли начала XIX в. был романтический национализм, основателем и выразителем которого стал И. Г. Гердер, в конце XVIII в. утверждавший, что всякая культура должна быть основана на национальности и что истинный носитель национального характера – простой, не тронутый космополитизмом народ. Чтобы познать его, нужно изучать его фольклор, предания, язык. Такой национализм противостоял рационализму и космополитизму наполеоновской Франции и осуждал вредные последствия Просвещения для нравственного состояния выс-

[161] См.: *Martin A.* Op. cit. P. 87.

[162] *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. С. 116.

ших слоев. При этом принцип монархии и сословных привилегий обычно не оспаривался[163].

Идеологически национализм начинает формироваться в России (при том, что само слово «национализм» еще не использовалось) в начале XIX в. в кругах «русской партии». А. Л. Зорин полагает, что именно в поэзии литераторов-«шишковистов» периода наполеоновских войн происходит «открытие» нации как единого народа. Это был именно национализм, воспринимающий нацию как единое политическое тело, как некий национальный субстрат, существующий поверх сословных и классовых барьеров.

В Российской империи национализм возник практически одновременно с консерватизмом. Галлофобия (неприятие всего французского, начиная от мод и заканчивая идеологией Просвещения) обусловила на первых порах специфические особенности русского консервативного национализма. Это была консервативно-националистическая реакция на поведение нации, разрушившей «алтари» и «троны» и в глазах остального мира выступившей символом революционности и якобинского террора. Несмотря на достаточно острое реагирование консерваторов-националистов на появление польского, еврейского, позднее – остзейского вопросов, вызов со стороны этих национальностей воспринимался в начале XIX в. не так болезненно, как со стороны бонапартистской Франции. Франция воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла».

В связи с появлением слухов о планах Александра I о восстановлении государственности Польши, Н. М. Карамзин счел своим долгом в записке «Мнение русского гражданина», написанной 17 октября 1819 г., выразить позицию русских консерваторов по польскому вопросу. С точки зрения Карамзина, восстановление Королевства Польского входит в противоречие с «законом государственного блага России», согласно которому русские цари клянутся «блюсти целость своих держав». Карамзин готов согласиться с тем, что Екатерина II поступила «без-

[163] См.: *Мартин А.* «Воспоминание» и «пророчество» : возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 89–90.

законно», разделив Польшу. Но Александр I поступил бы «еще беззаконнее, если бы вздумал загладить ее несправедливость разделом самой России». Русские «взяли Польшу мечом», и это, подчеркивает Карамзин, «наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний». Император не может «с мирной совестью» отнять у Российской империи Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, «утвержденную собственность России», ставшую таковой еще до воцарения Александра I[164]. Всякое усиление Польши опасно, ибо «поляки никогда не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России». Восстановление Польши «будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу»[165]. Таким образом, Карамзин, как и все консерваторы, выступает с позицией территориальной целостности и неприкосновенности России. Никаких других альтернатив подобной позиции в консервативном мировоззрении нет. Записка Карамзина предельно ясно и ярко отражала позицию консерваторов по польскому вопросу.

Национализм церковных консерваторов носил несколько иной характер. Для них было характерно прежде всего неприятие всех иностранных и иноконфессиональных влияний, в которых усматривалась угроза православию. Наиболее ярко подобный национализм выражен в воззрениях Фотия (Спасского). Фотий осуждал практику подражательства иностранцам русских дворян, их обычай воспитывать детей у иностранных воспитателей и проводить время за рубежом. Его оценки более суровы, резки и принципиальны, чем у светских консерваторов: «Воспитание и житие от старых до юных во всех почти благородных было чуждое истинного христианства. Все, оставив правила св. Отец, предания церкви, обычаи святые предков отцов своих, ни на что не взирая жили, будучи русские, как французы, немцы и другие иноверцы. Многие жили хуже неверных. За честь многие себе и за великое сокровище постав-

[164] См.: *Карамзин Н. М.* Мнение русского гражданина // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 437.

[165] Там же. С. 438.

ляли в иностранных землях воспитание иметь и образование. Многие под разными предлогами в непотребстве все состояние проживали на теплых водах, или во Франции, или в Италии, или в Англии, где токмо роскошь и своевольство более действуют. Туда везли многие бесчисленные свои суммы, и тамо скончивали свое житие без веры, без благочестия, ядуще и пиюще <…> спяще и веселищеся по вся дни светло. Многим знатным казалась родина нездорова, вредна, несносна; а потому к ней даже имели отвращение; многие, шатаясь с иностранными день и нощь, и в чужих краях даже на природном русском языке говорить не знали. Правительство же, на все обращая внимание, а на сие не обращало, видя явно, что как потоп от сего разврата вред разливался»[166].

Особенно негативно Фотий относился не к французам, а к англичанам и евреям: «Льстивые иностранцы, а особенно англичане, сребролюбием недугующие, и жиды всеми хитростями из недр отечества вытаскивали злато, сребро, все драгоценное, а довольствовались за это единою роскошью и модами»[167]. В одной из записок, датированных 21 июля 1825 г., Фотий высказал свои опасения, что заведение в России международного иностранного банка, выдающего кредиты под залог имений, приведет к тому, что «имения наших бояр перейдут в руки иностранцев, а с иностранцами явятся в Россию и жиды», от которых «чрез несколько лет неминуемо будет нищета и беда государству». «Если в обществе, учреждающем банк, – писал Фотий в своей записке, – есть и жиды, и будут они содержатели контор и управители, то без титла господ и помещиков жиды и прочие сделаются навсегда господами и помещиками, и лишь бы начало сделать теперь, а то все можно сделать со временем тайно и явно деньгами. Ничто так в убожество государство привести не может, как жительство христоубийц-жидов в государстве»[168].

Англичан-«торгашей» Фотий не жаловал также и по религиозным соображениям, поскольку они в его глазах были в России «не токмо членами мнимо-благодетельных обществ, но даже и главных в оных пружинами: они были в Библейском

[166] *Фотий Спасский.* Указ. соч. С. 186–187.
[167] Там же. С. 187.
[168] Там же.

обществе, в тюрьмах, промышляя торгами, развозили новоеретическое внушение писания в отдаленные краи России»[169].

Конструирование консервативно-националистической традиции шло по нескольким направлениям. Во-первых, шла интенсивная разработка концепции самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Наиболее ярким примером является записка «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, с ее очевидными антинаполеоновскими, антифранцузскими и антилиберальными акцентами. Самодержавная система политической власти, по Карамзину, держалась прежде всего на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках. Во-вторых, возвеличивались православная вера и церковь, которые жестко противопоставлялись всем неправославным христианским конфессиям и, в особенности, масонству. При этом в работах русских консерваторов-националистов православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. В-третьих, русская история (исторический континуитет) рассматривалась как одна из основных опор национального (националистического) самосознания.

Немалую роль в вызревании русского консервативного национализма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами», носившие не только эстетический и филологический, но и политический характер. «Карамзинисты» ориентировались в своих поисках на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и культурно-поведенческие стереотипы, «шишковисты» же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на древнюю традицию, восходящую к церковнославянскому языку и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. За языковым дискурсом «шишковистов» отчетливо просматривалась метафора единого органического национального целого.

Народ, в духе общеевропейского национализма, отождествлялся ранними русскими консерваторами с государством, являлся своего рода body politic. Это была одна из исходных категорий, которыми ранние русские консерваторы оперировали в

[169] *Фотий Спасский*. Указ. соч. С. 187.

своих интеллектуальных построениях. Так, А. С. Шишков писал: «Воля небес судила каждому из нас порознь скитаться по лицу земли, когда бы не вложила в нас желанья составить общества, называемые державами или народами, и не повелела каждому из оных, размножаясь, жить под своим правлением, под своими законами. Люди без сих обществ были бы столько же злополучны, как без семейств и родства. Не было бы у них ни веры, обуздывающей страсти, исправляющей нрав и сердце; ни воспитания, просвещающего разум; ни общежития, услаждающего жизнь; ни могущества, величия и безопасности, проистекающих от совокупления воедино всех частных воль и сил»[170]. Отдельный человек всецело принадлежал национальному целому, с его традициями, религией и пр. Консервативно-националистическая трактовка общества, призванная легитимировать монархическую власть национальной волей, жестко противостояла космополитической трактовке человека[171].

Обращение к мифологизированным прошлому России, нравственному опыту и обычаям, авторитету предков провозглашалось символической опорой культурно-политической программы Шишкова. В его изображении русское прошлое было преисполнено гармонии, существовавшей в отношениях как между людьми, так и между народом и властью: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы. <…> Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, бескорыстие, верность, гостеприимство и иные многие достоинства их украшали. <…> А где нравы честны, там и обычаи добры»[172]. Думается, что подобная идиллическая картина являет собой полную «антагонистическую» противоположность консервативному восприятию революционной Франции.

А. С. Шишков, еще задолго до славянофилов, увидел в простонародье источник нравственных ценностей и традиций, уже недоступных «испорченным» высшим классам, хотя эта мысль

---

[170] *Шишков А. С.* Рассуждение о любви к Отечеству. С. 147–148.

[171] См.: *Живов В.* Чувствительный национализм : Карамзин, Ростопчин и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 114–115.

[172] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге. С. 458–459.

не приобрела еще в «Рассуждении» классически-четких, славянофильских очертаний: «Мы не для того обрили бороды, чтоб презирать тех, которые ходили прежде или ходят еще и ныне с бородами; не для того надели короткое Немецкое платье, дабы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцовать минуэты; но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как бывало плясывали наши деды и бабки. Должны ли мы, выучась петь Италиянские арии, возненавидеть подблюдные песни? Должны ли о святой неделе изломать лубки для того только, что в Париже не катают яйцами? Просвещение велит избегать пороков, как старинных, так и новых; но просвещение не велит едучи в карете гнушаться телегою. Напротив, оно, соглашаясь с естеством, рождает в душах наших чувство любви даже и к бездушным вещам тех мест, где родились предки наши и мы сами»[173].

Возвращаясь к вопросу об опоре на традицию, отметим, что Шишков осознавал невозможность возврата в прошлое, стремление к чему ему неоднократно приписывалось. К примеру, М. Г. Альтшуллер утверждает: «Шишков принципиально отвергал всякую идею развития России. Для него некое умозрительно сконструированное прошлое русского государства, некая утопия, лежащая в прошлом, представляется той идеальной системой, на которую современная ему Россия должна ориентироваться. Отвергая все реформы Александра I, Шишков настаивал на возвращении к утопическому прошлому, а значит, на сохранении тех исконных русских начал, которые существуют в современной жизни – от языка до самодержавия и крепостного права»[174]. На самом же деле позиция Шишкова была достаточно реалистична, он лишь подчеркивал недопустимость негативного отношения к собственной традиции (что казалось ему одной из главных черт мировоззрения его оппонентов).

Первая четверть XIX в. явилась важнейшим этапом в формировании русского консервативного национализма. Именно тогда были сформулированы основные концепты русского консервативного национализма: народ как единое органическое

[173] *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге. С. 458–459.

[174] *Альтшуллер М. Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе. С. 44.

иерахически организованное целое, большая патриархальная семья, в которой главную роль играет воля царя, выражающая волю коллективного целого и опирающаяся на собственные, глубоко отличные от западных, национальные традиции. Такое целое не нуждалось в верховной власти народного представительства, ограничении власти самодержца конституцией, разделении властей, отмене сословных привилегий. Иначе говоря, русский консервативный национализм имел четко выраженную антиреволюционную, антилиберальную и антизападную окраску.

§ 7. Пётр I в оценках русских консерваторов

Вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I, был довольно остро поставлен в русской консервативной мысли первой четверти XIX в. Однако критика Петра I еще раньше была предпринята представителями западноевропейской мысли. В частности, А. Зорин поставил вопрос о воздействии на политические идеи старших архаистов философии Ж.-Ж. Руссо[175]. Последний утверждал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись влиянию цивилизации чересчур рано. Петр <…> хотел сначала создать немцев, англичан, тогда как надо было начать с того, чтобы создавать русских. <…> Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством»[176]. По мнению А. Зорина, «мысль Руссо об утрате русскими своего национального характера <…> в качестве определяющего начала государственного бытия <…> пришлась в России в известном смысле ко двору, причем читательская аудитория с каждым десятилетием делалась восприимчивее к его аргументации»[177].

Исключительно резко высказывался о Петре I и его реформах Ж. де Местр: «Я ставлю в вину вашему Петру I величайший грех – неуважение к своей нации»[178]. «Вообще же страна сия отдана иностранцам, и вырваться из их рук можно лишь

[175] См.: *Зорин А.* Указ. соч. С. 167.
[176] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 167.
[177] *Зорин А.* Указ. соч. С. 168.
[178] *Местр Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12. С. 176.

посредством революции. Повинен в этом Петр, коего именуют великим, но который на самом деле был убийцей своей нации. Он не только презирал и оскорблял ее, но научил и ненавидеть самое себя. Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал ее под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкою нескончаемых перемен»[179]. Де Местр нарочито сгущал краски, перенося на петровские реформы свою ненависть к протестантской Европе, на которую, как он считал, ориентировался Пётр[180].

Консерваторы первой четверти XIX в. много размышляли о роли Петра I и его реформ в русской истории. Эти размышления, как правило, были резко критическими. Ранний Карамзин, в частности, в своих «Письмах русского путешественника» выступает «безусловным поклонником Петра»[181]. Он был для Карамзина «лучезарным богом», «великим мужем», поставившим страну на путь европейского просвещения. «Все жалкие *Иеремиады* (в адрес Петра I. – *А. М.*) об изменении Русского характера, о потере Русской нравственной физиогномии или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении»[182]. Как большинство западников, Карамзин считал, что целью Петра было «не только новое величие России, но *совершенное* присвоение обычаев европейских», создание флота, законодательства, развитие торговли, создание мануфактур, училищ, Академии и т.д. Словом, Пётр «поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы», имея дарование «употреблять людей по способностям»[183]. Однако в XIX в., по мере формирования своих консервативных убеждений, Карамзин перешел к критике петровских преобразований. В. А. Китаев справедливо замечает, что Карамзин «первым из русских консервативных мыслителей констатировал глубокий культурный разрыв между дворянством и остальной массой народа, шедший от Петра»[184].

---

[179] *Местр Ж. де.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 179.

[180] См.: *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 35.

[181] *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 70.

[182] *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 218.

[183] *Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 387.

[184] *Китаев В. А.* Указ. соч. С. 15–16.

Наиболее глубокой критике деятельность Петра I была подвергнута в записке «О древней и новой России». Карамзин заговорил о том, что стремление этого императора преобразовать Россию в подобие Европы подрывало «дух народный», т.е. самые основы самодержавия, «нравственное могущество государства». Страсть Петра I «к новым <…> обычаям переступила в нем границы благоразумия»[185]. Главной причиной петровского подражательства и космополитизма Карамзин считал отсутствие национального воспитания и влияние иностранного окружения. Плохо воспитанный государь попал под влияние женевца Лефорта, который находил русские обычаи странными и «говорил ему о них с презрением, а все европейское возвышал до небес». Вольные нравы Немецкой слободы довершили Лефортово дело, и «пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею»[186].

Пётр привил русским космополитизм, который ослабил чувство патриотизма и национальное начало: «Мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя русское имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши уже в царствование Михаила (Романова. – *А. М.*) и сына его (Алексея. – *А. М.*) присвоили себе многие выгоды иноземных обычаев, но все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут это заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оного! Теперь же, более ста лет, находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев *неверными*, теперь зовем *братьями*; спрашиваю: кому легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*? Т.е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? <…> Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»[187]. При этом европеизация осуществлялась насильственным путем: «пытки и

[185] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 388.

[186] Там же. С. 389.

[187] Там же.

казни служили средством нашего славного преобразования государственного»[188].

Разрушение древних «навыков», т.е. традиций и обычаев, изображение их смешными и глупыми означало, что государь «унижал россиян в собственном их сердце». Карамзин считал, что государство «может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях». Русская одежда, пища и бороды не мешали заведению школ. Обычаи должны изменяться естественным образом, но «предписывать им уставы есть насилие беззаконное и для монарха самодержавного. <…> В сем отношении государь по справедливости может действовать только примером, а не указом»[189]. Пётр же предпочитал действовать именно указами. Нововведения Петра привели к ослаблению семейных и родственных связей: «Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом, их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения. Чем более успевали мы в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные; имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия»[190].

Н. М. Карамзин также обвинял Петра в «бессмысленном» изменении политической системы и чиноначалия в армии: «Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов – коллегии, вместо дьяков – секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиноначалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честию и достоинством россиян сделалось подражание»[191].

Резко отрицательно оценивает Карамзин и создание новой столицы на берегах Невы: «Мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет *вредною*. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приве-

[188] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 390.

[189] Там же. С. 388.

[190] Там же. С. 389.

[191] Там же. С. 388.

дения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах»[192].

Фактически Карамзин обвинил Петра в роковом расколе народа на высший, «онемеченный» слой и низший, «простонародье»: «Со времен Петровых высшие степени отделились от низших, и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний»[193]. Уничтожение же патриаршества привело к ослаблению веры[194].

Таким образом, Карамзин одним из первых аргументированно поставил вопрос об отношении к петровскому наследию именно в консервативном ключе.

Отрицательно высказывался об отдельных аспектах петровского царствования и А. С. Шишков: «Он (Пётр I. – *А. М.*), вместе с полезными искусствами и науками, допустил войти мелочным подражаниям, поколебавшим коренные обычаи и нравы. Прочие цари не останавливали сего рождавшегося в нас пристрастия ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина <…> напоследок почувствовала сие и старалась обращать нас к отечественным доблестям; но то уже было поздно и требовало немалых и долговременных усилий»[195]. В письме к Марии Фёдоровне от 25 мая 1816 г. Шишков двойственно оценивает наследие Петра: «Он ввел науки и просвещение, но не взял осторожности не допустить вместе с ними войти духу уничижения. Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами: мы почитали себя как бы творением рук чуждых народов. Отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем; ибо от сего не силою оружия освобождаются, но духом честолюбия и народной гордости, тогда только рождающейся в душах наших, когда воспитывают нас собственные наши отцы, матери и наставники»[196].

---

[192] Там же. С. 390–391.

[193] Там же. С. 388.

[194] См.: Там же. С. 390.

[195] *Щебальский П.* А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90, № 11/12. Паг. 1. С. 204–205.

[196] Бумаги из архива А. С. Шишкова. 1816–1824 // Русская старина. 1870. Т. 1. Январь. С. 146.

В неопубликованном трактате «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества» С. Н. Глинка писал о том, что, создав флот и новые войско, Пётр «не дал России *жизни внутренней, самобытной*, без которой весь внешний блеск и все вещественные силы рано или поздно падают и исчезают»[197]. Глинка утверждал, что, перенимая западноевропейские порядки, Пётр I выбрал далеко не лучший образчик для подражания: «При Петре Первом Европа затеснялась мелкими происками ничтожной политики и час от часу более дряхлела в обветшалой жизни своей. < …> Европейские народы воевали и разорялись сами не ведая, из чего и для чего»[198]. При Петре I «люди взрослые были младенцами на шутовских *ассамблеях*. <…> Все было *маскерадом* и быстрою перестановкою театральных *декораций*. Новая столица откликнулась не своими словами и все в ней очужеземилось. <…> (Пётр. – *А. М.*) ни топором, ни дубиною не смог поселить в умах *устава правды*»[199]. Но самое главное, с точки зрения Глинки, «Пётр неосторожною и заторопленною рукою двинул народ русский на крепостной быт; дотоле не существовавший»[200]. Глинка имел в виду указ от 7 июля 1715 г., сделавший крестьян собственностью помещиков. Ранее Глинка стремился «примирить» Петра с допетровской Русью, выставляя его блюстителем традиции и православной веры[201].

По мнению А. С. Стурдзы, Пётр начал цивилизовывать Россию сверху, не заботясь о фундаменте: «Россия раньше увидела Академию наук, чем начальные школы, у нее флоты и дисциплинированные армии появились раньше, чем хотя бы один просвещенный гражданин или хотя бы один судья». Кроме того, Пётр с презрением относился к «нравам и обычаям народа, часто столь достойным нашего восхищения». Наконец, сама гибельная ошибка Петра заключается в подчинении церкви: «Он ослабил церковь, унизив ее служителей. Таким образом,

[197] ОР РНБ. Ф. 191. Глинка С. Н. Ед. хр. 18. «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества» (гл. 1–12). 1 января 1844. Л. 6 об.

[198] Там же. Л. 53.

[199] Там же. Л. 57 об.

[200] Там же. Л. 55.

[201] См.: *Лупарева Н. Н.* «Божество-хранитель» : образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки // Новик. Воронеж, 2005. Вып. 10. С. 52–64.

разбив вазу, напрасно надеяться сохранить ценную жидкость, содержащуюся в ней». В итоге православие не смогло «содействовать изменению нравов, распространению идей, так как существовал разрыв между умом и сердцем нации, между старыми чувствами и новыми условиями существования»[202]. Отсюда – все беды современной России.

Следует признать, что ранние русские консерваторы разработали ту систему «антипетровских» аргументов, которую практически целиком использовали и развили славянофилы уже в николаевское царствование. Однако вся антипетровская аргументация не предназначалась для широкой публики, как правило, она содержалась либо в переписке, либо в неопубликованных произведениях, либо в позднейших мемуарных свидетельствах.

§ 8. Проблема свобод и гражданских прав в идеологии русского консерватизма. Оправдание принципа сословности

Взгляды консерваторов на проблему свобод и гражданских прав определялись их антропологическими представлениями, наиболее радикальную разновидность которых в афористической манере выразил Ж. де Местр: «человек, если его предоставить самому себе, слишком зол, чтобы быть свободным»[203], «естественным состоянием основной части человечества всегда было рабство»[204]. В 1811 г., в памятной записке, адресованной графу Н. П. Румянцеву, де Местр писал, что «род человеческий в его целом способен воспринимать гражданскую свободу только в той мере, в какой его пронизывает и направляет христианство»[205].

Русские консерваторы также весьма пессимистично трактовали идею свободы, склоняясь к тому, что она является заведомо иллюзорной. Так, Ф. В. Ростопчин, рассуждая о возможности отмены крепостного права и наделении крестьян гражданскими свободами, вкладывал в понятие «свобода» ис-

[202] Цит. по: *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 133.
[203] *Местр Ж. де.* Соч. С. 27.
[204] Там же. С. 28.
[205] Там же. С. 31.

ключительно негативное содержание: «Слово *вольность* или *свобода* изображает лестное, но не естественное для человека состояние, ибо жизнь наша есть беспрестанная зависимость от всего. Мы властны в воле нашей, но не в исполнении ее, чему предстоят моральные и физические препятствия. Отношения и связи общества соделывают каждого человека зависящим от других, и для удовлетворения наших желаний, нужд и прихотей, мы всегда прибегаем к другим. <…> Желание свободы есть самое сильное и возбудительное в человеке, который, быв невольником самого себя, покушается, однако же, быть независимым ни от кого и, усиливаясь достигнуть сей цели, приносит иногда химере в жертву счастие, из верноподданного соделывается преступником. <…> Первое действие вольности есть самовольство, 2-е непослушание, 3-е восстание против власти. <…> В устах проповедующих свободу она и счастие суть единосмысленны; в умах же с здравым рассудком свобода означает бедствие»[206].

В наибольшей мере рассуждал о свободе и гражданских правах в своем трактате «правый» масон А. И. Поздеев. С его точки зрения, человек, сотворенный Богом, после грехопадения (произошедшее оттого, что человек сам захотел быть свободным) стал пристрастен, слаб, порочен, его внутренние силы связаны грехом, а потому он мыслит, чувствует и действует несвободно. Поэтому у людей «мысленность их, нравы и действия клонятся паче всего к заблуждению и ошибочности: сего-то ради Бог и учредил начальства, власти». Соответственно, «мнимо-гражданская свобода вредна, пагубна, бунтующа, и особливо в государствах больших пространств <…> неудобна»[207].

Исходя из пессимистического взгляда на человеческую природу и свободу, де Местр высказывал характерную для ранних консерваторов точку зрения, согласно которой для общества необходима монополия благородного сословия и церкви на об-

[206] Замечания графа Ф. В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. Паг. 5. С. 204–205.

[207] *Поздеев И. А.* Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы // Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1880. Вып. 5 : Приложение к 38-му тому записок Императорской Академии наук. № 2. С. 415.

суждение и толкование важнейших социальных и нравственных проблем; именно высшие сословия обязаны поддерживать охранительные принципы и государственные идеи: «Прелатам, дворянам, государственным сановникам принадлежит право быть хранителями и стражами консервативных истин, учить народ тому, что есть зло, что истина и что ложь в порядке нравственном и религиозном»[208].

Де Местр предлагал жаловать дворянское звание «только в том случае, если налицо земельные владения и соответствующие заслуги; жаловать дворянство за одни заслуги можно только в том случае, если жалуемый наделяется богатством или становится на путь его законного обретения. Однако не следует давать дворянские отличия людям торговли, пока они остаются лишь торговцами и не имеют ничего, кроме толстой сумы»[209].

И. А. Поздеев изображал традиционную сословную структуру следующим образом: крестьяне в ней были корнем, купцы – стеблем, а ветвями и плодами – дворяне[210], причем к дворянскому сословию должно тесно примыкать сословие духовное, лучшие духовные – из дворян: «Дворян дело научать, править, защищать и всячески помогать примером и делами нижним двум состояниям. К ним принадлежит пещись о здоровье телесном двух нижних состояниев, почему и медицина должна быть ими практикована. А что надлежит до нравственного управления, которого начало – ведение духовное, и паче им принадлежит. Из них должно быть и духовенство». Сословная структура должна быть незыблемой, соответствовать самой сущности божественного миропорядка: «А позволять, чтоб ноги поднимались выше рук, или паче выше головы, есть сущий беспорядок. Если позволить всякому стремиться целить выше, нежели он есть, то все состояния будут делаться недовольны, и всякий захочет быть выше. А все управляется мудрою мерою, которая состоит в удержании своего звания честно, добродетельно и богоугодно»[211].

---

[208] *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 447.
[209] *Местр Ж. де.* Соч. С. 110–111.
[210] См.: *Поздеев И. А.* Указ. соч. С. 415–416.
[211] Там же. С. 426.

§ 9. Крестьянский вопрос в освещении русских консерваторов

Говорить о наличии некой целостной консервативной экономической доктрины в рассматриваемый период можно лишь с известной долей условности, таковая появляется лишь во второй половине XIX в. Кроме того, ранние русские консерваторы не считали главными проблемы экономического развития – в сравнении с проблемами социально-политическими они были в их воззрениях явно не приоритетными, что, вообще говоря, является характерной особенностью большинства направлений русской консервативной мысли.

Взгляды ранних консерваторов определялись не исходными абстрактными принципами, почерпнутыми из трудов Э. Бёрка или Ж. де Местра, а необходимостью реагирования на конкретную политическую и экономическую ситуацию первой половины XIX в. В царствования Александра I и Николая I и власть, и общественная мысль, в том числе консервативная, исходили из общепринятого в то время представления о России как об исключительно земледельческой стране[212]. Соответственно, в экономических воззрениях русских консерваторов решение аграрного вопроса и отношение к крепостному праву занимали центральное место, что объяснялось чрезвычайной остротою этих проблем[213].

Существенной особенностью экономического развития России первой половины XIX в., помимо аграрного характера экономики, была крайняя узость потребительского рынка, вызван-

---

[212] См.: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России : (центрально-черноземные губернии). М., 2002. С. 52.

[213] Наиболее подробно воззрения консерваторов на крестьянский вопрос исследованы в следующих работах: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1 ; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. ; Л., 1946. Т. 1 ; М., 1958. Т. 2 ; *Предтеченский А. В.* Указ. соч. ; *Мироненко С. В.* Самодержавие реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 ; *Его же.* Страницы тайной истории самодержавия : политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990 ; *Козлов С. А.* Указ. соч. Наличие этих работ избавляет нас от необходимости подробного пересказа и анализа соответствующих взглядов ранних русских консерваторов и позволяет сосредоточиться на изложении нового материала и анализе особенностей их взглядов на решение аграрного вопроса в России.

ная преобладанием крестьянского и помещичьего натурального хозяйства, обеспечивающего себя почти всем необходимым. Для экономики были также характерны хроническая скудость финансовых средств и материальных ресурсов, при том, что империя постоянно вела тяжелые войны, требующие колоссальных затрат. Естественно, что в этих условиях были неизбежны такие явления, как периодическое возникновение «брешей» в бюджете, нестабильный сбор налогов, жесткая необходимость иностранных заимствований, выпуск быстро обесценивающихся бумажных денег и переход к серебряному обращению[214]. Все эти «вызовы времени» требовали от общественных сил страны недвусмысленных четких ответов. Попытки такого рода ответов имелись и у консерваторов.

Как уже говорилось, рабство, согласно де Местру, естественным образом вытекает из порочности самой человеческой природы. Человек слишком зол, чтобы быть свободным. Если человека и необходимо освободить, то это должно быть сделано христианством. Именно христианство начало «беспрестанно трудиться над отменой рабства, в то время как никакая другая религия, никакой законодатель, никакой философ не осмеливались не только что-то предпринимать, но даже и мечтать об этом»[215]. Иначе говоря, всякой социальной реформе должно предшествовать преобразование сознания. До де Местра мысль о том, что психологическое освобождение раба должно предшествовать освобождению политическому и социальному, отстаивал Ж.-Ж. Руссо[216].

Особенность взглядов де Местра на проблему освобождения от крепостной зависимости русских крестьян состояла в том, что этот воинствующий католик крайне низко оценивал русское православие: «У русских нет прочной и надежной религии, которая могла бы в достаточной мере служить нравствен-

---

[214] Общую характеристику ситуации в экономике России в исследуемый период см.: *Марней Л. П.* Финансовая политика России в первой четверти XIX века // Экономическая теория : ежегодник. 2001. М., 2002 ; *Шацилло М. К.* Эволюция налоговой системы России в XIX веке // Экономическая история : ежегодник. 2002. М., 2003.

[215] Цит. по: *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 145.

[216] См.: *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. М., 2003. Т. 4. С. 69.

ной уздой для злой природы человека»[217]. Но если религия не укоренена в народных массах, то тем самым резко возрастает роль рабства как фактора стабильности: «Рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что император не может править без рабства»[218]. Поэтому в России освобождение крестьян не может, с его точки зрения, не сопровождаться особо сильным риском: «стоит только дать свободу тридцати шести миллионам человек <…> как тут же вспыхнет всеобщий пожар, который пожрет Россию»[219].

Если уж начинать освобождение России от рабства, то надо начинать не с крестьян, а с дворян: «Слава и сохранность империи гораздо в меньшей степени заключается в освобождении той части нации, которая еще находится в рабстве, чем в совершенствовании свободной ее части и в первую очередь дворянства»[220]. Де Местр считал, что освобождение крестьян ни при каких условиях не должно совершиться сразу, одномоментно, «пусть оно будет бесконечно долгим, пока не останется ни одного крепостного»[221]. «Все должно совершиться без шума и бедствий, ибо все великое совершается именно так. Тогда пусть государь содействует этому естественному движению (это его право и долг), но храни нас Бог от того, чтобы он сам вызывал это движение к жизни»[222]. Представляется, что некоторые рекомендации де Местра имели принципиальное значение для понимания взглядов русских консерваторов на проблему крепостного права. Долгота и медленность процесса освобождения – то общее, что объединяло всех консерваторов, которые допускали отмену крепостной зависимости крестьян.

Из русских консерваторов одним из первых сформулировал свою позицию по крестьянскому вопросу Г. Р. Державин. Он отрицательно оценил такую либеральную меру Александра I, как издание закона о вольных хлебопашцах 1803 г., поскольку считал, что от освобождения крестьян «в нынешнем состоянии народного просвещения не выйдет <…> никакого блага государственного, а напротив того вред <…> чернь об-

[217] Цит. по: *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 145–146.
[218] *Местр Ж. де.* Соч. С. 33.
[219] Там же. С. 38–39.
[220] Цит. по: *Парсамов В. С.* Указ. соч. С. 147.
[221] *Местр Ж. де.* Соч. С. 39.
[222] Там же. С. 42–43.

ратит свободу в своевольство и наделает много бед»[223]. Державин утверждал, что «хотя по древним законам права владельцев на рабство крестьян нет, но политические виды, укрепив крестьян земле, тем самым ввели рабство в обычай. Обычай сей, утвержденный временем, соделался столько священным, чтобы прикоснуться к нему без вредных последствий великая потребна осторожность»[224]. Державин также считал, что указ не вносит в законодательство ничего нового, так как и раньше крестьян отпускать не запрещалось: «Всем владельцам по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьян своих позволено, а по указу царствующего государя 1801 году и снабжать отпущенных людей землями можно, следовательно, никакой нужды нет в новом законе. Румянцев (инициатор принятия указа «О свободных хлебопашцах…». – *А. М.*) может отпустить хотя всех своих людей и крестьян по тем указам (однако же он того ни тогда, ни после не сделал), а на всех особым указом растверживать о мнимой вольности и свободе простому, еще довольно непросвещенному народу опасно, и только такое учреждение наделает много шуму, а пользы никакой ни крестьянам, ни дворянам»[225].

Кроме того, Державин полагал, что помещики в качестве выкупа будут требовать слишком много, а следовательно, крестьяне не смогут заплатить всю сумму сразу («раб за свою свободу будет обещать все, что от него ни потребуют, а помещик, лишаясь крестьян и с ними своего доходу или, лучше сказать, своего существования, захочет иметь такой капитал за сию свободу, чтоб не токмо <не расстроить>, но и улучшить свое благосостояние» [226]), и в результате по поводу неустоек в платежах будут вестись тяжбы. При этом крестьяне окажутся в заведомо проигрышном положении, поскольку «правосудие в Российской империи большей частью в руках дворянства», а следовательно, «дворянин, судя дело своего собрата, будет осуждать сам себя; из того другого ничего не выйдет, как подготовленное беззаконие; будут обвиняемы крестьяне и обращены по этому указу в прежнее их крепостное состояние и тягчайшее

[223] Записки // Державин Г. Р. Соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 816.

[224] См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 823.

[225] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 258.

[226] Там же. С. 259.

рабство, потому что помещик за причиненные ему хлопоты и убытки будет мстить» [227].

Помимо всего прочего, крестьяне, получив свободу, перестанут нести повинности, и от этого будут страдать интересы государства: «крестьяне, продав взятую ими у помещиков землю, могут переселиться на другие земли в отдаленнейшие страны империи, где их сыскать скоро невозможно, или по своевольству своему и лености разбрестися, куды глаза глядят, чтоб только не ставить рекрут и не платить никакой повинности, в чем они единственно свободу свою <полагают>»[228].

Лучшей полиции, чем помещики, государству не найти, поскольку они являются наилучшими полицмейстерами в своих селениях: «Нижние земские суды или сельская полиция по пространству в империи мест жилых и мест пустых удержать их от разброду не могут без помещиков, которые суть наилучшие блюстители или полицеймейстеры за благочинием и устройством поселян в их селениях» [229].

Помещики заинтересованы, с точки зрения Державина, в процветании своих крестьян, поэтому именно они и должны заботиться о развитии крестьянских хозяйств: «Поправление крестьянского характера и состояния должно также отнести к попечению владельцев. Им известны их подданных качества, склонности, поведение, хозяйство без урядицы, имущество, недостатки и всякие потребности. Они могут в них злое исправлять, доброе поддерживать благоразумным наставлением, прилежным надзиранием, деятельным в нуждах пособием и должным взысканием»[230].

Позиция Державина вызвала недовольство императора, который пригласил его на аудиенцию, во время которой Державин высказал ему все вышеприведенные доводы. За критику указа он получил выговор от императора. Между тем Державин не столько защищал крепостное право как нерушимый принцип, сколько считал вопрос об освобождении крестьян несвоевременным. В одном из вариантов своего завещания, на-

[227] *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 259.

[228] Там же.

[229] Там же.

[230] Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев. 1800 // Державин Г. Р. Соч. Т. 7. С. 235.

писанным им уже в отставке, Державин выражал желание, чтобы все его крепостные люди и крестьяне, на основании указа 1803 г., были обращены в вольные хлебопашцы. Впрочем, в окончательном варианте завещания этого пункта не оказалось, он завещал только отпустить на волю после своей смерти нескольких дворовых людей[231].

Критически воспринял указ о вольных хлебопашцах и Ф. В. Ростопчин. В марте 1803 г. он писал П. Д. Цицианову: «Откуда взяли, что крестьянин, в состоянии бывший заплатить за себя деньги и купить участок земли, будет принадлежать к землепашеству? Разве так никто не знает, что все богатые мужики для того лишь выходить стараются из первобытного их состояния, чтоб поступать в купцы? <...> И какая деревня может за себя заплатить должную цену? А порознь кто станет продавать уделы из дачи?»[232].

Н. М. Карамзин в своей журнальной публицистике начала XIX в. разрабатывал патриархальную утопию, согласно которой помещик являлся отцом-покровителем крестьян, заботящимся об их нравственности и благосостоянии. Подобного рода отношения являются залогом процветания и зажиточности крестьян, если же крестьяне обретают волю, то наступает их разорение[233].

Свои взгляды на крестьянский вопрос Карамзин наиболее полно выразил в статье «Письмо сельского жителя». В ней описывалась следующая ситуация. Молодой человек после службы и путешествия сделался господином поместья и решил быть благодетелем своих крестьян: «отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным оброком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни прикащика, которые нередко бывают хуже самых худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: «Добрые земледельцы! Сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим верным заступником во всяком притеснении». В итоге утопист по приезде обнаружил

[231] См.: *Грот Я.* Указ. соч. С. 662.

[232] Письма гр. Ф. В. Ростопчина к князю П. Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2. С. 6.

[233] См.: *Казаков Р. Б.* Крестьянство и власть в сочинениях Н. М. Карамзина : проблемы источниковедения // Народ и власть : исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 87–98.

«бедность, поля весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие!»[234].

Секрет же былого процветания оказался в том, что покойный отец рассказчика «смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны – и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не беднели. Воля, мною им данная, обратилась в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства». Даром полученную господскую землю крестьяне сдавали в аренду и брали по 5 рублей за десятину, хотя эта же земля могла приносить до 30 – 40 рублей, если ее самим обрабатывать[235]. Карамзин делает вывод, что крестьяне «ленивы от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия». Более того, вольность не является панацеей от нищеты. «У нас много вольных крестьян, но лучше ли господских они обрабатывают землю? По большей части напротив. С некоторого времени хлебопашество во всех губерниях приходит в лучшее состояние: от чего же? От старания помещиков: плоды их экономии, их смотрения, наделяют изобилием рынки столиц»[236].

Главный рецепт крестьянского процветания Карамзина – всесторонняя опека, жесткий патернализм и детальная, если не мелочная, регламентация со стороны помещика: «Я возобновил господскую пашню, сделался самым усердным экономом, начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную; вместе с ними, на полях, встречал и провожал солнце; хотел, чтобы они и для себя так же старательно трудились, вовремя пахали и сеяли; требовал от них строгого отчета и в нерабочих днях; перестроил деревню самым удобнейшим образом; ввел по возможности опрятность, чистоту в их избах, не столько приятную для глаз, сколько нужную для сохранения жизни и здоровья»[237]. Карамзин заключал: «Для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того,

[234] *Карамзин Н. М.* Письмо сельского жителя // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 218.

[235] См.: Там же.

[236] Там же. С. 220.

[237] Там же. С. 219.

чтобы они имели добрых господ и средство просвещения, которое одно, одно сделает все хорошее возможным»[238].

Что имел в виду Карамзин под просвещением? Элементарную грамотность и религиозное воспитание: «Я в нынешнюю зиму по собственному движению завел у себя школу для крестьянских детей, с намерением учить их не только грамоте, но и правилам сельской морали, и на досуге сочинил катехизис, самый простой и незатейливый, в котором объясняются *должности поселянина, необходимые для его счастия*. Умный священник деревни нашей был в этом деле моим критиком, советником и помощником»[239]. Распространению веры для крестьян Карамзин придавал исключительное значение: «Крестьяне мои уважают и любят священника, как отца, и сделались при нем гораздо набожнее. Я со своей стороны помогаю сему счастливому их расположению усердным примером своим и всякое воскресенье являюсь в церкви. Человек с умом образованным имеет тысячу побуждений быть добрым»[240].

В статье «О новом образовании народного просвещения в России» (1803 г.) Карамзин повторяет мысль о необходимости не только научить крестьян чтению и письму, но и преподать «начальное основание морали», изложенной в «нравственном катехизисе» для приходских училищ. «Всего же более ответствует за успех то, что мудрое наше правительство соединяет уважаемый народом сан духовных пастырей с должностью сельских учителей»[241].

Для Карамзина положительным героем крестьянской жизни выступал зажиточный крестьянин, т.е. крестьянин трудолюбивый, заботливо обрабатывающий землю. В дискурсе Карамзина трудолюбие, по наблюдению Р. Б. Казакова, «помогает крестьянину, то есть «рабу» по своему социальному статусу, встать вровень с представителями других сословий, пользуясь одинаковым доверием и неся одинаковую ответственность за сделанное»[242]. Самым серьезным злом, мешающим крестьянам достичь процветания, Карамзин считал пьянство: «Они все мог-

[238] Там же. С. 220.

[239] Там же.

[240] Там же. С. 221.

[241] *Карамзин Н. М.* О новом образовании народного просвещения в России // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 242.

[242] *Казаков Р. Б.* Указ. соч. С. 90.

ли бы разбогатеть, если бы гибельная страсть к вину не разоряла многих, страсть, которая в России, особливо вокруг Москвы, делает, по крайней мере, столько же зла, как в Северной Америке между дикими народами»[243]. Богатейшими из подмосковных крестьян являются старообрядцы: «они не пьянствуют!»[244].

Выход из нищеты и невежества для крепостных крестьян Карамзин видел в просвещении вместе с другими сословиями. Еще в 1793 г. он мечтал о некой малоосуществимой даже в куда более позднее время идилии: «Просвещенный земледелец! <…> Быть просвещенным есть быть здравомыслящим, не ученым, не полиглотом, не педантом. <…> Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пашут землю и собирают библиотеки; пашут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их»[245].

Р. Б. Казаков следующим образом воссоздает схему рассуждений Карамзина: «зажиточный (то есть работящий и трезвый крестьянин) благоденствует при добром попечении своего хозяина, освобождение же от этой зависимости приведет только к падению нравов и – в конечном счете – к падению благосостояния крестьян и дворян, а значит – самого государства»[246].

В начале XIX в. среди помещиков Центральной России возникла мода на «англинских фармеров», на современные по тому времени земледельческую технику и технологии. Однако мода на эксперимент быстро прошла, и вскоре земельные собственники «возвратились на старый, но проверенный путь – к усилению эксплуатации крестьян»[247]. Осмысление итогов этого «эксперимента» дало серьезный толчок русской консервативной мысли. В порядке «самокритики» Ф. В. Ростопчин (в 1803–1806 гг. он также увлекся опытом английского земледелия) опубликовал довольно объемистую брошюру «Плуг и соха», в

[243] *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 341.

[244] *Карамзин Н. М.* Путешествие вокруг Москвы : письмо первое из Коломны от 14 сентября // Там же. С. 359.

[245] *Карамзин Н. М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // Там же. С. 187.

[246] *Казаков Р. Б.* Указ. соч. С. 93.

[247] *Козлов С. А.* Указ. соч. С. 43.

которой были изложены представления о способах ведения сельского хозяйства в России и о возможности применения в русских условиях западноевропейской сельскохозяйственной агрокультуры. Ростопчин сурово осуждал некоторых помещиков за стремление ввести в своих поместьях модные нововведения: то, что «соделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести за год <…> по склонности к новостям, и в подражание чужестранным, по множеству перемен в одежде, в строении, в воспитании, даже и в образе мыслей»[248].

«Русские англичане» полагали, что эксперимент должен был привести к товарному изобилию и обогащению как их самих, так и крестьян, через «удобрение полей, содержание большого скотоводства, превосходные семена, обширные поля, превращенные в огороды»[249]. Однако действительность оказалась иной. Помещики, втянувшиеся в эксперимент, столкнулись с рядом непредвиденных трудностей. Таковыми оказались прежде всего непомерно большие затраты на обзаведение хозяйством нового типа[250]. По подсчетам Ростопчина, рентабельность даже образцовых хозяйств была крайне невелика: «едва получают два процента на сто за сию модную перемену Сохи на Плуг»[251]. Английское зерно быстро утрачивало свои свойства в русских климатических условиях: «Превосходство семян иностранных есть заманка <…> от сильного жара, короткого лета и скороспелости, через два посева делаются зерном не крупней наших»[252]. Ростопчин считал, что «самая большая ферма не что иное, как большой огород»[253]. Размеры земельных участков в России чрезвычайно велики в сравнении с площадями английских ферм, что также порождает определенные трудности с их обработкой: «В Англии отделение земли, называемое фермою, очень велико, когда в 50 десятин, а многие есть и в 10. <…> Как возможно все оное число успеть обработать, посеять, убрать и свозить? Любовники Англинского земледелия забывают всег-

[248] [*Ростопчин Ф. В.*] Плуг и соха, писанное степным дворянином. М., 1806. С. 5.

[249] Там же. С. 6.

[250] См.: Там же. С. 25.

[251] Там же. С. 29.

[252] Там же. С. 15.

[253] Там же. С. 27.

да одно, что у нас и Соха действует с конца Апреля до конца Августа»[254].

Немаловажное значение имел и «кадровый вопрос», который на практике оказался еще одним непреодолимым препятствием для успешного развития эксперимента: «При Англинском земледелии должно непременно иметь Англичанина и для смотрения. Сколь не трудно сыскать способных, знающих свое дело, не ветреных, деятельных и не падких на деньги; но полагая и сие возможным, всякое заведение сего рода не пойдет в ход, если Господин сам не станет жить в том месте по крайней мере семь месяцев в году, дабы охранить иностранцев от насмешек, от происков, от хитростей, а иногда и от побоев. Но со всем тем первые два года пользы ждать не можно, потому что смотрители, не зная языка, не в состоянии ни толковать, ни приказывать порядочно; а когда они начнут хорошо говорить по Руски, работники привыкнут к новой пашне, поля начнут приходить в порядок: тогда-то, заведший Англинскую пашню, сделается совершенно сам из Господина прикащиком Англинского своего фармера и должен будет непременно решиться или ему угождать, или спустя видеть разрушение целого заведения с потерею времени и знатной суммы денег»[255]. Словом, приглашение иностранных специалистов порождало, с точки зрения Ростопчина, массу неразрешимых проблем.

Ф. В. Ростопчин весьма рельефно сформулировал ряд признаков, которые отличали русского крепостного и государственного крестьянина от западноевропейского фермера: «Фармер в Англии не что иное, как содержатель некоторой части земли, кою он нанимает, обрабатывает, и тем содержит себя и всю семью. <…> Следственно, фармер не есть крестьянин, а временный хозяин участка земли. Русской же мужик имеет казенной собственную землю, а помещичий определенную, с коей они платят повинности и достают себе содержание, обрабатывая все своею семьею»[256].

Положение крепостного крестьянина имело, с точки зрения Ростопчина, целый ряд непреходящих достоинств. Так, он утверждал, что «Россия еще не знает, что такое настоящий

[254] [*Ростопчин Ф. В.*] Плуг и соха. С. 17–18.
[255] Там же. С. 26–27.
[256] Там же. С. 21–22.

голод; а под сим названием разумеет иногда неурожай в некоторых губерниях, где в недородной год поселяна семь месяцов нуждаются продовольствием, но отнюдь не гибнут от голоду; ибо Правительство и помещики всегда поспевают на помощь к страждущим»[257], и уверял, что крепостной крестьянин почти идеально защищен от разного рода невзгод благодаря постоянному попечению со стороны помещиков и общинной взаимопомощи.

Если же в России нищета и существовала, то исключительно в силу порочности человеческой натуры: «в Англии множество людей без пропитания <…> у нас же во всяком крестьянском доме есть скот, птица, овощ и хлеб, в коем от старшего в семье до малого ребенка всякой имеет равное участие. Если в казенном селении обедняет мужик, то ему помогают миром. Помещичий же столь уверен в помощи барской, что многие ленятся от сего работать на себя, а чаще, пропив хлеб, идут на господский двор просить оного. В таком случае и во всех тех, где крестьянин имеет нужду в помощи, он всегда оную находит, и помещики точно делаются для них отцами, большая часть по человечеству, некоторая по ращету; но из сего равно выходит то, что с голоду у нас люди не мрут»[258].

Ф. В. Ростопчин даже посчитал нужным привести аргументы в защиту черных изб и черного хлеба как исконных атрибутов русской крестьянской жизни: «Иностранные маратели бумаг с ужасом кричат 200 лет в один голос, что народ наш живет в черных избах и ест черной хлеб; а того ни один еще не заметил, сколь нужно топить избу в зимнее время, что дым чистит воздух, истребляя испарения; что наши солдаты в походах, где они имели белой пшеничной хлеб, иногда приходили просить у начальников черного ржаного»[259].

Главный довод Ростопчина против введения западноевропейских новшеств заключался в том, что они, по сути, отторгались всей системой крепостного хозяйства. Так, сложившаяся структура крайне низких цен на сельскохозяйственную продукцию и ее повсеместный избыток в крестьянской стране сами по себе исключали широкое внедрение фермерского хозяйства,

[257] Там же. С. 7.
[258] Там же. С. 23–24.
[259] Там же. С. 20.

делали его ненужной и дорогой помещичьей забавой: «Ежегодный ее (России. – *А. М.*) хлебный урожай достаточен не только на собственное продовольствие, но и на содержание других земель <…> в половине почти России ржи, овсу, ячменю и сену нет совсем цены. Рожь сеется для собственного продовольствия, овес для своих лошадей, сено косится сколько нужно для скота, ячмень для птиц, свиней и для дурного к празднику пива»[260].

В этих условиях, если и имело смысл заводить фермерское хозяйство, то исключительно вблизи столиц, для удобства их снабжения овощами, да и то со значительными оговорками: «два или три подобных Англинских заведений унизят на овощь до того цену, что не будет хозяину никакой прибыли»[261]. На более же далеком от столиц расстоянии подобные хозяйства будут не просто нерентабельными, но и разорительными для помещиков и крайне обременительными для крепостных крестьян, резко увеличивая уровень их эксплуатации: «Что там делать с дятлиной (клевером. – *А. М.*), где изобильно сена с овощами, коих никто не купит, и с большим урожаем, коего убрать некогда и продать негде? На что искать излишнего при большом изобилии? Какая надобность сеять хлеб для птиц, для мышей и чтоб он гнил в поле? Какой ращет в издержках, когда на хлеб и на мясо нет цен? Можно ли, не показав крестьянину очевидной пользы, решить его переменить вдруг образ его жизни и работу? <…> Когда у него земля без удобрения родит во многих местах в 10 раз, и он выработывает в 24 дни годовое свое содержание: на что и так трудную крестьянскую работу обращать в Египетскую? Какая нужда переображать Руского пахаря в Англинские и делать новое прибавление к Овидиевым превращениям?»[262].

Ф. В. Ростопчин, будучи для своего времени вполне эффективным хозяином, отмечал, что однозначно положительным в русских условиях может быть внедрение лишь некоторых западноевропейских сельскохозяйственных орудий, например молотилки и плуга[263]. В целом же, по мнению Ростопчина, западноевропейские новшества были скорее вредны, чем полез-

[260] [*Ростопчин Ф. В.*] Плуг и соха. С. 7–8.
[261] Там же. С. 41.
[262] Там же. С. 27–28.
[263] См.: Там же. С. 41, 44.

ны, и являлись легкомысленной модой русских помещиков, которую он поместил «в число забав, свойственных богатству и роскоши, потому что от нее не более пользы, чем от роговой музыки, Английского сада, скаковых лошадей, коллонад с фронтонами, псовой охоты и крепостного театра»[264].

Надо полагать, что подобные оценки были в той или иной мере убедительны для сознания значительной части консервативно настроенных помещиков вплоть до 1861 г. Факторы, которые их обусловили: относительная дешевизна сельскохозяйственной продукции в крестьянской стране, распространенность натурального хозяйства, узость внутреннего рынка, – сохранялись очень длительное время. Фактически Ростопчин одним из первых заговорил о русской самобытности с точки зрения хозяйственного развития, настаивая на том, что русское сельское хозяйство должно развиваться с учетом геоклиматических и исторических особенностей России.

В 1811 г. консерваторы получили весомый повод уточнить и публично высказать свои представления по крестьянскому вопросу. В этом году была опубликована работа польского графа В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами», которая вышла на русском языке. В ней он предлагал произвести личное безземельное освобождение крестьян на основе добровольных договоров по взаимному согласию обеих сторон с соблюдением интересов государства, землевладельцев и крестьян[265]. Это было первое публичное обращение к проблеме крепостничества. Книга вызвала острую реакцию, тем более год ее выхода в свет был предвоенным, Стройновский был поляком, а поляки были союзниками Наполеона. Откликом на книгу Стройновского в консервативном стане были «Замечания» на эту работу Ростопчина. Во многом повторив, а в чем-то и дополнив свои соображения о «благоденствии» русских крепостных крестьян под «отеческой» властью помещиков, высказанные в «Плуге и сохе», Ростопчин ввел в свою новую работу философскую аргументацию, направленную в защиту крепостного права, построенного на «принципе несвободы». Главной мишенью критики Ростопчина стала «вольность» или «свобода», которые он определял как «лестное, но не естественное для человека

[264] Там же. С. 45.

[265] См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 295–299.

состояние, ибо жизнь наша есть беспрестанная зависимость от всего»[266]. Вольность приводит к самовольству, непослушанию и восстанию против власти. Свобода «есть слово, пленяющее наши чувства обещанием независимости, и столько же опасно для человека и для общества, как прекрасные на взгляд плоды, содержащие в себе жестокий яд»[267].

Ф. В. Ростопчин доказывал, что крепостное право в России сложилось исторически, что русские цари вынуждены были ликвидировать крестьянскую вольность, т.е. право переходить от одного хозяина к другому, поскольку «вольность обращалась в своевольство, производила расстройство имуществ помещичьих и разорение самих крестьян <…> вред ее – истина, доказанная опытами»[268]. Крепостной крестьянин, по словам Ростопчина, «всё имеет, пользуется собственностью, оставляет ее своим детям и располагает имением по своей воле». На вопрос о возможности помещичьего произвола в отношении личности и собственности крестьянина Ростопчин отвечал следующим образом: «Сим превращениям препятствует человеколюбие, рассудок и закон; ибо разорять крестьянина есть самый верный способ разорить себя». Кроме того, Ростопчин указывал на екатерининское законодательство, согласно которому губернаторы получили право «отнимать власть у бесчеловечных помещиков, отдавая их имение в правление Дворянской Опеки»[269]. Число жестоких помещиков в России поэтому крайне мало.

Тезис об эффективности свободного труда, составляющий главную идею труда Стройновского, «опровергался» Ростопчиным весьма своеобразно. Он утверждал, что «земледелие вольностию крестьян в России процвести не может, потому что Русской крестьянин не любит хлебопашества и пренебрегает своим состоянием, не видя в нем для себя пользы». Даже свободные государственные крестьяне, по утверждению Ростопчина, «едва имеют хлеб на пропитание от лени и дурного порядка в обрабатывании полей, истощая их безрассудно». Поэтому свободный труд в России неэффективен. В итоге Ростопчин фактически

[266] Замечания графа Ф. В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского. С. 204.

[267] Там же. С. 206.

[268] Там же. С. 207.

[269] Там же. С. 209–210.

пришел к апологии крепостного подневольного труда: «Крестьянин к обработыванию земли и к приуготовлению чистого и хорошего хлеба должен быть доведен принуждением»[270].

По мнению Ростопчина, безземельное освобождение крестьян будет иметь многочисленные негативные последствия. Крестьяне захотят заниматься ремеслами и станут покидать свои хозяйства и семьи. Вдовые и бедные крестьяне останутся неженатыми, лишившись попечения помещиков. Все заведения, фабрики и заводы остановятся за отсутствием рабочей силы и не имея возможности платить запрашиваемую работниками плату. Разорятся винные заводы, которые все почти помещичьи, что лишит казну существенного дохода. Нарушатся и сборы подушной подати. Дворовые люди, ничего не умеющие делать, будут обречены на голодную смерть. Суды, состоящие из помещиков, в случае конфликтов между крестьянами и помещиками, будут решать дела в пользу помещиков. При этом Ростопчин довольно точно предугадал социальные последствия крестьянского освобождения, утверждая, что крестьяне скоро впадут в новое рабство: «У них найдутся <…> богатые мужики, которые неприметным образом сделаются новыми помещиками, и станут заставлять работать бедных, давая им взаймы деньги и выговаривая, вместо процентов, работу, чем совершенно их закабалят»[271].

Этапным произведением русской консервативной мысли этого периода, в котором разрабатывался крестьянский вопрос, была записка «О древней и новой России» Н. М. Карамзина. Значение этого произведения особо подчеркнул в своем исследовании об аграрном вопросе в России С. А. Козлов: «Николай I <…> старался на практике осуществить основные положения системы, рекомендованной в записке «О древней и новой России» его домашним наставником Н. М. Карамзиным»[272]. В записке в наиболее концентрированной форме были выражены взгляды Карамзина по крестьянскому вопросу.

Н. М. Карамзин исходил из того, что отмена крепостного права в момент написания записки была невозможна. Эта позиция подкреплялась аргументами правового, экономического

[270] Там же. С. 212.
[271] Там же. С. 213–216.
[272] *Козлов С. А.* Указ. соч. С. 52.

и морального характера, которые Карамзин едва ли не буквально заимствовал у Ростопчина. Исторически возникшее на Руси крепостное право представляло, по его мнению, «гордиев узел», ибо только «одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы», но выяснить, кто из них происходил от холопов, а кто от вольных, было невозможно. В плане исторической доказательности подобная аргументация Карамзина, естественно, была более подробной, нежели у Ростопчина, но логика, по сути, была одной и той же: крестьян невозможно освободить сразу, поскольку в силу различных исторических обстоятельств они являются собственностью своих владельцев.

В своих рассуждениях Карамзин исходил только из возможности безземельного варианта освобождения крестьян: земля – «в чем не может быть и спора – есть собственность дворянская»[273]. Как и почти все русские консерваторы той поры, Карамзин сосредоточился исключительно на просчитывании негативных последствий отмены крепостного права. И в этом случае аргументация Карамзина повторяла ростопчинскую. Так, он утверждал, что свобода принесет крестьянам значительное увеличение эксплуатации, поскольку «корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических». Из-за полученной свободы передвижения сократятся налоговые поступления в бюджет государства: «Буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей?» «Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми?». Упразднение вотчинной власти помещиков приведет к тому, что «крестьяне начнут ссориться между собой и судиться в городе <…> станут пьянствовать, злодействовать»[274].

Н. М. Карамзин, похоже, вообще сомневается в целесообразности наделения крестьян свободой: император «желает сделать земледельцев счастливее свободою; но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бес-

[273] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 412.

[274] Там же.

совестным?»[275]. Положение лично свободных государственных крестьян может быть и хуже крепостных: «Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника»[276]. Скептически оценивает Карамзин и уже действующий указ о вольных хлебопашцах: «Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия, но многие ли столь богаты, многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых – бедны: то и другое мешает успеху сего закона»[277].

В целом крестьянство, по мнению Карамзина, морально не готово к освобождению: «Для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели не дать им вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением»[278]. Идея о «нравственном исправлении», безусловно, отличала фразеологию Карамзина от ростопчинской, и, как представляется, именно она впоследствии была развита А. С. Стурдзой и С. С. Уваровым в их представлениях о решении крестьянского вопроса.

С точки зрения Карамзина, русские крестьяне «благоденствуют» под властью «добродетельных» помещиков: «Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника»[279]. Карамзин был солидарен с позицией Ростопчина, считавшего, что проблема пресечения произвола помещиков уже была в основном решена в России при Екатерине Великой: «Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких?»[280]. Кроме того, дворянство, располагая вотчинною властью, выполняет полицейские функции, и госу-

[275] Там же. С. 412–413.
[276] Там же. С. 413.
[277] Там же.
[278] Там же.
[279] Там же.
[280] Там же.

дарству некем его заменить: «Теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена. <…> Удержит ли? Падение страшно»[281].

Вся система аргументации Карамзина указывает на то, что он предполагал возможность процветания крестьян в крепостном состоянии при соблюдении определенных условий: трудолюбия, отвращения к пьянству, просвещения, помощи со стороны помещиков[282].

Позиция Карамзина однозначно свидетельствует о том, что он не был и против практики купли-продажи людей. «Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их порознь. Положим, что такие звери были в наши времена: надлежало бы грозным указом запретить сей промысл и сказать, что имение дворян, столь недостойных, будет отдаваемо в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10–20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целость семьи своей; ныне отнято от них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? <…> Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устрашит крестьян распутных? Палкою? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте?»[283]. Позиция Карамзина оставалась неизменной и в более позднее время. В письме от 30 октября 1818 г. П. А. Вяземскому, горячему стороннику освобождения крестьян, Карамзин писал: «Желаю знать, каким образом вы намерены через или в 10 лет сделать ваших крестьян свободными, научите меня: я готов следовать хорошему примеру, если овцы будут целы и волки сыты»[284].

[281] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 412.

[282] См.: *Казаков Р. Б.* Указ. соч. С. 87–98.

[283] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 410–411.

[284] *Карамзин Н. М.* Избр. статьи и письма. С. 205.

Категорическим противником освобождения крестьян был правый масон И. А. Поздеев. Если крестьян освободить, то они не захотят более заниматься тяжелейшей «потовой работой», что приведет к разрушению всех сословий, всеобщей продажности и ослаблению государства, считал он[285]. По его глубокому убеждению, «крестьяне тогда благополучны, когда они имеют правилом в поте лица приготовлять их хлеб для себя и других, говорю: для других, *принуждены* будучи, а без принуждения кто захочет добровольно ворочать камни? Ибо хлебопашественное дело таково же трудно, а легче всего торговать, умничать, воевать, грабить под видом правды и пользы народной. <…> А если бы попустить всякому чаять, что он может доходить до всяких государственных чинов и состояний, то это вливать в них желание быть своим состоянием недовольными и желать перейти в другое; то такая позволимость станет мучить умы и желания людей, кои должны каждый оставаться в своей сфере и в ней усовершенствоваться, ибо вся наша жизнь весьма невелика; то довольно и в своей сфере отличиться, быть почтенным, уваженным, любимым и оставить благие примеры честных нравов и деяниев своим потомкам»[286].

Убежденным сторонником незыблемости крепостного права традиционно считают, и это справедливо, А. С. Шишкова. В составленном им проекте манифеста от 30 августа 1814 г. он писал по поводу ожиданий свободы крепостными крестьянами: «Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду свою от Бога»[287].

А. С. Шишков был искренне убежден, что крепостные отношения являются разумной и оптимальной формой социальных отношений, в которых помещики выступают отцами-благодетелями для своих детей – крестьян. В проекте манифеста он утверждал от имени самодержца: «Мы уверены, что забота наша о их (помещичьих крестьян. – *А. М.*) благосостоянии предупредится попечением о них господ их. Существующая издавна между ими, на обоюдной пользе основанная, русским нравом и добродетелем свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей к отечест-

[285] См.: *Поздеев И. А.* Указ. соч. С. 416–417.
[286] Там же. С. 425.
[287] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 306.

ву любви ознаменованная, не оставляет в нас не малого сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой – они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновней обязанности и долга, приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства»[288]. Именно эта часть текста вынудила Александра I категорически заявить: «Я не могу подписать того, что противно моей совести, и с чем я не мало не согласен».

Либерального самодержца возмутила фраза, характеризовавшая отношения между крепостными крестьянами и помещиками как основанные «на обоюдной пользе». В своих позднейших записках Шишков писал, что исходил в своих рассуждениях из того, что «всякая связь между людьми, из которых одни повелевают, а другие повинуются, на сем токмо основании нравственна и благотворна; что самая вера и законы предписывают сие правило, и что помещики, не наблюдающие оного, лишаются власти управлять своими подчиненными»[289]. Характерно, что Шишков объяснял негативную реакцию императора на этот пассаж тлетворным французским влиянием: «Сие несчастное государя предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка внушено в него было находившемся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанникам французов, отвращавшим глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»[290].

В октябре 1820 г. Шишков резко выступил против проекта закона о пресечении продажи дворовых людей и крестьян порознь и без земли, представленного комиссией составления законов[291]. В своих возражениях на этот законопроект Шишков заявлял, что «данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетавал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, на-

[288] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 306–307.

[289] Там же. С. 308–309.

[290] Там же. С. 309.

[291] См.: Там же. С. 111. Анализ записки Шишкова см.: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 352–353.

блюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство, в противном случае законы приемлют на него жалобы, отнимают от него власть и его самого наказуют»[292]. Иначе говоря, если помещики и допускают какие-либо злоупотребления против крестьян, то и наказывать их нужно за эти злоупотребления, но не ставить под сомнение сам принцип крепостного права.

Ослабление власти помещика над крестьянами может привести к самым тяжелым последствиям: «Народ есть река, текущая мирно в брегах своих; но умножь в ней воду, она выступит из пределов, и ничто не удержит ея свирепства. Благоденствие народа состоит в обузданности и повиновении. Божественное писание говорит: «Повинуйтесь властям, начало премудрости страх Господень»[293].

Именно незыблемость крепостного права, по мысли Шишкова, является залогом стабильности и безопасности Российской империи, в отличие от сотрясаемых революциями и войнами стран Западной Европы: «В то время, когда мы слышим и видим, что почти все европейские державы вокруг нас метутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простертые победы и внутренняя, среди неустройств Европы тишина не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ни чем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей? <…> Мы явно видим над собой благодать Божию. Десница Вышнего хранит нас. Чего нам лучшего желать?»[294]. Поэтому всякое публичное обсуждение возможности отмены крепостного права может привести и приводит к вредоносным последствиям: «во многих местах крестьяне отлагались от повиновения своим помещикам, и тогда посылались воинские отряды для усмирения их. Отселе происходило, что, с одной стороны, слухами и разными внушениями поощрялись они к возставанию против господ, а с другой – обуздывались силой оружия, наказаниями и ссылкой в Сибирь. Таким образом,

[292] *Шишков А. С.* Записки… Т. 1. С. 122–123.
[293] Там же. Т. 2. С. 128.
[294] Там же. С. 128–129.

новомыслие, вступаясь за человечество, отягощало оное бедствиями и обагряло кровью!»[295].

Единственным проектом освобождения крестьян, созданным представителем консервативного лагеря, был известный проект А. А. Аракчеева 1818 г. Согласно этому проекту, «меры к уничтожению крепостного состояния людей в России единственно могли заключаться в приобретении и покупкою помещичьих крестьян и дворовых людей в казну, по добровольному на то помещиков согласию»[296]. Для этого Аракчеев предлагал учредить постоянную комиссию, которая бы производила покупку или «по добровольно-условленным ценам с помещиками, если бы пожелали они продать имения свои в полном их составе, без отделения излишних земель и разных угодий в свою пользу», или «на особых правилах, постановленных для приобретения крестьян с некоторым только количеством земли и угодий, к продаваемым имениям принадлежащих»[297].

Ценность имений должна определяться по количеству получаемого с крестьян оброка, «долженствовавшего представлять капитал, приносящий 5 процентов; так, например, оброчное имение, дающее 1000 руб. дохода, должно было цениться в 20 тыс. рублей и т.д.»[298]. В распоряжение комиссии ежегодно должно было поступать 5 миллионов рублей. Аракчеев предполагал, что средства эти могли быть получены от откупов, кроме того, «в случае непредвидимых затруднений со стороны Министерства Финансов предполагалось выпускать ежегодно по 10 000 билетов Государственного Казначейства, ценностию в 500 руб. каждый. Билеты сии, со времени выдачи их Комиссиею продавцу имения, долженствовали приносить ему по 5 % и между тем ходить в оборотах как наличные деньги»[299]. Таким образом, помещики могли освободиться от долгов и получить капитал. Общие принципы проекта были просты, но хорошо продуманы и практичны, и это было не случайно, поскольку Аракчеев был одним из самых эффективных помещиков Рос-

[295] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 133–134.

[296] [*Аракчеев А. А.*] Записка о разных предложениях по предмету освобождения крестьян // Девятнадцатый век : исторический сб. М., 1872. Кн. 2. С. 147.

[297] Там же.

[298] Там же. С. 148.

[299] Там же.

сии[300]. Кроме того, подобного рода проект показывает, что при определенных условиях консерваторы вполне могли выдвигать проекты, которые трудно интерпретировать как защищавшие своекорыстные дворянские сословные интересы.

В консервативном дискурсе того времени часто можно было встретить своего рода апологию земледелия и связанного с ним образа жизни и, наоборот, зафиксировать своеобразные традиционалистские фобии в отношении промышленного развития. К примеру, одно время А. С. Стурдза отвергал развитие мануфактур по нравственным соображениям и опасению за политическую стабильность страны. В 30-е гг. XIX в. он развил целую теорию превосходства сельского образа жизни над городским. По его мнению, промышленность, торговля и города не имели, в отличие от земледелия, «постоянного, спасительного влияния <…> на судьбу, характер и нравственное развитие человечества»[301]. Напротив, «земледельческая гражданственность» доминировала над «искусственным бытием, доставляемым одною торговлею»[302]. Государства, основанные на земледелии, были, с его точки зрения, долговечнее и прочнее прочих, поскольку на земледелии «утверждается самобытность народов», а торговля и промышленность «могут занять в быту общественном не первое, но второе, подчиненное и, следовательно, условное лишь место»[303].

В огромной степени зависящий от климата и погоды, земледелец ближе к Богу, он чувствует над собою «десницу Всевышнего», учится смирению, «страху Божию, покорности, младенческой вере и сыновнему упованию»[304]. Земледелец – естественный патриот: «В народах, обреченных землепашеству, любовь к отечеству неискоренима»[305]. Россия же, с точки зрения Стурдзы, была одной из тех стран, которые, будучи преимущественно земледельческими, «приняли на сцене мира венец первенства нравственного, не подверженного быстрому увяданию и упад-

[300] См.: *Ячменихин К. М.* А. А. Аракчеев // Против течения. Воронеж, 2005.

[301] *Стурдза А. С.* О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834. С. 155.

[302] Там же. С. 158.

[303] Там же. С. 163.

[304] Там же. С. 164–165.

[305] Там же. С. 169.

ку, постигающему Коммерческие Государства»[306]. Стурдза считал, что промышленность и торговля необходимы там, где земледелие не может прокормить население, только в этом случае «верховная власть, соображая обстоятельства времени и места, должна прибегнуть к заведению мануфактур, к усилению мореплавания или к правильной, зрело обдуманной системе повременных переселений»[307]. Подобного рода взгляды сходны с идеями физиократов, но это лишь внешнее сходство. Для физиократов земледелие является лишь ориентированным на рынок занятием. Для Стурдзы и других консерваторов само существование деревенского уклада имело самодостаточное значение и органично вписывалось в систему консервативного образа мыслей и стиля жизни. Антикапиталистические мотивы превосходства крестьянского, земледельческого, деревенского образа жизни над торгово-промышленным, городским, вплоть до отрицания последнего, вообще говоря, довольно характерные для русского консерватизма, были впервые в столь отчетливой и яркой форме сформулированы именно Стурдзой.

Если подытожить представления ранних консерваторов по крестьянскому вопросу, то можно весьма условно выделить несколько позиций. Большая часть консерваторов категорически выступала против отмены крепостного права, мотивируя это тем, что крепостное право представляет собой органически сложившуюся в течение длительного времени часть самодержавной государственности и уклада народной жизни. Оно является, по сути, формой патриархальной семьи, где помещики играют роль добрых и попечительных родителей, а крестьяне, соответственно, послушных и благодарных детей. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещиков – благополучие его крестьян. Вообще, русские консерваторы преуспели не в позитивных программах, а в своих объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно всё же произойдет.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу были у консерваторов, которые при становлении своих

[306] *Стурдза А. С.* О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. С. 159.

[307] Там же. С. 161.

взглядов прошли известную школу либерального мышления (Н. М. Карамзин). Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно было постепенно исчезнуть из русской жизни. Однако в тогдашней ситуации они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства и в конечном счете к социальной революции. С их точки зрения, была необходима масштабная программа просвещения крестьянства, которая явилась бы необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Перспектива освобождения «непросвещенного» народа, лишенного основ правового сознания и уважения к чужой собственности, пугала консерваторов. Его необходимо было подготовить к освобождению через создание соответствующей системы образования, которая сделала бы крепостных прежде всего законопослушными и просвещенными гражданами.

Впрочем, именно эта часть программы консерваторов, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. В целом же можно констатировать, что воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос зачастую были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, при Николае I взявших курс на подготовку отмены крепостного права путем частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и т.д.).

§ 10. Проблема промышленного развития во взглядах русских консерваторов

У консерваторов первой четверти XIX в. ответы на вопросы промышленного развития продуманы сравнительно мало. И тем не менее, они есть[308]. Это связано не только с тем, что от-

[308] См.: *Минаков А. Ю.* Воззрения русских консерваторов первой трети XIX в. на перспективы развития промышленного производства и торговли в России // Исторические записки : науч. тр. ист. фак. ВГУ. Воронеж, 2007. Вып. 13. С. 43–50.

27. Заказ 1050

носительно интенсивное промышленное развитие начинается лишь в николаевское царствование. В воззрениях консерваторов можно найти черты откровенных фобий в отношении промышленного производства и городского образа жизни. С точки зрения А. С. Стурдзы, печатно высказанной в 30-х гг. XIX в., для городской цивилизации характерны «туманная атмосфера условного бытия», «яростное, мятежное состязание и злопамятство», «пагубное забвение близости Божией», которыми «обыкновенно заражены бывают сословия высшие, живущие в волшебном кругу вымышленных утонченных потребностей»[309].

А. С. Стурдза не жалел красок, чтобы описать «страдальческий образ жизни» «фабричного класса» в Англии, Франции, Голландии и Германии, которые приводили его в «содрогание и ужас»[310]. Это физиологические и нравственные вырожденцы, обреченные на телесную и духовную нищету, болезни и разврат. Стурдза утверждал, что «корень зла таится в самом образе жизни, в свойствах изысканной, вынужденной промышленности, *в ложном, доныне господствующем убеждении, что торговая промышленность есть душа Государств*»[311].

Тем не менее, подобная точка зрения представляла некую крайность в воззрениях русских консерваторов и была скорее исключением, нежели правилом. В восторженно-патриотической манере писал в «Русском вестнике» С. Н. Глинка: «Промышленность есть истинный и неиссякаемый источник богатства. Какая страна способнее к сему России? Не в недрах ли ее заключаются несколько различных народов и многообразных климатов? Там истекает злато и сребро; там леса для сооружения флотов; здесь обширные степи и тучные пажити для скотоводства; там все привольности для заводов»[312]. Ремесла, фабрики и мануфактуры являются источниками не только изобилия, но и просвещения: «Где будут фабрики и мануфактуры, там без сомнения учредятся и училища для первоначальных познаний <…> искусство писать, читать и числить»[313].

---

[309] *Стурдза А. С.* О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. С. 165.

[310] Там же. С. 166.

[311] Там же. С. 167.

[312] [*Глинка С. Н.*] О пользе в России ремесел, художеств и искусств // Русский вестник. 1808. № 3. С. 312.

[313] Там же. С. 308.

В отличие от Стурдзы, Глинка неоднократно задавался целью показать несомненные достоинства промышленного производства и торговли. Он указывал на «благодетельные» социальные последствия развития промышленности в России; так, рост мануфактур, начиная с Петра Великого, «праздношатающуюся нищету употребил в пользу, малолетним преграждал путь к разврату, взрослым доставлял труд и пропитание»[314]. Проблему излишнего количества дворовых, которые «разорительны и для деревенского хозяйства и для наличного имущества», дворянам-помещикам можно решить, отдавая «людей своих для научения ремеслам, художествам и искусствам, готовя таким образом для фабрик и мануфактур полезных людей»[315]. Развитие промышленного производства может только пойти на пользу государству, которое обеспечит снабжение армии оружием и сукном, горожане «научатся лучше строиться и приобретут новые сведения к жизни выгодной и приятной», конкуренция возбудит «дух благородной деятельности», крестьянство получит дешевые орудия и инструменты и начнут «вместо гнусного порока, то есть пьянства <…> заниматься тем, что усовершает семейственную и гражданскую жизнь»[316].

В целом развитие промышленного производства, по мнению Глинки, ведет к нравственному усовершенствованию человеческого общества: «Прилежание, умеренность и трудолюбие животворят природу, превращают дикость и мрачность в виды, прелестные для взора и души; одушевляют человека чувствием его благородства и доставляют народам истинное понятие о щастие»[317]. Вопрос о стимулах развития промышленности разрешался Глинкой в весьма общем виде: «Что может споспешествовать в России к усовершению искусств, ремесел и художеств? <…> Ободрение, награды и уважение к трудам»[318]. Глинка, по нашему мнению, явно идеализировал последствия развития капиталистического производства, игнорируя или искренне не замечая его негативные стороны. Очевидно, к тому времени они еще не столь остро проявились в России, как на Западе.

[314] Там же. С. 305.

[315] Там же. С. 306.

[316] Там же. С. 310.

[317] Там же. С. 309–311.

[318] Там же. С. 314 ; [*Глинка С. Н.*] О промышленности отечественной // Русский вестник. 1810. № 3. С. 83.

Еще одним характерным признаком консервативного экономического мышления была убежденность в приоритетности развития промышленного производства; торговля, в особенности внешняя, расценивалась как менее полезное для страны дело. Поскольку эти идеи были отчасти реализованы на практике Николаем I, то в его лице им виделся (вслед за Петром Великим) «Отец Русской промышленности».

Обычными для консерваторов начала XIX в. были призывы развивать собственную промышленность, ограничивая внешнюю торговлю в интересах внутреннего промышленного развития, т.е. протекционизм. Существовала и другая точка зрения. Так, Н. М. Карамзин до 1812 г. был сторонником политики фритредерства, т.е. течения, считавшего основой экономической политики свободу торговли и невмешательство государства в частную жизнь[319]. Впрочем, в условиях, когда Россия была вынуждена примкнуть к континентальной блокаде, требование свободы торговли было более чем естественным. Однако фритредерство среди консерваторов того времени было явлением малораспространным.

Для большинства из них основной целью было достичь состояния относительной экономической автаркии: «чтобы неприхотливое свое заменяло прихотливое чужое», «чтобы свое не пропадало в своем отечестве»[320]. При этом надо «только отыскивать и совершенствовать все отрасли внутренней промышленности»[321]. Естественно, одним из ведущих мотивов таких предложений было стремление избавиться от реальной или надуманной зависимости от Европы. Равно как и убеждение в том, что Россия в состоянии полностью обеспечить свои потребности: «То, что целая вселенная вмещает в отдельных пределах своих, то она одна заключает в различных своих областях. К сохранению и приращению родных ее сокровищ нужны

[319] См.: История экономической мысли в России. М., 1996. С. 36–37.

[320] *Глинка С. Н.* Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. М., 1831.

[321] [*Глинка С. Н.*] Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии, июля 11 дня 1827 года, почетным членом состоящего при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. М., 1827. С. 4.

только рачение, усердие, опытность и убеждение, что Россия живет Россией»[322]. Позиция консерваторов формально совпадала с позицией правительства по вопросу о протекционистской политике.

Консерваторы часто осуждали импорт предметов роскоши, который приводил Россию к разорению. Некоторые из консерваторов даже призывали к «истреблению роскоши». Так, Глинка приравнивал «выдумки моды» к поддельным товарам, которые разоряют россиян[323]. В качестве неудачного и неубедительного примера должного отношения к роскоши и иностранным модам он приводил политику Екатерины, которая якобы предписывала «укрощать и пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную»[324].

Единомышленником Глинки в этом отношении являлся Д. П. Рунич, который считал, что торговля естественна только тогда, когда представляет собой обмен предметами, которые необходимы в повседневном обиходе. При этом он категорически осуждал торговлю предметами роскоши, которая извратила саму природу торговли в XIX в. «Роскошь есть душа торговли и торговой промышленности»[325]. Роскошь трактовалась Руничем как болезнь сердца и ума человека, который в силу греховной натуры стремится к плотским наслаждениям. Он считал, что распространение «роскоши» грозит «общею гибелью и государствам и народам»[326]. Она пришла в Россию из Европы вместе с французскими нравами, модами и революционными идеями.

Таким образом, согласно Руничу, чьи своеобразные аскетические воззрения сформировались под сильным влиянием масонства, промышленность должна производить лишь ту продукцию, которая необходима для повседневной жизни, и, соответственно, оправдана торговля лишь подобной продукцией.

Вместе с тем, консерваторы не отрицали возможности заимствования с Запада всего «полезного» для российской эконо-

---

[322] Там же. С. 13.

[323] [*Глинка С. Н.*] Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью // Русский вестник. 1811. № 1. С. 49.

[324] [*Глинка С. Н.*] Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 309.

[325] ИРЛИ РАН РО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 111. Л. 8.

[326] Там же. Л. 8 об.

мики. «Заем полезного не есть обезьянство» и «умное подражание лучше неосновательных и затейливых вымыслов», – писал Глинка. Он ссылался на пример римлян, которые «заимствовали все полезное у соседних народов и потом, собственным оружием сих народов, побеждали и низлагали их»[327]. Глинка призывал перенимать практику европейских торговых домов, чтобы «вековые торговые пользы переходили от одного поколения к другому» и чтобы «вековые торговые домы служили всегда благотворным светильником для новых производителей отечественной промышленности и внутренней и внешней торговли»[328].

Консерваторы призывали предпринимателей поставить свое дело на «нравственную почву», т.е. избавиться от стремления к голой наживе и руководствоваться прежде всего интересами России как народно-государственного целого. Так, Глинка в «Речи о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества» развил целое учение о «нравственном основании купеческого сословия». Речь имела явный успех, поскольку министр финансов Е. Ф. Канкрин поручил изъявить от его лица сочинителю благодарность[329].

Согласно взглядам Глинки, «жизнь нравственная есть главная жизнь общественная»[330]. Человек «отрекается от личности своей» ради того, чтобы жить для общества. «При сем слиянии душ и умов, все дышит в государстве благородством и величием, при сем нераздельном существовании, каждый член общества счастие каждого из соотечественников своих почитает собственным своим счастием: тогда каждый шаг гражданина нравственного ознаменовывается не только пользою скоротечною, но и теми пользами, которые переживают обыкновенное наше бытие и увековечивают деяния и имена благодетелей общества и сынов отечества». Подобные установки обязательны, по мысли Глинки, и для купеческого сословия: «отречение

[327] *Глинка С. Н.* Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 6.

[328] Там же. С. 7.

[329] См.: *Федоров Б. М.* Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 17.

[330] *Глинка С. Н.* Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 1.

от личных выгод», а также «праводушие, добрая вера, совесть и честность» «есть первое основание нравственности сословия купеческого», «купец-гражданин есть первый удовлетворитель нужд общественных». При этом «стыдно и упоминать о той личной, о той ненасытной корысти, которая, жадничая все захватить, мертва для себя и для общества»[331]. Истинные купцы-граждане осторожны, расчетливы, «соображают даже и то, что может произойти, когда, по неизбежному жребию всем смертным, переходят они за пределы жизни», «страшатся неустройства, они не хотят оставить семействам своим дел запутанных или состояния, не укорененного трудом и не обеспеченного от долгов всепожирающих», «они передают детям своим в наследство свою правоту, свою честность и предохраняют потомство от неисправного платежа»[332]. Вопрос о том, в какой мере Глинка в данном случае идеализировал российское купеческое сословие, оставим без комментариев.

А. С. Шишков считал, что право частной собственности могло быть ограничено самодержавным государством. В ряде записок 1821–1822 гг. он утверждал: «Первый, высочайший из всех законов есть самодержавная власть, в которой все законы соединяются. Второй закон, признаваемый необходимо нужным для спокойствия и благоденствия царств, есть непоколебимость собственности. Сии два закона, столь же существенные для блага народного, сколь и противные между собой, тогда только согласуются, когда первый есть самостражайший хранитель второго и когда второй беспрекословно подчиняет себя первому. Если оба сии закона в равной степени наблюдают обязанности свои один против другого, то несогласие между ними есть невозможное дело; ибо или закон самодержавия оградит собственность владельца, или владелец собственности уступит ее непринужденно, – и тогда вещи останутся в своем порядке»[333].

В другой записке, 1822 г., Шишков выразил ту же мысль с присущей ему энергичной афористичностью: «Отнятие собственности предоставляется одной токмо самодержавной власти, яко верховному закону, и больше никому. Самодержавная власть

[331] Там же. С. 2–3.
[332] Там же. С. 4–5.
[333] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 135.

сама не может никому уступать сего права своего, ей единой данного, подобно как супруг не может никому уступать брачного права своего над супругой, с ним единым сопряженной»[334].

Можно констатировать, что все основные особенности консервативных экономических программ более позднего времени были присущи русской консервативной мысли уже на этапе ее становления: приоритет сельского хозяйства над торговлей и промышленностью, протекционизм, тяготение к автаркичной модели экономики, рассуждения о нравственной подоплеке хозяйственной деятельности и пр.

§ 11. Консервативный проект в области образования и науки

В момент своего возникновения консерватизм, отдающий предпочтение религиозному мировоззрению, зачастую с известным подозрением относился к научному знанию и науке как таковой. Так, Ж. де Местр писал: «Наука делает человека ленивым, мало способным к делам и большим предприятиям, наклонным к спорам, упрямым в собственных мнениях и презрительным к мнению других, критически наблюдательным к правительству, новатором по существу, отрицателем народных властей и верований»[335]. Поэтому наука «делает человека неспособным к деятельной жизни, <…> вселяет в него непомерную гордыню, опьяняет самим собой и своими идеями, превращает во врага всякой иерархии, в человека, бросающего вызов всякому закону и установлению, наконец, в приверженца всяческих новшеств»[336].

Ученых на «первом месте» де Местр откровенно боялся: «Если люди науки займут место знати, государство сразу же охватит страшная конвульсия, и система управления изменится и разрушится, а над царствующим домом нависнет неминуемая опасность»[337]. Для де Местра наука была источником нена-

[334] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 139.

[335] Цит. по: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 249–250.

[336] *Местр Ж. де.* Соч. С. 47–48.

[337] Там же.

вистного ему эгалитаризма, возможным орудием разрушения общественной иерархии и источником революции: «Наука постоянно создает угрозу для государства, непрестанно стремясь использовать людей без звания, имени и состояния, ибо, поскольку она является доступной для всех, низы, преисполнившись гордости, всегда стремятся для своего возвышения воспользоваться этой возможностью, и вот этого как раз и надо бояться, ибо, если одна лишь наука, без связи с дворянством и богатствами, обусловленными территориально, слишком громко начинает заявлять о себе в сферах управления, революция представляется неизбежной»[338].

Следует учесть, что подобные характеристики науки были адресованы в июне 1810 г. графу А. К. Разумовскому, российскому министру народного просвещения. К перспективам российской науки и ее актуальному состоянию де Местр относился особо критически. Он считал, что русский народ еще не созрел для науки («еще неизвестно, созданы ли русские для науки»[339]) и усилия правительства по созданию научных учреждений являются как минимум бесполезными: «Вообразите себе правительство, истощающее себя на постройку великолепных гостиниц в стране, где никто не путешествует: это будет верное подобие управления, издерживающего много денег на научные учреждения, прежде чем дух народный обратился к науке»[340]. А главное, с точки зрения де Местра, всякая попытка ввести науку в Россию будет «даже опасна для государства, так как попытка эта только помрачит здравый смысл народный и наполнит Россию бесчисленным множеством полу-ученых, которые во сто раз хуже невежд»[341].

Опасность же «полу-ученых» в том, что они представляют собой, по сути, подрывной элемент, как минимум преисполненный оппозиционного духа и воинствующего аморализма: «Умы их извращены и преисполнены гордыни, им родина опротивела, они вечно порицают правительство, преклоняются перед иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что презирают, т.е. все на свете. Другое страш-

[338] Там же. С. 55.
[339] Цит. по: *Васильчиков А. А.* Указ. соч. С. 252.
[340] Там же. С. 251.
[341] Там же. С. 253.

ное последствие, вытекающее из этой научной мании, заключается в том, что правительство, нуждаясь для осуществления ее в профессорах, постоянно принуждено обращаться за ними в иностранные государства; а так как люди истинно образованные и нравственные редко оставляют свое отечество, где их почитают и награждают, то одни только люди посредственные, и к тому же не только развратные, но и совершенно испорченные, являются на Север предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россия ежедневно покрывается этою пеною, которую выбрасывают на нее политические бури соседних стран. Перебежчики эти приносят сюда одну наглость и пороки. Не имея ни любви, ни уважения к стране, без связей домашних, гражданских или религиозных, они смеются над теми непрозорливыми русскими, которые поручают им все, что есть дорогого у них на свете, они спешат набрать довольно золота, чтобы привольно зажить в другом месте, и, обманув общественное мнение кое-какими публичными опытами, которые истинным судьям представляются жалкими образцами невежества, возвращаются на родину, чтобы издеваться над Россиею в дрянных книжонках, которые Россия еще покупает у этих же бездельников, – пожалуй, даже переводит. Теперешнее положение тем более опасно, что, благодаря крайне прискорбному предрассудку, в России негласно принято смотреть на нравственность как на нечто совершенно отдельное и независимое от преподавания, так что, например, если сюда приезжает преподаватель физики или греческого языка, всем известный за человека развратного или атеиста, весьма часто услышим: что имеет это общего с физикою или греческим языком. Таким образом сюда попадает сор Европы, и несчастная Россия дорого платит сонмищу иностранцев, исключительно занятому ее порчею»[342].

Рассуждая таким образом, де Местр безусловно становился идейным союзником русских консерваторов, борцов с иностранным влиянием и галломанией. За доктриной де Местра «стояла очень жесткая и последовательная антипросветительская позиция, негативное отношение к науке и светскому образованию, к не имеющим явного религиозного генезиса философским и критическим дискурсам»[343].

[342] Цит. по: *Васильчиков А. А.* Указ. соч. С. 253–254.
[343] *Майофис М.* Указ. соч. С. 269.

Революционная эпоха, начавшаяся в 1789 г. и ознаменовавшаяся беспрецедентным якобинским террором, свержением «престолов и алтарей», временно завершилась Венским конгрессом 1815 г. Стараниями Александра I возник первый глобальный антипросвещенческий проект – акт Священного союза и соответствующая политическая организация. Священный союз провозгласил немыслимую ранее задачу: построение мира в Европе на христианских основах. В декларации Священного союза, текст которой редактировал А. С. Стурдза, наряду со всем прочим, провозглашалась задача «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как Заповедями <…> Святыя Веры, Заповедями любви, правды и мира, которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, долженствуют напротив того непосредственно управлять Волею Царей и водительствовать всеми их деяниями, яко единое средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенства»[344]. Применительно к сфере науки и образования эта фраза была интерпретирована русскими консерваторами как необходимость внедрения в эти сферы религиозных принципов, сочетания «истин науки» с «истинами веры». Об этом давно и много рассуждали, к примеру, русские масоны. Так, И. А. Поздеев утверждал: «Науки все, и полезные и важные, ко благу направляемые, художества должны происходить из чистой нравственности, и она имеет и корень свой и правила в истинном богопознании»[345]. Последняя задача была важнейшей составляющей русского антипросвещенческого проекта, который в большей или меньшей степени стал реализовываться на практике А. Н. Голицыным, А. С. Стурдзой, М. Л. Магницким, Д. П. Руничем, А. С. Шишковым. Все эти деятели с определенно консервативной репутацией не представляли единой сплоченной группы, напротив, среди них существовали острые разногласия и велась ожесточенная закулисная борьба.

Наибольший вклад в разработку консервативного проекта в области образования и науки внесли А. С. Стурдза, М. Л. Маг-

---

[344] [*Шишков А. С.*] Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 189.

[345] *Поздеев И. А.* Указ. соч. С. 426.

ницкий и Д. П. Рунич. Первый написал 5 августа 1818 г. «Наставление для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ». Ученый комитет был своего рода «мозговым центром» «сугубого» министерства. Наставление задало тон всей работе комитета и было, по сути, тем документом, который идеологически направлял работу Министерства духовных дел и народного просвещения. Инструкция была направлена против одного из основных принципов университетской реформы начала XIX в. – свободы научного мышления и энциклопедического характера программ высших и средних учебных заведений[346].

Главная задача Ученого комитета состояла в том, «чтобы народное воспитание <...> направить к истинной, высокой цели, к водворению в состав общества (в России) постоянного и спасительного согласия между верою, ведением и властию: или другими выражениями, между Христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским»[347]. Причем, что особенно важно, сам Стурдза говорил не об универсальном христианстве, а именно и только о православии. Ученый комитет рекомендует лишь православные книги: «Точную и буквальную сообразность преподаваемого православного юношеству с Никейско-Цареградским символом веры, во всем, что касается Божества и Святой, Соборной и Апостольской нашей церкви <…> православное учение о всех заповедях Божиих и правилах церковных, без всякого произвольного истолкования, не обретаемого в утвержденных Церковию книгах, сколь бы впрочем сии толкования или применения ни были благовидны»[348].

Десекуляризация образования предполагала существенные ограничения в преподавании философии и естественного права: «Философические книги о нравственности и началах общественной жизни, изощряя умы и возвышая сердца учащихся, не должны вмещать в себе ничего независимого от единого

[346] См.: *Петров Ф. А.* Российские университеты первой половины XIX века : формирование системы университетского образования : в 4 кн. М., 1999. Кн. 2 : Становление системы университетского образования в России. Ч. 3. С. 75.

[347] *Стурдза А. С.* Наставление для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ // Журнал департамента народного просвещения. Февраль 1821. Ч. 2. С. 187–188.

[348] Там же. С. 196–197.

источника благих нравов: веры в Бога, Спасителя нашего; то есть Комитет обязан допускать в преподавании токмо те книги о нравственной Философии и умозрительном Законодательстве, *кои не отделяют нравственности от веры*, кои не восписуют добродетелей и учреждений гражданских чуждому источнику; одним словом, те, кои не противоречат практическому Христианству. <...> Теории о Естественном Праве, основанные на ложном понятии о некоем первобытном состоянии человека, в котором он уподобляется животным, также надлежит отвергнуть. Сие учение может быть излагаемо в виде гипотезы, облегчающей ход науки, так как в Географии полагаются линии на шаре земном, для удобнейшего исчисления времен и расстояний. Но в то же время неосновательность сей гипотезы надлежит обнаружить и сделать очевидною. Ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условия между людьми, подлежат тому же отвержению»[349].

Таким образом, преподаванию философии изначально ставились весьма жесткие идеологические рамки. Философия могла быть только христианской и никакой иной. Подобное отношение к философии было в целом характерно для консерваторов. По общему мнению, революция 1789 г. была продуктом французской философии. В этом не сомневались ни радикалы, ни либералы, ни консерваторы. В одном из писем 1815 г. де Местр писал: «Ныне Европа угнетена и раздавлена бандою *философистов* без морали, без религии и даже без разума, набрасывающихся на любое понятие о субординации и стремящихся лишь к низвержению любой власти ради того, *чтобы самим занять ее место*, ибо, по существу дела, речь идет только об этом»[350]. Гонения на церковь воочию показали, что революция – дело сатанинское. Это борьба не на жизнь, а на смерть между христианством и философией[351].

Приведем одно из суждений А. С. Шишкова о философии, в целом характерное для консервативного дискурса: «Что такое *гордая философия?* Она есть не Богом, не верою, не совестию и не разумом, но отступлением от Бога и от веры, помрачением ума, злонравием и страстями внушаемое чувство, заражающее

[349] Там же. С. 198–199.

[350] *Местр Ж. де.* Петербургские письма. 1803–1817. С. 276.

[351] См.: *Шебунин А. Н.* Указ. соч. С. 33.

под видом *просвещения* невинные сердца юношей ложными понятиями, укореняющими разврат и безнравственность, которые нередко, к их и других людей нещастию, остаются в них до самой глубокой старости»[352]. Подобными убеждениями и были обусловлены попытки упразднения преподавания философии в русских университетах. Однако логика русских консерваторов сводилась не только к мерам запретительного характера, в сущности, они безуспешно пытались создать свою собственную философскую систему взглядов и противопоставить ее философии, которая развивалась в рамках Просвещенческого проекта[353].

Вторым важным документом, определявшим курс Министерства духовных дел и народного просвещения в университетской политике, стала «Записка о нынешнем положении Германии» А. С. Стурдзы. В «Записке» Стурдза предложил новую модель университета, существенно отличавшуюся от протестантской модели, которая существовала в России. С его точки зрения, новая модель исключала бы превращение университетов в центры революционного движения. Немецкие университеты характеризовались как «обветшалые руины средневековья», «объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве», объявлялись скопищем «всех заблуждений века»; именно они продлили жизнь «всем несправедливым теориям, всем обманным учениям, плачевный опыт применения коих уже разочаровал большую часть наших современников». Стурдза утверждал: «В университетах позволено все, что угодно. Юношество, избавленное от власти законов, предается всем бесчинствам – плодам вольнодумства и испорченной нравственности». Происходило это потому, что в университетах «богословие стало врагом религии; толкование Писания превратилось в профанацию священнейших истин; медицина уже протягивает свой ланцет к святилищу душ, юриспруденция открыто признает правоту за сильнейшим»[354].

---

[352] ОР РНБ. Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 4. Л. 6 об.

[353] См.: *Минаков А. Ю.* «Антифилософская» позиция русских консерваторов первой четверти XIX века : к истории попыток упразднения преподавания философии в императорской России // Вестник ВГУ. Сер.: История, политология, социология. 2007. № 1. С. 152–154.

[354] *Стурдза А. С.* Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 // Россия : культурные практики в идеологической перспективе. М. ; Венеция, 1999. Вып. 3. С. 153, 154.

В качестве основных мер, призванных «осушить источник зла», Стурдза предлагал отменить все академические привилегии, ограничить свободу печати, особенно для газет, а главное – отменить университетскую автономию: «Профессора, собираясь на совещания, не должны иметь исключительного права принимать и увольнять своих коллег, ибо в этой среде крайне редко избирают равного и никогда – того, кто их превосходит. Это голосование следует подчинить окончательному решению правительства, интересы коего несводимы к интересам отдельных людей»[355]. В противном случае всей Европе грозит распространение революционного движения, вылившегося в Германии в студенческие демонстрации.

Хотя речь шла о германских университетах, меры, предлагаемые в «Записке», должны были осуществляться и в России, разумеется, с учетом ее специфики. Аргументы против автономии университетов вслед за Стурдзой развил Д. П. Рунич. В «Мнении члена Главного училищ правления действительного статского советника Рунича касательно перемен в Уставе Императорского Казанского университета» он подвергал резкой критике саму идею университетской автономии как своего рода государства в государстве: «Присвоенное Университетом право составлять сословие, отдельное от прочих государственных учреждений (status in statu), есть право совершенно не сообразное с предметом их установления. Как ученые общества, они могут составлять Республики в целом свете, как государственные учреждения, не должны пользоваться особыми правами, противными общим постановлениям и законам, удерживая за собою преимущества, другим учреждениям не предоставленные и составляя государство в государстве»[356].

С точки зрения Рунича, университет «должен быть высшим учреждением, в котором преподавались бы все науки, объемлющие область ума человеческого, и в котором лица всякого состояния, окончившие приуготовительные курсы, могли усовершаться в познаниях, дабы занимать потом в государстве различные места по службе или отправлять с пользою звание

[355] Там же.

[356] ИРЛИ РАН РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 91. Л. 2 об.

наставников»[357]. Задача университета – «нравственное образование и обогащение ума познаниями», а потому университет не может иметь никаких привилегий, прежде всего университетского суда[358].

Д. П. Рунич противопоставлял университетской системе систему существовавших в России духовных академий, призванных готовить кадры ученых священников и монахов: «Духовные академии в России, доставившие церкви и государству столь великое число достойнейших и благочестием и ученостию прославившихся мужей, никогда не пользовались и не пользуются подобными правами, хотя все те же философские науки и в академиях, как и в университетах, преподаются; науки же богословские, в круг учебных предметов последних не входящие, доставляют несравненное первым пред последними преимущество, ибо по существу и цели своим науки богословские способствуют усовершенствованию нравственности, образуют учителей и распространителей веры; тогда когда философия часто представляет пример учености, соединенной с развратным поведением»[359].

Наиболее последовательно взгляды Стурдзы реализовывал в своей практике на посту попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкий. Причины распространявшихся, как лесной пожар, либеральных, атеистических и революционных идей Магницкий усматривал в почти открытой их проповеди с университетских кафедр и со страниц университетских пособий. «Правительство наказывает молодых людей за то, что они выучились тому, чему их так усердно учили, – говорил он. – В самом деле, не преподается ли открыто, что Французская революция была благодетельным явлением»[360]. В России западноевропейский опыт, считал Магницкий, может оказаться особенно опасным: «Мы заимствовали просвещение от земель иностранных, не приспособив его к нашему положению (*не обрусив*), и сверх того в самую неблагоприятную минуту, в XVII-м и начале XVIII-го столетия, то есть во время опасной его заразы, мы пересадили ядовитое растение сие в наш холод, где оно

[357] ИРЛИ РАН РО. Ф. 263. Оп. 3. Д. 91. Л. 3 об.
[358] Там же. Л. 3 об.– 4.
[359] Там же. Л. 4 об.
[360] Цит. по: *Морозов П. Т.* Указ. соч. С. 19.

вредит медленно, ибо *растет худо*. По счастью, равнодушие к нему управляющих и национальная лень наших ученых остановили его на одной точке»[361].

Выход для России виделся Магницкому в том, чтобы поставить систему образования таким образом, чтобы она соответствовала национальным особенностям. «Россия имеет особенный характер, – утверждал он. – Следовательно, и просвещение ее должно быть соображено с сими отличительными ее свойствами; ибо иначе всякое его противодействие непременно произведет вредное потрясение, сперва нравственное, потом гражданское и наконец политическое»[362]. Он явно был убежден, что необходимо «создать новую науку и новое искусство, вполне проникнутые духом Христовым, взамен ложной науки, возникшей под влиянием язычества и безверия»[363]. Следует признать справедливость утверждения Е. М. Феоктистова, который писал, что Магницкий «хотел явиться основателем совершенно новой системы образования и доказывал, что лишь только система эта введена будет в силу, как уничтожатся все печальные явления прежнего времени»[364].

М. Л. Магницкий был уверен в том, что преподавание философии в том виде, в каком это сложилось на практике, подрывает существующий строй. Основанием же христианской философии должны были, с точки зрения Магницкого, служить послания апостола Павла к Колоссянам и к Тимофею: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщениям по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу, ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» (Колосс., 254, 8–10)[365]. В докладной записке, поданной в Главное правление училищ, Магницкий писал: «Я трепещу перед всяким систематическим неверием философии, сколько по непобедимому внутреннему к нему отвращению, столько

[361] Показания Магницкого // Девятнадцатый век : исторический сб. М., 1872. Кн. 1. С. 243.

[362] Там же.

[363] *Морозов П. Т.* Указ. соч. С. 19.

[364] *Феоктистов Е. М.* Магницкий : материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 7. С. 5.

[365] См.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 217.

и особенно потому, что в истории XVII-го и XVIII-го столетий ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вера, потом взволновались мнения, изменился образ мыслей только переменою значения и подменом слов, и от сего неприметного и как бы литературного подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон древних государей взорваны; кровавая шапка свободы оскверняет главу помазанника Божия и вскоре повергнет ее на плаху. Вот ход того, что называли тогда только *философия* и *литература* и что называется уже ныне *либерализм!*»[366].

В неопубликованной записке «О способе, которым германская философия заразила все науки и даже те, которые никакой связи прежде с нею не имели» Магницкий, в свойственной ему экзальтированной манере, утверждал, что «новейшая философия <...> представляет собой столь искусный подмен Евангельского учения, что неопытная юность, увлекаемая воображением и гордостию, с восторгом сбрасывает золотые узы Религии, исторгается из Священного мрака ее таинств, бежит к ложному свету разума, находит свободу страстей, не наказанность порока, довольство чувственных наслаждений и фанатически сей выгодный и спокойный образ мыслей, сие опьянение души, принимает»[367]. Далее, философия «не нападая прямо на Религию, подрывает <...> ее, подменивая системою новых идей, совершенно ей противоположных, и очаровательных для гордого разума и свободы страстей. За сим <...> неверие века сего отравляло своим ядом все науки и сделало из познаний, для общества полезных, совершенный заговор противу Бога и Царей»[368].

М. Л. Магницкий утверждал, что между новейшею философией и масонством существует тесная связь. С этою целью он подверг подробному тенденциозному разбору книгу «Истинный иллюминат или точный и не исправленный устав иллюминатства», сопоставляя правила, выраженные в этой книге с основными началами философской системы Шеллинга[369].

[366] Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого // Русский архив. 1864. Стлб. 864.

[367] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 59. Л. 37.

[368] Там же. Л. 36.

[369] См.: *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. // Русский вестник. 1864. № 8. С. 409–411.

Заключение Магницкого клонилось к безусловному запрещению преподавания философии в университетах: «Нет никакого способа <…> излагать эту науку не только согласно с учением веры, ниже безвредно для него»[370]. Философия «есть не что иное, как настоящий иллюминатизм, обязанный новому только своему имени тем, что христианские правительства у себя публичное преподавание его дозволяют и даже платят жалование распространителям оного»[371].

В феврале 1823 г. Магницкий обратился к А. Н. Голицыну с официальной запиской, в которой высказывал убеждение, что если правительство не хочет допускать распространения различных гибельных учений, то должно, не ограничиваясь одним надзором за направлением профессоров, прибегнуть к решительной мере – изъять некоторые науки из преподавания и начать с философии. При этом он ссылался на пример Парижского университета, в котором «запрещено преподавание не только философии, но и истории новейшей последних времен, сей школы возмущений и неистовств, ибо она есть только картина практической философии, образчик того ада, который падший разум человеческий, не плененный верою, распространить в Европе старается»[372]. Стоит при этом отметить, что сам Магницкий был достаточно философски образованным человеком. В начале 30-х гг. XIX в., оказавшись в опале, он, совместно с А. И. Бюргером, издавал журнал «Радуга», в котором пытался разработать свой вариант правительственной идеологии, который опирался на труды некоторых германских философов: К. Л. фон Галлера, Ж.-П. Рихтера, И. Г. Гамана и некоторых других[373].

В «Наставлении для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ» А. С. Стурдза писал, что теорию естественного права, основанную «на ложном понятии о некоем первобытном состоянии человека, в котором он уподобляется животным, также надлежит отвергнуть. Сие учение может быть излагаемо в виде гипотезы, облегчающей

[370] Там же. С. 415.

[371] Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Стлб. 865.

[372] *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. // Русский вестник. 1864. № 8. С. 415.

[373] См.: *Минаков А. Ю.* Православный немец в Остзейском крае в николаевское царствование : А. И. Бюргер – издатель журнала «Радуга» // Германия и Россия : события, образы, люди. Воронеж, 2006. Вып. 4. С. 7–14.

ход науки, так как в Географии полагаются линии на шаре земном, для удобнейшего исчисления времен и расстояний. Но в то же время неосновательность сей гипотезы надлежит обнаружить и сделать очевидною. Ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога, а от условия между людьми, подлежат тому же отвержению»[374].

В 1821 г., по поручению Голицына, Стурдза попытался разработать альтернативную концепцию естественного права, которая не противоречила бы истинам христианства и не вела к отрицанию монархического принципа. Он был вполне согласен с критикой книги А. П. Куницына: «Разбор <…> судя единственно по указаниям на тексты, основателен, по справедливости строг и в точности согласен с наставлением, данном в руководству Ученому комитету»[375]. Сам же Стурдза исходил из того, что «естественное право <…> подойдет под разряд практического Богословия» и что «возможно будет направить преподавание сей науки к истинной цели»[376]. Им было написано «Начертание методы для преподавания естественного права». Естественное право должно было излагаться в соответствии с христианским духом.

С точки зрения Стурдзы, естественное право необходимо было вначале подвергнуть критике с точки зрения христианского вероучения, а затем – изложить с точки зрения христианской догматики. Он отвергал гипотезу о «первобытном состоянии человека, будто бы естественном, и в котором находят источник всех его нужд, прав и обязанностей»: «Нигде не обретаем мы следов сего мнимого состояния свободы и отрешения от уз общественных. Баснословные предания о каком-то златом веке доказывают единственно, что человек всегда и везде чувствовал первоначальное отпадение свое от Бога и потерю прав на совершенное блаженство. В самых сих преданиях видны следы общежития; но мирного и безмятежного, с которым Боги, то есть существа небесные, принимали участие. Напротив того, естественное состояние человека вне общежития предполагает войну, необузданность, – одним словом: право сильно-

[374] *Стурдза А. С.* Наставление для руководства Ученого комитета... С. 199.

[375] ИРЛИ РАН РО. Ф. 288. Оп.1. Ед. хр. 8. Архив Стурдзы. Л. 1 об.

[376] Там же. Л. 2–2 об.

го»[377]. Стурдза утверждал, что в первобытном состоянии (Status naturae) «человек вне общества подвергается неминуемой погибели с самой колыбели своей. Вражда стихий и сильнейших животных посягает на его бытие. Разум, силы телесные и даже самое слово его остаются в усыплении и ничтожестве, без содействия и примера ему подобных. Сверх того, отвергая учреждение общества самым Богом, нельзя же отвергнуть семейственного сожития. Ибо вне семейства человек погибает в самом детстве своем. Но между двумя семействами возникают узы родства, то есть первый опыт общежития; а в каждой семье является сама державная отеческая власть, охраняющая бытие всех членов. По мере размножения рода человеческого расширяются узы свойства между семействами. Древнейший, опытнейший и многочаднейший родоначальник по самой необходимости соделывается верховным отцем отцев семейств, то есть патриархом, или иначе: по праву божественному и естественному Царем»[378].

Из подобной критики теории естественного права Стурдза выводил необходимость и историческую укорененность монархии: «Везде не только в Азии, но и в самой Греции существовало единодержавие много столетий до введения Демократии»[379]. «Но если общежитие приписать первобытному соглашению личных прав и выгод (Contrat social), то, восходя к младенчеству народов, следовало бы находить везде следы народоправления, а не самодержавия. Обратясь же к умственным доводам и вникая в сущность вещей, мы скоро удостоверимся, что нет ничего невероятнее сего важного совещания между естественными людьми, в котором дикари радостно отдают известное за неизвестное, свободу за повиновениие, ощутительную самовольность ради отвлеченного понятия об общежитии. Принимая даже возможность такового оглашения, нельзя не признать, что оно бы рушилось на следующий день, – ибо нет ничего непостояннее воли человеческой; и в сем раздоре и междоусобие возникающие гражданства неминуемо бы погибли»[380].

---

[377] Там же. Л. 6–6 об.
[378] Там же. Л. 7–8.
[379] Там же. Л. 10.
[380] Там же. Л. 10 об.–11.

Итоговые взгляды на основные принципы образования и воспитания, характерные для православных консерваторов первой четверти XIX в., выразил М. Л. Магницкий в записке о народном воспитании, которую 7 ноября 1823 г. отправил Александру I. В ней Магницкий предлагал царю проект создания целостной системы «народного воспитания», которой, по его словам, покуда еще нет ни в одном из существующих христианских государств: «Самоважнейшая часть управления как бы брошена везде на произвол исполнителей и ежели получила некоторое устройство, то как бы случайно и от обстоятельств». Напротив же, «люди злонамеренные» (к их числу Магницкий относил Талейрана, Наполеона и Вейсгаупта) целенаправленно «занялись составлением полной системы народного воспитания»[381]. Это привело к тому, что «большая часть лучших учителей», которые должны учить наследника престола, «заражены опаснейшими началами неверия идей возмутительных». Мало того, «нет книги, по которой бы безопасно можно было учить его истории всеобщей и Российской. Нет курса прав, который можно было преподать царевичу Российскому в истинном его смысле. Нет истории систем философских, которая бы не развратила мыслей»[382].

Созданная антихристианская система народного воспитания является плодом реализации «правильного, обширного и давно втайне укоренившегося плана и заговора»[383]. Судя по некоторым деталям, Магницкий имел в виду прежде всего масонство, но прямо не говорит об этом, предпочитая возлагать ответственность за происходящее в мире зло прежде всего на «князя тьмы века сего»[384].

В записке содержится религиозно-философская трактовка Магницким тех процессов, которые происходили в мире и таких характерных явлений нового времени, как «общественное мнение», «свобода книгопечатания», «конституции». В его изображении всё вышеперечисленное есть не что иное, как порождение дьявольских сил: «Князь тьмы века сего произво-

[381] Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного статского советника Магницкого... С. 363.

[382] Там же. С. 373.

[383] Там же. С. 365.

[384] Там же. С. 364.

дит большую часть влияний своих на мир и миродержителей гражданских чрез общее мнение. <…> В конституциях, сем неистовом порождении бунта народного, главным их основанием положена *свобода книгопечатания*, или, что одно и то же, беспрепятственное волнение и *необузданность мнения общественного*, т.е. труба для глаголов князя тьмы, как можно более широкая, громкая и всегда отверзтая»[385].

М. Л. Магницкий явно переходил за границы дозволенного, когда утверждал, что предлагаемые им планы можно осуществить лишь вопреки «духу времени», которым ранее руководствовался Александр I: «Духу времени сие не понравится, но если бы вы знали, кто этот дух времени, которому вы служите, то старались бы не делать ему угодного»[386]. Подобного рода напоминания о былых либеральных увлечениях не могли не вызвать у монарха сильное раздражение.

В обоснование вышеизложенного Магницкий ссылается на революционные события, которые прокатились по Европе в 1820–1821 гг.: «единомыслие разрушительных учений в Мадриде, Турине, Париже, Вене, Берлине и Петербурге не может быть случайным»[387].

Исходя из своего видения общеевропейских процессов, в которых главную роль играют некие темные силы, Магницкий предлагал Александру I воспользоваться тактикой и указаниями врагов монархии и христианства, поскольку «из них же можно, как кажется, почерпнуть и противуядие, как то делается в медицине, когда кровью бешеной собаки исцеляется ее укушение»[388], т.е. составить на определенных началах план «народного воспитания», который бы охватывал все учебные заведения Российской империи.

В качестве «основного начала» народного воспитания Магницкий называл православие. На мистической стороне православия Магницкий не заостряет внимание. Оно интересует его главным образом с точки зрения политической, как учение, освящающее царскую власть: «Верный сын церкви православной, единой истинной веры Христовой, знает, что всякая власть

[385] Там же. С. 364–365.
[386] Там же. С. 369.
[387] Там же. С. 365.
[388] Там же. С. 366.

от Бога, и посему почитает он всех владык земных, Нерона и Калигулу; но истинным помазанником, Христом Божиим, не может признавать никого, кроме помазанного на царство церковью православною. <…> Тут нет ничего человеческого. Нашего Государя мы открыто во всяком училище отечества нашего называем и должны называть помазанником Божиим, и все знают и веруют, что это правда. Пусть скажут сие в училищах Пруссии, Нидерландов, Англии о их государях, там рассмеются»[389].

Высказывания Магницкого о православии отражали позицию тех церковных кругов, которые были недовольны «петровской революцией». Так, поминая недобрым словом «Лефортов и Бирон ов», он утверждал, что «дух времени» «более ста уже лет» нападает на православие: «Пусть заглянут в акты синода и тайной канцелярии от начала 18 столетия до конца его и между прочим в дела о Феофилакте, епископе Тверском (Лопатинском. – *А. М.*), и члене синода Арсение (Мацеевиче. – *А. М.*)»[390]. Однако, несмотря на то, что православие оказалось ослабленным борьбой с «духом века сего», оно остается единственной верой истинной, «в которой слово Божие не только сохранено во всей чистоте непрерывной иерархиею Апостольскою; но и засвидетельствовано, подписано кровью мучеников всех веков прошедших и даже ежедневных» (Магницкий ссылался на то, что в Греции был напечатан мартиролог, в котором перечислялись сотни современных мучеников за веру, погибших от рук турок)[391].

Понимаемое таким образом православие теснейшим образом связано с самодержавием. Без первого невозможно второе. Православие и самодержавие, следовательно, «два священных столпа, на которых стоит империя». Но эти начала русской жизни, «хотя еще не поколебались, но уже ослаблены». Для их восстановления необходимо распространить на все учебные округа империи действие знаменитой инструкции от 17 января 1820 г. для Казанского университета: «Ежели сие признано полезным в 16 губерниях сего округа, почему не сделать того же в прочих?»[392].

---

[389] Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного статского советника Магницкого... С. 368.

[390] Там же. С. 369.

[391] См.: Там же. С. 367–369.

[392] Там же. С. 369–370.

А. С. Шишков, став в 1824 г. министром народного просвещения, реализовал в своей программе те принципы, которые были сформулированы А. С. Стурдзой и М. Л. Магницким: приоритет религиозного образования, православия и самодержавия. Однако при этом он также подчеркнуто декларировал принципы сословности и народности (русского культурного начала) в деятельности своего министерства. Наиболее важные декларации такого рода – речь 11 сентября 1824 г. в Главном правлении училищ и обращение к Главному правлению училищ 11 декабря 1824 г. В первой речи Шишков провозгласил проведение принципа сословности в образовании: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином. Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным, и кротким, и довольным, и благополучным»[393].

Наиболее полно взгляды Шишкова на задачи Министерства народного просвещения были изложены в обращении к Главному правлению училищ 11 декабря 1824 г.[394] В нем он сформулировал те принципы, которые должны были, по его мнению, лечь в основу политики правительства в области образования и воспитания: «I. Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на розность вер, ниже языков, должно быть русское. II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны, первый – в твердом и незыблемом православии, а второй и третий – во всей точности положительного исповедания своей веры. III. Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущес-

[393] Александр Семенович Шишков. 1824 г. Сообщ. А. В. Смирнов // Русская старина. Май. 1889. С. 466.

[394] См.: *Боленко К. Г.* А. С. Шишков – ревнитель национального воспитания // Педагогика. 1999. № 5. С. 102.

твенно изучать нашу историю и законы. IV. Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним умствований. V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, на тех познаниях, кои самим учреждением разных учебных заведений постановлены, и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащиеся предназначаются. VI. Язык славянский, то есть высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы. VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество пред латинским. VIII. <…> Одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, которой христианину вне церкви найти не можно»[395].

Новые уставы университетов и училищ появились лишь в следующее царствование, уже после того, как Шишков был отправлен в отставку, однако они были «почти целиком основаны на его идеях»[396]. Однако этот сюжет выходит за хронологические рамки нашего исследования.

У консервативного проекта в сфере науки и образования были своя логика, цель, определенные задачи, методы исполнения. Преподавание философии в 20-е гг. запрещено не было. Очевидно, что «антифилософская» позиция русских консерваторов, наиболее ярко выраженная А. С. Стурдзой и М. Л. Магницким, была отнюдь не проявлением иррациональной нелюбви к философии как таковой. Напротив, именно эти консерваторы поставили вопрос о создании религиозной, христианской, православной философии, которая могла бы послужить идейной основой монархической государственности. Она не должна была быть антропоцентричной, в ней должны были быть максимально сближены церковная и светская культурные традиции, при этом культура должна была опираться на Священное Писание и Предание. Кроме того, в ней должны были органично сочетаться истины науки и веры. Антирационализм был также одной из составляющих подобной системы взглядов. Предложения консерваторов призваны были положить начало процессу десекуляризации, превращения науки в союзницу пра-

[395] Собрание распоряжений по Министерству народного просвещения. 1802–1834. СПб., 1866. Т. 1. С. 535.

[396] *Боленко К. Г.* Указ. соч. С. 102.

вославной веры, что позволило бы правительству осуществить нравственное воспитание русского образованного общества в православно-монархическом духе. Таким образом, это был не некий инфернальный обскурантизм, порожденный невежеством, своекорыстными сословными интересами и аморализмом, а попытка создания определенного типа образованности, той системы ценностей, которая лежала бы в основе учебных программ и противостояла рационализму, материализму, атеизму, революционаризму и т.д.

Однако следует признать несостоятельность данной попытки: у русских консерваторов не было и не могло в то время быть философской культуры, которая могла бы интеллектуально вытеснить философские течения, связанные с Просвещением. Они были обречены идти по пути репрессивно-административных запретов, что в высшей степени компрометировало их в глазах образованных людей того времени, по большей части принадлежавших к либеральному лагерю.

§ 12. Влияние консерваторов на цензурную политику

Цензуре консерваторы придавали важное значение. Обосновывая свою позицию, они оправдывали самые жесткие цензурные меры. А. С. Шишков задавался вопросом, который был совершенно логичен в рамках традиционалистско-монархического правосознания: «Кто запрещает писать нравоучительные книги, с божескими законами согласные, или для наук и художеств полезные? Никто. Следовательно, требование свободного книгопечатания не иное что заключает в себе, как желание издавать развратные, богопротивные и все человеческие добродетели разрушающие книги»[397]. В 1815 г. он, будучи членом Государственного совета, подал в него записку о цензуре. Шишков начал с того, что книгопечатание «произвело великую перемену в способе общего воспитания или образования людей»[398], при этом каждый желающий «получил удобность <…> думать, сочинять, писать, что хочет, и посредством книгопечатания сообщать мысли свои другим, не опасаясь ни наказания,

[397] ОР РНБ. Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 4. Л. 7.
[398] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 43.

ни презрения». Таким образом, «посредством книгопечатания открылась равная свобода и удобность благодушию и злосердечию, разуму и невежеству, добродетели и пороку, действовать над умами человеческими, созидая добрые или худые нравы, из которых одни неминуемо влекут за собой благоденствие, а другие – погибель царств и народов. В сей борьбе зла с добром перевес в пользу того или другого долженствовал быть наблюдаем цензурой или оценкой книг, дабы добрые из них для просвещения и пользы выпускаемы, а худые, для отвращения могущего от них произойти вреда, останавливаемы были»[399]. Вероятно, в силу присущего консерватизму идеализма, Шишков исключительное значение придает силе воздействия слова на умы людей: «слово хитростью ума испещренное, ядовитее и опаснее змии, прельстившей прародителей наших!»[400].

А. С. Шишков утверждал, что цензура в России слаба и неэффективна: она «далеко не достигает до своей цели: первое – по малому числу людей, не могущих с надлежащим вниманием обнять всю громаду изданных и издаваемых книг; второе – по недостатку предписанных им правил, коими могли бы они руководствоваться»[401]. Шишков предлагал учредить особый межведомственный цензурный комитет, состоящий из верхнего комитета и нижнего. «Верхний комитет, управляющий всеми отделами нижнего, и в который они подают сведения, отчеты и представления свои о прочтенных ими книгах, должен состоять из четырех особ, а именно: из министра просвещения (по долгу попечения о науках и воспитании юношества), из министра полиции (по долгу попечения о поведении и нравах), из обер-прокурора правительствующего синода (по долгу попечения о согласии духовной словесности с светскою) и с президента Российской Академии (по долгу попечения о языке, без которого никакая книга не может быть полезна)»[402].

Государственный совет никак не отреагировал на записку Шишкова: «решения по оному никакого не последовало, кроме, что велено оное приобщить к делу». Через несколько дней А. К. Разумовский, министр просвещения, заявил, что «ны-

[399] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 44.
[400] Там же. С. 45.
[401] Там же. С. 47.
[402] Там же. С. 51.

нешняя цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени учреждения своего (то есть в продолжение семи или осьми лет) ничего противного нравственности не пропустила и что потому должна оставаться на прежнем основании и состояться под единственным ведением министра просвещения»[403].

Через несколько лет ситуация изменилась, и столь благодушного отношения к цензуре правительство себе уже не могло позволить. Либеральный устав о цензуре 1804 г. к 20-м гг. XIX в. был признан несовершенным. В правительственных кругах всё более укреплялось мнение, что «слово человеческое есть проводник адской силы философии XVIII века, а книгопечатание ее орудие»[404]. Поэтому вместе с учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения на очередь стал вопрос о резком ужесточении цензуры.

В ноябре 1818 г. А. С. Стурдза в «Записке о нынешнем положении Германии» безапелляционно заявил: «Позволить людям без совести и состояния писать и безнаказанно выпускать в свет все, что диктует им настроение, дух партии или продажность, значит, помещать под покровительство законов безнравственнейший образ жизни, придавать ложное направление настроениям в обществе и навсегда оставлять их в заблуждении. <…> Закон должен предписать им молчание, поместить под постоянный присмотр и установить справедливые правила ответственности, которую непременно влечет за собой издание книг»[405].

В 1820 г. при Главном правлении училищ был образован особый комитет, который, начав свои действия в июне 1820 г., выработал проект устава, а в мае 1823 г. М. Л. Магницкий изложил «Мнение о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав», а затем, приняв замечания своих сочленов, представил проект нового устава и секретной инструкции цензурному комитету. Магницкий предлагал такой цензурный устав, который бы «обнимал *все извороты и уловки настоящего духа времени*, сколько сие

[403] Там же. С. 52.

[404] *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 160.

[405] *Стурдза А. С.* Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818. С. 154.

возможно»[406]. Он требовал безоговорочно запрещать сочинения, в которых прямо или косвенно отвергалось, ослаблялось или представлялось сомнительным учение Откровения; книги, которые могли ослабить в каком-либо отношении должное почтение к властям; всякое сочинение, в котором содержался «какой-либо дух сектаторства» или смешивалось «чистое учение веры евангельской с древними подложными учениями, либо с так называемою естественною магией, кабалистикой и масонством»; произведения, «в коих своевольство разума человеческого усиливается изъяснить и доказать философски недоступные для него святые таинства веры»; книги, в которых содержалось противное «добрым нравам, благопристойности и светским приличиям, чести народной и личной, само собою за предшествующими статьями следует»[407].

Вслед за мнением о цензуре Магницкий представил «Проект секретной инструкции цензурному комитету», в котором работу цензоров изображал как служение «Царству Божию во времена самые опасные и тяжкие», как противодействие тлетворному «духу времени»[408]. Соответственно, Магницкий детализирует представления о тех произведениях и изделиях, которые подлежали запрету. Это были произведения, которые показывали «сомнительным духовный сан человека, внутреннюю его свободу и высшее предопределение к будущей жизни», «богохульные изображения Пресвятые Троицы <…> священные предметы на табакерках и прозрачных экранах для подсвечников и каминов», «все творения, заключающие в себе учения каких-либо тайных обществ», «все сочинения магические, астрологические, кабалистические, книги гадательные и прочия» и те, в которых содержались излишние похвалы «каким-либо конституциям, силою народа и войск у законных государей исторгнутыми», «порицающие особы отечественных государей, в Бозе почивающих»[409].

Цензурный проект Магницкого был настолько жёсток, что вызвал критику даже со стороны отнюдь не отличавшегося ли-

[406] *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. С. 468.

[407] Там же. С. 469.

[408] Там же. С. 472.

[409] Там же. С. 474–475.

берализмом архимандрита Филарета (Дроздова), который находил, к примеру, излишним присутствие духовного лица в числе членов цензурных комитетов. Однако он не был принят лишь вследствие того, что одновременно с ним был составлен Святейшим синодом новый устав для духовной цензуры. В некоторых статьях эти уставы затрагивали одни и те же предметы, поэтому было принято решение разграничить области их применения[410]. И, тем не менее, именно этот проект Магницкого оставил свой след в анналах истории, поскольку его основные идеи легли в основу предельно сурового, так называемого «чугунного», цензурного устава 1826 г.

После назначения А. С. Шишкова в мае 1824 г. министром народного просвещения составление нового цензурного устава стало одной из главных его задач. Ситуация в России, с точки зрения Шишкова, приближалась к предреволюционной французской: «Если все книги сего рода, в обеих столицах наших в разные времена изданные, собрать и снести вместе извлеченные из них выписки, то откроется совершенный набат, призывающий всех к восстанию против веры, правительства, законов и всякой нравственности. Набат этот, величающий все революции, не токмо терпится, но похваляется, раскупается во множестве, и сочинители его славятся, награждаются! Чему же после сего дивятся многим оказывающимся буйствиам и смятениям? Мудрено ли, что подкладываемой огонь зажигает здание?»[411].

25 мая 1824 г. Шишков подал императору записку, в которой предложил резко ужесточить цензуру, которая, по его мнению, «до сего времени, можно сказать, не существовала»[412]. Предлагаемые Шишковым меры сводились к следующему: устав должен был, «давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарования писателя», служить «к обуздованию своевольных и неосновательных мыслей, предписывая о наблюдении, чтоб издаваемые сочинения были в правилах нравственности, в правилах истинного просвещения, никому не обидны, всякому для чтения или полезны, или по крайней мере забавны, но без всякого вреда нравам, наукам и языку»[413].

---

[410] См.: Там же. С. 487.
[411] ОР РНБ. Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 4. Л. 9–9 об.
[412] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 164.
[413] Там же. С. 167.

А. С. Шишков предлагал избрать шесть или восемь человек «искусных в словесности цензоров, с хорошим содержанием, и поручить из них одному философические, другому исторические, третьему нравственные книги, четвертому журналы и т.д., с обязанностью, чтоб каждый из них вступающии к нему по его части книги прилежно от доски до доски прочитывал и на всех сомнительных ему, особливо же несходных с уставом местах останавливался и замечал их, для донесения министру просвещения, который сам собою или, в случае важности, по совету с верховным цензурным комитетом приказывал пропустить или не пропустить их». Сам же верховный цензурный комитет должен состоять из шести-семи человек, а именно: «митрополита или ученого архиепископа, из министра просвещения, министра полиции, министра внутренних дел и министра юстиции»[414]. Этот комитет должен был потребовать от Синода сведений об изданиях, направленных против православной церкви, и если таковые найдутся, то представить их список императору, «дабы повелено было истребить оные». Эти книги следовало бы «без большой огласки отобрать <…> у всех книгопродавцев, заплатя им за оные умеренную цену и запретя впредь продавать и перепечатывать». При этом у частных лиц «оставить сие без отыскивания; а дабы уменьшить вред, приносимый ими, то можно против оных издавать другие книги, доказывающие или осуждающие, или осмеивающие нелепость и безнравственность содержащихся в них умствований и учений»[415].

Чтобы «впредь худые книги не были издаваемы, и самые вреднейшие из них сколько можно истреблены, надлежит поручить цензорам и все изданные до сего книги прочитать, с тем, чтоб попадающиеся в них худые и безнравственные места выписывать<…> чтоб, при перепечатывании сих книг, негодные мечта были из них выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленную». Верховный цензурный комитет наделялся правом «призывать к себе тех писателей, которые подобное что-нибудь написали и в печать издали или издать хотят, и делать им замечания, что образ мыслей их худ, и чтоб они впредь от изъявления оного воздерживались». Цензор же, пропустивший «худое место, не донося о том цензурному комитету и

[414] *Шишков А. С.* Записки… Т. 2. С. 167–168.
[415] Там же. С. 168.

не получа от него разрешения, ответствует за оное и подвергается наказанию смотря по важности пропущенного им места»[416].

Стараниями Шишкова 10 июня 1826 г., уже в царствование Николая I, был принят новый устав о цензуре, получивший название «чугунный». Согласно этому уставу, запрещались все исторические сочинения, если в них высказывалось неблагоприятное расположение к монархическому правлению, запрещались любые попытки прямого или косвенного оправдания каких-либо государственных возмущений, специально оговаривалось запрещение сочинений Руссо, Дидро, Монтескьё, Гельвеция и других французских просветителей. Авторам вменялось в обязанность выводить «спасительные поучения» из рассказов о революции и обнаруживать благоприятное расположение к монархическому правлению. Устав, направленный прежде всего против распространения революционных и мистических идей, вызвал недовольство и вполне благонамеренных литераторов. Так, С. Н. Глинка острил, что, руководствуясь уставом Шишкова, «можно и Отче наш перетолковать якобинским наречием». В 1828 г. шишковский цензурный устав был смягчен по инициативе С. С. Уварова.

Представляется, что цензурный устав 1826 г. был самым жестким в истории дореволюционной России.

Следует признать, что русская консервативная мысль уже на этапе своего становления отличалась оригинальностью, развиваясь параллельно с западноевропейской, испытывая определенное влияние с ее стороны (особенно показательна в этом отношении публицистика Ж. де Местра), но в значительной степени независимо от нее. Наибольший вклад в развитие идеологии русского консерватизма внесли Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, А. С. Стурдза, в меньшей степени – Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич. Многие основные идеи русского консерватизма: самодержавие, как самобытная и единственно соответствующая русским историческим условиям форма власти, православие, как высшая религиозная ценность, определяющая развитие русской образованности и культуры, идея особого пути развития России, критика Петра I, своими реформами дисгармонизировавшего и расколовшего русское общество, – были в достаточно отчетливой форме выражены русскими консерваторами XIX в.

[416] Там же.

29. Заказ 1050

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном течении играли такие фигуры, как А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, А. С. Стурдза, Д. П. Рунич. Консервативная идеология и практика являлись достоянием *отдельных лиц и кружков*, были по-преимуществу дисперсны, неотчетливы и аморфны, иногда – трудноотличимы от других направлений общественной мысли, что было естественно на этапе становления нового идейного направления в условиях авторитарного государства[1]. Тем не менее, консервативное направление в целом оформилось и смогло повлиять на политику самодержавной власти начиная с 20-х гг. XIX в. Будучи достаточно хорошо, а порой и блестяще знакомыми с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, представители раннего русского консерватизма создали развитую в понятийном отношении систему взглядов.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами», носившие не только эстетический и филологический, но и отчетливо политический характер. В ходе этой дискуссии консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, шире – русского западничества. Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Дискуссия о «старом и новом слоге» в конечном счете привела к попытке конструирования консерва-

[1] О причудливом сочетании радикальных и консервативных идей в мировоззрении декабристов см.: *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

тивно-национальной традиции не только в сфере языка, но и в сфере культуры в целом, началась разработка определенной версии русской истории, фактически декларировалась необходимость «воссоздания» русской одежды, развлечений, кухни, этикета и т.д., вплоть до бытовых мелочей.

В свое время Ю. Н. Тынянов заметил, что Н. М. Карамзин, занимаясь созданием «Истории государства Российского», в известной мере выполнял языковую программу А. С. Шишкова[2]. Более того, на весь XIX в. «самодержавием был усвоен шишковский язык и стиль манифестов и других торжественных обращений к народу»[3]. В модифицированном виде он сохранялся вплоть до 1917 г., будучи одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

А. С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии[4]. Следует подчеркнуть, что данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М. М. Сперанского). Чрезвычайно показателен также был и первоначальный общественный статус А. С. Шишкова и его единомышленников – Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки. В то время два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же, вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.), не играл существенной

[2] См.: *Тынянов Ю. Н.* [Предисловие] // Дневник В. К. Кюхельбекера : материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века. [Л.], 1929. С. 4.

[3] *Десницкий В. А.* На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2. С. 186.

[4] См.: *Минаков А. Ю.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время : сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 1 ; *Его же.* Франкобесие // Родина. 2002. № 8. С. 18–19.

политической роли. Ситуация изменилась в 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 гг. русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты». В этот период консерваторы, наряду с другими политическими группировками и фигурами, способствовали отказу от либеральных реформ и отставке М. М. Сперанского.

Огромную роль в становлении русского консерватизма сыграли события 1812 г. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабризм явился порождением Отечественной войны. С нашей точки зрения, с не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме. Русский консерватизм – законное дитя 1812 г. Консерваторам предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей – и это было сделано в манифестах А. С. Шишкова, статьях С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (который, в сущности, озвучивал огромными по тому времени тиражами основные идеи А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, которые были его покровителями и авторами), «афишах» Ф. В. Ростопчина[5].

Уже перед самой войной резко изменился общественный статус бывших оппозиционеров: по инициативе великой княгини Екатерины Павловны, главы консервативной группировки при дворе, они занимают ряд влиятельных государственных постов, получают реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора. В кадровой политике произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I сблизился с «русской партией»; вторым по статусу человеком в империи стал А. С. Шишков, получивший после опалы М. М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства манифестов и указов, обращенных к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, наделенным исключительными полномочиями, стал Ф. В. Ростопчин. Его афиши, наряду с манифестами А. С. Шишкова, явились первым опытом массово-

[5] См.: *Минаков А. Ю.* Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005. С. 7–17.

го внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий империи. Военно-политическая роль Ф. В. Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным «организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы стало одним из факторов, который объективно предопределил разгром армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом консервативно-националистического толка выступил С. Н. Глинка, получивший гигантскую сумму на издание «Русского вестника». В годы Отечественной войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А. А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный организатор. Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны»[6] и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой не возможны были бы успешные военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 гг.[7]

Анализ вклада основных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 г. и сопутствующих ему лет показывает, что именно этот год стал решающим в становлении данного идейно-политического направления. Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения оно превратилось в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, произошедший за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галломания (и, соответственно, галлофо-

[6] *Николай Михайлович (Романов).* Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 285.

[7] См.: *Федоров В. А.* М. М.Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 106.

бия) дала мощь и силу русскому консерватизму. Напомним, что в этом же году одновременно были скомпрометированы и потеряли политическое влияние знаковые для либерализма первого десятилетия XIX в. фигуры М. М. Сперанского и М. Л. Магницкого.

В 1810–1820-х гг. происходила разработка концепции самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа, формы власти, наиболее соответствующей русским условиям. Русские консерваторы, как правило, выступали противниками ограничения самодержавия. Для них было свойственно неприятие конституционализма и либерализма, Просвещенческого проекта как такового. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху. Н. М. Карамзин, проделав длительную идейную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX века – трактат «О древней и новой России», изложив в нем оригинальную концепцию самодержавия и взгляды на роль православия и русских традиций в истории России. Трактат с его очевидными антилиберальными акцентами содержал вполне зрелую концепцию самодержавия, которая была воспринята в основных чертах последующими поколениями русских консерваторов начиная с С. С. Уварова. В отличие от А. С. Шишкова и М. Л. Магницкого, Н. М. Карамзин был чужд масонофобии и антизападничества и отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Здесь, очевидно, сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада.

Русскими консерваторами возвеличивались православная вера и церковь, которые противопоставлялись всем неправославным христианским конфессиям. При этом в работах русских консерваторов поначалу православие выступало прежде

всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. Ситуация изменилась с возникновением православной оппозиции, которая сыграла в становлении русского консерватизма большую роль. Православие в воззрениях консерваторов приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и экуменическим утопиям. Проблемы веры приобрели во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированый характер, что неизбежно вело к столкновению православных консерваторов с высокопоставленными мистиками и масонами, вроде министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына.

Представляется, что именно система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, блокировав процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статуса православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под запретом вплоть до начала XX в.

Наиболее яркими и известными представителями собственно церковного консерватизма в тот период являлись митрополиты Иннокентий (Смирнов), Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский). Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями могли быть и миряне. Для него было характерно напряженное и драматичное противодействие западным идейно-религиозным влияниям: масонству, протестантскому мистицизму и экуменизму. Церковный консерватизм не был тождествен учению церкви, как оно складывалось в более ранние периоды. Для этого течения была характерна лояльность существующей монархической власти, что не исключало ее резкой критики, когда, с точки зрения носителей этого направления, «попирались интересы церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений.

Отметим также, что для церковного консерватизма было характерно почти полное отсутствие интереса к экономической и национальной проблематике. Если говорить о попытках

представителей этого направления влиять на жизнь светского общества, то они в основном сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов некую «апокалипсическую», если не прямо фантастическую окраску. Программа церковных консерваторов имела узкоконфессиональный характер. Они выступали за отставку министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, расформирование «сугубого» министерства, запрет деятельности Библейского общества и масонских лож, введение жесткой цензуры в отношении книг, написанных с неправославных позиций, считали недопустимым перевод Библии на русский литературный язык вместо церковнославянского, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания, и т.д. «Русскость» представителями этого течения существенно акцентировалась, достаточно вспомнить отношение архимандрита Фотия (Спасского), к иностранцам, в особенности к англичанам и евреям.

В русском консерватизме указанного периода имелись и течения, связанные с масонством. Для масонства в духе журнала «Сионский вестник», издаваемом А. Ф. Лабзиным, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. Но если в данном случае можно говорить лишь о некоторых элементах консервативного мировоззрения, то гораздо определеннее была ситуация с «консервативным крылом» русского розенкрейцерства того времени[8]. Обычно его крупнейших представителей, таких как И. А. Поздеев, П. И. Голенищев-Кутузов, называли не иначе, как «ультра-консерваторами» и «обскурантами». Они признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а, с их точки зрения, лояльный подданный, если он признает го-

[8] См.: *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика : официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997. С. 21–23.

сударство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М. М. Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль за общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм.

Нуждается в серьезном переосмыслении мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе) и А. Н. Голицына, которое ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, Министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства» (термин Е. А. Вишленковой[9]). В основе подобной религиозной политики лежало убеждение, что «секулярные тенденции в социальной жизни порождают революционные процессы»[10]. При помощи мистицизма процесс секуляризации попытались повернуть вспять. Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнения конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия, а главное – нетерпимое отношение к православной оппозиции и иезуитам-традиционалистам), это направление под влиянием политических обстоятельств (событий 1819–1821 гг., когда по Западу прокатилась революционная волна) «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианские, стабилизирующе-консервативные элементы этой идеологии вышли на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии. Но и либеральный, и консервативный варианты данного направления объективно имели антиправославную направленность, что вызвало сильнейшее со-

[9] См.: Там же. С. 97–134.

[10] *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 4.

противление со стороны православных консерваторов. Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь русской национальной окраски в принципе. Это был государственный космополитизм[11], на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент. Именно отмеченная «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии.

В воззрениях и действиях русских консерваторов весьма отчетливо прослеживается национализм. А. С. Шишков одним из первых стал конструировать консервативно-националистическую традицию[12]. Националистическая компонента определенно доминировала в воззрениях Ф. В. Ростопчина. Мало рассуждая о православной вере и церкви, самодержавии, он явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики.

Даже в масонстве, которое традиционно связывают исключительно с космополитизмом, были в то время носители националистических умонастроений. К ним принадлежал Д. П. Рунич. Ему было свойственно осуждение Петра I за отказ от народных традиций и привычек, «разрушение» русской национальности. С точки зрения Д. П. Рунича, «изуродованная», но сохранившая свою самобытность Россия должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от духа всех других народов[13].

---

[11] См.: *Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н.* Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995. С. 27–40.

[12] См.: *Минаков А. Ю.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории...

[13] См.: *Рунич Д. П.* Россия от 1633 до 1854 г. : взгляд на новый и старый ее быт. Ярославль, 1909.

В консервативной мысли «русское» зачастую жестко противопоставлялось всему не только французскому, но и западному. Название журнала, издаваемого С. Н. Глинкой, «Русский вестник» было полемически заострено против названия «Вестник Европы» (первоначально его редактором был Н. М. Карамзин, который до публикации «Истории государства Российского» воспринимался многими русскими консерваторами как космополит, западник, масон, галломан, бонапартист и либерал). В произведениях Ф. В. Ростопчина слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися.

Франция, ее язык и культура, воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Консервативно-националистическая риторика, нашедшая отражение в памфлетах Ф. В. Ростопчина, в статьях С. Н. Глинки в «Русском вестнике», рисовала карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов. Франция и французы представали в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А. С. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, судьбу которой необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира. Одна из причин, по которой некоторые консерваторы (великая княгиня Екатерина Павловна, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин) приняли активное участие в устранении либерального реформатора М. М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как ключевая фигура ненавистной русским патриотам «французской партии».

Говоря о национализме ранних русских консерваторов, мы имеем в виду его особый тип, который по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее (именно этим объясняется отношение его представителей к Франции, евреям и т.д.). Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого.

Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно консерваторы М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка были создателями обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, героизбавители от Смуты XVII в. и А. В. Суворов – постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов – это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным военным победам. По сути, консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Мифологизированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины. Кроме того, следует подчеркнуть, что «историзм с его особым вниманием к идее континуитета начинался как неотъемлемая часть консервативного мышления»[14]. Органическая концепция истории призвана была обнаруживать «в славном прошлом свидетельства и ростки блестящего будущего»[15].

Разумеется, русский консерватизм в подобной версии сталкивался с двумя проблемами. Из-за национализма его трудно было совместить с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью – в этом одно из возможных объяснений, почему карьера А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 г. , когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. «Оказалось, что без Тильзита и Бонапарта консервативный национализм не слишком востребован обществом»[16]. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только

[14] *Мусихин Г. И.* Россия в немецком зеркале : (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. С. 25.

[15] *Койре А.* Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 8.

[16] *Володина Т. А.* С. Н. Глинка // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 165–166.

непосредственная опасность миновала. Кроме того, главными носителями и идеологами русского националистического консерватизма были выходцы из дворянской элиты. А национализм в любой версии, как в консервативной, так и в либеральной, не мог не противоречить принципу сословности. Выходом из этого двусмысленного положения представлялась своеобразная интерпретация крепостного права, как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье.

При этом в консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но, с другой стороны, народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия расценивались как носители национальных нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства. Не случайно в рамках консервативно-националистического дискурса был достаточно остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I. Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу – через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью – посредством манифестов А. С. Шишкова и «афиш» Ф. В. Ростопчина.

Ранние русские консерваторы мечтали о создании общества социальной гармонии (с поправкой на первородный грех и изначальную испорченность человеческой природы), общества добровольно-иерархического, представляющего единое национальное тело, лишенное антагонистических противоречий. Это общество, в котором главными сословиями являются дворяне, духовенство и крестьяне. В экономике такого общества должно было доминировать сельскохозяйственное производство, которое в нравственном отношении предпочтительнее городской промышленности и торговли. Основной «несущей» политической конструкцией подобного государства и общества является самодержавие – основной субъект общественного развития и гарант безопасности, «палладиум России». Право должно быть «русским», т.е. строиться на правовых традициях, учитывающих местные особенности, а не копироваться с соответствующих западноевропейских образцов.

Православие в построениях консерваторов является идеологией, которая предохраняет от нравственного и культурного загнивания, характерного для Запада, в особенности революционной и наполеоновской Франции. Русское общество должно сознательно и целенаправленно опираться на различные самобытные традиции – прежде всего языковые, культурные и бытовые, например в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах. Общественное воспитание должно базироваться на национальном чувстве, патриотизме и законопослушании, а нравственность должна быть аскетична, в подражание христианскому идеалу. Разрушительный для традиционных ценностей рационализм, носителем которого является наука, должен быть нейтрализован синтезом истин науки и истин веры. Подразумевалась достаточно строгая изоляция от секулярной западноевропейской культуры. Подобное мировоззрение отнюдь не исключало возможности реформирования различных сфер жизни государства и общества (как в случае с университетской политикой, образованием и цензурой), однако это были «ретроградные реформы»[17]. Уже в Александровскую эпоху подобного рода попытки воспринимались большинством политической элиты как проявления «обскурантизма» и «мракобесия». Реальное самодержавие и большая часть дворянства предпочитали иные ценности.

Русские консерваторы первой четверти XIX в. сыграли свою главную роль в царствование Александра I и быстро сошли с исторической сцены. Большинство из них не сыграло в последующее царствование сколько-нибудь существенной политической или идейной роли. Еще в 1816 г. ушел из жизни Г. Р. Державин, в 1819 г. скоропостижно скончалась от рожистого воспаления великая княгиня Екатерина Павловна. В этом же году, будучи в полуопале, покинул земной мир митрополит Иннокентий (Смирнов). В 1826 г. умерли Н. М. Карамзин и Ф. В. Ростопчин. В суровой политической опале оказались А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, был изолирован от влияния на двор архимандрит Фотий (Спасский). В монашеском сане скончалась А. А. Орлова-Чесменская. Благополучно и без каких-либо политических и личных потрясений отошли в мир иной вдовствующая императрица Мария Фёдо-

[17] *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 344.

ровна, А. Н. Голицын, митрополит Серафим (Глаголевский) и А. С. Стурдза. В безвестности и едва ли не нищете скончались С. Н. Глинка, Е. И. Станевич, С. И. Смирнов. Определенную политическую роль в царствование Николая I сыграл лишь А. С. Шишков, занимавший пост министра народного просвещения до 1828 г.

Анализ деятельности и взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на определенную нечеткость их представлений, существенные противоречия между отдельными их группировками, они, тем не менее, смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом (в воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намека на привнесенные славянофилами в позднейший русский консерватизм идеи народной монархии со всесословным законосовещательным Земским собором, учение о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине как носительнице патриархальных ценностей и т. п.).

Политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключается в том, что он способствовал блокированию попыток коренных преобразований, предпринятых верховной властью: введения конституции, освобождения крестьян и реформирования религиозной сферы. Одновременно консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 879. Бумаги (письма и записки) действительного тайного советника Магницкого из Вологды Александру I и графу Аракчееву в 1814 и 1815 гг. по поводу его ссылки со Сперанским М. М. и просьбой о пособии. Отчет о трехнедельном управлении Воронежской губернией. 130 л.

Ф. 1165. Особен. канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 3. Д. 59. Записка о тайных обществах, полученная от Магницкого М. Л. в 1824 г. (об иллюминатах, обществе Иоахима, о распространении немецкой философии). 45 л.

Ф. 1165. Особен. канцелярия МВД о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и других вопросах. Оп. 1. Д. 164. Донесение Московскому генерал-губернатору Министра полиции о предании суду сына Московского купца Верещагина Н. Г. за сочинения и распространение прокламаций от имени Наполеона. Имеется прокламация. 30 июня 1812 г. 6 л.

Ф. 1165. Особен. канцелярия МВД о противоправительственных выступлениях, положении крестьян, об Отечественной войне 1812 г. и других вопросах. Оп. 1. Ед. хр. 169. Дело о высылке Московского почт-директора Ключарева в Воронежскую губернию за упущения по службе (в связи с делом Верещагина). 29 августа 1812 – 22 сентября 1813 г. 32 л.

Институт русской литературы Российской Академии наук рукописный отдел (ИРЛИ РАН РО)

Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 172. Архив Стурдзы. А. С. Голицын, кн. А. Н. Письма к Стурдзе А. С. с приложениями. 11 л.

Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 8. Стурдза А. С. Бумаги, относящиеся к истории образования в России: письма к кн. Голицыну А. Н., арх. Даниилу и др. 1820 г. 11 л.

Ф. 263. Оп. 1. Д. 40. Архив Д. П. Рунича. «Философия». Рукопись 1820 г. 66 л.

Ф. 263. Оп. 3. Д. 91. Рунич Д. П. Мнение члена Главного училищ Правления Действительного Статского Советника Рунича касательно перемен в Уставе Императорского Казанского Университета. 6 л.

Ф. 263. Оп. 1. Д. 111. Рунич. О торговле, откупах и паровом, водяном и сухопутном сообщениях. 31 л.

Ф. 265. Оп. 2. № 675. Архив журнала «Русская старина». Глинка Василий Сергеевич «Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки». 20 л.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Автобиографическая записка Сергея Николаевича Глинки. Автограф. 18 сентября 1830 г. 5 л.

Ф. 1179. Оп. 2. Ед. хр. 16. Письмо А. Н. Голицына С. С. Уварову об издании книги Н. М. Карамзина «История государства Российского», без цензуры. 23 октября 1816 г. 1 л.

Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Евдокимов И. В. «Забытый патриот 12-го года» (С. Н. Глинка). Статьи. Вырезки из газет и журналов, оттиски с пометами автора. 29 августа 1912 г. 21 л.

Ф. 1863. Колл. форм. списков. Формулярный список Ведомства Государственной коллегии Иностранных дел дейст. ст. сов. Стурдзы, удостоиванного к знаку отличия беспорочной службы. 1830 г. 5 л.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 143. Вилламов Г. И. Ед. хр. 166. Мария Федоровна, имп. Письма (2) Михаилу Илларионовичу Кутузову. 1812 г. Петербург. О вкладе Марии Федоровны в 1812 г. 2 л.

Ф. 191. Глинка С. Н. Ед. хр. 18. «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества» (гл. 1–12). 1 января 1844 г. Автограф. 212 л.

Ф. 203. Голицын А. Н. Ед. хр. 13. Выписки и записи религиозно-нравственного содержания. 43 л.

Ф. 731. Сперанский М. М. Магницкий (М. Л.), попечитель Казанского учебного округа. Письма (2) М. М. Сперанскому 12 сентября – 28 ноября 1817 г. Симбирск. 6 л.

Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Материалы из архива А. С. Стурдзы. Вступительная статья и публикация документов. Автограф, машинопись с исправлениями и дополнениями. 1934–1935 гг. 47 л.

Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 1. Родословная Шишковых. 2-я половина XIX в. 2 л.

Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 3. «Разные записки» (письма А. С. Шишкова к Е. Р. Дашковой и М. М. Хераскову, разбор его «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Рассмотрение псалмов, предложенных Ломоносовым, «Ответ на критику в журнале так наз. «Сыне Отечества») и др. 1805–1822 гг. 114 +1.

Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 4. Шишков А. С. Разные записки. 1820-е – 1830-е гг. Размышления старца, желающего блага своему отечеству. 40 л.

Ф. 550. 3975. F III-46. Основное собрание рукописной книги. Смирнов Степан «Отозвание души моей на книгу «Воззвание к человеком»… 1823 г. 148 л.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733. Санкт-Петербургский учебный округ. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных реакционных предприятиях. Л. 14–53.

Ф. 733. Оп. 39. Д. 356. Дело об исключении видного деятеля французской революции Грегуара из почетных членов Казанского университета, по предложению М. Л. Магницкого. 12 марта – 19 октября 1821 г. 7 л.

Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Дело об увольнении попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого и назначении ректора университета К. Ф. Фукса и. о. попечителя 11 мая – 6 июля 1826 г. 11 л.

Ф. 733. Оп. 86. Год 1817–1856. Д. 502. Дело о службе бывшего обер-прокурора Сената и Синода члена Главного правле-

ния училищ кн. П. С. Мещерского. 8 сентября 1817 – 31 декабря 1856 г. 67 л.

Ф. 1162. Оп. 6. Д. 124. Дело о службе члена Государственного Совета, Главноначальствующего над Почтовым департаментом д. т. советника кн. Голицына. 17 января 1810–18 декабря 1844 г. 63 л.

Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. Оп. 1. Опись дел архива Государственного совета. Т. XIV. Д. 25/21. 1826. Записка М. Магницкого, при всеподданнейшем письме от «…» ноября 1808 г. об «общем мнении в России и о верховной полиции». 35 л.

Ф. 1286. Оп. 54. Д. 32. Дело о розыске в Вильно французских агентов гр. Шоазел-Гуффье, гр. Потоцкого, помещика Володкевича (он же генерал Гарри) и адъютанта Ларош и записки коллежского советника Магницкого о состоянии Виленской полиции. 3 ноября 1805 – 14 февраля 1806 г. 234 л.

Ф. 1673. Оп. 1. Год 1824–1868. Ед. хр. 31. Письмо попечителя Казанского университета М. Л. Магницкого министру народного просвещения А. С. Шишкову с жалобами на притеснения по службе и доносами на чиновников Министерства народного просвещения. Приложена краткая биография М. Л. Магницкого, составленная неизвестным автором не раньше 1868 г. 24 октября 1824–1868 гг. 12 л.

Ф. 1673. Оп. 1. Ед. хр. 2. Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 гг., составленная по случаю представления к «Знаку отличия беспорочной службы». Март 1818 г. 2 л.

Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Биография «Граф Ростопчин и его семейство», написанная Майковым Петром Михайловичем, членом Всероссийского национального клуба, Всероссийского национального союза. Машинописный экз. 349 л.

Ф. 1763. Оп. 1. Ед. хр. 36. Мнение А. С. Шишкова к заседанию Комитета министров. Докладная записка Шишкова А. С. на имя Николая I о необходимости запрещения книги Госснера с толкованием Евангельских текстов. 1824 г. 36 л.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Рескрипт Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухах и беспорядках в провинции // Рус. старина. – 1902. – Т. 111, № 9. – С. 634.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива первого отделения Собственной его императорского величества

канцелярии / под ред. Н. Дубровина. – СПб., 1876–1917. – Вып. 4. – 1891. – XXV, 493 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1864. – Т. 1 : Царствование императора Александра I, 1802–1825.–1644, 44, 34 стлб., 42 с.; Т. 2 : Царствование императора Николая I, 1825–1855. – 1224, 42 стлб., 62 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

[*Аракчеев А. А.*] Проект графа Аракчеева. Записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян / [А. А. Аракчеев] // Девятнадцатый век : исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 2. – С. 146–150.

Баррюэль О. Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы : в 12 ч. / О. Баррюэль. – М. : Губерн. тип. А. Решетникова, 1805–1809. – Ч. 1–12.

Д. Б. [*Блудов Д. Н.*] О книге под названием : Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe par Alexandre de Stourdza / Д. Б. [Д. Н. Блудов] // Журн. Импер. Человеколюбивого о-ва. – 1817. – Ч. 1 (Август). – С. 181–195 ; Ч. 1 (Сентябрь). – С. 239–251 ; Ч. 2 (Октябрь). – С. 119–130 ; Ч. 2 (Ноябрь). – С. 232–244.

Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 года / С. Н. Глинка. – М. : Унив. тип., 1809. – Ч. 1, 2.

Глинка С. Н. Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности / С. Н. Глинка. – М. : Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1831. – 21 с.

[*Глинка С. Н.*] О пользе в России ремесел, художеств и искусств / [С. Н. Глинка] // Рус. вестн. – 1808. – № 3. – С. 300–315.

[*Глинка С. Н.*] О промышленности отечественной / [С. Н. Глинка] // Рус. вестн. – 1810. – № 3. – С. 77–89.

[*Глинка С. Н.*] Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью / [С. Н. Глинка] // Рус. вестн. – 1811. – № 1. – С. 31–49.

Глинка С. Н. Прибавления к Русской истории Сергея Глинки, или Записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные : в 2 ч. / С. Н. Глинка. – М. : Унив. тип., 1818. – Ч. 1–2.

[*Глинка С. Н.*] Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии, июля 11 дня 1827 года, почетным членом состоящего при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою / [С. Н. Глинка] – М. : Тип. Августа Семена, 1827. – 20 с.

[*Глинка С. Н.*] Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою / [С. Н. Глинка]. – 3-е изд., доп. – М. : Унив. тип., 1823–1825. – Ч. 1–14.

[*Голицын А. Н.*] Мнения о разности между восточной и западной церковью с историей разделения церквей, представленные ее имп. Величеству государыне Елизавете Алексеевне обер-прокурором Святейшего Синода князем А. Н. Голицыным / [А. Н. Голицын] // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1870. – Кн. 1. – С. I–VI, 1–44.

Голицын А. Н. Проект об учреждении в Санкт-Петербурге Библейского общества / А. Н. Голицын. – СПб., 1812. – 201 с.

Державин Г. Р. Мнение о правах, преимуществах и существенной должности Сената, 1801 // Сочинения / Г. Р. Державин. – СПб., 1872. – Т. 7. – С. 341–348.

Державин Г. Р. Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев. 1800 / Г. Р. Державин // Сочинения / Г. Р. Державин. – СПб., 1872. – Т. 7. – С. 229–340.

[*Державин Г. Р.*] Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев, о их преобразовании и прочем / [Г. Р. Державин] // Антисемитизм. – М., 2002. – С. 117–250.

Записка о крамолах врагов России // Рус. арх. – 1868. – Кн. 9. – С. 1329–1390.

[*Карамзин Н. М.*] Всеобщее обозрение / [Н. М. Карамзин] // Вестн. Европы. – 1802. – № 1. – С. 66–84.

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 337–356.

Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 284–332.

Карамзин Н. М. Мелодор к Филалету / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 189–198.

Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 27–53.

Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 174–188.

Карамзин Н. М. О древней и новой России : избр. проза и публицистика / Н. М. Карамзин ; [сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. Б. Муравьев]. – М. : Жизнь и мысль : Моск. учеб., 2002. – 477 с.

Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 378–435.

Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 252–257.

Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 239–243.

[*Карамзин Н. М.*] О новых благородных училищах, заводимых в России / [Н. М. Карамзин] // Вестн. Европы. – 1802. – № 8. – С. 358–366.

[*Карамзин Н. М.*] О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств / [Н. М. Карамзин] // Вестн. Европы. – 1802. – № 24. – С. 289–308.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин ; [подгот. текста, вступ. ст., примеч. В. А. Грихина]. – М. : Сов. Россия, 1983. – 510 с.

Карамзин Н. М. Письмо сельского жителя / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 217–222.

Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. Писано в 1802 году / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 223–228.

Карамзин Н. М. Путешествие вокруг Москвы : письмо первое из Коломны от 14 сентября / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 357–360 .

Карамзин Н. М. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 г. / Н. М. Карамзин // Сочинения / Н. М. Карамзин. – М., 1820. – Т. 9. – С. 305–321.

Карамзин Н. М. Странность / Н. М. Карамзин // О древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М., 2002. – С. 236–238 .

[*Магницкий М. Л.*] Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого / [М. Л. Магницкий] // Рус. арх. – 1864. – Кн. 1. – С. 321–329.

[*Магницкий М. Л.*] Два доноса в 1831 г. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах / [М. Л. Магницкий] // Рус. старина. – 1898. – Т. 96, № 12. – С. 517–538 ; 1899. – Т. 97, № 1. – С. 67–87 ; № 2. – С. 289–314 ; № 3. – С. 607–631.

Магницкий М. Л. Доношение попечителя Казанского округа на издателя «Библиографических листов», г. Министру Народного Просвещения / М. Л. Магницкий // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1864. – Кн. 2, отд. 5. – С. 143–161.

[*Магницкий М. Л.*] Заключение о втором мнении г. попечителя Дерптского университета, князя Ливена в рассуждении запрещенных книг, действительного статского советника Магницкого / [М. Л. Магницкий] ; сообщил князь В. И. Баюшев // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1870. – Кн. 4. – С. 208–210.

Магницкий М. Л. Инструкция директору Казанского университета / М. Л. Магницкий // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Изд. 2-е. – СПб., 1875. – Т. 1 : Царствование Александра I. 1802–1825. – Стлб. 1317–1337.

[*Магницкий М. Л.*] Инструкция для осмотра училищ Казанского округа / М. Л. Магницкий // Рус. арх. – 1867. – № 12. – Стлб. 1643–1646.

Магницкий М. Л. Краткая речь к императорскому Казанскому университету, произнесенная г-ном попечителем оного в заключение публичного акта в высокоторжественный день помазания на царство Е. И. В. 15 сентября 1825 г. в Казани / М. Л. Магницкий. – Казань : Унив. тип., 1825. – 16 с.

Магницкий М. Л. Мнение о естественном праве и Доношение министру духовных дел и народного просвещения / М. Л. Магницкий // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск.

ун-те. – 1861. – Кн. 4. – С. 157–159 ; Рус. арх. – 1864. – № 1. – С. 862–865.

[*Магницкий М. Л.*] Мнение действительного тайного советника Магницкого о Науке Естественного Права; Речь к Императорскому Казанскому Университету, произнесенная попечителем оного Магницким, 15 сентября 1825 года; Отношение попечителя Казанского учебного округа к Митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому, от 24 мая 1824 года / [Магницкий М. Л.] // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1861. – Кн. Окт.–дек. – С. 157–163.

Магницкий М. Л. О пьянстве семинаристов и необходимости его искоренения / М. Л. Магницкий ; публ. А. Ю. Минакова // Церковь и ее деятели в истории России : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 148–150.

Магницкий М. Л. Окончательное дополнение к запискам о тайных обществах / М. Л. Магницкий ; публ. А. Ю. Минакова // Церковь и ее деятели в истории России : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 145–148.

Магницкий М. Л. Отчет «О трехнедельном управлении Воронежской губернией» / М. Л. Магницкий ; публ. А. Ю. Минакова // Из истории воронежского края. – Воронеж, 2000. – Вып. 8. – С. 211–220.

Магницкий М. Л. Отчет по обозрении Казанского университета / М. Л. Магницкий ; публ. А. Ю. Минакова // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 3. – С. 126–161.

[*Магницкий М. Л.*] Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав, Проект секретной инструкции цензурному комитету, Проект устава / [М. Л. Магницкий] // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению / М. И. Сухомлинов. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 463–480.

[*Магницкий М. Л.*] Речь, произнесенная г. попечителем д.с.с. и кавалером М. Магницким в торжественном собрании имп. Казанского университета 17-го генваря, установленном по случаю высочайше дарованных в сей день инструкций директору и ректору/ [М. Л. Магницкий]. – Казань : Унив. тип., 1826. – 11 с.

[*Магницкий М. Л.*] Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании / [М. Л. Магницкий] // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива

1-го Отделения Собств. е. и. в. канцелярии. – СПб., 1876. – Вып. 1. – С. 363–374.

Мацеевич Л. С. Одесские заметки о Магницком : [Неизданная рукопись Магницкого. Из воспоминаний о Магницком протоиерея М. К. Павловского. Могила Магницкого] / Л. С. Мацеевич // Рус. арх. – 1898. – № 2. – Стлб. 223–229.

Местр Ж. де. Петербургские письма / Ж. де Местр // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 118–155 ; № 11. – С. 172–189 ; № 12. – С. 145–186.

[*Местр Ж. де*] Пять писем графа Ж. де Местра графу Разумовскому о народном образовании / [Ж. де Местр] // Семейство Разумовских / А. А. Васильчиков. – СПб., 1880. – Т. 2. – С. 249–280.

Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / Ж. де Местр. – М. : РОССПЭН, 1997. – 215 с.

Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера / Ж. де Местр. – СПб. : Алетейя, 1998. – 731 с.

Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции / Ж. де Местр. – СПб. : Владимир Даль, 2007. – 298 с.

Поздеев И. А. Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы / И. А. Поздеев // История Российской академии / М. И. Сухомлинов. – СПб., 1880. – Вып. 5 : Приложение к 38-му тому записок Императорской Академии наук. – № 2. – С. 415–427.

Пушкин А. С. О народном воспитании / А. С. Пушкин // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 156.

Ростопчин Ф. В. Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее / Ф. В. Ростопчин // Ох, французы! / Ф. В. Ростопчин. – М., 1992. – С. 209–221.

Ростопчин Ф. В. Замечания на книгу графа Стройновского «Об условиях с крестьянами» / Ф. В. Ростопчин // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1860. – Кн. 2, паг. 5. – С. 213–217.

[*Ростопчин Ф. В.*] Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования / [Ф. В. Ростопчин] // Рус. арх. – 1878. – № 1. – С. 103–110.

[*Ростопчин Ф. В.*] Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне / [Ф. В. Ростопчин] // Рус. арх. – 1875. – № 9. – С. 75–81.

[*Ростопчин Ф. В.*] Из записок графа Ф. В. Ростопчина. 1812 год. Последние страницы, писанные графом Ростопчиным / [Ф. В. Ростопчин] // Девятнадцатый век : исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 2. – С. 114–144.

Ростопчин Ф. В. «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» / Ф. В. Ростопчин // Ох, французы! / Ф. В. Ростопчин. – М., 1992. – С. 148–152.

Ростопчин Ф. В. Ох, французы! / Ф. В. Ростопчин ; сост., вступ. ст., примеч. Г. Д. Овчинникова. – М. : Рус. кн. (Сов. Россия), 1992. – 334 с.

Ростопчин Ф. В. Плуг и соха, писанное степным дворянином / Ф. В. Ростопчин. – М. : Унив. тип., 1806. – 45 с.

Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 года : взгляд на древний и новый ее быт : из бумаг Д. П. Рунича : с предисл. А. Титова / Д. П. Рунич. – Ярославль : Тип. В. В. Шпеер, 1909. – 29 с.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; [изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов и др.]. – М. : Наука, 1969. – 703 с.

Сборник императорского Русского исторического общества / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб. : Изд. Н. Дубровина, 1902. – Т. 113 : Материалы для истории Православной церкви в царствование императора Николая I. – 468 с.

Станевич Е. И. Беседа на гробе младенца о Бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и церкви / Е. И. Станевич. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. Импер. Рос. акад., 1825. – 317 с.

Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 / А. С. Стурдза // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. – М. ; Венеция, 1999. – С. 145–157.

Стурдза А. С. Мысли о любви к отечеству / А. С. Стурдза. – СПб. : [б. и.], 1818. – 22 с.

Стурдза А. С. Наставление для руководства Ученого Комитета / А. С. Стурдза // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1821. – Ч. 1, № 2. – С. 187–206.

Стурдза А. С. О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов / А. С. Стурдза. – Одесса : Гор. тип., 1834. – [22 с.].

Стурдза А. С. Опыт учебного предначертания для преподавания российскому юношеству греческого языка : сочинение, чи-

танное в Беседе любителей русского слова в 1812 г. / А. С. Стурдза. – СПб. : [Б. и.], 1817. – 59 с.

Ширинский-Шихматов П. Похвальное слово императрице Марии Федоровне / П. Ширинский-Шихматов. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1833. – 94 с.

[*Шишков А. С.*] Законы и постановления. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов / [А. С. Шишков]. – СПб. : В Мор. тип., 1816. – 212 с.

[*Шишков А. С.*] Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова / [А. С. Шишков]. – Берлин : Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 1, 2.

Шишков А. С. Избранные труды / А. С. Шишков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 718 с.

[*Шишков А. С.*] Мнения адмирала и президента Российской Академии (впоследствии министра народного просвещения) А. С. Шишкова о рассматривании книг или о цензуре / [А. С. Шишков] // Рус. арх. – 1865. – № 1–12 ; М., 1866. – Стлб. 1097–1116.

Шишков А. С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1804. – 173 с.

Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 г. / А. С. Шишков. – СПб. : Импер. тип., 1811. – 113 с.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к отечеству / А. С. Шишков // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова / А. С. Шишков. – СПб., 1825. – Ч. 4. – С. 147–185.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков. – СПб. : Импер. тип., 1803. – 167 с.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова / А. С. Шишков. – СПб., 1824. – Ч. 2. – С. 1–352.

Шишков А. С. Речи, произнесенные г. Министром народного просвещения, в заседании Главного правления училищ 11 сентября и 11 декабря 1824 г. / А. С. Шишков. – [Б. м. : Б. и., б. г.]. – 8 с.

Шишков А. С. Речь при открытии Беседы любителей русского слова / А. С. Шишков // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова / А. С. Шишков. – СПб., 1825. – Ч. 4. – С. 108–146.

Шишков А. С. Служба Отечеству. Записки (1780–1814) / А. С. Шишков. – М. : Ихтиос, 2008. – 428 с.

Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова : в 17 ч. / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. Импер. Рос. акад., 1824–1837.

Шишков и две всеподданнейшие его записки // Рус. старина. – 1869. – № 9. – С. 573–589.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (МЕМУАРЫ, ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ДНЕВНИКИ)

Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 3 т. / С. Т. Аксаков. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 2 : Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. – 559 с.

Аксаков С. Т. Воспоминания об А. С. Шишкове / С. Т. Аксаков // Собр. соч. : в 5 т. / С. Т. Аксаков. – М., 1986. – Т. 2. – С. 291–350.

[*Александр I*] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. / [Александр I] // Рус. старина. – 1893. – № 1. – С. 173–208 .

[*Александр I*]. Письма и записки Александра I к князю А. Н. Голицыну / [Александр I] // Великий князь Николай Михайлович. – СПб., 1912. – Т. 1 : Александр I. – С. 567–575.

[*Александр I*] Самооправдание императора Александра Павловича в письме к великой княгине Екатерине Павловне 18 сентября 1812 г. / [Александр I] // Рус. арх. – 1911. – Кн. 1. – С. 303–309.

[*Аракчеев А. А.*] Автобиографические заметки графа Аракчеева на прокладных белых листах принадлежавшей ему книги св. Евангелия [А. А. Аракчеев] // Рус. арх. – 1866. – Вып. 9. – Стлб. 923–927.

[*Аракчеев А. А.*]. Из аракчеевской переписки. 1805–1830 / [А. А. Аракчеев] // Вестн. Европы. – 1870. – Кн. 8. – С. 484–502.

Аракчеев : свидетельства современников. – М. : Новое лит. обозрение, 2000. – 496 с.

Арндт Э. М. Из воспоминаний о 1812 годе / Э. М. Арнд // Рус. архив. – 1871. – Кн. 1. – Стлб. 76–120.

[*Бартенев Ю. Н.*] Рассказы князя А. Н. Голицына : из записок Ю. Н. Бартенева / [Ю. Н. Бартенев] // Рус. арх. – 1886. – № 3. – С. 369–381 ; № 5. – С. 52–108 ; № 7. – С. 305–333 ; № 10. – С. 129–166.

Бестужев-Рюмин А. Д. Краткое описание происшествиям в столице Москве в 1812 году / А. Д. Бестужев-Рюмин. – М. : Унив. тип., 1859. – [28 с.].

Булгаков А. Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина / А. Я. Булгаков ; [сообщ. С. О. Долгов]. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича , 1904. – 38 с.

Булгаков А. Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина / А. Я. Булгаков // Старина и новизна. – 1904. – Кн. 7. – С. 98–127.

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. – СПб. : Изд. Импер. публ. б-ки, 1872. – Т. 1, 2.

Вигель Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель ; под ред. С. Я. Штрайха. – М. : Тип. Госиздата, 1928. – Т. 1, 2.

[*Витберг А. Л.*] Записки академика Витберга, строителя Храма Христа Спасителя в Москве / [*А. Л. Витберг*] // Рус. старина. – 1872. – № 1. – С. 16–32 ; № 2. – С. 159–192 ; № 4. – С. 519–582.

Вяземский П. А. С. Н. Глинка / П. А. Вяземский // Полн. собр. соч. / П. А. Вяземский. – СПб., 1879. – Т. 2. – С. 335–347.

Вяземский П. А. Записная книжка. 1813–1852 гг. / П. А. Вяземский // Полн. собр. соч. / П. А. Вяземский. – СПб., 1884. – Т. 9. – С. 1–299.

Вяземский П. А. Из старой записной книжки / П. А. Вяземский // Рус. арх. – 1873. – Кн. 1. – Стлб. 173–202.

Вяземский П. А. Проект письма к С. С. Уварову / П. А. Вяземский // Полн. собр. соч. / П. А. Вяземский. – СПб., 1879. – Т. 2. – С. 211–226 .

Гёце П. П., фон. Из записок Петра Петровича фон Гёце. Кн. А. Н. Голицын и его время / П. П. Гёце // Рус. арх. – 1902. – № 9. – С. 66–107 ; № 11. – С. 321–329.

[*Глинка С. Н.*] С. Н. Глинка [Державину], Москва, 21 марта 1807 г. / [С. Н. Глинка] // Сочинения / Г. Р. Державин. – СПб., 1871. – Т. 6. – С. 397–399.

Глинка С. Н. Записки / С. Н. Глинка. – СПб. : Рус. старина, 1895. – 384 с.

Глинка С. Н. Записки / С. Н. Глинка. – М. : Захаров, 2004. – 456 с.

Глинка С. Н. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года / С. Н. Глинка. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1837. – 370 с.

[*Глинка С. Н.*] Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения / [С. Н. Глинка] – СПб. : Тип. Рос. акад., 1836. – 401 с.

Голенищев-Кутузов П. И. Письмо министру народного просвещения гр. Разумовскому / П. И. Голенищев-Кутузов // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 491–492.

[*Голицын А. Н.*] А. Н. Голицын [Г. Р. Державину], 25 января 1812 г. // Сочинения / Г. Р. Державин. – СПб., 1871. – Т. 4. – С. 227.

[*Голицын А. Н.*] Два письма к директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту. 1817 / [А. Н. Голицын] // Рус. арх. – 1868. – № 4/5. – Стлб. 873–877.

[*Голицын А. Н.*] Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1822–1825 гг. : [письма к архимандриту Фотию] / [А. Н. Голицын ; публ. и коммент. Н. И. Барсова] // Рус. старина. – 1882. – Т. 33. – С. 765–780 ; Т. 34. – С. 205–222 ; № 5. – С. 427–442 ; № 6. – С. 683–700 ; Т. 35, № 7. – С. 275–296.

[*Голицын А. Н.*] Письма к графине А. А. Орловой-Чесменской в 1822–23 гг. / [А. Н. Голицын] // Рус. арх. – 1869. – М., 1870. – Изд. 2-е. – Стлб. 943–958.

Грелль Э. де. Записки квакера о пребывании в России (1818–1819) / Э. де Грелль // Рус. старина. – 1874. – № 1. – С. 1–36.

Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М ; Л. : Academia, 1930. – 896 с.

Державин Г. Р. Записки // Сочинения / Г. Р. Державин. – СПб., 1871. – Т. 6. – С. 405–829.

Державин Г. Р. Записки, 1743–1812 : полн. текст / Г. Р. Державин. – М. : Мысль, 2000. – 334 с.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь / И. И. Дмитриев // Сочинения / И. И. Дмитриев. – М., 1986. – С. 268–375.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / М. А. Дмитриев ; [подгот. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой ; вступ. ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой]. – М. : Новое лит. обозрение, 1998. – 752 с.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М. : ГПИБ, 2006. – 671 с.

Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М. : ГПИБ, 2006. – 538 с.

[*Екатерина Павловна*] Письма Великой Княгини Екатерины Павловны / изд. Е. А. Пушкин. – Тверь : Тип. Губерн. Правления, 1888. – 74 с.

Жихарев С. П. Записки современника : воспоминания старого театрала : в 2 т. / С. П. Жихарев. – Л. : Искусство, 1989. – Т. 1. – 311 с. ; Т. 2. – 525 с.

[*Жуковский В. А.*] Неизданные письма В. А. Жуковского / В. А. Жуковский // Рус. арх. – 1900. – Кн. 3. – № 9. – С. 5–54.

Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Импер. акад. наук, 1866. – 727 с.

[*Карамзин Н. М.*] Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 гг. / [Н. М. Карамзин ; публ. подгот. : Афанасьев А. К., Эдельман О. В.] // Рос. арх. – 1992. – Вып. 2/3. – С. 7–49.

Карамзин : pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей : антология / отв. ред. Д. К. Бурлака ; сост. Л. А. Сапченко. – СПб. : РХГА, 2006. – 1080 с.

Князь Багратион – графу Ростопчину. 22 августа 1812 г. // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 107–108.

[*Коленкур А.*] Из записной книжки Коленкура. 1809 г. / [А. Коленкур] // Рус. арх. – 1908. – № 5. – С. 5–39.

[*Комаровский Е. Ф.*] Из записок генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского / [Е. Ф. Комаровский] // Рус. арх. – 1867. – Стлб. 219–248, 521–575, 748–788, 1276–1330.

[*Куракин А. Б.*] Письма из Вены от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне. 1807 год / [А. Б. Куракин] // Рус. арх. – 1869. – № 3. – Стб. 472–517.

[*Кюхельбекер В. К.*] Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / [В. К. Кюхельбекер ; предисл. Ю. Н. Тынянова ;

ред., введ. и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого]. – [Л.] : Прибой, 1929. – 372 с.

[*Лубяновский Ф. П.*] Воспоминания Ф. П. Лубяновского (1799–1838) / [Ф. П. Лубяновский] // Рус. арх. – 1872. – № 1 и 2. – Стлб. 98–185 ; № 3 и 4. – Стлб. 450–533.

[*Магницкий М. Л.*] Показания Магницкого. О службе действительного статского советника Магницкого. (Копия с собственноручной его записки) / [М. Л. Магницкий] // Девятнадцатый век : исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 1. – С. 235–255.

[*Магницкий М. Л.*] Причины преследования М. Л. Магницкого, им самим описанные // Рус. старина. – 1901. – Т. 105, № 3 (Март). – С. 678–684.

Маркович А. Жозеф де Местр и Сент-Бев в письмах к Р. Стурдзе-Эвелинг / А. Маркович // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 33/34. – С. 379–456.

[Материалы о закрытии Библейского общества] // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб., 1904. – Вып. 12. – С. 325–401.

Михаил Леонтьевич Магницкий в 1823–1845 гг. Высылка его из Петербурга в 1826 г., две записки императора Николая / сообщил В. Ф. Кеневич // Рус. старина. – 1874. – Т. 11. – С. 273–274.

Морошкин Я. Л. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря : воспоминания священника / Я. Л. Морошкин // Рус. старина. – 1876. – Т. 17, № 10. – С. 297–316.

Мурзакевич Н. Н. Записки : [фрагмент] / Н. Н. Мурзакевич // Рус. старина. – 1887. – Т. 18, № 9. – С. 477–499.

[*Муханова М. С.*] Из записок Марии Сергеевны Мухановой / [М. С. Муханова] // Рус. арх. – 1878. – Кн. 1, вып. 2. – С. 209–215 ; Кн. 1, вып. 3. – С. 299–329.

Неофит (Неводчиков Николай Васильевич). Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосв. Филаретом Московским / Неофит. – Одесса : Гор. тип., 1868. – 48 с.

Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1866. – Ч. 2. – 506 с.

О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергия Александровича Шихматова : читано в Импер. Рос. Акад. 29 окт. 1838 г. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1838. – 56 с.

Панаев В. И. Воспоминания / В. И. Панаев // Вестн. Европы. – 1867. – Т. 3. – С. 193–270 ; Т. 4. – С. 72–178.

Полевой Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Н. А. Полевой ; ред., вступ. ст. и коммент. В. Орлов. – [Л.] : Изд-во писателей в Ленинграде, [1934]. – 541 с.

Роберт Вильсон – к П*. 19 сентября (1 октября) 1812 г. Боровск // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 153–155.

[*Родионов Д. П.*] Рунич Д. П. : (материалы для его биографии) : воспоминания Д. П. Родионова / [Д. П. Родионов] // Рус. старина. – 1898. – № 8. – С. 389–391.

[*Ростопчин Ф. В.*] Граф Ростопчин – Балашову. 4 июля 1813 г. Москва / [Ф. В. Ростопчин] // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 40–42.

[*Ростопчин Ф. В.*] Граф Ростопчин – Балашову. 23 августа 1812 г. Москва / [Ф. В. Ростопчин] // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 108–110.

[*Ростопчин Ф. В.*] Граф Ростопчин – Балашову. 27 августа 1812 г. Москва / [Ф. В. Ростопчин] // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 112–113.

[*Ростопчин Ф. В.*] Граф Ростопчин – князю Кутузову. 17 сентября 1812 г. Село Вороново / [Ф. В. Ростопчин] // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Н. Ф. Дубровин. – М., 2006. – С. 149–150.

[*Ростопчин Ф. В.*]. Из записок графа Ф. В. Ростопчина. 1812 год. Последние страницы, писанные графом Ростопчиным / [Ф. В. Ростопчин] // Девятнадцатый век : исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 2. – С. 115–120.

[*Ростопчин Ф. В.*] Письма графа Ф. В. Ростопчина к Александру I. Москва, 4 августа 1812 г. / [Ф. В. Ростопчин] // Рус. арх. – 1892. – № 7. – С. 419–565.

[*Ростопчин Ф. В.*] Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу / [Ф. В. Ростопчин] // Рус. арх. – 1892. – № 8. – С. 419–565.

[*Ростопчин Ф. В.*] Письма гр. Ф. В. Ростопчина к князю П. Д. Цицианову (1803–1806) / [Ф. В. Ростопчин] // Девятнадца-

тый век : исторический сборник. – М., 1872. – Кн. 2. – С. 1–113.

Ростопчина Л. А. Семейная хроника (1812 г.) / гр. Л. А. Ростопчина. – М. : Звезда Н. Орфенов, [1912]. – 286 с.

[*Рунич Д. П.*] Автобиографические записки Дмитрия Павловича Рунича / Д. П. Рунич ; [авт. вступ. ст. и примеч. А. Титов]. – Ярославль : [Б. и.], 1909. – 14 с.

[*Рунич Д. П.*] Записки Д. П. Рунича / [Д. П. Рунич] // Рус. обозрение. – 1890. – № 8. – С. 188–253 ; № 9. – С. 186–256 ; № 10. – С. 794–809.

[*Рунич Д. П.*] Из записок Рунича / [Д. П. Рунич] // Рус. старина. – 1896. – Т. 88, № 11. – С. 279–319 ; 1901. – № 1. – С. 47–77 ; № 2. – С. 325–357 ; № 3. – С. 597–633 ; № 4. – С. 153–168 ; № 5. – С. 373–394.

Свербеев Д. Н. Записки (1799–1826) / Д. Н. Свербеев. – М. : Типо-литогр. И. Н. Кушнерев и К°, 1899. – Т. 1. – 525 с.

Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым / Д. Н. Свербеев // Рус. арх. – 1871. – № 1. – Стлб. 162–182.

Сперанский М. М. Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости гр. М. М. Сперанского «Досуги», «Краткий очерк священной истории» / [М. М. Сперанский]. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1862. – 142, 16 с.

[*Сперанский М. М.*] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой) / [М. М. Сперанский]. – М. : Тип. Грачева и К°, 1869. – 253 с.

[*Сперанский М. М.*] Письма Сперанского к дочери из Сибири. 1819 // Рус. арх. – 1868. – Изд. 2-е. – М., 1869. – Стлб. 1103–1212.

Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания / А. С. Стурдза // Москвитянин. – 1851. – Ч. 6, № 21. – Отд. 1. – С. 1–22.

Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания / А. С. Стурдза // «Арзамас» : сборник : в 2 кн. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 42–59.

Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деятельности графа И. А. Каподистрии, правителя Греции / А. С. Стурдза // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1864. – Кн. 2. – С. 1–192.

Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деятельности графа И. А. Каподистрии, правителя Греции / А. С. Стурдза. – М. : Унив. тип., 1864. – 205 с.

Стурдза А. С. Воспоминания о Карамзине / А. С. Стурдза // Москвитянин. – 1846. – № 9/10. – С. 145–154.

Стурдза А. С. Воспоминания о М. Л. Магницком / А. С. Стурдза // Рус. арх. – 1868. – Вып. 1. – Стлб. 926–938.

Стурдза А. С. Дань памяти вельможи-христианина кн. А. Н. Голицына / А. С. Стурдза. – Одесса : Гор. тип., 1845. – 15 с.

Стурдза А. С. Надгробное слово князю Александру Николаевичу Голицыну / А. С. Стурдза. – СПб. : Воен. тип., 1859. – 24 с.

Стурдза А. С. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I / А. С. Стурдза // Рус. старина. – 1876. – Т. 15, № 2. – С. 266–288.

Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского / Н. В. Сушков. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1868. – 294 с.

Фортунатов Ф. Н. Памятные записки вологжанина / Ф. Н. Фортунатов // Рус. арх. – 1867. – № 12. – С. 1467–1707.

[*Фотий (Спасский)*] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия / Архим. Фотий (Спасский) // Рус. старина. – 1894. – Т. 81, № 3. – С. 135–163 ; № 4. – С. 99–123 ; № 5. – С. 91–119 ; Т. 82, № 7. – С. 195–230 ; № 9. – С. 204–233 ; № 10. – С. 127–142 ; 1895. – Т. 83, № 2. – С. 174–216 ; Т. 84, № 7. – С. 167–187 ; № 8. – С. 169–220 ; № 11. – С. 207–236 ; № 12. – С. 189–203 ; 1896. – Т. 87, № 7. – С. 163–199 ; № 8. – С. 423–443.

Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов / Фотий (Спасский) ; [сост., предисл. и примеч. В. Улыбин ; отв. ред. О. А. Платонов]. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 400 с.

[*Фотий (Спасский)*] Письма архимандрита Фотия к графине А. А. Орловой / Фотий (Спасский) // Рус. арх. – 1878. – Кн. 2, № 7. – С. 292–299.

Хвостов Д. И. Записки о словесности / Д. И. Хвостов ; [публ. А. В. Западова] // Литературный архив. – М.; Л., 1938. – Вып. 1. – С. 364–401.

Чичагов П. В. Записки / П. В. Чичагов. – М. : Рос. фонд. культуры [и др.], 2002. – 800 с.

Шениг Н. И. Воспоминания / Н. И. Шенинг // Рус. арх. – 1880. – Т. 3, Кн. 2. – С. 267–325 .

[*Шишков А. С.*] Бумаги из архива А. С. Шишкова. 1816–1824 / [А. С. Шишков] // Рус. старина. – 1870. – Т. 1, январь. – С. 145–147.

[*Шишков А. С.*] Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова / [А. С. Шишков]. – Берлин : Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 1, 2.

[*Шишков А. С.*] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну / [А. С. Шишков]. – СПб. : Тип. Импер. Рос. акад., 1831. – 301 с.

[*Шишков А. С.*] Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / [А. С. Шишков] // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение : новая серия / Тарт. ун-т. – Тарту, 1994. – Т. 1. – С. 215–241 ; Т. 2. – 1996. – С. 258–297.

Шишков А. С. Речь 11 сентября 1824 г. в Главном правлении училищ / А. С. Шишков ; [сообщ. А. В. Смирнов] // Рус. старина. – 1889. – Май. – С. 466–467.

Шишков А. С. Служба Отечеству : записки (1780–1814) / А. С. Шишков. – М. : Ихтиос, 2008. – 430 с.

[*Шуазель-Гуфье*]. Император Александр I в воспоминаниях графини Шуазель-Гуфье / [Шуазель-Гуфье] // Рус. старина. – 1877. – Кн. 12. – С. 579–632.

Götze von P. O. Fürst Alexander Nikolajewitsch Gallizin und seine Zeit / P. O. von Götze. – Leipzig : Altenburg, 1882. – 429 p.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Вестник Европы : журнал / учред. Н. М. Карамзин. – М. : Унив. тип., 1802–1803.

Русский вестник : журнал / изд. С. Н. Глинка. – М., 1808–1824.

СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. : (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) / И. Л. Беленький // Россия и соврем. мир. – 2001. – № 4. – С. 245–262 ; 2002. – № 1. – С. 253–272 ; № 2. – С. 237– 242 ; № 3. – С. 217–239.

Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX в.) : указ. тр., лит. о жизни и деятельности. / Гос. публ. Ист. б-ка России ; науч. ред. А. А. Либерман. – М. : Индрик, 2006. – Ч. 1 (1801–1855). – 846 с.

Государственные деятели России XIX – начала XX в. : биогр. справ. / сост. И. И. Линьков, В. А. Никитин, О. А. Ходенков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 2087 с.

Консерватизм в России : краткая библиография / сост. Минаков А. Ю., Репников А. В., Гришина Е. П., Семенова Т. П. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 614–634.

Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев ; [отв. секретарь А. В. Репников]. – М. : РОССПЭН, 2005. – 640 с.

Пономарев С. И. Материалы для библиографии литературы о Карамзине / С. И. Пономарев. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1883. – 152 с.

Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2010. – 639 с.

Сводный указатель к «Русскому архиву» П. И. Бартенева / сост. А. Б. Каменский, А. Ю. Каменская. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 429 с.

Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг. : энцикл. слов. / А. И. Серков. – М. : РОССПЭН, 2001. – 1224 с.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 : библиогр. справ. / Д. Н. Шилов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – 936 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамов А. И. Эпоха «Александровского мистицизма» в русской философской культуре первой половины XIX в. / А. И. Абрамов // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. – М., 2000. – Сб. 2. : Памяти Виталия Ивановича Свинцова. – С. 86–104.

Азизова Е. Н. Государственная и общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича / Е. Н. Азизова // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 143–170.

Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Н. Азизова. – Воронеж, 2006. – 23 с.

Азизова Е. Н. «Счастливым почту себя, если вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова» : идейно-политическая биография Д. П. Рунича / Е. Н. Азизова // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 99–120.

Азизова Е. Н. «Я масон, но не принадлежу ни к одной масонской ложе ни в Москве, ни в Петербурге» : масонские связи Д. П. Рунича / Е. Н. Азизова // Новик. – Воронеж, 2004. – Вып. 9. – С. 93–103.

Акульшин П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П. В. Акульшин. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 238 с.

Акульшин П. В. Политические искания М. Л. Магницкого : от правительственного реформизма к охранительному консерватизму / П. В. Акульшин // Россия в Новое время : образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – начала XX века. – М., 1998. – С. 126–129.

Алтунян А. Г. Власть и общество : спор литератора и министра / А. Г. Алтунян // Вопр. лит. – 1993. – № 1. – С. 173–214.

Альтман М. М. Публикация «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина и царская цензура / М. М. Альтман // Вопр. истории. – 1982. – № 4. – С. 170–174.

Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков / М. Г. Альтшуллер // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 19–92.

Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – Изд. 2-е, доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 448 с.

Альтшуллер М. Г. Предтечи славянофильства в русской литературе : (общество «Беседа любителей русского слова») / М. Г. Альтшуллер. – Ann Arbor (Mich.) : Ardis, 1984. – 401 с.

Альтшуллер М. Г. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как политический документ : (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин) / М. Г. Альтшуллер, И. Калиф // Russia and the West in the nighteenth century / A. D. Cross (ed.). – Newtonville (Mass.), 1983. – P. 214–222.

Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции / М. Г. Альтшуллер // Рус. лит. – 1991. – № 1. – С. 144–149.

Андреева Т. А. Записки императору Александру I М. М. Сперанского, М. Л. Магницкого, Н. С. Мордвинова : к постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. / Т. А. Андреева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. – 2006. – № 3. – С. 49–183.

Анисимов Е. Генерал Багратион : жизнь и война / Е. Анисимов. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 822 с.

[Аннотация] // Родина. – 2002. – № 2. – С. 31. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

[Аннотация] // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. – М., 2000. – Вып. 5. – С. 121. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Антоненко С. Честный мистик или духовный мичуринец? / С. Антоненко // Родина. – 2006. – № 10. – С. 68–69.

Аникиев П. П. Мистицизм в царствование Александра I / П. П. Аникиев. – М. : Типо-литогр. И. Ефимова, 1912. – 26 с.

Анфим, иеромонах. Александр Стурдза / иеромонах Анфим // Странник. – 1864. – Апрель. – С. 5–57.

Артемьева Т. В. Записка о народном воспитании М. Л. Магницкого / Т. В. Артемьева // Русская философия : новые исследования и материалы : проблемы методологии и методики. – СПб., 2001. – С. 243–254.

Артемьева Т. В. Истоки консервативного утопизма в России эпохи Просвещения / Т. В. Артемьева // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт. – Самара, 2002. – С. 104–114.

Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему : философия истории и утопии в России эпохи Просвещения / Т. В. Артемьева. – СПб. : Алетейя, 2005. – 495 с.

Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822 / Г. Л. Арш. – СПб. : Алетейя, 2003. – 349 с.

Арш Г. Л. Н. М. Карамзин и Иоанн Каподистрия / Г. Л. Арш // Греческая культура в России XVII–XX вв. – М., 1999. – С. 26–43.

Астафьев Н. А. Общество для распространения Св. писания в России (1863–93) / Н. А. Астафьев. – СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1895. – VI, 298, XIII с.

Астафьев Н. А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами / Н. А. Астафьев. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. – IV, 180 с.

Афанасьев В. В. Чистое сердце : жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской (в тайном постриге монахиня Агния (2 мая 1785 – 5 октября 1848) / В. Афанасьев // Лит. учеба. – 2000. – № 1. – С. 182–198.

Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта : (социокультурная динамика России) : в 2 т. / А. С. Ахиезер. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997–1998. – Т. 1 : От прошлого к будущему. – 1997. – 804 с. ; Т. 2 : Теория и методология : словарь. – 1998. – 595 с.

Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема / А. С. Ахиезер // Отеч. история. – 1994. – № 4/5. – С. 3–25.

Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли / Д. А. Балыкин. – Брянск : Грани, 1996. – 209 с.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб. : А. Д. и П. Д. Погодины, 1888. – Т. 1. – 141 с.

Барсуков Н. П. С. С. Уваров и адмирал Шишков / Н. П. Барсуков // Рус. арх. – 1882. – № 6. – С. 226–228.

Бахтурина А. Ю. Зарождение и сущность идеи Священного союза / А. Ю. Бахтурина // Вопр. истории. – 1997. – № 4. – С. 151–155.

Бахтурина А. Ю. Священный союз : Россия в судьбе Европы / А. Ю. Бахтурина // Рубежи. – 1998. – № 3/4. – С. 54–62.

Беленький И. Л. Консерватизм / И. Л. Беленький // Отечественная история России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия. – М., 2000. – Т. 3. – С. 15–17.

Бердяев Н. О консерватизме / Н. Бердяев // Философия неравенства. – М., 1990. – С. 109–123.

Березовская Ж. Архимандрит и его «духовная дочь» : (к разоблачению «благотворительности» настоятеля Новгородского Юрьева монастыря архимандрита Фотия) / Ж. Березовская // Наука и религия. – 1971. – № 8. – С. 34–39.

Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики : Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1882. – 358 с.

Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики : летописцы России : Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг / К. Н. Бестужев-Рюмин. – М. : ВЕК, 1997. – 318 с.

Бестужев-Рюмин К. Н. Николай Михайлович Карамзин : очерк жизни и деятельности / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1895. – 17 с.

Бестужев-Рюмин К. Н. Поминка о Гавриле Романовиче Державине / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1893. – 8 с.

Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма / И. Берлин // Философия свободы. Европа / И. Берлин. – М., 2001. – С. 206–298.

Берлин И. Жозеф де Местр и происхождение фашизма / И. Берлин // Новое и старое в теоретической социологии. – М., 1999. – Кн. 2. – С. 149–156.

Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию : пер. с англ. / Э. Бёрк. – М. : Рудомино, 1993. – 143 с.

Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Священного Синода в XVII и первой половине XIX века / Ф. В. Благовидов. – Казань : Тип. ун-та, 1899. – 68 с.

Богданович М. И. Александр I / М. И. Богданович. – М. : Польза, 1914. – 128 с.

Богданович М. И. История царствования Александра I и России в его время / М. И. Богданович. – СПб. : Тип. Ф. Сущинского, 1869–1871. – Т. 1. – 1869. – IV, IV, 382, 146 с. ; Т. 2. – 1869. – IV, 535, 80 с. ; Т. 4. – 1869. – V, 586, 72 с. ; Т. 5. – 1871. – III, V, 530, 98 с. ; Т. 6. – 1871. – VI, 523, 140 с.

Богданович П. Н. Аракчеев – граф и барон Российской империи / П. Н. Богданович. – Буэнос-Айрес, 1956. – 138 с.

Богоявленский С. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна / С. Богоявленский // Три века. – М., 1913. – Т. 5. – С. 188–197.

Божерянов И. Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская / И. Божерянов. – СПб. : Типо-литогр. В. Фреймана, 1888. – 87 с.

Бокова В. М. Беспокойный дух времени : общественная мысль первой трети XIX в. / В. М. Бокова // Очерки русской культуры XIX века. – М., 2003. – Т. 4 : Общественная мысль. – С. 117–152.

Бокова В. М. Эпоха тайных обществ / В. М. Бокова. – М. : Реалии-Пресс, 2003. – 656 с.

Боленко К. Г. «Классическое стихотвореньице» : [о детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам»] / К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Новое лит. обозрение. – 1994. – № 6. – С. 227–333.

Боленко К. Г. [Рецензия] / К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Новое лит. обозрение. – 2000. – № 41. – С. 374–378. – Рец. на кн. : Romantics, reformers, reactionaries : Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I / A. Martin. – Dekalb : Northern Illinois University Press, 1997. – 294 p.

Боленко К. Г. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» : (на пути к «Беседе любителей русского слова» и Российской академии) / К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Россия и реформы. – М., 1991. – Вып. 3. – С. 4–20.

Боленко К. Г. А. С. Шишков – ревнитель национального воспитания / К. Г. Боленко // Педагогика. – 1999. – № 5. – С. 97–102.

Боленко К. Г. «Kleine kinder bibliothek» И. К. Кампе в переводе А. С. Шишкова / К. Г. Боленко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1996. – № 3. – С. 57–68.

Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. – М. : Рус. слово, 2002. – 350 с.

Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века / В. Н. Бочкарев // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1911. – Т. 2. – С. 194–220.

Брачев В. С. Масоны и власть в России / В. С. Брачев. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с.

Брилиант С. М. Г. Р. Державин, его жизнь, литературная деятельность и служба / С. М. Брилиант. – СПб. : Типо-литогр. Г. И. Салова и К°, 1893. – 79 с.

Будько Е. А. Историческое слово Ростопчина в «Войне и мире» Л. Н. Толстого : (из комментариев к роману) / Е. А. Будько // Историко-литературный сборник. – Тверь, 1999. – С. 116–127.

Булич Н. Н. Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности / Н. Н. Булич. – Казань : Унив. тип., 1866. – 113 с. – (Перепеч. из Учен. зап. Казан. ун-та. 1866. Т. 2).

Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819) : рассказы по архивным документам / Н. Булич. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. – Ч. 2. – 734 с.

Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века / Н. Н. Булич. – СПб. : Тип. М. М Стасюлевича, 1902–1905. – Т. 1. – 1902. – 712 с. ; Т. 2. – 1905. – 332 с.

Булич Н. Н. Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого : (материалы для истории Казанского университета) / Н. Н. Булич // Учен. зап. Казан. ун-та по отд-нию ист.-филол. и полит.-юрид. наук. – Казань, 1864. – Вып. 1. – С. 267–288.

Бутаков Я. А. [Рецензия] / Я. А. Бутаков // Вопр. истории. – 2006. – № 5. – С. 165–168. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – Ч. 1. – 264 с. ; Ч. 2. – 258 с. ; Ч. 3. – 222 с.

Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году / Д. П. Бутурлин. – 2-е изд. – СПб. : Воен. тип., 1837. – Ч. 1. – XV, 415, 9 с.

В раздумьях о России : XIX в. / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Е. Л. Рудницкая. – М. : Археогр. центр, 1996. – 441 с.

Вальденберг Н. К. Державин : 1816–1916 : опыт характеристики его миросозерцания / Н. К. Вальденберг. – Пг. : Тип. В. Д. Смирнова, 1916. – 169 с.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских / А. А. Васильчиков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. – Т. 2. – IV, 558, XXI с.

Вацуро В. Э. Карамзин возвращается / В. Э. Вацуро // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 726–745.

Вацуро В. Э. Пушкинская пора / В. Э. Вацуро. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 624 с.

Вацуро В. Э. Сквозь «умственные плотины» : очерки о книгах и прессе пушкинской поры / В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. – 2-е изд., доп. – М. : Книга, 1986. – 381 с.

Введение в проблематику российского консерватизма : учеб. пособие / отв. ред. Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 414 с.

А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет : очерки истории русской философии. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 592 с.

Велижев М. Об источниках «петровской концепции» С. Н. Глинки / М. Велижев // Петр Великий / сост. и ред. Е. В. Анисимов. – М., 2007. – С. 34–67.

Виноградов В. В. Язык Пушкина : Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2000. – 509 с.

Витберг Ф. Державин / Ф. Витберг // Русский биографический словарь. – СПб., 1905. – Т. 6 : Дабелов – Дядьковский. – С. 236–322.

Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер. – СПб. : Акад. проект, 1999. – 350 с.

Вишленкова Е. А. Августейшее масонство / Е. А. Вишленкова // Родина. – 2000. – № 3. – С. 52–55.

Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 439 с.

Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи : альбом из нескольких портретов / Е. А. Вишленкова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.

Вишленкова Е. А. Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года / Е. А. Вишленкова // Отеч. история. – 2002. – № 4. – С. 22–35.

Вишленкова Е. А. Религиозная политика : официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е. А. Вишленкова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 189 с.

Вишленкова Е. А. Религиозно-мировоззренческие аспекты университетской политики в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1998. – Т. 134. – С. 116–128.

Вишленкова Е. А. [Рецензия] / Е. А. Вишленкова // Ab imperio. – 2001. – № 4. – С. 467–472. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Володина Т. А. Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. / Т. А. Володина // Вопр. истории. – 2002. – № 4. – С. 147–162.

Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка / Т. А. Володина // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 142–170.

Володина Т. А. У истоков «национальной идеи» в русской историографии / Т. А. Володина // Вопр. истории. – 2000. – № 11/12. – С. 3–19.

Володина Т. А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Т. А. Володина. – М., 2004. – 43 с.

Володихин Д. М. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах / Д. М. Володихин // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. – М., 2003. – С. 6–10.

Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века / Р. Вортман // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. – М. ; Венеция, 1999. – С. 233–244.

Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование Александра I / А. Д. Галахов // Журн. М-ва народ. просвещения. – 1875. – № 11. – С. 87–175.

Галахов А. Д. Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. / А. Д. Галахов // Филологические записки. – 1867. – Вып. 1. – С. 1–32.

Галкин А. А. Консерватизм вчера и сегодня / А. А. Галкин // Власть. – 2000. – № 2. – С. 37–46.

Гамаюнов С. А. Почему не была написана биография Н. М. Карамзина / С. А. Гамаюнов // Вопр. истории. – 1987. – № 8. – С. 177–182.

Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б. М. Гаспаров. – СПб. : Акад. проект, 1999. – 396 с.

Герасимова Ю. И. Архив А. А. Аракчеева / Ю. И. Герасимова // Зап. отд. рукоп. Гос. б-ки им. В. И. Ленина. – М., 1980. – Вып. 41. – С. 56–80.

Гении зла и блага : [литературная композиция «Современника» об А. А. Аракчееве и М. М. Сперанском] / публ. С. Экштута // Родина. – 1995. – № 7. – С. 44–45.

Генифе П. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция / П. Генифе // Французский ежегодник. 2003 : правые во Франции. – М., 2003. – С. 75–119.

Гессен Ю. «Записка» Державина как историко-общественный памятник / Ю. Гессен // Будущность : науч. -лит. сб. : прил. к еженедел. изд. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 82–111.

Гильтебрандт П. Император Александр I и Библейское общество / П. Гильтебрандт // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 2, № 9. – С. 430–433.

Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.

Глазева А. С. Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I / А. С. Глазева // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 52–67.

Гогоцкий С. С. Н. М. Карамзин как моралист и историк / С. С. Гогоцкий. – Киев : Тип. Е. Федорова, [1870]. – 16 с.

Голубева О. Д. Н. И. Гнедич / О. Д. Голубева. – СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. – 272 с.

Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века / О. М. Гончарова. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2004. – 381 с.

Гордин Я. А. Мистики и охранители : дело о масонском заговоре / Я. А. Гордин. – СПб. : Изд-во «Пушкин. фонда», 1999. – 286 с.

Гордин Я. А. P. S. к книге «Мистики и охранители» // НЛО. – 2000. – № 5. – С. 142–147.

Горностаев М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин : страницы истории 1812 года / М. В. Горностаев. – М. : ИКФ «Каталог», 2003. – 60 с.

Горностаев М. В. Федор Васильевич Ростопчин / М. В. Горностаев // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 113–141.

Грачев И. В. Судьба «Московского властелина» / И. В. Грачев // Моск. журн. – 1997. – № 2. – С. 2–10.

Гребенщиков А. С. Идейное содержание манифестов А. С. Шишкова 1812–1816 гг. / А. С. Гребенщиков // Новик. – Воронеж, 2009. – Вып. 14. – С. 83–93.

Гречаная Е. П. Литературное восприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825) / Е. П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.

Гречаная Е. П. Предромантическое мироощущение и рукописная традиция : неизданные материалы из архива Юлии Крюденер / Е. П. Гречаная // Рукопись сквозь века. – М., 1994. – С. 70–76.

Гречаная Е. П. Феномен баронессы Крюденер / Е. П. Гречаная // Крюденер И.-Ю. Неизданные автобиографические тексты. – М., 1998. – С. 5–34.

Гриц А. Феопемпт Мисаилов, или бесовская гордость / А. Гриц // Родина. – 2006. – № 10. – С. 62–67.

Грот Я. К. Жизнь Державина / Я. К. Грот. – М. : Алгоритм : Арт-Бизнес-Центр, 1997. – 685 с.

Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом / Я. К. Грот. – СПб. : Импер. Акад. наук, 1880–1883. – Т. 1. – 1880. – 1043 с. ; Т. 2. – 1883. – 708 с.

Грот Я. К. К истории ссылки Сперанского / Я. К. Грот // Рус. арх. – 1871. – № 12. – С. 2073–2078.

Грот Я. К. Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я. К. Гротом / Я. К. Грот // Торжественное собрание императорской Академии Наук, 1-го декабря 1866 года, в память столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина. – СПб., 1867. – С. 7–31.

Гросул В. Я. Зарождение русского политического консерватизма / В. Я. Гросул // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 1997. – № 1. – С. 21–33.

Гросул В. Я. М. И. Кутузов и его критики / В. Я. Гросул, В. Т. Иминов // Отеч. история. – 2004. – № 2. – С. 186–190.

Гросул В. Я. Фельдмаршал М. И. Кутузов. Кто следующий? / В. Я. Гросул, В. Т. Иминов // Воен.-ист. журн. – 2004. – № 3. – С. 18–21.

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования : ист. зап. / В. В. Григорьев. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1870. – 679 с.

Грюнберг П. Н. Император Александр I Благословенный – ревнитель Православия или «экуменист» своего времени? / П. Н. Грюнберг // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института : материалы. – М., 1997. – С. 126–135.

Гулыга А. В. Карамзин в системе русской культуры / А. В. Гулыга // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С. 374–377.

Гусев В. А. Консервативная русская политическая мысль / В. А. Гусев. – Тверь : Риф, 1997. – 148 с.

Гусев В. А. Консервативные идеологии / В. А. Гусев // Социс : Социол. исслед. – 1994. – № 11. – С. 129–135.

Дегтярева М. И. Два кандидата на роль государственного идеолога : Ж. де Местр и Н. М. Карамзин / М. И. Дегтярева // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь, 1998. – С. 63–84.

Дегтярева М. И. Два кандидата на роль государственного идеолога : Ж. де Местр и Н. М. Карамзин / М. И. Дегтярева // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт : материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2002. – С. 23–42.

Дегтярева М. И. Жозеф де Местр и Н. М. Карамзин / М. И. Дегтярева // Социол. журн. – 2003. – № 1. – С. 151–165.

Дегтярева М. И. Жозеф де Местр и С. С. Уваров / М. И. Дегтярева // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 129–140.

Дегтярева М. И. Жозеф де Местр о российских политических традициях и перспективах реформаторства в России / М. И. Дегтярева // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1997. – Вып. 4 : Реформы: политические, социально-экономические и право. – С. 20–24.

Дегтярева М. И. Загадочный Жозеф де Местр / М. И. Дегтярева // Консерватизм : идеи и люди. – Пермь, 1998. – С. 6–40.

Дегтярева М. И. Консервативная эволюция Жозефа де Местра / М. И. Дегтярева // Французский ежегодник. 2003 : правые во Франции. – М., 2004. – С. 120–150.

Дегтярева М. И. «Направление исторического движения» и политическая традиция в доктрине Ж. де Местра / М. И. Дегтярева // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм : материалы международной научной конференции. – С. 51–55.

Дегтярева М. И. «Особый русский путь» глазами «западников» : Жозеф де Местр и П. Я. Чаадаев / М. И. Дегтярева // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 97–106.

Дегтярева М. И. Полемика Жозефа де Местра с С. С. Уваровым / М. И. Дегтярева // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5 : Политика и культура в контексте истории. – С. 10–14.

Дегтярева М. И. Понятие суверенитета в политической философии Жозефа де Местра / М. И. Дегтярева // Полис : Полит. исслед. – 2001. – № 3. – С. 113–122.

Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX в. : журналы «Беседы любителей русского слова» / В. Десницкий // Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. / В. Десницкий. – М. ; Л., 1958. – С. 92–191.

Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX в. : журналы «Беседы любителей русского слова» / В. Десницкий // На литературные темы / В. Десницкий. – Л., 1936. – Кн. 2. – С. 181–220.

Дженкинс М. Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс ; [пер. с англ. И. А. Анатольева]. – М. : Центрполиграф, 2004. – 271 с.

Дживилегов А. К. Меттерних / А. К. Дживилегов // Отечественная война и русское общество. – М., 1912. – Т. 7. – С. 28–45.

Диктиадис. Краткое сведение о Стурдзе / Диктиадис // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1864. – Кн. 2. – С. 193–205.

Дмитриева М. А. Братья Ширинские-Шихматовы и архимандрит Фотий / М. А. Дмитриева // Христианство и русская литература. – СПб., 1996. – Сб. 2. – С. 90–107.

Дмитриева М. А. Ученик и оппонент владыки Филарета / М. А. Дмитриева // Духовный труженик : А. С. Пушкин в контексте русской культуры. – СПб., 1994. – С. 142–147.

Дмитриева М. А. Ученик и оппонент владыки Филарета / М. А. Дмитриева // Пушкинская эпоха и христианская культура. – СПб., 1994. – № 4. – С. 100–105.

Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей русской истории / М. В. Довнар-Запольский. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1914. – Т. 1. – 427 с.

Долбилов М. Д. Процессы модернизации в России и Европе : социокультурные, политические и духовные аспекты : международная научная конференция / М. Д. Долбилов, М. Д. Карпачев, А. Ю. Минаков // Отеч. история. – 2003. – № 2. – С. 204–206.

Долбилов М. Д. [Рецензия] / М. Д. Долбилов, А. Ю. Минаков // Вопр. истории. – 2002. – № 3. – С. 161–165. – Рец. на кн. : Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.

Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза : (опыт характеристики) / Г. М. Домникова // Христианство и русская литература. – СПб., 2002. – Сб. 4. – С. 250–278.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1946–1958. – Т. 1 : Предпосылки и сущность реформы. – 1946. – 634 с. ; Т. 2 : Реализация и последствия реформы. – 1958. – 620 с.

Дубина В. С. Русский консерватизм как общественное явление / В. С. Дубина // Философский век : альманах. – СПб., 2001. – Вып. 16 : Европейская идентичность и российская ментальность. – С. 68–79.

Дубровин Н. Ф. Москва и граф Ростопчин в 1812 году : (материалы для внутренней стороны 1812 года) / Н. Ф. Дубровин // Военный сборник. – СПб., 1863. – № 7. – С. 99–155 ; № 8. – С. 419–471.

Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты : А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» / Н. Ф. Дубровин // Рус. старина. – 1894. – Т. 82, № 9. – С. 145–203 ; № 10. – С. 101–126 ; № 11. – С. 58–91 ; № 12. – С. 98–132 ; 1895. – Т. 83, № 1. – С. 56–71 ; № 2. – С. 35–52.

Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин ; [изд. подгот. П. В. Ильиным]. – СПб. : ДНК, 2007. – 646 с.

Дудаков С. Ю. История одного мифа : очерки русской литературы XIX–XX вв. / С. Ю. Дудаков. – М. : Наука, 1993. – 282 с.

Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России / В. А. Дьяков. – М. : Наука, 1993. – 207 с.

Евграфова С. М. Память и общество : психологические аспекты / С. М. Евграфова // Сотворение Истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций. – Казань, 2001. – С. 173–188.

Егерева Т. «Старинные кадеты» XVIII века : влияние образования на систему ценностей русских консерваторов / Т. Егерева // Родина. – 2010. – № 2. – С. 53–55.

Елагин Н. В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской / Н. В. Елагин. – СПб. : Тип. Мор. Кадет. корпуса, 1853. – 152 с.

Елагин Н. В. Очерк жизни князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова / Н. В. Елагин. – СПб. : Тип. 2-го Отдния Собств. е. и. в. канцелярии, 1855. – [2], IV, 162 с.

Еленев Н. А. Великая княгиня Екатерина Павловна в Богемии в 1813 г. / Н. А. Еленев. – Прага : Гос. тип., 1936. – 99 с.

Ельницкий А. Ростопчин / А. Ельницкий // Русский биографический словарь. – СПб., 1918. – Т. 17 : Романов – Рясовский. – С. 239–305.

Ермашов Д. В. У истоков российского консерватизма : Н. М. Карамзин / Д. В. Ермашов, А. А. Ширинянц ; [под ред. А. А. Ширинянца]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 239 с.

Жаринов Д. А. Впечатления от пожара и мнения современников / Д. А. Жаринов // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1912. – Т. 4. – С. 152–161.

Жаринов Д. А. Первые впечатления войны. Манифесты / Д. А. Жаринов // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1912. – Т. 3. – С. 170–180.

Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII в. / В. М. Живов // Век просвещения : Россия и Франция. – М., 1989. – С. 141–165.

Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века / В. М. Живов. – М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. – 272 с.

Живов В. М. Чувствительный национализм : Карамзин, Ростопчин и поиски национальной идентичности / В. М. Живов // Новое лит. обозрение. – 2008. – № 3 (91). – С. 114–140.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 590 с.

Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. – СПб. : Аксиома : Новатор, 1996. – 232 с.

Жмакин В. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский : биогр. очерк / протоиерей Василий Жмакин. – СПб. : Тип. Елеонского, 1885. – 157 с.

Жмакин В. Обличитель масонства : жизнеописание святителя Иннокентия Пензенского / протоиерей Василий Жмакин. – М. : Приход храма Святого Духа сошествия, 2006. – 190 с.

Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I / Т. Н. Жуковская. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. – 220 с.

Жуковская Т. Н. «Россия не Англия…» : образ России у Н. М. Карамзина / Т. Н. Жуковская // Образ России в научном, художественном и политическом дискурсах : (истории, теории, педагогическая практика). – Петрозаводск, 2001. – С. 105–112.

Журавлева О. М. Филарет (Дроздов) как представитель церковного консерватизма / О. М. Журавлева // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 141–152.

Завитневич В. З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование Императора

Александра I / В. З. Завитневич. – Киев : Тип. И. И. Горбунова, 1907. – 49 с.

Загвоздкин Д. Г. Сравнительный анализ некоторых политических концепций Э. Бёрка и Н. М. Карамзина // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм. – С. 48–50.

Загоскин Н. П. Из времен Магницкого : страничка из истории Казанского университета 20 гг. / Н. П. Загоскин. – Казань : Тип. т-ва Печенкина и К°, 1894. – 25 с.

Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904) / Н. П. Загоскин. – Казань : Типо-литогр. Импер. Казан. ун-та, 1902–1904. – Т. 1, ч. 1. – 1902. – 641 с. ; Т. 2, ч. 2. – 1902. – 698 с. ; Т. 3, ч. 2 (окончание), 4. – 1903. – 594 с. ; Т. 4, ч. 3 (окончание). – 1904. – 692 с.

Замотин И. И. «Русский вестник» С. Н. Глинки // Отечественная война и русское общество 1812 г. – М., 1912. – Т. 5. – С. 130–138.

Западов А. В. Из истории «Беседы любителей русского слова» / А. В. Западов // Литературный архив. – М. ; Л., 1938. – Т. 1. – С. 401–403.

Западов В. А. Державин и Руссо / В. А. Западов // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. – Л., 1974. – С. 55–65.

Западов В. А. Державин – полемист / В. А. Западов // Рус. лит. – 1992. – № 2. – С. 68–75.

Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени / К. Я. Здравомыслов. – Новгород : Тип. Игнатовского, 1897. – 255 с.

Здравомыслов К. Я. Серафим / К. Я. Здравомыслов // Русский биографический словарь. – СПб., 1904. – Т. 18 : Сабанеев – Смыслов. – С. 344–346.

Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии : «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова / Е. Е. Земскова // Философский век : альманах. – СПб., 2000. – Вып. 12 : Российская утопия : от идеального государства к совершенному обществу. – С. 86–98.

Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М. : Акад. проект : Раритет, 2001. – 878 с.

Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I / [Соч.] П. Знаменского. – Казань : Тип. Ун-та, 1885. – [2], 248, IV с.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла… : литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. / А. Зорин. – М. : Новое лит. обозрение, 2001. – 414 с.

Иванов А. А. Последние защитники монархии : фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. А. Иванов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 208 с.

Иванов О. А. Формирование консервативной программы Министерства народного просвещения во второй половине 20-х гг. XIX в. / О. А. Иванов // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 218–226.

Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции / П. И. Иванов. – СПб. : Тип. правительств. сената, 1863. – 183 с.

Иконников В. С. Г. Р. Державин в своей государственной и общественной деятельности : речь, читанная в торжественном собрании Отделения русского языка и словесности Академии наук, 9 октября 1916 г. / В. С. Иконников – Киев : Тип. Ун-та св. Владимира, 1917. – 84 с.

Ильина К. А. «Вера и ведение» в переписке М. Л. Магницкого и Г. Б. Никольского / К. А. Ильина // Православный собеседник. – Казань, 2006. – Вып. 1 (11), ч. 2. – С. 116–123.

Ильина К. А. Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века) / К. А. Ильина // Образование и просвещение в губернской Казани : сб. ст. – Казань, 2009. – Вып. 2. – С. 111–116.

Ильина К. А. Письма М. Л. Магницкого И. М. Симонову / К. А. Ильина // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 2007. – № 2. – С. 151–156.

Ильина К. А. Попечитель учебного округа / К. А. Ильина // Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А. Н. Бикташева, М. Х. Гизатуллин, К. А. Ильина. – Казань, 2006. – С. 100–127.

Ильина К. А. Школы Казанского учебного округа в переписке попечителя М. Л. Магницкого и ректора Г. Б. Никольского /

К. А. Ильина // Образование и просвещение в губернской Казани : сб. ст. – Казань, 2008. – С. 67–73.

Императрица Мария Федоровна : личность, события, коллекции : [Павловские чтения]. – СПб. : Арт-Палас, 2000. – 78 с.

Ионин Г. Н. Карамзин об английских историках и французских просветителях, о республике как о прекрасной утопии / Г. Н. Ионин // XVIII век. – Л., 1981. – Сб. 13. – С. 192–204.

Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике : 1800–1810 гг. / Г. Н. Ионин // XVIII век. – Л., 1981. – Сб. 15. – С. 192–204.

Искюль С. Н. Из истории династической политики : обручение Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского / С. Н. Искюль // Россия в XIX – XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – С. 119–125.

Исследования по консерватизму : материалы междунар. науч. конф. / [редкол. : П. Ю. Рахшмир (гл. ред.) и др.]. – Пермь : Перм. ун-т, 1994. – Вып. 1 : Консерватизм в современном мире. – 152 с. ; 1995. – Вып. 2 : Консерватизм в политическом и духовном измерениях. – 124 с. ; 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм : созвучия и диссонансы : (к 125-летию со дня рождения П. Б. Струве). – 201 с. ; 1997. – Вып. 4 : Реформы : политические, социально-экономические и правовые аспекты. – 232 с. ; 1998. – Вып. 5 : Политика и культура в контексте истории : памяти Л. Е. Кертмана. – 164 с. ; 2000. – Вып. 6 : Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. – 204 с.

Исторические метаморфозы консерватизма / отв. ред. П. Ю. Рахшмир. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1998. – 247 с.

История экономической мысли в России / [под ред. А. Н. Марковой]. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1996. – 136 с.

Йена Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга /Д. Йена ; [пер. с нем. Ж. А. Колобовой]. – М. : Астрель : АСТ, 2006. – 415 с.

Каганович Б. С. Андрей Никилаевич Шебунин (1887–1940) / Б. С. Каганович // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 206–229.

Казаков Р. Б. Зажиточный поселянин Н. М. Карамзина / Р. Б. Казаков // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : (землевладение, землепользование, производство, менталитет). – М., 2000. – С. 46–49.

Казаков Р. Б. Идеальное государство в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» Н. М. Карамзина : проблемы источниковедения / Р. Б. Казаков // Российская государственность : традиции, преемственность, перспективы. – М., 1999. – С. 47–51.

Казаков Р. Б. Крестьянство и власть в сочинениях Н. М. Карамзина : проблемы источниковедения / Р. Б. Казаков // Народ и власть : исторические источники и методы исследования. – М., 2004. – С. 87–98.

Калачов Н. В. О значении Карамзина в истории русского законодательства / Н. Калачов. – М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1866. – 23 с. – (Моск. унив. изв. 1866. № 3. С. 205–227).

Калашников М. В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н. М. Карамзина / М. В. Калашников // Философия и образование : интеллектуальные традиции и новации : сб. науч. ст. – Саратов, 2002. – С. 35–51.

Кандаурова Т. Гений зла и блага : слово в защиту Аракчеева / Т. Кандаурова // Родина. – 2000. – № 3. – С. 56–60.

Канунова Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религии (1820–1840-е гг.) / Ф. З. Канунова, И. А. Айзикова. – Новосибирск : Сибир. хронограф, 2001. – 304 с.

Карнович Е. П. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря / Е. П. Карнович // Рус. старина. – 1875. – № 7. – С. 300–332 ; № 8. – С. 439–489.

Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий / Е. П. Карнович. – М. : Book Chamber International, 1994. – 400 с.

Карнович Е. П. Князь А. Н. Голицын и его время / Е. П. Карнович // Ист. вестн. – 1882. – № 4. – С. 5–397 ; № 5. – С. 244–269.

Карпец В. И. Муж отечестволюбивый : ист.-лит. очерк : [о А. С. Шишкове] / В. И. Карпец. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 94 с.

Карсавин Л. П. Жозеф де Местр / Л. П. Карсавин // Вопр. философии. – 1989. – № 3. – С. 93–118.

Карцов А. С. Русские консервативные мыслители о природе права / А. С. Карцов // Учен. зап. юрид. фак. С. -Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов. – 1996. – Вып. 1. – С. 55–62.

Карцов А. С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция / А. С. Карцов // Консерватизм и либерализм : история и современные концепции. – СПб., 2002. – С. 41–56.

Кизеветтер А. А. Император Александр I и Аракчеев / А. А. Кизеветтер // Исторические очерки. – М., 1912. – С. 287–401.

Кизеветтер А. А. Император Александр I и Аракчеев / А. А. Кизеветтер // Исторические силуэты / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д, 1997. – С. 313–432.

Кизеветтер А. А. Н. М. Карамзин / А. А. Кизеветтер // Рус. ист. журн. – 1917. – № 1/2. – С. 9–26.

Кизеветтер А. А. 1812 г. Ф. В. Ростопчин / А. А. Кизеветтер // Исторические отклики / А. А. Кизеветтер. – М., 1915. – С. 25–187.

Кизеветтер А. А. 1812 г. Ф. В. Ростопчин / А. А. Кизеветтер // Исторические силуэты / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д, 1997. – С. 167–310.

Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. – М. : РОССПЭН, 2001. – 461 с.

Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1982. – Вып. 604. – С. 48–64.

Киселева Л. Н. Жизнь за царя : (слово – музыка – идеология в русском театре 1830-х годов) / Л. Н. Киселева // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. – М. ; Венеция, 1999. – С. 173–185.

Киселева Л. Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х годов / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1985. – Т. 645. – С. 3–20.

Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности русской литературы между Тильзитским миром и Отечественной войной (1807–1812) : автореф. дис. … филол. наук / Л. Н. Киселева. – Тарту, 1982. – 16 с.

Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» : (С. Н. Глинка, Е. Я. Станевич) / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1983. – Вып. 620. – С. 18–30.

Киселева Л. Н. Карамзинисты – творцы официальной идеологии : (заметки о российской жизни) / Л. Н. Киселева // Тыняновский сборник. – М., 1998. – С. 24–39.

Киселева Л. Н. Литературная жизнь России 1800-х гг. в «Записках современника» / Л. Н. Киселева // Записки современника : воспоминания старого театрала : в 2 т. / С. П. Жихарев. – Л. : Искусство, 1989. – Т. 2. – С. 414–419.

Киселева Л. Н. Начало русского «архаизма» / Л. Н. Киселева // Structure and tradition in Russian Society. – Helsinki, 1994. – С. 52–63.

Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) / Л. Н. Киселева // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1981. – Вып. 513. – С. 52–72.

Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в Николаевскую эпоху : (сусанинский сюжет) / Л. Н. Киселева // Лотмановский сборник. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 279–302.

Кислягина Л. Г. Н. М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения // Человек эпохи Просвещения. – М. : Наука, 1999. – С. 48–61.

Кислягина Л. Г. Формирование идеи самодержавия в политической концепции Н. М. Карамзина / Л. Г. Кислягина // Вопросы методологии и истории исторической науки. – М., 1977. – С. 134–156.

Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина / Л. Г. Кислягина // История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 1. – С. 480–514.

Китаев В. А. Век XIX : пути русской мысли : науч. тр. / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – 355 с.

Китаев В. А. К спорам о консерватизме Карамзина : (А. Н. Пыпин и его оппоненты) / В. А. Китаев // Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – Вып. 18. – С. 146–162.

Китаев В. А. Николай Михайлович Карамзин / В. А. Китаев // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 171–195.

Китаев В. А. У истоков русского консерватизма : (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) / В. А. Китаев // Материалы XI науч. конф. профессорско-преподавательского состава Волгогр. ун-та. – Волгоград, 1994. – С. 131–137.

Клиер Д. Д. Россия собирает своих евреев : происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825 / Дж. Д. Клиер. – М. : Мосты культуры, 2000. – 351 с.

Ключевский В. О. Н. М. Карамзин / В. О. Ключевский // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 242–244.

Коваленко А. Ю. Эпоха Александра I в контексте государственной деятельности А. А. Аракчеева / А. Ю. Коваленко. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КГПИ, 1999. – 76 с.

Коваль Е. И. От монархической идеи к консервативной : Ф. Р. Шатобриан и развитие русской политической мысли в первой половине XIX века / Е. И. Коваль, М. В. Назукина // Полис : Полит. исслед. – 2005. – С. 92–101.

Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников / В. П. Козлов. – М. : Наука, 1989. – 223 с.

Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России : центрально-нечерноземные губернии / С. А. Козлов. – М. : РОССПЭН, 2002. – 557 с.

Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / А. Койре. – М. : Регнум, 2003. – 302 с.

Коломинов В. Адмирал – детям : [о литературном творчестве А. С. Шишкова, 1754–1841] / В. Коломинов // Нева. – 1996. – № 2. – С. 229–231.

Коломинов В. В. Храм муз словесных : (из истории Российской академии. 1783–1841) / В. В. Коломинов, М. Ш. Файнштейн. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 151 с.

Комментарии // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 867–1059.

Кондаков Ю. Е. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) : обстоятельства ее создания / Ю. Е. Кондаков // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 129–142.

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (Спасский) как деятель «православной оппозиции» / Ю. Е. Кондаков // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 68–99.

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время / Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2000. – 312 с.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России : эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2004. – 360 с.

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) / Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Нестор, 1998. – 224 с.

Кондаков Ю. Е. Еврейский вопрос во внутренней политике России первой четверти XIX в. / Ю. Е. Кондаков // Клио. – 1998. – № 4. – С. 88–92.

Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 334 с.

Кондаков Ю. Е. Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына / Ю. Е. Кондаков // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. – СПб., 1997. – С. 117–126.

Кондаков Ю. Е. «Русская симфония» – четыре века испытания на прочность : (государственная власть и церковные реформы в России XVI–XIX веков) / Е. Ю. Кондаков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – 218 с.

Кондратенко А. И. Жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина / А. И. Кондратенко. – Орел : Вешние воды, 2002. – 382 с.

Консерватизм в России и Западной Европе : сб. науч. работ / [редкол. : А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Истоки, 2005. – 212 с.

Консерватизм в России и мире : в 3 ч. / [редкол. : А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – Ч. 1. – 264 с. ; Ч. 2. – 258 с. ; Ч. 3. – 222 с.

Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. / [редкол. : А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время : сб. материалов науч. конф. / [редкол. : Л. М. Искра и др.]. – Воронеж : Истоки, 2005. – 278 с.

Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития : материалы круглого стола // Полис : Полит. исслед. – 1995. – № 4. – С. 33–59.

Коркунов Н. М. «Проект устройства Сената» Г. Р. Державина / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. Сената, 1896. – 16 с.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – 2-е изд., перераб. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. – Ч. 1. – 283 с.

Коровин В. Поэт и мудрец : книга об Иване Крылове / В. Коровин. – М. : ТЕРРА, 1996. – 472 с.

Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. В. Коротеева. – М. : РГГУ, 1999. – 139 с.

Костыря Л. П. Консервативная утопия Павла I и ее крах / Л. П. Костыря // Российский консерватизм : теория и практика : сб. науч. тр. – Челябинск, 1999. – С. 35–45.

Костыря Л. П. Пугачевщина и формирование российского консерватизма / Л. П. Костыря // Российский консерватизм : теория и практика : сб. науч. тр. – Челябинск, 1999. – С. 26–34.

Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и древнее благочестие / Н. Д. Кочеткова // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 697–704.

Кочеткова Н. Д. «Правосудие» и «милость» в поэзии Державина / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – СПб., 1996. – Сб. 20. – С. 72–78.

Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – Л., 1981. – Сб. 13. – С. 132–172.

Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения : адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887–1888. – 492 с.

Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения : адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев / А. А. Кочубинский. – Одесса : Тип. «Одес. вестн. », 1887–1888. – 492 с.

Кузнецов О. В. [Рецензия] / О. В. Кузнецов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2008. – № 1 (13). – С. 175–180. – Рец. на кн. : Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [отв. ред. А. Ю. Минаков]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 417 с.

Кульман Н. К. Михаил Иванович Невзоров / Н. К. Кульман // Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. – М. : СП «ИКПА», 1991. – Т. 2. – С. 203–225.

Кутина Л. Л. Александр Семенович Шишков. 1754–1841 / Л. Л. Кутина, М. Ш. Файнштейн // Рус. речь. – 1984. – № 4. – С. 117–123.

Ларионова Е. Судьба иезуитских школ в России в 1810-е годы / Е. Ларионова // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. – М. ; Венеция, 1999. – С. 164–172.

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство : философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) /

К. Н. Леонтьев ; [общ. ред, сост. и коммент. Г. Б. Кремнева ; вступ. ст. и коммент. В. И. Косика]. – М. : Республика, 1996. – 798 с.

Лившиц М. А. Н. М. Карамзин (1766–1826) / М. А. Лифшиц // Очерки русской культуры : из неизданного / М. А. Лифшиц. – М., 1995. – С. 95–106.

Лилеев М. Подробное описание рукописных сочинений Юрьевского архимандрита Фотия, хранящихся в Черниговской семинарской библиотеке // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1880. – 1. Смесь. – С. 1–18.

Линниченко И. А. Политические воззрения Н. М. Карамзина / И. А. Линниченко // Голос минувшего. – 1917. – № 1. – С. 125.

Лонгинов М. Н. «Беседа любителей русского слова» / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1856. – Т. LVII, № 5. – Отд. 5. – С. 6–18 ; Соч. / М. Н. Лонгинов. – М., 1915. – Т. 1. – С. 33–46.

Лонгинов М. Н. Еще шишковисты и карамзинисты (1911–1916) / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1857. – Т. LXIII, № 5. – Отд. 5. – С. 65–69 ; Соч. / М. Н. Лонгинов. – М., 1915. – Т. 1. – С. 157–161.

Лонгинов М. Н. Карамзинисты и славянофилы (1805–1817) / М. Н. Лонгинов // Современник. – 1857. – Т. 62, № 3. – Отд. 5. – С. 86–91 ; Соч. / М. Н. Лонгинов. – М., 1915. – Т. 1. – С. 134–139.

Лонгинов М. Н. Материалы для биографии и полного собрания сочинений гр. Ф. В. Ростопчина / М. Н. Лонгинов // Рус. арх. – 1868. – № 4. – С. 851–859.

Лонгинов М. Н. Новиков и масонские мартинисты / М. Н. Лонгвинов. – СПб. : Лань, 2000. – 672 с.

Лонгинов М. Н. Сочинения / М. Н. Лонгвинов. – М. : Изд. Л. Э. Бухгейма, 1915. – Т. 1 : История русской литературы XVIII и XIX столетия. – 614 с.

Лотман Ю. М. Архаисты-просветители / Ю. М. Лотман // Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1993. – Т. 3. – С. 356–367.

Лотман Ю. М. Карамзин : сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1997. – 832 с.

Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века / Ю. М. Лотман // Лит. учеба. – 1988. – № 4. – С. 88–95.

Лотман Ю. М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тарт.

ун-та. – 1975. – Вып. 358. – С. 168–322. – (Тр. по рус. и славян. филологии ; [т.] 24 : Литературоведение).

Лупарева Н. Н. «Божество-хранитель» : образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // Новик. – Воронеж, 2005. – Вып. 10. – С. 52–64.

Лупарева Н. Н. Деятельность и взгляды С. Н. Глинки : историография вопроса / Н. Н. Лупарева // Новик. – Воронеж, 2007. – Вып. 12. – С. 136–152.

Лупарева Н. Н. Консервативная трактовка проблемы крепостного права в России в начале XIX в. : на примере публицистики Сергея Николаевича Глинки / Н. Н. Лупарева // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук : межвуз. науч. сб. – Воронеж, 2007. – Вып. 5. – С. 92–95.

Лупарева Н. Н. Образ идеального русского человека в исторической концепции С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время : сб. материалов науч. конф. – Воронеж, 2005. – С. 12–30.

Любченко О. Н. Граф Ростопчин / О. Н. Любченко. – М. : Эксмос, 2000. – 477 с.

Лямина Е. Э. Граф Аракчеев : pro et contra [Вступ. ст.] / Е. Э. Лямина // Аракчеев : свидетельства современников. – М., 2000. – С. 5 –23.

Лямина Е. Э. Архаисты и неноваторы : [«Беседа любителей русского слова» в контексте литературной жизни России начала XIX в.] / Е. Э. Лямина // Новое лит. обозрение. – 1997. – № 27. – С. 67–74.

Лямина Е. Э. Новая Европа : мнения «деятельного очевидца». А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов / Е. Э. Лямина // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII – начало XX века. – М. ; Венеция, 1999. – С. 135–157.

Майофис М. Воззвание к Европе : литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов / М. Майофис. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 800 с.

Макушин А. В. [Рецензия] / А. В. Макушин // Вопр. истории. – 2003. – № 8. – С. 163–166. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Малинова О. Ю. Феномен нации в интерпретации либералов и консерваторов / О. Ю. Малинова // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт : материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2002. – С. 143–157.

Мамонов В. Ф. К вопросу о зарождении консерватизма в России / В. Ф. Мамонов // Российский консерватизм : теория и практика. – Челябинск, 1999. – С. 3–25.

Манхейм К. Консервативная мысль / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 572–582.

Марголис Ю. Д. Традиции Павла I в истории русской государственности / Ю. Д. Марголис, Т. Н. Жуковская // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб., 1995. – С. 27–40.

Марней Л. П. Финансовая политика России в первой четверти XIX века / Л. П. Марней // Экономическая теория. 2001. – М., 2002. – С. 117–171.

Мартин А. Александр Скарлатович Стурдза / А. Мартин // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 308–343.

Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество» : возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» / А. Мартин // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь, 1998. – С. 85–102.

Мартин А. «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова / А. Мартин // Консерватизм : идеи и люди. – Пермь, 1998. – С. 54–66.

Мартин А. Наполеоновские войны и истоки консервативной политики в России и Испании / А. Мартин // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт : материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2002. – С. 12–22.

Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808–1812 гг.) / А. Мартин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 85–116.

Мартин А. «Россия есть Европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) / А. Мартин // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5. – С. 14–22.

Мартин А. Ф. В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен / А. Мартин // Консерватизм : идеи и люди. – Пермь, 1998. – С. 67–79.

Мартин А. А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815–1823) / А. Мартин // Вопр. истории. – 1994. – № 11. – С. 145–151.

Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. – Репр. воспроизведение изд. 1914–1915 гг. – М. : ИКПА, 1991. – Т. 1. – 255 с. ; Т. 2. – 267 с.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века / Е. Н. Марасинова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 302 с.

Маркович А. Жозеф де Местр и Сент-Бев в письмах к Р. Стурдзе-Эвелинг / А. Маркович // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 33–34. – С. 379–456.

М-ев. Жозеф де Местр и его политическая доктрина // Рус. вестн. – 1889. – Май. – С. 220–238 ; Июнь. – С. 74–95.

Мейлах Б. С. А. С. Шишков и «Беседа любителей русского слова» / Б. С. Мейлах // История русской литературы. – М. ; Л., 1941. – Т. 5. – С. 183–197.

Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени / С. П. Мельгунов. – СПб. : [Б. и., б. г.]. – [301 с.].

Мельгунов С. П. Кто сжег Москву? / С. П. Мельгунов // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1911. – Т. 4. – С. 162–172.

Мельгунов С. П. Мистики и масоны / С. П. Мельгунов // Отечественная война и русское общество. – М., 1912. – Т. 2. – С. 46–80.

Мельгунов С. П. Ростопчин – Московский главнокомандующий / С. П. Мельгунов // Отечественная война 1812 г. и русское общество. – М., 1912. – Т. 4. – С. 34–83.

Мендельсон Н. М. Ростопчинские афишки / Н. М. Мендельсон // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1911. – Т. 4. – С. 83–91.

Мещерякова А. О. «Галломания» как оборотная сторона националистических воззрений Ф. В. Ростопчина / А. О. Мещерякова // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 43–51.

Мещерякова А. О. Генерал-губернаторство Ф. В. Ростопчина как воспроизведение опыта павловского царствования / А. О. Мещерякова // Новик. – Воронеж, 2005. – Вып. 10. – С. 45–52.

Мещерякова А. О. Идея русско-французского союза во внешнеполитической концепции графа Ф. В. Ростопчина / А. О. Мещерякова // Новик. – Воронеж, 2003. – Вып. 8. – С. 138–148.

Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России / А. О. Мещерякова. – Воронеж : Китеж, 2007. – 264 с.

Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 248 с.

Мильчина В. А. «И все ж не видел мир досель чудес так много!» : [Жозеф де Местр о России] / В. А. Мильчина // Родина. – 1992. – № 6/7. – С. 160–161.

Минаева Н. В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н. М. Карамзина / Н. В. Минаева // История СССР. – 1982. – № 5. – С. 150–159.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века / Н. В. Минаева. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – 290 с.

Минаков А. Ю. «Антифилософская» позиция русских консерваторов первой четверти XIX века : к истории попыток упразднения преподавания философии в императорской России / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2007. – № 1. – С. 152–154.

Минаков А. Ю. «Беседа любителей русского слова» / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 61–63.

Минаков А. Ю. Взгляды русских консерваторов первой трети XIX в. на развитие промышленного производства // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 6. – С. 75–79.

Минаков А. Ю. Вице-губернатор Магницкий Михаил Леонтьевич 1816–1817 / А. Ю. Минаков // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : ист.-биогр. очерки. – Воронеж, 2000. – С. 147–150.

Минаков А. Ю. Воззрения русских консерваторов первой трети XIX в. на перспективы развития промышленного производства и торговли в России / А. Ю. Минаков // Исторические записки : науч. тр. ист. фак. Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2007. – Вып. 13. – С. 43–50.

33. Заказ 1050

Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России / А. Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитар. науки. – Калининград, 2009. – Вып. 12. – С. 12–17.

Минаков А. Ю. Воронежский вице-губернатор М. Л. Магницкий (1816–1817). Либеральный управитель в традиционном социуме / А. Ю. Минаков // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. : материалы междунар. конф. – Тамбов, 2002. – С. 309–315.

Минаков А. Ю. Глинка Сергей Николаевич / А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 109–110.

Минаков А. Ю. Голицын А. Н. / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 118–121.

Минаков А. Ю. Державин Г. Р. / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 152–155.

Минаков А. Ю. Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Вестн. Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина. Сер.: Гуманитар. науки. – 2010. – Вып. 7 (87). – С. 7–15.

Минаков А. Ю. «Друг чести, друг народа» : консерватор А. С. Шишков / А. Ю. Минаков // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XX века. – М., 2003. – С. 111–126.

Минаков А. Ю. Екатерина Павловна / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 173–176.

Минаков А. Ю. Записка о древней и новой России / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 188–190.

Минаков А. Ю. Идеал государственного и общественного устройства в воззрениях русских консерваторов первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитар. науки. – Калининград, 2010. – Вып. 6. – С. 153–159.

Минаков А. Ю. Изучение русского консерватизма в современной российской историографии : некоторые направления и

тенденции / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитар. науки. – 2005. – № 1. – С. 104–122.

Минаков А. Ю. Изучение русского консерватизма на историческом факультете Воронежского государственного университета : научный и методический аспекты / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Пробл. высш. образования. – 2007. – № 1. – С. 47–53.

Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Клио. – 2003. – № 3 (22). – С. 26–31.

Минаков А. Ю. Карамзин Николай Михайлович / А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 192–195.

Минаков А. Ю. Карамзин Н. М. / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 224–225.

Минаков А. Ю. Князь Александр Николаевич Голицын – представитель мистико-космополитического консерватизма в царствование Александра I / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 186–189.

Минаков А. Ю. Консервативный проект М. Л. Магницкого : страница истории идейных поисков русской православной оппозиции в 20-е гг. XIX в. / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитар. науки. – 2000. – № 1. – С. 137–151.

Минаков А. Ю. Консерватизм / А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 217–220.

Минаков А. Ю. Консерватизм в России / А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский // Новая российская энциклопедия : в 12 т. – М., 2010. – Т. VIII (2). – С. 262–264.

Минаков А. Ю. Консерватизм в России / А. Ю. Минаков, А. В. Репников // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 6–18.

Минаков А. Ю. М. Л. Магницкий и его роль в борьбе «православной оппозиции» с Библейским обществом / А. Ю. Минаков // Церковь и ее деятели в истории России : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 140–145.

Минаков А. Ю. М. Л. Магницкий : к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерватo-

ров XIX века / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 1. – С. 58–92.

Минаков А. Ю. Магницкий Михаил Леонтьевич / А. Ю. Минаков // Воронежская энциклопедия. – Воронеж, 2008. – Т. 1 : А – М. – С. 465.

Минаков А. Ю. Магницкий Михаил Леонтьевич / А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 266–277.

Минаков А. Ю. Магницкий М. Л. / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 281–282.

Минаков А. Ю. Масонство и русский консерватизм / А. Ю. Минаков // Российская империя в исторической ретроспективе : сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. – Белгород ; Чернигов, 2010. – С. 71–75.

Минаков А. Ю. Международная научная конференция «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее» / А. Ю. Минаков // Исторические записки : науч. тр. ист. фак. Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2003. – Вып. 9. – С. 230–235.

Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Вопр. истории. – 2010. – № 11. – С. 36–49.

Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий / А. Ю. Минаков // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 267–307.

Минаков А. Ю. «Назвал я здешний край турецкою провинциею» : деятельность М. Л. Магницкого на посту воронежского вице-губернатора / А. Ю. Минаков // Исторические записки : науч. тр. ист. фак. Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2003. – Вып. 9. – С. 27–39.

Минаков А. Ю. Наполеонова невеста : жизнь и судьба великой княгини Екатерины Павловны / А. Ю. Минаков // Родина. – 2010. – № 7. – С. 110–112.

Минаков А. Ю. О консерватизме вообще и русском консерватизме в частности / А. Ю. Минаков // Православный образовательный вестник. – Воронеж, 1999. – С. 3–11.

Минаков А. Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – С. 267–280.

Минаков А. Ю. Особенности и политическая роль русского консерватизма первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2010. – № 1. – С. 72–76.

Минаков А. Ю. Особенности русского консерватизма в первой четверти XIX века // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 100–117.

Минаков А. Ю. Особенности русской консервативной традиции : уроки прошлого // Консерватизм : перспектива или альтернатива? : сб. науч. ст. / под ред. Ю. Н. Солонина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – С. 274–290.

Минаков А. Ю. Особенности становления русского консервативного национализма в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Ф. И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма : сб. ст. – Ростов н/Д, 2004. – Т. 1. – С. 73–78.

Минаков А. Ю. Отечественная война 1812 года : «звездный час» русского консерватизма // Русское время. – 2010. – № 3. – С. 55–63.

Минаков А. Ю. Охранитель народной нравственности : православный консерватор М. Л. Магницкий / А. Ю. Минаков // Ист. вестн. – М. ; Воронеж, 2000. – № 7/8. – С. 196–229.

Минаков А. Ю. «Погром» или ревизия? : (предисловие к публикации архивного документа «Отчет по обозрении Казанского университета» Магницкого М. Л.) / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире. – Воронеж, 2004. – Ч. 3. – С. 122–125.

Минаков А. Ю. Правое масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 13 (84). – Вып. 15. – С. 123–130.

Минаков А. Ю. Православие в системе взглядов ранних русских консерваторов / А. Ю. Минаков // Философия и будущее цивилизации : тез. докл. и выступлений на IV Рос. филос. конгр. (Москва, 20–28 мая 2005 г.). – М., 2005. – Т. 5. – С. 606–607.

Минаков А. Ю. Православный немец в Остзейском крае в николаевское царствование : А. И. Бюргер – издатель журнала «Радуга» / А. Ю. Минаков // Германия и Россия : события, образы, люди : сб. рос.-герм. исслед. – Воронеж, 2006. – Вып. 4. – С. 7–14.

Минаков А. Ю. [Предисловие] / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 8–10.

Минаков А. Ю. [Предисловие] / А. Ю. Минаков // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 7–18.

Минаков А. Ю. [Предисловие] / А. Ю. Минаков, С. Г. Алленов // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – Вып. 1. – С. 3–8.

Минаков А. Ю. [Предисловие к публикации: Отчет М. Л. Магницкого «О трехнедельном управлении Воронежской губернией»] / А. Ю. Минаков // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2000. – Вып. 8. – С. 207–211.

Минаков А. Ю. Представления об «идеальном» государственном и общественном устройстве в воззрениях ранних русских консерваторов / А. Ю. Минаков // Вісн. Чернігів. держав. пед. ун-ту. Сер.: Іст. науки. – Чернігів, 2006. – Вип. 33, № 3. – С. 65–71.

Минаков А. Ю. Радуга / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 395–399.

Минаков А. Ю. Разработка идеологии самодержавия в произведениях Н. М. Карамзина и М. Л. Магницкого / А. Ю. Минаков // Philosophia / [Каф. онтологии и теории познания филос. фак. Моск. ун-та]. – М., 2001. – № 3. – С. 15.

Минаков А. Ю. Рассуждение о старом и новом слоге / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 397–399.

Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время : сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 1. – С. 239–253.

Минаков А. Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова как манифест русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт : материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2002. – С. 183–193.

Минаков А. Ю. Роль великой княгини Екатерины Павловны в становлении русского консерватизма в первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков // Вісн. Чернігів. держав. пед. ун-ту. Сер.: Іст. науки. – Чернігів, 2008. – Вип. 52, № 5. – С. 49–55.

Минаков А. Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 7–17.

Минаков А. Ю. «Русский вестник» («Русской вестник») / А. Ю. Минаков, Н. Н. Лупарева // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 473–474.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии : новые подходы и тенденции изучения / А. Ю. Минаков // Отеч. история. – 2005. – № 6. – С. 133–142.

Минаков А. Ю. Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX века / А. Ю. Минаков // Рос. история. – 2010. – № 4. – С. 154–167.

Минаков А. Ю. Стурдза Александр Скарлатович / А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 522–523.

Минаков А. Ю. «Тверская полубогиня»: великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической «партии» / А. Ю. Минаков // Россия XXI. – 2010. – № 4. – С. 102–123.

Минаков А. Ю. Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8. – С. 18–19.

Минаков А. Ю. Шишков А. С. / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в. : энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 588–590.

Минаков А. Ю. Шишков Александр Семенович / А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М., 2005. – С. 624–625.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 7 (62), вып. 10. – С. 143–150.

Минаков А. Ю. Эволюция православно-монархической идеологии в первой четверти XIX века в произведениях А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина и М. Л. Магницкого / А. Ю. Минаков // Ист. вестн. – М. ; Воронеж, 2001. – № 2/3. – С. 536–540.

Минаков А. Ю. Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX в. / А. Ю. Минаков // Консерватизм : социально-экономические учения : сб. ст. – СПб., 2009. – С. 77–97.

Мирзоев Е. Б. «Записка» Карамзина и проекты М. М. Сперанского : два взгляда на российское самодержавие / Е. Б. Мирзоев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2001. – № 1. – С. 61–75.

Мирзоев Е. Б. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) // Новая и новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 109–119.

Мирзоев Е. Б. «Республиканец в душе» : (к вопросу о политических взглядах Н. М. Карамзина) / Е. Б. Мирзоев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2005. – № 6. – С. 64–78.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы : политическая борьба в России в начале XIX века / С. В. Мироненко. – М. : Наука, 1989. – 238 с.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия : политическая история России первой половины XIX столетия / С. В. Мироненко. – М. : Мысль, 1990. – 235 с.

Миропольский С. Фотий Спасский, юрьевский архимандрит : ист.-биогр. очерк / С. Миропольский // Вестн. Европы. – 1878. – № 11. – С. 8–59 ; № 12. – С. 587–636.

Михайлова Н. В. Консервативный реванш / Н. В. Михайлова // Российский консерватизм : теория и практика : сб. науч. тр. – Челябинск, 1999. – С. 46–65.

Михайловский М. Г. А. С. Шишков / М. Г. Михайловский // Вестн. Совета Федерации. – 2007. – № 6. – С. 29–30.

Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2004. – 606 с.

Модзалевский Б. Л. Александр Федорович Лабзин / Б. Л. Модзалевский. – СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1904. – 44 с.

Молчанов В. Ф. Государственный канцлер России Н. П. Румянцев / В. Ф. Молчанов. – М. : Пашков дом, 2004. – 575 с.

Молчанова Е. Ю. Проблема определения понятий «консерватизм» и «неоконсерватизм» в западной и отечественной политологической литературе / Е. Ю. Молчанова. – М. : ИНИОН, 1994. – 25 с.

Мордвинов И. П. Граф Алексей Андреевич Аракчеев : библиогр. указ. лит. о нем / сост. И. П. Мордвинов. – Новгород : [Б. и.], 1893. – 15 с.

Мордовченко Н. И. Полемика о «старом» и «новом слоге» / Н. И. Мордовченко // Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. – М. ; Л., 1959. – С. 77–98.

Морошкин Я. Л. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря / Я. Л. Морошкин // Рус. старина. – 1876. – Т. 17, № 10. – С. 297–316.

Морошкин М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени / Я. Л. Морошкин. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1867–1870. – Ч. 1, 2.

Моторин А. В. Возрождение православной мистики в России / А. В. Моторин // Христианская культура. Пушкинская эпоха и христианская культура. – СПб., 1998. – Вып. 17. – С. 50–64.

Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности : сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII – начала XIX века / Г. И. Мусихин. – СПб. : Алетейя, 2004. – 288 с.

Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале : сравнительный анализ германского и российского консерватизма / Г. И. Мусихин. – СПб. : Алетейя, 2002. – 255 с.

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза / В. К. Надлер. – Рига : Н. Киммель, 1886–1892. – Т. 1. – 1886. – 378 с. ; Т. 2. – 1886. – 384 с. ; Т. 3. – 1887. – 432 с. ; Т. 4. – 1888. – 458 с. ; Т. 5. – 1892. – 643 с.

Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция / В. К. Надлер. – Харьков : Унив. тип., 1882. – 286 с.

Нечипоренко Д. В. Истоки «Священного союза» / Д. В. Нечипоренко // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 8, История. – 2000. – № 5. – С. 56–88.

Николай Михайлович (вел. князь). Император Александр I : опыт исторического исследования / Великий князь Николай Михайлович. – М. : Богородский печатник, 1999. – 320 с.

Николай Михайлович (вел. князь). Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной / Великий князь Николай Михайлович. – СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. – 320 с.

Николай Михайлович (вел. князь). Русские портреты XVIII и XIX столетий / Великий князь Николай Михайлович. – СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905. – Т. 4. – 708 с.

Николай Михайлович Карамзин : его жизнь и сочинения : сб. ист.-лит. ст. / сост. В. И. Покровский. – 3-е изд., доп. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. – 171 с.

Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1866. – Ч. II. – 505 с.

Нольде А. Э. М. М. Сперанский : биография / А. Э. Нольде. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2004. – 298 с.

Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Журавлев. – М. : РОССПЭН, 2005. – 637 с.

Овчинников Г. Д. «И дышит умом и юмором того времени...» : (о литературной репутации Ф. В. Ростопчина) / Г. Д. Овчинников // Рус. лит. – 1991. – № 1. – С. 148–155.

Овчинников Г. Д. «Чего лучше быть русским?» : граф Ф. В. Ростопчин – литератор / Г. Д. Овчинников. – Владимир : Транзит-Икс, 2008. – 183 с.

Олейников Д. И. Патриархальный консерватизм / Д. И. Олейников // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм. – С. 61–63.

Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) / И. В. Омельянчук. – Киев : МАУП, 2006. – 738 с.

Очерк жизни Михаила, митрополита С.-Петербургского, Новгородского, Эстляндского. – М. : Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1857. – 47 с.

Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – Т. 4 : Общественная мысль. – 528 с.

Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. / Г. Е. Павлова. – М. : Наука, 1990. – 238 с.

Пайпс Д. Заговор : объяснение успехов и происхождение «параноидального стиля» / Р. Пайпс // Новое лит. обозрение. – 2000. – № 41. – С. 6–26.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики : исследование политической культуры / Р. Пайпс. – М. : Новое изд-во, 2008. – 252 с.

Палицын Н. А. Манифесты, написанные Шишковым в отечественную войну, и патриотическое их значение / Н. А. Палицын // Рус. старина. – 1912. – № 6 (Июнь). – С. 477–491.

Парсамов В. С. «Апокалипсис дипломатии» : («Акт о Священном Союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местр и Александра Стурдзы) / В. С. Парсамов // Освободительное движение в России. – Саратов, 2003. – Вып. 20. – С. 44–66.

Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм / В. С. Парсамов. – М. : ПОЛИМЕД, 2001. – 240 с.

Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи / В. С. Парсамов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 180 с.

Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Михаил Орлов : (к истокам политической биографии декабриста) / В. С. Парсамов // Отеч. история. – 2001. – № 1. – С. 24–45.

Петров М. Н. Три эпиграммы А. С. Пушкина? : (мнение историка) / М. Е. Петров // Пушкин и другие. – Новгород, 1997. – С. 98–107.

Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века : формирование системы университетского образования : [в 4 кн.] / Ф. А. Петров. – М. : Гос. изд. музей, 1998–2001.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России : в 4 т. / Ф. А. Петров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002–2003.

Пивоваров Ю. С. Карамзин и начало русского Просвещения / Ю. С. Пивоваров // Социум. – 1993. – № 26/27. – С. 55–65.

Пивоваров Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия / Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИОН РАН, 1997. – 316 с.

Пиккио Р. «Предисловие о пользе книг церковных» М. В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма / Р. Пиккио // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. – Тарту, 1992. – С. 142–152.

Погодин М. Н. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года / М. Н. Погодин. – М. : Тип. Августа Семена, 1845. – 66 с.

Погодин М. П. Историческое похвальное слово Карамзину / М. П. Погодин // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 605–641.

Погодин М. П. Сперанский : критико-историческое исследование : (показания Я. И. Де-Санглена) / М. П. Погодин // Рус. арх. – 1871. – № 7/8. – С. 1096–1252.

Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры : первая половина XIX века / В. В. Познанский. – М. : Мысль, 1975. – 223 с.

Покровский К. В. Из полемической литературы 1813 г. : (московские обыватели и граф Ф. В. Ростопчин) / К. В. Покровский // Голос минувшего. – 1914. – Кн. 8. – С. 196–202.

Покровский М. Н. Александр I / М. Н. Покровский // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 245–249.

Полторак С. Н. [Рецензия] / С. Н. Полторак // Клио. – 2002. – № 3. – С. 226. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Польской С. В. «Законов отеческих прилежный блюститель» : политические взгляды М. М. Щербатова / С. В. Польской // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 27–42.

Пономарева В. П. Правовые взгляды Н. Карамзина / В. П. Пономарева // Отечественная и всеобщая история : методология, источниковедение, историография. – Брянск, 1993. – С. 128–131.

Попов А. Н. Граф Местр и иезуиты в России / А. Н. Попов // Рус. арх. – 1892. – № 6. – С. 160–196.

Попов А. Н. Москва в 1812 г. / А. Н. Попов // Рус. арх. – 1875. – № 7. – С. 269–325 ; № 8. – С. 365–402 ; № 9. – С. 6–47 ; № 10. – С. 129–198 ; № 11. – С. 257–289.

Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 г. / А. Н. Попов // Рус. арх. – 1876. – № 2. – С. 223–248 ; № 3. – С. 316–349 ; № 4. – С. 440–464 ; № 5. – С. 53–80 ; № 6. – С. 161–199 ; № 7. – С. 285–302 ; № 8. – С. 369–387.

Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года / А. Н. Попов // Рус. арх. – 1892. – № 1. – С. 341–378 ; № 2. – С. 399–418.

Попов К. Юрьевский архимандрит Фотий и его церковно-общественная деятельность / К. Попов // Тр. Киев. духов. акад. – 1875. – № 2 (февр.). – С. 372–384 ; № 6 (июнь). – С. 696–817.

Попов Н. А. Дело Верещагина в Сенате в 1812–1816 г. / Н. А. Попов // Чтения в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – 1866. – Кн. 4 (окт. – дек.). – С. 2–16.

Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1804 по 1834 г. / Н. А. Попов // Рус. вестн. – 1859. – Т. 23, № 17. – С. 52–98.

Попов Э. А. Русский консерватизм : идеология и социально-политическая практика / Э. А. Попов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 196 с.

Посконина О. В. Изложение политических воззрений Ж.-Ж. Руссо представителями консервативного дворянства России / О. В. Посконина, В. В. Посконин // Государство и общество. – СПб. ; Ижевск, 1999. – № 2. – С. 116–127.

Предтеченский А. В. Англомания / А. В. Предтеченский // Из творческого наследия / А. В. Предтеченский. – СПб., 1999. – С. 40–101.

Предтеченский А. В. О перлюстрации писем в начале XIX в. : (секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем) / А. В. Предтеченский // Из творческого наследия / А. В. Предтеченский. – СПб., 1999. – С. 17–40.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / А. В. Предтеченский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 465 с.

Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки / А. В. Предтеченский // Из творческого наследия / А. В. Предтеченский. – СПб., 1999. – С. 118–132.

Пресняков А. Е. Российские самодержцы / А. Е. Пресняков. – М. : Книга, 1990. – 464 с.

Прокофьев А. В. Морализирующий традиционализм адмирала Шишкова : (страница из российской истории идей начала XIX века) / А. В. Прокофьев // Вопр. философии. – 1999. – № 4. – С. 107–119.

Прокофьев А. В. А. С. Шишков : языковая утопия российского традиционализма и ее истоки / А. В. Прокофьев // Философский век : альманах. – СПб., 1998. – Вып. 5. – С. 249–257.

Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. А. Проскурин. – М. : ОГИ, 2000. – 366 с.

Проскурин О. А. Новый Арзамас – Новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте / О. А. Проскурин // Новое лит. обозрение. – 1996. – № 19. – С. 73–128.

Проскурин О. А. У истоков мифа о «новом слоге» : (кого и зачем цитировал адмирал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» / О. А. Проскурин // Лотмановский сборник. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 153–172.

Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [отв. ред. А. Ю. Минаков]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 417 с.

Пустарнаков В. Ф. К вопросу о типологии течений русской философско-исторической мысли второй половины XVIII – первой трети XIX в. / В. Ф. Пустарнаков // Отечественная философия : опыт, проблемы, ориентации исследования. – М., 1990. – Вып. 5. – С. 3–24.

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб. : Акад. проект, 2001. – 556 с.

Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I / А. Н. Пыпин. – Пг. : Огни, 1916. – 384 с. – (Исследования и статьи по эпохе Александра I ; т. 1).

Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 478 с.

Пыпин А. Н. Советы графа Ж. де Местра / А. Н. Пыпин // Современник. – 1886. – № 2. – С. 541–576.

Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов : ист. очерки / А. Н. Пыпин. – 4-е изд. – СПб. : Колос, 1909. – 520 с.

Пятковский А. П. Из истории нашего литературного и общественного развития / А. П. Пятковский. – 2-е изд., доп. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншель, 1889. – Ч. 1. – 298 с.

Раков В. М. Особенности российского традиционализма / В. М. Раков // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1995. – Вып. 2 : Консерватизм в политическом и духовном измерениях. – С. 70–79.

Раков В. М. Россия и Запад : традиция, традиционализм, консерватизм / В. М. Раков // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь, 1998. – С. 6–62.

Рахшмир П. Ю. Консервативный манифест князя Меттерниха / П. Ю. Рахшмир // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5 : Политика и культура в контексте истории. – С. 22–27.

Рахшмир П. Ю. Князь Меттерних : человек и политик / П. Ю. Рахшмир. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1999. – Т. 1. – 174 с.

Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции : общее и особенное // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1995. – Вып. 2 : Консерватизм в политическом и духовном измерениях. – С. 4–17.

Рейснер М. А. Идеология реакции / М. А. Рейснер // Отечественная война и русское общество. – М., 1912. – Т. 7. – С. 46–78.

Репина Л. П. «Персональная история» : биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус : индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 76–100.

Репников А. В. К вопросу о формировании российского консерватизма : (историографический аспект) / А. В. Репников //

Российские университеты в XVIII–XX веках. – Воронеж, 2008. – Вып. 9. – С. 90–102.

Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников. – М. : СигналЪ, 1999. – 160 с.

Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. – М. : Academia, 2007. – 520 с.

Репников А. В. Особенности современной историографии российского консерватизма / А. В. Репников // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени : сб. ст. к 90-летию со дня рождения М. Г. Седова. – Воронеж, 2005. – С. 37–60.

Рожанковская И. И. Судьба одного семейства : Карамзины. Вяземские / И. И. Рожанковская. – СПб. : Изд-во «Пушк. фонда», 2008. – 285 с.

Рождественский С. В. Из истории идеи народного просвещения в Александровскую эпоху / С. В. Рождественский // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. – Пг., 1922. – С. 382–396.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб. : [Б. и.], 1902. – II, 784 с.

Р. [омов] Р. [оман] [Рецензия] / Р. Р. // Свободная мысль. – 2001. – № 9. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления / [под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 472 с. – (Из содерж. : Консерваторы в поисках имперской стабильности. – Разд. 3. – С. 265–436).

Российские консерваторы / А. Н. Боханов [и др.]. – М. : Рус. мир, 1997. – 382 с.

Российский консерватизм : теория и практика : сб. науч. тр. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, 1999. – 120 с.

Ростиславлев Д. А. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России / Д. А. Ростиславлев // Человек эпохи Просвещения. – М., 1999. – С. 188–201.

Рудницкая Е. Л. «Устойчивость – первое условие общественного благополучия» : русская мысль пушкинского периода / Е. Л. Рудницкая // Отеч. история. – 1999. – № 3. – С. 3–24.

Рункевич С. Г. Фотий / С. Г. Рункевич // Русский биографический словарь. – СПб., 1901. – Т. 21. – С. 203–205.

Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века : Н. М. Карамзин / отв. ред. А. А. Ширинянц. – М. : Изд. Воробьев А. В., 2001. – 268 с.

Русские принцессы / Е. В. Прокофьева, М. В. Скуратовская, Н. М. Соротокина, С. А. Чеботарь. – М. : Вече, 2009. – 368 с.

Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.

Русский консерватизм : проблемы, подходы, мнения : «круглый стол» / публ. подгот. И. О. Христофоров // Отеч. история. – 2001. – № 3. – С. 103–133.

Савин А. Н. Жозеф де Местр / А. Н. Савин // Вестн. Европы. – 1900. – № 2. – С. 715–745.

Самовер Н. Пушкин, Вяземский и Жуковский : три взгляда на крепостничество (1819) / Н. Самовер // Россия и реформы. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 4–13.

Сапченко Л. А. Карамзин в движении времени / Л. А. Сапченко // Карамзин : pro et contra. – СПб., 2006. – С. 7–24.

Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин : судьба наследия (век XIX) / Л. А. Сапченко. – Ульяновск : УлГУ, 2003. – 380 с.

Сафонов М. М. Завещание Екатерины II / М. М. Сафонов. – СПб. : ЛИТА, 2001. – 312 с.

Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» / М. М. Сафонов // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. – СПб., 1996. – С. 529–541.

Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова – Г. Р. Державина / М. М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1978. – Т. 10. – С. 226–243.

Сафонов М. М. Михаил Михайлович Философов / М. М. Сафонов // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 93–112.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М. М. Сафонов. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 247 с.

Сахаров А. Н. Александр I / А. Н. Сахаров. – М. : Наука, 1998. – 285 с.

Сахаров А. Н. Александр I и Аракчеев / А. Н. Сахаров // Отеч. история. – 1998. – № 4. – С. 24–39.

Сахаров А. Н. Уроки «бессмертного историографа» / А. Н. Сахаров // История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин. – М., 1989. – Т. 1. – С. 415–514.

Сахаров В. И. Н. М. Карамзин и вольные каменщики : историко-биографические аспекты / В. И. Сахаров // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. – М., 2000. – С. 144–155.

Сахаров В. И. Просвещенный мистицизм Александровской эпохи / В. И. Сахаров // Рубежи. – 1998. – № 1. – С. 41–50.

Севастьянов Ф. Л. Консервативная альтернатива кодификации русского права в первой трети XIX в. : (к постановке проблемы) / Ф. Л. Севастьянов // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 171–190.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В. И. Семевский. – СПб. : Тип. «Обществ. польза», 1888. – Т. 1 : Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. – LIII, 625 с.

Семенов В. Л. Особенности формирования и политической судьбы российского консерватизма и либерализма / В. Л. Семенов // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм. – С. 88–95.

Сергеев С. М. Консерватизм : что «консервировать?» / С. М. Сергеев // Москва. – 2007. – № 3. – С. 185–189.

Сергеев С. М. «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880–1890-х годов : (к терминологии) / С. М. Сергеев // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. – М., 2003. – С. 35–60.

Серков А. И. История русского масонства XIX века / А. И. Серков. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2000. – 394 с.

Серман И. З. Два свидетеля своего времени – Шатобриан и Карамзин / И. З. Серман // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. – Саратов, 2001. – С. 206–218.

Серман И. З. Державин в новом веке / И. З. Серман // Новое лит. обозрение. – 1997. – № 27. – С. 54–66.

Серман И. З. Литературное дело Карамзина / И. З. Серман. – М. : РГГУ, 2005. – 327 с.

Сивков К. Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. – СПб., 1902. – Т. 5 : Герберский – Гогенлоэ. С. 290–297.

Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны

1812 года и отставка И. Каподистрия в 1822 г. / В. Г. Сироткин // Проблемы международных отношений и освободительных движений. – М., 1975. – С. 3–47.

Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I : дипломатия и разведка Наполеона и Александра в 1801–1812 гг. / В. Г. Сироткин. – М. : Алгоритм, 2003. – 416 с.

Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры (1700–1863) / А. М. Скабичевский. – СПб. : Ф. Павленков, тип. т-ва «Обществ. Польза», 1892. – 496 с.

Скоробогатов А. В. Генезис и эволюция Павла I до вступления на престол / А. В. Скоробогатов // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1998. – Т. 134. – С. 106–116.

Скоробогатов А. В. Образ идеального государства в политической доктрине Павла Первого / А. В. Скоробогатов // Философский век : альманах. – СПб., 2000. – Вып. 12 : Российская утопия : от идеального государства к совершенному обществу. – С. 60–85.

Скоробогатов А. В. Семиотика власти Павла I / А. В. Скоробогатов // Ab Imperio. – 2001. – № 1/2. – С. 165–190.

Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович : политический дискурс и социальная практика / А. В. Скоробогатов. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2004. – 346 с.

Славянофильство и западничество : консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого : реф. сб. / [отв. ред. Р. А. Гальцева ; сост. К. В. Душенко]. – М. : ИНИОН РАН, 1991–1992. – Вып. 1. – 191 с.

Славянофильство и современность : сб. ст. / [ред. кол. : Б. Ф. Егоров (отв. ред.) и др.]. – СПб. : Наука, 1994. – 259 с.

Слезскинский А. Архимандрит Фотий и графиня Орлова-Чесменская / А. Слезскинский // Рус. старина. – 1899. – № 11. – С. 319–324 ; 1902. – № 2. – 445–458 ; № 5. – С. 399–408 ; № 6. – С. 617–628 ; № 9. – С. 599–613 ; 1903. – № 10. – С. 147–164.

Смирнов А. Ф. Николай Михайлович Карамзин / А. Ф. Смирнов. – М. : Рос. газ., 2005. – 560 с.

Смит Д. У истоков русской масонофобии / Д. Смит // Образ врага. – М., 2005. – С. 80–101.

Смит Э. Национализм и модернизм : критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2004. – 458 с.

Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917 / И. К. Смолич. – М. : Изд-во Спас.-Преображен. Валаам. монастыря, 1997. – Ч. 1. – 798 с.

Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона / И. М. Снегирев. – М. : Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1856. – Ч. 1. – VIII, 144, 3 с. ; Ч. 2. – 313 с.

Собко Е. М. Великая княгиня Екатерина Павловна / Е. М. Собко // Вопр. истории. – 2004. – № 3. – С. 135–139.

Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия) / Т. Соколовская. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 1999. – 172 с.

Сокольская И. Б. Консерватизм : идея или метод? / И. Б. Сокольская // Полис : Полит. исслед. – 1998. – № 5. – С. 48–58.

Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995) : в 2 ч. / А. И. Солженицын. – М. : Рус. путь, 2001. – Ч. 1. – 508 с.

Соловьев Д. О графе Жозефе де Местре / Д. Соловьев // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 118–122.

Соловьев Э. Г. О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России : к постановке проблемы / Э. Г. Соловьев // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии. – М., 1994. – С. 3–47.

Соловьев Э. Г. У истоков российского консерватизма / Э. Г. Соловьев // Полис : Полит. исслед. – 1997. – № 3. – С. 137–147.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие в осаде : внесословная универсальная идеология как ответ на вызов эпохи / Ю. Б. Соловьев // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX в. : чтения памяти Л. В. Черепнина. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 113–126.

Соломенная Т. В. А. А. Аракчеев – помещик : (к вопросу о роли субъективного фактора в истории зажиточного помещичьего крестьянства России первой половины XIX в.) / Т. В. Соломенная, К. М. Ячменихин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2002. – № 5. – С. 52–57.

Сорокин Ю. А. Граф Ф. В. Ростопчин о царствовании Павла I / Ю. А. Сорокин // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). – Омск, 1994. – С. 5–15.

Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / [отв. ред. Е. А. Вишленкова]. – Казань : Мастер-Лайн, 2001. – 456 с.

Стеллецкий Н. Князь Голицын и его церковно-государственная деятельность / [Соч.] свящ. Н. Стеллецкого. – Киев : Тип. И. И. Горбунова, 1901. – 314 с.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века / Ю. В. Стенник. – СПб. : Наука, 2004. – 277 с.

Стенник Ю. В. Православие и масонство в России XVIII века : (к постановке проблемы) / Ю. В. Стенник // Рус. лит. – 1995. – № 1. – С. 76–92.

Степанов В. Л. «Национальная» экономика в России : консервативная утопия или реальная цель? / В. Л. Степанов // Отеч. история. – 2001. – № 3. – С. 121–124.

Степанов В. Л. Экономические взгляды Н. Я. Данилевского / В. Л. Степанов // Место России в мире и вызовы нового века : (к 180-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского) : материалы постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России». – М. ; СПб., 2003. – С. 254–257. – (Науч. тр. Междунар. союза экономистов и Вольн. экон. о-ва России ; т. 12 (40)).

Степанов М. [Шебунин А. М.]. Жозеф де Местр в России / М. Степанов // Литературное наследство. – М., 1937. – Т. 29–30. – С. 577–625.

Стоюнин В. Я. Александр Семенович Шишков : биография / В. Я. Стоюнин // Вестн. Европы. – 1877. – № 9. – С. 236–270 ; № 10. – С. 502–547 ; № 11. – С. 47–118 ; № 12. – С. 465–522.

Стоюнин В. Я. Исторические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1880. – Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. – 371 с.

Стурдза А. С. // Русский биографический словарь. – СПб., 1909. – [Т.] : Смеловский–Суворин. – С. 602–606.

Сулимов К. А. Тема консерватизма в научно-исторических представлениях / К. А. Сулимов // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 315–340.

Суслов М. Д. Новейшая историография российского консерватизма : его исследователи, критики и апологеты / М. Д. Суслов / Ab Imperio. – 2008. – № 1. – С. 253–288.

Суслов М. Д. Эволюция консервативной утопии в России в XIX веке / М. Д. Суслов // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История – 2003. – Вып. 4. – С. 85–99.

Сухомлинов М. И. История Российской Академии / [Соч.] М. И. Сухомлинова. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1874–1887. – Вып. 1–8.

Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I // Исследования и статьи по истории русского просвещения / М. И. Сухомлинов. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 1–538.

Сухонин П. С. А. С. Шишков в его литературной деятельности / П. П. Сухонин // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1851. – Ч. 69, отд. 5. – С. 1–44.

Сухонин П. П. Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности / П. П. Сухонин. – [СПб., 1851]. – 44 с.

Сушков Н. В. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и Дружеского общества / Н. В. Сушков. – М. : Унив. тип., 1858. – XII, 100, 122 с.

Сушков Н. В. Три митрополита : Амвросий, Михаил и Серафим / Н. В. Сушков. – М. : Унив. тип., 1867. – 18 с.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е. В. Тарле. – М. : Воениздат, 1992. – 303 с.

Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай : легенды и быль 1812 года / А. Г. Тартаковский. – М. : Археогр. центр, 1996. – 367 с.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат : Ростопчин и пожар Москвы / А. Г. Тартаковский // Родина. – 1992. – № 6/7. – С. 88–93.

Теплов В. А. «Вестник Европы» Карамзина о Великой французской революции и формах правления / В. А. Теплов // XVIII век. – Л., 1969. – Сб. 8. – С. 269–280.

Терещенко А. Граф Ростопчин. 1782–1812 / А. Терещенко // Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Канцлеры. – СПб., 1837. – Ч. 2. – С. 203–224.

Тинина З. П. Самодержавие и Русская православная церковь в первой четверти XIX века / З. П. Тинина. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 1999. – 281 с.

Тихонравов Н. С. Гр. Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 г. / Н. С. Тихонравов // Отеч. зап. – 1854. – № 7, отд. 2. – С. 1–70.

Томсинов В. А. Аракчеев / В. А. Томсинов. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 429 с.

Томсинов В. А. Временщик : (А. А. Аракчеев) / В. А. Томсинов. – М. : ТЕИС, 1996. – 272 с.

Томсинов В. А. Светило российской бюрократии : исторический портрет М. М. Сперанского / В. А Томсинов. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 336 с.

Томсинов В. А. Сперанский / В. А. Томсинов. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 451 с.

Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – М. : Высш. шк., 1994. – 304 с.

Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов : мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М. : Центрполитграф, 2002. – 367 с.

Троцкий В. Шишков / В. Троцкий // Русский биографический словарь. – СПб., 1911. – Т. 23 : Шебанов–Шютц. – С. 316–320.

Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – 797 с.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. – [Л.] : Прибой, 1929. – 596 с.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин (1929) / Ю. Н. Тынянов // Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М., 1968. – С. 23–121.

Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика / Ю. Н. Тынянов. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 512 с.

Улыбин В. В. Александр I. Обратная сторона царствования : власть и тайные общества в 1801–1825 годах / В. В. Улыбин. – СПБ. : Алетейя, 2004. – 239 с.

Улыбин В. В. Архимандрит Фотий (Спасский) и графиня А. А. Орлова-Чесменская / В. В. Улыбин. – СПб. : [Б. и.], 2001. – 141 с.

Улыбин В. В. Яко ад сокрушилися… / В. В. Улыбин. – СПб., М. : Диоптра –Лествица, 2002. – 496 с.

Умбрашко К. Б. М. П. Погодин : путь к биографии Н. М. Карамзина / К. Б. Умбрашко // Археографический ежегодник за 1996 год. – М., 1998. – С. 196–210.

Уортман Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. – 605 с. ; Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II. – 796 с.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века : языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 215 с.

Успенский Б. А. Царь и патриарх : харизма власти в России : Византийская модель и ее русское переосмысление / Б. А. Успен-

ский. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 676 с.

Успенский Б. А. Язык Державина / Б. А. Успенский // Из истории русской культуры. – М., 1996. – Т. 4 : (XVIII – начало XIX в.). – С. 781–806.

Фадеева Т. М. У истоков идеологии европейского консерватизма / Т. М. Фадеева // Новая и новейшая история. – 1992. – № 6. – С. 57–76.

Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын / Р. Фаджионатто // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 218–266.

Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти… » : Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук / М. Ш. Файнштейн. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – 191 с.

Федоров Б. М. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки / Б. М. Федоров. – СПб. : [Б. и.], 1844. – 31 с.

Федоров В. А. А. А. Аракчеев (1769–1834) / В. А. Федоров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1993. – № 3. – С. 54–74.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев / В. А. Федоров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 256 с.

Федорова М. М. Либеральный консерватизм и консервативный либерализм / М. М. Федорова // От абсолюта свободы к романтике равенства : (из истории политической философии). – М., 1994. – С. 57–83.

Федорова М. М. Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века / М. М. Федорова. – М. : Ин-т философии РАН, 1997. – 185 с.

Федорова М. М. Традиционализм как антимодернизм / М. М. Федорова // Полис : Полит. исслед. – 1996. – № 2. – С. 143–160.

Федорова М. М. У истоков традиционализма : (политическая философия Жозефа де Местра) / М. М. Федорова // Консерватизм и социализм : близнецы или антиподы? – М., 1994. – С. 11–28.

Феоктистов Е. М. Жозеф де Местр в Петербурге / Е. М. Феоктистов // Рус. речь. – 1861. – № 27/28. – С. 87–96.

Феоктистов Е. М. Магницкий : материалы для истории просвещения в России / Е. М. Феоктистов // Рус. вестн. – 1864. – № 6. – С. 464–498 ; № 7. – С. 5–55 ; № 8. – С. 408–449.

Феоктистов Е. М. Магницкий / Е. М. Феоктистов. – СПб : Тип. Кесневиля, 1865. – 227 с.

Филатова-Шишкова В. «Неугомонный русопят» : к 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова / В. Филатова-Шишкова // Наш современник. – 2001. – № 4. – С. 284–287.

Филиппова Т. А. «Русские тори» : консерватизм и модернизация / Т. А. Филиппова // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1996. – Вып. 3 : Консерватизм и либерализм. – С. 56–60.

Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс : Вильнюс. правосл. епарх. упр., 1991. – 599 с.

Фотий (Спасский) // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауза, И. Л. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. 71. – С. 394–396.

Хатунцев С. В. Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / С. В. Хатунцев // Вопр. истории. – 2007. – № 10. – С. 166–168. – Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [отв. ред. А. Ю. Минаков]. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 417 с.

Хатунцев С. В. Консерватизм в России и мире / С. В. Хатунцев // Москва. – 2001. – № 12. – С. 212–213. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? / В. М. Холодковский // Вопр. истории. – 1966. – № 4. – С. 31–43.

Хотенков В. «Слепое орудие воли Государя» : [Ширинский-Шихматов] / В. Хотенков, Л. Иванова // Высш. образование в России. – 1998. – № 3. – С. 121–138.

Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам : конец 1850 – середина 1870-х гг. / И. А. Христофоров. – М. : Рус. слово, 2002. – 429 с.

Христофоров И. А. [Рецензия] / И. А. Христофоров // Отеч. история. – 2002. – № 5. – С. 200–203. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Худушина И. Ф. Александровский мистицизм и проблема обновления православной церкви в начале XIX в. / И. Ф. Худушина // Из истории религиозной философии в России XIX – начала XX века. – М., 1990. – С. 4–19.

Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.) / И. Ф. Худушина. – М. : ИФРАН, 1995. – 231 с.

Цензура в царствование Николая I // Рус. старина. – 1901. – № 7. – С. 151–167 ; № 8. – С. 395–404.

Цимбаев Н. И. Славянофильство : из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 269 с.

Цимбаева Е. Н. Русский католицизм : забытое прошлое российского либерализма / Е. Н. Цимбаева. – М. : УРСС, 1999. – 182 с.

Цамутали А. Н. Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. / А. Н. Цамутали // Религиозные движения в России при Александре I / А. Н. Пыпин. – СПб., 2004. – С. 5–16.

Человек эпохи Просвещения. – М. : Наука, 1999. – 223 с.

Чернавский М. Ю. О философских взглядах Жозефа де Местра / М. Ю. Чернавский // Актуальные проблемы гуманитарных наук : сб. ст. – М., 2003. – С. 56–64.

Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России / М. Ю. Чернавский. – М. : Рос. заоч. ин-т текстил. и лег. пром-сти, 2004. – 188 с.

Чернета В. Предтеча : (адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр) / В. Чернета, Б. Яковлев // Высш. образование в России. – 1999. – № 3. – С. 137–151 ; № 4. – С. 130–144.

Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика : записки психиатра / В. Ф. Чиж. – М. : Республика, 2001. – 416 с.

Чижевский Д. Баадер и Россия / Д. Чижевский // Новый журнал : The New Review. – New York, 1953. – Кн. 35. – С. 301–310.

Чимаров С. Ю. Адамант веры, или Архимандрит Фотий и его борьба с религиозно-мистическими организациями в России (первая четверть XIX века) / С. Ю. Чимаров // Клио. – 2000. – № 2 (11). – С. 219–223.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык / И. А. Чистович. – Репр. воспроизведение изд. 1899 г. – М. : Рос. библ. о-во, 1997. – [2], VI, 347 с.

Чистович И. А. Очерк из истории религиозного мистицизма в царствование Александра I / И. А. Чистович // Рус. старина. – 1894. – № 6 (июнь). – С. 120–134.

Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России / И. А. Чистович. – СПб. : Синод. тип., 1894. – [4], IV, 383 с.

Чудинов А. В. Масоны и Французская революция XVIII в. : дискуссия длиною в два столетия / А. В. Чудинов // Новая и новейшая история. – 1999. – № 1. – С. 45–69.

Чумиков А. А. М. Л. Магницкий в 1812–1844 гг. / А. А. Чумиков, П. А. Чумиков // Рус. старина. – 1875. – Т. 14, кн. 12 (декабрь). – С. 639–650.

Чумиков А. А. М. Л. Магницкий : новые данные для его характеристики / А. А. Чумиков, П. А. Чумиков // Рус. старина. – 1875. – Т. 14, кн. 11 (ноябрь). – С. 478–491.

Шаврыгин С. М. Творчество А. А. Шаховского в историко-литературном процессе 1800–1840-х годов / С. М. Шаврыгин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 180 с.

Шадури В. С. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии / В. С. Шадури. – Тбилиси : Заря Востока, 1951. – 384 с.

Шапошник В. В. Семья как модель государственного устройства в Московской Руси XVI в. : (по памятникам письменности) / В. В. Шапошник // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / С.-Петерб. ун-т. – СПб., 2006. – С. 538–556.

Шацилло М. К. Эволюция налоговой системы России в XIX веке / М. К. Шацилло // Экономическая история. 2002. – М., 2003. – С. 345–383.

Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи / А. Н. Шебунин // Письма к брату С. И. Тургеневу / Н. И. Тургенев. – М. ; Л., 1936. – С. 79–86.

Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века / А. Н. Шебунин. – Л. : Сеятель, 1925. – 231 с.

Шевченко М. М. Конец одного величия : власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ / М. М. Шевченко. – М. : Три квадрата, 2003. – 268 с.

Шевченко М. М. Сергей Семенович Уваров / М. М. Шевченко // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 344–410.

Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма / В. В. Шелохаев // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 50–61.

Шереметевский В. Голицын А. Н. / В. Шереметевский // Русский биографический словарь. – М., 1997. – [Т.] : Гоголь–Гюне. – С. 76–136.

Шильдер Н. К. Император Александр I : его жизнь и царствование : в 4 т. / Н. К. Шильдер. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897–1898.

Шильдер Н. К. Император Николай I : его жизнь и царствование : в 4 т. / Н. К. Шильдер. – М. : Чарли : Алгоритм, 1997. – Кн. 1. – 752 с. ; Кн. 2. – 640 с.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый : ист.-биогр. очерк / Н. К. Шильдер. – М. : Чарли : Алгоритм, 1996. – 540 с.

Шильдер Н. К. К истории Шкловской командировки Г. Р. Державина в 1799 г. / Н. К. Шильдер // Вестн. всемир. истории. – 1900. – № 1. – С. 140–147.

Шиппан М. «Ранний консерватизм» в Германии и русская мысль / М. Шиппан // Эволюция консерватизма : европейская традиция и русский опыт : материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2002. – С. 43–67.

Ширинский-Шихматов П. А. О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергия Александровича Шихматова / П. А. Ширинский-Шихматов. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1838. – 56 с.

Шмидт Т. З. Лоренц фон Штейн и социальный реформизм в Германии / Т. З. Шмидт // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5 : Политика и культура в контексте истории. – С. 27–30.

Шницлер И. Г. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году / И. Г. Шницлер ; [пер., предисл. и примеч. А. Ельницкого]. – СПб. : Лит.-науч. кн. изд-во, 1912. – 235 с.

Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века / В. Н. Шульгин. – СПб. : Нестор-история, 2009. – 495 с.

Шумигорский Е. С. Императрица Мария Феодоровна (1759–1828) : ее биография / Е. С. Шумигорский. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. – Т. 1. – VIII, 440, III с.

Щебальский П. К. А. С. Шишков, его союзники и противники. «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова». Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. Berlin, 1870 / П. К. Щебальский // Рус. вестн. – 1870. – № 11. – С. 193–254.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М. : Книга, 1983. – 176 с.

Эткинд А. [Примечания] // Богородицын корабль. Крылатый гость. Повесть о Татариновой / А. Радлова ; [публ., предисл. и примеч. А. Эткинда]. – М., 1997. – С. 175–188.

Эткинд А. «Умирающий Сфинкс» : круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции /

А. Эткинд // Studia Slavica Finlandesia. – Helsinki, 1996. – Т. 13. – С. 17–46.

Эфрос А. Юлия Крюденер и французские писатели / А. Эфрос // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 33–34. – С. 73–194.

Юлин В. А. Адмирал П. В. Чичагов / В. А. Юлин // Вопр. истории. – 2003. – № 2. – С. 50–72.

Яковенко С. Католическая идея в России XIX в. / С. Яковенко // Европейский альманах : История. Традиция. Культура. – М., 1994. – С. 46–55.

Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев / К. М. Ячменихин // Вопр. истории. – 1991. – № 12. – С. 37–50.

Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев / К. М. Ячменихин, Т. В. Соломенная // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 196–217.

Ячменихин К. М. «Аракчеевщина» : историографические мифы / К. М. Ячменихин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 117–128.

Ячменихин К. М. Военные поселения России в общественном мнении первой половины XIX в. / К. М. Ячменихин // Консерватизм в России и Западной Европе. – Воронеж, 2005. – С. 121–129.

Ячменихин К. М. Граф А. А. Аракчеев и Николай I / К. М. Ячменихин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2003. – № 1. – С. 25–39.

Ячменихин К. М. Семья Аракчеевых / К. М. Ячменихин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2002. – № 4. – С. 83–88.

Ячменихин К. М. Экономический потенциал военных поселений в России / К. М. Ячменихин // Вопр. истории. – 1997. – № 2. – С. 34–48.

Benz E. Die abendlaendische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche : die russische Kirche und das abendlädische Christentum im Zeitalter der Heiligen Allianz / E. Benz // Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen klasse. – Wiesbaden, 1950. – № 8. – P. 559–852.

Black J. L. Nicolas Karamzin and Russian society in the nineteenth century : a study in Russian political and historical thought / J. L. Black. – Toronto-Buffalo : Univ. of Toronto press, 1975. – 264 p.

Clardy J. V. Derzhavin : a political biography / J. V. Clardy. – Paris : Mouton, 1967. – 228 p.

Cross A. G. N. M. Karamzin's «Messenger of Europe» (Vestnik Yevropy), 1802–3 / A. G. Cross // Forum for modern language studies. – 1969. – Vol. 5, N 1. – P. 1–25.

Dudek G. Die Franzoesische Revolution im Urteil N. M. Karamzins / G. Dudek // Zeitschrift fuer Slavistik. – 1989. – Vol. 34, № 3. – S. 345–351.

Flynn J. T. Magnitskiis Purge of Kazan University : a Case in the Uses of Reaction in Nineteenth-Century Russia / J. T. Flynn // Journal of Modern History. – 1971. – Vol. 43, N 4. – P. 598–614.

Flynn J. T. The University Reform of tsar Alexander I. 1801–1835 / J. T. Flynn // The Catholic University of America press. – Washington, 1988. – [Ch. III]. – P. 71–181.

Hamburg G. M. Konservatizm v Rossii i mire: Proshloe i nastoiashchee. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 1. By A. Iu. Minakov. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 261 pp. Notes Chronology. Paper / G. M. Hamburg // Slavic Review. – 2003 (Spring). – Vol. 62, N 1. – P. 177–179. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Hamburg G. M. The Revival of Russian Conservatism / G. M. Hamburg // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. – 2005 (Winter). – Vol. 6. – P. 107–127. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Jenkins M. Arakcheev : Grand vizier of the Russian Empire / M. Jenkins. – New York : Dial Press, 1969. – 317 p.

Martin A. Romantics, reformers, reactionaries : Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I / A. Martin. – Dekalb : Northern Illinois University Press, 1997. – 294 p.

Martin A. The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergey N. Glinkas Russian Messenger (1808–1812) / A. Martin // Slavic Review. – 1998 (Spring). –Vol. 57, N 1. – P. 28–49.

Martin A. The invention of «russiannes» in the late 18th – early 19th century / A. Martin // Ab Imperio. – 2003. – N 3. – P. 169–192.

Minakov A. Russian Conservatism in Contemporary Russian Historiography New Approaches and Research Trends / A. Minakov // Russian Studies in History. – New York, 2009. – Vol. 48, N 2. – P. 8–29.

Nolte H.-H. [Review] / Prof. Dr. Hans-Heinrich Nolte. – URL: http://members. aol. com/cnoltevgws. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Nolte H.-H. [Review] / Prof. Dr. Hans-Heinrich Nolte // Zeitschrift für Weltgeschichte. – 2002. – N 1. – S. 164–165. – Рец. на кн. : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1. – 261 с.

Pipes R. Russian conservatism and its critics : a study in political culture / R. Pipes. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 2005. – XV, 216 p.

Prousis Th. C. Aleksandr Sturdza : a Russian conservative response to the Greek revolution / Th. C. Prousis // East Europ. quart. – Boulder (Col.), 1992. – Vol. 26, N 3. – P. 309–344.

Riasanovsky N. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1824–1855 / N. Riasanovsky. – Berkeley : Univ. of California Press, 1959. – 296 p.

Swoboda P. J. Minakov A. Iu., ed. Konservatism v Rossii i mire: Proshloe i nastoiashchee: Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 1. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 261 pp. ISBN 5-7455-1188-5 / Philip J. Swoboda, WI. Milwaukee // The Russian Review. An American quarterly devoted to Russia past and present. – Vol. 62, N 2. – P. 315–316.

Springer A. Gavriil Derzhavins Jewish Reform Project of 1800 / A. Springer // Canadian-American Slavic Studies. – 1976 (Spring). – Vol. 10, N 1. – P. 1–23.

Thaden E. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia / E. Thaden. – Seattle : Univ. of Washington Press, 1964. – 271 p.

Tompkins S. R. The Russian Bible Society – A Case of Religious Xenophobia / S. R. Tompkins // The American Slavic and East European Review. – 1948. – Vol. 7, N 3. – P. 251–268.

Wayne D. Konservatizm v Rossii I mire. Ed. A. Iu. Minakov. 3 vol. Voronezh: Iztel'stvo Vornezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. 264, 258, 222 Notes paper / D. Wayne // Slavic Review. – 2007. – Vol. 66, № 3. – P. 557–558.

Walker F. A. Reaction and Radikalism in the Russia of Tsar Alexander I : the Case of the Brothers Glinka / F. A. Walker // Canadian Slavonic Papers. – 1979 (Dec.). – Papers 21, N 4. – P. 489–502.

Walicki A. A History of Russian Thought : from the Enlighment to Marxism / A. Walicki. – Stanford : Univ. Press. – 456 p.

Wieczynski J. L. Apostle of Obscurantism : the Archimandrite Photius of Russia (1792–1838) / J. L. Wieczynski // The Journal of Ecclesiastical History. – London, 1971. – Vol. 22, N 4. – P. 319–331.

Zacek J. C. The Russian Bible Society and the Catholic Church / J. C. Zacek // Canadian Slavic Studies. – 1971 (Spring). – Vol. 1. – P. 35–50.

Zacek J. C. The Russian Bible Society and the Russian Orthodox church / J. C. Zacek // Church History. – 1966 (Dec.). – Vol. 35, N 4. – P. 411–437.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Августин (Виноградский), архиепископ Московский 203
Азизова Е. Н. 34, 42, 258
Аксаков С. Т. 55, 179, 203, 287
Акульшин П. В. 238
д'Аламбер Ж. Л. 349
Александр I 5, 9, 11, 12, 20, 24, 25, 26, 28, 29, 32, 34, 35, 38, 39, 43, 44, 45, 47, 50, 52, 54, 55, 56, 57, 59, 63, 64, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 84, 96, 97, 103, 105, 106, 110, 114, 115, 122, 127, 129, 132, 137, 138, 139, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 174, 175, 177, 179, 181, 184, 185, 188, 189, 190, 191, 197, 199, 200, 202, 203, 207, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 217, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 230, 233, 236, 237, 239, 248, 259, 267, 269, 271, 272, 273, 275, 276, 284, 286, 287, 294, 298, 300, 302, 304, 305, 309, 311, 312, 314, 315, 318, 320, 321, 323, 325, 326, 329, 330, 333, 341, 345, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 363, 373, 375, 376, 377, 378, 382, 392, 394, 412, 427, 438, 439, 451, 452, 453, 457, 462
Александр II 111
Александра Павловна, вел. кн. 152
Александра Фёдоровна, вел. кн. 210
Алексей Михайлович, царь 339, 341, 385
Альтшуллер М. Г. 31, 33, 38, 40, 67, 91, 92, 93, 94, 95, 98, 132, 134, 166, 187, 367, 368, 369, 374, 376, 382
Амвросий (Подобедов), митрополит Санкт-Петербургский 24, 132
Аникита, иеромонах 10, 127
см. также Ширинский-Шихматов С. А. (Шахматов С. А.)
Антоновский М. И. 67, 94
Анфим, иеромонах 21, 230, 237
Аракчеев А. А. 5, 18, 20, 25, 29, 31, 34, 47, 48, 53, 54, 105, 110, 123, 172, 174, 178, 181, 182, 207, 208, 209, 210, 213, 214, 218, 219, 263, 265, 279, 284, 295, 299, 304, 305, 306, 308, 314, 315, 319, 320, 321, 323, 362, 414, 450, 453, 462
Арендт Э. М 178, 179
Аристотель 248
Арсений (Мацеевич) 440
Арсеньев К. И. 262, 263, 264
Астафьев Н. А. 28
Афанасий Великий, святитель, архиепископ Александрийский 249

Баадер Ф. фон 60, 211, 236
Багратион П. И. 111, 148, 151, 191, 193
Баженов В. Я. 252
Балашов А. Д. 111, 138, 181, 182, 192, 285
Балугьянский М. А. 257, 262, 264
Бантыш-Каменский Д. Н. 10, 125
Барклай де Толли М. Б. 170, 181, 182, 191, 193, 196, 197, 208
Баррюэль О. де, аббат 349, 350, 351
Барсов Н. И. 56
Барсуков Н. П. 337
Бартенев Ю. Н. 54, 223
Батюшков К. Н. 121, 151
Бебер И. В. 298
Безбородко А. А. 100
Бекетов П. П. 118
Беклешов А. А. 69
Беленький И. Л. 57
Белинсгаузен 243
Бем Я. 283
Беннингсен Л. Л. 113
Бенц Э. 43
Бернадот Ж.-Б.-Ж. 170
Бестужев-Рюмин К. Н. 16, 17, 337
Бёме Я. 270
Бёрк Э. 46, 58, 160, 392
Блудов Д. Н. 164, 165, 216, 232
Блэк Дж. Л. 43
Богатырев С. А. 111
Богданович П. И. 249
Богданович И. П. 113
Богданович М. И. 24, 25
Богданович П. Н. 111, 305
Богоявленский С. К. 20, 147, 148
Божерянов И. Н. 20, 150, 151, 174, 176, 177, 352
Бокова В. М. 42, 62, 64, 114, 120, 167, 180, 210, 212, 259, 267, 273, 338, 393
Боленко К. Г. 91, 441, 442
Бологовский Д. Н. 170
Болтин И. Н. 360
Болховитинов Е. А., епископ Евгений 125, 132, 134, 143, 272, 310, 326
Бональд Л. де 60, 212
Бонне Ш. 81
Борисевич А. Т. 20
Бортнянский Д. С. 129
Боссюэт Ж. Б. 252
Боханов А. Н. 278
Бочкарев В. Н. 29, 46, 65, 88, 90, 110, 145, 146
Брадке Е. Ф. фон 210
Брачев В. С. 355, 360
Бриллиант С. М. 16
Булгаков А. Я. 55
Булгарин Ф. В. 210
Булгарис Е. 228
Булич Н. Н. 17, 21, 27, 28, 29, 97, 128, 150, 198, 210
Бунина 134
Бутурлин Д. П. 9
Бушуев С. К. 30
Бюргер А. И. 435

Валез де, граф 281
Валицкий А. 43, 44, 45
Вальденберг Н. К. 16
Василий (Глаголев), дьячок 295
Василий Великий, святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской 249
Василий Иванович, вел. кн. 99
Василий Михайлович, вел. кн. 91
Васильчиков А. А. 51, 145, 425, 426
Ватсон Р. 328
Вацуро В. Э. 14, 145
Вейсгаупт А. 349, 438
Верещагин М. Н. 47, 198, 199, 200
Вигель Ф. Ф. 56, 121
Виктор Эммануил I 169
Вилламов Г. И. 178
Вильсон Р. 201

35. Заказ 1050

Витберг А. Л. 55
Витберг Ф. А. 16
Вишленкова Е. А. 38, 39, 40, 108, 141, 142, 170, 238, 242, 245, 270, 272, 274, 283, 359, 361, 456, 457
Вишневский В. П. 262
Владимир Мономах 250
Владимир Святой 278
Владимирский А. П. 247
Воейков А. В. 170, 216
Волконский П. М. 305
Володина Т. А. 33, 115, 460
Володихин Д. М. 37
Вольтер 59, 81, 240, 244, 349
Воронцов А. Р. 69
Воронцов С. Р. 100, 143
Востоков А. Х. 134
Вяземский П. А. 68, 105, 121, 164, 179, 180, 200, 204, 214, 216, 336, 410
Вяземские 177
Вязмитинов С. К. 71, 72, 111, 126, 128, 132

Галахов А. Д. 26, 27, 28, 65, 66, 67, 118, 121, 122, 123, 194, 271, 366, 373, 374, 375
Галинковский Я. А. 121
Галич А. И. 261, 262, 263, 264
Галковский Д. 3
Галлер К. Л. фон 435
Гамалея С. И. 359
Гаман И. Г. 435
Ганелин Р. Ш. 149
Гаспаров Б. М. 279, 369, 370, 376
Гауеншильд Ф. М. 141
Гевлич А. П. 232
Гельвеций К. А. 449
Генне, аббат 286
Герасим (Князев), архимандрит, настоятель московского Симонова монастыря 284
Гердер И. Г. 59, 81, 376
Герман К. Ф. 262, 263, 264
Гермоген, патриарх Московский 113, 118, 136
Гессен Ю. 16
Гёте И. В. 356
Гёце П. П. фон 55
Гильтебрандт П. 28
Гирц К. 39, 45
Гладков И. В. 284
Гладкой И. В. 309, 310
Глазева А. С. 34, 295
Глинка В. С. 48, 204
Глинка С. Н. 5, 9, 10, 19, 20, 26, 31, 33, 35, 43, 44, 45, 47, 48, 51, 54, 57, 64, 68, 94, 110, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 174, 178, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 332, 360, 373, 388, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 449, 450, 451, 452, 453, 459, 460, 463
Глинка Ф. Н. 121, 145, 206
Гнедич Н. И. 125, 126, 129, 134, 151
Гоббс Т. 248
Гогоцкий С. С. 17
Годунов Б. Ф. 216, 408
Голенищев-Кутузов И. Л. 94
Голенищев-Кутузов Л. И. 94
Голенищев-Кутузов П. И. 5, 125, 132, 141, 142, 143, 144, 145, 168, 199, 356, 357, 360, 456
Голицын А. Н. 14, 15, 21, 25, 27, 44, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 113, 125, 132, 134, 214, 217, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 233, 237, 238, 240, 245, 256, 257, 259, 263, 265, 266, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 283, 284, 285, 289, 290, 291, 293, 294, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 310, 311, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 347, 358, 427, 435, 455, 456, 457, 463

Голицын А. Ф. 212
Голицын Б. А. 222
Голицын Б. В. 128
Голицын В. Д. 337
Голицын Н. С. 222
Голицына П. И. 169
Головина В. Н. 169
Гомер 162
Гордин Я. А. 224
Горностаев М. В. 33, 99, 104, 190, 200, 201
Городчанинов Г. Н. 250
Горчаков М. Д. 134
Госснер И.-Е. 298, 310, 311, 312, 313, 315, 317, 318, 320, 321, 322, 323
Госснер И. Н. 24, 53, 223, 311
Грабянка Т. *см. также* Лещиц-Грабянка Т.
Грегуар А. 47
Грегуар Б.-А. 246
Грефе К.-Ф. 262
Греч Н. И. 15, 56, 132, 134, 210, 215, 240, 323
Григорий Богослов (Назианзин), святитель, архиепископ Константинопольский 249
Григорий (Постников), архимандрит 233
Григорьев В. В. 27, 220, 250, 255, 256, 261
Гросул В. Я. 37, 46
Грот Я. К. 15, 16, 17, 25, 79, 81, 89, 90, 129, 132, 165, 395, 397
Гумбольдт В. фон 369
Гурко В. 75
Гурьев Д. А. 304, 305
Гусев В. А. 7
Густав IV Адольф 170
Гюйон Ж. М. 212, 270

Давид 248
Давыдов Д. В. 205
Давыдов И. И. 261
Данилевский Н. Я. 4, 41
Дашков Д. В. 216
Дашкова Е. Р. 94, 113, 121
Дегтярева М. И. 171
Державин Г. Р. 5, 15, 16, 25, 28, 32, 49, 54, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 84, 92, 94, 108, 113, 119, 121, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 134, 139, 150, 151, 215, 218, 249, 250, 288, 362, 394, 395, 396, 397, 462
Державина Д. А. 284, 299
Десницкий В. А. 30, 451
Дибич И. И. 305
Дидро Д. 349, 449
Диктиадис 21, 234, 237
Дионисий 136
Дмитриев И. И. 85, 94–95, 115, 118, 121, 123, 131, 143, 144, 145, 151, 155, 164, 165, 172, 202, 216, 250, 337
Дмитриев М. А. 113, 132, 133, 194, 355, 356
Дмитриевский И. А. 125
Довнар-Запольский М. В. 87, 166, 167, 183, 270, 271, 283, 302, 311, 356, 359
Долбилов Н. Д. 37
Долгорукий М. П. 148
Дризен Н. В. 20
Дружинин Н. М. 392
Дубровин Н. В. 272
Дубровин Н. Ф. 18, 19, 24, 25, 35, 56, 65, 66, 106, 114, 117, 120, 190, 191, 192, 193, 195, 197, 201, 239, 271, 286, 341

Евгений Вюртембергский, принц 148
Евграфова С. М. 369
Евдокимов И. В. 116, 122, 123, 204, 207
Евсевий Кесарийский, римский историк 256

Егерева Т. 59
Екатерина II Великая, имп. 39, 49, 58, 64, 65, 69, 84, 85, 94, 96, 100, 101, 110, 146, 157, 222, 261, 351, 352, 366, 377, 387, 409, 421
Екатерина Павловна, вел. кн. 5, 16, 20, 34, 50, 56, 111, 115, 123, 128, 139, 141, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 164, 165, 167, 168, 170, 174, 175, 176, 177, 178, 189, 191, 213, 215, 351, 352, 450, 452, 459, 462
Елагин Н. В. 10
Елизавета Алексеевна, имп. 26, 51, 64, 123, 139, 143, 147, 148, 213, 228, 229
Ельницкий А. 18, 105
Ермашов Д. В. 80
Еропкин П. Ф. 113
Ефимов А. Е. 30

Жаринов Д. А. 18, 19
Живов В. М. 42, 376, 381
Жихарев С. П. 54, 99, 107, 118, 126, 127, 132, 133, 138
Жмакин В. И. 24
Жуковская Т. Н. 228, 458
Жуковский В. А. 151, 216, 227, 231
Забелин И. Е. 332
Завадовский П. В. 131, 132
Завитневич В. З. 17
Загоскин Н. П. 21, 27
Замотин И. И. 20
Занд К. 235, 236
Западов А. В. 30, 128
Захаров И. С. 126, 131
Зачек Д. К. 44
Здравомыслов К. Я. 24
Злобин К. В. 170
Зорин А. Л. 38, 39, 46, 93, 94, 140, 150, 224, 350, 351, 369, 377, 383
Зотов Н. 118
Зубов В., граф 75, 76
Зябловский Е. Ф. 261

Иван Калита (Калита Иван Данилович), кн. Московский 156, 333
Иван IV (Грозный) 72, 157, 335
Иванов П. И. 15
Иконников В. С. 16, 78
Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический 132
Иннокентий (Смирнов), архимандрит, епископ Пензенский и Саратовский 5, 15, 24, 220, 232, 274, 284, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 455, 462
Иоаким (Кочетов), протоиерей 310
Иоанн Златоуст, святитель, архиепископ Константинопольский 249
Иона (Павинский), архиепископ Тверской 323
Искра Л. М. 2, 8
Искюль С. Н. 149, 150
Итенберг Б. С. 37
Йена Д. 139, 140, 146, 149, 175

Кавелин Д. А. 247
Каганович Б. С. 107, 132, 270
Казаков Р. Б. 397, 399, 400, 410
Кайгородов В. 20
Калайдович К. Ф. 204
Калачов Н. В. 17, 340
Калиф И. 31
Кампе И. Г. 93, 94
Кандауров Т. 207
Канкрин Е. Ф. 305, 422
Кант И. 81
Капнист В. В. 129, 132, 134
Каподистрия И. А. 55, 229, 230, 234

Карабанов П. Н. 125
Карамзин Н. М. 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 22, 25, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 42, 44, 49, 54, 55, 56, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 104, 108, 110, 113, 115, 118, 128, 132, 133, 138, 141, 143, 144, 146, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 171, 172, 175, 193, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 231, 232, 234, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 344, 355, 360, 361, 362, 365, 372, 374, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 384, 385, 386, 387, 397, 398, 399, 400, 408, 409, 410, 417, 420, 449, 450, 451, 454, 459, 460, 462
Карамзина Е. А. 104, 217
Карамзины 177
Карнеев Е. В. 246
Карнеев З. Я. 357
Карнович Е. П. 15, 21, 23, 299, 305
Карнович Е. Р. 269
Карпачёв М. Д. 2, 8
Катков М. Н. 31
Качановский М. Т. 123
Керенский А. Ф. 355
Кизеветтер А. А. 15, 17, 19, 20, 25
Кикин П. А. 126, 132, 284, 287, 291, 292, 293
Кипренский О. А. 151
Кирилл Константинопольский, патриарх 232
Киселев П. Д. 392
Киселева Л. Н. 31, 56, 127, 128, 133
Китаев В. А. 33, 80, 82, 164, 167, 337, 338, 384
Клиер Дж. 76, 77, 78
Ключарев Ф. П. 47, 198, 199, 258
Ключарев, сын почт-директора Ключарева Ф. П. 198
Ключевский В. О. 28, 84
Кнорринг О. Ф. 197
Княжнин Я. Б. 121
Козлов С. А. 392, 407
Козлов-Угринин 204
Козодавлев О. П. 123, 132
Койре А. 460
Коленкур А. де 122, 14, 152
Комаровский Е. Ф. 182
Кондаков Ю. Е. 5, 34, 38, 39, 55, 221, 224, 238, 258, 275, 276, 278, 285, 286, 287, 289, 291, 292, 293, 296, 299, 300, 302, 303, 310, 311, 321
Константин Павлович, вел. кн. 151, 154, 217, 222, 353
Коркунов Н. М. 16
Корнеев З. Я. 323
Корнилов А. А. 15
Коровин В. И. 365
Костырченко Г. В. 31
Коцебу А. 235, 236
Кочеткова Н. Д. 84, 342
Кочубей В. П. 72, 73, 75, 107, 304
Кочубинский А. А. 18
Кошелев Р. А. 223, 224, 225, 272, 298, 303, 312, 314, 318, 322, 323
Кромвель О. 338
Крылов И. А. 19, 95, 125, 126, 130, 131, 134, 135
Крюденер В. Ю. (Крюднер) 24, 210, 223, 229, 281, 282, 298, 300, 318
Крюденер Ю. 212
Кульман Н. К. 356, 361
Куницын А. П. 259, 260, 261, 264, 436
Куракин А. Б. 148, 151
Кутайсов И. П. 101
Кутузов М. И. (Смоленский) 19, 94, 158, 178, 182, 183, 184, 185, 191, 193, 196, 197
Кюхельбекер В. К. 451

Лабзин А. Ф. 24, 26, 27, 94, 126, 131, 168, 221, 270, 271, 283, 289, 290, 298, 304, 318, 323, 351, 356, 358, 360, 456
Лабрюер 127
Лагарп Ф. С. де 412
Лажечников И. И. 55, 250, 251, 255, 256
Лазарев 243
Ламенне 212
Лангле-дю-Френуа Н. 252
Ланской В. С. 320
Ларошфуко Ф. 127
Лафатер И. К. 81, 225
Леферонне 111
Лефорт Ф. Я. 385
Лещиц-Грабянка Т. 351
Леонтьев К. Н. 4, 313, 462
Ливен Д. Х. 146, 228
Ливен К. А., кн. 52
Ливен Ш. К. 303
Лилеев М. 29
Линдль И. 24, 223, 298, 300, 318, 323
Линниченко И. А. 17
Лобачевский Н. И. 242, 243
Лодий П. Д. 261, 262
Ломоносов М. В. 92, 113, 216, 249, 250, 370, 373
Лонгинов М. Н. 18, 25, 26, 132, 133, 134, 143
Лопухина А. П. 101
Лотман Ю. М. 11, 12, 14, 31, 33, 35, 80, 86, 87, 371, 372, 376, 384
Лубкин А. С. 261
Лубяновский Ф. П. 151, 152, 170, 351
Лупарева Н. Н. 33, 43, 115, 388
Ляликов Ф. 47
Лямина Е. 188, 189, 228

Магницкий М. Л. 5, 21, 22, 27, 34, 47, 51, 52, 54, 55, 57, 132, 133, 141, 169, 170, 220, 224, 235, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 264, 265, 284, 306, 308, 311, 312, 313, 315, 324, 325, 326, 338, 340, 341, 345, 346, 353, 354, 361, 427, 432, 433, 434, 435, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 445, 446, 449, 450, 454, 462
Майков П. М. 47, 190, 193, 196
Майофис М. 42, 58, 82, 231, 261, 278, 372, 426
Макаров П. И. 125, 365
Макиавелли Н. 248
Манхейм К. 7, 45
Марат Ж.-П. 260
Марголис Ю. Д. 458
Мария Павловна, вел. кн. 213
Мария Фёдоровна, имп. 5, 20, 101, 123, 129, 132, 139, 140, 143, 146, 149, 154, 170, 174, 178, 213, 303, 304, 310, 387, 462–463
Марков А. И. 113
Марней Л. П. 393
Мартен С. 283
Мартин А. 29, 35, 44, 45, 46, 82, 93, 94, 95, 114, 123, 181, 208, 231, 365, 373, 375, 376, 377
Мартынов И. И. 125
Мацеевич Л. С. 55
Мельгунов С. П. 19, 20, 24, 29, 105, 146, 147, 153, 168, 174, 189
Мендельсон Н. М. 19, 20
Меншиков А. Д. 113
Мерзляков А. Ф. 122
Местр Ж. де 5, 6, 18, 30, 34, 40, 46, 51, 56, 58, 59, 60, 107, 108, 130, 132, 138, 142, 150, 151, 160, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 212, 213, 226, 227, 228, 229, 278, 281, 339, 350, 351, 362, 363, 366, 383, 384,

389, 391, 392, 393, 394, 424, 425, 426, 429, 449
Меттерних К. В. Л. 177, 235
Мешков П. 198
Мещерская С. С. 284, 294
Мещерский П. С. 276, 277, 284, 294
Мещерский С. П. 288
Мещерякова А. О. 33, 42, 99, 100, 113, 195, 201, 352
Милорадович М. А. 304
Минаева Н. В. 64
Минаков А. Ю. 7, 33, 37, 62, 115, 239, 342, 354, 417, 430, 435, 451, 452, 458
Минкина Н. 214
Минин К. М. 105, 113, 118, 136
Мироненко С. В. 392
Миропольский С. И. 23, 24, 25, 297, 298, 299, 304
Михаил (Десницкий), епископ Старорусский и Черниговский, митрополит Санкт-Петербургский, архиепископ 24, 125, 233, 274, 288, 289, 291, 293, 294, 295, 298, 300, 361
Михаил (Романов) 385
Михайловский-Данилевский А. И. 9
Модзалевский Б. Л. 24
Моисей 248
Монтескьё Ш. Л. 59, 81, 449
Мордвинов И. П. 29
Мордвинов Н. С. 131, 134, 135, 137, 263
Мордовченко Н. И. 124, 125
Морозов П. Т. 55, 246, 338, 432, 433
Морошкин И. 23
Морошкин М. Я. 18, 53, 103, 105, 108, 110, 169, 298
Морошкин Я. Л. 56
Муравьёв М. Н. 90, 125
Муравьёв Н. М. 337
Мусин-Пушкин А. И. 132, 151, 152
Мусихин Г. И. 7, 460
Муханова М. С. 149
Мюллер А. 60

Надлер В. К. 28, 174, 184, 201, 205, 212, 229, 230, 363
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 9, 19, 78, 105, 109, 111, 112, 116, 122, 123, 124, 126, 136, 138, 139, 148, 149, 150, 152, 158, 159, 162, 168, 174, 180, 181, 182, 183, 186, 190, 198, 201, 204, 205, 209, 231, 271, 338, 352, 405, 438, 453, 460
Нарбут Ю. О. 93
Нартов А. А. 97, 99, 188
Нарышкин А. Л. 123
Наталья Кирилловна 118
Невзоров М. И. 27, 356, 361
Неводчиков Н., священник 55, 232, 238
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 113, 151
Нелидова Е. И. 101
Николай Михайлович, вел. кн. 20, 24, 25, 35, 56, 147, 151, 175, 184, 208, 209, 224, 225, 300, 453
Николай Павлович, вел. кн. 217, 262
Николай I 5, 10, 13, 34, 35, 54, 166, 224, 272, 330, 340, 392, 407, 417, 420, 449, 463
Николаев Н. П. 250
Никольский Г. Б. 243, 251
Новиков Н. И. 27, 80, 121, 140, 168, 199, 271, 280, 355, 360
Новосильцев Н. Н. 125, 132, 167, 337
Ноткин Н. Х. 75, 76

Оболенский А. П. 323
Оболенский В. П. 176

Обрезков А. Ф. 366
Овчинников Г. Д. 50, 193, 194
Озеров В. А. 132
Оленин А. Н. 131, 134, 179, 188, 304
Ольденбургский П. Ф. Г., герцог (принц Гольштейн-Ольденбургский) 141, 148, 149, 150, 152, 170, 177
Ольховский Е. Р. 228
Орлов Г. Г. 113
Орлова-Чесменская А. А. 5, 10, 23, 56, 284, 288, 296, 299, 302, 304, 321, 325, 462
Остен-Сакен Х. И. 136

Павел, апостол 248
Павел I 35, 65, 69, 73, 96, 101, 102, 103, 111, 148, 152, 157, 183, 207, 335, 349, 352, 458
Павел Петрович, вел. кн. 95–96, 100, 101
Павлов А. А. 53, 284, 309
Павловский М. К. 55
Пайпс Р. 9, 44, 45, 167, 331
Пален П. А. 103
Палицын Н. А. 18, 136
Пальмин М. А. 251
Панаев В. И. 15, 55
Панин Н. П. 113
Панин П. 15
Парсамов В. С. 34, 38, 40, 50, 108, 227, 230, 231, 236, 384, 389, 393, 394, 450
Патерсон Дж. 323
Перекусихина М. С. 222
Перетц А. 76, 77
Персиани И. Э. 233
Петерсон Д. 226
Петр I (Великий) 48, 58, 59, 64, 93, 104, 115, 118, 119, 136, 157, 216, 343, 360, 376, 383, 384, 385, 386, 387, 419, 449, 458, 461
Петров М. Н. 302
Петров Ф. А. 42, 219, 221, 243, 246, 257, 258, 261, 262, 264, 265, 428
Пивоваров Ю. С. 332
Писарев Д. И. 126
Платон 248
Платон (Левшин), митрополит Московский 113, 295
Плисов, проф. 264
Победоносцев К. П. 4, 31
Погодин М. П. 10, 16, 25, 54, 84, 85, 87, 88, 90, 115, 123, 138, 143, 144, 145, 153, 154, 155, 164, 165, 166, 213, 214, 215, 216, 217, 331, 332, 337, 340, 384
Пожарский Д. М. 105, 113, 118, 136
Поздеев И. А. 5, 53, 141, 142, 356, 357, 358, 390, 391, 411, 427, 456
Познанский В. В. 64
Покровский К. В. 19
Покровский М. Н. 154
Полевой Н. А. 55
Поликарп Иерусалимский 232
Полторацкий Д. М. 104
Пономарев С. И. 29
Попов А. Н. 25, 110, 192
Попов В. М. 219, 246, 273, 303, 323
Попов В. П. 219
Попов В. С. 132
Попов К. 23, 275
Попов Н. А. 21, 246, 250, 253
Потёмкин Г. А. 38
Потоцкий С. О. 71, 72, 75, 79
Предтеченский А. В. 32, 64, 110, 148, 170, 353, 392, 412
Проскурин О. 366, 370
Протасова А. С. 100
Протасова Е. П. 100
Пустарнаков В. Ф. 35, 36
Пушкин А. С. 3, 214, 215, 216, 279, 302

Пушкин Е. А. 146, 153, 175, 176
Пыпин А. Н. 11, 12, 13, 14, 15, 17, 27, 28, 29, 35, 67, 68, 167, 269, 270, 271, 274, 275, 281, 282, 285, 294, 305, 326, 374
Пятковский А. П. 28

Радищев А. Н. 3, 95
Радлов К. Ф. 262
Раев М. 44
Разумовский А. К. 18, 51, 107, 131, 142, 143, 144, 145, 169, 219, 425, 444
Ратч В. Ф. 79
Раупах Э. В. С. 262, 263, 264
Рахшмир П. Ю. 37
Репников А. В. 7, 36, 38, 41, 313
Ржевский А. В. 262
Рижский И. С. 125
Рихтер Ж.-П. 435
Робайсон Д. 351
Родионов Д. К. 55
Рожанковская И. И. 104, 166, 177, 178, 191, 193
Рождественский С. В. 27, 96, 97, 245, 248, 261, 265, 266, 276, 277, 445
Роллень (Роллен) Ш. 252
Росси К. де 151, 362
Ростопча Б. Д. 99
Ростопчин Ф. В. 5, 9, 18, 19, 20, 25, 26, 28, 33, 39, 42, 43, 44, 45, 47, 50, 54, 55, 56, 68, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117–118, 120, 121, 123, 124, 132, 142, 151, 152, 153, 166, 168, 169, 170, 172, 174, 176, 178, 184, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 219, 285, 346, 351, 352, 360, 361, 362, 381, 389, 390, 397, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 449, 450, 451, 452, 453, 458, 459, 460, 461, 462
Румянцев Н. П. 18, 171, 229, 389
Румянцев П. А. 113, 197
Румянцев С. П. 395
Рунич Д. П. 5, 27, 34, 42, 48, 52, 54, 55, 123, 220, 225, 226, 246, 258, 259, 260, 261, 264, 265, 303, 357, 358, 360, 361, 421, 427, 428, 431, 432, 450, 458, 462
Рунич П. С. 258, 262, 263, 323, 449
Рункевич С. Г. 23
Руссо Ж.-Ж. 59, 85, 86, 93, 94, 145, 260, 383, 393, 449
Рылеев К. Ф. 337
Рязановский Н. 43, 44

Сапченко Л. А. 11, 54
Сафонов М. М. 64, 69
Сахаров В. И. 280, 355
Сведенборг Э. 225
Свербеев Д. Н. 55, 56
Северин Д. П. 227
Семевский В. И. 28, 353, 392
Сен-Мартен Л. К. де 225
Сент-Эньян Э. 110
Сера-Каприола А. де (Серра-де-Каприола, дюк Антонио Мореско д'Оннорио) 126
Серафим (Глаголевский), митрополит 5, 15, 24, 34, 219, 284, 288, 295, 300, 302, 303, 310, 311, 313, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 330, 455, 463
Сербинович К. С. 143, 164, 340
Сергеев С. М. 8
Серков А. И. 142, 199, 357, 361, 362
Сестренцевич-Богуш С. 125, 132, 274

Сивков К. 20
Сийес Э.-Ж. 144
Симонов И. М. 243
Скабичевский А. М. 274
Скабичевский А. П. 28, 143, 244, 247, 255, 259, 260, 262
Слезкинский А. 23
Смирнов А. В. 18
Смирнов С. И. 5, 15, 282, 284, 286, 287, 288, 289, 291, 463
Смит Э. Д. 45, 351
Снегирев И. М. 366
Соколовская Т. О. 349, 353, 355, 357, 358, 359, 360, 361
Соловьев В. С. 227
Соловьев, проф. 262
Соломон 248
Сперанский М. М. 3, 17, 20, 22, 40, 47, 59, 76, 77, 97, 103, 124, 126, 132, 133, 137, 141, 142, 143, 147, 153, 165, 166, 169, 170, 171, 172, 173, 188, 209, 224, 239, 240, 273, 280, 323, 340, 352, 355, 451, 452, 453, 454, 457, 459
Срезневский И. Е. 245
Сталин И. В. 31
Станевич Е. И. 5, 15, 283, 284, 291, 292, 294, 463
Стединг Б.-Л.-Х. 147
Стеллецкий Н. С. 21, 25
Степанов В. Л. 41
Степанов М. (Шебунин А. Н.) 30, 166, 169, 171
Стоюнин В. Я. 18, 25, 91, 365
Строганова С. В. 130
Строгановы 107
Стройновский В. Б. 50, 405, 406
Струков Д. П. 20
Стурдза А. С. 5, 21, 34, 40, 44, 45, 48, 51, 54, 55, 56, 57, 125, 131, 133, 179, 188, 214, 216, 220, 222, 223, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 248, 259, 263, 264, 265, 270, 271, 272, 276, 277, 283, 284, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 324, 325, 337, 338, 342, 358, 361, 373, 384, 388, 409, 415, 416, 418, 419, 427, 428, 430, 431, 435, 436, 437, 441, 442, 445, 449, 450, 463
Стурдза Р. С. 44, 228, 229, 230, 268
Суворов А. В. 19, 67, 100, 101, 113, 183, 460
Сумароков А. П. 92, 113, 250
Сухомлинов М. И. 27, 28, 52, 53, 122, 220, 235, 236, 237, 247, 250, 251, 252, 255, 256, 260, 261, 263, 264, 271, 281, 284, 390, 433, 446
Сухонин П. П. 10
Сушков Н. В. 15, 24, 289, 292, 294, 295, 301

Талейран Ш. М. 110, 149, 169, 438
Тарле Е. В. 30, 181, 201
Тартаковский А. Г. 196
Татаринова Е. Ф. 219, 223, 298, 318, 323
Твардовская В. А. 37
Теребенев И. И. 112
Терещенко А. В. 10
Тимковский И. О. 323
Титов А. 54
Тихомиров Л. А. 4
Тихонравов Н. С. 18, 19, 68, 99, 103, 104, 111, 113, 114, 118, 120, 195
Токвиль А. Д. 46
Толстая П. А. 284
Толстой Н. А. 107, 171
Толстой П. А. 107
Томара В. С. 107
Тормасов А. П. 126, 200
Троицкий В. 18
Троицкий Н. А. 201

Трощинский Д. П. 69
Трубецкой А. В. 136
Трубецкой Н. С. 371
Тургенев А. И. 219, 273, 302, 303, 323
Тургенев А. М. 66
Тынянов Ю. Н. 30, 376, 451

Уваров С. С. 4, 35, 39, 107, 132, 214, 216, 258, 261, 264, 265, 330, 342, 346, 409, 449, 454
Уваров Ф. П. 284, 309, 314
Улыбин В. В. 52, 296
Уолкер Ф. 44
Уортман Р. 35, 45
Успенский Б. А. 31, 372, 376

Фаджионатто Р. 221, 224, 358
Файнштейн М. Ш. 91, 93, 97, 124, 125
Федоров Б. М. 10, 123, 206, 422
Федоров В. А. 209, 453
Фенелон Ф. С. 270
Феодосий (Левицкий) 323
Феокрит 162
Феоктист, архиепископ Белгородский и Курский 125
Феоктистов Е. М. 21, 22, 235, 241, 242, 245, 250, 254, 256, 260, 433, 434, 435
Феотокис Н. 228
Феофан (Прокопович), архиепископ 113
Феофил, архимандрит Одесский 323
Феофилакт (Лопатинский), епископ Тверской 440
Ферранд Дж. 252
Фесслер И. А. 141, 142, 169, 170
Фесслер И.-Л. 298, 318, 322, 323
Филарет (Амфитеатров), архиепископ Казанский и Рязанский 310
Филарет (Дроздов), митрополит Московский 26, 54, 55, 113, 217, 223, 232, 238, 274, 288, 289, 293, 294, 295, 296, 297, 301, 311, 361, 447
Филарет (Романов), патриарх Московский 136
Философов М. М. 132, 137
Фишман Д. 76
Флери К. 252
Флинн Д. 43
Фовель С. А. 80
Фома Кемпийский 255
Фонвизин Д. И. 121
Фортунатов Ф. Н. 22
Фотий (Спасский), архимандрит 5, 15, 18, 23, 24, 25, 29, 34, 38, 52, 54, 55, 56, 132, 219, 220, 223, 224, 267, 268, 269, 275, 276, 279, 280, 284, 285, 286, 287, 292, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 346, 347, 348, 378, 379, 380, 455, 456, 462
Франк И. 75
Франц, имп. австрийский 148
Фридрих Вильгельм I Бранденбургский 198
Фридрих II, король Прусский 349
Фукс К. Ф. 252

Хантингтон С. 46
Хвостов А. С. 126, 131, 135
Хвостов Д. И. 131, 135, 143
Хвостова А. П. 240
Хемницер И. И. 249
Херасков М. М. 113
Хитрово А. А. 222
Хобсбаум Э. 373
Холодковский В. М. 201

Цамутали А. Н. 14, 35, 281
Цимбаева Е. Н. 108
Цицианов П. Д. 56, 103, 105, 397

Чарторыйский А. А. (Чарторыский А. Е.) 75, 79
Чеботарев Х. А. 199
Чернавский М. Ю. 7
Чернышевский Н. Г. 11
Чиж В. Г. 23
Чижов Д. С. 262
Чичагов П. В. 228
Чингизхан 99
Чистович И. А. 15, 28, 277, 281, 283, 289, 324, 325, 326, 330
Чичагов П. В. 56, 97, 107
Чумиков А. А. 21
Чумиков П. А. 21

Шаден И. М. 80
Шаликов П. И. 121
Шапошник В. В. 332
Шатобриан 286
Шатров Н. М. 121
Шаховской А. А. 113, 125, 132, 134, 135, 216
Шацилло К. Р. 37
Шацилло М. К. 393
Шацкий Е. 45
Шварц И. Г. 27
Шебунин А. Н. 30, 48, 107, 132, 212, 228, 231, 270, 278, 282, 349, 350, 429
Шеллинг Ф. В. Й. фон 434
Шелохаев В. В. 8, 41
Шельтинг Д. А. 93
Шениг Н. И. 55
Шилов Д. Н. 57
Шиллер Ф. 356
Шильдер Н. К. 15, 16, 24, 32, 35, 69, 97, 138, 166, 168, 170, 171, 189, 190, 197, 200, 209, 210, 214, 239, 276, 304
Ширинский-Шихматов П. А. 53, 132, 140, 284, 307, 308
Ширинский-Шихматов С. А. (Шахматов С. А.) 10, 125, 126, 127, 131, 132, 134, 284, 289, 290, 291, 293 *см. также* Аникита, иеромонах
Ширинянц А. А. 80
Шишка М. В. 91
Шишков А. С. 5, 9, 10, 15, 17, 18, 19, 25, 26, 28, 30, 31, 33, 35, 39, 44, 45, 47, 49, 50, 53, 54, 55, 56, 57, 63, 64, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 108, 109, 111, 112, 113, 118, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 143, 145, 151, 166, 171, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 202, 203, 215, 216, 218, 219, 228, 229, 263, 265, 266, 269, 279, 280, 284, 285, 287, 292, 293, 299, 306, 307, 308, 320, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 344, 345, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 381, 382, 387, 411, 412, 413, 414, 421, 424, 427, 429, 441, 442, 443, 444, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 454, 458, 459, 460, 461, 463
Шишков В. Г. 91
Шишков Г. Ю. 91
Шишков И. В. 91
Шишков Л. И. 94
Шишков П. И. 94
Шишков С. 91
Шишков Ю. Л. 91
Шишкова П. Н. 91
Шницлер И. 19, 20
Штейн Г. Ф. К. фон 151, 178, 363
Шуазель-Гуфье С. 149

Шуйский А. Б. 113
Шумигорский Е. С. 20

Щебальский П. К. 17, 18, 53, 96, 98, 99, 138, 182, 183, 210, 219, 269, 297, 387
Щербатов М. М. 4, 8, 33, 36, 58, 80, 95, 360, 460
Щербатова М. Ф. 303

Эймонтова Р. Г. 37
Эккартсгаузен К. фон 24, 223, 225, 270, 283, 286
Эмпетайз А.-Л. 212
Эткинд А. 221, 270, 271, 310

Юнг-Штиллинг И. Г. 24, 212, 223, 230, 270, 283, 286, 351
Юстиниан, имп. 345

Якушкин В. Е. 20
Янкович-де-Мириево Ф. И. 261
Ячменихин К. М. 34, 207, 415

Benz E. 43
Black J. L. 44

Cross A. D. 31

Fluynn J. T. 44

Martin A. 29, 44, 63, 82, 93, 94, 104, 114, 124, 140, 151, 168, 208, 209, 365, 376

Pipes R. 44

Riasanovsky N. 43

Walicki A. 43
Walker A. 44

Zacek J. 44

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Проблемы историографии и источниковедения 9

Глава 2. Зарождение русского консерватизма (1801–1807 гг.) 58

Глава 3. Политическая роль консерваторов в 1807 – начале 1812 года 109

Глава 4. Звездный час «русской партии» (1812–1814 гг.) 174

Глава 5. Завершающий этап становления русского консерватизма (1815–1825 гг.) 211

Глава 6. Деятельность «православной партии» в 1816–1825 годах 267

Глава 7. Общественно-политические взгляды русских консерваторов первой четверти XIX века 331

§ 1. Взгляды русских консерваторов первой четверти XIX века на сущность и природу самодержавия 331

§ 2. Правовые воззрения русских консерваторов. Идея «русского права» 339

§ 3. Православие в системе взглядов русских консерваторов 342

§ 4. Консерватизм и масонство. Феномен правового масонства 348

§ 5. Идейно-политическое содержание споров о языке между «шишковистами» и «карамзинистами» 362

§ 6. Национализм и консерватизм 376

§ 7. Пётр I в оценках русских консерваторов 383

§ 8. Проблема свобод и гражданских прав в идеологии русского консерватизма. Оправдание принципа сословности 389

§ 9. Крестьянский вопрос в освещении русских консерваторов 392

§ 10. Проблема промышленного развития во взглядах русских консерваторов 417

§ 11. Консервативный проект в области образования и науки ... 424
§ 12. Влияние консерваторов на цензурную политику ... 443
Заключение ... 450
Библиографический список ... 464
Именной указатель ... 544

Научное издание

Минаков Аркадий Юрьевич

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Монография

Редактор *З. С. Фоменко*
Художественный редактор *Е. В. Жеребцова*
Электронная верстка *Л. О. Мещеряковой*
Корректоры *Г. И. Старухина, М. Г. Щигрёва*

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60×90/16
Уч.-изд. л. 35,9. Усл. п. л. 35,0. Тираж 1000 экз. Заказ 1050

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3